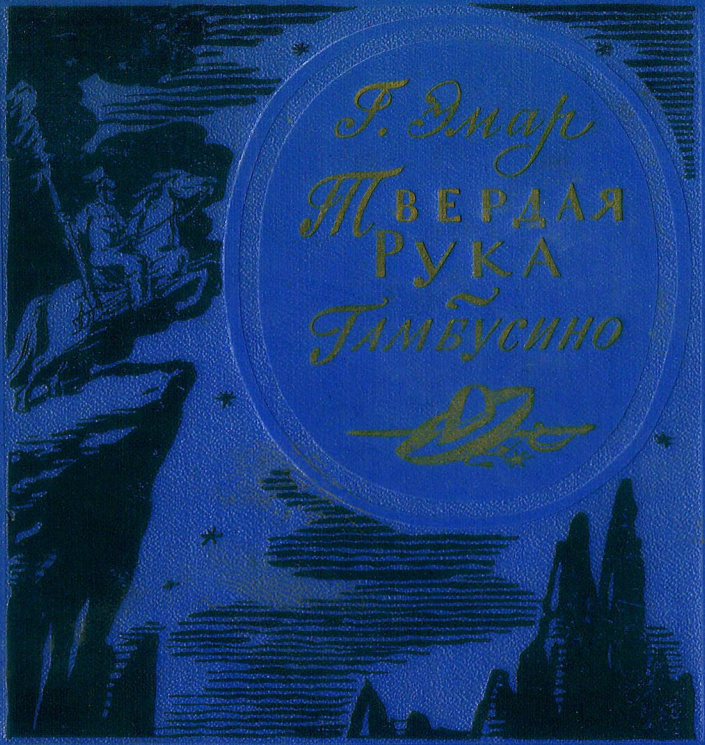


Р. Эмар

Твердая рука

Гамбусино

Библиотека приключений

ДЕТГИЗ · 1958

Твердая рука. Гамбусино
Густав Эмар

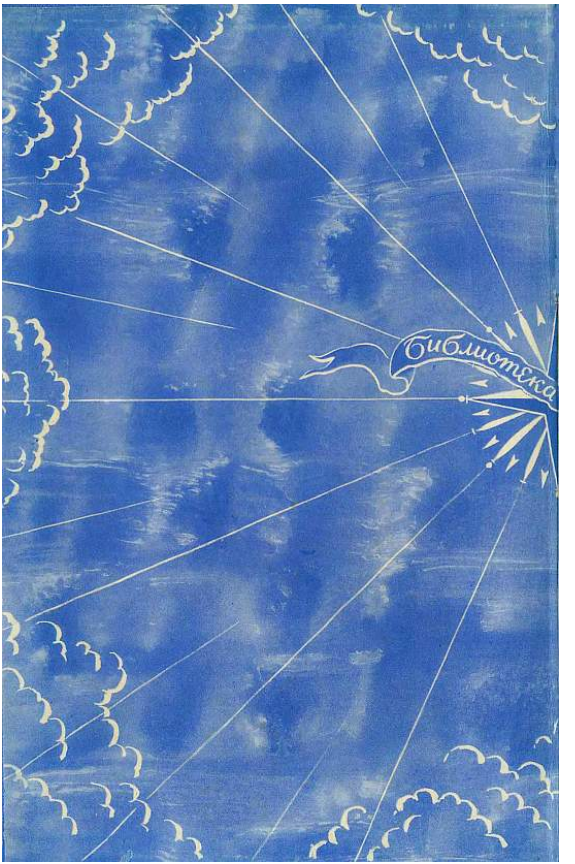
Аннотация
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ. Том 14. Густав Эмар. ТВЕРДАЯ РУКА. ГАМБУСИНО
ТВЕРДАЯ РУКА
I. Выстрел
II. В прерии
III. Бивак
IV. Сторожевой форт Сан-Мигель
V. Пребывание в форте
VI. Из прошлого одного семейства
VII. Семейный суд
VIII. Два брата
IX. Появление новой особы
X. Дон Хосе Паредес
XI. В пути
XII. Ночная беседа
XIII. Лагерь рудокопов
XIV. Сделка
XV. Папагосы
XVI. Атепетль
XVII. Совет сашемов
XVIII. Совет сашемов. (продолжение)

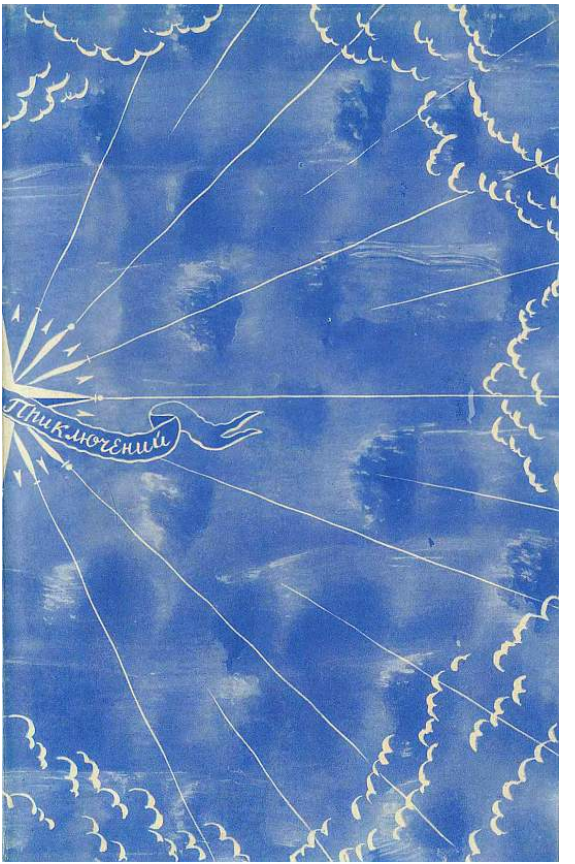
XIX. Ранчо
XX. Заблудилась
XXI. Твердая Рука
XXII. Возвращение
XXIII. Случай
XXIV. Отец и сын
XXV. Топор
XXVI. Бледнолицые
XXVII. Тяжелые известия
XXVIII. Тигреро
XXIX. Путешествие
XXX. Лагерь охотников
XXXI. Легенда
XXXII. Кидд появляется вновь
XXXIII. Очередное предательство Кидда
XXXIV. Два типа отъявленных негодяев
XXXV. Полюбовная сделка
XXXVI. Асиенда дель Торо
XXXVII. Парк
XXXVIII. Штурм Квитовака
XXXIX. Убийца изобличен
XL. Похороны сашема
ГАМБУСИНО
I. Мексика с птичьего полета
II. Студент-богослов
III. Энкарнасион Ортис

IV. Донья Линда
V. Экспедиция
VI. Как заряжается мина
VII. Проповедь в Пасо-дель-Норте
VIII. Неожиданное нападение
IX. Квадрилья
X. Гонец
XI. Столкновение
XII. Охо-Люсеро
XIII. Мос-хо-ке
XIV. Лагерь
XV. Команчи
XVI. Пленница
XVII. Переход в прерии
XVIII. Развалины на Рио Хила
XIX. Гостеприимство
XX. Вождь
XXI. Рекогносцировка
XXII. Совет
XXIII. Развязка
История Мексики и романы Г. Эмара

Аннотация

Рисунки художника *И. Ильинского.*
Оформление *С. Пожарского.*


Библиотека


Приключений

Библиотека приключений

14

Государственное
издательство
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства
просвещения
РСФСР

Густав Эмар

Твердая Рука

Гамбусино

МОСКВА
1958

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
Том 14
Густав Эмар

ТВЕРДАЯ РУКА. ГАМБУСИНО

ТВЕРДАЯ РУКА

I. Выстрел

Трудно представить себе край более безотрад-

ный и унылый, чем тот, который простирается между сьеррой[1] Сан-Сабо и Рио Пуэрко.

Отверженная страна, где белеет и постепенно превращается в прах множество невесть чьих скелетов; огромная пустыня, усеянная сероватыми скалами, в расселинах которых с незапамятных времен ютятся змеи и хищные звери; саванны, дающие жизнь только черным терновникам, да еще разве чахлым зарослям мескита[2], пробивающимся там и сям сквозь сыпучие пески.

Белые и даже индейцы редко, только в случае крайней нужды, решаются путешествовать в этом жутком безлюдье. С риском удлинить свое путешествие они предпочитают сделать крюк, следуя по окраинам саванны, где путник всегда может рассчитывать на тень и воду — эти услады тропических стран и самые драгоценные блага во время долгих скитаний по прериям Запада.

В 1843 году, около трех с половиной часов пополудни в одну из суббот второй половины июня месяца, который индейцы племени навахоес называют на своем звучном языке «месяцем земляники», из чащи дубов, красного дерева и

---

[1] Примечания: 1
Сьерра — отроги горной цепи.

[2] Примечания: 2
Мескит — кустарник.

сумаха[3], растущих в предгорьях Сан-Сабо, вынырнул всадник. Оставив позади себя последние уступы горного хребта Сан-Сабо, с которого он, по-видимому, только что спустился, путник, вместо того чтобы следовать по проторенной дороге вдоль края саванны, понесся галопом по степи с явным намерением пересечь ее по прямой.

Такого рода решимость являлась бесспорным признаком либо безумия всадника, либо отваги, необычной даже для самого смелого человека; а может быть, существовали важные обстоятельства, принудившие путника пренебречь всякой осторожностью, дабы достигнуть как можно скорей цели своего путешествия.

Впрочем, каковы бы ни были соображения, руководившие им, несомненным было одно: путник мчался во весь опор, все более углубляясь в пустыню, нимало, по-видимому, не заботясь о своей безопасности и не обращая внимания на пейзаж, который становился все более безотрадным и мрачным. Так как этот незнакомец призван сыграть значительную роль в нашем дальнейшем рассказе, мы попытаемся несколь-

---

[3] Примечания: 3

Сумах, или сумак — растения, кустарники и деревья; один из видов сумаха — желтинник, или париковое дерево; широко используется в кожевенном производстве.

кими словами набросать его портрет.

Это был чистокровный мексиканец, двадцати пяти или тридцати лет, среднего роста, весь облик которого, не лишенный известного изящества, говорил о недюжинной силе. Его осанка отличалась благородством, а правильные черты лица с приятным золотистым отливом кожи дышали мужеством, прямотой и добротой. В его черных широко открытых глазах светился проницательный ум; красивый рот, с четко обрисованными линиями тонких губ, наполовину скрадывался черными густыми усами, из-под которых сверкали ослепительно белые зубы; подбородок, пожалуй, слишком резко очерченный, свидетельствовал о необычайной твердости характера. Одним словом, он обладал интересной и располагающей к себе внешностью. Одежда всадника представляла обычный мексиканский наряд, со всем присущим последнему живописным разнообразием деталей и богатством отделки. Из-под небрежно надвинутой на правое ухо широкой вигоневой шляпы, окаймленной двойным галуном — серебряным и золотым, — выбивались густые пряди вьющихся и ниспадавших в беспорядке до самых плеч черных волос; поверх вышитой батистовой рубашки была надета зеле-

ная бархатная куртка, богато расшитая золотым позументом. Шея незнакомца была повязана индейским платком, концы которого схватывались перстнем с крупным алмазом. Длинные штаны из такого же зеленого бархата, также разукрашенные позументом и галунами, опоясывались красным шелковым шарфом с золотой бахромой. По бокам, вдоль каждой штанины, от пояса до колен были сделаны прорезы, застегнутые двумя рядами золотых пуговиц со вделанными в них жемчужинами. Ботфорты незнакомца, расшитые красивыми узорами из красного шелка, были схвачены под коленями шелковыми подвязками, затканными золотом; из-под правого голенища выглядывала дивной работы рукоятка длинного кинжала. Расцвеченный яркими красками индейский серале[4] был свернут и аккуратно уложен на крупе коня, великолепного животного с тонко выточенными ногами, с маленькой головой и с блестящими глазами. Это был кровный мустанг прерий, для которого наездник не пожалел изысканной сбруи, столь излюбленной каждым мексиканцем.

Вооружение всадника не ограничивалось вло-

---

[4] Примечания: 4
Серале — плащ.

женным в ботфорт кинжалом. Поперек седла покачивался длинноствольный американский карабин; за поясом торчали два шестизарядных револьвера, а на левом боку в стальное кольцо был продет мачете — мексиканский тесак без ножен; да к седлу было приторочено свернутое лассо из плетеной кожи.

Вооруженный таким образом незнакомец — если только его воинственная внешность не была обманчива — мог, в случае необходимости, помериться силами, и не без успеха, одновременно с несколькими противниками. А к возможности такого рода встреч не следует относиться скептически в краях, где на каждом шагу рискуешь наткнуться на врага, — человека или зверя, — а иногда одновременно и на того и на другого.

Не меняя аллюра коня, всадник беспечно покуривал пахитоску из маисовых листьев, провожая рассеянным, равнодушным взглядом стайки фазанов и куропаток, взлетавших при его приближении, или стада ланей, а то и целые семьи лисиц, вспугнутых шумом копыт его мустанга.

Краски саванны между тем начинали тускнеть. Солнце, садившееся на горизонте и походившее на большой огненный шар, уже потеряло свое тепло; ночь готовилась распластать над землей

свой темный покров. Всадник, натянув поводья, придержал коня, а сам начал внимательно обозревать окрестности в поисках места для ночлега. После минутного размышления путешественник принял решение. Свернув немного влево, он направился к пересохшему наполовину ручейку. Несколько кустов терновника и десяток чахлых кустов мескита, произраставших на его берегу, могли кое-как скрыть его от любопытствующих взоров таинственных обитателей пустыни, вечно рыскающих под покровом ночи в поисках добычи. Однако, подъехав ближе, путник, к немалой своей радости, убедился, что неровный рельеф почвы и несколько скал, разбросанных среди деревьев и кустарника, обеспечивали ему почти безопасное убежище.

День был трудный; и человек, и конь изнемогали от усталости. Оба они нуждались хотя бы в непродолжительном отдыхе раньше, чем пуститься в дальнейший путь. Всадник, очевидно опытный путешественник, прежде всего занялся своим конем; он расседлал его и повел на водопой. Стреножив затем лошадь, чтобы та не ушла далеко и не стала добычей хищных зверей, он разостлал на земле свой плащ, кинул на него несколько полных пригоршней маиса для му-

станга и, только убедившись, что тот, несмотря на усталость, охотно принялся за корм, счел возможным позаботиться о себе.

Мексиканцы, отправляясь в путешествие, приторачивают обычно сзади седла нечто вроде холщовой переметной сумы — так называемую альфорху. В такой суме они возят съестные припасы, которых ни за какие деньги не купить в пустыне. Вместе с двумя флягами питьевой воды, с которыми мексиканцы никогда не расстаются, эти припасы и составляют весь их багаж во время дальних странствий, когда приходится преодолевать лишения и трудности, одно перечисление которых повергло бы в ужас европейца, избалованного всеми благами современной цивилизации.

Итак, наш путешественник уселся на земле и, позаботившись предварительно о том, чтобы оружие на всякий случай было под рукой, развязал свою альфорху; прислонившись затем к скале, он с невозмутимостью философа приступил к своему незатейливому ужину, состоявшему из куска вяленого мяса, нескольких маисовых лепешек и кусочка твердого, как кремень, козьего сыра; все это он запил студеной водой из ближайшего ручейка.

Быстро покончив с этим незатейливым ужином, незнакомец почистил зубы изящной золотой зубочисткой, затем скрутил маисовую пахитоску и раскурил ее с присущим одним только испано-американцам сосредоточенным блаженством. Затем путник, не теряя времени, завернулся в свой плащ, растянулся на земле и мгновенно уснул.

Прошло несколько часов. Может быть, путешественник проспал бы и больше, если бы его внезапно не разбудили два выстрела, раздавшиеся где-то поблизости. В прерии редко случается, чтобы звук выстрела не сопровождался свистом пули около уха. Здесь это почти закон. Другими словами, в девяноста девяти случаях из ста одинокий человек в прерии неизбежно становится мишенью какого-нибудь убийцы. Путешественник, столь неучтиво разбуженный, мгновенно схватил ружье и, притаившись за скалой, стал ждать, что будет дальше. Но так как в следующую минуту нападения — если только это было нападение на него — не последовало, он осторожно приподнялся и стал напряженно всматриваться в окрестности. Ничто более не нарушало торжественного безмолвия ночи.

Наступившее после двух выстрелов спокой-

ствие только усилило тревогу путника. Тишина предвещала близость опасности. Он был уверен в этом, хотя и не мог еще определить, в чем заключалась опасность и насколько она серьезна. Над саванной повисла ночь, светлая, почти прозрачная. На темно-синем небе горело множество звезд; к тому же луна разливала свой бледный трепетный свет, что позволяло даже на далеком расстоянии различать все подробности окружающего пейзажа.

На всякий случай путешественник оседлал мустанга и укрыл его в глубокой впадине под скалой, а сам припал ухом к земле. Вскоре до него донесся едва уловимый далекий гул; шум этот стал быстро приближаться, и путник без труда понял, что это бешеный галоп коней.

Что бы это могло быть? Охота или преследование? Но кому могла прийти в голову фантазия охотиться ночью? Индейцы никогда не решились бы на это; а белые охотники или метисы вообще избегают эти пустынные места, облюбованные пограничными бродягами, людьми без совести и чести, изгнанниками городов и селений, для которых прерии являются, единственным пристанищем. Неужели это были степные пираты? Положение путника становилось серьезным;

внезапно шум оборвался, опять воцарилась жуткая тишина. Путник снова поднялся на ноги.

Вдруг в ночи раздался крик женщины или ребенка — крик, полный ужаса и невыразимого отчаяния. Не заботясь более о своей лошади, которая находилась в надежном укрытии, наш путешественник побежал в ту сторону, откуда доносились крики. Рискуя свернуть себе шею, он прыгал с камня на камень, перемахивая через кусты с лихорадочной поспешностью благородного человека, услышавшего призыв о помощи. И все же осторожность ни на минуту не покидала храбреца; прежде чем ринуться в открытую прерию, он на минуту притаился за завесой из кустов мескита, желая сначала уяснить себе, что, собственно, происходит, и затем уже действовать сообразно обстоятельствам.

Вот что представилось его глазам. Два человека, в которых он без труда распознал по их повадке степных пиратов, гнались за молодой девушкой, бежавшей по равнине. Девушка с присущей юности ловкостью, подгоняемая к тому же страхом, с быстротой испуганной лани перепрыгивала через рытвины и одолевала все встречные препятствия. С каждым мгновением увеличивалось расстояние между ней и ее преследователями,

движение которых немало затрудняли высокие ботфорты и тяжелые карабины. Еще а несколько минут — и девушка добежала до зеленой завесы, за которой притаился наш путешественник. Он готов был уже ринуться к ней на помощь, когда один из разбойников вскинул ружье, прицелился и выстрелил. Девушка упала.

Тогда незнакомец изменил свое намерение. Вместо того чтобы кинуться вперед, он отступил, застыл в неподвижности и, взведя курок, приготовился открыть огонь. Между тем разбойники поспешно приближались, оживленно беседуя.

Они разговаривали по-английски, вернее — на том смешанном наречии, в которое входят испанские, французские, и индейские слова, но преобладают английские; короче говоря, на общепринятом жаргоне Дальнего Запада.

— Гм!.. Настоящая лань эта девчонка! — запыхавшись, хриплым голосом произнес один из них. — Был момент, когда я думал, что она ускользнет от нас.

— Не так это просто, — возразил другой, покачивая головой и ласково поглаживая ствол своего карабина. — Я, например, ни минуты не сомневался, что подстрелю ее, когда захочу.

— О да, ты не промазал, карай![5] Хотя, по правде говоря, цель была довольно далека, да и рука твоя, должно быть, дрожала после такой погони.

— Все дело в привычке, приятель, — скромно улыбаясь, отвечал стрелявший.

С этими словами оба разбойника подошли к тому месту, где лежало безжизненное тело девушки. Один бандит опустился на колени, чтобы убедиться в смерти их жертвы, тогда как другой — тот, что стрелял, — стоял, небрежно опершись на свой карабин. В это мгновение наш путеше-

---

[5] Примечания: 5

Карай! — Черт возьми! Вообще возглас, выражающий удивление, досаду, восхищение.

ственник выпрямился, вскинул свое ружье и выстрелил. Пораженный в самую грудь, разбойник осел и свалился навзничь бездыханным трупом. Его товарищ мгновенно вскочил и схватился за рукоятку своего мачете; но прежде чем он успел пустить в ход это оружие, наш незнакомец накинулся на бандита и нанес ему прикладом удар по голове, от которого тот свалился замертво рядом со своим сообщником. . Путешественник не терял дарим времени. Выхватить лассо у разбойника и связать упавшего было делом одной минуты. Обезопасив себя таким образом от нападения, незнакомец поспешил к девушке.

Несчастное создание не подавало никаких признаков жизни. А между тем она не была мертва и отделалась пустяковым ранением — пуля разбойника лишь оцарапала ее руку, а обморок был вызван одним только испугом. Незнакомец тщательно перевязал рану, смочил водой губы и виски раненой; к неподдельной его радости, она вскоре открыла глаза.

— О-о… — голосом нежным и мелодичным, как у певчей птицы, прошептала девушка. — О, эти люди!.. Эти демоны!.. О, смилуйся, господи, и спаси!

— Успокойтесь, сеньорита, — ответил незнако-

мец, — вам нечего больше бояться этих негодяев.

При звуках незнакомого голоса молодая девушка вздрогнула. Ничего не ответив, она испуганно взглянула на говорившего и, невольно вскрикнув, вскочила. По-видимому, она приняла его за одного из своих преследователей. Тогда незнакомец, улыбаясь, указал ей пальцем на двух валявшихся на земле бандитов.

— Теперь вы убедились, сеньорита, что возле вас друг? Когда девушка увидела своих поверженных преследователей, лицо ее озарилось чувством бесконечной благодарности. Но мимолетная улыбка, скользнувшая было по ее губам, внезапно погасла. Она стремительно вскочила на ноги и вытянула руку по направлению темной движущейся точки на горизонте.

— Там!.. Там!.. Видите?! — вскричала она прерывающимся от ужаса голосом.

Незнакомец обернулся. Прямо на них несся во весь опор небольшой отряд кавалеристов. Впереди, на расстоянии ружейного выстрела[6] от остальных всадников, мчался на великолепном скакуне молодой человек, очевидно, стараясь уйти от своих преследователей.

---

[6] Примечания: 6

Ружья того времени били на расстояние, не превышающее пятисот-шестисот метров.

Должно быть, это были те самые всадники, топот коней которых наш путешественник услышал несколько минут назад.

— О! — воскликнула девушка, протягивая к незнакомцу молитвенно сложенные руки. — Видите того кабальеро?.. Спасите, спасите его, сеньор!

— Попытаюсь, сеньорита, — тепло ответил тот. — Клянусь, я сделаю для этого все, что в человеческих силах.

— Благодарю вас, — сказала она, с трогательной доверчивостью протягивая ему свою прелестную руку. — Вы благородный человек, сеньор! Да поможет вам бог!

— Вам нельзя здесь оставаться, сеньорита: вы рискуете подвергнуться оскорблениям сообщников негодяев, из рук которых вам удалось вырваться.

— Но как же быть? Куда мне деваться?

— Следуйте за мной; нельзя терять ни минуты.

— Хорошо, — решительно ответила она. — Но вы спасете его? Обещаете?

— Постараюсь. У меня только одна жизнь; но я без колебания пожертвую ею ради того, кто так дорог вам, сеньорита! Девушка опустила в смущении голову и молча последовала за незна-

комцем.

— Что бы ни случилось, сеньорита, — сказал он, когда они очутились среди кустарника, где была разбита стоянка, — оставайтесь здесь. Тут вы в полной безопасности: никому в голову не придет заглянуть в эту нору... Ну, а теперь, — добавил незнакомец, перезарядив карабин, — я поспешу на помощь вашему другу.

С этими словами он вскочил в седло и во весь опор помчался навстречу приближавшимся всадникам. Их было пятеро — все сумрачные, разбойничьи лица. Они неслись со зловещим гиканьем, потрясая в воздухе своим оружием.

Между тем преследуемый разбойниками кабальеро, завидев человека, который так неожиданно выскочил из-за кустарника и на всем скаку с ружьем наизготовку мчался к нему, принял незнакомца за сообщника бандитов и круто свернул в сторону, желая избежать встречи с новым противником. Зато разбойники, увидевшие незнакомца, который не только не погнался за их дичью, но встал на их пути и вскинул свое ружье, не поддались этому заблуждению.

Два выстрела раздались одновременно: один со стороны бандитов, другой — сделанный рукой незнакомца. Но результаты получились

разные: пущенная на скаку пуля разбойника никому не принесла вреда, тогда как меткий выстрел хладнокровно и внимательно целившегося незнакомца угодил в самую гущу его противников. Один из них упустил поводья, стал судорожно хватать руками воздух, опрокинулся на круп коня и грузно свалился наземь. Падая, он глубоко пропорол острыми шпорами бока своей лошади, и та, вздыбившись, лягнула его, рванулась и понеслась стрелой по равнине. Бой, так смело начатый незнакомцем, не мог, конечно, тут же прекратиться: о продолжении его возвестили четыре выстрела, с молниеносной быстротой последовавшие с обеих сторон. Положение незнакомца становилось критическим: в ружье его не оставалось больше патронов, теперь в его распоряжении находились только револьверы.

Заметим мимоходом, что револьвер — оружие весьма удобное, но малополезное в бою. Чтобы попасть в своего противника из револьвера, надо стрелять почти в упор. Револьверный выстрел, посланный с более дальнего расстояния, почти наверняка пропадет зря.

Взвесив всю затруднительность своего положения, незнакомец приготовился схватиться врукопашную со своими противниками, когда

к нему подоспела неожиданная помощь. Кабальеро, за которым гнались разбойники, услышал перестрелку. Но не было жужжания пуль, обычно предупреждающего одинокого путника, что это метят именно в него, и он понял, что вследствие какого-то неожиданного события обстановка изменилась в его пользу. Он обернулся и увидел, как замертво упал один из его преследователей. Убедившись в своей ошибке, кабальеро немедленно принял решение. Вооруженный одним лишь мексиканским мачете, он без колебания повернул коня и поспешил на помощь к своему защитнику. Не сговариваясь, даже не обменявшись ни одним словом, оба храбреца ринулись на бандитов. Бой длился недолго, победа далась неожиданно. Нападающие действовали стремительно, не давая времени разбойникам перезарядить свои ружья. Два бандита были убиты наповал револьверными выстрелами, третий с раскроенным черепом пал от удара, который нанес ему своим мачете пылавший жаждой мести кабальеро. Четвертый разбойник решил не продолжать боя, не сулившего ему ничего, кроме гибели. Дав шпоры коню, он отчаянным прыжком перемахнул через тела своих сообщников и, помчавшись во весь опор, скрылся в глубокой тьме. Поле битвы осталось за

двумя мужественными молодыми людьми.

II. В прерии

Когда разбойник, оставшийся в живых, исчез в мглистой дали, кабальеро обернулся, намереваясь поблагодарить своего великодушного защитника; но незнакомца уже не было поблизости, он несся галопом вдали по равнине. Молодой человек недоумевал, чему приписать это внезапное исчезновение, ибо незнакомец мчался в направлении, диаметрально противоположном тому, по которому скрылся бандит. Но вскоре он увидел своего спасителя: тот возвращался, ведя в поводу вторую лошадь. Очевидно, незнакомец, помня о спасенной им девушке, заарканил для нее лучшую из носившихся по равнине лошадей погибших в бою бандитов.

— Не все еще кончено, сеньор, — обратился к незнакомцу молодой кавалерист, когда тот подъехал к нему. — Я вынужден снова прибегнуть к вашей помощи.

Незнакомец невольно вздрогнул при звуке этого голоса, показавшегося ему знакомым.

— Я слушаю вас, кабальеро, — ответил он, слегка нахмурив брови.

— В этой страшной пустыне затерялась женщина, молодая девушка… Короче говоря, моя сестра. За ней погнались несколько негодяев. Я не знаю, что с ней случилось, и умираю от страха за нее. Доведите же до конца ваше доброе дело и помогите мне отыскать ее! Умоляю вас!

— Бесполезно, — холодно ответил незнакомец.

— То есть как это — «бесполезно»?! — воскликнул молодой мексиканец. — Что вы хотите сказать? Она погибла? Да? О, теперь я припоминаю: когда я оторвался от своих преследователей, до меня донеслись несколько выстрелов!.. Боже мой, Боже мой! — застонал он, ломая в отчаянии руки. — Несчастная моя сестра, бедная моя Марианита!

— Успокойтесь, кабальеро, — тем же холодным, бесстрастным голосом произнес незнакомец. — Ваша сестра в безопасности. В данную минуту, по крайней мере, ей ничего не угрожает.

— Правда? — радостно воскликнул молодой человек. — Да благословит вас бог за эту добрую весть! Где она? Мне не терпится увидеть ее, прижать к своей груди. Кажется, я никогда не сумею отплатить вам за все, что вы сделали для нас, сеньор! Никогда…

— А вы ничем и не обязаны мне, — довольно

резко прервал его незнакомец. — Все, что произошло здесь, — дело случая. Я сделал бы то же самое для любого встречного. Оставьте же при себе вашу благодарность, я в ней не нуждаюсь... И потом, кто знает, — прибавил он с горькой улыбкой, — не придется ли вам когда-нибудь пожалеть о том, что вы мне чем-то обязаны!

Кабальеро был несколько уязвлен тем, как незнакомец ответил на его желание сблизиться с ним. Не зная, чему приписать эту внезапную перемену в настроении незнакомца, он счел за лучшее притвориться, что не заметил вызывающего тона своего собеседника.

— Место здесь не совсем подходящее для долгих объяснений, сеньор, — с безупречной вежливостью произнес молодой мексиканец. — Мы с вами если уже не посторонние, то во всяком случае еще малознакомые люди. Но я твердо надеюсь, что в ближайшем будущем всякие недоразумения между нами исчезнут и холодок уступит место полному доверию.

— Пойдемте, — сказал незнакомец. — Ваша сестра неподалеку отсюда и, вероятно, сгорает от нетерпения увидеть вас. Молодой человек молча последовал за ним, размышляя об этом странном незнакомце, который с риском для жизни спас

его, а теперь не скрывал своих неприязненных чувств. Пока на равнине шел бой, шум его отчетливо доносился до слуха молодой девушки, которая внимала ему, не помня себя от страха. Но вот перестрелка затихла, и в прерии снова воцарилось гнетущее безмолвие. Эта тишина была для нее в тысячу раз страшнее звуков ожесточенной схватки. Одна, вдали от какого-либо человеческого существа, которое могло бы прийти к ней на помощь, не смея ни на что больше надеяться, она изнемогала от ожидания ужасной смерти. Измученная девушка не могла бы даже сказать, сколько времени она пробыла в таком состоянии. Нужно самому пережить нечто подобное, чтобы понять, сколько веков заключено в одной минуте для человека, который находится на грани между жизнью и смертью. Вдруг она затрепетала; ее напряженные нервы не выдержали, кровь бросилась ей в лицо: девушке почудилось, что неподалеку от нее кто-то произнес шепотом несколько слов. Были ли то выследившие ее разбойники или это возвращался ее спаситель?

Замирая от страха, она не смела ни пошевельнуться, ни позвать на помощь: каждое движение могло выдать ее убежище, каждый крик грозил ей гибелью. Но вот кусты раздвинулись, и

у подножия скалы появился брат вместе с ее спасителем. С радостным криком девушка протянула к ним руки и, не в силах вынести нового потрясения, лишилась чувств. Придя в себя, она увидела, что лежит на разостланном плаще у пылающего костра; мужчины сидели по обе стороны от нее — один справа, другой слева; в глубине пещеры три стреноженных коня лениво пережевывали свой корм. Немного поодаль на земле лежала какая-то глыба, в которой девушка не сразу распознала связанного по рукам и ногам человека. Марианна пыталась что-то сказать, ей хотелось отблагодарить незнакомца, но после всего пережитого она настолько ослабела, что не могла выговорить ни слова. Ее сил хватило только на то, чтобы устремить на незнакомца взгляд, в который она постаралась вложить всю свою признательность. Но тут же она впала в какое-то забытье, лишившее ее способности мыслить, чувствовать и интересоваться окружающим.

— Вот так! — сказал незнакомец, старательно закупорив и спрятав за пазуху хрустальный флакон в тонко отделанной золотой оправе. — Жизнь сеньориты теперь вне опасности: успокоительное, которое я ей дал, принесет благотворный и укрепляющий сон. К рассвету ее силы полностью

восстановятся, и она будет в состоянии, если захочет, продолжать свое путешествие.

— Сеньор, — отозвался молодой мексиканец, — вы воистину наш добрый гений. Я, право, не могу найти слов для выражения моей безграничной благодарности за помощь, тем более великодушную, что мы для вас совершенно чужие люди.

— Вы в этом уверены?

— Да, уверен. Слишком приметное у вас лицо, чтобы его можно было позабыть, увидев однажды. Вот почему я снова и снова повторяю: вы ошибаетесь, если думаете, что знавали меня когда-то. Вас, очевидно, вводит в заблуждение мое случайное сходство с каким-то другим человеком. После наступившего молчания, длившегося не более минуты, незнакомец заговорил с той подчеркнутой вежливостью, в которой нетрудно было уловить тон легкой иронии.

— Пусть будет так, сеньор, — сказал он, слегка поклонившись. — Но не соблаговолите ли вы, в таком случае, назвать себя и рассказать, в силу каких обстоятельств скрестились наши пути и я получил возможность оказать вам, как вы говорите, большую услугу…

— Огромную, сеньор! — с жаром перебил его молодой мексиканец.

— Хорошо, не будем больше спорить, кабальеро, я жду вашего рассказа.

— А я не стану злоупотреблять вашим терпением, сеньор. Мое имя — дон Руис де Могюер; я живу в асиенде[7] моего отца в окрестностях города Ариспы. Моя сестра несколько лет воспитывалась в женском монастыре в городе Эль-Росарио. По соображениям, которые не представляют для вас никакого интереса, отец приказал мне отправиться за ней в ЭльРосарио, откуда мне не терпелось вернуться как можно скорей домой. К тому же и сестра моя, после долголетнего пребывания на чужбине, горела желанием очутиться поскорей в родной семье. Так оно и случилось, что, невзирая на предупреждение бывалых людей об опасностях длительного путешествия по пустынной стране, я отказался от конвоя, и мы пустились в путь в сопровождении всего только двух пеонов[8], на преданность и отвагу которых я мог положиться. Сначала все шло хорошо; мы с сестрой даже посмеивались над страхами и предупреждениями наших друзей. Мы считали себя уже вне опасности. Но вчера на закате, в тот

---

[7] Примечания: 7
Асиенда — поместье.

[8] Примечания: 8
Пеон — слуга, наемный рабочий.

самый час, когда мы готовились остановиться на ночлег, на нас внезапно напала банда разбойников. Казалось, что они выросли из-под земли — до того неожиданно было их появление. Наши злополучные пеоны пали в бою, пораженная в голову лошадь сестры рухнула на землю, увлекая ее за собой. Мужественная девушка не далась, однако, подбежавшим к ней бандитам, вырвалась из их рук и пустилась наутек. А я, желая отвлечь погоню от сестры, помчался в другую сторону. Остальное вам известно: не подоспей ваша помощь, нам обоим пришел бы конец… Сеньор, — после минутного молчания снова заговорил дон Руис, — теперь, когда вам известно, кто я, назовите и вы свое имя, имя нашего спасителя.

— К чему оно вам? — печально произнес незнакомец. — Наша случайная встреча кончится завтра, когда мы разъедемся, по всей вероятности, навсегда. Поверьте мне: благодарность — тяжелая обуза. И если вы не будете знать, кто я, вам удастся скорее забыть обо мне. Право же, так будет лучше, сеньор Руис. Кто знает, не придется ли вам когда-нибудь пожалеть о нашей встрече…

— Вот уже второй раз вы говорите это. Ваши слова полны горечи. Мне больно за вас, сеньор:

много же, видно, вам пришлось пережить, если в том возрасте, когда будущее рисуется обычно в розовом свете, ваши мысли отравлены печалью, а сердце разочарованием! При этих словах дона Руиса незнакомец испытующе взглянул на него, точно желая проникнуть в самые сокровенные его мысли. А молодой мексиканец продолжал с живостью:

— Только не поймите меня превратно, сеньор. Я далек от намерения вынудить ваше признание. Каждый человек — хозяин своей жизни и своих поступков. У меня нет никакого права, ни даже желания вторгаться в вашу жизнь. Я прошу вас только об одном: назовите свое имя, чтобы мы, донья Марианна и я, могли запечатлеть его в наших сердцах.

— Стоит ли так упорно настаивать на таком пустяке?

— А стоит ли так упрямо желать остаться неизвестным?

— Хорошо, вы узнаете мое имя. Но предупреждаю вас: оно ничего вам не скажет.

— Вы ошибаетесь, сеньор: по крайней мере, отец мой узнает, кому он обязан жизнью своих детей. И он и вся наша семья будут ежечасно повторять это имя и благословлять человека,

который его носит.

Взволнованный искренним чувством, которым были проникнуты эти слова, незнакомец непроизвольным движением протянул руку дону Руису, которую тот горячо пожал. Но незнакомец, словно раскаявшись в своем порыве, тотчас же отдернул руку. Вернув своему лицу суровое выражение, этот странный, лишь только на минуту забывшийся человек с жесткой холодностью произнес:

— Хорошо, ваше желание будет исполнено. Мы уже сказали выше, что очнувшаяся донья Марианна увидела несколько поодаль от себя какого-то связанного человека. Это был один из преследовавших ее разбойников, тот самый, которого незнакомец чуть не прикончил ударом ружейного приклада. Разбойник лежал немного поодаль от костра, старательно связанный и с кляпом во рту.

К нему и направился теперь незнакомец; взвалив себе на плечи, он перенес его и положил у ног дона Руиса, не особенно, правда, бережно, судя по тому, что бандит, явно рисовавшийся до сих пор своей чисто индейской стойкостью, на этот раз не сумел сдержать подавленного стона.

— Кто этот человек и что вы намерены сделать

с ним? — не без тревоги спросил дон Руис.

— Этот человек, — сухо ответил незнакомец, — один из тех негодяев, которые напали на вас. Сейчас мы будем судить его.

— «Судить»?! — воскликнул дон Руис. — Мы?

— А кто же? — сказал незнакомец, освобождая бандита от кляпа и ослабляя несколько путы на его ногах. — Или вы думаете, что мы посадим себе на шею этого негодяя и будем таскаться с ним, пока не наткнемся на какую-нибудь тюрьму? Да если бы мы и пошли на это, он сбежит от нас в пути, ускользнет, как опоссум[9], чтобы несколькими часами позже напасть на нас во главе новой шайки таких же головорезов. Ну нет, уж лучше судить его! Мертвые не вредят.

— Но по какому праву можем мы стать судьями этого человека?

— По какому праву? — воскликнул незнакомец с удивлением.

— По праву этих мест! Око за око, зуб за зуб!

Дон Руис призадумался, а незнакомец украдкой поглядывал на него.

— Возможно, вы и правы, — заговорил наконец дон Руис. — Этот человек — преступник, ковар-

---

[9] Примечания: 9

Опоссум — небольшое сумчатое животное из породы грызунов.

ный убийца, руки которого по локоть в крови. Попадись ему снова моя сестра и я, он бы, конечно, не задумался заколоть нас своим мачете или всадить каждому из нас по пуле в лоб.

— Значит?.. — спросил незнакомец.

— А ничего не значит! — пылко воскликнул дон Руис. — Даже наша полная уверенность в преступности этого человека не дает нам права судить его. К тому же и сестра моя цела и невредима.

— И вы полагаете…

— …что, раз мы лишены возможности передать этого человека в руки правосудия, нам следует отпустить его на все четыре стороны.

— Надеюсь, вы хорошо взвесили все последствия такого решения?

— Это решение подсказано мне моей совестью.

— Будь по-вашему, — сказал незнакомец и обратился к разбойнику, который в течение всего разговора не проронил ни слова, хотя его глаза беспокойно перебегали от одного собеседника к другому. — Встань! — сказал незнакомец. Бандит встал.

— Посмотри-ка на меня, — продолжал незнакомец. — Узнаешь?

— Нет.

Незнакомец выхватил из костра пылающую головню, поднес ее к своему лицу и повелительно произнес:

— Смотри хорошо, Кидд!

— Твердая Рука! — невольно отшатнувшись, глухим голосом воскликнул бандит.

— Наконец-то узнал меня! — с язвительной усмешкой произнес незнакомец.

— Что прикажете. Твердая Рука?

— Ничего. Ты слышал наш разговор?

— До единого слова.

— Что ты об этом думаешь?

Разбойник молчал.

— Говори, не стесняйся. Я разрешаю.

Разбойник продолжал хранить молчание.

— Ты будешь, наконец, говорить? Приказываю тебе, слышишь?

— Что же, — неверным голосом заговорил разбойник, — я думаю так: раз уж враг попался, надо убить его.

— Это, действительно, твое мнение?

— Да!

— Что вы теперь скажете, дон Руис? — спросил Твердая Рука.

— Скажу, что не могу и не должен мстить своему бывшему противнику. О, конечно, в бою,

обороняясь от нападения, я бы ничуть не постеснялся прикончить его. Но сейчас он безоружный пленник, и не моя рука должна покарать его.

Сквозь маску суровости, которую Твердая Рука придал своему лицу, невольно вспыхнула радость, вызванная этими благородными чувствами, так безыскусно выраженными. Снова воцарилось молчание, в продолжение которого каждый из этих трех людей ушел в свои мысли. Наконец, Твердая Рука обратился к бандиту, который стоял в прежней позе невозмутимого и безучастного ко всему происходящему человека.

— Ступай. Ты свободен, — сказал Твердая Рука, освобождая бандита от пут. — Но помни, Кидд: этому кабальеро, но не мне, угодно было простить тебя. Я ничего не забыл. Ты меня знаешь. Берегись же снова очутиться на моем пути! В другой раз не отделаешься так легко от справедливого возмездия. А теперь ступай!

— Ладно, Твердая Рука, запомню, — ответил Кидд не без затаенной угрозы, прозвучавшей как прощальное приветствие тем, кто подарил ему жизнь.

И, нырнув в кусты, он бесследно исчез.

III. Бивак[10]

Несколько минут до них еще доносился треск кустарника, ломающегося под ногами убегавшего во всю прыть бандита.

Наконец, все смолкло.

— Можете не сомневаться: теперь уж вы наверняка нажили себе в прерии непримиримого врага, — глядя исподлобья на дона Руиса, заговорил Твердая Рука. — Ну что же… вы этого хотели, ибо, надеюсь, вы не так наивны, чтобы рассчитывать на благодарность подобного негодяя?

— Мне жаль его, если он возненавидел меня за добро, оказанное ему мною в уплату за зло, которое он намеревался причинить мне. Но я не мог поступить иначе: я действовал по велению моей совести.

— Если вы и впредь намерены осуществлять на практике в здешних краях столь высокие принципы, я не поручусь за ваше долголетие.

— Все равно! Никто из моих предков никогда не нарушал девиза нашего рода!

---

[10] Примечания: 10

Бивак — стоянка для отдыха или ночлега какой-нибудь группы людей.

— И этот девиз, кабальеро?

— «Храни свою честь, и будь что будет!»

— Что и говорить, прекрасный девиз, — усмехнулся Твердая Рука. — Дай бог, чтобы он послужил вам на пользу. — И, окинув взглядом горизонт, он продолжал: — Светает... Не пройдет и часа, как взойдет солнце... Вот вы и узнали мое имя. Как видите, я был прав: оно ровно ничего не говорит вам...

— Вы ошибаетесь, сеньор, — живо прервал его дон Руис, — я уже не раз слышал это имя.

Твердая Рука так и впился глазами в юношу.

— Вот как! — воскликнул он чуть дрогнувшим голосом. — И, вероятно, это имя сопровождалось всегда неодобрительными эпитетами, которые создали у вас весьма нелестное представление обо мне!

— Еще одна ошибка, сеньор: это имя неизменно произносилось при мне как имя храброго кабальеро, человека с мужественным сердцем и недюжинным умом. Говорили еще, что какое-то тайное, никому неведомое горе побудило этого человека бежать от людского общества и влачить странное существование вечного скитальца. Мне рассказывали также, что этот человек сумел в самых тяжелых условиях, соприкасаясь ежеднев-

но со зверскими нравами прерии, сохранить незапятнанным свое честное имя, что перед ним преклоняются даже степные пираты, с которыми ему приходится слишком часто сталкиваться во время своих скитаний. Вот что вызвало в моей памяти, сеньор, это имя, которое, по вашим предположениям, должно бы быть совершенно мне не знакомым.

— Неужели же в самом деле мир не такой злой и несправедливый, каким я представлял его себе? — с горькой усмешкой пробормотал Твердая Рука.

— Не сомневайтесь в этом! — с чисто юношеским пылом воскликнул дон Руис. — Это верно, что на земле зло уживается рядом с добром. Но провидение распорядилось, чтобы добра было все же больше, чем зла. Таким образом, рано или поздно каждый человек будет вознагражден за свои добрые дела.

— Подобные слова, — возразил Твердая Рука, — были бы более уместны в устах какого-нибудь священника, поседевшего и сгорбившегося на своей миссионерской службе, нежели в устах юноши, только что перешагнувшего зарю своей жизни, не омраченной пока еще никакими житейскими бурями и треволнениями. Но это

неважно: ваши слова идут от чистого сердца! Спасибо и на том. А теперь кончим этот разговор: нам предстоит заняться делом поважнее философского спора, который все равно не переубедит ни вас, ни меня. И прежде всего обсудим, как найти выход из того затруднительного положения, в котором мы очутились.

— Признаюсь, меня самого это очень тревожит, — начал дон Руис, с грустью глядя на свою спящую сестру. — Будь я один, я бы, конечно, не задумываясь продолжал свой путь. Смелый человек — а я думаю, что я принадлежу к числу смелых людей, — всегда справится с угрожающей ему опасностью, потому что он умеет открыто смотреть ей в глаза. Но со мной донья Марианна! Вчерашние испытания надломили ее энергию, и в случае вторичного нападения на нас она легко станет добычей бандитов. А один я не в силах буду спасти ее; меня хватит лишь на то, чтобы умереть рядом с ней.

— Бедное дитя! — отвернувшись, пробормотал Твердая Рука. — Но все же надо на что-то решиться, — сказал он, обращаясь к дону Руису.

— К сожалению, у меня нет выбора. На рассвете, если только сестра будет в силах, мы отправимся с ней в путь, и будь что будет!

— Послушайте, есть одна возможность выйти из этого затруднительного положения и предотвратить, хотя бы в некоторой мере, опасность дальнего путешествия. Дело в том, что на расстоянии двухдневного перехода отсюда находится небольшой пограничный форт для отражения набегов непокоренных индейцев, а также бандитских шаек всех мастей, наводняющих этот край. Самое важное для вас — добраться до этого форта. Там вам нетрудно будет добиться от коменданта форта конвоя, под охраной которого вы и завершите благополучно свое путешествие.

— Конечно, — ответил дон Руис, — но надо еще добраться до этого форта. А я совершенно не знаком с этим краем. Моим проводником в прерии был один из сопровождавших нас пеонов. Без него мне не найти дорогу в этой пустыне: со смертью пеона я очутился в положении моряка, потерявшего компас.

Эти слова привели в неподдельное изумление Твердую Руку.

— О молодость, молодость! — воскликнул он. — Как могли вы принять столь опрометчивое решение — доверить какому-то пеону драгоценную жизнь вашей сестры… Простите за неуместные упреки, — спохватившись, продолжал Твердая

Рука. — Теперь нам нужно думать только о том, как бы помочь вам выйти из беды.

И Твердая Рука погрузился в раздумье, а дон Руис с надеждой и страхом ожидал, что скажет ему его спаситель. Молодой человек нисколько не заблуждался относительно своего положения. Он и сам мысленно проклинал себя за свое легкомыслие, из-за которого сестру и его самого ожидала неминуемая гибель, если этот странный человек откажет им в своем дальнейшем покровительстве. Прошли несколько минут, показавшихся дону Руису целой вечностью, прежде чем Твердая Рука оторвался от своих мыслей. Наконец охотник выпрямился, оседлал мустанга, схватил свое ружье и, только вскочив в седло, обратился к юному мексиканцу:

— Ждите меня здесь. Только ни в коем случае не вздумайте двинуться куда-нибудь отсюда до моего возвращения. Слышите: сколько бы ни длилось мое отсутствие — ни с места! Не дожидаясь ответа. Твердая Рука дернул поводья, пришпорил коня и, слегка припав к луке седла, помчался во весь опор. А дон Руис провожал взглядом черный силуэт всадника, пока тот не исчез во тьме, и потом еще долго и напряженно прислушивался к удаляющемуся топоту копыт.

Когда все стихло, юный мексиканец вернулся к своему месту у костра и, поглядывая сквозь набегавшие слезы на спящую сестру, погрузился в свои невеселые думы. В глубине души он сильно сомневался в возвращении Твердой Руки, хотя и старался с упорством человека, очутившегося в беде, обмануть самого себя и с помощью всяческих доводов подогреть свои гаснущие надежды на помощь незнакомца. Бледный и растерянный, склонив голову на грудь, с неподвижным взглядом, дон Руис ожидал возвращения Твердой Руки.

А мы воспользуемся этим коротким перерывом в нашем рассказе, чтобы несколькими штрихами нарисовать портреты дона Руиса де Могюера и его сестры, доньи Марианны. Начнем с молодой девушки. Донья Марианна была прелестной, стройной, хорошо сложенной и веселой девушкой, едва достигшей шестнадцатилетнего возраста. Ее черные волосы цвета вороньего крыла отливали синевой, нежная кожа ее лица была окрашена в золотистые, теплые тона знойного юга, черные влажные глаза пылали под длинными, наполовину прикрывающими их ресницами, а вечно смеющийся рот, окаймленный алыми губами, яркость которых подчеркивалась

ослепительно белыми зубами, придавал ее лицу выражение нетронутой, почти детской чистоты. От томной и несколько ленивой поступи доньи Марианны веяло какой-то неизъяснимой грацией и непринужденностью, так присущей перуанкам и мексиканкам, этим дочерям солнца, в жилах которых, кажется, вместо крови течет нечто вроде вулканической лавы. Одним словом, это была испанка с головы до ног, точнее — андалузка, пламенная, страстная и суеверная натура. Но сердце Марианны пока не заговорило, оно еще не было озарено божественной искрой любви, пламенное дыхание страсти не опалило эту прелестную девушку, не осознававшую еще дремлющих в ней сил.

Мужская красота дона Руиса была столь же привлекательна, как женская красота доньи Марианны. Это был рослый и статный молодой человек двадцати одного года. Сквозь изящество форм его крепко сколоченной фигуры проглядывала большая физическая сила; правильные, быть может, слишком правильные для мужчины, черты его лица говорили о врожденном благородстве юноши, а в черных глазах его светился ясный и смелый взгляд; крупный рот, украшенный великолепными зубами, увенчивался тонкими,

кокетливо закрученными черными усиками, под которыми играла веселая улыбка совсем еще беззаботной юности, и все лицо его дышало искренностью, великодушием и отвагой. При большом внешнем сходстве брат и сестра имели также много общего и в характере. Оба они не знали еще жизни. Это были невинные и чистые сердца; они любили друг друга самой святой братской любовью, жили душа в душу и не могли надышаться друг на друга.

Теперь читателю понятно, почему дон Руис в ожидании Твердой Руки проклинал себя за то, что пустился в путь без надежного конвоя. Он считал себя единственным виновником чудовищных злоключений сестры, от которых ей удалось пока спастись каким-то чудом. Он с ужасом представлял себе еще более страшные испытания, ожидавшие их на протяжении более чем стомильного пути, который им предстояло пройти, прежде чем они достигнут дель Торо, асиенды их отца, дона Фернандо де Могюера.

Время между тем совершало свой безжалостный бег. Час проходил за часом; взошло солнце, рассеялся мрак, и согрелась земля, охлажденная обильной ледяной росой. Открыла глаза и донья Марианна, пробужденная пением тысяч

пернатых обитателей леса. Крепкий сон восстановил ее силы и вернул веселье и душевную бодрость. Увидев брата, с тревогой и нетерпением ожидавшего ее пробуждения, молодая девушка улыбнулась, протянула ему руку и подставила лоб для поцелуя.

— Если бы ты знал, Руис, — произнесла она своим певучим голосом, — как крепко и хорошо я спала!

— Правда, сестренка? — отозвался он, целуя ее.

— Ты не представляешь себе! В монастыре я ни разу не спала так сладко и не видела таких чудных снов. А все потому, что вы вдвоем сидели на страже моего сна; два добрых преданных сердца, на которые я могла вполне положиться… Да, но я не вижу нашего спасителя. Где он?

— Не знаю, сестренка. Два часа назад он вскочил на коня и, покидая меня, рекомендовал нам не двигаться с места до его возвращения.

— Ну, в таком случае я спокойна. Его отсутствие сначала обеспокоило меня, но теперь, когда я знаю, что он вернется…

— Ты думаешь? — прервал ее дон Руис.

— Не сомневаюсь. Он обещал вернуться? Да? Значит, вернется: такой кабальеро, как он, никогда не изменит своему слову.

— Дай бог! — прошептал дон Руис, уныло покачав головой и глубоко вздохнув.

Его тревога невольно передалась донье Марианне.

— Что тут произошло между вами, Руис? — спросила она, побледнев.

— Ровно ничего, сестра. А все же я волнуюсь, несмотря на его обещанье вернуться… Какой-то он странный и непонятный человек, с ежеминутно меняющимся настроением и даже лицом; способный в одно и то же время любить и ненавидеть, становиться то добрым, то злым, печальным или веселым, спокойным или вспыльчивым. Он одновременно отталкивает меня от себя и привлекает, интересует и пугает меня. Я леденею от страха при мысли, что он может покинуть нас здесь, и в то же время боюсь, что он вернется к нам.

— Не понимаю тебя, Руис. Ты что-то запутался и растерялся. В чем дело? И как можешь ты так странно и так строго судить о человеке, от которого видел одно только добро?! Не успел дон Руис ответить, как издалека донесся конский топот.

— Он! — воскликнула донья Марианна, не в силах подавить свое волнение.

— Почему ты думаешь, что это именно он?

— удивился дон Руис.

— Так… узнала, — краснея, пролепетала она. — Да вот видишь… смотри!

Кусты, действительно, раздвинулись, и на полянке между скалами появился Твердая Рука. Почтительно поклонившись донье Марианне, он, не слезая с мустанга, бросил короткую команду:

— На коней! Быстро! Не теряя ни минуты!

Дон Руис кинулся седлать лошадей, и через несколько минут брат и сестра были уже на конях.

— Вперед! — скомандовал Твердая Рука. — Я говорил вам, что вы поступаете неосторожно, возвращая свободу этому негодяю. Знайте же, что, если мы не уберемся отсюда вовремя, не позже чем через час его банда будет преследовать нас по пятам.

Этих слов было достаточно, чтобы трое людей словно на крыльях ринулись вперед. Прошло уже больше часа, а беглецы, припав к шеям своих коней, все еще пожирали пространство, не обмениваясь ни одним словом, лишь беспокойно оглядываясь по сторонам и мысленно спрашивая самих себя, удастся ли им уйти от грозящей беды. Около восьми часов утра Твердая Рука натянул наконец поводья своего коня и знаком предло-

жил своим спутникам последовать его примеру.

— Теперь, — сказал он, — мы вне опасности. Как только мы выедем из того леса, что расстилает перед нами свою зеленую завесу, покажутся стены форта Сан-Мигель, за которыми мы найдем надежную защиту от разбойников, будь их хоть десять тысяч!

— Но ночью, в разговоре со мной, вы упомянули какой-то более отдаленный форт, — заметил дон Руис.

— Совершенно верно, но я полагал, что форт Сан-Мигель если не разрушен, то заброшен. Поэтому, прежде чем обольщать вас надеждой, которая могла и не сбыться, я решил лично разведать все.

— А вы уверены, — спросила донья Марианна, — что комендант форта согласится приютить нас?

— Разумеется, и по многим причинам, сеньорита. Во-первых, эти пограничные укрепления для того именно и созданы, чтобы обеспечить безопасность путешественников; во-вторых, если не ошибаюсь, комендант форта Сан-Мигеля то ли родственник, то ли близкий друг вашего семейства. Брат и сестра переглянулись с нескрываемым изумлением.

— Значит, вам известна фамилия коменданта? — спросил дон Руис.

— О да, мне называли ее: капитан Маркос де Ниса.

— Конечно, мы его знаем! — воскликнула донья Марианна. — Ведь это наш кузен!

— В таком случае, все в порядке, — холодно произнес Твердая Рука. — А теперь поспешим, ибо позади нас поднялось облако пыли, не предвещающее нам ничего хорошего. Горе нам, если нас настигнут прежде, чем мы доберемся до форта!

Беглецы без дальних слов пришпорили коней, пронеслись галопом через лес и проскочили в ворота форта.

— Обернитесь! — обратился к брату и сестре Твердая Рука в тот момент, когда ворота затворялись за ними. Те обернулись. На опушке леса показался многочисленный отряд всадников.

— Вот уже второй раз вы спасаете нам жизнь! — с глубокой признательностью произнесла донья Марианна.

— К чему эти счеты? — сказал Твердая Рука. Донья Марианна ответила ему взглядом, наполненным каким-то невыразимым чувством, покраснев, отвернулась и молча последовала за братом.

IV. Сторожевой форт Сан-Мигель

Испанцы, завоевав Мексику, оттеснили в пустыню возмутившихся против их железного ига индейцев, обрекая их тем самым на вымирание от голода и лишений. Для защиты своих городов и асиенд от разрушительных набегов непокорившихся племен завоеватели возвели вдоль границ прерий цепь связанных между собой крепостей и фортов. Гарнизоны этих укреплений успевали всегда приходить друг другу на помощь не потому, что они находились на небольшом расстоянии друг от друга, — ибо, напротив,

разбросанные на большом пространстве, они отстояли один от другого на десятки лье[11], — а потому, что между ними непрерывно патрулировали многочисленные отряды улан.

Однако со времени провозглашения независимости Мексики эти пограничные укрепления перестали пользоваться вниманием правительств этой злополучной[12] страны и пришли в упадок. Одни были преданы огню и разрушению индейцами, когда те, собравшись с силами, перешли в наступление и начали мало-помалу отвоевывать отобранные у них земли; другие были заброшены испанцами или же сами разваливались, потому что на содержание их правительство не отпускало достаточных средств. Все же и теперь еще там и сям встречаются уцелевшие форты и крепости. Они содержатся на средства самого населения пограничных областей, нуждающегося в убежищах от набегов хитрого и непримиримого врага. Все эти укрепления были выстроены по шаблону. Поэтому описание устройства форта

---

[11] Примечания: 11

Лье — мера длины, равная 4,444 км.

[12] Примечания: 12

Автор намекает тут на пронунсиаменто, то есть государственные перевороты, часто совершавшиеся мексиканскими военными, а то и просто людьми с диктаторскими склонностями.

Сан-Мигель (в котором нам пришлось побывать) даст читателю ясное представление о простой и действенной системе защиты, созданной испанцами. Форт Сан-Мигель состоял из четырех квадратных строений, соединенных крытыми галереями, внутренние стены которых служили оградой двора, обсаженного лимонными, персиковыми и рожковыми деревьями[13]. В этот же двор выходили комнаты для путешественников, казармы и т.п. На некотором расстоянии от этих строении высились внешние крепостные стены с единственными воротами. Стены были снабжены бойницами, под которыми на высоте восьми футов от земли находились площадки для бойцов, шириною в три фута. Строительным материалом для всех этих построек служили обожженные на солнце куски земли, так называемые адобы.

В двадцати футах от крепостной стены поднималась другая, состоявшая из кактусов, настолько близко посаженных друг к другу, что ветви их плотно сплелись. Густая щетина колючек этой, если можно так выразиться, живой стены делала

[13] Примечания: 13

Рожковое дерево — вечнозеленое дерево, произрастающее в тропических странах, на берегах Средиземного моря и на Среднем Востоке. Плоды его — длинные бобы, наполненные мякотью, — употребляются как сладости

ее непроходимой для полуобнаженных и плохо вооруженных индейских воинов. Единственный проход через «живую» стену закрывался массивными воротами, укрепленными на глубоко врытых в землю столбах. Бойницы крепостной стены господствовали над равниной; это позволяло хорошо укрытым за ними солдатам стрелять поверх кактусов. При появлении индейцев, что неизменно совпадало с днями так называемого «месяца земляники», малочисленное пограничное население укрывалось за стенами форта Сан-Мигель и спокойно отсиживалось здесь до тех пор, пока индейцев не рассеивала подмога, подоспевшая из какого-либо города, зачастую расположенного лье в пятидесяти от Сан-Мигеля, или же пока индейцы сами не снимали осады, убедившись в ее бесплодности. Комендант форта Сан-Мигель, Маркос де Ниса, был человек лет сорока, невысокого роста, тучный и приземистый, но живой и деятельный. Его лицо, с довольно правильными чертами, дышало добродушием, сквозь которое проглядывали ум и характер. Он принадлежал к числу честных, образованных и знающих свое дело офицеров, что, к несчастью, не так часто встречается в мексиканской армии. И так как он никогда не прибегал к служебным

интригам и покровительству влиятельных знакомых, чтобы добиться больших чинов, то вот уже под десять лет, несмотря на его общепризнанные достоинства и безупречное поведение, он состоял в чине капитана, без всякой при этом надежды на повышение. Между тем уже само назначение дона Маркоса де Ниса комендантом форта Сан-Мигель свидетельствовало о высоком мнении, сложившемся о нем у властей провинции. Эти пограничные форты, постоянно подвергающиеся набегам индейцев, доверялись только надежным и опытным военачальникам. Правда, блестящие офицерики, привыкшие волочить свою саблю по паркетам дворцов мексиканской столицы, и сами не особенно добивались назначения на почетное, но опасное командование пограничными фортами, и оно доставалось обычно храбрым солдатам, меньше всего заботившимся о своей карьере.

Но вернемся к нашему рассказу. Не успел капрал сообщить капитану Маркосу имена прибывших, как тот с распростертыми объятиями поспешил к ним навстречу.

— О! — радостно воскликнул он. — Какой чудесный сюрприз! Счастлив видеть вас.

— Погодите радоваться, дон Маркос, — отозвалась, улыбаясь, донья Марианна. — Ведь мы

приехали к вам не в гости, а за помощью и защитой.

— Все тут к вашим услугам, дорогие! Разве мы не родственники, и довольно близкие родственники?

— Разумеется, кузен, — ответил дон Руис, — поэтому встреча с вами — истинное утешение для нас в нашем несчастье.

— Гм!.. Это так серьезно? — с помрачневшим лицом спросил капитан.

— Настолько серьезно, что, не приди нам на помощь этот кабальеро, — сказал дон Руис, поклонившись Твердой Руке, который застыл в неподвижности, стоя рядом с ним, — мы, по всей вероятности, погибли бы в пустыне.

— Бедняжки! — воскликнул капитан. — Но после всех ваших треволнений вы, вероятно, основательно устали и проголодались. Слезайте же с коней и пожалуйте ко мне… А вы, капрал, займитесь лошадьми наших гостей.

Капрал отвел коней в кораль[14], а молодые люди, после многократных объятий и поцелуев капитана, последовали за ним в сопровождении Твердой Руки, с которым капитан обменялся

---

[14] Примечания: 14
Кораль — загон для коней и скота.

горячим рукопожатием.

— Садитесь, дети, закусывайте и отдыхайте. Поговорим обо всем после, — сказал капитан, когда они вошли в гостиную, вся меблировка которой состояла из нескольких кресел и стола.

Дон Маркос придвинул к молодым людям приготовленные на столе закуски и прохладительные напитки и, пока те угощались, знаком подозвал Твердую Руку и вышел с ним в другую комнату.

— Что нового в прерии? — спросил капитан, когда оба они разместились в креслах.

— Тревожно, — коротко ответил Твердая Рука.

— Я так и думал, — пробормотал офицер, печально покачав головой. — Придется, видно, взяться за оружие и пройтись снова по пустыне, чтобы проучить этих степных пиратов, а заодно и показать им, как мы сильны.

Его собеседник только покачал головой в ответ.

— Объяснитесь, — заговорил капитан после минутного молчания, во время которого он не сводил глаз с Твердой Руки. — Признаюсь, ваше молчание не на шутку встревожило меня. А между тем, если сбросить со счетов мародерство нескольких бандитских шаек, граница никогда,

кажется, не была такой спокойной.

— Зловещее спокойствие, дон Маркос. За ним притаилась буря, и страшная буря! Поверьте мне… Скажите, у вас сильный гарнизон?

— На мой взгляд, достаточный.

— Точнее: сколько солдат?

— Около семидесяти.

— Маловато.

— Как так — «маловато»? Обычный состав гарнизонов всех наших пограничных постов.

— Для мирного времени! Не обманывайте себя, капитан… Вы отлично понимаете, что на ваш форт прежде всего обрушится накопившаяся ненависть коренных жителей прерий…

— Да объясните же, наконец, толком! — воскликнул капитан. — В чем дело…

Он не успел докончить: в дверях показался капрал. Раздосадованный этим неуместным вторжением, капитан резко повернулся и раздраженно спросил:

— Ну что там еще, капрал? Никогда не оставят в покое!

— Прошу прощения, сеньор капитан, — ответил бедняга, испуганный столь резким окриком, — но меня послал к вам господин лейтенант.

— Так что же ему от меня надо? Да говорите же

скорей! Ну!

— Сеньор капитан! Замечен крупный конный отряд. Он мчится во весь опор прямо на наш форт. Сеньор лейтенант приказал предупредить вас.

— Вот как! — воскликнул капитан, многозначительно взглянув на своего гостя. — Уж не передовой ли это отряд неприятеля, нападение которого вы только что предсказывали?

— Эти всадники, — улыбаясь, ответил Твердая Рука, — с самого утра гонятся за доном Руисом и за мной. Я не думаю, что это индейцы.

— А что думает сеньор лейтенант? — обратился дон Маркос к своему капралу.

— Всадники еще слишком далеко, так что нет никакой возможности распознать их сквозь густое облако пыли, сеньор капитан.

— Понятно! Пойти разве самому взглянуть… — сказал капитан, поднимаясь. — Вы со мной? — спросил он своего гостя.

— Разумеется!

Твердая Рука встал, взял ружье, прислоненное им раньше в углу, и вышел вслед за капитаном.

В гостиной, куда они вошли, брат и сестра продолжали утолять свой голод. Молодой мексиканец тотчас же поднялся навстречу капитану.

— Я уже знаю, дон Маркос, что на форт гото-

вится нападение; наверно, это сообщники тех самых разбойников, с которыми нам с сестрой пришлось иметь дело вчера. А поэтому у теня к вам просьба, дорогой кузен: поскольку на этот раз вам придется драться, вступаясь за нас, разрешите уж и мне пострелять вместе с вами.

— Ради бога! — весело ответил капитан. — Хотя, по правде говоря, эти негодяи не заслуживают такого внимания.

— Что ты хочешь делать? Опомнись! Останься здесь!.. Со мной!.. — умоляла брата донья Марианна.

— Не могу, дорогая, — отшучивался тот, целуя сестру. — Что подумает обо мне мой кузен, если я буду прятаться от пуль, когда другие будут сражаться!

— Не бойтесь за него, ниньяː[15], ничего с ним не случится, ручаюсь вам, — вмешался капитан.

Мужчины вышли, а донья Марианна, вздохнув, вновь опустилась в кресло.

Во дворе все уже было в движении. Лейтенант, старый опытный вояка, с сединой в усах, с лицом, изборожденным шрамами от сабельных ударов, не терял даром времени. Пока капрал докладывал

---

[15] Примечания: 15
Ниньяː — девушка, барышня.

капитану, лейтенант приказал трубить сбор, расставил солдат по местам, приставил к бойницам самых метких стрелков — одним словом, принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох дерзким нападением врага. Выйдя во двор, капитан остановился, привычным взглядом оценил всю целесообразность распоряжений, отданных его помощником, и удовлетворенно улыбнулся.

— Теперь, — обратился он к Твердой Руке, — пойдемте взглянем, с каким противником нам придется иметь дело.

— Стоит ли? — ответил тот. — Могу не глядя сказать вам: это степные пираты.

— «Степные пираты»?! — изумился капитан. — Да они бы никогда не осмелились…

— Одни — конечно, нет, — живо прервал его Твердая Рука, — но, действуя лишь в качестве авангарда более крупных сил, они, как видите, решаются. Впрочем, едва ли их атака будет серьезной; вероятнее всего, это только разведка боем, проверка состояния боевой готовности форта. Устройте же им достойную встречу, докажите им, что вы всегда начеку! Этого будет достаточно, чтобы заставить их отступить.

— Вы правы! — воскликнул капитан. — Они получат хороший урок, обещаю вам!

Он прошептал тут же на ухо какой-то приказ капралу, и тот, отдав честь, быстро удалился. На несколько минут глубокая тишина нависла над крепостью. Есть что-то торжественное в затишье перед битвой, когда даже самые смелые люди собираются с духом: одни — призывая на помощь всю свою волю, другие — обращая к небу последнюю горячую молитву. Внезапно под аккомпанемент бешеного топота коней раздалось дикое гиканье, и из облаков пыли словно вынырнул неприятельский отряд. Всадники неслись вихрем, потрясая в воздухе ружьями и длинными пиками. Но едва они приблизились на расстояние выстрела, как раздалась команда: «Огонь!» — и с крепостной стены грянул дружный и оглушительный, как раскат грома, залп. Всадники, домчавшиеся почти до самых зарослей кактуса, смешались, закружились и, повернув коней, стремительно поскакали назад. Однако пули, посланные недрогнувшими руками метких мексиканских стрелков, находили свои жертвы, и ряды неприятеля заметно таяли. При всей поспешности бегства этих всадников в них нетрудно было признать степных пиратов.

Едва прикрытые всяким рваньем, они почти все скакали на неоседланных конях, понукая их

дикими криками. Двое или трое из них были, очевидно, главарями. Их можно было отличить по некоему подобию красной чалмы, обернутой вокруг головы, и по отрепьям каких-то мундиров, снятых, вероятно, с убитых солдат. Отталкивающая и грязная внешность всей этой банды вызывала чувство гадливости. Не подлежало ни малейшему сомнению: то были белые или метисы, но, во всяком случае, не индейцы — ни апачи, ни команчи, ни аракуаны — эти чудесные дети природы, столь утонченные в выборе своего оружия и одежды и столь благородные в своей осанке.

Очутившись вне досягаемости ружейного выстрела, бандиты остановились и стали советоваться. В этот момент к ним присоединился второй отряд. Его главарь оживленно жестикулировал, ежеминутно указывая своим карабином на форт. В обоих отрядах вместе было примерно сотни полторы всадников. После длительного обсуждения степные пираты ринулись снова вперед и домчались до стен форта.

Капитан де Ниса, желая основательно проучить их, приказал подпустить атакующих без единого выстрела. Бандиты скрылись под непроницаемой завесой кактусовой листвы. Однако это нисколь-

ко не смутило мексиканцев, полагавшихся на неприступность своих позиций и надежность крепостных ворот. Около трех десятков бандитов, среди которых находились несколько главарей, осмелев от бездействия гарнизона, перелезли через кактусовую изгородь и ринулись на каменную стену. Но она была слишком высокой, чтобы на нее можно было бы вскарабкаться с такой же легкостью. Убедившись в бесплодности своих усилий, разбойники разделились: одни из них бросились подбирать камни и колья, с помощью которых они рассчитывали разбить ворота крепости, другие пытались открыть для остальной банды ворота кактусовой изгороди. Мексиканцы отлично слышали, как проникшие за изгородь бандиты жаловались на трудности товарищам, оставшимся в поле. Чтобы открыть им путь, нужно было повалить ворота. Тогда решили свалить с помощью лассо столбы, на которых те были укреплены. Соединенными усилиями людей и лошадей лассо натянулись, как струны. Еще минута — и створки, казалось, сорвутся со своих петель; но столбы, нисколько не поддавшись, стойко выдержали это испытание.

— Чего вы ждете, капитан? — шепнул ему на ухо дон Руис. — Почему не приступаете к уничто-

жению этого сброда?

— Их еще мало в мышеловке, — сверкнув лукавой улыбкой, ответил капитан. — Подождем, пока наберется побольше. И в самом деле: словно отвечая желанию старого солдата, еще человек двадцать бандитов перелезли через ворота. Теперь между двумя стенами собралось уже с полсотни людей. Решив, что этого достаточно, они устремились на приступ. В ту же минуту в бойницах сверкнули зловещие огоньки, и град пуль обрушился на осаждающих; те же со своей невыгодной позиции не могли ответить на огонь мексиканцев. От сознания своей ошибки, в результате которой они так глупо попались в ловушку, бандиты поддались панике; теперь они помышляли только о бегстве. Трижды кидались они к изгороди, пытаясь выбраться из западни, и трижды отбрасывал их назад жестокий огонь мексиканцев. Отчаяние несчастных возросло до предела, когда они услышали топот конницы, удалявшейся в направлении прерий, и поняли, что им нечего больше рассчитывать на помощь своих товарищей, оставивших их на произвол судьбы.

А мексиканцы, охваченные жаждой мести, продолжали без жалости обстреливать своих

врагов. Только немногим из бандитов удалось добраться ползком до основания стены и прильнуть к ней под самыми бойницами. Здесь стрелки не могли накрыть их своим огнем, не высунувшись из бойницы и не подставив тем самым себя под ответную пулю. Из пятидесяти человек, пробравшихся в промежуток между двумя стенами, уцелели только четырнадцать; остальные были убиты. Ни одному бандиту не удалось пока вырваться из западни.

— Ну, не скоро же они забудут этот урок! — вскричал капитан, потирая от удовольствия руки. — Здорово мы их проучили!

Уступая, однако, настоятельным просьбам дона Руиса, наш достойный капитан, который, в сущности, и сам не отличался жестокостью, приказал предложить разбойникам сдаться, на что степные пираты ответили оглушительным гиканьем. Эти четырнадцать человек, растратившие патроны, но сохранившие свои длинные мачете, были отменными бойцами, справиться с которыми было нелегко. Мексиканцы отлично знали, что в рукопашной схватке эти люди, исполненные решимости биться насмерть, будут опасными противниками. Но покончить с ними все же надо было. По приказу капитана распахнулись

крепостные ворота, и человек двадцать кавалеристов во весь опор ринулись на разбойников. А те, не дрогнув, приняли бой. Схватка была жестокой, но короткой. Три мексиканца были убиты, пятеро тяжело ранены. Из степных пиратов только один, воспользовавшись тем, что внимание стрелков у бойниц было отвлечено рукопашной, успел уйти, проявив при этом чудеса ловкости и решимости. Этот единственный, выскочивший из побоища бандит был не кто иной, как знакомый уже читателю Кидд. Очутившись в степи, он на мгновение остановился, погрозил солдатам выразительным жестом руки и, вскочив на первого попавшегося коня, умчался в прерию, преследуемый градом пуль, не причинивших ему никакого вреда.

V. Пребывание в форте

Как только кончилось сражение и в крепости водворился обычный порядок, капитан поручил лейтенанту убрать тела убитых врагов. По приказу коменданта мертвецов обезглавили и, повесив их за ноги на ближайших к форту деревьях, оставили на съедение диким зверям.

Головы же убитых, насаженные на колья, были выставлены на крепостных стенах для устра-

шения бандитов на случай, если бы они снова дерзнули появиться в окрестностях форта.

Отдав все эти распоряжения, капитан вернулся к себе. Дон Маркос сиял от радости; ему казалось, что он одержал окончательную победу над пограничными бродягами. Ценой незначительных потерь он дал им примерный урок, который надолго, думал он, отобьет у них охоту приближаться к стенам вверенного ему форта.

Но Твердая Рука придерживался, очевидно, другого мнения. Каждый раз, когда капитан вспоминал какой-нибудь эпизод битвы и с радостной улыбкой потирал от удовольствия руки. Твердая Рука хмурил брови. Это повторялось так часто, что в конце концов капитан обратил на это внимание.

— Что с вами? — произнес он веселым голосом, в котором звучала, однако, нотка раздражения. — Клянусь, я в жизни не встречал еще такого чудака! Всегда вы чем-то недовольны и вечно не в духе! Право, не знаю, как с вами быть… Ну, скажите сами: разве плохо мы вздули этот сброд? Отвечайте же!

— Не отрицаю.

— Гм! И на этом спасибо! Надеюсь, вы согласитесь также, что мы имели дело с храбрым

противником?

— Охотно; но именно это и пугает меня.

— Не понимаю вас.

— Все дело в том, что степные пираты призваны сыграть самую незначительную роль в готовящейся трагедии.

— Да говорите же, наконец!

Оба собеседника уселись в кресла, и капитан жестом пригласил Твердую Руку начать разговор, которым дон Маркос интересовался гораздо больше, чем об этом можно было бы судить по его наружному спокойствию.

— Месяца два назад, — начал Твердая Рука, — я приехал в Сан-Эстебан по своим личным делам. Эта крепость, расположенная на расстоянии двухдневного перехода отсюда, — весьма важный стратегический пункт. Она служит, как вам хорошо известно, связующим звеном всех фортов, разбросанных вдоль индейской границы.

Капитан утвердительно кивнул головой.

— Я очень близко знаком с комендантом крепости, полковником доном Грегорио Охоа, — продолжал Твердая Рука. — В последнее свое пребывание в Сан-Эстебане я часто бывал у него. Но вам ведь знаком мой дикий нрав, известно мое органическое отвращение к городской

жизни, и вы, вероятно, уже догадываетесь, что, едва управившись с делами, я стал готовиться к отъезду. По своему обыкновению, я рассчитывал выехать рано поутру. Но мне не хотелось покинуть город, не простясь с комендантом. Я застал его в сильнейшем волнении. Видимо, чем-то встревоженный, а может быть, и взбешенный, дон Грегорио шагал взад и вперед по комнате.

— Пожаловали наконец. Твердая Рука! — воскликнул полковник. — Где вы пропадали? Вот уже два часа, как десять моих солдат разыскивают вас, но ни один не напал еще на ваш след.

— Удивительно! Ведь я находился почти рядом, и найти меня было совсем просто.

— Оказывается, нет, — ответил полковник. — Не будем, впрочем, спорить об этом. В конце концов, мне не так уж важно знать, где вы были и что делали. Вы явились — вот что важно... — Потом, внезапно изменяя тон, он спросил: — А долго вы еще намерены пробыть в Сан-Эстебане?

— Нет, полковник, все мои дела закончены, и завтра на рассвете я намерен уехать. Да я, собственно, и пришел проститься с вами.

— Вот как! — радостно воскликнул дон Грегорио, но, спохватившись, тут же добавил. — Только не поймите меня превратно, не подумайте, что я

хочу удалить вас отсюда. Все дело в том, — продолжал он, глядя на меня в упор, — что вот уже несколько дней, как в нашем городе передаются из уст в уста самые тревожные слухи, до источника которых я никак не могу докопаться.

— И что же это за слухи? — спросил я.

— Говорят... но заметьте, что я сказал «говорят», я это подчеркиваю, ибо сам я ничего не утверждаю... итак, говорят, что против нас готовится всеобщее восстание щитоносцев[16], что из лютой ненависти к нам индейские племена, забыв на время взаимные счеты и раздоры, объединились для захвата всех наших пограничных укреплений. Говорят, что вслед за падением наших крепостей последует вторжение в наши штаты. Говорят, что индейцы полны решимости изгнать нас из Соноры и Синалоа и водвориться там на вечные времена.

— Слов нет, это тревожные слухи, — ответил я полковнику. — Однако до настоящего времени ничто, кажется, не подтвердило вам их достоверность?

— Верно, но ведь дыма без огня не бывает.

— О каких же индейских племенах упомина-

[16] Примечания: 16

Щитоносцы — так испанские завоеватели называли индейцев, разивших копьем и отражавших удары щитом.

ют?

— О многих. В частности, говорят о папагосах, то есть о великой лиге апачей, акуасов, хиленосов, команчей, опатосов и бог его знает еще каких! Но особую тревогу внушает союз индейцев, — заметьте, речь все еще идет о том, что говорят, — с пограничными метисами и степными пиратами. И те и другие собираются помочь индейцам в их походе против нас.

— Да, все это весьма тревожно…

Полковник не дал мне договорить.

— За последнее время, — прервал он, — некоторые происшествия придали известную достоверность этим слухам. Несколько путешественников были убиты, и почти у самых ворот крепости бандиты ограбили три больших каравана. Пора положить всему этому конец!

— На этом и оборвался наш разговор с полковником, — продолжал Твердая Рука. — Как я и обещал дону Грегорио, я покинул цитадель назавтра утром. С тех пор прошло два месяца, а я все странствую по прерии. В ваши края я попал совершенно случайно; взбрела вдруг в голову мысль проверить, не обзавелся ли снова гарнизоном давно заброшенный форт Сан-Мигель. Да и вас, дон Маркос, я никак не думал застать тут:

ведь я оставил вас в Сан-Эстебане.

— Верно, — отвечал капитан. — Но месяц назад дон Грегорио приказал мне занять с гарнизоном форт Сан-Мигель и укрепиться в нем. Полковник не счел нужным при этом сообщить мне о причинах, побудивших его принять неожиданное решение о приведении форта в боевую готовность.

— Надеюсь, теперь вам все ясно? — спросил Твердая Рука.

— Конечно, и я весьма признателен вам за сообщение.

— Однако конь мой успел уже отдохнуть, — сказал Твердая Рука. — До наступления ночи еще добрых пять-шесть часов, которыми я и хочу воспользоваться для своего дальнейшего путешествия.

— Как, уже? Покидаете нас? — удивился капитан.

— Не теряя ни минуты, — ответил Твердая Рука, направляясь к выходу.

— Даже не попрощавшись с доном Руисом и его сестрой?

— К сожалению, да, — сказал Твердая Рука после минутного размышления. — Время не терпит. Извинитесь, пожалуйста, перед ними за меня.

Впрочем, мы так мало знакомы, что вряд ли дон Руис и донья Марианна придадут большое значение моему поведению по отношению к ним. Итак, прощайте еще раз!

— Не смею, конечно, настаивать, — ответил капитан. — Делайте как знаете. Но все же, на мой взгляд, вам не мешало бы проститься с ними.

— Ба! — произнес Твердая Рука голосом, в котором явственно слышалась ирония. — Разве я не слыву за дикаря? К чему же мне соблюдать все эти церемонии, принятые только в среде цивилизованных людей?

В ответ капитан пожал плечами, и оба они вышли на крыльцо.

Пять минут спустя Твердая Рука был уже в седле.

— Прощайте, — обратился он к дону Маркосу, — и не забудьте предупредить окрестных земледельцев.

— Карай, не беспокойтесь! Прощайте… Доброго пути! Последнее рукопожатие — и Твердая Рука карьером умчался в пустыню, а капитан вернулся домой, бормоча себе под нос:

— Что за странный человек! И кто он? Друг или враг?

Брат и сестра были удивлены, когда, сойдя к

ужину, они не застали за столом Твердую Руку. Известие о его отъезде огорчило, а в глубине души даже обидело молодых людей. Особенно живо переживала обиду донья Марианна, напрасно искавшая в своем сердце оправдание поступку, столь недостойному истинного кабальеро. Молодые люди ничем не выдали, однако, своих чувств, и вечер прошел непринужденно и весело. Перед отходом ко сну дон Руис напомнил капитану его обещание дать им конвой для дальнейшего путешествия, в которое брат и сестра, горя желанием скорей вернуться к отцу, намеревались пуститься завтра же. Дон Маркос не только отказал молодым людям в конвое, но заявил, что вынужден задержать их на некоторое время в крепости. Понятно, что дон Руис потребовал объяснений, и капитан вынужден был передать ему свой разговор с Твердой Рукой. Дон Руис и донья Марианна слишком близко видели смерть, чтобы рискнуть вторично предпринять одним такое далекое, чреватое опасностями путешествие. Раздосадованный этой новой задержкой, дон Руис спросил капитана, когда полагает он вернуть им свободу.

— О, не беспокойтесь, ваше пленение не затянется, — успокоил его капитан. — Я жду подкрепления из крепости Сан-Эстебан. Как только

оно подоспеет, — а это будет через семь-восемь дней, — я снаряжу вас в путь с надежным конвоем. Волей-неволей брату и сестре пришлось покориться. Теперь им оставалось только позаботиться о том, чтобы не очень скучать в эти дни вынужденного ожидания. Задача не из легких, ибо жизнь в пограничном форте, и сама по себе довольно тоскливая, становится невыносимо однообразной, прямо-таки угрюмой, при угрозе внезапного нападения индейцев, когда ворота всегда на запоре, когда ты повсюду натыкаешься на часовых и тебе, в виде единственного развлечения, предоставляется возможность обозревать через бойницы пустынную равнину.

Между тем капитан, не без основания встревоженный сообщением Твердой Руки, принял в пределах своих ограниченных средств все меры для отражения возможного нападения индейцев. По его распоряжению всем пеонам и мелким землевладельцам[17], хозяйства которых были

[17] Примечания: 17

Крупные помещики содержали на свои средства собственные сильно вооруженные отряды, да и самые асиенды представляли собой небольшие крепости. Немудрено, что двор форта Сан-Мигель оказался вскоре запруженным стариками, молодыми людьми, женщинами, детьми и животными. Жилищ на всех не хватало, множеству людей пришлось ютиться на крепостном дворе, что, впрочем, не представляло слишком больших неудобств в стране, где почти не бывает дождей, где теплые ночи позволяют, не страдая от холода, ночевать под открытым небом.

расположены на расстоянии пятнадцати миль в окружности, было предложено переселиться в крепость. Большинство пограничных жителей поняли всю серьезность этого предупреждения. Они быстро собрали свои пожитки, прихватили с собой наиболее ценные вещи и, гоня впереди себя скот, со всех сторон стекались к форту. Поспешность, с которой они откликнулись на предложение капитана, выдавала их смертельный страх перед индейцами.

Капитан разместил как мог это разношерстное общество: женщины, старики и дети поселились в палатках и шалашах. Мужчин, способных носить оружие, стали обучать военному строю и включили в состав гарнизона.

Прирост народонаселения форта требовал увеличения запасов продовольствия, и капитан разослал во все стороны команды за хлебом и другими продуктами. Вместе с этими командами часто отправлялся побродить по окрестностям и дон Руис, а донья Марианна коротала время в обществе своих сверстниц, во множестве появившихся теперь в крепости. Прошло всего лишь десять дней после памятного разговора дона Маркоса и Твердой Руки, а форт Сан-Мигель, превращенный предприимчивым капитаном в

грозную крепость, стал совершенно неузнаваем. Форт опоясался теперь глубокими рвами, ощетинился баррикадами. К несчастью, гарнизон форта, достаточный для отражения внезапного нападения, был слишком малочисленным, чтобы выдержать настоящую осаду.

Однажды на рассвете дозорные заметили на горизонте густое облако пыли, с быстротой вихря приближавшееся к форту. Пробили боевую тревогу, на стены высыпали солдаты; все приготовились к бою с невидимым, но, по всей вероятности, вражеским отрядом.

Но вот на расстоянии ружейного выстрела всадники круто осадили коней, а из рассеявшегося облака пыли, к неописуемому восторгу населения форта, показались мексиканские военные мундиры.

Четверть часа спустя восемьдесят улан въезжали в крепость под приветственные крики гарнизонных солдат и беженцев. За спиной каждого всадника сидело по пехотинцу. Это было подкрепление, посланное из Сан-Эстебана.

VI. Из прошлого одного семейства

В Мексике и теперь еще существуют семейства,

— о, очень немного, всего несколько! — с полным основанием ведущие свой род от первых прибывших сюда испанских завоевателей. Большинство этих семейств и поныне обитает в поместьях, дарованных их предкам. Браки в этих семействах заключаются только в их собственном ограниченном, родственном кругу.

Эти родовитые мексиканцы ведут замкнутый образ жизни. В политические события они вмешиваются лишь в тех случаях, когда затронуты интересы их сословия. Взоры их обращены к прошлому, они сохранили в своем обиходе рыцарские традиции и патриархальные нравы времен Карла Пятого.

В нескольких лье от Ариспы, некогда столицы штата Сонора, а ныне провинциального городка, утратившего все свое великолепие, повис на высоком скалистом утесе, подобно орлиному гнезду, величественный замок. Его крепкие, словно взлетающие ввысь стены увенчивали горделивые альменас[18], украшать которыми свои замки во время испанского владычества разрешалось только старинным, родовитым семействам.

Свидетельство о древности этого замка, воз-

---

[18] Примечания: 18
Альмеиас — зубцы стены.

двигнутого чуть ли не в первые дни завоевания Америки, было вписано в его стены следами множества пуль и стрел; но, хотя камни цитадели начали уже крошиться под воздействием времени, этого беспощадного разрушителя, не переставшего орудовать здесь с помощью ветра, солнца и дождя, сам замок оставался собственностью одного и того же семейства, неизменно переходя по наследству из поколения в поколение от старшего к старшему в семье.

Владельцы этого замка — маркизы де Тобар де Могюер — принадлежали к числу именно тех семейств, которые ведут свой род от первых завоевателей Америки. (Строго говоря, их фамилия — де Тобар, а частица «де Могюер»[19] была приставлена позже — вероятно, в память испанского города, откуда прибыл родоначальник семейства.)

В 1541 году дон Антонио де Мендоса, вице-король Новой Испании, снарядил экспедицию для завоевания Сиболы. О богатствах этого таинственного края, где за несколько лет до этого побывал Альвар Нуньес Кабеса де Вака, кратко

---

[19] Примечания: 19
«Из Могюера».

именуемый дон Альварадо[20], ходили самые фантастические слухи. А как известно, именно такого рода слухи сильнее всего способны были воспламенить корыстные чувства испанских искателей приключений, обуреваемых ненасытною жаждой золота.

Семнадцатого апреля 1541 года эта экспедиция в составе трехсот испанцев и вспомогательного отряда из восьмисот индейцев выступила под начальством дона Франсиско Васкес де Коронадо из города Компостелла, столицы штата Новая Галисия. Все офицеры экспедиции принадлежали к высшей знати; среди них, в качестве знаменосца, находился Педро де Тобар, отец которого, дон Фернандо де Тобар, был старшим мажордомом[21] королевы Иоанны Безумной, матери императора Карла Пятого.

После бесконечно утомительного похода экспедиция добралась наконец до Сиболы, которая, вместо цветущего и богатого города, каким представляли ее себе испанцы, оказалась жалким

---

[20] Примечания: 20

Де Вака — один из ближайших помощников Фернандо Кортеса, завоевателя Мексики.

[21] Примечания: 21

Мажордом — в данном контексте управитель королевских дворцов и владений, один из самых высокопоставленных государственных сановников; вообще слово «мажордом» означает «управляющий домом».

селением, прилепившимся к скалистому утесу. Испанцы овладели Сиболой после боя, длившегося не более часа, хотя индейцы отчаянно защищались и нанесли испанцам тяжелые потери. Среди многочисленных раненых оказался и генерал, командовавший экспедицией; сброшенный наземь с лошади ударом увесистого камня, он неминуемо погиб бы, если бы подоспевшие к нему на помощь дон Педро и еще один офицер не помогли ему выбраться из побоища. Жажда золота и приключений влекла испанцев дальше; несмотря на то, что они были измучены неслыханными лишениями, которые претерпели в походе, и обескуражены жестокими разочарованиями, которые стерегли их на каждом шагу, они решили после взятия Сиболы попытать еще раз счастья и двинуться в глубь страны. На этот раз испанцев вел дон Тристан д'Ареллано, сменивший на посту командующего дона Франциско Васкес де Коронадо, пригвожденного, вследствие своего ранения, к постели в Сиболе. Преодолев снова невероятные трудности, испанцы дошли до страны, которую посетил в конце своего путешествия генерал дон Альварадо. Генерал назвал этот край Страна Сердец — не потому, что его обитатели отличались особым добродушием и

приветливостью, а потому лишь, что за все время пребывания здесь дону Альварадо не довелось отведать никакой другой пищи, кроме оленьих сердец.

Здесь и кончился поход испанцев. Соблазненный богатством и плодородием этого края, дон Тристан д'Ареллано заложил здесь город и назвал его Сан-Иеронимо-делос-Корасонес. Однако город этот был почти тотчас же заброшен. Испанцы перенесли его немного подальше, где основали город Сенора, который вскоре, вследствие искажения произношения, превратился в город Сонору. Это утвердившееся за ним название распространилось потом на весь край.

Немаловажную роль в этом продолжительном походе сыграл неоднократно отличившийся дон Педро де Тобар. Во главе отряда из семнадцати кавалеристов, четырех пехотинцев и одного францисканского монаха, в дни своей молодости служившего солдатом, дон Педро де Тобар проник в провинцию Туталиако, насчитывавшую семь городков с многоэтажными домами. Все эти городки, точнее — селения, были взяты приступом, а вся провинция покорена в несколько дней.

Когда двадцать лет спустя вице-король решил наградить дона Педро поместьями за его боевые

заслуги, последний просил вице-короля выделить ему земли в Соноре, с которой его связывали воспоминания о буйно проведенной молодости. Даже сами лишения, которые он там претерпел, и опасности, которым он там подвергался, влекли дона Педро к этой провинции. К тому же он был уже тогда женат на дочери своего товарища по оружию — дона Родриго Мальдонадо. А дон Родриго поселился в Соноре, что также немало повлияло на решение дона Педро, желавшего основаться поблизости от своего тестя. На месте пепелища давно уже заброшенной Сиболы, на вершине утеса, и воздвиг дон Педро свой величественный замок дель Торо, который с огромными примыкающими к нему землями и угодьями в течение веков оставался в руках его потомков.

Как и все крупные асиенды, дель Торо напоминал скорее город, чем поместье, особенно если принять во внимание смысл, какой придают европейцы понятию «имение». Ведь в состав асиенды дель Торо была включена вся бывшая территория Сиболы; она вмещала господский дом, отделанный с чисто княжеской роскошью, всякого рода мастерские, амбары, казармы, общежития для пеонов, конюшни и загоны для скота, огромный парк, засаженный чудесными дере-

вьями и ароматными цветами. Одним словом, асиенда дель Торо принадлежала — да и теперь еще принадлежит — к числу тех гигантских сооружений, которые словно созданы для жилья титанов. Самые прекрасные замки средневековья могут дать лишь слабое представление о ней.

Не надо забывать, что победители в ту эпоху строились в чрезвычайно редко населенных краях. Помещику было где развернуться. Он, не стесняясь, отхватывал земли, сколько душе было угодно. В результате каждый из них оказывался собственником территории, равной по своей площади целой области какого-нибудь европейского государства, и это никого не удивляло.

События, которым посвящены эта и следующие главы нашего романа, происходили в 1811 году, за двадцать девять лет до вышеописанной встречи брата и сестры де Могюер с Твердой Рукой. Напомним кстати, что это был год знаменитой мексиканской революции, начало которой в ночь на 16 сентября 1810 года провозгласил

Идальго[22], тогда еще простой кюре[23] жалкого селения Долорес. Однако злосчастное сражение при Кальдероне, когда волны необученного индейского воинства разбились о железную стену регулярной испанской армии, нанесло такой, казалось, непоправимый удар делу мексиканской революции, что даже самые дальновидные испанские политики стали рассматривать ее как незначительную вспышку. За эту роковую ошибку испанцы вскоре расплатились крушением своего господства в Мексике.

Но 25 ноября 1811 года, в тот день, когда начинается наш рассказ, повстанцы еще не были разбиты у Кальдероне. Более того, их первые шаги увенчались успехом. Со всех сторон к Идальго стекались индейские добровольцы; численность повстанческой армии — правда, плохо обученной военному строю, но зато воодушевленной энтузиазмом, — достигла уже внушительной цифры в 80 тысяч человек. Идальго стягивал все

---

[22] Примечания: 22

Идальго и Кастилло — сельский священник, вождь первого восстания за независимость Мексики. Идальго увлек за собой массы индейцев-крестьян обещанием отобрать у испанских помещиков асиенды и раздать их земли крестьянам. В сражении при Кальдероне Идальго попал в плен к испанцам и был расстрелян.

[23] Примечания: 23

Кюре — католический священник.

свои силы с явным намерением нанести противнику решающий удар и тем самым превратить это движение, ограниченное пределами двух провинций, во всеобщее восстание.

Итак, 25 ноября 1811 года, в два часа пополудни, вдоль левого берега наполовину пересохшей речки мчался путник на кровном степном мустанге. Стояла гнетущая жара; одни лишь чахлые кусты прибрежного хлопчатника уцелели от палящего зноя. Густые клубы пыли окутывали всадника, который продолжал свой путь в глубокой задумчивости, не замечая унылого спокойствия окружающей пустыни. Истомленные жарой птицы скрылись в листве, смолк их гомон, и только сумасшедший стрекот кузнечиков, бесчисленными мириадами зудивших в траве, нарушал полуденное безмолвие.

На вид этому путешественнику можно было дать лет двадцать пять. Несколько надменное выражение лица, хотя и не лишенного отпечатка добродушия и благожелательности, высокий рост и статная фигура, мягкие движения обличали в нем человека, привыкшего к почету и уважению со стороны окружающих. В наряде его не было ничего примечательного. Это был обычный дорожный костюм богатого мексиканца, и только

по короткой шпаге в серебряных ножнах с эфесом редкостной работы — единственному, по-видимому, оружию, которое было при нем, — его можно было признать за дворянина. К тому же правильные черты его лица и цвет кожи, значительно более светлый, чем у креолов, не оставляли никакого сомнения в его испанском происхождении. Выехав на рассвете из Ариспы, этот всадник не останавливался в пути ни на минуту. Он был до того углублен в свои, по-видимому, мрачные и тягостные мысли, что не замечал даже удушливого зноя, от которого лицо его покрылось потом. Из этой глубокой задумчивости путника вывел его конь, остановившийся как вкопанный у крутого изгиба дороги, или, вернее, тропы, по которой он следовал. Человек вздрогнул; в его глазах появилось выражение скорби, близкой к отчаянию: он находился у подножия скалистого утеса, на вершине которого вздымалась к небу во всем своем величии асиенда дель Торо.

Несколько минут путник не сводил своего затуманенного печалью взора с этого сурового сооружения, очевидно пробудившего в его душе дорогие воспоминания. Потом, подавив тяжелый вздох, невольно вырвавшийся из груди, он принял окончательное решение.

— Ничего не поделаешь, надо! — пробормотал он и, тронув коня, стал медленно взбираться по узкой горной дорожке, ведущей к воротам асиенды.

Тяжелая борьба чувств, происходившая, по-видимому, в душе молодого человека, отражалась на его подвижном лице; не раз его рука невольным, почти судорожным движением натягивала поводья, выдавая его намерение осадить коня и повернуть назад. Но воля брала верх, и ездок продолжал двигаться вперед, впиваясь пылающим взглядом в дорогу, словно опасаясь столкнуться где-нибудь на повороте тропы с человеком, встречи с которым он желал бы избежать.

Но тропа на всем своем протяжении оставалась

пустынной: ни одна живая душа не встретилась ему на всех ее изгибах. Наконец он добрался до асиенды. Ворота были открыты, подъемный мост спущен, но никто не вышел к нему навстречу, никто не сказал ему «добро пожаловать», хотя по всему было видно, что его здесь ожидали.

«Так оно и должно быть, — с горечью подумал он. — Нет, не как хозяин и даже не как гость возвращаюсь я в отчий дом, а как беглец, может быть, уже преданный проклятию!»

Миновав подъемный мост, доски которого тяжело загудели под копытами его коня, он въехал в первый двор. И тут ни души, и тут никто не встретил его. Соскочив наземь, всадник вынужден был собственноручно привязать поводья коня к вбитому в стене кольцу.

— Тебе придется подождать меня здесь, мой верный Брабó, — тихим, проникновенным голосом произнес он. — Ты ведь здесь тоже нежеланный гость. Потерпи! Должно быть, мы с тобой скоро пустимся в обратный путь.

Благородное животное, казалось, поняло слова своего господина. Как будто разделяя его печаль, мустанг повернул к нему свою тонкую и умную голову и заржал тихо и жалобно. Ответив ему ласковым взглядом, приезжий быстрым и ре-

шительным шагом двинулся дальше и, миновав первый двор, вошел во второй, гораздо более обширный. В глубине его, на первой ступени величественной лестницы, ведущей в апартаменты владельца асиенды, застыли в неподвижных позах два человека. При виде их пришелец выпрямился и, придав своему лицу высокомерное выражение, быстро направился к ним.

Слуги, вытянувшись в струнку, не сводили с него глаз. Когда он приблизился к ним на расстояние нескольких шагов, они одинаковым автоматическим движением обнажили перед ним головы и отвесили ему по низкому поклону.

— Его светлость маркиз ждет вас, ваше сиятельство, — промолвил один из них.

— Хорошо, — отозвался таинственный посетитель. — Один из вас пойдет доложить его светлости, что сын явился по его приказу, а другой проводит меня к нему.

Слуги вторично поклонились и с обнаженными головами зашагали впереди молодого человека, следовавшего за ними твердой размеренной поступью. На верхней площадке лестницы один из них быстро пошел вперед. Шум его шагов гулко отдавался в сводчатых коридорах. Когда он затих, лицо второго слуги вдруг утратило свое безучаст-

ное выражение, а в глазах его заблестели слезы.

— Беда, ваше сиятельство! Беда! — повернувшись к приезжему, дрогнувшим от волнения голосом произнес старый слуга. — Надо же быть такой беде!

— А что? — забеспокоился гость. — Что-нибудь случилось? С отцом? С матерью?

Старик отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он, — благодарение богу! Оба они здоровы. Но зачем, зачем покинули вы, ваше сиятельство, отчий кров? Увы! Теперь уж ничем нельзя поправить дело…

Тень недовольства пробежала по лицу молодого человека.

— Что же случилось здесь во время моего отсутствия? — спросил он.

— Как, вы ничего не знаете? — удивился слуга.

— Разве ты забыл, друг мой, что прошло уже два года с тех пор, как я покинул асиенду?

— Виноват, ваше сиятельство, виноват! Я совсем потерял голову с того времени, как обрушилась на вас эта беда.

— Успокойся, друг мой, я знаю, что ты привязан ко мне. О, ты-то не забыл, — с горечью продолжал приезжий, — что твоя жена, покойная Хуана, была моей кормилицей! Нет, Перот,

я ничего не знаю, мне неизвестно даже, почему отец приказал мне без промедления прибыть сюда. Верховому, доставившему мне это письмо, очевидно, приказано было молчать; да я и сам не стал бы его расспрашивать.

— И я не знаю, зачем вас вызвали сюда, ваше сиятельство, но я уверен, что это хорошо известно дону Фернандо.

— А! Брат мой здесь?

— Да, ваше сиятельство, дон Фернандо здесь и уже давно, как здесь! Упаси меня бог говорить дурное о сыне моего господина, но, право, было бы лучше, если бы он оставался в Гвадалахаре. Все здесь пошло иначе с тех пор, как он вернулся. Берегитесь, ваше сиятельство: дон Фернандо не любит вас.

— А что мне до ненависти брата! — надменно произнес молодой человек. — Разве я не старший в семье?

— Так-то оно так… Конечно, ваше сиятельство старший в семье, да только командует здесь всем ваш младший брат, словно он уже хозяин.

Это сообщение произвело удручающее впечатление на приезжего; но минуту спустя он уже оправился от своего волнения и, дружески опустив руку на плечо старого слуги, тепло про-

изнес:

— Ну-ка, Перот, вспомни девиз нашего семейства! Позабыл? Тогда читай!

— И он указал рукой на изваяние щита с гербом, подвешенное над дверью.

— Но вашему сиятельству лучше, чем мне, известен этот девиз, дарованный одному из ваших предков королем Фердинандом Кастильским.

— Разумеется! «Храни свою честь, и будь что будет!» Этот девиз и подскажет мне, как должно поступать. И я никогда… слышишь, Перот, никогда не нарушу его!

— А все же я снова повторю: берегитесь, ваше сиятельство! Я только старый слуга вашего семейства, но сердце мое холодеет при мысли о том, какой роковой исход может принять для вас предстоящий разговор с его светлостью маркизом.

— Будь спокоен, друг мой, — ответил путник голосом, исполненным благородного достоинства. — Мною будет руководить не только долг перед моими предками, но и долг перед самим собой. Я не выйду из рамок почтительного повиновения моим родителям, но сумею ответить на обвинения, которые, по всей вероятности, посыплются на меня.

— Дай бог, чтобы вашему сиятельству удалось

рассеять несправедливые подозрения, давно уже зародившиеся у вашего благородного родителя, подозрения, подогреваемые тем, кто еще при вашей жизни зарится на ваше богатое наследство.

— «Наследство»! — воскликнул молодой человек. — Да я с радостью откажусь от него в пользу брата, лишь бы он не посягал на самое дорогое для меня сокровище: любовь ко мне моих родителей!

В ответ старый Перот только глубоко вздохнул.

— Не будем, однако, задерживаться, — продолжал молодой человек, — отцу, вероятно, доложили уже о моем приезде, и всякое мое промедление будет истолковано во зло мне теми, кто в течение стольких лет замышляет мою гибель.

— Вы правы, мы и без того уже слишком замешкались. Следуйте за мной, ваше сиятельство.

— Но куда ты ведешь меня, друг мой? — заметил граф, оглядываясь по сторонам. — Разве апартаменты моих родителей не находятся больше в этом крыле асиенды?

— Конечно, здесь! Нет, не туда должен я проводить ваше сиятельство. Мне приказано, — тихим, подавленным голосом продолжал старый слуга, — проводить вас в Красную комнату.

— Вот как! — прошептал молодой человек.

— Значит, мне собираются вынести приговор?

Старик только вздохнул.

После минутного колебания граф де Могюер знаком приказал слуге идти вперед и сам последовал за ним. В их молчаливом и медленном шествии было что-то торжественное.

VII. Семейный суд

Как и в большинстве феодальных замков, в асиенде дель Торо была комната, которую постоянно держали запертой и отворяли лишь в особо знаменательных случаях.

Сюда приказывал перенести себя глава семьи, почувствовавший близость смертного часа, здесь он умирал, здесь на парадном ложе под балдахином покоились его смертные останки до того, как их выносили на кладбище. Здесь рождались дети, здесь же подписывались брачные контракты[24]. Короче говоря, в этой комнате совершались все самые важные семейные события. Обитатели асиенды шептались о ней с почти суеверной почтительностью, весьма смахивающей на страх. Ибо во всех тех редких случаях, когда маркизам де

[24] Примечания: 24

Брачный контракт — договор, в котором устанавливаются условия владения и управления имуществом супругов.

Тобар де Могюер приходилось карать какого-нибудь сородича, семейный трибунал, чинивший суд и расправу, неизменно заседал в этом зале.

Комната эта помещалась в крайнем углу восточного крыла замка и представляла собой обширный продолговатый зал с полом, застланным в шахматном порядке квадратными черными и белыми плитами, с четырьмя высокими окнами, через мозаичные стекла которых проникал слабый и рассеянный свет. Стены этой холодной и мрачной комнаты были завешаны ковром XIV века, что придавало ей сходство с величественной фамильной усыпальницей. Мастерски вытканный ковер этот изображал различные эпизоды битвы под Хересом[25], которая, как известно, стоила жизни последнему вестготскому[26] королю дону Родриго и отдала Испанию под владычество мавров. Вероятно, этот зал потому и прозвали Красной комнатой, что в ткани украшавшего ее ковра преобладал красный цвет. Нога молодого

---

[25] Примечания: 25

Херес — город в Испании (провинция Андалузия); он и доныне обнесен хорошо сохранившимися мавританскими стенами.

[26] Примечания: 26

Вестготы — западная ветвь германского племени готов, В 401-410 гг. под предводительством Алариха завоевали Италию; вскоре заняли Испанию, где образовали государство, в начале VIII века завоеванное маврами.

графа де Тобара никогда не переступала порога этой комнаты. Роясь в своих самих дальних воспоминаниях, он не мог припомнить, чтобы дверь ее оставалась когда-нибудь незапертой. Неудивительно, что графу, призвавшему на помощь все свое мужество для предстоящей встречи с отцом, невольно стало немного жутко, когда он узнал, где примут его родители.

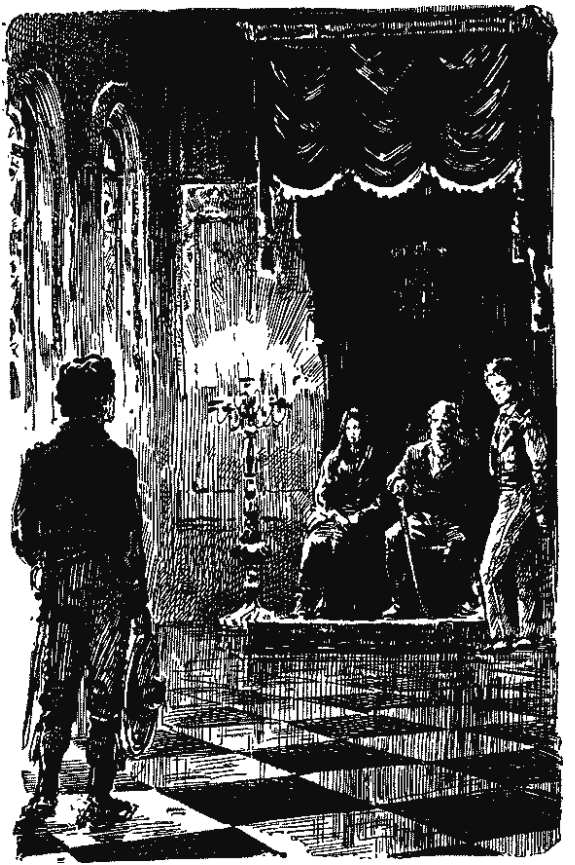
Дверь была открыта настежь; уже с порога молодой человек мог окинуть взглядом всю комнату. На крайнем конце зала, на небольшом возвышении, устланном петате[27], под черным бархатным балдахином, окаймленным золотистой бахромой, сидели маркиз и маркиза, храня угрюмое молчание.

Колеблющееся пламя свечей, зажженных в вычурных канделябрах, падало на стариков, придавая их лицам, быть может, и несвойственную им суровость. Рядом с возвышением, почти касаясь его, стоял красивый молодой человек лет двадцати трех — двадцати четырех, высокий, с тонкими и благородными чертами лица. Изысканность его наряда подчеркивалась незатейливой одеждой обоих стариков. То был

---

[27] Примечания: 27
Петате — плетеный ковер.

младший сын маркиза, Фернандо де Тобар.



Слуга, стоявший у порога Красной комнаты, увидев подошедшего графа, торжественно выступил вперед.

— Его сиятельство граф Родольфо де Тобар де Могюер! — доложил он, старательно отчеканивая каждое слово.

— Просите войти графа Родольфо де Тобар де Могюер, — ответил маркиз немного уже надтреснутым, но все еще громким голосом.

Слуга посторонился, а граф снял шляпу и, отвесив по почтительному поклону отцу и матери, вошел в зал.

Слуга незаметно удалился, заперев за собой дверь.

Граф медленно приближался к возвышению; подойдя почти вплотную к нему, он остановился, вторично поклонился, выпрямился и застыл в почтительном ожидании родительского слова. На какое-то мгновение в комнате воцарилась такая тишина, что, кажется, можно было слышать биение сердец четырех собравшихся здесь людей.

Дон Фернандо с насмешливым любопытством посматривал украдкой на старшего брата, а обращенные к сыну глаза престарелых родителей были полны суровой печали.

В позе графа, исполненной достоинства, не

было ничего вызывающего: чуть сгорбленная фигура с выдвинутой вперед правой ногой, немного откинутая назад и едва наклоненная набок голова, взор честный и прямой, но без тени бахвальства и дерзости. Одна рука графа покоилась на эфесе сабли, а другая держала на весу шляпу с пером.

Заметно побледнев от внутреннего волнения, молодой человек терпеливо ждал. Графа нельзя было принять, судя по выражению его лица, за подсудимого; напротив, он производил впечатление человека, убежденного в своей правоте и заслуживающего скорее одобрения, чем порицания.

— Явились, наконец, ваше сиятельство! — язвительно произнес маркиз.

Граф ответил молчаливым поклоном.

— Однако вы не очень спешили откликнуться на мое приглашение.

— Ваша светлость, я только вчера поздно ночью получил письмо, которым вы изволили почтить меня, — кротко ответил граф. — А сегодня на рассвете я был уже на коне и сделал двадцать лье без единой остановки — так спешил я исполнить ваше повеление.

— О да, — не без горечи произнес маркиз, — я

знаю, что если не на деле, то на словах вы — примерный сын.

— Простите, ваша светлость, — почтительно ответил граф, — но я не пойму, на что, собственно, вы намекаете?

Губы старика сложились в недовольную гримасу.

— Вероятно, потому, — сухо ответил он, — что мы с вами говорим на разных языках. Впрочем, я постараюсь выразиться яснее.

Наступило молчание: маркиз, по-видимому, собирался с мыслями.

— Граф, — начал он через несколько мгновений, — как старший в семье вы обязаны больше других блюсти незапятнанной честь, завещанную нам предками. Вам это известно, надеюсь?

— Известно, ваша светлость.

— Сударь! Ваша святая мать и я не жалели трудов, чтобы привить вам с малых лет понятия рыцарской чести, это самое драгоценное достояние нашего рода, бережно пронесенное через века многими его поколениями. Мы не уставали повторять вам прекрасный девиз наших предков, девиз, которым так справедливо гордится наша фамилия. Как же это могло случиться, что вы, милостивый государь, презрев свой фамильный

долг и наши наставления, покинули внезапно отчий кров, не спросив даже нашего разрешения? Как же это могло случиться, что без всякой уважительной причины, не внемля мольбам и слезам вашей матери и вопреки моему формальному запрещению, вы позволили себе жить своей жизнью и стать чужим для нашего семейства?

— Ваша светлость… — начал было молодой человек.

— Заметьте, дон Родольфо, — живо прервал его маркиз, — я не обвиняю вас, но я жду правдивого и честного объяснения. Говорите ясно и откровенно, ничего не тая. Я этого требую.

— Ваша светлость, — отвечал граф, гордо вскинув голову, — совесть моя чиста, я не совершал ничего, недостойного имени де Тобар де Могюер. А приказ ваш я поспешил исполнить не потому, что хотел оправдаться перед вами, ибо не чувствую за собой никакой вины, а для того лишь, чтобы вы убедились в моем сыновнем послушании.

При этих словах графа дои Фернандо недоверчиво ухмыльнулся.

— Я ожидал другого ответа, — снова заскрипел маркиз. — Я надеялся, что вы поспешите ухватиться за предоставленную вам, по доброте моей,

возможность оправдаться.

— Ваша светлость, — почтительно, но твердо ответил граф, — прежде чем оправдываться в каких-либо обвинениях, надо узнать, в чем они заключаются.

— Хорошо, не будем настаивать на этом. Но вы уверяете меня, сударь, в своем уважении ко мне. Так вот, я хочу немедленно доставить вам случай доказать ваше сыновнее послушание.

— Приказывайте, ваша светлость, — радостно воскликнул молодой человек, — и чего бы вы ни потребовали от меня…

— Напрасно так торопитесь, — ледяным током прервал его маркиз, — ведь вы не знаете, чего я потребую от вас.

— Это потому, ваша светлость, что я несказанно рад случаю доказать вам, как далек я от возводимых на меня обвинений.

— Пусть так!.. Мне остается только поблагодарить вас, сударь, за ваши хорошие чувства и без промедления объявить вам, чем можете вы снискать снова наше доброе расположение.

— Говорите, говорите, ваша светлость!

Взгляд старика все еще сохранял свою надменную суровость, а маркиза, вынужденная в присутствии мужа скрывать свои чувства, не

спускала с графа своих глаз, заблестевших от навернувшихся слез. Дон Фернандо продолжая украдкой усмехаться, а дон Родольфо, несмотря на высказанную им радость, почувствовал, как замирает в страхе его сердце от предчувствия западни, очевидно, таившейся под притворной благосклонностью отца.

— Сын мой, — заговорил маркиз голосом, в котором на этот раз пробивалась печаль, — ваши родители стареют. В нашем возрасте годы ведут ускоренный счет; каждый шаг приближает нас к могиле, которая не замедлит поглотить нас.

— Ради бога, отец! — невольно воскликнул Родояьфо.

— Не прерывайте меня! — резко оборвал его маркиз. — Сын мой, — продолжал он, — вы — наш первенец, надежда нашего рода, наследник нашей фамилии. Вам уж двадцать пять лет: это возраст, когда в душе человека созревают самые благородные порывы, возраст, когда на смену ушедшей юности только потому не приходит еще настоящая возмужалость, что человек не познал еще ни любви, ни страданий, ни разочарований, приносимых плаванием по житейскому морю, ни святых утех семейной жизни… Сударь, — продолжал после мгновенной паузы маркиз, — вы

обладаете всеми достоинствами подлинного дворянина: красивой и статной внешностью и чисто рыцарской доблестью. Мы вправе гордиться вами…

Снова наступила краткая пауза. Лицо дона Родольфо бледнело все больше и больше. Его растерянный взгляд ловил глаза матери, а та нарочно опускала их, чтобы не выдать сыну своей тревоги. Граф уже догадывался, какую жертву потребует от него отец, и сердце его усиленно билось от волнения и отчаяния. Голос старика приобрел прежнюю властность, когда он снова заговорил:

— Сын мой, быть может, недолго осталось нам ждать того часа, когда господу угодно будет призвать нас к престолу своему. Нам не хотелось бы отправиться в этот далекий путь, не унося с собой в утешение уверенности, что род Могюеров не умрет вместе с нами, а будет жить в наших потомках. Пришел час, когда должно осуществиться неоднократно выраженное нами желание. Дни ваших родителей сочтены, вы должны своей женитьбой дать им спокойно умереть.

— Отец…

— Успокойтесь, сын мой, — продолжал старик, делая вид, что он иначе понял тревогу сына, — я

не собираюсь принуждать вас к одному из тех браков по расчету, в результате которого между супругами, в силу безотчетного отвращения их друг к другу, неизбежно возникает взаимная ненависть. Нет, ваши родители с чрезвычайной осмотрительностью выбирал» вам супругу. Она молода, хороша собой, и род ее своей знатностью не уступает нашему. Одним словом, она соединяет в себе все необходимое, для того чтобы осчастливить вас и одновременно придать новый блеск нашему дому.

— Отец... — снова заговорил было дон Родольфо.

— Сын мой! — продолжал маркиз таким торжественным тоном, словно он не сомневался, что имя, которое он произнесет сейчас, преодолеет последние колебания сына. — Радуйтесь, сын мой, вы женитесь на донье Орелио де Торре-Асюль, кузине по боковой линии нашего родственника, маркиза дель Валль[28].

Теперь заговорила маркиза.

— Сын мой, — взмолилась она, — уступив желанию отца, вы усладите этим союзом и последние

---

[28] Примечания: 28

Наследственный титул маркиза дель Валль дан был конкистадору Фернандо Кортесу в награду за завоевание Мексики. Многие из его потомков и доныне существуют еще в Америке. Примеч. авт.

дни моей жизни! Смертельная бледность покрыла лицо графа, нервная дрожь пробежала по его телу; ноги отказывались служить, его глаза растерянно блуждали по сторонам, его рука судорожно прижималась к груди, словно хотела умерить биение его сердца.

— Вам известна теперь моя воля, — продолжал между тем старик, делая вид, что не замечает душевного состояния сына. — Надеюсь, вы исполните ее. А теперь вам пора отдохнуть: путешествие верхом в такую жару, должно быть, сильно утомило вас. Можете удалиться в свои апартаменты, а завтра мы подумаем о том, как бы вам поскорее познакомиться с вашей невестой.

После этих слов, произнесенных все тем же холодным и повелительным тоном, маркиз привстал с очевидным намерением покинуть комнату. В этот момент графу удалось неимоверным усилием воли сдержать клокотавшую в его душе бурю.

— Простите, ваша светлость, — напрасно силясь сохранить внешнее спокойствие, произнес он, — но мне надо сказать вам несколько слов.

— Разве вы не слышали? Я сказал «завтра», — сухо ответил маркиз.

— Конечно, слышал, ваша светлость, но, увы,

если вы не пожелаете выслушать меня сегодня, завтра, быть может, будет слишком поздно.

— Вот как! — воскликнул старик, кусая губы от подступавшего бешенства. — А почему, позвольте вас спросить?

— Потому, — твердо отвечал граф, — что до завтра я покину этот замок с тем, чтобы никогда больше не возвращаться сюда.

В серых глазах старика сверкнул гнев.

— Ага! Так, значит, это правда? Все то, что мне рассказывали, истина.

— Что же рассказывали вам, ваша светлость? Старик был вне себя от ярости.

— Хотите знать? Что же! Может быть, вы и правы: к чему все эти подходы, пора прекратить эту жалкую комедию!

— Сударь, сударь! — скорбно воскликнула маркиза. — Не забывайте… он ваш сын, ваш первенец!

— Молчите, сударыня! — грубо прикрикнул на нее маркиз. — Слишком долго этот блудный сын насмехался над нами! Час возмездия пробил! Клянусь богом, он будет примерно и жестоко наказан!

— Во имя неба, сударь, — молила маркиза, — не будьте так жестоки! Позвольте мне поговорить с

ним! Вы слишком строги в своей любви к нему, а я сумею уговорить его и склонить к послушанию. Мать всегда найдет в своем сердце слова, способные смягчить самую непокорную душу.

После минутного колебания старик овладел собой.

— Не могу, маркиза, ни к чему это, — сказал он с неожиданно прорвавшейся ноткой жалости в голосе, — Этот бунтарь унаследовал одну только черту, вернее порок, нашего фамильного характера: упрямство! Вы ничего не добьетесь от него.

— О нет-нет, позвольте мне поговорить с ним! В конце концов, он не только ваш, но и мой сын. Я никогда не отказывала вам в своем повиновении. Так сделайте это во имя моей любви к вам! Умоляю вас, позвольте мне в последний раз попытаться сломить его упрямство! Может быть, мне удастся вызвать его раскаяние.

— К тому же, ваша светлость, — заговорил вдруг дон Фернандо, до сих пор игравший роль безучастного свидетеля всей этой сцены, — может быть, мы и ошибаемся: мой брат дворянин и слишком знатного рода, чтобы совершить проступки, которые ему приписывают. Не судите же Родольфо, отец, не выслушав его!

— Прекрасно, Фернандо! Это хорошо, дитя мое,

что ты заступаешься за своего брата, — улыбнулась сквозь слезы мать, обманутая словами младшего сына.

— Конечно, я люблю брата, — не без ехидства отозвался дон Фернандо, — и не позволю осудить его без доказательств его вины. Правда, не подлежит сомнению, что Родольфо соблазнил дочь старшего касика[29] племени опатосов, но этот общеизвестный факт сам по себе не имеет никакого значения. Я никогда, однако, не поверю, что Родольфо женился на этой твари, точно так же как не поверю другой клевете: будто наш Родольфо не только близкий друг кюре Идальго, но является еще одним из самых деятельных и влиятельных поборников его движения в провинции Сонора. Нет, и тысячу раз нет! Кровный кастильский дворянин из рода де Тобар де Могюер не способен на такое низкое отступничество, он не может предать забвению понятия чести, завещанные ему предками! Ну же, Родольфо, ну же, брат мой, поднимите выше голову, уличите клеветников! Одно ваше слово, одно ваше громогласное «нет», брошенное в лицо всем тем, кто осмеливается посягнуть на вашу репутацию, — и буря рассеет-

[29] Примечания: 29
Касик — индейский вождь.

ся, отец заключит вас в свои объятия, и все будет позабыто.

Эта елейная речь вызвала взрыв негодования в душе графа, мгновенно раскусившего коварное лицемерие брата. При первых же словах его Родольфо вздрогнул, как от укуса змеи. Но постепенно гнев уступал место презрению; напыщенный, ядовитый конец речи дона Фернандо граф слушал уже с пренебрежительной улыбкой на лице.

— Видите, сын мой, — сказал маркиз, — все туг вступаются за вас, один лишь я обвиняю… Что же скажете вы в свое оправдание?

— Ничего, — сухо ответил граф.

— Ничего? — гневно вскричал старик.

— Да, отец, ничего! Все равно вы не стали бы слушать меня; а если бы и выслушали, все равно не поняли бы меня. О, не потому, конечно, — поспешил добавить граф, заметив протестующий жест отца, — что у вас не хватит ума, а потому, что этому помещает ваше высокомерие. Избалованный привилегиями знати, вы привыкли судить с особой точки зрения и людей и события, у вас выработалось своеобразное понятие о чести…

— Что же, сударь, по-вашему, на свете существуют две чести? — вырвалось невольно у маркиза.

— Нет, отец, — спокойно ответил Родольфо, — честь, конечно, одна, но понимают ее по-разному. Только что, например, мой брат высказал, ничуть не возбудив при этом вашего негодования, мысль, что дворянину позволительно соблазнить молодую девушку и превратить ее в свою любовницу, но непозволительно взять ее в жены, ибо этим он запятнал бы честь своего рода. Очевидно, дон Фернандо глубоко проник в суть вопроса, и не мне спорить с ним. Тем лучше, вы сами сказали, отец: «пора кончать». Будь по-вашему. Я не намерен вступать в неравную борьбу с вами. Когда я прочел ваше послание, я тотчас же понял, зачем вы вызываете меня; я знал заранее, какой приговор ожидает меня. И все же, как видите, я покорно откликнулся на ваш приказ. В чем обвиняют меня? В том, что я вступил в брачный союз с дочерью одного индейского касика? Что ж, это правда, объявляю об этом во всеуслышание. Своим происхождением она, быть может, не менее знатна, чем я, но сердце ее, во всяком случае, благороднее моего. Что же еще вменяют мне в вину? То, что я друг Идальго и один из его ближайших сподвижников? И это правда! Я горжусь дружбой, которой он осчастливил меня; я ставлю себе в заслугу, что разделяю свободолюбивые

стремления моего народа, хотя вы и считаете их преступными. Эта земля, открытая и завоеванная нашими предками, стала нашим отечеством. За эти три века мы перестали быть испанцами, мы превратились в мексиканцев. Час борьбы настал! Пора свергнуть, наконец, иго Испании, этой так называемой родины, которая жиреет на нашей крови, упивается нашими слезами, обогащается нашим золотом! Я знаю, с какой силой обрушится на меня после этих слов ваш гнев, знаю, какое суровое наказание ожидает меня. Мое сердце разрывается от боли… Бог свидетель, я глубоко люблю и уважаю вас. Но в моем великом горе у меня остается все же одно утешение: верный девизу предков, я всем пожертвовал ради чести. Совесть моя чиста, и настанет, быть может, день, когда вы, поняв, что я не погрешил против нашей фамильной чести, простите меня.

— Никогда! — вскричал маркиз. Раскаты его голоса загремели с особой силой после вынужденного молчания во время речи сына. — Никогда! Подите прочь! Знать вас больше не хочу! Вы больше мне не сын! Прочь отсюда, негодяй, я…

— Во имя бога, — вскричала маркиза, бросаясь на шею мужу, — только не проклинайте его: несчастный и так уж достаточно наказан!.. Ни-

кому не дано права проклинать, и меньше всего отцу. Берегитесь, бог отомстит вам за него!

На несколько мгновений маркиз погрузился в угрюмое молчание; потом простер руки к сыну и с грустью произнес:

— Идите, и да хранит вас бог! Отныне у вас нет больше семьи. Прощайте!

Граф едва держался на ногах; шатаясь под тяжестью приговора, он молча вышел из комнаты.

— Сын мой! — душераздирающим голосом воскликнула маркиза. Обезумев от горя, она бросилась было за ним, но безжалостный старик грубо схватил ее за руку.

— У вас один только сын, сударыня! — взвизгнул он. И, указав на лицемерно склонившегося перед нею Фернандо, добавил: — Вот он!

Разбитая горем маркиза, отчаянно вскрикнув, упала без чувств к ногам старика. Но тот в свою очередь, измученный душевной борьбой между велениями гордости и отцовской любовью, бессильно свалился а кресло и, закрыв лицо руками, глухо зарыдал. А дон Фернандо бросился из комнаты вслед за графом не для того, чтобы вернуть или утешить брата, а для того только, чтобы скрыть радость, вспыхнувшую на его лице при роковой развязке интриги, узлы которой он с чи-

сто дьявольским терпением так долго завязывал.

VIII. Два брата

Из Красной комнаты дон Родольфо вышел с сокрушенным сердцем, с пылающей, как в огне, головой. Тяжело переживая вынесенный ему приговор, он опрометью, словно подхлестываемый отцовским гневом, кинулся прочь с намерением как можно скорее и навсегда покинуть асиенду. Его мустанг стоял на том же месте, где он оставил его. Молодой человек отвязал коня, схватил повод, но в тот миг, когда он уже вдел ногу в стремя, чья-то рука тяжело опустилась на его плечо. Дон Родольфо вздрогнул, словно от прикосновения раскаленного железа; перед ним стоял его брат. Гневный румянец залил лицо графа, его руки судорожно сжались, глаза сверкнули; ему удалось, однако, усилием воли сдержать себя.

— Что вам угодно, брат? — твердо произнес он с подчеркнуто ледяным спокойствием.

— Пожать вам на прощание руку, — плаксивым голосом ответил дон Фернандо. Граф с минуту глядел на него с нескрываемым презрением; отстегнув затем шпагу от своего пояса, он протянул ее брату.

— Возьмите, Фернандо, — с усмешкой произнес он, — эта шпага по праву принадлежит теперь вам; ведь отныне вы один будете носить фамилию и титул нашего семейства. Вот вы и дождались моего наследства, вот и увенчались успехом ваши желания…

— Брат… — пролепетал было дон Фернандо.

— Заметьте: я ни в чем не упрекаю вас, — немного свысока продолжал дон Родольфо. — Пользуйтесь спокойно моим имуществом. Дай бог, чтоб оно не легло в будущем слишком тяжелым бременем на ваши плечи; дай бог, чтобы воспоминания о дурном поступке не отравили последних дней вашей жизни. Прощайте! На этой земле мы больше никогда не встретимся.

С этими словами дон Родольфо уронил на землю шпагу, не принятую братом, вскочил в седло и поскакал во весь опор, ни разу не обернувшись на стены замка, в котором он некогда родился и из которого был изгнан отныне навсегда.

Несколько мгновений побледневший дон Фернандо простоял с опущенной головой, подавленный стыдом от сознания низкого поступка, который он не постеснялся совершить. Муки совести уже начали терзать его душу…

Когда топот коня дона Родольфо замер, наконец, в отдалении, дон Фернандо поднял голову, отер пот, выступивший на его лице, и подобрал шпагу, брошенную к его ногам.

— Бедняга! — пробормотал он. — Я очень виноват перед тобою, Родольфо…

Тяжело вздохнув, он медленно поплелся в замок.

Дон Родольфо де Могюер сдержал свое слово: он никогда больше не возвращался в асиенду дель Торо. Никто никогда не слышал ничего о нем. Даже самые близкие его друзья не видели графа со времени последнего посещения им асиенды; никто не знал, что сталось с ним. Год спустя несколько индейцев, уцелевших после побоища у моста Кальдероне, где повстанцы были разби-

ты испанским генералом Каллеха, распустили слух, что дон Родольфо, сражавшийся бок о бок с Идальго, был убит во время отчаянной атаки, предпринятой им против центра расположения испанских войск, с целью спасти пошатнувшееся положение повстанцев. Этот слух, однако, не подтвердился. Энергичные поиски, произведенные по распоряженкто молодого маркиза на поле битвы, не дали никаких результатов: тело графа не было найдено среди павших в бою. Судьба дона Родольфо продолжала оставаться неизвестной.

Дон Фернандо между тем по приказу отца принял титул брата, взял себе в жены донью Орелио де Торре-Асюль, предназначавшуюся его отцом для дона Родольфо.

Маркиз и маркиза прожили еще несколько лет; маркиз скончался почти вслед за маркизой. Оба они унесли с собой в могилу, словно яд отравленной стрелы, угрызения совести за изгнание из семьи их первенца. Но маркиз, непримиримый до последнего своего часа, ни единым вздохом не выдал своей душевной боли; он так и умер без имени сына на устах. К тому же сбылась заветная мечта маркиза: он сошел в могилу с сознанием того, что его род будет жить в появившихся на свет внуках.

На похоронах обоих стариков многие заметили затесавшегося в толпе человека, закутанного в широкий плащ; но широкополая шляпа, низко надвинутая на глаза, не позволяла разглядеть его лицо. Так никто и не знал, кто был этот человек. Один только старый пеон уверял, что он признал в нем дона Родольфо. Но был ли это действительно изгнанник, явившийся отдать последний долг своему отцу и пролить слезу над его могилой? Появление незнакомца было столь неожиданным, а его исчезновение столь внезапным, что не представлялось никакой возможности проверить уверения старого слуги.

Время шло, важные события следовали одно за другим, но о доне Родольфо по-прежнему ничего не было слышно, и все окончательно утвердились в мысли, что он умер, а вскоре и совсем позабыли о нем.

Таким образом, дон Фернандо без какой-либо тяжбы унаследовал все фамильное имущество и титул семейства де Могюер.

Маркиз дон Фернандо не был таким плохим человеком, каким мог представить его себе наш читатель, судя по тому невыгодному облику, в котором этот младший отпрыск семейства де Могюер впервые предстал перед ним. Все случилось

из-за того, что дону Фернандо как младшему сыну была уготована злая участь — быть постриженным в монахи. В душе честолюбивого молодого человека, всеми фибрами своего существа тянувшегося к жизни, вспыхнуло возмущение против этого жестокого и несправедливого фамильного обычая, осуждавшего его на заключение в монастыре и тем самым лишавшего его всех радостей жизни.

Нет никакого сомнения, однако, что, подчинись дон Родольфо всем требованиям своего положения старшего в семье, дону Фернандо и в голову не пришла бы мысль оспаривать права старшего брата на наследство. Но дон Родольфо пренебрег всеми старинными традициями семейства: он женился на индианке, примкнул к «бунтовщикам», и дон Фернандо поспешил ухватиться за счастливый случай, неожиданно и кстати представленный ему судьбой. Он не считал, что совершает дурной поступок, полагая, что согласно фамильному праву ему надлежит занять место, которым пренебрегает старший брат, по всей видимости, очень мало дороживший титулами и богатством. Так уже заведено в этом мире, что человек, совершивший недостойный поступок, начинает подыскивать всяческие

оправдания, старается убедить самого себя, что он должен был поступить именно так, а не иначе.

В одном только дон Фернандо не смог сознаться самому себе — в том, что этот «счастливый случай» представился ему благодаря его же собственному старанию. Ведь это он истолковал в дурную сторону все поведение брата, он отравлял любовь отца к старшему сыну, он подготовлял издалека приговор, произнесенный, наконец, в Красной комнате.

И какие странные противоречия гнездятся в человеческом сердце! Дон Фернандо по-своему любил и жалел брата, ему хотелось удержать брата от падения в пропасть, куда он сам же толкал дона Родольфо. Лишь только дон Фернандо завладел титулом и достоянием семейства де Могюер, он предпринял энергичные розыски брата: молодому маркизу хотелось разделить имущество с братом, заслужить его прощение. К несчастью, это желание пришло слишком поздно: дон Родольфо бесследно исчез, и раскаявшийся маркиз был обречен на бесплодные муки совести.

Иногда дон Фернандо, терзаемый вечно преследовавшим его воспоминанием о сцене в Красной комнате, спрашивал самого себя, не лучше ли было ему в свое время откровенно объясниться с

братом. Быть может, Родольфо, скромные вкусы которого так резко расходились с традициями знатного рода, сам добровольно отрекся бы в его пользу от прав старшинства.

Одним словом, маркиз при всем своем богатстве, несмотря на любовь к нему прелестной жены, сделавшей его отцом двух детей, не был счастлив. Нигде, даже в самом веселом кругу, он не мог забыться, и тайная рана, глодавшая его сердце, не только не затягивалась, но все более растравлялась.

В то же время благодаря невероятно стремительному движению политической жизни Мексики положение приверженцев испанского господства становилось со дня на день все более опасным и критическим.

В задачу нашего повествования не входит выяснение причин мексиканской революции; мы не станем также описывать ход военных операций, которые кончились для Мексики завоеванием независимости, а для испанской короны — потерей колонии, столько веков служившей неисчерпаемым источником ее обогащения.

Пора вернуться к прерванному нами рассказу. В начале 1822 года в Мексике, почти вслед за провозглашением независимости, началась

эра пронунсиаменто. После недолговечного царствования императора Итурбида в Мексике утвердился республиканский образ правления, точнее говоря — правление военщины. Мексиканские президенты с головокружительной быстротой сменяли друг друга, свергаемые армией, насчитывавшей двадцать четыре тысячи офицеров при двадцати тысячах солдат. В этой смуте Мексика растрясла свои богатства, ее торговля упала, города превращались в руины, от былого блеска страны сохранились лишь жалкие остатки да еще разве довольно туманные воспоминания.

Во время войны за независимость сильно пострадали осевшие в Мексике испанцы, имения которых были частью сожжены, частью конфискованы повстанцами. Роковой декрет 1827 года, изгонявший испанцев из Мексики, нанес последний, непоправимый удар их имуществу. Эта мера должна была в первую очередь поразить маркиза де Могюера. Правда, он прилагал все старания, чтобы не вмешиваться в политику, не примыкать ни к одной из партий, не выступать «за» или «против» правительств, сменявшихся одно за другим в освобожденной Мексике. Но удержаться долго на такой позиции с шансами на успех

было почти невозможно, и маркизу пришлось волей-неволей поступиться своей дворянской спесью. Дело в том, что все его состояние, как на беду, состояло из поместий и приисков, и высылка из Мексики грозила ему полным разорением. Друзья советовали ему отречься от Испании и заявить во всеуслышание о своей преданности мексиканскому правительству. Маркиз вынужден был последовать этому совету.

По ходатайству некоторых лиц, пользовавшихся доверием тогдашнего президента республики, дону Фернандо разрешено было остаться в стране и принять мексиканское подданство.

Но дела маркиза все же сильно пошатнулись. После крушения испанского владычества его состояние пришло в расстройство. На всем протяжении десятилетней войны против испанцев земли асиенды не возделывались, а рудники, оставшиеся без рабочих, постепенно затопляло водой. Надо было предпринять дорогостоящие работы, чтобы пустить их снова в ход. Положение становилось серьезным, а для большого барина, привыкшего швырять деньгами, — прямо-таки критическим. Приходилось считать каждый грош, чтобы сводить концы с концами.

Эта борьба с омерзительным призраком ни-

щеты, неумолимо надвигавшейся на маркиза, в конце концов возмутила его гордость; дон Фернандо готов был бросить все на произвол судьбы. Но любовь к детям вернула ему утраченное было мужество. Он решил встретить грозу лицом к лицу. Подобно тем разорившимся дворянам, которые пахали землю со шпагой на поясе, дабы никто не сомневался в их происхождении, маркиз стал заправским помещиком и золотопромышленником. Другими словами, он превратил свои поместья в сельскохозяйственные предприятия, занялся коневодством и разведением скота и одновременно приступил к работам по осушению затопленных рудников.

К несчастью, для успешного осуществления всех этих работ маркизу не хватало двух вещей: специальных знаний, а главное, наличных денег, без которых никакое дело не пойдет.

Маркиз вынужден был нанять опытного управителя и занять деньги под залог земли.

Несколько лет все, казалось, шло хорошо. Управитель, дон Хосе Паредес, с которым нам придется еще неоднократно встречаться в дальнейшем, принадлежал к той категории людей, которым цены нет. Почти вся жизнь их проходит в поле на коне, от их взора ничто не ускользнет, они

прекрасно разбираются в различных сельскохозяйственных культурах и могут безошибочно, с точностью до одного арроба[30], предсказать, какой урожай способно принести то или иное поле.

Но если земли маркиза стали под наблюдением опытного управителя приносить доход, то совсем иначе обстояло дело с приисками.

Надо сказать, что к этому времени непокоренные индейцы, воспользовавшись мексиканской смутой, перешли границу я отвоевали часть территории, отнятой у них некогда испанцами. Индейцы прочно обосновались на отвоеванных землях и закрыли туда доступ мексиканцам.

Таким образом, маркиз лишился своих самых богатых приисков, очутившихся на индейской территории. Другие его рудники были полностью затоплены, и, хотя восстановительные работы были уже начаты, трудно было предсказать день, когда они снова начнут давать доход. Другими словами, все, что приносило маркизу сельское хозяйство, поглощалось приисками. Дела маркиза все ухудшались, все глубже и глубже засасывала его пучина долгов.

---

[30] Примечания: 30

Арроб — мера веса, равная 11,5 килограмма.

Маркиз, состарившийся не столько под бременем годов, сколько от горя и забот, не смел без страха заглянуть в будущее, в котором не видел никакого просвета. Он превратился в сумрачного, угрюмого и безмолвного наблюдателя упадка и разорения своего дома; подобно мореплавателю, потерявшемуся без компаса в безбрежном океане, он тщетно гадал, откуда может прийти к нему спасительная помощь. Но, увы, время шло и не приносило ничего нового маркизу, если не считать все растущего стеснения в средствах и надвигавшейся угрозы разорения. К довершению всего от маркиза стали удаляться друзья и родственники; с тем холодным равнодушием, которое, кажется, является законом организованного общества, где лозунг «каждый за себя» действует с такой же неумолимостью, как и свирепый закон войны — vae victis[31], они предоставили ему полную свободу выкарабкиваться самому из беды.

Маркиз отнесся к этому новому удару с тем благородным хладнокровием, которое характерно для людей сильных духом. В это время он проживал в асиенде один со своим сыном, жена

---

[31] Примечания: 31
Горе побежденным (лат.).

его скончалась уже несколько лет назад, а дочь воспитывалась в женском монастыре в городе Сан-Росарио. Вместо того, чтобы изводить себя и сына слезливыми и бесплодными жалобами на черную неблагодарность людей, многие из которых были ему чем-нибудь да обязаны, маркиз приобщил сына к управлению имением и принялся за дело с удвоенным рвением.

За несколько месяцев до выстрела, с которого начинается первая глава нашей повести, злой судьбе маркиза не то чтобы окончательно надоело преследовать его, но словно захотелось дать ему небольшую передышку. Вот как взялась она за это дело, которое должно было осветить лучом надежды туманное небо, нависшее над семейством де Могюер.

Однажды утром в асиенду примчался незнакомец. Он прибыл, по-видимому, очень издалека верхом на муле, ведя на поводу второго мула, нагруженного двумя тюками. Едва очутившись в первом дворе, незнакомец бросил одному пеону поводья вьючного мула, крикнув ему при этом: «Для сеньора Фернандо де Могюер!» Не дожидаясь ответа, он повернул мула и, пустившись обратно вскачь, исчез из виду, прежде чем пеоны пришли в себя от изумления. Слуги поспешили

доложить маркизу о случившемся, а тот приказал разгрузить мула и принести тюки в его кабинет. В каждом из них оказалось по двадцати пяти тысяч золотых пиастров. На сложенном вчетверо листе бумаги, найденном в одном из тюков, было начертано одно только слово: «Возврат».

Все розыски, предпринятые по распоряжению маркиза, ни к чему не привели: незнакомец бесследно исчез. Маркизу поневоле пришлось оставить у себя эту огромную сумму денег, доставшуюся ему столь странным образом, но вместе с тем как нельзя более кстати: как раз на следующий день ему предстоял весьма крупный платеж. Тем не менее дону Руису и управителю пришлось долго убеждать маркиза, прежде чем он согласился воспользоваться этим золотом.

Обрадованный таким счастливым поворотом судьбы, дон Фернандо разрешил дону Руису отправиться в Росарио за своей сестрой. Это была давняя мечта отца и сына, осуществление которой все откладывалось из-за трудности такого путешествия.

Теперь мы получили возможность возобновить прерванную нить нашего рассказа. Мы надеемся, что читатель простит нам это длинное отступление, необходимое для понимания дальнейших

событий.

Мы начнем с того, что введем нашего читателя в асиенду дель Торо за несколько часов до приезда туда дона Руиса и его сестры, то есть около трех недель спустя после того, как мы оставили их в стенах форта Сан-Мигель.

IX. Появление новой особы

Провинция Сонора, раскинувшаяся на берегах Тихого океана, часто овевается благотворными морскими ветрами, которые время от времени освежают своей влажной прохладой ее знойную атмосферу. Тем не менее с полудня до трех часов земля, накаленная палящими лучами солнца, начинает выделять теплые удушливые испарения, и жара становится нестерпимой. Поля с нависшим над ними безоблачным небом, напоминающим огромную перевернутую крышу из раскаленного железа, принимают вдруг поистине унылый вид. Птицы прячутся в истоме под лесной листвой, смолкает их гомон, деревья склоняют низко к земле свои горделивые вершины. Все живое спешит в прохладную тень. Спасаясь от безжалостного зноя, табуны, стада и отары вздымают клубы белесоватой известковой пыли,

забивающей рот и ноздри. На несколько часов Сонора превращается в мертвую пустыню, лишенную каких бы то ни было признаков жизни.

Люди спят или по крайней мере лежат где-нибудь в самых прохладных помещениях, погруженные в какое-то особое состояние. Это не сон и не бодрствование, а дремота, исполненная сладких и томных грез, когда свободно раскинувшееся тело вдыхает искусственную свежесть мастерски устроенного сквозняка. Короче говоря, люди отдаются в эти часы тому состоянию, которое в этих местах жаркого пояса именуется сиестой. Часы блаженного отдыха, успокаивающее и благотворное влияние которого на физическое и душевное самочувствие человека нисколько не ценится живыми и хлопотливыми северянами. Но народы, живущие на солнечном юге, отнюдь не пренебрегают сиестой; итальянцы называют ее дольче фарниенто[32], а турки — кейф[33].

Как в том сказочном арабском городке, жители которого были обращены в каменные изваяния

---

[32] Примечания: 32

Приятное ничегонеделание.

[33] Примечания: 33

Кейф — наслаждение, испытываемое турком, когда он сидит, поджав ноги, на ковре под навесом кофейни, попивая кофе и куря трубку; другими словами, наслаждение ничегонеделанием.

магической палочкой одного злого волшебника, так и в асиенде дель Торо жизнь, казалось, полностью замерла в эти часы: пеоны, пастухи, слуги — все отдавали дань сиесте.

Лишь двое людей во всей асиенде, невзирая на томительный полдневный зной, не поддались соблазну сна; запершись в изящно обставленном кабинете, они предпочли отдыху беседу. Надо полагать, что какие-то весьма серьезные причины заставили их нарушить укоренившуюся привычку к сиесте: испано-американец, а мексиканец особенно, не пожертвует ради пустяков этими часами отдыха, во время которого, как гласит мало лестная для французов поговорка, «одни лишь собаки да французы бегают на солнце».

Одним из этих двух собеседников был дон Фернандо де Могюер, с которым мы уже познакомились. Годы слегка сгорбили его высокую фигуру, прорезали несколько глубоких морщин на лбу, подернули серебром его черную шевелюру; хотя на лицо его лег отпечаток грусти — след тяжелых испытаний, однако оно сохранило свое нежное, застенчивое, слегка насмешливое выражение.

Нам стоит, однако, несколько задержаться для подробного описания наружности собеседника

дона Фернандо. Что касается морального облика этой особы, то читатель сумеет вскоре разобраться в нем и без нашего подсказа.

Это был маленький тучный человек с красноватым, апоплексическим цветом лица. Ему едва перевалило за сорок лет, но совершенно седые волосы, изборожденный глубокими морщинами лоб и зеленоватые с припухшими веками глаза, глубоко сидевшие под густыми взъерошенными бровями, придавали ему старческий вид, что мало соответствовало его резким движениям и развязности его манер. Длинный, тонкий, крючковатый, как птичий клюв, нос фиолетового цвета, загибавшийся почти над самым ртом, выдающиеся скулы, испещренные тонкими синеватыми венами, дополняли эту причудливую физиономию, до странности схожую с сычом. Этот нескладный человек с отвислым брюшком, с коротенькими руками и ногами, плохо прилаженными к его неуклюжему туловищу, обладал столь подвижными чертами, что не представлялось никакой возможности прочесть на лице этого толстяка мысли, копошившиеся в его мозгу, особенно когда он бесстрастно впивался в собеседника своими безжизненными и холодными глазами. Короче говоря, этот персонаж с первого

же взгляда на него внушал к себе безотчетную брезгливость, какую вызывают в нас все пресмыкающиеся.

Это был дон Руфино Контрерас, один из самых богатых землевладельцев Соноры, избранный год назад сенатором в мексиканский конгресс от штата Колима.

Итак, мы познакомились с наружностью особы, с которой дон Фернандо вел почти трехчасовую беседу. Сейчас мы узнаем, какие обстоятельства вызвали этот серьезный разговор.

Часовая стрелка подходила к трем часам пополудни, и в комнату, где находились наши собеседники, уже доносился смутный гул, этот верный провозвестник пробуждения рабочих асиенды. Дон Фернандо, заложив руки за спину и нахмурив брови, крупным шагом ходил взад и вперед по комнате, а дон Руфино, откинувшись на спинку кресла, не сводил с него глаз. На губах сенатора играла лукавая улыбка, а сам он принял вид человека, всецело поглощенного удалением с помощью ногтя правой руки несуществующего пятна на своих брюках.

Но вот без устали шагавший маркиз внезапно остановился перед доном Руфино, который устремил на него насмешливо вопросительный

взгляд.

— Итак, — произнес дон Фернандо, тщетно стараясь скрыть свое волнение, — вам во что бы то ни стало необходима эта сумма, и не позднее чем через восемь дней?

— Да, через восемь дней, — ответил толстяк, улыбаясь.

— Но почему же вы не предупредили меня заранее?

— Из одной деликатности, любезный сеньор.

— «Деликатности»? — чуть не подскочил от изумления дон Фернандо.

— Надеюсь, вы не сомневаетесь в моем дружеском расположении к вам?

— Боже мой!.. Судя по вашим словам…

— Мне кажется, я доказал это на деле.

— Пусть так. Не стоит уточнять.

— Я тоже так думаю. Пойдем дальше. Я знал, как вы стеснены в средствах, и поэтому старался добыть эту сумму как нибудь иначе. Мне просто не хотелось осложнять ваше и без того затруднительное положение требованием такой крупной суммы, и я решил обратиться к вам лишь в самом крайнем случае. Теперь, надеюсь, вам ясно, дорогой мой сеньор, что мои действия диктовались соображениями дружбы и сочувствия. К сожале-

нию, время сейчас трудное, торговля переживает почти полный застой, вызванный назревающим конфликтом между президентом и южными штатами, и мне не удалось взыскать с других должников даже самой ничтожной суммы Между тем я сам нуждаюсь в деньгах, а вы давно уже должны мне — не сочтите это за упрек. Судите теперь сами, что ж мне оставалось делать, как не обратиться к вам?

— Право, не знаю… Но мне все же кажется, что вы могли бы заблаговременно уведомить меня, прислав записку с каким-нибудь пеоном.

— Но именно этого-то я и хотел избежать, любезный сеньор. К тому же я приехал сюда не из дому. Да я вообще был убежден, что соберу нужную сумму и мне не придется даже заезжать к вам за деньгами.

Дон Фернандо метнул в своего собеседника взгляд, который заставил бы призадуматься дона Руфино, не займись сенатор в этот момент с еще большим остервенением своим воображаемым пятном. Помолчав с минуту, маркиз снова зашагал по комнате.

Солнце тем временем стало склоняться к горизонту, и жизнь проснувшейся асиенды вошла в свою обычную колею. Со двора вместе с мы-

чанием быков и ржанием вьючных лошадей доносились понукания пастухов и щелканье их бичей. Дон Фернандо подошел к окну, приподнял жалюзи, и в комнату ворвалась струя заметно посвежевшего воздуха. Облегченно вздохнув, дон Руфино выпрямился в кресле.

— Уф! — блаженно произнес он. — А я порядком-таки устал, и не столько от проделанного сегодня длинного путешествия верхом, сколько от невыносимой жары.

Дон Фернандо вздрогнул, словно от укуса змеи: намек дона Руфино напомнил ему, что он погрешил против всех правил мексиканского гостеприимства, забыв обо всем на свете, кроме требований безжалостного кредитора. Похолодев от мысли, каким неприличным должно было выглядеть его поведение в глазах уставшего путешественника, дон Фернандо позвонил и коротко бросил вошедшему пеону:

— Прохладительного!.. Вы уж извините меня, сеньор, — обратился он к дону Руфино. — Признаюсь откровенно, ваше неожиданное требование так ошеломило меня, что я до сих пор не подумал предложить вам закусить с дороги. Ваши апартаменты готовы. Вам пора отдохнуть, а разговор наш мы возобновим сегодня вечером или завтра.

Надеюсь, мы придем к соглашению, одинаково приемлемому как для вас, так и для меня.

— Ничего другого мне бы и не хотелось, поверьте, дорогой мой сеньор! Бог свидетель, это самое горячее мое желание, — ответил дон Руфино, поднося к губам стакан оранжада[34], поданный пеоном. — Но увы! Я сильно опасаюсь, что, при всей моей готовности пойти вам навстречу, нам трудно будет достигнуть соглашения, если только…

— Если только?.. — резко прервал его дон Фернандо. Дон Руфино не торопясь, мелкими глотками допил стакан, поставил его на стол и с довольным видом откинулся на спинку кресла.

[34] Примечания: 34

Оранжад — питье из апельсинового сока, распространенное в тропических странах.

— Если только вы не внесете мне сполна весь свой долг. Но, признаюсь, — добавил он, старательно скручивая пахитоску, — судя по вашим же словам, это кажется мне довольно затруднительным делом.

— Вот как! — недовольно воскликнул дон Фернандо. — А почему вы так думаете?

— Я ничего не думаю, дорогой мой сеньор, я констатирую факт, вот и все!.. Позвольте! — воскликнул он. — Да вы же сами только что жаловались на свое стесненное положение!

— Верно, но что ж из этого следует?

— Да очень простая вещь: семьдесят тысяч пиастров — сумма немалая; даже очень богатые люди не всегда располагают такой крупной

наличностью, а тем более при стесненных обстоятельствах.

— Но я могу кое-что продать!

— Я буду в отчаянии, поверьте, сеньор.

— В таком случае, подождите немного.

— Повторяю, это невозможно. Послушайте, любезный сеньор, не пора ли нам объясниться, чтобы не плодить недоразумений, весьма нежелательных в деловых отношениях порядочных людей нашего круга? Так вот, я имел удовольствие ссудить вас деньгами за очень скромные проценты. Не так ли?

— Весьма вам благодарен, — с достоинством ответил маркиз.

— Ох, боже мой, и благодарить-то не за что! Мне просто хотелось оказать вам услугу. Но я поставил при этом вам условие, и вы приняли его.

— Да, — с раздражением отозвался дон Фернандо, — принял, и напрасно!

— Возможно. Так ведь не в этом теперь дело. Это условие — я снова подчеркиваю: принятое вами условие гласило, что вы обязаны вернуть мне деньги по первому моему требованию.

— Разве я спорю с этим?

— Конечно, нет. Все дело в том, что у меня у самого теперь нужда в этих деньгах, и я прошу

вернуть их. Это вполне естественно; действуя так, я ни в чем не отступаю от нашего уговора. Вы должны были предвидеть наступление сегодняшнего дня и быть к нему готовыми.

— Значит, если я попрошу у вас месячной отсрочки?..

— Это будет весьма прискорбно для меня, но я вынужден буду отказать вам. Деньги понадобятся мне не через месяц, а через восемь дней. Видит бог, я вхожу в ваше положение, но… ничего тут не поделаешь!

Как ни тяжело было для дона Фернандо требование денег, его возмущало не столько само это требование, сколько тон мнимого доброжелательства и унизительной жалости, которым так рисовался сенатор. Маркиз не мог больше совладать с собой и готов был уже дать волю своему негодованию и бросить в лицо дона Руфино слова, которые, несомненно, привели бы к полному разрыву их отношений, как вдруг со двора донеслись радостные крики и топот коней.

Дон Фернандо поспешно выглянул в окно, потом, живо обернувшись, обратился к гостю, блаженно тянувшему свою пахитоску.

— Дети приехали! Прошу вас, кабальеро: ни слова при них о нашем деле.

— Можете рассчитывать на меня, — сказал дон Руфино, делая вид, что хочет встать. — Впрочем, с вашего разрешения, я позволю себе удалиться, чтобы не мешать вашим семейным радостям.

— Нет, нет! — удержал его дон Фернандо. — Я предпочитаю тотчас же познакомить вас с моими детьми.

— Как вам будет угодно, любезный сеньор… Буду, конечно, весьма польщен!

На пороге открывшейся двери появился управитель дон Хосе Паредес.

Это был высокий, коренастый метис сорока лет, в котором по его кривым ногам и сутуловатой фигуре с первого взгляда можно было узнать прекрасного наездника. И действительно, почти вся жизнь этого достойного человека проходила в седле. Взглянув исподлобья на дона Руфино, управитель снял шляпу и поклонился своему господину.

— Сеньор амо[35], — обратился он к дону Фернандо, стараясь придать возможную мягкость своему грубоватому голосу, — ниньо[36] и нинья, с помощью святой девы кармелитской, благопо-

---

[35] Примечания: 35
Сеньор амо — господин.

[36] Примечания: 36
Ниньо — тут в значении: молодой господин.

лучно прибыли.

— Благодарю вас, дон Хосе, — ответил маркиз. — Пусть войдут, я буду счастлив обнять их.

Дон Хосе посторонился, махнул кому-то рукой, и молодые люди вошли, вернее — ворвались в комнату. Одним прыжком они очутились в объятиях отца, прижавшего их к своей груди. Спохватившись, дон Фернандо отстранил их и жестом указал на присутствие в комнате постороннего человека.

Молодые люди вежливо поклонились дону Руфино.

— Позвольте представить вам, сеньор дон Руфино, — сказал маркиз, — моего сына, дона Руиса де Могюер, и дочь, донью Марианну. Дети мои, это сеньор дон Руфино Контрерас, один из моих лучших друзей.

— Весьма горжусь подобным званием! — сказал дон Руфино.

Сенатор поклонился молодым людям, и донья Марианна невольно покраснела и опустила голову под холодным взглядом его зеленоватых глаз.

— Апартаменты детей готовы, дон Хосе? — спросил дон Фернандо.

— О да, ваша светлость! — отвечал тот, не сводя сияющих глаз с молодых людей.

— С разрешения сеньора Руфино, вы можете пойти отдохнуть с дороги, дети мои, — сказал маркиз.

— С вашего разрешения, отправлюсь-ка и я отдохнуть, — вместо ответа обратился к маркизу сенатор.

Маркиз кивнул головой в знак согласия.

— Мы вернемся к нашему разговору в более подходящее время, — продолжал дон Руфино, бросая украдкой взгляд на донью Марианну, выходившую из комнаты вслед за братом. — И не слишком тужите, дорогой мой сеньор, — добавил он, — я, кажется, нашел способ уладить наше дельце, не огорчая вас.

Поклонившись в свою очередь маркизу, озадаченному таким неожиданным обещанием, дон Руфино удалился, снисходительно улыбаясь.

X. Дон Хосе Паредес

Немало дней прошло уже со времени возвращения дона Руиса и его сестры, а дон Руфино не заговаривал больше о деле, ради которого он приехал в асиенду. Само собой разумеется, что и маркиз, не жалевший хлопот и сил, чтобы раздобыть средства, необходимые для погашения

долга, избегал даже намеком напомнить своему кредитору об их недавнем разговоре. А сам дон Руфино, казалось, совершенно позабыл о своей безотлагательной надобности в деньгах, ссылаясь на которую он в день своего приезда отказывал маркизу в малейшей отсрочке платежа.

Жизнь в асиенде шла своим обычным чередом. Каждое утро дон Руис выезжал в сопровождении дона Хосе наблюдать за полевыми работами и выгоном скота, предоставляя отцу и сестре играть роль гостеприимных хозяев.

Первое время донью Марианну очень смущали приторные улыбки и страстные взгляды дона Руфино, но вскоре она свыклась с ними и в душе только посмеивалась над уморительными гримасами и смешным позерством толстяка. Сенатор отдавал себе, конечно, отчет в том впечатлении, которое он производил на девушку. Но, нимало не смущаясь этим, он продолжал свои маневры с настойчивостью, присущей его характеру. Надо полагать, что такое беззастенчивое ухаживание за доньей Марианной на глазах ее отца и брата входило в расчеты дона Руфино для достижения известной цели, догадаться о которой не представляло большого труда.

И в самом деле, для всех вскоре стало ясно, что

сенатор добивается руки доньи Марианны. Его домогательство глубоко оскорбляло маркиза, меньше всего мечтавшего о подобном зяте. Но, завися от дона Руфино, готового каждую минуту обрушить на него дамоклов меч кредитора, маркиз не смел выдавать своих истинных чувств. Он ограничивался тем, что зорко следил за гостем, предоставляя ему действовать по-своему. Дон Фернандо уповал на время, а сам выжимал, откуда только мог, деньги, чтобы как можно скорее получить возможность расплатиться с безжалостным заимодавцем и вышвырнуть его вон. К несчастью, поступление денег затягивалось. Многие должники дона Фернандо не спешили с платежами; за пятнадцать дней он успел собрать лишь только четверть требуемой суммы. Да и этими деньгами маркиз не мог свободно распорядиться, так как они были необходимы для текущих нужд хозяйства асиенды.

А дон Руфино в это время был занят деятельной перепиской: рассылал курьеров в разные концы края, да и сам получал немало писем. И вот в один прекрасный день он с развязным видом вошел в кабинет, где дон Фернандо просиживал целыми днями над головоломными вычислениями. Маркиз замер от изумления, увидев дона Руфино,

никогда еще не позволявшего себе входить в эту комнату. Сердце дона Фернандо невольно сжалось, но он превозмог свое волнение и любезно предложил гостю сесть.

— Дорогой сеньор, — начал дон Руфино, удобно развалясь в кресле, — простите, что не оставляю вас в покое даже в вашем убежище, но у меня серьезное дело, и я решил без дальних околичностей постучаться в эту дверь.

— И хорошо сделали, — ответил маркиз с плохо скрытой тревогой. — Я всегда к вашим услугам. Чем же могу быть вам полезен?

— Я вас долго не задержу, сам терпеть не могу долгих разговоров вокруг да около: короче говоря, я пришел закончить дело, начатое в день моего приезда.

От такого бесцеремонного вступления холодный пот выступил на лбу злополучного владельца асиенды.

— Я не забыл о нем, поверьте, — ответил маркиз. — Я и сейчас был занят решением этой задачи и надеюсь полностью расплатиться с вами через несколько дней…

— Да не в этом дело! — развязно перебил его дон Руфино. — Эти деньги мне и не нужны совсем. Я собирался даже просить вас хранить их как

можно дольше у себя. Дон Фернандо смотрел на него и не верил своим ушам.

— Вы удивлены, — продолжал сенатор, — а ведь все очень просто: мне захотелось доказать вам, что в моем лице вы имеете верного друга, а не безжалостного кредитора. Когда я убедился, что вам, действительно, будет трудно выплатить этот пустяковый долг, я решил взыскать эти деньги с других должников и не беспокоить более такого благородного и милого человека, как вы.

— Однако, — заметил дон Фернандо, опасавшийся новой западни, — вы уверяли меня…

— Да, я так думал, — прервал его дон Руфино, — а вышло, к счастью, иначе. А вот вам и доказательство: мне не только удалось уплатить по всем своим векселям, но у меня на руках осталась еще довольно кругленькая сумма денег. Я буквально не знаю, куда их девать, и буду весьма признателен вам, если вы освободите меня от них. Эти деньги мне сейчас совершенно не нужны, а кому же мне доверить их, как не самому порядочному из всех знакомых мне людей?!

Дон Фернандо молчал. Он был ошеломлен неожиданным предложением человека, еще недавно столь непреклонного в своих требованиях. Он не понимал, чему следовало приписать

этот внезапный и необыкновенный поворот дела, и не находил слов для ответа.

— К тому же, — все с той же развязностью продолжал дон Руфино, — за несколько дней моего пребывания здесь я успел убедиться в том, как разумно ведете вы свое обширное хозяйство; я не сомневаюсь, что в ближайшем будущем вас ожидают огромные барыши. Но вы принадлежите к разряду людей, затевающих большие дела с ограниченными средствами, — вот в чем ваша беда! Вы ощущаете нехватку капиталов всякий раз, когда они больше всего вам нужны. Явление весьма распространенное, и вы не представляете собою исключения. Вы вложили уже немало денег в свое хозяйство, вам предстоит вложить еще, быть может, столько же, прежде чем вы достигнете желанных результатов. Так вот, вам не хватает оборотных средств — у меня излишек денег, и я предлагаю их вам. Ваш отказ обидел бы меня: неужели вы сомневаетесь в чистоте моих намерений?

— Конечно, нет; но я и без того уже много должен вам, — пробормотал маркиз.

— Экая беда! Вы будете должны мне немного больше, только и всего!

— Я высоко ценю ваше благосклонное и добро-

желательное отношение ко мне, но я боюсь…

— Чего? Что я потребую возврата в какой-нибудь тяжелый для вас час?

— Не скрою от вас…

— Напрасно!.. Послушайте, дон Фернандо, вы, кажется, должны мне семьдесят пять тысяч пиастров, не так ли?

— Увы!

— При чем тут «увы»? — засмеялся сенатор. — Семьдесят пять тысяч пиастров плюс пятьдесят тысяч, которые я вручу вам сейчас в виде шести векселей на предъявителя, подлежащих оплате банкирским домом «Вильсон и сын» в городе Эрмосильо, составят круглую сумму в… Словом, извольте подписать мне вексель сроком… Простите, какой срок вас лучше всего устроит?

Дон Фернандо колебался. Было ясно, что необычайным своим предложением дон Руфино преследовал какую-то цель, но в чем она заключалась, этого маркиз не мог разгадать. Любовь сенатора к его дочери не могла сама по себе вызвать прилив такой щедрости. За этой услужливостью таилась ловушка. Но какая?

Дон Руфино не спускал глаз с маркиза, стараясь проник– нуть в его тайные мысли.

— Не решаетесь? — начал снова сенатор. — На-

прасно! Давайте раскроем наши карты. Вы не рассчитываете на поступление доходов раньше, чем через восемь-девять месяцев? И опасаетесь, что до этого срока не будете в силах возвратить мне такую крупную сумму? Отлично! — продолжал дон Руфино, доставая из бумажника векселя и выкладывая их на стол. — Получайте ваши пятьдесят тысяч пиастров и подпишите мне вексель на сто двадцать пять тысяч пиастров сроком на один год. Как видите, я не очень стесняю вас во времени! И, боже мой, допустим даже — хотя это маловероятно, — что к этому сроку вы не будете располагать необходимой наличностью! Ничего страшного! Мы перепишем ваш вексель, только и всего! Не такой уж я жестокий заимодавец! Ну так как же, по рукам? Или прикажете взять обратно мои векселя?

Известно, какой неодолимой притягательной силой обладают деньги, каково бы ни было их происхождение, в глазах предпринимателя, особенно предпринимателя, ограниченного в своих средствах. Дон Фернандо знал, что, несмотря на все свои труды, невзирая на сделанные уже крупные капиталовложения, он неудержимо скользит в бездну разорения. Спасти его могло одно только время. А дон Руфино, каковы бы

ни были его тайные побуждения, предоставлял ему не только время, но и крайне необходимые деньги, которые маркиз нигде не мог раздобыть. Дальнейшее колебание было бы безумием. Де Тобар де Могюер взял векселя дона Руфино в обмен на свой вексель.

— Вот и делу конец! — сказал дон Руфино, тщательно складывая и пряча в свой бумажник вексель должника. — Уф!.. В жизни не видал такого чудака. Дорогой мой сеньор, вас труднее заставить принять деньги, чем иного — уплатить их.

— Я положительно не знаю, как отблагодарить вас, дон Руфино… Теперь уж я могу вам признаться: эти деньги пришлись мне как нельзя более кстати.

— Деньги всегда кстати! — смеялся сенатор. — Прекратим, однако, разговор о них. Если есть у вас надежный человек, пошлите его в Эрмосильо получить по векселям. И как можно скорей: деньги слишком дороги нынче, чтобы позволить им залеживаться.

— Сегодня же я отправлю дона Хосе Паредеса в город.

— Отлично! А теперь и у меня к вам просьба.

— Просьба? Ко мне? Так говорите же скорей!

Мне не терпится доказать вам свою признательность.

— Дело в том, что, покончив с вопросом о вашем долге, я лишился формального предлога оставаться дольше в асиенде.

— Какое это имеет значение?

— Немаловажное, ибо мне хотелось бы провести в вашем приятном обществе еще несколько дней.

— Вы шутите, дон Руфино! Ваше пребывание в асиенде — высокая честь для нас. Чем дольше будете вы гостить у нас, тем больше радости доставите нам. О каких там нескольких днях вы говорите! Оставайтесь сколько вам вздумается!

— Вот и хорошо! Только этого я и добивался. А теперь позвольте мне удалиться: не буду больше мешать вашим занятиям.

В одиннадцать часов, лишь только управитель вернулся с полей, маркиз послал за ним.

— Есть у нас надежный конь? — спросил дон Фернандо поспешившего явиться управителя. — Я подразумеваю, — продолжал маркиз, заметив, как усмехнулся дон Хосе, — выносливого коня, способного совершить путешествие в Эрмосильо.

— Конечно, ваша светлость. У нас есть мустанг,

который может на полном скаку пройти расстояние до Эрмосильо и обратно, передохнув лишь в часы стоянки в городе. Когда прикажете выехать?

— Чем скорее, тем лучше; как только отдохнете.

— Отдохнуть от чего, ми амо?[37]

— Разве вы мало наездились сегодня в поле?

— Это никогда не утомляет меня, ваша светлость! — весело сказал дон Хосе. — На коне я отдыхаю. За полчаса я, пожалуй, успею заарканить и оседлать моего мустанга и смогу отправиться в дорогу, если только вашей светлости не угодно будет отложить мое путешествие.

— Но ведь приближается час сиесты и невыносимого полуденного зноя.

— Вам хорошо известно, ваша светлость, что мы, полуиндейцы, — дети огня. Солнце ласкает, но не обжигает нас.

— У вас всегда готов ответ на все. Благодарю вас, дон Хосе. Вы знаете, как глубоко я ценю и уважаю вас, и поймете, почему я выбрал именно вас для одного важного поручения.

— Можете быть уверены, ваша светлость, что

---

[37] Примечания: 37
Мой господин.

оно будет исполнено.

— Отлично! Итак, вам придется без промедления отправиться в Эрмосильо, где вы получите по этим векселям пятьдесят тысяч пиастров в английском банке «Вильсон и сын».

— «Пятьдесят тысяч пиастров»! — изумился дон Хосе.

— Вас это удивляет, не правда ли, мой друг? Вы в курсе моих дел и потому, вероятно, спрашиваете себя, откуда мог я раздобыть такую уйму денег?

— Я ни о чем себя не спрашиваю, ваша светлость. Вы приказываете — я исполняю. Все остальное меня не касается.

— Этими деньгами меня ссудил один друг, щедрость которого, как видите, воистину не знает пределов.

— Дай бог, чтобы вы не ошиблись, ваша светлость.

— Что хотите вы сказать, дон Хосе? На что намекаете?

— Я ни на что не намекаю, ми амо. Мне только кажется, что по нынешним временам чрезвычайно трудно встретить друзей, которые из одного лишь желания помочь ссужали бы пятьюдесятью тысячами пиастров человека, — простите за откровенность, ваша светлость, — дела кото-

рого находятся в таком положении, как ваши. Я думаю, что не мешало бы разобраться в мотивах столь необычайной щедрости.

Дон Фернандо вздохнул. В глубине души он сам разделял опасения дона Хосе. Но, следуя тактике людей, не желающих сознаться в своей ошибке и не знающих, как оправдать ее, маркиз круто перевел разговор на другую тему:

— Возьмите с собой трех… пожалуй, даже четырех пеонов.

— К чему, ваша светлость?

— Они будут охранять вас на обратном пути.

— Полноте, ваша светлость! — рассмеялся дон Хосе. — Охрана мне ни к чему. Здесь вам эти пеоны будут полезнее, чем мне. В Эрмосильо я куплю для перевозки золота вьючного мула… И хотел бы я увидеть того ловкача, который сумел бы отбить его у меня!

— Я все же полагаю, что вам не мешает захватить с собой конвой.

— Позвольте вам заметить, ваша светлость, что тогда уж на меня наверное нападут разбойники.

— Что хотите вы сказать? Любопытно!

— Очень просто, ми амо: одинокому путнику легче проскочить незамеченным по нашим дорогам, которые нынче кишат разбойниками всех

видов и мастей.

Дон Фернандо невольно улыбнулся — до того забавным показалось ему рассуждение управителя.

— Ну, знаете, дон Хосе, в том, что вы сказали, мало убедительного.

— Напротив, — возразил дон Хосе. — Видите ли, ваша светлость, эти разбойники прерий — хитроумный народ, даже слишком хитроумный, что весьма часто и губит их. Им никогда и на ум не придет, что какой-то несчастный метис, с жалким мулом в поводу, везет с собой пятьдесят тысяч пиастров. Но конвой из вооруженных пеонов обязательно вызовет их подозрения, они захотят проверить, по какому случаю снаряжена такая пышная свита, и я буду ограблен.

— Возможно, вы правы, дон Хосе.

— Я безусловно прав.

— Ладно, не буду больше настаивать, дон Хосе; поступайте как знаете.

— Будьте спокойны, ваша светлость, я вручу вам все ваши деньги, до последнего пиастра. Ручаюсь вам!

— Дай бог! Вот вам векселя. Поедете, когда сочтете нужным. Счастливого пути!

— Через час я буду уже в дороге, ваша светлость.

Дон Хосе аккуратно сложил векселя, засунул их за пазуху и, поклонившись маркизу, вышел. Он направился прямо в кораль, где в несколько минут заарканил мустанга с тонкими ногами, небольшой головой и пылающим взором и, тщательно почистив, оседлал его. Затем дон Хосе проверил свое оружие, пополнил запасы пороха и пуль в своей альфорхе и, уложив туда же дорожную провизию, вскочил в седло. Но прежде чем покинуть асиенду, он подъехал к одному из строений, стоявшему немного поодаль от главных зданий, и, остановив здесь коня, осторожно стукнул два раза в окно.

Из отворившегося окна выглянула голова дона Руиса.

— О, да это дон Паредес! — воскликнул он. — На плантацию? Подождите меня, поедем вместе.

— Не беспокойтесь, ниньо. На плантацию еще рано. Я собрался в дальнюю дорогу.

— Уезжаете?

— Да, всего на несколько дней, по поручению его светлости.

— А по какому делу и куда?

— Маркиз сам расскажет вам обо всем, ниньо.

— Ладно. Но разве одно только желание проститься со мной заставило вас постучаться в мое

окно?

— Нет, конечно. Я намеревался дать вам один совет, прежде чем покинуть асиенду.

— Совет?

— Да, и весьма серьезный. В мое отсутствие, ниньо, следите внимательно за вашим гостем.

— За сенатором?

— Да, за доном Руфино Контрерас.

— А в чем дело?

— Следите за ним, ниньо, не упускайте его из виду. Вот и все. До свиданья, ниньо!

И, явно не желая отвечать на дальнейшие вопросы молодого человека, дон Хосе дал шпоры коню и галопом поскакал из ворот асиенды.

XI. В пути

Мексика, если принять во внимание соотношение между ее населением и территорией, — одна из самых безлюдных стран земного шара.

В европейских странах существует множество различных и удобных видов транспорта, Мексика же знает только один способ передвижения — коня. В центральных штатах, а также в штатах, расположенных близ берегов Атлантического океана, некоторые города связаны еще между

собой дилижансами. Эти экипажи меняют лошадей в тавернах или на постоялых дворах, где путешественники могут заночевать.

Но в этих тавернах, напоминающих сицилийские харчевни или испанские корчмы, путешественник, кроме крыши для ночлега, не найдет ничего, разве только обеденный прибор, к тому же весьма примитивный. Другими словами, помимо провизии, путешественник вынужден таскать с собой и постель, если только он не предпочитает спать, закутавшись в свой плащ, на голой земле, которая заменяет пол в помещениях мексиканского постоялого двора.

Однако в штатах, примыкающих к берегам Тихого океана, путешественник лишен даже таких элементарных удобств. В этих краях путник на расстоянии от пятидесяти до шестидесяти лье, которое он должен проделать верхом, отправляясь из одного города в другой, не встретит ни одной таверны, ни даже самого жалкого ранчо, где он мог бы укрыться от непогоды, от палящего дневного зноя, от пронизывающей ночной стужи и ледяной росы. Путник устраивается на ночлег там, где застает его ночь, спит под открытым небом, а наутро возобновляет свое путешествие.

Дороги центральных штатов буквально на-

воднены грабителями и разбойниками всех мастей. Эти рыцари больших дорог чувствуют себя здесь господами положения и среди белого дня совершенно безнаказанно грабят и убивают путешественников. В Соноре воры и грабители — более редкое явление. На дорогах здесь царит относительная безопасность. Однако и здесь путешественникам грозит немало опасных встреч, особенно во время восстания индейцев или в те дни, когда какое-нибудь очередное пронунсиаменто спускает с цепи разнузданные толпы солдат. Солдаты, идя по стопам профессиональных грабителей и убийц, без всякого стеснения грабят и убивают всех, кто бы ни попался им в руки.

Дону Хосе Паредесу предстоял путь не более, чем в пятьдесят лье. Но при плохих дорогах и при тех предосторожностях, которые ему приходилось принимать, путешествие в Эрмосильо должно было отнять у него не менее четырех дней. Для человека, избалованного всеми удобствами европейской цивилизации, четырехдневное путешествие верхом без крова над головой было бы тяжким испытанием. Но для нашего достойного управителя, привыкшего ночевать чаще под открытым небом, чем под крышей, наделенного

к тому же могучим здоровьем, позволяющим ему безболезненно переносить всякого рода трудности и неудобства, подобное путешествие представляло скорее приятную прогулку.

И действительно, дон Хосе ехал, беззаботно покачиваясь в седле, то покуривая пахитоску, то мурлыча себе под нос какую-нибудь знакомую песенку. Все это не мешало ему зорко осматриваться по сторонам и предусмотрительно не спускать пальца с курка ружья, лежавшего перед ним поперек седла.

Второй день его путешествия был на исходе. Дон Хосе уже миновал Ариспу. Близился закат; порывистый и сильный ветер часто поднимал облака пыли, ослеплявшие путника и окутывавшие его непроницаемой пеленой. День угасал, но в воздухе все еще стояла томительная жара. Потемневшее небо приняло синевато-свинцовую окраску. Сбившиеся в кучу желтоватые облака стали быстро заволакивать горизонт. Птицы с тревожными и жалобными криками сновали в воздухе, пронзительный свист и какие-то неясные шумы то и дело возникали среди скал, окаймлявших справа и слева узкое ущелье, по которому следовал в эту минуту дон Хосе; обожженная земля жадно глотала первые крупные

капли дождя.

Конь пугливо прядал ушами, мотал головой и беспокойно пофыркивал. Все предвещало одну из тех бурь, которые можно наблюдать только в этих широтах. Это настоящие катаклизмы, в несколько часов изменяющие пейзаж тех мест, на которые они обрушиваются со свирепостью африканского самума. Неистовый ветер гнет и ломает или вырывает с корнем гигантские деревья, реки выходят из берегов; кажется, что сама земля содрогается в страшных объятиях взбесившейся природы.

— Если я не ошибаюсь, — пробормотал дон Хосе, беспокойно озираясь по сторонам, — не пройдет и часа, как нас настигнет кордоннасо[38], и это будет самый свирепый из всех, которые когда-либо посещали эти края. Весьма приятная для меня перспектива! В веселенькое положение поставил ты меня, проклятый ураган! Не мог задержаться еще на какие-нибудь сорок восемь часов, чертов кум!

Впрочем, управитель не стал терять времени на бесполезные причитания. Положение его ста-

---

[38] Примечания: 38

Буквально: удар веревкой Святого Франциска. Так называют здесь буйный юго-западный ветер, который с сентября по октябрь дует в областях Калифорнийского залива. Примеч. авт.

новилось критическим. Он знал, что ураган будет свирепствовать с особой силой в узком и глубоком ущелье, по которому он теперь следовал. Дон Хосе понимал, как трудно будет ему уцелеть, если буря застигнет его здесь. Он решил во что бы то ни стало выбраться из этой мышеловки. Он располагал считанными минутами; не оставалось времени даже для малейших колебаний. Паредес был человек решительный, с давних пор привыкший полагаться только на самого себя, на свою смелость, силу и энергию. Он плотно завернулся в свой плащ, надвинул на голову шляпу и, припав к луке, вонзил шпоры в коня и зычным голосом гикнул:

— Сантьяго![39]

Кровный мустанг, не привыкший к такого рода понуканию, заржал от обиды и вихрем ринулся вперед. Тучи между тем совсем заволокли небо, все более и более темнело, лучи солнца сразу потеряли свою теплоту. Конь, взбесившийся от ударов, непрерывно наносимых шпорами дона Хосе, мчался, не меняя аллюра.

Но вот дон Хосе выбрался из ущелья. При виде расстилавшейся перед ним степи, упирав-

---

[39] Примечания: 39

Крик, которым в Мексике понукают лошадей. Примеч. авт.

шейся на горизонте в высокие горы, он громко вскрикнул от радости. Туда, к этим горам, и хотел добраться управитель: только там и мог он обрести свое спасение. Слов нет, положение вырвавшегося из ущелья путника заметно улучшилось; тем не менее впереди его ожидали еще тяжкие испытания. С первого же взгляда дон Хосе убедился, что на всем протяжении этой голой и дикой степи, пересеченной лишь несколькими реками и речками, не было ни одного убежища, где он мог бы, не подвергая себя опасности, встретить готовую разразиться грозу. Не теряя времени, дон Хосе повторил свое пронзительное гиканье, и мустанг с еще большей лихостью понесся вперед. Умное животное, словно понимая, что от него одного зависит спасение и его самого, и всадника, мчалось почти с фантастической быстротой легендарных коней.

Вдруг белесоватая молния пронзила тучи и грянул оглушительный удар. Испуганный мустанг шарахнулся было в сторону, но властная рука наездника привела его в себя, и вот уж он снова пожирает пространство под потоками хлынувшего ливня.

Солнце заволокло тучами, наступила тьма, но Паредес не падал духом, его воля закалялась

в борьбе со стихией. Он словно прирос к седлу, когда, понукая коня то гиканьем, то шпорами, он смело вступил в схватку с подстерегающей его гибелью. Только нахмуренные брови да буравившие мглу глаза выдавали его напряженное состояние. Но черты лица его были спокойны и бесстрастны; можно было подумать, что он переживает одно из обычных происшествий, которыми так изобиловала его богатая приключениями жизнь обитателя прерий.

Буря между тем перешла в свирепый ураган. Ветер, словно дикий зверь, спущенный с цепи, дул с неистовой силой, подхлестывая дождь и вздымая пласты липкой грязи.

Внезапно до слуха злополучного путника стало доноситься зловещее хлюпанье; то был признак начавшегося наводнения. Там и сям замелькали серовато-свинцовые лужи; освещенные белесоватым светом непрерывно сверкающих молний, постепенно расширяясь, они все теснее замыкали вокруг путника свое кольцо. И все явственнее слышалось дону Хосе дальнее громыхание, доносимое к нему на крыльях ветра. Опасения путника усилились: один только час времени отделял его от гибели, которая неминуемо настигнет его, когда равнина превратится

в бурлящее озеро. При свете молнии Паредес заметил множество метавшихся то тут то там силуэтов: то дикие звери, инстинктивно почуявшие приближение катастрофы, покинули свои норы и с диким рыканием, обезумев от страха, метались по равнине.

Все вокруг бесновалось и ревело; гул потревоженных вод сливался с раскатистыми ударами грома и пронзительным завыванием ветра; все шумы бури сталкивались с неимоверным грохотом. А мустанг дона Хосе все мчался напрямик, гонимый страхом, который подгонял его лучше, чем самые острые шпоры.

Чтобы получить хотя бы отдаленное представление об этой фантасмагорической скачке, надо хотя бы раз воочию наблюдать ураган в этих низких широтах, когда за несколько часов воды реки, поднятые ветром с их ложа, вздымаются, клокочут и, хлынув из своих берегов, затопляют равнину на несколько лье в окружности.

Вдруг крик ужаса и гнева вырвался из груди управителя. В то же мгновение он выпрямился и с такой силой натянул поводья, что конь его застыл как вкопанный. Дону Паредесу послышался звон далекого колокола. В низинах во время больших наводнений владельцы асиенд приказывают

бить в колокола, чтобы указать заблудившимся путникам путь к спасению. С минуту дон Хосе прислушивался; наконец, он уловил звук, тихий, как стон. Чуткий слух управителя не обманул его: то был, действительно, далекий, как бы умирающий звон колокола. Но он доносился со стороны, прямо противоположной направлению, по которому следовал наш путник. Очевидно, в этой непроглядной тьме он сбился с пути и теперь затерялся в затопленной равнине, где нельзя было ожидать никакой помощи, где его ожидала верная гибель.

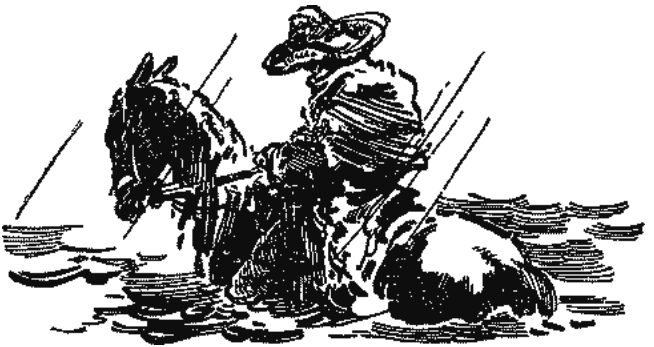
При всей своей беззаветной храбрости Паредес невольно содрогнулся; холодная испарина выступила на его лбу.

Одна только мысль волновала дона Хосе в этот роковой час: мучительная мысль о том, что он унесет с собой в пучину вверенное ему достояние целой семьи. Несколько минут этот человек с сердцем льва, этот мужественный путешественник, изъездивший прерию вдоль и поперек, умевший, не дрогнув, встречать самые страшные опасности, испытывал полный упадок сил, почти ребячью слабость. Однако, это состояние длилось недолго; реакция не заставила себя ждать: дон Хосе воспрянул духом, внутренне пристыжен-

ный своей минутной слабостью. В этот момент, когда все, казалось, ополчилось против него, он решил сам постоять за себя. Никогда еще его воля не была так тверда, как теперь, когда он поклялся бороться до последней крайности, до последнего вздоха, до смертного часа.

Минуту назад от сильного прилива крови сердце храбреца готово было разорваться; теперь мужественное решение вдохнуло в него новые силы. Тыльной стороной руки Паредес стер пот с лица и, не двигаясь с места, стал дожидаться очередной молнии, чтобы при свете ее оглядеться и определить, в какую сторону ему следует двигаться дальше.

Он невольно вскрикнул от радости, когда при вспышке молнии, осветившей окрестности, заметил вправо от себя, всего в нескольких шагах, высокий холм, на вершине которого ему почудился всадник, неподвижный, словно каменное изваяние.



Вода быстро настигала дона Хосе, его конь стоял уже по брюхо в воде; тем не менее с хладнокровием, присущим только сильным натурам в часы великих испытаний, он решил не действовать наобум. А может быть, это просто мираж, обычно посещающий людей в минуты крайнего нервного возбуждения? В ожидании второй вспышки молнии он не сводил глаз с того места, где увидел холм. Внезапно в тот самый миг, когда желанная на этот раз молния озарила мрак, до слуха дона Хосе, заглушая вой бури, ясно донесся зычный голос, насыщенный той звучностью, которую человеческий голос приобретает при исключительных обстоятельствах.

— Смелей! Вперед! Напрямик ко мне! — услышал дон Хосе.

С радостным криком, напоминавшим торжествующий рев хищника, он поднял своего коня и, понукая его поводьями и шпорами, помчался к холму, преследуемый по пятам ревущим потоком. Менее чем в десять минут дон Хосе взлетел на вершину и повалился без чувств на руки человека, чей призыв спас его от гибели.

Теперь путнику ничто не грозило: вода не могла настигнуть его, здесь он находился в надежном убежище.

XII. Ночная беседа

Обморок дона Хосе, вызванный скорее душевным потрясением, чем физическим утомлением, продолжался недолго. Он открыл глаза и увидел, что лежит один на вершине холма, укрытый одеялом. Очевидно, кто-то позаботился предохранить его от пронизывающей стужи. Сбросив с себя одеяло, дон Хосе стал с любопытством обозревать местность.

Гроза все еще бушевала, но сила ее значительно ослабла. Дождь прекратился. Темно-синее небо заискрилось звездами. Их неверный мерцающий свет накладывал на весь окрестный пейзаж отпечаток какой-то дикости и обреченности. Ветер дул с прежним бешенством, вздымая пенящиеся волны на поверхности воды, уровень которой достигал почти самой вершины холма.

Конь управителя мирно пасся в нескольких шагах от своего господина; он с видимым удовольствием объедал молодые побеги деревьев и густую траву, зеленым ковром расстилавшуюся по земле. Рядом с ним паслась другая лошадь.

«Отлично! — подумал дон Хосе. — Мой храбрый спаситель, очевидно, не уехал, он где-то непо-

далеку. Значит, я еще увижу его. Но где бы он мог быть? Какие у него могут быть здесь дела? Впрочем, проще всего спокойно ждать его».

Не успели пронестись эти мысли в голове Паредеса, как на фоне полумрака смутно обрисовался черный контур человека, о котором он только что подумал.

— Уже на ногах! — весело воскликнул незнакомец. — Отлично! По мне, во всяком случае, такое положение лучше того, в котором я оставил вас.

— Благодарю, — тепло отозвался дон Хосе. — А ведь, вероятно, жалкий был у меня вид, когда я свалился, как полузаколотый бычок! Такой здоровяк, а падает в обморок не хуже женщины или слабого ребенка. Стыдно, не так ли?

— Нисколько, приятель, — возразил незнакомец. — Мне случайно довелось наблюдать вашу борьбу со стихией. Я был лишен возможности прийти вам на помощь, но, бог свидетель, готов поклясться честью охотника в том, что вы сильный боец! Вы смело встретили бурю. Могу вас заверить: многие на вашем месте, в том числе и я, так легко не отделались бы.

Этот ответ разрушил принужденность между ними и помог им с первого же знакомства стать друзьями.

Такова уж природа человека. Дружба возможна лишь между людьми, равными по силе и уму. При всей своей благодарности к незнакомцу Паредес не мог бы так свободно общаться с ним, если бы заподозрил в нем какое-либо превосходство над собой. Откровенность его спасителя вернула дону Хосе ту веру в себя, без которой жизнь в пустыне вообще немыслима. Он сразу почувствовал себя непринужденно.

— Должен, однако, сознаться, что была минута, когда я потерял надежду на спасение, — сказал дон Хосе, протягивая руку своему новому другу. — Не случись тут вы, я бы, действительно, погиб.

— Ба, ба! — возразил незнакомец, пожимая протянутую ему руку. — Вы ничем не обязаны мне. Да, черт возьми, вы же самостоятельно выбрались из беды!.. Но перейдем к другой теме. Мы, конечно, находимся здесь в безопасности. Тем не менее положение весьма незавидное. Недурно бы подумать о том, как нам выбраться отсюда.

— Я того же мнения; к несчастью, мы располагаем весьма ограниченными средствами.

— Возможно. Но прежде всего я предложил бы сесть и «держать совет» по индейскому обычаю. Согласны?

— Разумеется. Ничего лучшего в нашем по-

ложении, пожалуй, не придумаешь. Тем более, — продолжал дон Хосе, взглянув на небо, — что до рассвета еще добрых три часа.

— Да, времени у нас достаточно.

Пока длился этот короткий разговор, буря совсем затихла, и ветер дул только порывами.

— Начнем с того, — предложил Паредес, — что разведем костер. Теперь, когда ветер стих, хищники, хотя бы вплавь, станут добираться до этого холма. Непогрешимый инстинкт зверья приведет их в это убежище. Если мы не примем заранее мер предосторожности, они нападут на нас.

— Прекрасная мысль! Сразу сказывается охотник!

— Да, я много лет охотился, — со вздохом ответил дон Хосе. — Но теперь все это в прошлом; кончились мои странствия по прерии.

— От души жалею вас, — проникновенно произнес незнакомец, — никакое существование не может сравниться с этой жизнью.

— Кому вы это говорите! Самые прекрасные годы моей жизни прошли в прерии.

Не прерывая беседы, два приятеля пустили в ход свои мачете и выкопали глубокую яму для костра у подножия исполинского дуба. Они заложили ее до отказа смолистым хворостом

и развели огонь, взорвав небольшую щепотку пороха, уложенную на дне ямы в дубовом листке. Пламя длинным снопом радостно взвилось к небу, а хворост весело потрескивал, выбрасывая миллионы искорок.

Огонь имеет огромное значение в жизни человека. Кроме всех прочих благ, он обладает еще свойством веселить ум и душу людей. Согретый его живительным пламенем, человек забывает о перенесенных им тяжелых и опасных испытаниях.

Довольно долго оба путника молча сушили свою промокшую до нитки одежду. С неизъяснимым наслаждением каждый из них ощущал, как приятная теплота мало-помалу проникала во все поры, согревала кровь и возвращала жизнь застывшим конечностям.

— Viva dios! — заговорил наконец дон Хосе, весело встряхнувшись. — Я, кажется, снова становлюсь человеком. Что за прелесть этот огонь, особенно когда продрогнешь! А не употребить ли нам его в дело?

— Не возражаю, — ответил незнакомец. — Но только как?

— Разве вы не голодны?

— Карай! Вот уже четырнадцать часов, как у

меня во рту ничего не было. Но, к сожалению, у меня нет никаких съестных припасов.

— Зато у меня есть! Мы поделимся!

— Тогда действуйте! Вы, я вижу, добрый товарищ!

Управитель достал захваченную с собой дорожную провизию.

— Вот! — не без самодовольства произнес он, разложив всю снедь у костра.

— Карамба![40] — радостно воскликнул незнакомец. — Никогда еще еда не появлялась так кстати!

Эта еда, доставившая столько радости обоим путникам, вызвала бы презрительную гримасу у любого европейского гурмана[41]. Все угощение состояло из небольшого количества солонины и копченого мяса, кусочка козьего сыра и нескольких маисовых лепешек. Кроме того, из альфорхи был извлечен небольшой бурдюк, наполненный превосходнейшим мескалем[42], что окончательно развеселило наших путников.

---

[40] Примечания: 40
Черт возьми!

[41] Примечания: 41
Гурман — любитель хорошо поесть.

[42] Примечания: 42
Мескаль — мексиканский хмельной напиток.

Соорудив вертел, на котором быстро поджарилась солонина, приятели весело принялись за еду. Свой скромный ужин они запили несколькими глотками ароматного мескаля, побратски передавая друг другу бурдюк. Затем появились пахитоски — это неизбежное завершение всякой мексиканской трапезы. Покуривая, приятели внимательно наблюдали за горизонтом; край небосклона забрезжил уже широкими полосками блеклого света.

— Теперь, с вашего разрешения, мы можем открыть наш совет, — сказал незнакомец, наслаждаясь глубокой затяжкой табака и выпуская клубы дыма через нос и рот.

— Вы первый заняли эту территорию, — смеясь, сказал дон Хосе, — и вам, следовательно, должны быть лучше известны все ее ресурсы. За вами и первое слово.

— Хорошо!.. Так вот: мы окружены со всех сторон водой. Ураган затих, но пройдет еще немало часов, прежде чем вся эта масса воды частью войдет в свои берега, а частью будет поглощена песками равнины.

— Верно! — ответил дон Хосе. — Однако нам надо же как-нибудь выбраться отсюда!

— В этом-то вся штука! У нас есть две возмож-

ности: ждать, пока не просохнет земля…

— Отвергается, — перебил управитель. — Слишком много драгоценного времени отнимет это у нас, а такая потеря будет особенно чувствительна для меня. Нет, уж лучше с восходом солнца смело пуститься вплавь к тем горам — к счастью, кажется, не очень отдаленным от нас.

— Вы забываете, что в нашем распоряжении есть еще одно средство: мы можем поплыть в пироге, а лошадей взять на буксир. Для них это будет несравненно менее утомительно, чем плыть и тянуть за собой ездока. Таким способом мы безусловно доберемся до тех гор, которые, как вы правильно заметили, отстоят от нас не далее полутора или двух лье.

— Разумеется, это хорошая мысль, и я полностью присоединяюсь к ней. К сожалению, для ее практического осуществления нам недостает одной только вещи.

— Какой?

— О, сущей безделицы — пироги!

— Ошибаетесь, товарищ.

— Что вы сказали?

— Пока вы лежали тут без чувств, я разведал наши владения. Вы, вероятно, слышали, что перед сезоном дождей местные жители имеют обык-

новение оставлять пироги в помощь путникам, застигнутым наводнением. Они укрывают их на высоких местах, часто на деревьях.

— В самом деле? И вам удалось найти такую пирогу?

— Да! И представьте, на том самом дереве, под которым мы расположились. Пирога в отличном состоянии, и при ней имеются две пары новеньких весел.

— Браво! Значит, с рассветом мы сможем пуститься в путь, если только это устраивает и вас.

— Вполне, хотя мне и не к спеху. По некоторым причинам мне бы надо пробыть в этих местах еще несколько дней.

— Значит, решено. А пока воспользуемся затянувшимся рассветом и немного вздремнем.

— Спите, пожалуйста, а мне не хочется; я посторожу за нас двоих.

— Охотно принимаю ваше предложение, но не сомкну глаз раньше, чем мы не познакомимся с вами поближе.

— Да ведь мы с вами и так уже друзья!

— Разумеется. За себя я, во всяком случае, ручаюсь. Но ни один из нас ничего не знает о другом, никто из нас даже не назвал себя.

— О господи… такого рода формальности — со-

вершенно излишняя роскошь в прерии.

— А вдруг мы еще понадобимся друг другу?

— Пожалуй, вы правы. Так вот: я простой охотник, лесной бродяга. Товарищи прозвали меня Твердой Рукой, «потому что, — говорят они, — друг, которому протянута эта рука, может смело на нее положиться».

— Бог свидетель, кабальеро, вы заслужили это прозвище! Мне не раз приходилось слышать о вас. Я давно уже сгорал желанием познакомиться с вами и счастлив, что судьба свела нас вместе. Ну, а теперь наступила моя очередь: меня зовут Хосе Паредес, я служу управителем у маркиза де Могюер.

— Что?! — с нескрываемым изумлением воскликнул Твердая Рука. — Так это вы и есть управитель маркиза?!

— И никто иной! Почему это вас удивляет?

— Тот самый, которого маркиз два дня назад послал в Эрмосильо получить по векселям у одного английского банкира довольно крупную сумму?

— Откуда вы это узнали? — воскликнул в свою очередь немало удивленный дон Хосе.

— Не все ли равно, раз уж я знаю! — ответил охотник. — Поверьте мне, — продолжал он с многозначительностью, которая невольно заставила

насторожиться дона Хосе, — сама судьба намеренно свела нас вместе.

— Странно, — пробормотал дон Хосе. — Как могло случиться, что тайна, доверенная мне одному моим господином, стала известна вам.

— Тайна, известная трем лицам, — улыбаясь, ответил Твердая Рука, — перестает быть тайной.

— Но то третье лицо, о котором вы говорите, отнюдь не заинтересовано в разглашении этой тайны.

— Как знать! — возразил Твердая Рука. — Впрочем, удовлетворитесь пока тем, что мне известна цель вашего путешествия. Вы говорили, что слышали обо мне до нашей встречи. Скажите, как же отзывались обо мне люди?

— С наилучшей стороны. Говорят, что вы человек безупречной порядочности и испытанной храбрости.

— Верите вы этим отзывам? Доверяете мне?

— Вполне; вы благородный человек, я в этом не сомневаюсь.

— Надеюсь, ваше мнение обо мне не изменится. Скоро вы убедитесь, что сама судьба свела нас для блага вашего маркиза. Знайте же, я искал встречи с вами!

— Ничего не понимаю!

— И не надо! В недалеком будущем все само собой объяснится.

— Хотелось бы! Будьте уверены! Преданы ли вы маркизу де Могюер?

— Душой и телом! Я готов отдать жизнь за него!

— Отлично! Слушайте же меня внимательно, сеньор Паредес. Вашему господину грозит полное разорение. Он стал игрушкой в руках негодяев, замысливших погубить его. Вас намереваются ограбить на обратном пути, негодяи подготовили гнусную ловушку, в которой вас ожидает неминуемая гибель.

— Не может быть! — вскричал пораженный Паредес.

— Повторяю, мне известно все. Люди, сговорившиеся об этом, не подозревали, что я подслушиваю их.

— Подлецы!

— Вполне с вами согласен. Именно поэтому я здесь, вместо того чтобы спокойно расставлять свои капканы. Я намерен расстроить их коварные замыслы.

— Но что заставляет вас действовать таким образом? — с оттенком недоверия произнес дон Хосе.

— Этот вопрос останется без ответа. Вам придется на время отказаться от всякого любопытства. Вы должны слепо довериться мне и помогать мне во всем, что я буду предпринимать в защиту ваших же интересов. Идет? Мне кажется, что уговор этот весь в вашу пользу, а рискуете вы при этом не больше, чем я.

Последовало довольно продолжительное молчание. Управитель размышлял, стараясь вникнуть в смысл всего услышанного; охотник не спускал с него глаз, терпеливо выжидая, когда снова заговорит его приятель. Наконец дон Хосе доверчиво протянул руку своему собеседнику, который поспешил горячо пожать ее.

— Послушайте, Твердая Рука, — сказал Паредес, — прежде всего я должен признаться, что ваши разоблачения кажутся мне довольно странными. Но в вашем голосе звучит такая неподдельная искренность, а ваша репутация так прочно утвердилась среди обитателей прерии, что я без колебаний вручаю свою судьбу в ваши руки. Нет, вы не способны предать меня! Отныне и до того часа, когда вы сами сочтете возможным открыть мне имена негодяев, решивших погубить меня вместе с моим господином, я полностью отрекаюсь от собственной воли. Смотрите на меня, как

на свою вещь, исчезайте и появляйтесь, когда вам будет угодно, действуйте как знаете, — я повинуюсь вам во всем, не спрашивая никаких объяснений. Вас это устраивает?

— Прекрасно, мой добрый друг! Вы угадали мои желания. Такая свобода действий необходима для успеха моих начинаний; и, верьте слову честного человека, никто более, чем я, не дорожит благополучием и счастьем маркиза де Могюер.

— Итак, решено, — вместо ответа сказал дон Хосе, — с рассветом мы тронемся в путь?

— Да, но не прямо в Эрмосильо. Прежде чем отправиться в этот город, нам надо замести следы. Не забывайте, что мы имеем дело с опытными пограничными разбойниками. Они следят за нами. Мы должны перехитрить хитрецов, на каждый их ход ответить своим ходом.

— О-о! Прекрасный случай для меня вспомнить свою профессию охотника.

— Вспомните лучше излюбленную поговорку прерий: «деревья имеют глаза, а листья — уши». Наше счастье, что охотящиеся за вами негодяи ничего не подозревают о моей заинтересованности в вашем деле. На это я рассчитываю и в дальнейшем.

— Но если не в Эрмосильо, то куда же? — осве-

домился дон Хосе.

— Я скажу вам это утром, когда при свете дня смогу убедиться, что никто не подслушивает нас. А теперь ложитесь спать и отдыхайте. Надо набраться сил: вам еще предстоит утомительное путешествие.

И, как бы желая положить конец дальнейшим расспросам, Твердая Рука плотно завернулся в свой плащ, прислонился спиной к стволу дуба, протянул ноги к костру и закрыл глаза. Несмотря на сильное желание продолжать этот разговор, Паредесу ничего другого не оставалось, как последовать примеру охотника. Не прошло и нескольких минут, как дон Хосе, измотанный бурей, заснул богатырским сном.

XIII. Лагерь рудокопов

По своим запасам драгоценных металлов Сонора — одна из самых богатых областей мира. Как нам удалось убедиться по официальному отчету, за один только 1839 год в пробирную палату города Эрмосильо было доставлено шестьсот слитков серебра и шестьдесят слитков золота общей стоимостью более чем в миллион пиастров. Эту огромную цифру надо удвоить за счет так

называемого контрабандного металла, который умышленно не представляют в палату, чтобы избежать уплаты налога.

Эти места богаты также медной рудой. Однако население, всецело поглощенное золотоискательством, пренебрегает ее разработкой.

Ни одна страна в целом свете не обладает такими богатыми и многочисленными залежами золота.

Золото здесь встречается в наносном речном иле, в размытых дождями оврагах, а чаще всего прямо на поверхности земли или же на глубине в несколько футов.

В северной части провинции Ариспы находятся россыпи Квитовак и Соноитак, о которых нам придется еще немало говорить ниже. Открытые в 1836 году, они в течение трех лет давали ежедневно по двести унций чистого золота.

Золотоискатели ковыряют здесь землю простой заостренной палкой и подбирают только заметные крупинки золота. Но если бы здесь предприняли промышленную промывку золота, были бы достигнуты несравненно более высокие результаты.

В Сопоре нередко находили самородки весом в несколько фунтов. Нам довелось встретить в

Ариспе одного рудокопа, откопавшего слиток стоимостью в девять тысяч пиастров. Музей испанского короля в Мадриде может похвастаться множеством превосходных образчиков таких самородков. В дальнейшем мы еще сообщим читателю, по каким причинам были заброшены эти прииски.

Основная масса населения пуэблос[43] Соноры состоит из бродячих рабочих и мелких торговцев, оседающих вокруг большого рудника, лишь только приступают к его эксплуатации.

Такая стоянка рабочих называется здесь Real de minas[44]. Если рудник обещает приносить доходы долгие годы, население окончательно обосновывается здесь. Так были основаны многие большие города Мексики.

Огромное потребление европейских товаров в этих краях объясняется легким и быстрым обогащением золотоискателей. Какой-нибудь простой рудокоп расходует тут часто в несколько дней шесть-семь фунтов золота, что составляет его недельную добычу. К несчастью, пагубная страсть к игре, эта истинная проказа Мексики,

---

[43] Примечания: 43
Пуэблос — поселки.

[44] Примечания: 44
Лагерь рудокопов (исп.).

позорящая и развращающая ее обитателей, парализует накопление капиталов и замедляет развитие золотопромышленности.

А теперь, прежде чем продолжать наш рассказ, нам необходимо еще дать читателю кое-какие сведения об индейских народах, населяющих территорию Соноры.

Здесь существуют пять самостоятельных индейских племен: яки, опатосы, майи, хиленосы и апачи.

Яки и майи занимают земли, расположенные к югу от Гайомаса вплоть до Рио дель Фуерте. Индейцы этих племен нанимаются к креолам в качестве хлебопашцев, каменщиков, слуг и горнорабочих. Численность их составляет примерно до сорока тысяч душ.

Опатосы заселяют берега рек: Рио де Сан-МигоельдеХоркаситас, Рио д'Ариспа, Рио де-лос-Юрес и Рио д'Опосура. Это умелые работники и превосходные воины. Они всегда сохраняли верность сначала испанскому, а затем пришедшему ему на смену мексиканскому правительству. Численность опатосов не превышает двадцати тысяч человек.

Хипеносы, разместившиеся на берегах Рио Хила и Рио Колорадо, а также акуасы и апачи, выходцы

из долин горного хребта Сьерра Мадре, являются племенами одного и того же народа папагосов.

Эти непокоренные кочевые племена промышляют охотой. Некогда они кочевали на северных окраинах Чиуауа[45] и Соноры; но, теснимые с юга и запада все растущим проникновением в эти края американцев и техасцев, индейцы ворвались на территорию Мексики, жителям которой они наносят огромный ущерб своими воинственными набегами. Папагосы в изобилии снабжены огнестрельным оружием, которое они приобретают в обмен на меха в американских факториях, раскинувшихся вдоль берегов Рио Браво-дель-Норте, в Арканзасе и Миссури.

Для полноты этого краткого перечня индейских племен провинции Соноры мы упомянем еще о пятистах индейцах племени серис, водворившихся в одном поселке у самых ворот Эрмосильо. Около тысячи человек этого же племени, некогда одного из самых могущественных в этих краях, живут на океанском побережье, на севере от Гдаймаса и на острове Тибурон[46].

Нам придется оставить еще на некоторое время

---

[45] Примечания: 45
Чиуауа — одна из северных областей Мексики, граничит с Техасом.

[46] Примечания: 46
Тибурон — акула. Примеч. авт.

Твердую Руку и дона Хосе Паредеса на вершине холма, для того чтобы перенести читателя в городок Квитовак, где будут разыгрываться важные события.

Время было вечернее, улицы и площади лагеря золотоискателей кишели разношерстным людом. Индейцы племени яки, охотники, рудокопы, гамбусинос[47], монахи и просто искатели приключений, составляющие пестрое население Квитовака, сновали взад и вперед — кто верхом, кто пешком, окликая и приветствуя друг друга, смеясь и переругиваясь. Одни возвращались с приисков после рабочего дня, другие шли из дому подышать свежим воздухом; большинство же направлялись в кабачки, откуда через открытые двери неслись пьяные голоса и нестройные звуки гитар.

Один из таких кабачков, с виду более комфортабельный, точнее — менее грязный, чем остальные, пользовался некоторым предпочтением и привлекал к себе особенно много посетителей.

Переступив порог очень низкой двери, посетитель спускался здесь по двум неравной вышины ступенькам в омерзительную берлогу — не то

---

[47] Примечания: 47
Гамбусинос — старатели.

подвал, не то сарай. Люди, впервые попадавшие в этот вертеп, на каждом шагу спотыкались о земляной пол, разбитый и шероховатый от грязи, непрерывно наносимой сюда сапогами бесчисленных посетителей. Навстречу им, словно из преддверия ада, неслись теплые испарения, удушливые и пропитанные спиртным угаром и зловонием, разъедавшими горло глаза. Мало-помалу глаза привыкали к полумраку этой берлоги, и посетитель начинал ориентироваться в сизо-сером тумане, клубившемся над головами гостей при малейшем их резком движении. При свете нескольких коптящих светильников, расставленных там и сям, можно было разглядеть довольно большой и высокий зал; его некогда выбеленные стены совершенно почернели в нижней своей части от постоянного прикосновения к ним голов, плеч и спин.

В глубине, напротив дверей, на уровне одного фута от пола высилась эстрада. Вытянувшаяся во всю ширину зала, она разделялась на две половины. Правая ее часть была занята прилавком, за которым стоял кабатчик — здоровенный детина с угрюмым лицом и хитрецой в глазах. Над головой этого «почтенного» субъекта, носящего звучное имя Коспето, была выдолблена маленькая ни-

ша, в которой помещалась статуя Девы Марии с младенцем Иисусом на руках; перед статуей выстроился ряд маленьких железных подсвечников, в которых горели свечи вышиной в два-три дюйма. На левой половине эстрады помещались музыканты. Середина зала, не заставленная никакой мебелью, предназначалась для танцев: здесь было где развернуться танцорам.

По обеим сторонам зала тянулись ряды столиков, кривых и грязных, небрежно отесанных и кое-как сколоченных. Вокруг них теснились толпы посетителей; одни сидели на лавках, другие стояли. Люди смеялись, беседовали, спорили, стараясь перекричать друг друга, пили мескаль, рефиньо[48], пульке[49], тамариновую настойку или играли в монте[50], ставя на карту золото, зачастую добычу целого рабочего дня. Игроки лезли за ним заскорузлыми руками в карманы отрепьев, носивших громкое название одежды.

В этой толпе замешались несколько женщин, с

---

[48] Примечания: 48

Рефиньо — мексиканская водка.

[49] Примечания: 49

Пульке — национальный напиток мексиканцев из сока листьев агавы.

[50] Примечания: 50

Монте — карточная игра.

лицами опухшими от пьянства и бессонных ночей. Все без исключения — женщины и мужчины — курили: кто сигару, а кто маисовые пахитоски.

Ничто не может сравниться по омерзительности с этим сборищем отребья рода человеческого, в котором, кажется, были представлены все разновидности чудовищных пороков. В тот момент, когда мы с вами, читатель, проникли сюда, веселье было в полном разгаре. Зал был переполнен пьяницами и танцорами; толпа смеялась, горланила, бесновалась; стоял гомон, способный оглушить самого дьявола.

Столик, расположенный в стороне от других, у самого входа, занимал человек, закутанный в широкополый плащ, немного приподнятый край которого совершенно скрывал его лицо. Прислонившись спиной к стене, он скользил по танцующим равнодушным и скучающим взглядом. Стоило, однако, новому посетителю войти в кабачок, как на нем останавливался внимательный взгляд незнакомца в плаще. Но, убедившись, что вошедший не тот человек, которого он ждал уже добрых два часа, незнакомец с досадой отворачивался.

Никто, по-видимому, не обращал на него ни малейшего внимания. Каждый был слишком

занят своими делами, чтобы думать о госте, упрямо державшемся особняком среди этой шумной сумятицы. А вскоре и сам этот молчаливый и угрюмый посетитель, наскучившись тщетным ожиданием, перестал оглядываться на дверь. Он устало опустил голову, закрыл глаза и задремал; а может быть, и притворился спящим — то ли для того, чтобы не привлекать к себе внимания, то ли для того, чтобы ничем не отвлекаться от своих мыслей.

Внезапно в зале поднялся невообразимый гам. Сильным ударом кулака был опрокинут какой-то столик; посыпалась площадная брань; сверкнули ножи, вытащенные из-за голенищ; смолкли музыканты, круто остановились танцоры; и все обступили двух поссорившихся игроков. А те, нахмурив брови, мерили друг друга глазами, сверкавшими от хмеля и буйного гнева. Обернув левую руку плащом, который должен был служить щитом, и взяв в правую наваху[51], каждый из них готов был вступить в нешуточный бой.

В эту минуту кабатчик, занятый до сих пор только наблюдением за слугами и обслуживанием посетителей и потому безучастно и невозмутимо

---

[51] Примечания: 51
Наваха — испанский складной нож.

относившийся ко всему происходящему, вдруг с ловкостью ягуара перепрыгнул через прилавок. Кинувшись затем к двери, он закрыл ее, подперев своим могучим плечом из опасения, как бы кому-нибудь из его почтенных посетителей не взбрела в голову мысль улизнуть под шумок, не уплатив по счету. Выполнив таким образом свой долг хозяина, кабатчик с видимым интересом приготовился следить за этим своеобразным турниром.

Каждый из противников, чуть согнув ноги в коленях, вытянув вперед левую руку, наклонившись и зажав в правой нож, не спускал глаз с врага, готовый к нападению и защите.

Но в дело неожиданно вмешался таинственный посетитель, дремавший в своем углу. Разбуженный голосом одного из противников, он смерил взглядом драчунов и, вскочив, кинулся к ним.

— В чем дело? — встав между ними, произнес он голосом, властность которого невольно смутила обоих буянов.

— Этот человек, — отвечал один из них, — проиграл мне три унции в монте.

— Ну и что же? — сказал незнакомец.

— Он отказывается платить их, утверждая, что карты были крапленые. Ложь!.. Vivo dios! Я

кабальеро, это всем известно!

Легкая, никем не замеченная усмешка пробежала по губам незнакомца в ответ на это несколько смешное заявление. Однако он сумел сохранить всю свою серьезность.

— Это верно, вы кабальеро, — сказал он, — и я даже готов, в случае надобности, поручиться за вас. Но самый честный человек может ошибиться. Я убежден, что это именно и случилось с вами. Вместо того чтобы затевать драку с этим сеньором, честность и порядочность которого также вне подозрения, покажите пример великодушия, отказавшись от требования трех унций. А он в свою очередь извинится перед вами за обидные выражения, и все кончится миром, ко всеобщему удовольствию.

— Понятно, я уверен в честности этого кабальеро; я готов заявить об этом где угодно и душевно сожалею о возникшем между нами недоразумении, — сказал молчавший до сих пор второй противник.

Однако он продолжал оставаться при этом настороже, что плохо вязалось с его добродушным тоном.

Таинственный незнакомец снова обратился к игроку, которого он, очевидно, знал, и, незаметно

кивнув ему, произнес с чуть заметной иронией:

— Ну, что вы теперь скажете?.. На мой взгляд, вы получили полное и вполне достойное удовлетворение.

С минуту игрок колебался; по-видимому, в душе его происходила какая-то борьба. Он обвел суровым взглядом всех столпившихся, и, заметь он на лице хотя бы одного из них пусть даже мимолетную тень презрения, он, несомненно, затеял бы новую ссору. Но все стояли с холодными и бесстрастными лицами, на которых можно было прочесть одно только нескрываемое любопытство. Наконец, игрок размотал свой плащ и, засунув нож за голенище, протянул руку противнику.

— Простите мою невольную ошибку, я очень сожалею о ней, кабальеро, — сказал он, вежливо поклонившись, но с трудом подавляя при этом невольный вздох сожаления. Второй игрок ответил на его поклон, а затем повернулся и скрылся в толпе, недоумевавшей по поводу столь мирной развязки ссоры двух картежников, буйные нравы которых были хорошо известны.

— Надеюсь, вы кончили здесь свои дела, маэстро Кидд? — сказал незнакомец, дотронувшись рукой до плеча бродяги. — Теперь, если вы не

возражаете, мы можем удалиться отсюда.

— Как вам будет угодно, — беспечно ответил Кидд, тот самый бандит, с которым мы уже встретились на первых страницах этой книги.

Толпа между тем разбрелась, все вернулись на свои места, музыканты и танцоры возобновили прерванные занятия, и незнакомец с Киддом воспользовались этим, чтобы незаметно удалиться.

Очутившись на улице, незнакомец несколько раз подряд с жадностью втянул в себя свежий воздух, словно желая очистить свои легкие от смрада, которым он вынужден был так долго дышать.

— Клянусь телом Христовым, маэстро Кидд, — в сердцах обратился он к молчаливо шагавшему рядом с ним разбойнику, — вы странный человек! Мало того, что вы заставили меня, коменданта этого пуэбло, разыскивать вас в грязной берлоге, я по вашей милости вынужден был еще провести битых три часа среди этой невиданной по своей полноте коллекции бандитов! Вы сами просили меня явиться сюда для свидания с вами. Я соглашаюсь, а вы и не подумали стеречь мое появление!

— От излишнего усердия, капитан. Право, вы напрасно сердитесь на меня, сеньор, — не без

лукавства произнес бандит. — Все произошло именно потому, что я боялся опоздать на свидание с вами; я еще четыре часа назад явился к почтенному сеньору Коспето. Ну и уселся за карты — надо же было как-нибудь убить время! А вы ведь знаете, что такое монте! Как только карты в руках и золото на столе, обо всем забываешь.

— Да уж ладно, — сказал незнакомец. — А теперь слушайте: если вы меня обманете, если сведения, которые собираетесь продать мне, окажутся ложными… клянусь честью, это будет вам дорого стоить! Вы ведь хорошо знаете меня, не так ли, маэстро Кидд?

— Конечно, капитан дон Маркос де Ниса, я хорошо вас знаю, но ведь и вы знаете меня, так я полагаю. К чему, однако, эти праздные споры между нами? Покончим лучше скорей с нашим делом, а там поступайте как знаете.

Капитан окинул недоверчивым взглядом своего спутника.

— Ладно, — сказал он, остановившись и постучав в двери одного дома. — Войдите; я предпочитаю разговаривать с вами у себя дома, а не в вашем кабаке.

— Как вам будет угодно, — отозвался Кидд.

Оба они вошли в дом, двери которого захлоп-

нулись за ними.

XIV. Сделка

Комендант форта Сан-Мигель, капитан Маркос де Ниса, с которым мы познакомились на первых страницах нашего рассказа, по специальному приказу самого президента республики был недавно назначен главой военной и гражданской администрации Квитовака.

Дело в том, что в последние дни произошли события, потребовавшие энергичного вмешательства президента.

Ничто не давало повода подозревать недовольство среди индейских племен, а между тем после долгих и тайных переговоров они решили восстать и без объявления войны вторгнуться на мексиканскую территорию.

Это восстание грозило принять угрожающие размеры главным образом благодаря участию в нем хиленосов (иначе говоря — команчей), акуасов и апачей. Это была мощная конфедерация племени папагосов.

Генерал-губернатор Соноры и Синалоа, то есть двух наиболее угрожаемых штатов, понимал, что неприятелю нужно противопоставить человека,

который во время долгой службы в пограничных войсках изучил стратегию и хитрости индейцев. Один только офицер отвечал этим требованиям: это был капитан де Ниса. Ему и было приказано прибыть в Квитовак вместе с гарнизоном форта Сан-Мигель, а все укрепления форта разрушить до основания, чтобы помешать индейцам превратить их в свой опорный пункт.

Капитан выполнил приказ с быстротой, свойственной лишь старым военным служакам. По прибытии в Квитовак дон Маркос прежде всего позаботился о том, чтобы нападение индейцев не застигло город врасплох. По распоряжению капитана городок был окружен глубоким рвом, вокруг него были возведены ретраншементы, а на главных улицах сооружены баррикады.

Вся армия генерал-губернатора Соноры и Синалоа состояла из шестисот пехотинцев и двухсот кавалеристов; у него не было даже полевой артиллерии. Эти весьма ограниченные силы генералу надо было рассеять по границам обоих штатов. Немудрено, что при всем желании он лишен был возможности послать подкрепление дону Маркосу. Таким образом, в распоряжении капитана оставался лишь бывший гарнизон форта Сан-Мигель в составе ста пятидесяти пехотинцев

и восьмидесяти кавалеристов.

Несмотря на незначительную численность своего войска, капитан не унывал; он принадлежал к числу тех людей, для которых долг превыше всего; он был всегда готов безропотно исполнить даже самый неосуществимый на первый взгляд приказ.

С часу на час можно было ожидать нападения десяти-, а то и пятнадцатитысячной армии индейцев, обильно снабженной огнестрельным оружием. Капитан знал, что нелегко будет отразить нападение воинов этой армии, закаленных в борьбе с испанцами, и поэтому счел необходимым пополнить всеми возможными способами свой гарнизон и довести его состав до такого уровня, который позволил бы командованию обеспечить защитниками все укрепления городка. Для достижения этой цели дон Маркос предпринял следующие меры.

Прежде всего ему надо было убедить владельцев крупных рудников принять участие в защите города либо лично, либо выделив в распоряжение капитана некоторое количество пеонов, занятых на их приисках. Капитану нетрудно было доказать золотопромышленникам, что этого требуют их собственные интересы, ибо с захва-

том индейцами Квитовака немедленно иссякнет сам источник их богатства. Хозяева золотых приисков охотно откликнулись на призыв дона Маркоса, сложились и выставили в его распоряжение отряд в сто пятьдесят опатосов, храбрых и, как мы уже сказали выше, верных союзников Мексики. Золотопромышленники обязались содержать и кормить этот отряд за свой счет до окончания военных действий. Таким образом, коменданту Квитовака удалось увеличить почти вдвое численность своей армии.

Этот успех, которого капитан, хорошо знакомый с равнодушием и алчностью владельцев золотых приисков, не ожидал, настолько окрылил его, что он решился прибегнуть и ко второму мероприятию. Оно состояло в том, чтобы завербовать за определенную сумму как можно большее количество разных искателей приключений, которыми кишит вся пограничная полоса. Капитан объявил, что будет платить по две унции за человека: одну унцию — при вступлении в отряд, вторую — после окончания военных действий.

Но это заманчивое предложение не дало ожидаемого результата: пограничные бродяги неохотно откликались на призыв коменданта. Этим людям, промышлявшим грабежом, чуждо было чувство

патриотизма; их инстинкт рыцарей наживы толкал их не на защиту общественного спокойствия, а на борьбу с ним. Восстание же индейцев сулило сумятицу, в которой можно было поживиться.

Однако сорок бродяг все же откликнулись на зов капитана. Дон Маркос понимал, конечно, что эти плутоватые и недисциплинированные люди могут стать скорее обузой, чем помощью. Но при всем том это были лихие парни, хорошо знавшие все военные хитрости индейцев; капитан включил их в состав своего кавалерийского отряда.

Таким образом, дон Маркос де Ниса очутился во главе армии в триста пехотинцев и сто двадцать кавалеристов. Это была, как ему казалось, сила, способная при умелом руководстве сдержать, под прикрытием укреплений, натиск многочисленной индейской армии.

Надо сказать, что из войн с краснокожими белые в большинстве случаев выходили победителями, несмотря на неукротимую отвагу и подавляющее численное превосходство индейцев. Белые одерживали победы не потому, что превосходили храбростью своих противников; а лишь благодаря своей дисциплинированности и военным познаниям.

Однажды вечером, когда дон Маркос возвра-

щался домой после очередного обхода крепости, какой-то полупьяный оборванец, церемонно поклонившись капитану, протянул ему грязноватую записку.

У капитана де Ниса вошло в привычку никогда ничем не пренебрегать: с одинаковым вниманием он относился к мелким происшествиям и к важным событиям. И теперь он остановился, взял записку, сунул реал[52] в руку несказанно обрадовавшегося оборванца и вошел в свой дом, расположенный в самом центре городка. Бросив шляпу и шпагу на стол, он развернул записку. Сначала дон Маркос окинул ее беглым взглядом; но, спохватившись, прочитал вторично, взвешивая каждое слово; а еще через минуту он тщательно сложил записку, пробормотав при этом одно только слово: «Пойду!» Это слово, должно быть, выражало бесповоротно принятое решение, плод его недолгого раздумья.

---

[52] Примечания: 52

Реал — мелкая мексиканская монета.

Записка была от Кидда.

Капитан давно знал разбойника; он был осведомлен и о некоторых преступлениях, совершенных бандитом. И Кидду стало бы не по себе, если бы он подозревал, что капитану хорошо известны секреты его бродяжнического существования. Нисколько не доверяя Кидду, старый вояка все же не считал себя вправе пренебречь его предложением. Разумеется, дон Маркос решил при этом

быть настороже и втайне обещал себе сурово покарать проходимца, если тот попытается надуть его. Вот так и случилось, что комендант Квитовака отправился в кабачок на свидание с Киддом.

Вернемся теперь к нашему рассказу.

Дон Маркос ввел Кидда в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. При всей своей наглости бандит со страхом озирался вокруг, словно волк, застигнутый в овчарне. Капитан указал ему на стул, а сам уселся за стол и, положив перед собой два пистолета, обратился к бродяге.

— Теперь, — сказал он, выразительно взглянув на пистолеты, — я готов слушать вас, Кидд.

— Карай! — развязно ответил бандит. — Охотно этому верю, капитан; но еще вопрос, расположен ли я говорить.

— А почему бы нет, мой дорогой друг?

— Эти игрушки на столе не очень-то развязывают язык.

Дон Маркос так взглянул на проходимца, что тот невольно опустил глаза. Облокотясь затем обеими руками на стол, капитан произнес не без издевки:

— Послушайте, маэстро, я люблю действовать в открытую; установим поэтому раз и навсегда наши взаимоотношения. Вы ведете беспокойное

существование; ваш непоседливый нрав, ваше неудержимое желание присваивать вещи, на которые у вас имеются весьма сомнительные права, вовлекли нас в некоторые темные дела, способные повлечь довольно неприятные последствия для вас, если они будут раскрыты.

Тут бандит насторожился.

— Но я не стану останавливаться далее на вещах, которые могут смутить вас. Перейдем к предмету, ради которого вы здесь. Прошу не забывать при этом, кто вы и кто я. Вам, вероятно, известно, что я комендант этого города и обязан стоять на страже его внешней безопасности и внутреннего спокойствия. Не так ли?

— Конечно, капитан, — ответил Кидд, немного успокоенный тем, что разговор перешел на менее острую тему.

— Пойдем дальше, — продолжал дон Маркос. — Вы в своей записке предлагаете продать — это ваше подлинное выражение — некоторые весьма важные, по вашим же словам, сведения, необходимые для сохранения спокойствия и безопасности города. Другой на моем месте распорядился бы иначе: он приказал бы схватить вас и подвергнуть жестокой пытке. Говорят, вы сами не раз проделывали с людьми такие штуки

по гораздо более низменным соображениям. О, это развязало бы вам язык, вы тотчас бы выложили все самые заветные свои секреты! Ну, а я предпочел обойтись с вами, как с порядочным человеком.

При этих словах капитана Кидд вздохнул свободнее.

— Но так как вы принадлежите, — продолжал дон Маркос, — к числу людей, которым не следует оказывать доверия, ибо они не преминут злоупотребить им без малейшего угрызения совести, я оставляю за собой право и возможность пустить вам пулю в лоб, если вы вздумаете надуть меня.

— Ну что за дикая мысль, капитан — пустить мне пулю в лоб! — пролепетал разбойник.

— А вы уверены, мой дорогой сеньор, что ваши друзья будут очень горевать, если бы с вами приключилось подобное несчастье?

— Гм!.. По совести говоря, я не очень в этом уверен, — пытался отшутиться Кидд. — Люди так злы!.. Но коль скоро вы принимаете мое предложение… ведь вы принимаете его, не так ли,капитан?

— Принимаю.

— Отлично! А что я получу за это?

— Вы продаете, я покупаю. Скажите вашу цену.

Если она не покажется мне чрезмерной, я соглашусь с ней. Итак, говорите: сколько вы хотите?

— Пятьдесят унций… не будет слишком много?

— Конечно, нет, если дело того стоит.

— Значит, пятьдесят унций золотом? Решено, капитан? — радостно воскликнул проходимец.

— Повторяю; если дело того стоит.

— Увидите, капитан, — сказал бандит, потирая от удовольствия руки.

— Отлично, но нельзя ли без лишних слов! Вот кстати и доказательство моих честных намерений, — добавил дон Маркос, извлекая из ящика своего стола увесистый кошелек. — Тут как раз эта сумма.

И, выложив золото двумя столбиками, по двадцати пяти унций в каждом, дон Маркос установил их между двумя пистолетами. При виде золота в глазах бандита появился алчный блеск, как у хищного зверя при виде добычи.

— Клянусь богом, капитан, — воскликнул он, — иметь с вами дело — одно удовольствие! Припомню это, когда представится другой случай.

— Буду рад, маэстро. А теперь начинайте!

— В двух словах вот в чем дело: папагосы избрали императора.

— «Императора»?!

— Именно! Не вождя, а императора.

— Что это им вздумалось?

— Им вздумалось добиться свободы и построить свою независимость на прочном фундаменте. Этого императора я видел своими глазами.

— Что за человек?

— Опасный человек; по всей видимости, он из бледнолицых, но в то же время он в курсе всех средств и возможностей, которыми располагают индейцы.

— Он молод?

— Лет шестидесяти; но выглядит он гораздо моложе.

— Понятно. Продолжайте.

— Важная весточка, не так ли?

— Важная, но сама по себе она не стоит пятидесяти унций.

— Погодите!

— Я жду.

— Яки, майи и серисы вовлечены в союз; планы 1827 года[53] снова овладели ими. Помните те дни поголовного восстания индейцев?

— Помню. Продолжайте!

— Первый удар обрушится на Квитовак.

---

[53] Примечания: 53

В 1827 году вспыхнуло всеобщее восстание мексиканских индейцев. Восстание было с трудом подавлено.

— Знаю.

— Возможно. Но вот чего вы не знаете, капитан: у индейцев есть лазутчики среди вашего гарнизона; все приготовления к нападению закончены, и папагосы надеются захватить вас врасплох в ближайшие дни.

— Откуда у вас эти сведения?

Проходимец двусмысленно улыбнулся.

— Что вам до этого, капитан? Удовлетворитесь тем, что они достоверны.

— Вы знаете людей, вступивших в сношения с неприятелем?

— Да,капитан.

— Назовите их.

— Это было бы неразумно, капитан.

— Неразумно?

— Судите сами. Предположим, что я назову их; что тогда произойдет?

— Vivo dios! — резко прервал его капитан. — Произойдет то, что я расстреляю их как бешеных собак, в назидание другим.

— Вот это-то и будет ошибкой.

— Ошибкой?

— Грубейшей, капитан! Предположим, что вы расстреляете человек десять…

— Даже двадцать, если понадобится.

— По мне, хоть двадцать! Жалеть не стану. А остальные, те, о которых ни вы, ни я ничего не знаем, — ведь они все равно продадут вас индейцам, и вы, вместо того чтобы улучшить, только ухудшите свое положение.

— Гм! Гм!.. — пробурчал дон Маркос. — А как бы вы поступили на моем месте?

— Очень просто: я позволил бы этим парням спокойно плести свою измену, ограничившись лишь строгим наблюдением за ними, а затем, перед самой атакой неприятеля, я бы втихомолку схватил их. Таким образом, не мы будем застигнуты врасплох, а индейцы будут обмануты в своих ожиданиях, и обманщики сами станут жертвами обмана.

С минуту капитан раздумывал.

— Что же, это, может быть, и неплохой совет; пожалуй, я ему последую. Ладно, называйте преступников. — И под диктовку Кидда капитан записал десяток имен.

— Забирайте свои унции, — сказал наконец дон Маркос. — Обещаю: каждый раз, когда вы будете доставлять мне подобные же сведения, я буду выдавать вам столько же. Я хорошо плачу, и вам прямой расчет верно служить мне. Но помните: если вздумаете обманывать меня, ничто не

спасет вас от наказания. Предупреждаю вас: оно будет ужасным.

Словно зверь на долгожданную добычу, накинулся Кидд на золото, с невероятной быстротой исчезнувшее в его карманах.

— Сеньор Маркос, — сказал он на прощанье, — я всегда думал, что в этом мире золото — полновластный господин. Ему одному и повинуется ваш покорный слуга.

Произнеся эти слова, Кидд поклонился и удалился, оставив капитана в его кабинете.

XV. Папагосы

Вернемся теперь к Твердой Руке и к дону Хосе Паредесу, которых мы заставили слишком долго дожидаться нас на вершине холма.

Ночь прошла без всяких происшествий. Паредес спал как убитый, тогда как Твердая Рука ни на минуту не смыкал глаз.

Солнце давно взошло; было девять часов утра, а Твердая Рука вопреки уговору, казалось, и не помышлял об отъезде. Занялся прекрасный день; небо было чистое, ночной ураган разогнал тучи; солнце сильно припекало, но в воздухе, очищенном грозой, сохранялась приятная свежесть. Вода,

жадно всасываемая песками и быстро испарявшаяся под лучами тропического солнца, убывала почти с такой же стремительностью, с какой она затопляла поля во время ночного урагана. Прерия перестала походить на озеро; все говорило о том, что к полудню земля полностью подсохнет.

Стремительный паводок и почти столь же внезапный спад воды — одно из самых странных и почти необъяснимых явлений в этих краях; разгадку этого феноменального явления можно найти разве только в рыхлости здешней почвы, обожженной солнечным жаром.

Надобность в пироге миновала, и Твердая Рука даже не потрудился снять ее с дерева.

Прислонясь спиной к дубу, скрестив на груди руки и опустив голову, охотник размышлял, время от времени заботливо поглядывая на своего спящего товарища.

Дон Хосе, наконец, открыл глаза и, протяжно зевнув, сладко потянулся.

— Карамба! — воскликнул он, убедившись с первого взгляда, что солнце стояло высоко. — Я, кажется, здорово проспал; должно быть, поздно!

— Десять часов.

— Десять?! — мгновенно вскочив, воскликнул дон Хосе. — И вы не растолкали этакого лентяя!

— Вы так сладко спали, дружище, что у меня не хватило духа.

— Гм, — сказал Паредес. — Я, право, не знаю, следует ли мне побранить вас или поблагодарить за такую заботу: ведь мы потеряли уйму драгоценного времени.

— Не горюйте! Взгляните: вода ушла, земля подсыхает… Лишь только спадет полуденный зной, мы сядем на коней и в несколько часов наверстаем потерянное время.

— Ваша правда, товарищ! — весело произнес дон Хосе, окинув окрестности опытным взглядом старожила прерий. — Ну, раз так, усядемся завтракать, и время пройдет незаметно.

Без дальних промедлений приятели принялись за завтрак, ничем не отличавшийся от вчерашнего ужина.

Настал час отъезда. С холма им пришлось спускаться, ведя лошадей в поводу. Крутизна, по которой они так лихо взлетали ночью, когда их подстегивала опасность, теперь предстала перед ними во всей своей неприглядности: это был чрезвычайно обрывистый и труднопроходимый спуск.

— А теперь, дружище, — сказал Твердая Рука, когда они сели на коней, — мы поедем в один

атепетль[54]. Не возражаете?

— Я лично — нет, но не пойму, какая от этого может быть польза для моего господина?

— Это как раз один из тех вопросов, на которые я пока не стану отвечать; вам достаточно знать, что мы предпринимаем этот шаг в интересах вашего господина. Наша поездка не повредит ему в его делах; напротив, она принесет ему большую пользу.

— Так с богом, в путь! Но далеко ли отсюда эти индейцы?

— Для других это было бы целым путешествием. Но ведь мы с вами лихие наездники, да к тому же на великолепных конях. Мы доберемся туда завтра же не позже трех или четырех часов пополудни.

— Ну, значит, не так уж далеко. А в какой стороне лежит это селение?

— Да вы, наверно, слышали о нем, если только вас раньше не заносило туда как-нибудь случайным ветром. Селение это находится всего в двенадцати лье от асиенды дель Торо.

— Подождите, подождите! — воскликнул управитель, напряженно роясь в своей памяти. — Ну

---

[54] Примечания: 54
Атепетль — индейское селение.

конечно, знаю! Я, правда, никогда не бывал в этой деревне, но много слышал о ней. Не там ли живет этот бледнолицый — один из главных вождей индейцев?

— Говорят, — уклончиво ответил охотник, едва заметно покраснев.

— Не странно ли: белый человек отказывается от общества себе подобных ради того, чтобы жить среди дикарей!

— Почему же «дикарей»?

— Боже мой! Всем известно, что индейцы неразумны, как дети.

При этих словах охотник, окинув Паредеса загадочным взглядом, чуть заметно пожал плечами, но промолчал; может быть, потому, что он мог бы слишком много сказать в ответ, а может быть, потому, что сомневался, может ли такой тяжелодум, как управитель, с его ограниченным умственным кругозором, понять его. Перекидываясь отрывочными фразами, они тронулись в путь.

День прошел без происшествий. До самой ночи они двигались с необычайной быстротой, лишь изредка останавливаясь, чтобы подстрелить себе дичь на ужин. Покуривая и беседуя, друзья неслись галопом к месту своей ночевки. Они мчались напрямик по прерии — по полету птиц, как

говорят индейцы; взбирались на горные кряжи, спускались с них, а реки переплывали, не теряя времени на поиски брода.

Такая езда совершенно немыслима в европейских странах, где путник, взявший напрямик, на каждом шагу натыкался бы на села или города, которые ему пришлось бы объезжать. Но в Мексике, где поселения крайне редки, подобный способ путешествия значительно сокращает путь.

Так и случилось, что приятели в двадцать четыре часа оставили за собой то самое пространство, на преодоление которого Паредесу потребовалось сорок восемь часов. Дело в том, что управитель, выехав из асиенды дель Торо, ехал проезжей дорогой почти до самого холма, на котором его застигло наводнение, в то время как два друга, избегая проторенных путей, мчались по тропам, протоптанным дикими зверями. Уже стемнело, когда путники расположились на ночлег в лесу по ту сторону асиенды дель Торо. Они миновали ее перед вечером, но и теперь еще виднелся вдалеке мрачный и горделивый силуэт замка.

Пейзаж принимал все более суровый и дикий характер; все тучнее росла трава, все непроходимее были чащи невиданных до своим размерам и возрасту деревьев, все говорило о близости

границы так называемого цивилизованного мира; еще один шаг — и очутишься на индейской территории; так, по крайней мере, называют ее здесь, хотя на всех географических картах эта территория фигурирует как мексиканская.

Приятели развели огонь, с аппетитом поужинали, после чего завернулись в свои плащи, протянули ноги к огню и тотчас же уснули, полагаясь на инстинкт своих коней, которые, конечно, не дадут застигнуть себя врасплох и своим ржанием предупредят о приближении двуногого или четвероногого врага.

Ночь прошла, однако, спокойно. С восходом солнца наши путники возобновили свое прерванное путешествие.

— А знаете, я ведь ошибся, — заговорил вдруг охотник, обращаясь к Паредесу. — Я сказал вам вчера, что мы будем на месте во второй половине дня, а мы приедем в одиннадцать утра.

— Карамба! Чудесная новость!

— Видите там впереди пригорок? Оттуда открывается вид на селение, живописно раскинувшееся на склоне другого холма. Последние хижины поселка спускаются в долину, прямо к речке, прозрачные и быстротекущие воды которой образуют естественную преграду на подходе к

атепетлю.

— Все это хорошо, но еще вопрос, как нас встретят там, — заметил дон Хосе.

— Папагосы — гостеприимный народ.

— Не сомневаюсь; к несчастью, у меня нет никаких оснований рассчитывать на их доброжелательство. Я слышал к тому же, что они весьма недоверчивый народ и без особого удовольствия встречают бледнолицых, заглядывающих в их поселки.

— Смотря по тому, с какой целью проникают туда белые.

— Вот это-то и заставляет меня задуматься.

— Почему?

— Говорят… я, конечно, не смею утверждать, но так говорят…

— Что именно?

— Что папагосы сильно волнуются и готовы восстать, если только уже не восстали.

— Они восстали уже много дней назад, — преспокойно ответил Твердая Рука.

— Что?! — с ужасом воскликнул дон Хосе. — И вы тащите меня к ним?

— А почему бы и нет?

— То есть как это — «почему»?! Да потому, что они попросту перебьют нас.

— Вы с ума сошли! — бросил ему в ответ охотник.

— С ума сошел, с ума сошел! — ворчал Паредес, недоверчиво покачивая головой. — Вам легко говорить! Ну, мне мало улыбается перспектива ни за что ни про что лезть в петлю.

— Повторяю, ничего плохого с вами не случится. Боже праведный! Да неужели вы считаете меня способным завлечь вас в западню?

— О нет, клянусь честью! Но мало ли что!.. Вы можете ошибаться, приписывая добрые чувства этим дикарям.

— Я знаю, что говорю. Вам нет надобности опасаться их Более того, вам будет оказан почетный прием.

— Почетный? — недоверчиво протянул дон Хосе. — Гм, сомневаюсь.

— Увидите! Горе тому, кто осмелится поднять руку на моего спутника!

— Да кто вы такой, чтобы говорить так?!

— Охотник, только и всего! Но я друг папагосов и усыновлен одним из его племен. И любой человек, прибывающий со мной, должен быть из уважения ко мне принят как брат всеми сашема-

ми[55] и воинами моего племени.

— Ну что же! — произнес Паредес тоном человека, выбитого со своих последних позиций и решившего примириться со своей участью.

— Впрочем, — добавил Твердая Рука, — колебаться теперь уже поздно и даже опасно. Индейские разведчики, рассеянные в лесах и пустошах, несомненно, успели заметить наше приближение и дали знать о нем; теперь малейшая наша попытка повернуть вспять вызовет их подозрения, и тогда со всех сторон враз вынырнут индейцы, и мы будем окружены и схвачены, прежде чем успеем подумать о своей защите.

— Дело, черт возьми, осложняется! Итак, вы полагаете, товарищ, что нас приметили?

— Хотите, докажу вам?

— Честное слово, я не прочь был бы лично убедиться в этом!

— Вы, однако, маловер.

— Что поделаешь! Такой уж у меня характер.

— Ладно, будь по-вашему.

Путники находились в этот момент у подножья холма; высокая и густая трава полностью скрывала их от постороннего взгляда. Твердая

---

[55] Примечания: 55
Сашем — индейский вождь.

Рука придержал лошадь и два раза подряд воспроизвел клекот ястреба. Почти мгновенно из кустарника с легкостью антилопы выскочил индеец и, остановившись в двух шагах от Твердой Руки, молча устремил на охотника свои черные умные глаза.

Появление индейца было столь внезапным, что управитель крикнул от удивления.

Это был молодой человек, не старше двадцати двух лет. Обнаженный до пояса, он своим статным телосложением напоминал бронзовую флорентийскую статуэтку. Вся его одежда состояла из митассес[56], штанины которых были скреплены между собою волосами. Митассес были завязаны у лодыжек, а пояса придерживались сыромятным ремнем.

Вооружение этого индейского воина состояло из подвевнного к ремню топорика и длинноствольного американского ружья, на которое он опирался с небрежной грацией. Из-за пояса выглядывал нож для снятия скальпов, с которым никогда не расстается ни один индеец.

Твердая Рука, приветливо улыбаясь, поклонился индейцу и, вытянув вперед руку ладонью

---

[56] Примечания: 56
Митассес — штаны.

кверху, произнес:

— Ооа! Ваконда[57], видно, не оставляет меня своей милостью, если на пути к моему народу меня встречает брат мой Ястреб!

Молодой индеец в свою очередь поклонился с учтивостью, присущей всем краснокожим, и произнес гортанным ласковым голосом:

— Сашемы, предупрежденные о приближении Храбрейшего, сочли необходимым отправить навстречу Твердой Руке вождя. Ястреб счастлив, что выбор пал на него.

— Благодарю сашемов моего народа, соблаговоливших оказать мне столь великую честь! — отвечал охотник, выразительно мигнув своему спутнику. — Брат мой вернется с нами в селение или пойдет вперед?

— Ястреб пойдет вперед предупредить сашемов, чтобы гость сына нашего народа, Твердой Руки, был встречен сообразно его положению — спутника Храбрейшего.

— Хорошо; брат мой поступит так, как велит ему долг вождя. Твердая Рука не станет более задерживать его. Молодой индеец кивнул головой в знак согласия и одним прыжком скрылся в

---

[57] Примечания: 57

Ваконда — дух добра, верховное божество,почитаемое многими индейскими. племенами.

чаще кустарника. Все это было проделано с такой быстротой, что само появление его можно было принять за сон, если бы не заколыхались заросли кустарника, за которыми он скрылся.

— Тронемся дальше? — обратился охотник к изумленному и смущенному управителю.

— Ладно, — машинально ответил Паредес.

— Ну как, — снова заговорил Твердая Рука, — вы все еще продолжаете опасаться папагосов?

— Извините меня. Я, кажется, действительно был не совсем в своем уме.

Час спустя приятели подъезжали к речке.

Двенадцать папагосов, в парадной военной одежде, верхом на великолепных скакунах неподвижно стояли, выстроившись в ряд, у самого берега реки.

Завидев путников, индейцы с громкими криками во весь опор помчались им навстречу, размахивая над головой ружьями и без устали стреляя из них в воздух. Ветер красиво развевал их одежды из шерсти белых бизонов, право носить которые принадлежало, заметим кстати, только самым знатным сашемам.

Наши приятели в свою очередь пришпорили мустангов и с громкими приветственными криками и ружейной пальбой понеслись навстречу

сашемам.

Эта сумятица и бешеная скачка, представление о которой может дать разве только арабская джигитовка, длилась несколько минут.

Наконец, повинуясь властному окрику одного из вождей, всадники остановились и после короткой паузы выстроились по обе стороны путников, образуя нечто вроде почетного конвоя. Весь этот кортеж переправился вброд через реку и вошел в деревню, приветствуемый оглушительными криками женщин и детей, под неблагозвучный аккомпанемент собачьего лая, хриплых звуков двухстворчатых раковин и прочих визгливых инструментов.

XVI. Атепетль

Существует немало людей, полагающих, что все индейцы похожи друг на друга, что человеку, знакомому с бытом и нравами одного племени, излишне изучать обычаи и образ жизни всех других индейских народов. Пора исправить эту грубую ошибку. Между племенами индейцев, коренных жителей Америки, имеется не меньше различий в языке, в бытовом укладе и т. п., чем в национальных особенностях любых ев-

ропейских народов. А может быть, и больше. Трудно перечесть множество разных диалектов, на которых говорят индейцы. Обычаи одного племени коренным образом разнятся от нравов другого, живущего на расстоянии нескольких лье от первого. Человек, вообразивший, что, побродив даже продолжительное время по прериям Дальнего Запада, он основательно изучил быт и национальные особенности индейцев, сам глубоко ошибается и, что еще хуже, вводит в заблуждение тех людей, которых он вздумал просветить на этот счет. По своему образу жизни индейцы подразделяются на две большие семьи, а именно: на оседлых индейцев, занимающихся хлебопашеством, и на кочующих индейцев, промышляющих охотой.

Жилищем индейцев-охотников служат вигвамы[58] из кожи, легко переносимые с места на место. Эти индейцы, которых в Мексике называют «индиос бравос», то есть «непокоренные индейцы», оседают в каких-нибудь краях и остаются там до тех пор, пока имеется достаточно корма для коней, дичи и зверья для людей.

У индейцев бравос имеются все же деревуш-

[58] Примечания: 58

Вигвам — шалаш, сделанный из складного деревянного каркаса, обтянутого бизоньими шкурами.

ки, затерявшиеся где-нибудь в непроходимой лесной чаще или в неисследованных ущельях Сьерра Мадре. Эти селения, предназначенные для зимовки, представляют собой беспорядочное нагромождение глинобитных и деревянных хижин и шалашей. Во время войны они служат убежищами для женщин, детей и стариков. Здесь же индейцы бравос прячут добычу, захваченную во время набегов.

Индейцы-хлебопашцы, напротив, сооружают основательные постройки для своего жилья, для зимовки скота и для хранения урожая. Эти индейские племена живут по своим законам и обычаям, но вместе с тем они признают мексиканские законы и подчиняются мексиканскому правительству, которое утверждает их вождей в звании алькальдов[59]. Оседлые индейцы называются «индиос мансос», то есть «покоренные индейцы».

В конфедерацию папагосов, состоящую из многих индейских народов, входят покоренные и непокоренные индейские племена; основным ядром конфедерации папагосов является могущественный народ хиленосов, насчитывающий в

---

[59] Примечания: 59
Алькальд — старшина сельской общины.

своем составе сто восемнадцать племен, каждое из которых имеет свой особый тотем[60].

Хиленосы по преимуществу — земледельцы. Некогда команчи, горделиво величавшие себя царями прерий и не без основания ведущие свое происхождение от чичимеков, этих первых завоевателей Мексики, постановлением Совета вождей распались на два больших народа. Трудно точно установить, когда это случилось, так как индейцы не ведут летописи, а свою историю знают только по изустным преданиям. Это решение было продиктовано желанием прекратить одну долгую распрю, грозившую переродиться в гражданскую войну. Одна отколовшаяся ветвь этого народа, оставившая за собой название «команчи», продолжала кочевать по необъятным прериям Дальнего Запада. Остальные племена этого великого народа осели на берегах Рио Хило, по имени которой и были названы хиленосами. Хиленосы променяли охоту на земледелие. Впоследствии они формально признали власть испанского, а затем мексиканского правительства, но фактически сохранили свою независимость.

---

[60] Примечания: 60

Тотем — отличительный знак (герб) какого-нибудь индейского племени, обычно изображение животного (змей, крокодил, буйвол, орел и т. п.), которому это племя поклоняется как своему родоначальнику.

Однако и после раскола команчей оба эти народа, помня О своем общем происхождении, жили в тесной дружбе и в случае надобности оказывали друг другу помощь и содействие.

Хиленосы свято чтут обычаи и заветы предков, среди которых особенно заслуживает быть отмеченным строгое воздержание от спиртных напитков. Они никогда не терпели у себя той системы притеснений и лихоимства, с помощью которой мексиканское правительство так безжалостно угнетает другие племена покоренных индейцев. Деревни хиленосов существенно отличаются от других индейских поселений своим своеобразием, в котором сказываются некоторые черты национального характера хиленосов.

Воспользуемся прибытием наших приятелей в атепетль, чтобы дать представление читателю о поселках хиленосов. Еще подъезжая к деревне, Твердая Рука указал дону Хосе на многоэтажные постройки, словно прилепившиеся к склону холма.

Холм, на котором возвышались эти строения, был расколот надвое, очевидно, каким-нибудь очередным землетрясением. Между двумя образовавшимися возвышенностями залегла глубокая расселина — так называемая квебрада;

на дне ее пенился и бурлил горный поток.

Вот по обе стороны этой квебрады индейцы и соорудили два громадных здания пирамидальной формы, вышиной примерно восемьдесят метров. В этих причудливых постройках, заключавших в себе жилые помещения, амбары и склады оружия, помещалось восемьдесят человек мужчин, женщин и детей. Средством сообщения между этими необычными сооружениями служил висячий мост из лиан, перекинутый на головокружительной высоте между вершинами обеих построек. Проникнуть в них можно было только по длинным стремянкам, которые убирались на ночь. Это была весьма существенная мера предосторожности, если принять во внимание, что двери находились на высоте двадцати метров от земли.

Трудно придумать нечто более живописное и вместе с тем любопытное, чем вид, открывающийся издалека на эту причудливую деревню с ее двумя башнями и стремянками, по которым беспрерывно сновали вверх и вниз множество людей. За несколько дней до прибытия наших путников вокруг поселка был вырыт для большей безопасности глубокий ров и возведен частокол, скрепленный лианами. Индейцы прибегли к

этой мере предосторожности, опасаясь, как бы не угнали их коней. Хроника пограничной жизни пестрит такого рода неожиданностями. А между тем совет старейшин, подготовляя свою экспедицию, возлагал большие надежды на действия индейской конницы.

Наших путешественников с пышным церемониалом и все с тем же почетным эскортом проводили до площади, на одной стороне которой возвышался «ковчег первого человека», а на другой — «кали медесин»:[61] «дом совета старейшин».

Еще по пути сюда дон Хосе заметил в толпе индейцев несколько бледнолицых и обратил на это внимание Твердой Руки.

— Вы не ошиблись, — сказал охотник. — В поселке живет много мексиканских коммерсантов, ведущих торговлю с индейцами. В этом нет ничего удивительного: ведь хиленосы — индейцы мансос... А вот вам и монах!

И действительно, пузатый монах с багровокрасным лицом пересекал площадь, раздавая направо и налево всем встречным индейцам свое благословение, на что, впрочем, те обращали

---

[61] Примечания: 61
Кали медесин — дословно: «дом для размышления».

очень мало внимания.

— Эта почтенная братия, — продолжал Твердая Рука, — без устали бродит по индейским деревням, но ей нигде не удается завербовать приверженцев своей веры. Народ здесь придерживается религии своих предков. Но так как команчи слишком большие дикари, чтобы проявлять нетерпимость к другим верованиям, — усмехнулся охотник, — они предоставляют монахам полную свободу проповедовать свое учение, под строжайшим, разумеется, запретом совать свой нос в дела команчей. Монахам разрешили даже возвести здесь часовню, в которую иногда забегают помолиться какие-нибудь проезжие, но порога которой никогда еще не переступала нога местного жителя.

— Ну, а что станется с этими монахами теперь, когда война уже объявлена? — спросил управитель.

— А ничего! Спокойно будут жить здесь, и никто не обидит их и не станет притеснять. Индейцы, правда, дикий народ, но все же им не хватает дикости, для того чтобы заставить невинных отвечать за чужие преступления.

— Вы меня простите, Твердая Рука, — вспылил дон Хосе, — но мне неприятна язвительность,

которая нет-нет да проскользнет в ваших высказываниях! Благородный человек должен быть беспристрастным, каковы бы ни были его сокровенные чувства.

— Вы правы, друг мой. Но, когда вы больше узнаете обо мне, вы, несомненно, отнесетесь снисходительнее к этому моему недостатку. На том и окончим наш разговор, тем более что мы прибыли уже на место.

Площадь, на которую приехали путешественники, имела форму длинного прямоугольника, слегка поднимающегося к подножию левой башни поселка. На площадь выходило много улиц с нарядными и удобными домами. Такую картину не так уж часто можно встретить в индейских селениях. Будь этот поселок населен бледнолицыми креолами, он, наверно, получил бы право называться сиюдад, то есть город.

Перед «домом совета старейшин» стояли три человека; по шляпам из вигоневой шерсти, обшитым золотыми галунами, и по высоким тростям с серебряными набалдашниками в них нельзя было не признать главных вождей поселка. Дело в том, что в числе других обычаев, доставшихся мексиканцам в наследство от испанцев, удержалась и церемония облечения властью индейских

вождей. Этот обряд, совершаемый от имени губернатора одним из его чиновников, заключается во вручении алькальдам вышеупомянутых знаков власти — шляпы и трости.

Вожди хиленосов только для видимости получают свою власть от мексиканского правительства; в действительности правительство вынуждено считаться с общественным строем индейских племен и наделять властью именно тех людей, которые уже давно были признаны вождями своими соотечественниками.

Но вот путешественники вместе со своим эскортом остановились перед алькальдами или, говоря языком индейцев, перед сашемами.

Это были величавые пожилые люди. Особенно выделялся своей величественной осанкой самый старший из них. На вид ему было лет шестьдесят. Длинная седая, белая как лунь борода, статная высокая фигура, большой открытый лоб, прямой, с легкой горбинкой нос — все говорило о недюжинной натуре этого человека. Одет он был не на индейский манер, а по моде охотников прерий; на нем была рубашка из голубого миткаля, туго перехваченная кожаным поясом, на который обычно подвешивались оружие и патроны, широкие замшевые с застежками до колен штаны, запрятанные в ботфорты, а каблуки сапог были украшены невероятными шпорами, с колесиками величиной чуть ли не с чайное блюдечко.

Сашем этот не был индейцем, в чем нетрудно было убедиться с первого же взгляда; больше того, тонкие, красивые и живые черты его лица говорили о чистоте испанского происхождения.

Дон Хосе не мог сдержать возгласа удивления при виде человека, присутствие которого в таком месте и среди этих людей казалось ему непостижимым. Наклонившись к Твердой Руке, Паредес прошептал прерывающимся от необъяснимого волнения голосом:

— Кто этот человек?

— Разве вы не видите! — сухо отрезал Твердая Рука. — Это старший алькальд этого селения… Ни слова более! Все и так уже поражены, что мы разговариваем шепотом в их присутствии. Дон Хосе замолчал, но глаза его продолжали пристально следить за тем, кого охотник с чуть заметной иронией назвал старшим алькальдом.

Немного позади трех сашемов стоял воин, державший в руке тотем с изображением кондора, этой священной птицы инков[62].

Площадь быстро заполнялась народом — женщинами, стариками, детьми и вооруженными мужчинами. Всем хотелось присутствовать при торжественной встрече.

Церемониал открыл Ястреб.

— Отцы моего народа! — произнес он, соскочив с коня. — Храбрейший нашего племени вернулся и привел своего друга, бледнолицего.

— Добро пожаловать! — ответили в один голос все три вождя. — Добро пожаловать и другу его. Пусть гостит он у нас сколько душе его будет угодно; мы будем принимать его как брата!

Теперь заговорил выступивший вперед Твердая Рука.

---

[62] Примечания: 62

Инки — индейский народ, обширное государство которого с центром Перу (Южная Америка) было завоевано испанцами.

— Благодарю за себя и за моего друга, — сказал он. — Мы приехали издалека, путь наш был долгий и тяжелый; мы очень устали. Да будет позволено нам отдохнуть несколько часов!

Индейцы, несказанно удивленные тем, что Твердая Рука, человек богатырского здоровья, за которым прочно утвердилась репутация неутомимого охотника, заговорил вдруг об усталости, решили, что у него должны быть на это особо важные соображения.

— Твердая Рука и его друг могут удалиться в приготовленный для них дом. Наш сын Ястреб будет сопровождать их.

Твердая Рука и Паредес почтительно поклонились старейшинам и последовали вслед за Ястребом через ряды расступившейся перед ними толпы. Собственно говоря. Твердая Рука мог бы и сам найти дорогу, ибо этот домик принадлежал лично ему, но он был не один, и этикет требовал, чтобы в честь гостя прибывших сопровождал один из вождей племени.

У самых дверей хижины Твердой Руки Ястреб сказал несколько слов на ухо охотнику и удалился.

— Чувствуйте себя как дома, друг мой, — обратился Твердая Рука к дону Хосе, когда Ястреб

немного отъехал. — Располагайтесь, как вам будет удобно; мне придется на время покинуть вас: я должен повидаться с одним человеком. И, не дожидаясь ответа. Твердая Рука повернул коня и умчался прочь.

— Гм, здесь что-то нечисто, — пробормотал Паредес, оставшись один. — Уж не напрасно ли я доверился этому человеку? Придется, видно, быть начеку.

XVII. Совет сашемов

Твердая Рука, удалившись на некоторое расстояние от дома, придержал лошадь. Он трусил теперь мелкой рысцой, с виду безразлично поглядывая по сторонам, но в действительности зорко подмечая все, что делалось на улице селения. Встречные индейцы приветствовали его как старого знакомого; женщины и даже дети старались привлечь к себе внимание веселым смехом и поздравлениями с приездом. А у него находилось ласковое слово для каждого.

В сопровождении множества людей, из любопытства следовавших за ним, охотник проехал через всю деревню и остановился у левой башни. Соскочив здесь с коня, он бросил поводья

какому-то мальчику, а сам не без труда стал пробивать себе дорогу сквозь толпу, любопытство которой нисколько не ослабевало, а, скорее, возрастало с каждой минутой. Наконец ему удалось добраться до стремянки, заменявшей здесь лестницу. Ухватившись за ее поручни и кивнув на прощание собравшимся индейцам, Твердая Рука быстро поднялся по стремянке и скрылся в дверях башни.

Это причудливое снаружи здание отличалось удобным и хорошо продуманным внутренним устройством. Но охотник, не оглядываясь, торопливо пробежал ряд помещений и по внутренней лестнице поднялся до самой вершины пирамиды.

Там перед дверью, завешенной вместо портьеры звериной шкурой, стоял на страже Ястреб.

— Брат мой не заставил долго ждать себя, — сказал Ястреб, вежливо поклонившись охотнику.

— Совет уже начался?

— Четыре раза всходило солнце, а старейшины нашего народа все еще не отходят от костра совета. Лишь только ради приезда брата моего, Твердой Руки, решились они прервать на один час свои труды.

Охотник нахмурился.

— А я не мог бы поговорить несколько минут с великим сашемом?

— Не знаю, право, что ответить по этому поводу брату моему, — отозвался Ястреб.

— Хорошо, — сказал охотник, внезапно меняя ход разговора. — Нет ли у Ястреба поручения для меня?

— Никакого! Ястребу было только приказано доложить о приходе Твердой Руки, как только он появится.

— Ооа! А вот и я! Или брат мой Ястреб исполнил уже полученный приказ и доложил обо мне?

Вместо ответа Ястреб приподнял завесу и, посторонившись, пропустил охотника в «большую комнату» совета. В обширном зале, совершенно лишенном мебели, если не считать высушенных черепов бизонов, заменявших стулья, свыше двадцати усевшихся в круг человек торжественно и сосредоточенно раскуривали калюмет[63], передавая его из рук в руки.

В центре круга в золотой жаровне горел неугасимый огонь Монтесумы[64]. Предание гласит,

---

[63] Примечания: 63

Калюме — индейская трубка с длинным чубуком.

[64] Примечания: 64

Монтесума — последний император государства ацтеков, завоеванного испанцами.

что этот последний император Мексики перед смертью роздал самым верным своим приверженцам этот огонь, который, как еще и теперь уверяют индейцы, берет свое начало от самого солнца. Этот огонь, ревниво оберегаемый от взоров простых смертных, извлекался из глубокого подземелья напоказ народу лишь при исключительных обстоятельствах. Тот факт, что он был перенесен в этот зал, говорил о том, что совету предстояло обсудить дело первостепенной важности. О том же свидетельствовали суровые и сосредоточенные, исполненные достоинства лица собравшихся вождей. Вопреки обыкновению все они были без оружия.

Эта мера предосторожности, принятая по инициативе великого сашема, объяснялась не столько значительным числом собравшихся вождей, сколько принадлежностью их к разным племенам. Ведь, кроме представителей каждого племени из конфедерации папагосов, в этом совете присутствовали сашемы народов, находившихся обычно в состоянии войны с папагосами и теперь отложивших на время свою вражду, чтобы принять участие во всеобщем восстании против непримиримых врагов индейцев. Тут можно было увидеть яков, майев и серисов

в самых парадных нарядах, разукрашенных волчьими хвостами, этими знаками отличия, право ношения которых имеют только храбрейшие. Там и сям мелькали лица белых и креолов; то были вольные охотники прерий и трапперы.

Председательствовал на этом собрании Огненный Глаз, тот самый старик, портрет которого мы уже набросали выше. При появлении Твердой Руки все воины встали, повернулись к нему лицом и, любезно поклонившись, пригласили сесть между ними.

Охотник, внутренне польщенный оказанным ему приемом, в свою очередь с достоинством поклонился членам совета и занял место справа от Огненного Глаза, вручив предварительно свое оружие Ястребу, который немедленно вынес его из комнаты совета. Наступило молчание, длившееся до тех пор, пока Твердая Рука не сделал несколько затяжек из переданного ему калюме. Молчание прервал Огненный Глаз.

— Сын наш прибыл к нам как нельзя более кстати, — обратился он к охотнику, — братья Твердой Руки с нетерпением ждали его возвращения. Он побывал в стане наших врагов, у него есть, конечно, что сообщить нам.

Охотник поднялся и, обведя взглядом все со-

брание, начал:

— Я, действительно, прибыл из страны гачупин[65], я посетил их города, побывал в их селениях, проник в их форты. Они отдают себе отчет в угрожающей им опасности, принимают все меры, чтобы пресечь ее, — словом, они, так же как и мы, готовятся к войне.

— Это довольно общие и расплывчатые сведения; мы надеялись, что Твердая Рука более точно осведомит нас о передвижениях неприятельских сил, — упрекнул охотника Огненный Глаз.

— Я, действительно, могу это сделать… — ответил Твердая Рука.

— К чему же тогда хранить молчание?

На мгновение молодой человек замялся, смутившись под множеством устремленных на него глаз.

— У белых есть поговорка, — вымолвил он наконец, — мудрость которой я ценю сегодня как никогда.

— Что за поговорка?

— Слово — серебро, молчание — золото…

— Может быть, сын мой выскажется яснее? — настаивал Огненный Глаз.

---

[65] Примечания: 65

Гачупин — презрительное прозвище, которое индейцы дали мексиканцам. Примеч. авт.

— Самое страшное оружие белых — это умение сеять измену среди своих врагов, — продолжал охотник. — Они всегда побеждали нас с помощью измены, избегая открытой и честной встречи с индейцами лицом к лицу. Вот поэтому-то нам не следует решать на таком многочисленном собрании дела, от которых так много зависит. Кто знает, не затесался ли в нашу среду предатель? Пока речь идет об общих вопросах войны, это еще куда ни шло; но раз уж мы приступаем к обсуждению действий, от которых зависит исход войны, необходимо принять меры, чтобы неприятель не был осведомлен о наших решениях.

— Но у нас нет возможности поступить иначе.

— Есть. И вот наглядный пример того, насколько бледнолицые хитрее нас: с объявлением войны они создают комиссию из трех… самое большее из пяти человек, специальное назначение которой и состоит в том, чтобы наметить план военных действий. Почему бы и нам не поступить так? Дело это нехитрое да имеет к тому же и другую хорошую сторону. Если мексиканцы проведают все же о решениях такой малочисленной комиссии, предатель будет вмиг обнаружен. Что же касается остальных вождей и уполномоченных дружественных наций и союз-

ных племен, то они займутся в большом совете общими интересами индейских народов и их взаимоотношениями. Это позволит задушить в зародыше споры, которые возникают часто из-за простых недоразумений и почти всегда перерождаются в кровавые и бесконечные распри. Я сказал, и пусть братья мои сами рассудят, следует ли им принять во внимание мои слова.

И, отдав собранию круговой поклон, Твердая Рука снова занял свое место.

Здравый смысл — отличительная черта индейского народа. Всем было ясно, что Твердая Рука не высказал до конца свою мысль; тем не менее вожди прекрасно поняли его. Они сообразили, что у охотника имеются основания не называть до поры до времени имя. Вожди оценили справедливость его рассуждения и почувствовали необходимость немедленно принять подсказанное охотником решение, в котором были заинтересованы все индейские народы. Неудивительно, что шепот одобрения прошел по всему залу, когда Твердая Рука кончил свою речь. Такого рода свидетельство успеха всегда ласкает слух оратора, где бы ни случилось ему блеснуть своим красноречием.

Огненный Глаз обвел вопросительным взгля-

дом всех членов совета; каждый из них ответил ему утвердительным кивком.

— Предложение сына нашего. Твердой Руки, принято, — обратился к охотнику великий сашем. — Мы все признали необходимым воплотить его в жизнь. Но мы снова вынуждены прибегнуть к мудрости сына нашего: пусть научит он нас, как произвести назначение членов комиссии.

— На мой взгляд, в этом деле должен решать случай. Все собравшиеся здесь сашемы — самые избранные и самые храбрые воины своих народов. Но на кого бы из них ни пал выбор судьбы, он сумеет с честью справиться со своей задачей.

— Сегодня, как и всегда, когда совет вождей запрашивает мнение Твердой Руки, сын наш сказал мудрые слова. Так пусть же он закончит так хорошо начатое дело и научит нас, как узнать волю судьбы!

Охотник поднялся со своего места и направился к выходу.

— Я выполню волю моего отца. Огненного Глаза, — сказал он, выходя из зала.

Его отсутствие длилось всего лишь несколько минут, но вернулся он не один, а в сопровождении Ястреба. Заметим тут в скобках, что Ястреб как вождь имел право участвовать в совете, но

не мог им воспользоваться, так как ему доверили охрану совета. Юный вождь нес в руках шерстяное одеяло, свернутое в виде мешка.

— Я бросил в этот мешок, — начал Твердая Рука, — столько же пуль, сколько присутствует здесь вождей. Эти пули я вынул из патронташей вождей, по одной из каждого патронташа. Пули эти разных калибров; каждый по очереди будет тянуть жребий. Потом мы сравним пули, и те трое или пятеро — как вам будет угодно — вождей, которым достанутся пули самых крупных размеров, и будут считаться избранными.

— Дельное предложение! Так по крайней мере не будет задето ничье самолюбие! — воскликнул Огненный Глаз. — Я думаю, что нам следует одобрить его.

Все молча кивнули в знак согласия.

— Нам остается еще решить, сколько будет членов комиссии. Три? Пять?

Слово на этот раз попросил один из бледнолицых членов совета.

Это был коренастый охотник лет сорока, с открытым и энергичным лицом, известный всему Дальнему Западу под странным прозвищем «Свистун».

— Да позволено будет мне, простому охотнику,

высказать свое мнение перед этим собранием мудрых и знаменитых воинов. Я думаю, что комиссия из трех человек не сможет плодотворно обсуждать и решать такие важные дела, ибо слишком легко будет какому-нибудь мнению собрать большинство голосов. При пяти членах комиссии это будет затруднительнее, люди вынуждены будут отстаивать свои идеи и спорить, а в спорах, как известно, рождается истина. Поэтому я за комиссию из пяти человек. Да, вот еще что: будут ли участвовать в жеребьевке присутствующие здесь креолы и бледнолицые?

— А разве они не будут сражаться бок о бок с нами? — живо откликнулся Огненный Глаз.

— Так-то оно так, — ответил Свистун, — да все же, может быть, лучше предоставить это дело вам одним; ведь мы, в сущности, не более чем ваши помощники.

— Нет, вы наши братья и друзья! Мы отдаем должное вашей щепетильности, Свистун, но отвергаем выдвинутое вами предложение. Вы должны делить с нами и права, и обязанности.

После того как совет принял решение создать военную комиссию из пяти членов, приступили к жеребьевке. Воины подходили по очереди к Ястребу и вытаскивали пули из мешка. Сравнение

калибров их производилось с теми добросовестностью и беспристрастием, которые присущи индейцам в их отношениях между собою.

Полагаясь на случай, люди нередко добиваются прекрасных результатов. Так было и на этот раз. Жребий пал на тех именно вождей, которые благодаря своим талантам, уму и военному опыту собрали бы большинство голосов и при другом способе избрания. Суеверные сашемы, несказанно обрадованные этим счастливым совпадением своих желаний с волей слепого случая, немедленно истолковали его как предзнаменование благоприятного исхода войны. Избранными оказались: Огненный Глаз, Ястреб, Твердая Рука, Свистун и вождь апачей, по имени Пекари.

Когда выборы закончились и вожди снова расселись по местам, Твердая Рука подошел к одному бледнолицему трапперу, который всячески старался не попадаться на глаза Твердой Руке, скрываясь за спинами индейцев. Хлопнув траппера по плечу, охотник негромко, но повелительно произнес:

— На два слова, Кидд.

Бродяга невольно вздрогнул от этого прикосновения; но, мгновенно оправившись, он с приторной вежливостью поклонился охотнику.

— Я весь к вашим услугам, — слащаво улыбаясь, произнес Кидд. — Неужели и на мою долю выпало, наконец, счастье быть вам чем-нибудь полезным?

— Выпало! — сухо ответил охотник.

— Говорите же скорей, сеньор, приказывайте! Будьте уверены, что все от меня зависящее…

— Хватит! — оборвал его Твердая Рука. — Перейдем к делу!

— Слушаю вас, — сказал бандит, стараясь скрыть свою тревогу.

— Дело в следующем: худо ль это или хорошо, но ваше присутствие здесь раздражает меня…

— К сожалению, ничем не могу помочь вам, любезный сеньор.

— Можете! И очень просто.

— А именно?

— Немедленно покинуть эту башню, сесть на коня и убраться прочь.

— Хо-хо! — произнес бродяга с принужденным смехом. — Позвольте вам заметить, что ваше желание кажется мне довольно странным.

— Вы находите? — холодно возразил Твердая Рука. — А по мне, это прекрасная мысль; и вполне естественно, что она пришла мне в голову.

— Вы, конечно, шутите, — неуверенно произнес

опешивший бандит.

— Послушайте, Кидд! Вы ведь знаете, со мной шутки плохи. Не так ли? Так вот я повторяю вам: убирайтесь и как можно скорей! Советую вам… ради вашего же блага.

— Но мне надо еще найти подходящий предлог для такого бегства. Что подумают обо мне индейские вожди, удостоившие меня приглашением на этот совет, что подумают, наконец, обо мне мои друзья охотники, если накануне открытия военных действий я покину их без уважительной причины?

— А мне какое дело! Я требую, чтобы вы немедленно убрались отсюда прочь, а не то…

— А не то?

— …я на глазах у всех всажу вам пулю в лоб как предателю и шпиону.

Бандит невольно содрогнулся. Его лицо посинело, несколько секунд он не спускал своих злых змеиных глаз с охотника, который смерил его брезгливым взглядом.

— Твердая Рука, — прошептал наконец Кидд на ухо охотнику, — сегодня вы сильнее меня, всякое сопротивление с моей стороны было бы безумием; я уступаю вам. Но я отплачу вам, запомните это!

Твердая Рука презрительно пожал плечами.

— Мстите, если сумеете. А пока подите прочь, или я приведу в исполнение свою угрозу!

С этими словами Твердая Рука отошел от бандита. А тот, сдержав готовое сорваться вслед охотнику проклятье, молча вышел из зала.

Когда десять минут спустя Кидд мчался во весь опор по направлению к лагерю рудокопов, в голове его роились замыслы один коварнее другого.

XVIII. Совет сашемов (*продолжение*)

Индейские вожди, конечно, догадывались о том, что произошло между охотником и американским бандитом; тем не менее никто из них даже виду не подал, что заметил внезапный отъезд Кидда.

Один только канадский траппер Свистун подошел к охотнику, пожал ему руку и, раскатисто смеясь, сказал:

— Браво, товарищ! Вы не промахнулись — попали, можно сказать, на лету в эту дичь! От души поздравляю: вы избавили нас от смердящего гада. Черт его знает, кто он — ни рыба ни мясо! Меня, во всяком случае, никак не устраивала физионо-

мия этого плута.

— Она бы устраивала вас еще меньше, мой милый Свистун, если бы вы узнали его поближе.

— А у меня нет желания знакомиться ближе с этим мошенником. Прерия кишмя кишит такого сорта птицами. Вожди между тем вновь заняли свои места, и прерванный на время совет был снова возобновлен.

Индейцы, которых любят изображать дикарями, могли бы преподать уроки учтивости и обходительности парламентариям нашей старой Европы: они никогда не прерывают оратора нелепыми, а чаще всего неуместными репликами, до которых так охочи многие наши депутаты.

Вожди здесь выступают по очереди. Ораторов слушают в благоговейном молчании, они имеют полную возможность высказаться, не опасаясь наткнуться на оскорбительные колкости. Когда прекращаются прения, председатель — а эту обязанность выполняет обычно старейший вождь или вождь, занимающий благодаря своей храбрости или мудрости самое высокое положение в племени — делает краткое заключение о ходе обсуждения и спрашивает мнение остальных вождей, а те высказываются молчаливым покачиванием головы. Меньшинство всегда без-

оговорочно подчиняется большинству.

Прежде чем продолжать наш рассказ, мы в нескольких словах посвятим читателя в причины, вызвавшие недовольство индейцев и побудившие их восстать против мексиканских властей.

После провозглашения независимости Мексики правительства этой страны, повторяя ошибки первых завоевателей Мексики, начали притеснять индейцев. На них стали смотреть как на рабов, которых можно безнаказанно обирать; власти обложили непомерно высокими пошлинами предметы первой необходимости, которые отпускались индейцам через особых агентов. Вся жизнь индейцев была подчинена особым, ограничительным, поистине драконовским законам[66]. Расовая ненависть мексиканских властей доходила до того, что за индейцами отрицали право на человеческий разум, к ним обращались с оскорбительным наименованием gentle sin razon — «люди без разума». Последствия такой системы угнетения не заставили себя долго ждать.

Сначала индейцы отвечали на притеснения правительства тем, что молча уходили искать в

[66] Примечания: 66

Драконовские законы — суровые законы. Названы так по имени Дракона, легендарного греческого законодателя VII в. до н. э.

пустынях и лесах свободу, в которой им отказывали здесь. Но обидам не было конца, индейцев и там продолжали преследовать, как диких зверей; доведенные наконец до отчаяния, они решились мстить и платить злом за зло.

Тогда возобновились периодические набеги индейцев, своей ожесточенностью напоминавшие те вторжения щитоносцев, которые с таким трудом и ценою большой крови были пресечены некогда испанцами. Погромы и разграбления мексиканских городов практиковались в таких широких масштабах, что команчи и апачи, подтрунивая над мексиканцами, иронически прозвали время года, излюбленное ими для своих регулярных набегов, «мексиканской луной».

Неоднократно восставали также индиос мансос, или покоренные индейцы, которые в силу своей связи с землей вынуждены были оставаться в поселениях, невзирая на все притеснения, жертвами которых они являлись. Мексиканскому правительству удавалось усмирять и успокаивать восставших мансос лишь с помощью уступок и обещаний, которые неизменно нарушались и предавались забвению, лишь только индейцы складывали оружие. Таким образом, военные действия, постепенно охватывая все по-

граничные штаты Мексиканской конфедерации, приобрели постоянный характер.

Однако, если не считать нескольких вторжений, превосходивших по своим размерам обычные набеги индейцев, все это не представляло еще серьезной опасности для мексиканского государства. Индейцы удовлетворялись тем, что частыми боевыми столкновениями с мексиканцами держали их в состоянии вечной тревоги. Так было до 1827 года, когда вспыхнуло всеобщее восстание мексиканских индейцев, чуть было не лишившее Мексику ее богатейших провинций. Серьезность этого восстания заключалась в том, что на этот раз индейцы, вооруженные огнестрельным оружием, отказались от своей старой стратегии и под руководством испытанных вождей развернули настоящую войну, упорно стараясь закрепиться на территориях, в которые им удалось вторгнуться.

Индейцы избрали императора, создали свое правительство, обнаруживая твердое намерение отвоевать свои бывшие владения и восстановить свое независимое, национальное государство. Мексиканцам удалось справиться с этим восстанием ценою больших потерь и жертв. Да и достигли они этого не столько силою оружия,

сколько благодаря предательству и раздорам, посеянным ими же среди индейских вождей.

Однако на этот раз восстание щитоносцев заставило призадуматься мексиканских правителей. Они поняли, что прошли времена, когда с индейцами можно было обращаться, как с существами низшего порядка. Мир был заключен на условиях, весьма приемлемых для индейцев, и мексиканцам волейневолей пришлось делать вид, что они выполняют договор, предоставив индейцам управляться по законам своих племен.

Несколько лет среди индейцев мансос, удовлетворенных уже тем, что мексиканские власти перестали унижать их национальное достоинство, царило спокойствие. В эти годы мексиканцам пришлось защищать свои границы только от индейцев бравос (непокоренных). Надо сказать, что и с этой задачей мексиканские власти справлялись весьма посредственно; индейцы бравос, нарушив границы, установленные испанцами, прочно обосновались на развалинах бывших селений креолов и, постепенно продвигаясь каждый год все дальше и дальше, в глубь страны, в конце концов чувствительно урезали в свою пользу мексиканскую территорию.

Между тем, по мере того как сглаживались

из памяти страхи, навеянные восстанием 1827 года, стала возрождаться политика притеснения индейцев мансос. Эта линия, сначала глухая, проявлялась все более резко, не встречая сопротивления со стороны мансос, с тупой покорностью сносивших возмутительную систему угнетения, снова обрушившуюся на них. Уступки, которых индейцы добились в 1827 году, бесцеремонно попирались; возвращались порядки, господствовавшие до восстания.

А индейцы продолжали терпеливо сносить притеснения и риды мексиканских властей; казалось, они окончательно примирились со своей печальной участью. Обманчивое спокойствие, за которым таилась страшная буря! Тяжелое пробуждение ожидало мексиканцев.

На этот раз индейцы вели себя с поразительной предусмотрительностью и осторожностью. Они, безусловно, успели бы усыпить бдительность мексиканцев, не будь многочисленных соглядатаев, которых мексиканское правительство постоянно содержало в каждом индейском селении. В числе этих шпионов находился и Кидд, вовремя разоблаченный и изгнанный из зала совета Твердой Рукой.

Однако эти агенты, при всем своем желании

угодить тем, кто платил им, могли дать лишь самые скудные сведения о тайно подготовлявшемся восстании. Агентам было, например, известно, что индейцы избрали императора; они проведали и про то, что этим императором был бледнолицый. Но кто был этот человек, откуда он взялся, как его имя — на все эти вопросы они не могли ответить. Шпионы знали, что движение возглавляла конфедерация папагосов, что именно она и нанесет первый удар мексиканцам, но никому из них не было известно, когда и где откроются военные действия.

Но и этих сведений было достаточно, чтобы вызвать у мексиканцев неприятные воспоминания о последнем индейском восстании и пролитой тогда крови. Правительство стало готовиться к отражению первого, самого страшного натиска индейцев. При своих ограниченных средствах военные власти лишены были возможности укрепить границу на всем ее протяжении, но им удалось подготовить к обороне опорные пограничные форты, что само по себе являлось уже немалым достижением для властей этой страны.

Мексиканское правительство решило отправить подкрепление из столицы в эти наиболее угрожаемые пограничные штаты. Однако это на-

мерение не было приведено в исполнение; более того, оно породило новые и весьма серьезные осложнения для центрального правительства.

Случилось то, что вообще может произойти только в бывших испанских колониях, где царят беспорядок и анархия. Войска, предназначенные для отправки в Сонору, наотрез отказались идти сражаться с индейцами, заявив, что им «мало улыбается воевать с варварами, которые, в нарушение международного права, без всякой церемонии снимают скальпы со своих пленников».

Президент республики, сознавая опасность, грозящую стране, вздумал было силой данной ему власти принудить солдат выступить в поход. Тогда произошло то, что и следовало ожидать: солдаты продолжали упорствовать в своем неповиновении, и, в довершение всего, окончательно взбунтовавшись, устроили пронунсиаменто в пользу генерала, назначенного командовать экспедицией. Надо отдать должное этому генералу: он первый догадался высказаться против отправки столичных войск на помощь пограничным гарнизонам!

Этот переворот оказался той искрой, которая подожгла пороховой погреб. Гражданская война в несколько дней охватила всю Мексику. Губер-

наторы Соноры и Синалоа, предоставленные собственным ограниченным силам, очутились в затруднительном положении, осложнявшемся к тому же неуверенностью самих губернаторов в том, что им удастся удержаться на своих постах при новом президенте. Неудивительно, что они воздерживались от решительных действий и не проявляли никакой инициативы, стараясь лишь получше укрепиться в пограничных опорных пунктах и удержать в повиновении солдат, готовых каждую минуту разбежаться.

Мы умышленно так долго задержались на этих исторических событиях, потому что они имеют существенное значение для дальнейшего нашего повествования. Дело в том, что о них-то и сообщил подробно Твердая Рука совету вождей.

— Мне думается, что настал час, — закончил Твердая Рука, — нанести тот решительный удар, который мы так долго подготовляем. В рядах наших врагов царит смятение, они потеряли присутствие духа, их солдаты боятся нас, и я убежден, что они не выдержат столкновения с нашими храбрыми и доблестными воинами. Вот все, что я могу сообщить совету; но я не хочу, чтобы наши решения дошли до ушей мексиканских властей. Вот почему я вышвырнул отсюда этого бледноли-

цего, который, по моему глубокому убеждению, продался нашим врагам. Сашемы сами решат, правильно ли я поступил или действовал необдуманно, под влиянием страстей. Я сказал.

Шепот одобрения пронесся по залу, а польщенный охотник, смутившись, опустился на свое место.

— По-моему, — сказал взявший слово Свистун, — совету нечего больше обсуждать. Решение начать войну принято, теперь у совета лишь одна только забота: привлечь к нашему союзу другие индейские народы. А что касается военных операций и выбора часа для вторжения на мексиканскую территорию, то все это уже дело военной комиссии, которая обязуется хранить свои решения в строгой тайне. Я сказал.

Теперь поднялся Огненный Глаз.

— Сашемы папагосов, и вы, воины союзных народов, — произнес он своим теплым и задушевным голосом, — настал час закрыть наш совет! Отныне будет заседать один лишь совет из пяти вождей. А вы, вожди и воины, возвращайтесь к своим племенам, вооружайте своих отважных сынов и прикажите им исполнить танец скальпа вокруг столба войны. Но восьмое солнце должно застать вас снова здесь, на этот раз во главе ва-

ших воинов. Каждый из вас должен быть готов выступить в тот час, который будет назначен для вторжения.

Я сказал. Довольны ли вы моим словом, воины-исполины?

Вожди молча покинули свои места, отправились в другую комнату за оружием и, спустившись с пирамиды, помчались во весь опор по разным направлениям.

Огненный Глаз и Твердая Рука остались одни в зале.

— Сын мой, — сказал Огненный Глаз, — что можешь ты сообщить мне?

— Многое, отец, — почтительно ответил Твердая Рука. — Многое и очень важное.

XIX. Ранчо

Оставим на некоторое время наедине Огненного Глаза и Твердую Руку и вернемся несколько назад, к событиям, которые произошли в асиенде дель Торо еще до отъезда дона Хосе в Эрмосильо.

Молодые мексиканские девушки, выросшие в глуши, у самых индейских границ, за отсутствием общества и знакомых, проводят большую часть своего времени верхом на коне. Целыми

днями они объезжают свои огромные поместья, протянувшиеся на двадцать-двадцать пять лье, скачут по горам и полям, навещают убогие хижины пастухов и пеонов.

Донья Марианна, возвращаясь в асиенду после многих лет затворничества в монастыре города Сан-Росарио, горела желанием возобновить свои пленительные прогулки верхом по лесам и долам. В сопровождении слуги, а чаще всего одна, молодая девушка посещала то одного, то другого из тех, с кем были связаны лучшие воспоминания детства. Все восхищало ее во время этих прогулок: простор прерий, цветы, которые она собирала, солнце, под лучами которого она загорала, ветер, который дул ей в лицо, — одним словом, она была полна радостным и цельным ощущением жизни, тем светлым восторгом, который знаком одной лишь нетронутой юности.

Чаще всего донья Марианна направлялась к одному ранчо, расположенному примерно в трех лье от асиенды среди густых зарослей мескита.

Это глинобитное строение возвышалось у берега реки, на довольно обширной прогалине бывшего леса, вырубленного и выкорчеванного под пашню бедными обитателями этого жалкого жилья. Позади ранчо виднелся загон, заменяв-

ший кораль для двух коров и четырех лошадей, составлявших все достояние хозяина ранчо. Надо, впрочем, сказать, что внутри это ранчо не казалось таким убогим, как снаружи. Оно состояло из трех помещений. Два из них были отведены под спальни; третье представляло собой большую комнату, служившую столовой, гостиной, кухней и всем чем угодно; сюда заходили даже куры, нахально поклевывавшие рассыпанные на полу зерна и крошки маисовых лепешек.

У правой стены этой комнаты находился низкий очаг — очевидно, для стряпни; середину комнаты занимал большой дубовый колченогий стол; в глубине комнаты виднелись две двери, ведущие в спальни. Стены этой комнаты были разукрашены теми безвкусными олеографиями, которыми парижские коммерсанты наводняют всю Америку; а ловкие коробейники для облегчения сбыта приписывают еще к ним объяснения, ничего общего не имеющие с содержанием картинки. Здесь, например, висела среди прочих олеография, изображающая переход Наполеона через Сан-Бернар[67]. Лошадь Наполеона ведет

[67] Примечания: 67

Горный переход из Швейцарии в Италию. Автор этой книги видел такую олеографию в кабинете одного богатого мексиканского золотопромышленника. Примеч. авт.

под уздцы горный проводник. Надпись под этой картиной гласила: «Великий старец святой Мартин, разделяющий свою шинель с бедняком». Забавнее всего, что Наполеон был очень далек от того, чтобы «разделять» свою шинель с проводником (который, как видно, ничуть в ней и не нуждался), а, ежась от холода, сам кутался в нее[68].

Несколько кресел дополняли обстановку комнаты. Такая незатейливая меблировка могла бы, пожалуй, сойти за роскошную в этих краях, где потребности весьма низки и люди не имеют ни малейшего понятия о бытовых удобствах.

Это ранчо, с незапамятных времен принадлежавшее одной индейской семье, переходило из поколения в поколение от отца к сыну. Обитатели его были последними и единственными представителями многочисленного когда-то индейского населения, обитавшего на этой территории до вторжения испанских завоевателей.

Эти индейцы мансос, давно уже обращенные в христианскую веру, были старыми и верными слугами маркизов де Могюер, которые в свою очередь любили их и считали своим долгом ока-

[68] Примечания: 68

Автор этой книги видел такую олеографию в кабинете одного богатого мексиканского золотопромышленника. (Примеч. автора)

зывать им помощь и покровительство. Семья забыла свое индейское имя, ее знали только по фамилии Санхес. Она состояла из трех человек. Возглавлял семью слепой, но еще прямой и моложавый старик. Несмотря на свою слепоту, он уверенно расхаживал, не боясь заблудиться, по всем лесным тропинкам в сопровождении одной только своей собаки Бухало. Мать, сорокалетняя высокая и сильная женщина с крупными чертами лица, сохраняла еще следы былой красоты. Сын, хорошо сложенный молодой человек, отважный охотник, служил в асиенде в качестве тигреро[69].

Луиза Санхес вскормила донью Марианну, и молодая девушка, рано лишившаяся матери, питала к ней горячую привязанность. Вполне понятно, что в сердце юной доньи Марианны жила постоянная потребность излить на кого-нибудь свою нежность. Она не могла отдать ее вечно угрюмому на вид отцу и отдавала своей кормилице.

Для обитателей ранчо возвращение молодой девушки было радостным событием. Вся семья — отец, мать и сын — тотчас же села на коней

---

[69] Примечания: 69
Тигреро — охотник на тигров.

и помчалась в дель Торо расцеловать свое дитя, как они, по душевной своей простоте, называли ее. На полпути они встретили донью Марианну: сгорая от нетерпения свидеться с ними, она как одержимая мчалась в ранчо в сопровождении своего брата, подтрунивавшего над ее привязанностью к кормилице.

С тех пор не проходило дня, чтобы молодая девушка не заглядывала а ранчо. Обычно она заезжала утром и делила с семьей незатейливый завтрак, состоявший из нескольких тонких лепешек, поджаренных в очаге на чугунной доске, из куска отварной говядины, приправленной красным перцем, из молока, из кесадилья[70]. Эти незатейливые деревенские кушанья пришлись по душе донье Марианне, которая уплетала их с видимым удовольствием.

Бухало, как и все обитатели ранчо, обожал донью Марианну. Это был длинношерстный мексиканский шпиц, белый с черными подпалинами, достигший десятилетнего возраста, задиристый и злой, как и все представители его породы. Этому псу было знакомо одно только чувство: чувство беспредельной преданности

[70] Примечания: 70

Кесадилья — сырники из зеленого сыра, твердые как подошва. Примеч. авт.

своему хозяину, за которым он шел всегда по пятам, у ног которого неизменно лежал. Но с возвращением молодой девушки у этого почтенного четвероногого появилась новая привязанность. Каждое утро Бухало убегал на дорогу сторожить появление доньи Марианны; завидев ее, он несся навстречу и приветствовал свою любимицу прыжками, оглушительным лаем и прочими собачьими нежностями.

Что касается тигреро Мариано Санхес, то его нежная привязанность к Марианне подогревалась еще тем обстоятельством, что они были тезками. А в Мексике тождество имен рассматривается как своего рода духовное родство, дающее право на установление самых тесных дружеских отношений. Токайо и токайя[71] по этому трогательному поверью — почти брат и сестра.

Нередко случалось, что молодой тигреро проделывал в одно утро восемь-десять лье на коне, лишь только бы поздороваться со своей тезкой. За это его награждали улыбкой, приводившей Мариано а самое блаженное состояние.

Старик Санхес с момента возвращения доньи

[71] Примечания: 71

Токаио — тезка (мужчина); токайя — тезка (женщина). Токайо и токайя называют в Латинской Америке тех, кому при крещении дали имя одного итого же святого.

Марианны горевал, как он сам говорил, лишь о том, что лишен возможности видеть ее и наслаждаться ее красотой; он вознаграждал себя поцелуями и объятиями.

Было около одиннадцати часов утра; солнце ярким светом заливало хижину, из леса доносился оживленный птичий гомон. Старик Санхес перетирал зерна между двумя ручными жерновами, а жена его, просеяв муку сквозь корзину, заменявшую сито, замешивала тесто для тонких маисовых лепешек. Поджаренные на противне, они и являются, по существу, основным питанием бедных мексиканцев. Бухало, конечно, уже поджидал донью Марианну на дороге.

— Что б это значило, что Мариано до сих пор нет? — спросил старик. — Обычно топот его коня бывает слышен намного раньше…

— Бог знает, где теперь наш бедный малыш, — отвечала мать. — Вот уже несколько дней, как здесь объявилась семья ягуаров; они успели задрать немало коней в асиенде. Наш малыш выслеживает их. Наверно, он и сейчас сидит где-нибудь в засаде. Только бы не попал ненароком бедняга в когти к этим зверям!

— Совсем ума лишилась, мать! — воскликнул старик, пожимая плечами. — Мыслимое ли это

дело, чтобы ягуары справились с нашим сыном?!

— Все может случиться, — вздохнула мать.

— Это все равно что сказать, что Бухало способен совладать с пекари[72]; одна небывальщина стоит другой. А Бигот? Ты забыла про Бигота? Да Мариано шага не сделает без Бигота! Ну, а эта помесь волка с ньюфаундлендом, ростом с полугодовалого жеребенка, способна повалить и койота[73].

— Я не отрицаю этого, отец, — отвечала жена. — Но при всем том наш сын занимается опасным ремеслом, за которое может когда-нибудь поплатиться жизнью.

— Полно, мать! Мариано слишком ловкий охотник, да и ремесло его очень выгодное. Ведь за каждую шкуру ягуара он получает четырнадцать пиастров, а это что-нибудь да значит для нас, особенно с тех пор как из-за этой слепоты — будь она проклята! — я перестал работать. Эх, раз уж я ни на что не годен, не лучше ли было бы, в самом деле, моим старым костям отправиться на покой в могилу?

— Не смей так говорить, отец! Особенно при

---

[72] Примечания: 72

Пекари — дикая свинья в Южной и Центральной Америке

[73] Примечания: 73

Койот — американский степной волк, сильный и свирепый хищник.

нашей дочке, она не простит тебе этого. Неправильно ты сказал: ты немало поработал на своем веку и заслужил свой отдых; пусть теперь сын поработает за тебя.

— Да, кстати, мать, — смеялся старик, — меня, кажется, не задрали ягуары. А между прочим, я сорок лет проработал тигреро. Может быть, ты думаешь, что тогдашние ягуары были покладистее нынешних?

— Уж помолчал бы лучше! Тебя они, действительно, не тронули, но они растерзали отца твоего и деда. Что ты теперь скажешь, отец, а?

— Гм-м... — пробормотал опешивший старик. — Я скажу... я скажу...

— Ничего ты не скажешь, потому что тебе нечего ответить!

— Что?! За кого ты меня принимаешь, мать!.. Да, это верно: мой отец и мой дед попались ягуарам в когти, но случилось это потому... потому...

— Ну же! Почему? Говори!

— Да потому, что эти звери нечестно дрались с ними! — обрадовался старик найденному объяснению. — Эти коварные бестии знали, с кем они имеют дело, и пустились на хитрость, изменив свои обычные звериные повадки; иначе им никогда не удалось бы схватить таких искусных

охотников, какими были мой дед и мой отец!

Хозяйка только улыбнулась, пожав плечами. Она не стала больше возражать, зная, что бесполезно спорить с мужем, который никогда не согласится с ее взглядами на рискованное ремесло тигреро. А старик, торжествуя, что за ним, как ему казалось, осталось последнее слово, не стал, однако, злоупотреблять своей победой. Лукаво улыбаясь, он принялся свертывать свою пахитоску. Луиза Санхес тем временем занялась приготовлениями к завтраку. Но, убирая комнату и накрывая на стол, она с замиравшим от тревоги сердцем чутко прислушивалась к малейшему шуму в лесу.

Где-то залаял Бухало; его лай, сначала глухой и отдаленный, с каждым мгновением звучал все громче и явственнее. Старик привстал со своего кресла, а Луиза Санхес бросилась к дверям и на пороге столкнулась с доньей Марианной, улыбающееся лицо которой, казалось, дышало свежестью полей.

— Добрый день, мать! Добрый день, отец! — произнесла она своим мелодичным голосом, целуя старика, нежно обнимавшего ее. — Ну, будет, будет, Бухало! — продолжала она, лаская пса, бурно выражавшего свой собачий восторг.

— Мать, попросите токайо отвести моего Негро в кораль; он вполне заслужил свою порцию овса.

Все это было сказано почти не переводя дыхания, с веселой игривостью, свойственной молодым девушкам.

— На этот раз, моя дорогая, придется мне вместо Мариано отвести Негро, — сказал старик, выходя из ранчо.

— Мать, — весело произнесла молодая девушка, — где же мой молочный брат?

— Он еще не вернулся, нинья.

— Не вернулся?! Не может быть!

— Теперь уж, верно, скоро будет… Так я надеюсь, — отвечала мать, подавляя тяжелый вздох.

Молодая девушка испытующе взглянула на нее.

— Что с вами, мать? — произнесла она, схватив за руку бедную женщину. — Что-нибудь случилось с ним?

— Сохрани боже, голубка! — воскликнула женщина, сложив молитвенно руки.

— Но вы встревожены, мать, вы что-то скрываете от меня! Что случилось, скажите!

— Ничего, дитя мое. Прости меня, ничего особенного не случилось, и я ничего не скрываю от тебя. Вот только…

— Только?

— Ну, коли ты требуешь, дорогая, я сознаюсь тебе: я очень волнуюсь, боюсь, как бы не приключилось с ним несчастья… От этих тигров всего можно ждать!

— Полно, мать, что за мысли! Мариано — искусный и бесстрашный охотник. Второго такого не сыщешь, пожалуй, на всем белом свете.

— Ах, нинья, ты говоришь то же, что и старик! И никто из вас не понимает, что станется со мной, если я потеряю сына!

— Как можете вы говорить так, мать! Мариано не грозит никакая опасность. Он запоздал немного и скоро появится. Вот увидите!

— Дай бог! Дай бог!

— Я так уверена в этом, что не сяду за стол без него.

— И тебе недолго придется ждать, дочка, — сказал старик, входя в дом.

— Едет?! — радостно воскликнула мать, украдкой смахивая слезу.

— Что я говорила вам! — весело подхватила девушка.

— Чу! Слышите, как скачет! — произнес старик с облегчением, сам свободно вздохнув при этом.

Обе женщины выбежали навстречу Мариано. На опушке леса показался всадник, мчавшийся во весь опор, с развевающимися на ветру волосами, с мужественным и энергичным лицом, разгоревшимся от быстрой езды. Рядом с конем бежала собака, великолепная помесь волка с

ньюфаундлендом — с мощной грудью и огромной мордой. Не отставая от лошади, пес то и дело поглядывал на нее своими умными и выразительными глазами.

— Vivo dios, дорогая токайя! — воскликнул Мариано, одним прыжком соскакивая с коня. — Как я счастлив, что застал вас! Я так боялся опоздать!.. Бигот, — крикнул он, бросая поводья собаке, подхватившей их зубами на лету, — отведи-ка лошадь в кораль!

Собака послушно направилась к загону, ведя коня в поводу. Мариано и обе женщины вошли в дом, где сын прежде всего поздоровался с отцом, поцеловав его в лоб и пожав ему руку. Потом подошел к матери и нежно обнял ее.

— Почему так запоздал, жестокий? — выговаривала ему мать.

— Не слушай ее, мальчик! — воскликнул старик. — Она совсем помешалась.

— Как не стыдно, отец! — вмешалась донья Марианна. — Лучше бы вы побранили Мариано. Я ведь тоже беспокоилась за него.

— Не сердитесь на меня, — отвечал молодой человек. — Мне никак нельзя было отлучиться раньше из лесу: я выслеживаю семью ягуаров.

— Это здешние ягуары?

— Нет, это бродячие звери; должно быть, их загнала сюда засуха. Тем они опаснее: не имея постоянного логова в наших краях, они охотятся где попало, там и сям, и следы их то и дело исчезают.

— Лишь бы только они не вздумали забраться и сюда поближе! — с тревогой заметила мать.

— Вряд ли, звери избегают близости человеческого жилья, Но все же будет благоразумнее, донья Марианна, если вы на некоторое время ограничите свои прогулки и не будете слишком углубляться в лес.

— А чего мне, собственно, бояться?

— Да, пожалуй, нечего; серьезных оснований для тревоги пока еще нет. Но лучше все же соблюдать осторожность: мы еще так мало знаем о повадках хищников, особенно пришлых хищников.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась девушка. — Вы просто хотите напугать меня, Мариано!

— Ничуть. Впрочем, мы с Биготом проводим вас до самой асиенды.

Собака, вернувшаяся из кораля, услышав свою кличку, завиляла хвостом.

— Ни в коем случае! — отвечала Марианна, запустив свои тонкие пальцы в шелковистую

шерсть собаки и трепля ее за уши. — Оставьте Бигота в покое. Я приехала сюда одна и уеду одна. И если только тигры не засели в засаду где-нибудь на моей дороге, пусть-ка попробуют они настигнуть моего Негро!

— Но послушайте, нинья… — начал было снова Мариано.

— Ни слова больше на эту тему, прошу вас! Я буквально умираю от голода. Мне кажется, что даже этим ягуарам, явись они сюда, не удастся лишить меня аппетита.

XX. Заблудилась

Сели за стол; завтрак вопреки стараниям доньи Марианны развеселить всех протекал в атмосфере натянутости и недомолвок.

Тигреро злился на свою молочную сестру за отказ взять его в провожатые. По существу, он только намекнул ей на возможность встречи с ягуарами при возвращении ее в асиенду; а ведь на самом деле опасность была куда более серьезной, чем он дал ей понять.

Воспользуемся случаем, чтобы в нескольких словах рассказать о ягуарах. Малоизвестные в Европе, эти хищники являются настоящим бичом

Мексики. Индейцы и белые Северной Америки страшатся их более, нежели арабы боятся африканского льва. После льва и тигра ягуар — самый крупный зверь кошачьей породы. Кювье[74] называет его большой дикой кошкой. Ягуара называют также американским тигром, а иногда пантерой. Ростом и сложением своим ягуар достигает огромных размеров: длина его корпуса доходит до двух метров и двадцати сантиметров (из них семьдесят сантиметров приходится на хвост); рост его равен восьмидесяти сантиметрам. Ягуар замечательно красивый зверь. Его рыжая шерсть у самой головы расписана под мрамор, а на шее и по бокам разрисована черными почти округлыми мазками. Брюхо и ноги ягуара покрыты белой шерстью, также украшенной черными пятнами самых причудливых очертаний.

Редко какое животное в силах уйти от ягуара. Он неутомимо преследует лошадей, быков и бизонов и на всем скаку овладевает своей жертвой. Он не задумываясь бросается в воду и ныряет за рыбой, до которой ягуар большой охотник, вступает в бой с крокодилом и пожирает выдру. Мало того, он воюет не на жизнь, а на смерть с

[74] Примечания: 74

Кювье Жорж (1769– 1832) — основатель палеонтологии, науки о вымерших ныне ископаемых животных и исчезнувших растениях.

обезьянами, и не без успеха, ибо благодаря своей ловкости и цепкости он взбирается на вершины деревьев, достигающих высоты шестидесяти метров, и даже тех, кроны которых находятся почти на такой же высоте.

Как и все хищники, ягуар старается держаться подальше от человека. Впрочем, доведенный до отчаяния голодом или преследованием охотника, ягуар, не помышляя больше о бегстве, храбро вступает в отчаянный бой и с человеком.

Вот уже добрых десять дней, как наш тигреро выслеживал этих хищников и все еще никак не мог добраться до них. Судя последам, их было четверо: самец, самка и двое детенышей.

Теперь понятно, почему мысль о страшной опасности, грозившей донье Марианне на обратном пути в асиенду, приводила в такой ужас молодого тигреро. Но, слишком хорошо зная донью Марианну и не надеясь поэтому переубедить ее, он не возобновлял разговора на эту тему. Мариано решил незаметно следовать за ней на почтительном расстоянии, чтобы в случае опасности подоспеть к ней на помощь.

А донья Марианна, заметив, что все словно нарочно молчат о ягуарах, сама снова заговорила о них. Она закидала своего молочного брата во-

просами: допытывалась, как и когда появились они в этой местности, интересовалась бедами, которые они успели натворить, требовала подробностей о том, как думает он справиться с ними. Тигреро отвечал с неизменной вежливостью, но ограничивался скупыми ответами, не поддаваясь великому соблазну всех охотников рассказывать о своих охотничьих похождениях. Сдержанность тигреро в разговоре на тему, которой он сам только что придавал серьезное значение, невольно рассердила донью Марианну. Она начала подтрунивать над своим тезкой и в конце концов насмешливо заявила ему, что, по ее убеждению, никаких ягуаров вообще не существует; очевидно, он сам их выдумал только для того, чтобы посмеяться над ней.

Мариано отнесся добродушно к ее шуткам и даже признал, что не к чему нагонять на всех так много страха, а затем, желая переменить тему разговора, снял со стены гитару и начал бренчать какой-то танец.

Так в песнях, в разговорах и в смехе незаметно прошло несколько часов. Марианне пора было ехать. Тигреро отправился в кораль, оседлал лошадь молочной сестры, а заодно и своего коня.

— Однако вы долго возились в корале, Мариа-

но! — смеялась молодая девушка, когда он подвел ее коня. — Уж не нашли ли вы там каких-нибудь новых подозрительных следов?

— Нет, нинья, но так как мне тоже надо ехать, то я заодно с вашей лошадью оседлал и свою.

— Собираетесь снова поохотиться на ваших воображаемых ягуаров? — иронически спросила Марианна.

— Ничего не поделаешь, надо!

— Только, ради бога, не промахнитесь! — с деланным ужасом воскликнула она.

— Постараюсь, хотя бы потому, что я намерен преподнести вам шкуры этих ягуаров. Надеюсь, этот подарок убедит вас в том, что они существуют не только а моем воображении.

— Благодарю за доброе намерение, токайо, но не мешает вспомнить поговорку: «не следует делить шкуру неубитого ягуара».

— Ладно, ладно! Скоро мы узнаем, кто прав, кто виноват. Расцеловав на прощанье старика и свою кормилицу, Марианна весело вскочила в седло и протянула руку Мариано.

— Не сердитесь, Мариано, — сказала она, наклонившись к нему. — Вам не по пути со мной?

— Собственно говоря, да.

— Так почему бы нам не поехать вместе?

— Боюсь, как бы вы не заподозрили меня в том, что я собираюсь охранять вас.

— Ба, ба! Я и забыла! Тогда до завтра. Счастливой охоты!.. Вперед, Негро! — И, махнув напоследок рукой своей кормилице, Марианна пустила лошадь в галоп.

Тигреро с минуту провожал ее глазами. Проследив направление, по которому она умчалась, Мариано вошел в дом, снял со стены свое ружье и зарядил его с тщательностью, присущей охотникам, когда они знают, что их жизнь зависит от меткого выстрела.

— Неужели в самом деле едешь? — спросила с беспокойством мать.

— Да, и сейчас же.

— Куда собрался?

— Проводить донью Марианну в асиенду.

— Это ты хорошо надумал. Ей грозит опасность?

— Собственно говоря, нет. Но отсюда не очень близко до асиенды, и бравос, говорят, неспокойны, да и граница не так уж далека от нас. Всякое может случиться.

— Хорошо сказано, мальчик! Наша детка напрасно разгуливает одна по лесам.

— Поезжай скорее, сынок! — заторопил сына

старик. — Долго ли до беды! Бедная девочка! Ты напрасно все же не настоял на своем: надобно было поехать вместе с нею.

— Она ни за что не согласилась бы, отец; разве не знаешь ее?

— И то верно. Как только увижу дона Руиса, скажу ему, ятобы он запретил сестре прогуливаться одной. Не такое теперь время.

Но Мариано уже не слышал отца; вскочив на коня, он в сопровождения своего пса во весь опор помчался догонять донью Марианну.

Было пять часов пополудни, когда донья Марианна, удалившись довольно далеко от ранчо, перевела своего коня с галопа на спокойную рысь. Вечерний ветерок нежно покачивал деревья, чуть пригибая к земле их мохнатые зеленые шапки. Гаснущее солнце красноватым шаром низко, словно касаясь земли, повисло на небосклоне. Пахнуло свежестью; воздух был напоен чудесными ароматами цветов и растений. Лес огласился мелодичным пением птиц; вырвавшись из оцепенения, навеянного жарой, они радостно щебетали на каждой ветке. Марианна отдалась опьяняющей красоте природы. Незаметно для самой себя она, постепенно теряя ощущение местности и окружающих ее предме-

тов, погрузилась в какое-то полузабытье, полное неясных грез.

О чем думала девушка? Вероятно, она сама не могла бы сказать. Она просто и безотчетно поддалась очарованию чудесных сумерек.

Прежде чем выехать в открытую степь, донье Марианне надо было проехать довольно большой участок леса. Она столько раз проделывала этот путь в любое время дня и была так уверена, что ей не грозит никакая опасность, что, отдавшись своим мечтам, бросила поводья на шею коня.

Сумерки в лесу между тем сгущались, смолкло пение птиц, прикорнувших на ночь в листве; солнце закатилось, один за другим тускнели и гасли красные блики на небосклоне. Ветер крепчал, и ветви, раскачиваясь, жалобно и протяжно стонали. Небо темнело, ночь быстро спускалась на землю. Из лесной чащи донеслось первое пронзительное завывание волков; затем ночную тишину нарушило многоголосое глухое рычание, оповещая обитателей леса, что хищники вышли на охоту.

Внезапно все огласилось протяжным и в то же время звучным ревом, отдаленно напоминающим мяуканье кошки. Зловещее эхо его, зазвенев у самых ушей молодой девушки, вывело донью

Марианну из ее мечтательной задумчивости. Молодая девушка задрожала от испуга. Ее лошадь, предоставленная самой себе, шла куда глаза глядят, и донья Марианна очутилась в совершенно незнакомой ей местности; короче говоря, она заблудилась.

Заблудиться в американском лесу — значит погибнуть.

Леса здесь состоят из деревьев одной и той же породы; человеку, не обладающему чудесным уменьем индейцев и охотников ориентироваться среди самой непроходимой чащи, совершенно невозможно выбраться отсюда. Куда ни взглянешь, всюду нескончаемые зеленые своды; их утомительное однообразие нарушается лишь тропами, проложенными хищными зверями. Этот сложный лабиринт пересекающихся и переплетающихся между собой тропинок в конце концов приводит к неведомому водоему, безымянной речке, неприхотливо и задумчиво протекающей среди густых кустарников. Место, в котором очутилась донья Марианна, было одно из самых диких в лесу. Здесь тесной толпой росли деревья невиданной толщины и вышины. Они образовали непроницаемую стену, почти прижимаясь друг к другу и переплетаясь между собой лиана-

ми, неисчислимые поросли которых вырывались отовсюду. С их ветвей свешивались фестонами, зачастую до земли, сероватые мхи, называемые здесь «испанской бородой». Густой покров прямой и высокой травы свидетельствовал о том, что здесь еще не ступала нога человека.

Чувство непреодолимого страха овладело девушкой. Мгновенно вспомнились ей рассказы молочного брата о ягуарах; ужас, навеянный этими воспоминаниями, возрастал от обступившего ее мрака и доносившегося со всех сторон зловещего рыка. Тут только трепещущая и побледневшая донья Марианна поняла, куда завело ее собственное легкомыслие. Взывая о помощи, она крикнула изо всех сил, но голос ее замер где-то в лесу. Ее окружала ночь, она была одна, затерявшаяся в диком лесном безлюдье.

Донья Марианна попыталась было вернуться назад. Но уже исчезла стежка, которую по дороге сюда протоптала ее лошадь; примятая копытами трава успела выпрямиться.

Кругом была непроглядная тьма, в четырех шагах не было видно ни зги, и девушке стало ясно, что всякая попытка найти дорогу только заведет ее в еще большую глушь.

Мужчина, очутившийся в таком положении,

нашел бы какой-нибудь выход. Он развел бы костер, который защитил бы его от холода и держал бы на почтительном отдалении зверей; на случай нападения он мог бы пустить в ход огнестрельное оружие. У доньи Марианны нечем было развести огонь; у нее не было и оружия, которым, впрочем, она вряд ли могла бы воспользоваться. А впереди долгая ночь, сулившая ей гибель. Как упрекала она себя за свою легкомысленную самоуверенность! Но жаловаться было поздно, приходилось покориться судьбе.

В первый момент, когда донья Марианна поняла, что бесповоротно погибла, ею овладело глубокое отчаяние — сказалась присущая женщинам слабость. Но постепенно наступила реакция. Донья Марианна была верующей, и прежде всего она, сойдя с коня, опустилась на колени и прочитала молитву. Поднялась она совсем успокоенной, а главное, сильной. Конь, поводья которого она не выпускала из рук, неподвижно стоял рядом с ней. Марианна ласково потрепала рукой благородное животное, этого последнего оставшегося с ней друга. Затем, повинуясь какому-то безотчетному внушению, она расстегнула все пряжки подпруги, в кровь расцарапав при этом свои прелестные, но неумелые руки.

— Милый Негро, — печально проговорила она, снимая с него уздечку и седло, — я не хочу, чтобы ты поплатился жизнью за мою ошибку. Возвращаю тебе свободу. Может быть, верный инстинкт животного поможет тебе найти дорогу и спастись. Ступай же, мой добрый друг! Вперед! Ты свободен.

Лошадь весело заржала и, сделав гигантский скачок, исчезла в темноте.

Донья Марианна осталась одна, теперь уже совсем одна.

XXI. Твердая Рука

Трудно себе представить, какие ужасы таит в себе ночная мгла в американских лесах. Даже в полдень солнце не в силах прорваться сквозь этот гигантский зеленый шатер. Днем здесь все погружено в неясный полумрак, а ночью тьма становится такой густой, что, кажется, ее можно прощупать руками. Нигде ни малейшего просвета в этом хаосе, лишь изредка в чаще кустарника зловеще блеснут зрачки какого-нибудь хищного зверя. Они мелькали все чаще и чаще, появлялись и там и сям. Значит, грозные обитатели леса выползли уже из своих логовищ, готовясь

под покровом воцарившейся в лесу ночи справлять свои кровавые тризны. Отовсюду — из-за каждого бугорка, из каждой лощинки — неслись неясные шумы, не имеющие названия на человеческом языке: одни — звучные и пронзительные, другие — басовитые и урчащие, третьи — напоминающие мурлыканье, четвертые — звучащие, как дьявольский смех, — и все это сливалось в сплошной, наводящий ужас концерт. Потом в этот гомон ворвалась чья-то тяжелая поступь и вслед за тем хлопанье крыльев вспугнутых птиц. И ни на минуту не умолкало шуршание, какое-то неясное и непрестанное копошение бесконечно малых существ. Это было дыхание природы, занятой своей непостижимой алхимией.

Провести ночь в лесу без огня и оружия — дело достаточно страшное и для мужчины; такая ночь превращается в непередаваемый кошмар для женщины, особенно для такого хрупкого и изнеженного существа, каким была донья Марианна. Выросшая взаперти, она не способна была ничего предпринять для самозащиты. Наклонившись в ту сторону, куда умчалась ее лошадь, донья Марианна напряженно прислушивалась к удалявшемуся топоту копыт. Эти знакомые звуки были для нее своего рода связью с жизнью; пока

они доносились до ее ушей, в сердце девушки теплилась надежда. Но когда они замерли в отдалении и могильная тишина снова нависла над ней, Марианна задрожала и, опустившись почти без чувств на землю, прислонилась к дереву, ни о чем больше не думая, ни на что больше не надеясь. Да и на что она могла надеяться в этой зеленой могиле, которая при всей своей необъятности накрепко захлопнулась над ней, не оставляя ни малейшей лазейки в жизнь?

Сколько времени находилась она в этом состоянии полнейшей душевной прострации? Час? А может быть, одну минуту? Этого она сама не знала.

Человеку, потерявшему надежду, кажется, что время остановилось: минута тянется, как век, а час — как вечность.

Внезапно какой-то шум, неясный как дыхание, поразил ее слух. С каждой минутой он нарастал с необычайной силой. Ошибиться было невозможно: Марианна тотчас догадалась, что это возвращался обезумевший от ужаса Негро.

Сердце доньи Марианны похолодело от страха: она понимала, что только преследование диких зверей могло заставить Негро вернуться в эту глушь. Страшная действительность не замедлила

оправдать ее догадку. Послышалось жалобное ржание лошади, которому, точно замогильное эхо, вторил в два голоса пронзительный и грозный рык.

В следующую минуту девушка словно во сне увидела силуэт коня, бешеным галопом промчавшегося мимо нее; за ним молнией мелькнули две страшные тени, а еще через мгновение снова донеслось надрывающее душу ржание, прерванное торжествующим рычанием.

Как ни ужасно было ее собственное положение, донья Марианна не могла удержать слезы, медленно скатившиеся по ее лицу. Ее лошадь пала, она услышала ее предсмертный хрип. Она потеряла последнего товарища; свобода, которую она дала Негро, оказалась для него роковой. Странно, что в этот страшный миг ей и в голову не приходила мысль, что, может быть, всего несколько минут отделяют ее собственную гибель от гибели лошади, что смерть коня является как бы грозным предвестником ожидающей ее участи.

Донья Марианна оцепенела; будь даже у нее в эту минуту под рукой какое-нибудь верное средство спасения, она не могла бы воспользоваться им: все в ней погасло, даже сам инстинкт самосохранения — чувство, которое обычно продолжает

жить даже тогда, когда немеют все остальные чувства живого существа.

К счастью для молодой девушки, ветер дул в сторону от ягуаров; к тому же они лизнули крови, и чутье их притупилось. Эти два обстоятельства, вместе взятые, и отодвинули на время ее последний час.

Звери были полностью поглощены своим занятием; слышался только хруст лошадиных костей, крошившихся на зубах хищников, да их довольное мурлыканье, изредка прерываемое грозным урчанием, когда один из зверей покушался на лакомый кусок другого.

Сомнений больше не было: звери, справлявшие свой кровавый пир, были теми самыми ягуарами, за которыми так долго охотился тигреро Мариано. Злосчастная звезда доньи Марианны привела ее к ним.

Мало-помалу донья Марианна не то чтобы свыклась с опасностью, нависшей над ее головой (ибо привыкнуть к ней было немыслимо), но в силу закона, по которому всякое явление, достигнув своей кульминационной точки, должно неизбежно убывать, страх, хотя и не покидавший девушку, вызвал в ней новое, непонятное чувство. Ее вдруг невольно потянуло к этим

зверям. В полуобморочном состоянии, вытянув шею, наклонившись вперед, она жадно впилась широко открытыми глазами в черные силуэты копошившихся во тьме зверей, с безотчетным интересом следя за их малейшими движениями и испытывая какое-то горькое любопытство, от которого ее бросало то в жар, то в холод.

Вдруг ягуары, с остервенением пожиравшие свою добычу, подняли головы и стали обнюхивать воздух. Вслед за тем их глаза, горящие как раскаленные угли, уставились на донью Марианну. Она поняла, что погибла безвозвратно, и приготовилась к смерти. Инстинктивно она закрыла глаза, чтобы избежать одурманивающей притягательной силы металлического блеска их глаз.

Ягуары, однако, не двинулись с места. Удобно рассевшись на останках коня и не спуская глаз с доньи Марианны, они почесывались, чистились и облизывались — словом, занялись своим туалетом. Их громкое мурлыканье говорило о том, что они довольны сытным ужином и предвкушают удовольствие от предстоящей новой поживы.

Внезапно что-то встревожило зверей: они стали усиленно бить по земле своими могучими хвостами, то и дело прислушиваясь, осматриваясь

по сторонам и обнюхивая воздух. Повидимому, они учуяли какую-то опасность и старались определить, где она таится и в чем она заключается.

Что же касается доньи Марианны, то звери были уверены, что она не уйдет от них, и не считали даже нужным приблизиться к ней хотя бы на шаг.

Но вот самец, не трогаясь с места, коротко, но пронзительно рявкнул. Самка вскочила и побежала к двум детенышам, которые сладко спали, свернувшись в клубок. Схватив зубами одного из них, она одним прыжком скрылась в кустарнике; почти мгновенно она появилась снова, схватила второго и, утащив его туда же, вернулась к самцу и спокойно и решительно стала рядом с ним. Теперь, когда детеныши были спрятаны в безопасном месте, она готова была принять бой наравне с главой семейства.

Но в это мгновение в ночном мраке блеснула короткая вспышка, грянул выстрел, и самец с глухим предсмертным хрипом повалился на траву.

Почти одновременно с того самого дерева, к подножию которого прислонилась донья Марианна, свалился человек, но, упав, успел все же подняться и заслонить собою девушку. Человек этот отважно принял на себя прыжок самки, при

звуке выстрела инстинктивно ринувшейся на Марианну. Человек зашатался, но удержался на ногах. Завязалась отчаянная, но короткая борьба. Не прошло и минуты, как самка ягуара замертво свалилась на землю, страшно и протяжно зарычав напоследок.

— Гм, — произнес охотник, стирая травой кровь ягуара со своего длинного мачете. — Кажется, я чуть было не опоздал. Но все обошлось благополучно. Остается покончить только с детенышами — нет смысла щадить ни одного представителя этой звериной семейки.

С этими словами он, не задумываясь, направился к тому самому месту, куда самка утащила своих детенышей, и смело нырнул в кустарник. Казалось, он был наделен вторым зрением, позволявшим ему видеть в темноте. Через минуту он уже вернулся, влача за собой двух маленьких ягуаров. С размаху он размозжил им головы о ствол дерева и швырнул их мертвые тела на трупы самца и самки.

— Хорошенькая получилась бойня! — пробормотал он. — И за каким только дьяволом гоняется этот тигреро дона Фернандо, вынуждая меня делать его работу!

Впрочем, охотник не терял времени на празд-

ные причитания. Бормоча себе под нос, он успел собрать валежник для костра, высек искру из своего огнива, и через несколько минут к небу взвился длинный огненный сноп.

Покончив с этим делом, охотник поспешил на помощь к донье Марианне. Она лежала без чувств.

— Бедное дитя, — прошептал он, поднимая ее на руки и перенося к огню. — И как только она не умерла от страха! Охотник бережно опустил девушку на приготовленное ложе из мягкого мха. Лицо его затеплилось тихой радостью, когда он, забывшись, с минуту любовался ею.

«Нельзя же оставлять ее в таком состоянии!» — думал он, с нежным состраданием глядя на девушку.

Опустившись на колени, он бережно приподнял и прислонил ее голову к своему колену и, разжав кинжалом стиснутые зубы, влил ей в рот несколько капель каталонской водки. Действие этого лекарства сказалось немедленно: нервная дрожь пробежала по телу девушки; донья Марианна глубоко вздохнула и открыла глаза.

Несколько минут ее взгляд блуждал по сторонам; но постепенно окаменевшее лицо приобретало осмысленное выражение; еще мгновение

— и глаза девушки с выражением бесконечной благодарности остановились на своем спасителе.

— Твердая Рука! — прошептала она, и сердце охотника забилось от радости.

— Так вы узнали меня, сеньорита?

— Как могу я не узнать человека, который оказывается со мной рядом всякий раз, когда мне грозит смертельная опасность?

— О сеньорита… — смущенно пролепетал он.

— Благодарю вас, благодарю, мой спаситель! — продолжала она, схватив его руку и прижав ее к своему сердцу. — Если бы не вы, на этот раз я бы наверняка погибла!

— Да, я, действительно, поспел вовремя, — просияв от счастья, произнес охотник.

— Но каким образом вы очутились здесь? — спросила донья Марианна.

При этом она непринужденно уселась и, повинуясь женскому инстинкту, кокетливо завернулась в свой плащ.

Этот вполне естественный вопрос вогнал охотника в краску.

— Все объясняется очень просто, — ответил он наконец. — Охотясь в этих краях, я обнаружил следы семьи ягуаров, и сам не знаю почему,

но у меня возникло непреодолимое желание уничтожить их. Теперь я понимаю: это было предчувствие. Сегодня я весь день шел по их следам. Однако к вечеру убедился, что хищникам удалось запутать свои следы. Я потерял ягуаров из виду и, вероятно, потерял бы их окончательно, если бы меня не навел на след ваш Негро.

— Мой Негро? Но откуда вы знаете его имя?

— Разве вы забыли, что я подарил вам эту лошадь в первую же нашу встречу?

— Верно! — прошептала она, невольно опуская глаза под страстным взглядом охотника.

— Я случайно увидел вас сегодня утром, когда вы направлялись в ранчо семьи Санхес.

— Вот как! — воскликнула она.

— Мариано Санхес — мой друг, — добавил он в пояснение своих слов.

— Продолжайте.

— Так вот, увидев вашу лошадь, которую я тотчас же узнал, я понял, что вы попали в беду, и погнался за ней. Как раз в этот момент ягуары учуяли Негро и ринулись в погоню за ним. Этот лес мне хорошо знаком, но, к сожалению, я не умею бегать так же быстро, как четвероногие. К счастью, ягуаров терзал голод, и они занялись злополучным Негро. Не случись этого, я бы не

поспел вовремя.

— Но зачем вы прыгнули с дерева?

— Я знал, что после моего выстрела второй ягуар мгновенно бросится на вас.

— Да ведь этот страшный зверь мог растерзать вас! — воскликнула девушка, невольно охваченная дрожью при мысли об ожидавшей ее участи, от которой она избавилась чудом.

— Весьма возможно… Но я отдал бы с радостью свою жизнь за вас! — произнес он с чувством, в значении которого невозможно было усомниться.

Наступило неловкое молчание. Она, покраснев, стыдливо опустила голову и задумалась. Он, испугавшись, что оскорбил ее, не знал, как снова заговорить с ней.

Молчание прервала донья Марианна.

— Еще раз благодарю вас, — произнесла она, протягивая ему руку. — Вы не задумались броситься навстречу смерти, чтобы спасти меня, едва знакомую вам девушку. Вы благородный человек! Я навеки сохраню в своем сердце признательность к вам.

— Я слишком щедро вознагражден этими словами, сеньорита, чтобы просить вас еще об одной милости. А между тем я нуждаюсь в ней и буду

бесконечно счастлив, если вы окажете ее мне.

— Говорите, говорите же скорей! С минуту Твердая Рука испытующе смотрел на Марианну и, наконец решившись, сказал:

— Дело в том, сеньорита, что вы должны дать мне одно обещание.

— Я слушаю вас.

— Если когда-либо, по какому-нибудь случаю, который нам обоим трудно сейчас предвидеть, вам понадобится помощь или совет друга, вы должны обещать мне, что ничего не предпримете, прежде чем не увидите меня и не расскажете мне без утайки, что заставило вас прибегнуть ко мне.

Донья Марианна на минуту задумалась. Охотник внимательно следил за выражением ее лица.

— Хорошо, я согласна и клянусь поступить так, как вы мне советуете, — твердо произнесла она. — Но как же я найду вас?

— Я уж говорил вам, сеньорита, что ваш молочный брат, Мариано, — мой друг. Вы попросите его проводить вас ко мне, и он это сделает. Или известите меня через него, куда я должен явиться для свидания с вами.

— Хорошо.

— И вы сдержите свое слово?

— Разве я не поклялась вам?

Внезапно из чащи донесся шум. Расстроенному воображению Марианны показалось, что это мчится какой-то хищник. Вздрогнув, она инстинктивно прижалась к Твердой Руке.

— Не бойтесь, сеньорита, — сказал он. — Разве не слышите? Это друг.

В то же мгновение из кустов выбежала собака тигреро, Бигот. Пока пес бурно выражал свой восторг, показался и сам тигреро.

— Благодарение богу! — радостно воскликнул Мариано. — Она спасена!

Крепко пожав затем руку охотнику, он добавил: — Благодарю, брат мой! Считай меня своим должником.

XXII. Возвращение

Как же случилось, что Мариано, выехавший из ранчо почти следом за доньей Марианной, так долго не находил ее?

Дело в том, что тигреро и в голову не приходила мысль, чтобы его молочная сестра, отлично знакомая с дорогой, могла сбиться с пути. Поэтому, не присматриваясь к следам ее коня, Мариано взял

напрямик, миновал лес и выехал в степь в полной уверенности, что она едет где-то впереди.

Только подъехав к пашням, Мариано стал напряженно вглядываться в даль. Он недоумевал, как могла она опередить его на такое расстояние. Однако доньи Марианны нигде не было видно.

Мариано встревожился. Его несколько успокаивало предположение, что молочную сестру скрывали от его взора мощные дубы видневшейся вдали рощи. Тигреро продолжал путь, прибавив только рыси коню, хотя тот и без того шел резвым аллюром.

Прошло немало времени, прежде чем Мариано миновал рощу. Когда он выехал на ее опушку, солнце уже закатилось. В густой тьме, спускавшейся на землю, трудно было увидеть что-либо даже на незначительном расстоянии. Тигреро остановил лошадь, соскочил на землю и, припав к ней ухом, стал прислушиваться. Его чуткое ухо уловило далекий шум, напоминающий конский топот. Очевидно, донья Марианна опередила его. Тревога тигреро мгновенно улеглась; он снова помчался вперед. Когда Мариано добрался до подножия горы, на которой высился замок дель Торо, он остановился, мысленно спрашивая себя: стоит ли ему подниматься до самых ворот замка

или же считать свою миссию выполненной и вернуться в ранчо?

Прежде чем он успел принять решение, показался силуэт всадника, спускающегося по тропе к нему навстречу.

— Добрый вечер, кабальеро! — обратился тигреро к всаднику, когда тот поравнялся с ним.

— Господь да пребудет с вами, — вежливо ответил всадник и проехал было мимо, но, спохватившись, скоро вернулся. — Так и есть, я не ошибся! — воскликнул всадник. — Как поживаете, сеньор Мариано?

— Благодарю вас, отлично; а вы, сеньор Паредес? — отвечал Мариано, узнав управителя.

— Благодарю, хорошо. Вы куда? В асиенду или в ранчо?

— А почему это вас интересует?

— Если в асиенду, я сказал бы вам «прощайте»; если на ранчо, мы могли бы поехать вместе.

— Вы едете на ранчо?

— Да, по распоряжению его светлости, маркиза.

— Извините за нескромность, сеньор Паредес: что вы собираетесь делать там так поздно?

— Охотно прощаю, приятель. Я просто еду за доньей Марианной. Она загостилась сегодня

позже обычного у своей кормилицы, и маркиз обеспокоен этим долгим отсутствием.

Эти слова как громом поразили юношу; ему даже показалось, что он ослышался.

— Как! — воскликнул озадаченный тигреро. — Донья Марианна еще не вернулась?

— Как видите, — ответил Паредес, — иначе меня не послали бы за ней.

— Не может быть!

— А почему? — в свою очередь встревожился Паредес.

— Потому что донья Марианна три часа назад покинул ранчо; потому что я выехал вслед за нею, чтобы издалека сопровождать и охранять ее; правда, я потерял ее из виду, но, по самым скромным подсчетам, она должна была уже с полчаса назад прибыть в замок.

— О боже, смилуйся над несчастной! — воскликнул управитель. — Не иначе как она попала в беду.

— Но, может быть, вы просто не заметили ее возвращения?

— Нет, это невозможно. Впрочем, поднимемся в замок; там мы окончательно убедимся.

Не мешкая оба всадника понеслись галопом.

В замке никто не видел донью Марианну.

Немедленно подняли тревогу. Дон Фернандо порывался сам сесть на коня и выехать во главе своих пеонов на поиски дочери. Дону Руису и Паредесу стоидо немалого труда уговорить его отказаться от этой мысли.

Пеоны, высланные на поиски, разбились на две партии и поехали в разные стороны; во главе одной партии находился Паредес, другую возглавлял дон Руис. Все ехали с зажженными брусками сосны, которые здесь используются для факелов.

У тигреро был свой план поисков. Он не разделял мнения многих обитателей замка, что донью Марианну похитили бродячие индейцы, потому что не приметил на своем пути никаких следов всадников. Да и Бигот не обнаруживал по дороге в асиенду никаких признаков беспокойства.

Значит, донья Марианна заблудилась в лесу. Тигреро пропустил вперед дона Руиса и Паредеса с пеонами, а сам поехал по направлению к ранчо; миновав дубовую рощу и доехав до леса, он остановился на опушке и соскочил наземь; затем, привязав поводья мустанга к луке седла, чтобы они не ранили лошадь, Мариано ласково похлопал ее по крупу.

— Ступай, дружище! — сказал он. — Возвращайся в ранчо, сегодня я не нуждаюсь в тебе больше.

Конь повернул к нему свою изящную голову с умными глазами и, весело заржав, пустился вскачь по дороге домой

Мариано, тщательно проверив свое ружье, засыпал в него свежего пороху и при свете факела стал пытливо осматривать землю. А Бигот, важно рассевшись на задних лапах, с любопытством наблюдал за ним, стараясь вникнуть в смысл такого необычайного занятия своего хозяина.

После довольно продолжительных поисков тигреро выпрямился и свистнул собаку. Судя по сиявшему лицу Мариано, он нашел то, что искал.

— Ну-ка, Бигот, разнюхай хорошенько эти следы! Это следы лошади доньи Марианны. Понял?

Умный пес принялся усердно разнюхивать. Потом, уставившись на тигреро своими блестящими, почти человечьими глазами, завилял хвостом и радостно залаял.

— Хорошо, Бигот, хорошо, мой умный пес! — сказал тигреро, лаская собаку. — Ну, теперь вперед по этому следу! Вперед! Вперед!

С минуту Бигот раздумывал; потом не отрывая морды от земли пошел по следу. Его хозяин, погасив факел, надобность в котором отпала, следовал за ним по пятам.

Собака безошибочно петляла по следам коня доньи Марианны. И все же тигреро понадобилось немало времени, чтобы добраться таким образом до лесной глуши, в которой разыгралась страшная, описанная выше сцена.

— Когда я услыхал ваш выстрел. Твердая Рука, — закончил свой рассказ тигреро, — и вслед за ним рычание тигра, я понял, что здесь происходит нешуточная борьба. У меня сердце похолодело при мысли, что зверь может одолеть человека... Ну как, токайя, — обратился он к донье Марианне, — вы теперь верите в существование ягуаров?

— Замолчите, ради бога, Мариано! Я чуть не умерла от страха, когда эти ужасные звери вперили в меня свои глаза. Я наверняка погибла бы, не помоги мне этот мужественный и великодушный человек!

— Мужественный и великодушный! Это вы хорошо сказали! — с нескрываемым восхищением подтвердил тигреро. — Твердая Рука мог бы по праву называться Добрым Сердцем. Нет человека более, чем он, готового прийти на помощь людям в беде.

Донья Марианна с затаенным восторгом прислушивалась к словам тигреро. Твердая Рука, напротив, чувствовал себя неловко: его коробило

от этих разговоров о самом, казалось бы, простом и естественном поступке.

— Послушайте, Мариано, — поспешил он перевести разговор на другую тему, — нельзя же нам вечно оставаться здесь! Не забывайте, что, пока мы тут спокойно беседуем у огонька, отец и брат сеньориты носятся по прерии в смертельной тревоге. Пора подумать о том, как бы нам поскорей выбраться отсюда.

— Карай! Это сама истина! — отозвался тигреро. — Но как нам быть? Лошади у нас нет. А о том, чтобы заставить сеньориту проделать на ногах такой большой путь, не может быть и речи.

— Успокойтесь, друзья мои! — воскликнула донья Марианна. — С двумя такими ангелами-хранителями я решусь на какое угодно путешествие.

— Нет, сеньорита, — мягко, но властно произнес Твердая Рука. — У вас хватит мужества, но не хватит сил. Придется вам подчиниться и положиться на опытность охотников…

— Хорошо, — ответила она, — поступайте как знаете. Сегодня я пренебрегла советом моего друга и понесла заслуженное наказание. Право, у меня нет никакой охоты повторить все сначала.

— Отлично сказано! — весело воскликнул тиг-

реро. — Ну так что же мы предпримем, Твердая Рука?

— А вот что. Пока вы будете сдирать шкуры со своих ягуаров, я…

— Позвольте, позвольте! — рассмеялся тигреро. — Это совсем не мои шкуры. Ягуаров уложили вы — следовательно, и шкуры ваши.

— Никаких разговоров! — улыбаясь, отвечал охотник. — Какой я тигреро! Все вышло случайно. Эти шкуры принадлежат вам, и только вам. Послушайте меня, возьмите их себе!

— Коли так, не стану перечить. Да! Я ведь обещал подарить эти шкуры донье Марианне на ковер. Прошу принять их, токайя!

— Принимаю, — произнесла она, бросив охотнику взгляд, от которого радостно забилось его сердце. — Эти шкуры будут постоянно напоминать мне о том, кто спас меня от ужасной смерти.

— Ладно, — сказал охотник, — одно дело улажено. Теперь, Мариано, ступайте снимать шкуры, а я тем временем нарублю немного сучьев, из которых мы смастерим носилки.

— Блестящая идея! — воскликнул тигреро.

Трапперы и охотники — ловкие, а главное, проворные ребята. В несколько минут тигреро

содрал шкуры с ягуаров, а Твердая Рука, ловко орудуя своим мачете, смастерил носилки. Аккуратно свернутые шкуры ягуаров были уложены и привязаны к спине Бигота. Бедный пес не очень, кажется, обрадовался этой ноше, но в конце концов добродушно примирился со своей участью. Твердая Рука набросал на носилки ворох листьев, а поверх них разостлал меховую седелку павшего Негро.

Уложив на это мягкое импровизированное ложе донью Марианну, оба охотника подняли носилки на свои сильные плечи и двинулись по направлению к асиенде. Впереди бежал Бигот; судя по его веселому лаю, он был в восторге от своей роли проводника.

Из предосторожности охотники шли с зажженными сосновыми факелами. И все же им нередко приходилось туго среди кромешной тьмы в этом дремучем лесу. Там и сям они наталкивались на такую непроходимую чащу, что приходилось двигаться в обход и шагать по пояс в воде. Они шли под оглушительный гомон и хлопанье крыльев многотысячных птичьих стай, вспугнутых светом факела. Мимо них то и дело проносились с испуганным ревом хищники, глаза которых зловеще горели в ночном мраке. Только теперь

донья Марианна осознала, как близка была она от гибели. И хотя опасность миновала и казалась теперь только страшным сном, при одном воспоминании о ней девушку бросало в нервную дрожь.

Твердая Рука, по-видимому, догадывался о том, что происходило в душе доньи Марианны. Обращаясь к ней, он поминутно отвлекал ее от мрачных мыслей. Они шли уже довольно много времени, а лесу, казалось, конца-краю не будет.

— Уж не сбились ли мы с пути? — спросила донья Марианна.

— Я охотно допускаю, — ответил Твердая Рука, — что даже мы с Мариано могли бы заплутаться в таких дебрях; но ведь нас ведет непогрешимый Бигот. Будьте уверены, сеньорита, что этот проводник никогда не даст нам заблудиться.

— Через десять минут, токайя, — добавил тигреро, — мы выйдем на дорогу, ведущую в асиенду.

Внезапно оба охотника, словно по уговору, остановились.

— Слышите? — сказал тигреро.

Девушка прислушалась: к ней явственно донеслись перекликающиеся вдали голоса.

— Вперед! Вперед! — скомандовал Твердая Рука. — Не следует оставлять долее в тревоге ваших

близких и родных. Они снова зашагали, а через десять минут, как и предсказал тигреро, они вышли на дорогу к асиенде.

И тут оба охотника стали протяжно и звонко аукать. В степи и в горах крик на таких высоких нотах разносится далеко и воспринимается как призыв к сбору.

Через мгновение весь лес, казалось, проснулся: со всех сторон неслись ответные крики, между деревьями замелькали пылающие факелы. Их огни с молниеносной быстротой стекались к тому месту, где находились охотники.

Послышался конский топот, из тьмы вырвались фигуры всадников. Они мчались во весь опор, размахивая факелами. Освещенные их красноватым пламенем, всадники напоминали легендарных ловчих из старинных германских баллад.

Пеоны, спешившись, тесной толпой радостно суетились вокруг носилок; вслед за ними примчался дон Руис, а за ним и Паредес.

Мы не станем задерживаться на описании радостной встречи брата и сестры.

— Брат мой, — после первых же объятий обратилась донья Марианна к дону Руису, — и сегодня я обязана жизнью тому, кто однажды спас нас

в прерии; если бы не он, не видать бы вам меня в живых!

— О да… быть бы беде… — подтвердил Мариано.

— Но где же он? — воскликнул дон Руис. — Мне не терпится поблагодарить его. Да где же он, в самом деле?

Но охотник исчез. Воспользовавшись суматохой первых минут встречи. Твердая Рука поставил на свое место одного из пеонов, а сам незаметно нырнул в кусты и бесследно скрылся.

— Опять это бегство! Но почему, почему? — прошептала донья Марианна. — Какой странный и загадочный человек! Может быть, он опасается слишком сильного проявления нашей благодарности?

И, склонив голову на грудь, она погрузилась в глубокую задумчивость.

XXIII. Случай

Бегство Твердой Руки жестоко уязвило дона Руиса. В этих постоянных и, как казалось дону Руису, преднамеренных исчезновениях охотника молодой человек усматривал подчеркнутое нежелание общаться с ним. Невольно напраши-

валась мысль, что за показной дикостью Твердой Руки скрывается затаенная неприязнь, а может быть, и какие-нибудь темные, далеко идущие замыслы. Но тайные мотивы этой неприязни были непонятны дону Руису. Ведь этот человек не задумываясь столько раз рисковал своей жизнью, чтобы помочь выбраться из беды ему и сестре! Эти мысли повергли дона Руиса на несколько минут в состояние крайней растерянности. Однако он ни словом не обмолвился о своих подозрениях. Когда пеоны, отправленные на поиски охотника, донесли, что Твердая Рука бесследно исчез, молодой человек лишь пожал плечами и подал знак к отправлению.

Возвращение доньи Марианны в асиенду превратилось в настоящее торжество. Пеоны с веселыми песнями и пляской толпились вокруг ее носилок, наперерыв сменяя друг друга; они всячески старались выразить свой восторг по поводу ее благополучного возвращения. Донья Марианна в свою очередь, преодолевая неимоверную усталость, старалась дать им понять, как трогает ее их ласка и любовь.

Маркиз, положительно не находивший себе места от беспокойства, вышел во двор встречать прибывших. Он наверняка и сам бы выехал в

степь, не догадайся дон Руис послать к отцу гонца с известием о счастливом исходе поисков.

В первую минуту встречи маркиз всецело отдался своим отцовским чувствам. Позабыв о своей аристократической спеси, дон Фернандо прижал к груди дочь, в спасении которой он уже было отчаялся. Даже дон Руфино Контрерас, поддавшись общему настроению, пролил притворную слезу и пялил на спасенную девушку свои рачьи зеленоватые глаза, тщетно стараясь придать им нежное выражение.

Донья Марианна в слезах кинулась в объятия маркиза и тут же впала в глубокий обморок — сказалось все пережитое. Это происшествие положило конец радостной суете. Донью Марианну унесли в ее комнату, а пеонов маркиз приказал распустить по домам. Их наградили деньгами и чарками мексиканской водки, что довершило радость этих добрых людей.

Тигреро отклонил предложение дона Руиса переночевать в замке. К великому удовольствию Бигота, Мариано освободил пса от противного груза, и они вместе отправились домой.

Стояла чудесная ночь. С ружьем за плечами в прекрасном настроении тигреро шел домой, насвистывая веселую песенку. На опушке леса

из-за кустарника неожиданно вынырнул, в двух шагах от Мариано, Твердая Рука.

— А, это вы! — воскликнул тигреро. — Где пропадали? Что за нелепость — ни с того ни с сего вдруг скрыться!

Охотник пожал плечами.

— У меня, откровенно говоря, не было охоты стать предметом любопытства толпы. Ради чего? Ведь я ничего особенного не совершил…

— У всякого, конечно, свои причуды. Но я бы на вашем месте не сбежал.

— Как знать?.. А мне сдается все же, что вы гораздо скромнее, чем хотите казаться; я убежден, что в подобных обстоятельствах вы поступили бы так же, как и я.

— Возможно, хотя не думаю… Во всяком случае, благодарю за то, что вы открыли во мне качество, о существовании которого я и не подозревал. Но куда, черт возьми, вас несет в такое время?

— Я поджидал здесь вас.

— Вот как? Хорошо, что я не остался ночевать в асиенде… Зачем же я вам понадобился, позвольте полюбопытствовать?

— Хочу просить вас приютить меня на несколько дней.

— Сделайте одолжение. Дом, правда, не очень

велик, но место для гостя всегда найдется, особенно для такого гостя, как вы.

— Благодарю вас, друг мой. Я не стану долго злоупотреблять вашим гостеприимством. Мне, видите ли, надо пробыть несколько дней в этих местах, а ночи сейчас холодные, и я предпочитаю проводить их под крышей, а не под открытым небом.

— Располагайтесь как дома в нашем скромном ранчо. А зачем и почему вам надобно пробыть здесь — это меня нисколько не интересует. Гостите у нас сколько вздумается; доставите нам одну только радость.

— Благодарю, Мариано!

На этом разговор окончился, и оба охотника зашагали нога в ногу к ранчо…

Прошло несколько дней. За это время Твердой Руке довелось не раз увидеть — правда, мельком — донью Марианну; но сам он старался не попадаться ей на глаза. А между тем молодая девушка была бы не прочь встретиться с ним и втайне, сама того не сознавая, даже желала этого.

Однажды, примерно через неделю после истории с ягуарами, в жаркий полдень охотник наслаждался сиестой, растянувшись на земле в частом кустарнике, совершенно скрывавшем его

от посторонних глаз. Вдруг ему послышалась тяжелая поступь коня. Он мгновенно приподнялся на локтях и, чуть раздвинув кусты, стал внимательно осматриваться по сторонам. Твердая Рука едва подавил возглас удивления, увидев всадника, который остановился у того самого места, где он отдыхал. Осмотревшись по сторонам, всадник соскочил с коня с видом человека, прибывшего к месту своего назначения. Это был Кидд.

«Зачем пожаловал сюда этот плут? — мысленно спросил себя охотник. — Наверно, затевает какую-нибудь пакость. Какое счастье, что я случайно оказался здесь! За этим бандитом надо следить в оба».

Тем временем Кидд разнуздал коня и пустил его пастись на воле. Сам же он уселся на ближайший камень и, свернув маисовую пахитоску, стал курить с благодушным спокойствием человека, которого никогда не посещают угрызения совести.

Твердая Рука знал, что здешние края далеки от тех мест, где обычно орудует Кидд. Что же могло привести сюда бандита? Охотник тщетно ломал себе голову над этой загадкой. Но сама судьба, явно расположенная к нему в этот день, преподнесла ему ключ к разгадке тайны.

Снова раздался конский топот, а вскоре показался и всадник, трусивший мелкой рысцой. Это был изысканно одетый тучный мужчина с багровым лицом. Кидд, почтительно поклонившись, помог ему сойти на землю.

— Уф! — сказал толстяк. — Кончилась, наконец, эта проклятая тряска по жаре!

— Пеняйте на себя, дон Руфино. Вы сами этого хотели. Будь я так богат, как вы, я бы ни за какие

блага не стал рыскать по прерии в такую жару. Разрази меня дьявол на этом месте, если я говорю неправду!

— Человек сам себе судья, маэстро Кидд, — сухо ответил дон Руфино, утирая тонким батистовым платком пот, струившийся с его лица.

— Возможно, что и так. А все же имей я честь называться доном Руфино Контрерас, какого дьявола стал бы я гоняться за каким-то бродягой! Я бы пренебрег даже великим наслаждением, которое доставляет беседа с таким достойным кабальеро, как маэстро Кидд.

— Ха-ха! — прыснул со смеху сенатор. — Вы, кажется, пронюхали, что пахнет жареным, мошенник!

— Черт возьми! — без всякого смущения отвечал бандит. — Я не строю себе на этот счет никаких иллюзий. Конечно, вы не стали бы затруднять себя только для того, чтобы насладиться беседой со мной.

— Ты угадал, парень. Итак, слушай меня внимательно.

— Ого! Обращаться ко мне на «ты»! Предупреждаю, за это удовольствие плата за услуги повышается. А впрочем, говорите. Мне нравится такой крутой подход к делу: значит, дельце будет

выгодное.

Сенатор пренебрежительно пожал плечами.

— Хватит! Довольно болтовни! — сказал он. — Перейдем к делу. Скажи, Кидд, ты любишь деньги?

— Я предпочитаю золото!

— Отлично. А ты способен ради него убить человека?

— Что вы сказали?

— Я спрашиваю тебя, мошенник: возьмешься ли ты за плату убить одного человека?

— Ну, это-то я сразу понял.

— Зачем же было переспрашивать?

— А зачем было обижать меня подобными вопросами? Убить человека — невелика штука, все дело в оплате.

— Останешься доволен.

— Деньги вперед?

— Если хочешь.

— Сколько?

— Предупреждаю: человек этот не робкого десятка.

— Поэтому-то он вам и мешает. Дальше.

— Что — дальше?

— Сколько?

— Тысячи пиастров будет довольно?

— Не скажу, чтоб это было много.

— Черт возьми, ты парень с запросом!

— Не спорю; зато работаю на совесть. Выкладывайте все же имя человека, которого надо убрать с вашей дороги.

— Хосе Паредес.

— Управитель асиенды дель Торо?

— Он самый.

— Ну, знаете, с этим парнем не так-то просто справиться. Он здорово насолил вам?

— Я его даже не знаю.

— Рассказывайте! — недоверчиво произнес бандит. — Вы платите тысячу пиастров за убийство человека, которого даже не знаете?

— Невероятно, но факт.

— Не верю! Хотя я и бандит, но знаю, что человек не курица, его так, здорово живешь, не убивают.

— Только что ты сам высказал предположение, что человек этот стал мне поперек дороги.

— А! Это другое дело, — сказал бандит.

Этот довод показался ему достаточно убедительным, чтобы убить человека.

— Слушай же меня внимательно и запомни раз и навсегда мои слова.

— У меня отличная память.

— Дня через два-три Паредес отправится в Эрмосильо. Он повезет векселя на довольно крупную сумму.

— Превосходно! — воскликнул Кидд, потирая от удовольствия руки. — Ему — пуля, мне — векселя.

— Ничего подобного! Ты дашь ему спокойно проехать. А убьешь его на обратном пути, когда он будет возвращаться с деньгами.

— Верно! Что за идиотская у меня башка! Ну конечно, так будет лучше.

— Да, но ты отдашь эти деньги мне, — насмешливо глядя на него, произнес дон Руфино.

— А сколько с ним будет денег?

— Пятьдесят тысяч пиастров.

— Vivo Dios! И вы хотите, чтоб я отказался от таких денег? Да я скорее удавлюсь!

— И все же тебе придется вернуть их мне.

— Ни за что!

— Полно врать! — сказал сенатор. — Ты ведь в моих руках и отлично это знаешь… Значит, отказываешься? Тем хуже для тебя: теряешь две тысячи пиастров.

— Вы сказали: «тысяча».

— Я оговорился.

— Когда можно будет их получить?

— Да хоть сейчас.

— Разве они у вас при себе?

— Разумеется.

Внезапно в глазах бандита сверкнул зловещий огонек, он весь напружинился и с ножом в руке бросился на сенатора. Но на этот раз бродяга наткнулся на достойного ему противника: дон Руфино знал, с кем имеет дело, и, ни на минуту не спуская глаз с бандита, следил за малейшим его движением. Он успел предупредить молниеносное нападение Кидда, схватив бродягу за руку своей левой рукой, а правой наведя дуло пистолета почта в упор на грудь разбойника.

— Гей, маэстро! — произнес сенатор, сохраняя при этом полное спокойствие. — Ты что, взбесился? Какая муха укусила тебя?

— Пустите меня, — угрюмо пробурчал бандит, пристыженный своей неудачей.

— Не раньше, чем ты бросишь нож, парень.

Бандит разжал руку, нож упал на траву; дон Руфино мгновенно наступил на него ногой.

— Я думал, ты работаешь лучше, — иронически заметил дон Руфино. — Жаль, что я не размозжил твою башку, — это научило бы тебя в другой раз бить без промаха.

— Я не всегда даю промах! — с затаенной угро-

зой пробормотал Кидд.

Наступило короткое молчание. Твердая Рука, явно заинтересовавшийся разговором, внимательно следил за ними, ловя каждое слово и каждое их движение.

— Ну как? Решился наконец? — прервал молчание сенатор.

— На что?

— Принять мое предложение.

— Разве оно еще в силе?

— Конечно!

— В таком случае, принимаю.

— Но на этот раз придется вести честную игру, — сказал сенатор, — без жульничества. Понятно?

— Понятно, — кивнул головой Кидд.

— Я рассчитываю на твою добросовестность, Кидд. Пусть сегодняшний урок послужит тебе на пользу. Я не всегда такой сговорчивый, и, если подобное недоразумение возникнет между нами еще раз, оно будет иметь для тебя самые серьезные последствия.

Внушительный тон, которым были произнесены эти слова, и выразительный взгляд, которым они сопровождались, произвели свое действие и заставили призадуматься бандита.

— Ладно, — сказал он. — К чему эти угрозы?

Ведь мы договорились.

— Тогда давай кончать.

— Где же я вас найду после «дела»?

— Это уж не твоя забота; я сам тебя найду.

— Отлично. Деньги?

— Вот они. Но только знай: если вздумаешь обмануть меня…

— Хватит! Сказано уговор — и баста! Сенатор вытащил из кармана длинный вязаный кошелек, сквозь зеленые петли которого просвечивало золото, и, подбросив его несколько раз на ладони, швырнул кошелек шагов на двадцать в сторону от себя. В воздухе зазвенел чистый металлический звук.

— Ступай подбирай, — сказал сенатор, а сам, воспользовавшись тем, что бандит кинулся за деньгами, вскочил в седло. — Прощай и помни! — крикнул он бандиту, послав коня галопом.

Кидд, занятый пересчетом золотых, молчал.

«Счет верен», — подумал он, облегченно вздохнув. Опустив кошелек за пазуху, Кидд злобно следил за удалявшимся во всю прыть сенатором.

«Берегись, дьявол! — мысленно грозил он дону Руфино. — Сегодня твоя взяла. Но настанет же день, когда и я дознаюсь о каком-нибудь темном пятне на твоем прошлом, и ты в свою очередь

будешь в моих руках! Уж я-то маху не дам! Так и знай: пощады не жди!»

Выразительно плюнув вслед умчавшемуся сенатору, бандит взнуздал своего коня, подтянул подпруги, вскочил в седло и ускакал в другом направлении.

«Так вот оно что! — поднимаясь с земли, подумал Твердая Рука. — Нет, не станет дон Руфино убивать Паредеса с целью грабежа. Совершенно ясно, что задуманное убийство должно ударить по маркизу. Ну нет, я это дело расстрою!»

Читатель уже знает, как свято выполнял Твердая Рука свои обещания.

XXIV. Отец и сын

Теперь, когда мы посвятили читателя в события, разыгравшиеся в дель Торо, мы продолжим наш рассказ с того эпизода, на котором прервали его. Иначе говоря, мы будем присутствовать при разговоре Огненного Глаза и Твердой Руки. Если читатель помнит, этот разговор начался еще в пирамиде, тотчас же после заседания совета сашемов.

Отец и сын, следуя друг за другом, поднялись на вершину левой пирамиды, затем прошли по мо-

сту из лиан, перекинутому на огромной высоте, проникли в правую пирамиду, откуда спустились в нижний этаж, почтительно приветствуемые по пути встречными индейцами. Здесь Огненный Глаз легонько стукнул два раза в дверь, перед которой они остановились. Изнутри прогремел засов, и показавшаяся на пороге молодая служанка пропустила их мимо себя.

Отец и сын мгновенно перевоплотились. Куда девалась их подчеркнутая индейская сдержанность! Всякая натянутость бесследно исчезла, уступив место непринужденности людей, привыкших вращаться в европейском обществе.

— Мария, — обратился Огненный Глаз к индианке, — доложите своей госпоже, что ее сын вернулся.

На этот раз Огненный Глаз отказался от наречия команчей, которым он пользовался до сих пор: распоряжение было отдано на чистейшем испанском языке.

— Но это уж известно сеньоре, ми амо, — ответила молодая девушка.

— Вот как! — удивился Огненный Глаз. — К ней ктонибудь заходил?

— Фрай Серапио; он и сейчас у сеньоры.

— Прекрасно. Доложите о нас, дитя мое.

Девушка поклонилась и порхнула словно птичка за портьеру, но, едва исчезнув, снова появилась и пригласила их войти.

Они прошли за портьеру, приподнятую служанкой, и очутились в просторной комнате в четыре окна; в окна были вставлены деревянные рамы с настоящими стеклами — роскошь неслыханная в этих краях! С потолка вдоль окон свисали занавеси из плотной красной камки[75].

Стены комнаты были обиты тисненой кожей, и вся она была обставлена в том хорошем испанском вкусе, секретом которого еще обладают одни лишь родовитые кастильцы. Аналой в углу с висевшим над ним крестом из слоновой кости, пожелтевшей от времени, картины Мурильо и Сурбарана[76] на евангельские темы придавали этой комнате вид молельни, тогда как удобные диваны, столы, заваленные книгами, и кресла делали ее похожей на гостиную. У серебряной жаровни, в которой догорал ароматный сандал, сидели женщина и монах. Оба были уже не молоды, точнее говоря — приближались к пяти-

---

[75] Примечания: 75

Камка — шелковая цветная ткань с узором.

[76] Примечания: 76

Мурильо Бартоломео — знаменитый испанский живописец XVII века. Сурбаран Франсиско — испанский живописец, современник Мурильо.

десятилетию.

На женщине был старомодный наряд времен ее молодости. Седина, пробивавшаяся в волосах, несколько глубоких морщин, коснувшихся ее лица, не в силах были уничтожить следы редкой былой красоты. Резко очерченные черты смугловатого лица выдавали в ней представительницу чистой расы ацтеков. Взор черных, чуть раскосых глаз излучал какое-то необыкновенное тепло; лицо дышало добротой; ее худощавая фигура не была еще тронута временем, а красивые руки и ноги были до странности маленькими.

Фрай Серапио представлял собой совершенный тип дородного и представительного испанского монаха; казалось, он сошел с одного из полотен Сурбарана.

При входе мужчин женщина и монах встали со своих мест.

— Добро пожаловать, дорогой сын! — воскликнула женщина, раскрывая сыну свои объятия.

Мы не станем описывать нежную встречу матери и сына, продолжавшуюся несколько минут.

— Простите, падре Серапио, — сказал Твердая Рука, освобождаясь из нежных объятий матери, — но я так давно не целовал свою мать, что никак не мог насытиться ее ласками.

— И целуйте ее на здоровье, — ответил монах. — Ласки матери по крайней мере никогда не оставляют после себя горьких воспоминаний.

— Что это, падре, уже покидаете нас? — обратился к монаху Огненный Глаз.

— После такой долгой разлуки людям хочется побыть наедине и посторонний человек оказывается всегда лишним. К тому же по случаю приезда сюда бледнолицых охотников и трапперов у меня с братией довольно много дела в селении.

— А как обстоят дела с новообращенными? Довольны ими?

Монах печально покачал головой.

— Нет; правда, благодаря вашему покровительству индейцы относятся к нам с уважением, синьор дон…

— Тсс!.. Падре, молчок! — прервал его Огненный Глаз. — Помните: меня зовут Огненным Глазом, и никак иначе.

— Простите, я все забываю, что вы отказались от имени, которое вам дали при крещении. Да, сеньор, миновало то доброе старое время, когда мы так легко обращали индейцев в христианство. С тех пор как мы стали мексиканцами, индейцы перестали верить в могущество испанского бо-

га…[77] Да, к слову сказать: у меня к вам серьезная просьба. Донья Эсперанса, с которой я говорил уже об этом, обнадежила меня в том, что вы не откажете.

— Вы как-то мне сказали, падре, что донья Эсперанса всегда приносит вам удачу. Что ж, вероятно, так будет и на этот раз.

— Вот в чем дело, друг мой, — вмешалась в разговор донья Эсперанса, — наш падре просит разрешить ему и еще одному монаху участвовать в готовящейся военной экспедиции.

— Какая странная мысль! А зачем это вам? Надеюсь, вы не собираетесь сражаться в наших рядах, падре?

— Нет, конечно! — улыбаясь, отвечал монах. — Я страдаю отсутствием каких бы то ни было воинственных наклонностей. Но ведь это будет, если я не ошибаюсь, серьезная экспедиция?

— И весьма, — словно отвечая своим мыслям, сказал Огненный Глаз.

— А известно, — продолжал монах, — что в такого рода походах раненых бросают, не оказав им помощи. Ну, вот я и желал бы сопровождать

---

[77] Примечания: 77

Эмар намекает тут на то, что индейцы считали Христа испанским богом и, с тех пор как мексиканцы покончили с владычеством испанцев, перестали верить в его могущество.

индейских воинов, чтобы оказывать помощь раненым.

— Хорошо, падре, я удовлетворю вашу просьбу; но должен вас предупредить, что вы многим рискуете. А если вы попадете в руки мексиканцев?! Они расправятся с вами как с бунтовщиком. Об этом стоит подумать.

— Думать тут не приходится: либо исполнить свой долг и умереть с честью, либо оказаться подлым трусом. Другого выбора нет. Так, значит, вы разрешаете?

— Разрешаю и благодарю.

— Бог ниспошлет вам за вашу доброту! А теперь да пребудет с вами господь, а я удаляюсь.

Когда они остались наконец втроем, донья Эсперанса ласково привлекла к себе сына и, усадив его подле себя на низенькую скамеечку из сандалового дерева, отвела своими прелестными руками вьющиеся кудри со лба и долго и внимательно вглядывалась в его лицо.

— Что с тобой, Диего? — произнесла она ласковым голосом, проникнутым нежной материнской заботой. — Ты какойто грустный, выглядишь бледным и утомленным… Вот и в глазах затаилась какая-то мрачная дума. Что случилось?

— Да ничего особенного, дорогая, — ответил

он с плохо скрытым смущением. — Я, как всегда, много охотился... ну и устал немного, потому и побледнел.

Она недоверчиво покачала головой.

— Мать, дитя мое, трудно обмануть, — ласково произнесла она. — С тех пор как ты стал мужчиной, я не один раз встречала тебя после возвращения из твоих долгих и, увы, опасных странствий. Иногда ты выглядишь утомленным, иногда больным, но никогда таким грустным и встревоженным, как сегодня.

— Мать!

— Не спорь! Ты все равно не переубедишь меня. Просто ты не хочешь открыться мне. Ну что же! Помоги тебе бог найти человека, которому ты мог бы поверять свои тайны с уверенностью, что тебя поймут так же хорошо, как я всегда понимала тебя.

— О мать! Ты никогда еще в жизни ни в чем не упрекала меня!

— Потому что, Диего, сегодня ты впервые не позволяешь мне заглянуть в твою душу.

Твердая Рука вздохнул и молча поник головой. Тогда заговорил молчавший до сих пор Огненный Глаз. Мигнув украдкой донье Эсперансе, он подошел к сыну.

— Диего, — сказал он, положив руку на его плечо, — ты еще ни словом не обмолвился о моем поручении.

— Прости меня, отец, — сказал охотник, вскочив на ноги– Я готов дать тебе полный отчет обо всем, что я делал во время своего отсутствия из нашего селения.

— Сядь, сын мой. Мы с матерью разрешаем тебе сесть. Охотник сел и, собравшись с мыслями, начал подробно рассказывать обо всем, что случилось с ним во время его пугешествия.

Мы не станем пересказывать эти приключения, потому что читатель уже знаком с ними. Заметим только, что Огненный Глаз и донья Эсперанса с неослабевающим вниманием и с явным интересом слушали сына два часа. Когда он кончил свой рассказ, мать нежно расцеловала сына, похвалив Твердую Руку за его доблестное и благородное поведение в таких трудных обстоятельствах.

Но Огненный Глаз интересовался другим.

— Значит, — сказал он, — человек, с которым ты прибыл сюда, и есть управитель дона Фернандо де Могюер?

— Да, отец.

Огненный Глаз хлопнул в ладоши, и в комнате появился Ястреб. Старик подошел к молодому

вождю и прошептал ему что-то на ухо, а Ястреб понимающе кивнул головой и, почтительно поклонившись, удалился.

— Я приказал Ястребу, — обратился к сыну Огненный Глаз, — отсчитать пятьдесят тысяч пиастров этому человеку, а по векселям мы сами получим в Эрмосильо. Ты хорошо поступил, что привел его сюда: не годится, чтобы честный человек стал жертвой негодяя. Собственно говоря, дело это ничуть не касается нас, но, видишь ли, этот дон Фернандо — мой бывший соотечественник, и я не прочь оказать ему услугу. Отправь сегодня же этого управителя из селения. Дай ему в провожатые Свистуна, Пекари да еще трех-четырех охотников: этого будет более чем достаточно, чтобы отпугнуть бандитов, если бы они вздумали напасть на него. Впрочем, путь его лежит далеко в стороне от Эрмосильо, и вряд ли кому-нибудь придет в голову подстерегать его на этой дороге в асиенду.

— С вашего разрешения, отец, я могу и сам проводить его, — сказал Твердая Рука.

В глазах его сверкнула радость при мысли о возможности снова увидеть хотя бы мельком донью Марианну, но строгий взгляд Огненного Глаза заставил его тут же поникнуть головой.

— Нет, — сказал Огненный Глаз, — ты будешь нужен мне здесь.

— Как вам будет угодно, — с притворным равнодушием отвечал Твердая Рука.

С этими словами он встал со своего места, направляясь к двери.

— Куда ты?

— Исполнить ваш приказ, отец.

— Успеешь. Времени до вечера еще много, а мне надобно поговорить с тобой. Садись.

Сын молча повиновался.

— Как ты назвал эту асиенду, Диего? — после минутного раздумья спросил Огненный Глаз.

— Асиенда дель Торо, отец.

— «Асиенда дель Торо»?.. — произнес Огненный Глаз, делая вид, что роется в своих воспоминаниях. — Постой, постой! Уж не тот ли это замок, что выстроен на месте древней Сиболы?

— Да, отец, так по крайней мере говорят. Донья Эсперанса с тайной тревогой следила за этим разговором. Она ломала себе голову, стараясь отгадать, куда клонит ее муж. Она не могла понять, почему он не оставляет эту жгучую тему, случайно затронутую в их беседе.

— Это, кажется, укрепленный замок? — продолжал Огненный Глаз.

— Да, отец, и даже с зубчатыми башнями.

— Да-да, теперь я припоминаю: это превосходная боевая позиция.

Донья Эсперанса наблюдала за своим мужем со все возрастающим удивлением; его ледяное спокойствие и упрямая настойчивость положительно пугали ее. А он все не унимался.

— Ты бывал когда-нибудь в этом замке?

— Никогда, отец.

— Жаль! Но ты, кажется, знаком с некоторыми его обитателями? Не может быть, чтобы такой дворянин, как этот дон Фернандо де Могюер, не пожелал отблагодарить человека, который спасал несколько раз жизнь его детей…

— Не могу сказать, была ли такая мысль у дона Фернандо, так как сам я никогда не имел чести его видеть.

— Гм! Довольно странно, дон Диего, что ты не попытался познакомиться с ним! Впрочем, все это не имеет сколько-нибудь важного значения для моих планов.

— Для твоих планов, отец? — удивился Твердая Рука.

— Сейчас ты все поймешь. Дело в том, что мы намереваемся открыть кампанию двумя молниеносными ударами. Прежде всего мы постараемся

завладеть Квитоваком, где в настоящее время сосредоточены главные мексиканские силы. Для успеха нашего дела имел бы также огромное значение захват такой мощной позиции, как асиенда дель Торо, расположенная на перекрестке трех дорог: в Эрмосильо, Ариспу и Сонору. Я хотел было поручить это дело тебе. Но у тебя нет заручки в замке, да и самому тебе такая мысль мало, повидимому, улыбается. Что ж, оставим ее. Я пошлю туда Ястреба и Пекари. Эти опытные и хитрые военачальники одним ударом возьмут замок, тем более что обитатели его не ожидают, как видно, нападения и плохо подготовлены к обороне. Что же касается тебя, мой сын, то ты пойдешь со мной в поход на Квитовак. Ну, а теперь ты свободен и можешь удалиться.

С тайным ужасом в душе слушал отца охотник. Удрученный его рассказом, Твердая Рука не заметил даже, что отец сам себе противоречит. В самом деле, только что Огненный Глаз притворялся, будто он не знает даже названия асиенды, а теперь говорил о ней с полным знанием дела, обрисовал сыну топографию местности во всех ее деталях, обнаруживая глубокое знакомство с этой позицией. Но Твердая Рука ничего не замечал. Мысль о грозной опасности, которой подверг-

нется донья Марианна в случае захвата асиенды апачами, ошеломила его.

Огненный Глаз между тем украдкой следил за сыном.

— Прости, отец, — заговорил наконец Твердая Рука, — но я полагаю, что было бы неосторожным поручать такую операцию против замка, расположенного в глубине страны, отряду из необученных военному строю индейцев.

— Вот поэтому-то я и думал о тебе. Ты бы двинулся туда во главе отряда белых охотников и метисов; в качестве бледнолицых вы могли бы незаметно добраться до асиенды. Признаюсь, твой отказ нарушает мои планы, но так как я не хочу принуждать тебя...

— Но я не думал отказываться, отец! -воскликнул молодой человек.

— Вот как!

— Уверяю тебя, отец; напротив, я жажду получить столь ответственное задание.

— Значит, я был введен в заблуждение твоим молчанием и двусмысленными фразами. Итак, ты согласен?

— Я буду счастлив, отец.

— Значит, решено. Отлично! А теперь займись Паредесом — ему пора уже вернуться к своему

господину. И смотри, сын мой, никому ни слова о нашем разговоре: слишком важные дела связаны с ним. Поцелуй свою мать и ступай.

Молодой человек бросился в объятия доньи Эсперансы, а та, нежно целуя сына, успела шепнуть ему одно слово: «Надейся».

Почтительно поклонившись отцу. Твердая Рука удалился.

— Ну как, Эсперанса, — сказал Огненный Глаз, потирая от удовольствия руки, — теперь ты угадываешь, наконец, мои намерения?

— Нет, — кротко улыбаясь, ответила она. — Но мне кажется, я начинаю понимать их…

XXV. Топор

Твердая Рука покинул пирамиду в крайне возбужденном состоянии. Слово, произнесенное на ухо его матерью, не выходило из головы. Очевидно, донья Эсперанса, с чуткостью, присущей одним лишь матерям, разгадала тайну, которую он так тщательно скрывал в глубине своей души, — то затаенное чувство, в котором он боялся признаться даже самому себе. С другой стороны, его несказанно смущал разговор с отцом, а более всего — предложение, сделанное ему в

заключение беседы. Поведение отца казалось ему необъяснимым. Он не понимал, как у этого старика, известного всем своей безупречной репутацией, могло зародиться намерение предательски напасть на человека, которому он сам только что так бескорыстно пришел на помощь. Твердая Рука положительно терялся в догадках, думая о том, в каком вопиющем противоречии находится поведение отца со словом «надейся», непрестанно звучавшим в его ушах. Но так как до дома охотника, где находился Паредес, было далеко и прошло немало времени, пока продолжалось это сложное путешествие, он успел совладать с собой. У порога его хижины стояли Свистун и Пекари.

— Наконец-то, Твердая Рука! — еще издали крикнул ему траппер. — Мы давно поджидаем вас.

— Вы? Меня?!

— Ну конечно, вас. Ястреб передал мне и вождю приказ Огненного Глаза охранять в пути человека, прибывшего с вами сегодня утром.

— Ооах! Свистун сказал правду, — коротко подтвердил Пекари.

— А это что? — спросил Твердая Рука, указывая на стоявшего неподалеку мула, нагруженного

мешками.

— Подарки Огненного Глаза вашему человеку. Да он сам вам все расскажет.

Твердая Рука застал дона Хосе за приготовлениями к отъезду. Управитель был в самом веселом настроении. Завидев охотника, он бросился к нему и, с жаром пожимая его руку, воскликнул:

— Добро пожаловать, приятель! Да, теперь я вижу, что на ваше слово можно положиться! Ну, а я вот вынужден просить у вас прощения.

— Прощения? За что?

— За то, что усомнился в вас. Когда сегодня утром вы бросили меня здесь как ненужную ветошь… я заподозрил… понимаете, гнев — плохой советник… одним словом, я перестал вам верить. Черт знает какие мысли полезли мне в голову! Поверите ли, я чуть было не удрал отсюда.

— И совершили бы непоправимую ошибку.

— Я думаю, карай! Мне очень стыдно, и я снова прошу простить меня.

— Ха-ха! — рассмеялся охотник. — Есть о чем разговаривать! Вернемся лучше к делу. Вы поедете в асиенду под охраной надежных людей и, конечно, благополучно доберетесь туда. Когда вы выложите все деньги на стол, ваш господин вряд ли станет расспрашивать о подробностях вашего

путешествия. И я, знаете ли, полагаю, что совсем не к чему посвящать его во все, что случилось с вами. Для него это не представляет никакого интереса, а может дать пищу всяким пересудам.

— Будьте спокойны, — с хитрой усмешкой ответил Паредес. — Я не пророню ни слова. Да, кстати, — продолжал он, — я получил здесь сполна по всем этим векселям. Теперь они ваши. Прошу принять их.

Охотник взял векселя и сунул их за пазуху.

Наступило молчание.

Хотя все приготовления к отъезду управителя были окончены, он продолжал без толку метаться по хижине. Охотнику стало ясно, что Паредес хочет что-то сказать, но не знает, как приступить к делу.

— Что вас беспокоит, друг мой? — пришел ему на помощь Твердая Рука. — Говорите же, не стесняйтесь.

— Дело в том, — решился наконец Паредес, — что мне не хотелось бы уехать отсюда, не отблагодарив вас за оказанную помощь. Но как? Сколько ни бьюсь, ничего не придумаю.

— Только и всего! — весело ответил охотник. — Неужто это так трудно?

— Вы и не представляете себе! Поверите ли, вот

уже полчаса, как я напрасно ломаю себе голову над этой задачей!

— Потому что вы ищете не там, где надо.

— А вы придумали? Да неужели?!

— Сейчас сами убедитесь! Я часто охочусь в ваших краях. Так вот, как только мне случится быть снова в окрестностях асиенды, я заеду погостить у вас.

— Ничего лучшего и не придумаешь! Увидите, какой я окажу вам прием. Приезжайте хотя и с десятью приятелями — у меня найдется, чем угостить вас.

— Ловлю вас на слове!

— А сами вы даете слово? — спросил Паредес.

— Даю.

— Чудесно! Приезжайте когда хотите, днем или ночью: мой дом будет всегда открыт для вас.

— Ночью?! Но ночью мне, пожалуй, будет трудновато пробраться в асиенду.

— Ничуть! Вам достаточно будет назвать себя.

— Значит, решено. А теперь вам пора ехать. До наступления темноты осталось часа четыре, не больше. Не задерживайтесь.

— А вы не медлите с исполнением своего обещания.

— Не беспокойтесь!

Они вышли из хижины. У дверей верхами стояли человек восемь индейцев и трапперов, готовых двинуться в путь по первому знаку управителя.

Паредес пожал на прощанье руку охотника, вскочил в седло и, подхватив одной рукой поводья мула, подал знак к отъезду. Маленький отряд, вырвавшись из толпы зевак, галопом помчался по улицам селения.

Твердая Рука долго смотрел вслед удаляющимся всадникам. Только когда они скрылись, он вернулся к себе. Занятый своими мыслями, он не замечал, как течет время. Вдруг он вскочил, топнул об пол ногою и гневно воскликнул:

— Нет, тысячу раз нет! Я не злоупотреблю доверием этого человека. Это было бы низким предательством. Нет, не пойду на такую подлость!

Это не были слова; это было решение, плод долгих и мучительных дум, обуревавших молодого охотника…

Прошло много дней. В индейском селении жизнь шла своим чередом. Неоднократно собирался военный совет; был окончательно разработан план предстоящей кампании; вернулся Свистун, доложивший Огненному Глазу,

что дон Хосе благополучно добрался до асиенды дель Торо.

Но вот начали, наконец, стекаться союзные индейские войска. Вскоре не стало места для размещения всех прибывающих воинов, им приходилось разбивать свои стоянки в степи под открытым небом. Это обстоятельство не являлось, впрочем, слишком большой неприятностью для индейцев, привыкших ко всякой непогоде. Скорее наоборот, жизнь под открытым небом была им по душе.

На двенадцатый день после отъезда Паредеса глашатаи сзывали всех вождей свершить при закате солнца религиозный, установленный перед началом военных действий ритуал — так называемое «Великое Врачевание». В тот самый миг, когда солнце, окруженное багрово-красным ореолом, заходило за горизонт, верховный жрец поднялся на крыльцо «Хижины Великого Врачевания» и среди воцарившейся тишины провозгласил:

— Ушло живительное тепло солнца, земля погрузилась во мрак! Настал таинственный час борьбы человека с духом зла. Начинайте обряд Великого Врачевания!

Мгновенно воздух огласился нестройными ди-

кими криками, и отовсюду двинулись полчища всевозможных чудищ: четвероногих, рептилий и птиц. Эти странные существа выбегали из каждой хижины, спускались по лестницам пирамид, выползали из-за углов улиц, надвигались с полей. Толпы их скоро захлестнули все площади и улицы и разлились нескончаемым потоком по окрестностям селения на целую милю в окружности. Это были ряженые индейские воины, облаченные в меха, перья и шкуры. Индейцы, как известно, в совершенстве подражают крикам различных животных и птиц. Они великолепно изучили, кроме того, нравы и повадки животных, их движения, их поведение при самых различных обстоятельствах, например во время еды, и даже их манеру укладываться спать.

Трудно себе представить этот неистовый концерт с его визгом и криком, с его посвистом и шипением, с его человеческим пением и рычанием хищников, всю эту дикую какофонию, в которую врывался еще и неумолчный лай одуревших от страха собак. От всего этого религиозного шествия веяло какой-то первобытной суровостью, способной поразить даже самое богатое воображение.

Временами внезапно воцарялась тишина, и

тогда в ночном безмолвии снова гремел голос жреца:

— Низвергнуто ли, братья мои, злое начало? Попрали ли вы его своими ногами?

В ответ неслись нестройные крики, и оглушительный гомон начинался снова.

Так продолжалось всю ночь. За несколько мгновений до восхода солнца жрец снова задал свой вопрос. На этот раз среди наступившей тишины прозвучал высокий и мелодичный голос молодой девушки:

— Владыка жизни сжалился над своими детьми и послал им на помощь солнце! Злое начало побеждено!

В то же мгновение взошло сияющее солнце. Индейцы приветствовали его радостными возгласами и, скинув с себя свое фантастическое облачение, пали на колени, подняв глаза к небу.

Жрец обмакнул в наполненную водой чашу из тыквы пучок полыни и, покропив им на все четыре стороны, обратился с мольбой к небу:

— Здравствуй, солнце, видимый наместник невидимого владыки жизни! Внемли мольбам своих краснокожих сынов! Дело их правое! Даруй же им скальпы их врагов, дабы было что нанизать им на свои пояса! Приветствую тебя, солнце,

здравствуй!

— Приветствую тебя, солнце, здравствуй! — хором подхватила толпа.

Все встали с колен. Первая часть ритуала была окончена. Жрец удалился; место его занял глашатай, призвавший главных сашемов вырыть топор войны. Начался новый обряд.

Вожди стройной процессией вошли в «Хижину Великого Врачевания». Здесь, на месте, указанном жрецом, старейший из вождей отрыл ножом для снимания скальпов «великий топор войны», эмблему предстоящей войны.

Затем сашемы в том же порядке выступили из хижины. Впереди, между воином, который нес тотем, и воином, который нес трубку мира, шествовал старейший вождь; обхватив обеими руками рукоятку топора, он нес его лезвием вперед, плотно прижав топор к своей груди. Так сашемы дошли до «Ковчега первого человека», где они выстроились лицом к «Столбу войны». Теперь дело было за жребием: он должен был решить, кому из сашемов выпадет великая честь нанести удар «священным топором» по столбу войны.

Индейцы, народ в высшей степени суеверный, придают этой церемонии огромное значение.

Удачно нанесенный удар, сделавший глубокую зарубку в столбе, считается предзнаменованием счастливого исхода войны.

Приступили к жеребьевке; жребий пал на Твердую Руку. Гул одобрения пронесся по рядам присутствующих, когда было произнесено имя человека, которого народ любил и уважал как одного из храбрейших своих сынов.

Твердая Рука выступил из рядов, стал спиной к «Ковчегу первого человека», принял топор из рук старейшего вождя, занес его высоко над своей головой и, вращая с невероятной быстротой, метнул в столб войны. Топор так глубоко врезался в дерево, что жрец, который должен был выдернуть его, после долгих и тщетных усилий вынужден был отказаться от этой попытки. Крик радости вырвался из груди воинов; подхваченный многотысячной толпой, он прозвучал, как могучий боевой клич.

Старейшие сашемы в один голос утверждали, что они не помнят такого удара.

Все предвещало счастливый исход войны. Всеобщее ликование не знало границ. Твердой Руке устроили овацию, вожди и воины наперебой по-

здравляли его с достигнутым результатом. Когда топор был наконец вынут, воины посторонились, очистив место для женщин. Началась пляска скальпов.

В танце участвуют одни только женщины; это, кажется, единственный случай, когда индейские воины пасуют перед женщинами.

Эта священная пляска сохранилась только у непокоренных индейцев; она исполняется лишь в честь особо важных событий: накануне великого похода или после окончания его, да и то лишь в случае счастливого его исхода. А успешным походом индейцы считают такой, из которого воины возвращаются с большим количеством скальпов и отобранных у неприятеля лошадей, не понеся при этом потерь.

Женщины отплясывают этот танец с воодушевлением, переходящим в исступление, зажигая сердца воинов воинственным задором.

Но вот смолкли неистовые крики женщин и прекратились их необузданные движения. Пляска скальпов кончилась. Воины приступили к последнему из обрядов, предшествующих началу военных действий.

Следы этого обряда нам случалось встречать лишь у некоторых племен, обитающих на бе-

регах Верхнего Миссури, да еще у индейцев чисто папагосского происхождения. Он состоит в предсказании будущего по потрохам молодой кобылицы. Само собой разумеется, что жрец-толкователь говорит все, что ему взбредет на ум, и все ему верят на слово по той простой причине, что никто, кроме жреца-толкователя, не владеет искусством этого вещания. На этот раз то ли потому, что он не хотел смущать всеобщую радость, то ли потому, что, долго обманывая других, он сам уверовал в свою ложь, жрец предсказал внимавшим ему воинам победоносный исход войны. Это предсказание было встречено новым взрывом всеобщего ликования. Останки кобылицы согласно обычаю были отданы жрецу, который, таким образом, один только и вышел с чистым барышом из этого темного дела.

Наконец все предвоенные обряды были закончены, и воины получили приказ держать наготове оружие, лошадей и провиант в ожидании приказа о выступлении, которого ждали с минуты на минуту.

Папагосским сашемам удалось поставить под свои тотемы тридцать тысяч воинов на превосходных конях; около четырех тысяч из них были вооружены огнестрельным оружием. Правда, ин-

дейцы, с редким искусством владеющие топором, копьем и луком, весьма посредственные стрелки из ружей: суеверный страх, который они питают к огнестрельному оружию, мешает им брать точный прицел. Однако есть немало индейцев, которым удается преодолеть этот страх. Из них вырабатываются отличные стрелки, которых следует весьма опасаться в бою. Но главная огневая мощь индейской армии заключалась в оружии восьмидесяти охотников белых и метисов, присоединившихся к индейцам в надежде на грабеж и поживу.

Огненный Глаз, оставив за собой верховное командование, назначил трех командующих — Ястреба, Свистуна и Пекари.

Твердой Руке было поручено командование отрядом особого назначения в составе двадцати пяти белых охотников. Он сам отбирал их из числа самых смелых и честных трапперов.

Итак, все уже было готово к открытию военных действий. Индейцы ожидали только безлунных ночей, чтобы по своему обыкновению вторгнуться на территорию врага под покровом темноты.

XXVI. Бледнолицые

Возвращение Паредеса было по-разному воспринято в асиенде. Маркиз, конечно, обрадовался ему, хотя суммы, привезенной Паредесом, едва хватило для удовлетворения самых насущных нужд хозяйства, требовавшего все новых и новых вложений капитала.

Дон Руфино ничем не выдал своего удивления по поводу благополучного возвращения человека, гибель которого он так тщательно подготовил. Но его удивление уступило место тревоге, а затем и ужасу, когда он подсчитал время, затраченное доном Хосе на путешествие. В самом деле, на проезд в Эрмосильо и обратно, по самым скромным подсчетам, требовалось девять суток, между тем как отсутствие управителя продолжалось всего пять дней. Ясно, что Паредес не ездил в Эрмосильо, но вместе с тем он получил по векселям. Что бы это могло значить? За всем этим, несомненно, скрывалась какая-то тайна. Дон Руфино, сгоравший от нетерпения пролить на нее свет, находился в затруднительном положении. Дело в том, что ему нельзя было расспрашивать Паредеса. Ведь в глазах всех сенатор якобы ни-

чего не знал о цели его поездки. Кроме того, дон Руфино отлично понимал, что Паредес все равно не ответит ему, а, пожалуй, еще и зло подшутит над ним.

Бравый управитель не знал, что дон Руфино и есть глава заговора, который чуть было не погубил его. Он вообще не имел никаких видимых оснований сомневаться в порядочности сенатора. Тем не менее безошибочным чутьем, которое свойственно честным и порядочным натурам, Паредес с первого же взгляда угадал в сенаторе волка в овечьей шкуре, почувствовал к нему непреодолимое, почти инстинктивное отвращение, скрывать которое не считал даже нужным.

Не имея возможности добиться чего-нибудь от Паредеса, дон Руфино не переставал искать ключ к разгадке этой таинственной истории. Он знал, что в Соноре, как, впрочем, в любом другом штате Мексики, не так просто встретить человека, способного из одной любви к ближнему учесть такие крупные векселя. Это мог сделать только очень богатый человек, преисполненный к тому же желанием оказать услугу маркизу. Но сколько ни ломал себе голову дон Руфино, сколько ни перебирал в памяти всех владетелей асиенд, живущих на протяжении пятидесяти лье

в окружности, он не видел среди них такого человека. В конце концов сенатор пришел к выводу, что тот, кто учел эти векселя, знал о готовящемся покушении на управителя. Но кто?

«Неужели Кидд?» — подумал дон Руфино, но тут же вынужден был отвергнуть это подозрение. Уже одно предположение, что бандит мог пощадить жизнь Паредеса, показалось ему смешным; но чтобы Кидд дал уйти своему пленнику, не очистив его карманов, — такая мысль была просто нелепой.

Дон Руфино долго не мог выбраться из порочного круга всевозможных догадок. Для этого ему недоставало отправной точки. Внезапно он ее нашел. Он решил проследить всю историю заговора, начиная со своей встречи с Киддом. Он шел от вывода к выводу, с трудом пробиваясь сквозь рой туманных предположений, теснившихся в его воспаленном мозгу, пока его не озарила мысль, которая почти привела его к истине.

— Правду говорят краснокожие, — бормотал он про себя, — что в прерии деревья имеют уши, а листья — глаза. Теперь я вспоминаю, что мой разговор с этим плутом происходил возле густого кустарника; может быть, в нем скрывался соглядатай? Отныне я буду сговариваться о делах не

иначе как на оголенных холмах! Впрочем, как знать… может быть, и там меня будут подслушивать из какой-нибудь норы!

Размышления сенатора прервал подошедший дон Руис.

— Сеньор дон Руфино, — произнес он после взаимного обмена учтивостями, — не угодно ли вам пройти со мной в гостиную? Дело в том, что наш управитель, находившийся, как вам известно, несколько дней в отсутствии, привез довольно важные известия, которыми мой отец хотел бы поделиться с вами.

Сенатор, невольно вздрогнув, испытующе посмотрел на дона Руиса, но не прочел никакой задней мысли на открытом лице юноши.

— Что случилось, дорогой дон Руис? — заискивающим голосом произнес дон Руфино. — Неприятности?

— Да, но у меня только самые смутные сведения о них. Пожалуйте, если вам угодно, со мной в гостиную, и там вы все узнаете.

— Я весь к вашим услугам, дон Руис, — сказал сенатор и последовал за молодым человеком в гостиную, где уже находились маркиз, донья Марианна и дон Хосе.

— Что случилось, мой дорогой маркиз? — спро-

сил сенатор. — Признаюсь, дон Руис нагнал на меня страху.

— Это не пустые страхи, кабальеро, сейчас вы сами убедитесь. Но прошу вас, присядьте… Итак, — обратился он к управителю, — эти сведения вы получили из вполне достоверных источников?

— Я готов поручиться, ми амо, что все это правда чистой воды. Папагосы объединились с черт его знает какими еще племенами индейцев, и мы должны с часу на час ожидать их нападения.

— Вот так чертовщина! — весело воскликнул сенатор.

— Это гораздо более серьезно, чем вы думаете! — резко ответил Паредес. — На этот раз индейцы полны решимости окончательно водвориться в Соноре, изгнав оттуда белых.

— Только и всего? — продолжал посмеиваться сенатор. — Ну что ж. Для них, видно, это пара пустяков!

— Вы можете смеяться сколько угодно, но факт остается фактом.

— Да я и не думаю смеяться, друг мой: я только не предполагаю, чтобы индейцы могли решиться на такое безумное предприятие.

— Во-первых, сеньор, я не ваш друг! — оборвал его управитель. — А во-вторых, вы, вероятно,

изменили бы свое мнение об индейцах, доведись вам увидеть их в бою.

— Я никогда еще не видел индейцев бравос и, бог даст, никогда не увижу их. Но вместе с тем я сильно подозреваю, что жители этого края рисуют себе их несравненно более страшными, чем они есть на самом деле.

— Напрасно вы так думаете, — вмешался маркиз. — Поживете еще немного с нами и сами поймете, как вы глубоко ошибаетесь.

— Но мы-то, надеюсь, уедем отсюда заблаговременно! — воскликнула донья Марианна.

— Нам нечего бояться индейцев, дочь моя, — отвечал маркиз. — Скала, на которой построен мой замок, слишком тверда для них; они сломают себе шею и ничего не добьются.

— Но все же, отец, не мешает принять некоторые меры предосторожности, — заметил дон Руис.

— В дни всеобщего восстания тысяча восемьсот двадцать седьмого года, — сказал маркиз, — индейцы не показывались даже на подступах к дель Торо; весьма сомнительно, чтобы и теперь они осмелились напасть на нас. Ты все же прав, сын. Я прикажу немедленно привести замок в состояние обороны, хотя бы для того, чтобы успокоить

твою сестру.

— Ну, на этот раз восстание будет посерьезнее, — возразил Паредес — Поверьте мне, ми амо, нельзя терять ни минуты.

— Сделайте милость, сеньор управитель, — воскликнул сенатор, — скажите наконец, кто же это так обстоятельно осведомил вас о положении дел?

Дон Хосе, косо взглянув на сенатора, пожал плечами.

— Не все ли вам равно? — ответил он. — Предположим, эти сведения я получил от одного друга. Это вас устраивает?

— Позвольте, позвольте, сеньор! — возразил дон Руфино. — Это важнее, чем вы думаете. Нельзя же так, ни с того ни с сего, встревожить покой целого семейства, не представляя никаких доказательств в достоверности принесенных вами известий.

— Мой господин слишком хорошо знает меня, сеньор, как честного и правдивого человека, не способного на ложь!

— Я не сомневаюсь ни в вашей порядочности, ни в вашей правдивости, сеньор управитель; однако, если вы хотите, чтобы ваше сообщение было принято во внимание, вы должны подтвер-

дить его неопровержимыми доказательствами или по крайней мере ссылкой на лицо, пользующееся общественным доверием.

— Ба! Ба! — заметил дон Хосе. — Никогда не мешает быть наготове.

— Да, когда ты уверен, что тебе следует это делать, — возразил сенатор. — Вот поэтому-то в качестве должностного лица… тысяча извинений, маркиз, за то, что вынужден действовать так в вашем доме… я требую, чтобы вы назвали тотчас же имя человека, от которого вы получили эти тревожные известия.

— А что скажет вам имя человека, которого вы никогда не видели, о котором никогда ничего не слышали?

— Не в этом дело. Потрудитесь отвечать, прошу вас!

— Очень возможно, сеньор, что вы должностное лицо, но меня это мало трогает. Я признаю здесь одного только господина — сеньора маркиза. Он один имеет право расспрашивать меня, ему одному только и буду я отвечать.

Сенатор, кусая губы, повернулся к маркизу.

— Почему же, Паредес, вы не хотите ответить? — сказал дон Фернандо. — Право, я не могу понять вашего упрямства в этом деле.

— Если вы этого требуете, ми амо, я могу ответить. Знайте же, что о готовящемся восстании индейцев меня предупредил один белый охотник, по имени Твердая Рука.

— Твердая Рука?! — одновременно воскликнули брат и сестра.

— Не тот ли это самый охотник, — спросил маркиз, — которому мы уже так многим обязаны?

— Да, ми амо, — отвечал дон Хосе.

Сенатор впервые услышал это имя; тем не менее, когда управитель произнес его, дон Руфино испытал какое-то необъяснимое внутреннее волнение.

— О, ему нельзя не верить! — пылко воскликнула донья Марианна. — Каждое его слово заслуживает полного доверия.

— Конечно, — подтвердил дон Руис. — Надо полагать, что он сделал это преднамеренно, желая предостеречь нас.

— Но кто этот человек и почему он так симпатичен всем вам? — продолжал домогаться сенатор.

— Друг! — с жаром произнесла донья Марианна. — Друг, которого я никогда не забуду!

— И которого все мы любим, — добавил маркиз.

— И вы ему полностью доверяете? — не уни-

мался дон Руфино.

— О да! Можете быть уверены, сеньор, что я не стану пренебрегать его предупреждением!

— Но, в таком случае, позвольте мне заметить вам, сеньор маркиз, что мне кажется весьма подозрительным упорство, с которым сеньор управитель отказывался назвать его имя.

— Сеньор дон Руфино, — отвечал маркиз, — Паредес — наш старый слуга, он пользуется известной свободой в обращении со всеми нами и правом, я бы сказал, вполне заслуженным правом, требовать, чтобы ему верили на слово… Но пора, однако, подумать, — продолжал маркиз, — что нам следует предпринять, чтобы не быть захваченными врасплох. Вы, Паредес, садитесь тотчас же на коня и объявите всем нашим пеонам и пастухам мой приказ немедленно перебраться с семьями васиенду и пригнать сюда же стада и табуны… А ты, сын мой, займись подготовкой загонов для животных и жилья для людей. Надо запастись фуражом и провиантом, чтобы нас не взяли измором во время осады. Сколько пеонов в вашем распоряжении, Паредес?

— У нас восемьдесят человек, способных носить оружие, ваша светлость; но я думаю, что мы сумеем как-нибудь использовать для обороны и

других обитателей асиенды.

— Этого нам вполне хватит, — сказал маркиз. — По-моему, нет никакой надобности вызывать еще наших рудокопов из Квитовака.

— Тем более, — отвечал управитель, — что капитан де Ниса успел, вероятно, завербовать их в число защитников крепости.

— Вполне возможно, — произнес, поднимаясь, маркиз. — А пока ступайте и постарайтесь без промедления исполнить мои распоряжения.

Управитель поклонился и вышел.

— Не соблаговолите ли вы, маркиз, уделить мне несколько минут? — сказал сенатор.

— К вашим услугам, дон Руфино.

— О, не беспокойтесь! — обратился сенатор к брату и сестре, вскочившим со своих мест с намерением удалиться из комнаты. — Дело это отнюдь не секретное.

Брат и сестра снова заняли свои места.

— Признаюсь, — начал сенатор, — что сообщение вашего управителя встревожило меня не на шутку. Я никогда не видел индейцев бравос, но смертельно боюсь их. Поэтому, с вашего разрешения, дон Фернандо, я немедленно хотел бы покинуть асиенду.

— В такое время?

— Да, маркиз. Я убедился, наконец, в серьезности готовящихся событий. Но ведь я плохой вояка, я боюсь даже простой драки; да к тому же мой сан сенатора требует моего присутствия в Мехико[78], хотя бы для того, чтобы предупредить правительство о беде, которая угрожает Соноре, и побудить его принять необходимые меры.

— Вы, конечно, вольны поступать как вам вздумается, сеньор Руфино. Однако я далеко не уверен, что сейчас безопасно на дорогах.

— Я уже подумал об этом, маркиз. Но мне надо только добраться до Ариспы. Это недалеко отсюда, а там уж мне ничего не грозит. Может быть, дон Руис проводит меня туда?

— В этом доме вам ни в чем не будет отказа, дон Руфино, — сказал маркиз. — Мой сын поедет с вами.

— Не премину воспользоваться вашим любезным предложением, маркиз, — сказал сенатор и, бросив украдкой взгляд на Марианну, которая сидела, задумчиво опустив голову на грудь, продолжал: — К тому же в Ариспе я намерен передать дону Руису письмо для вас.

— Зачем же писать? Не проще ли сказать, пока

---

[78] Примечания: 78
Мехико — столица Мексиканской республики.

вы еще здесь?

— О нет, это совершенно исключено, — ответил дон Руфино с улыбкой, весьма смахивающей на гримасу. — Вам, конечно, лучше, чем мне, известно, мой дорогой маркиз, что существуют дела, столковаться по которым можно только через посредников.

— Как вам будет угодно, сеньор. Когда полагаете выехать?

— Чем скорее, тем лучше. Несмотря на всю свою привязанность к вашей семье, я вынужден честно заявить вам, что не хочу медлить.

— Сейчас только десять часов утра. Если мы поторопимся, мы еще к ночи поспеем в Ариспу, — сказал дон Руис.

— Вот и прекрасно! Позвольте же, дон Фернандо, распрощаться с вами и с вашей прелестной дочерью. Примите мою искреннюю признательность за ваше радушное гостеприимство!

— Неужели вы не боитесь ехать в такую жару?

— Я боюсь только индейцев, и это чувство все заглушает. Простите мне этот внезапный отъезд, но я убежден, что умру от страха, лишь только услышу воинственный клич этих свирепых дикарей.

Дон Руис покинул зал, чтобы распорядиться

насчет лошадей и конвоя, а за ним, сделав гостю реверанс, вышла и донья Марианна, ничего не подозревавшая о тайных намерениях сенатора.

Надо сказать, что этот хитрец сильно преувеличивал свои страхи перед индейцами; по всей вероятности, это было чистое притворство. Но, чувствуя, что у него земля горит под ногами, дон Руфино предпочел немедленно уехать. Бегство из асиенды было выгодно для него со всех точек зрения. Во-первых, он избегал таким образом серьезных неприятностей, которые могли возникнуть для него, если раскроется его преступный заговор с Киддом. Во-вторых, лишь находясь в безопасности, дон Руфино мог продолжать плести свою прерванную интригу и довести ее до успешного конца, как только надвигающиеся события создадут благоприятную обстановку. Дело в том, что восстание индейцев, которое неизбежно повлечет за собою прекращение работ на приисках и на полях и почти полную приостановку деловых операций, должно было гибельно отразиться на делах маркиза. На это-то и рассчитывал дон Руфино для осуществления своих коварных замыслов. Кроме того, сенатор предпочитал письменное объяснение с маркизом устному по той простой причине, что бумага

все терпит, а человек, который пишет, может быть уверен, что ему не помешают высказаться до конца.

Занятый своими мыслями, дон Руфино не заметил, как в комнату вошел дон Руис и сообщил, что лошади готовы. Сенатор тотчас же вскочил и направился к маркизу, чтобы распроститься с ним. Но дон Фернандо не отпускал его до тех пор, пока согласно законам мексиканского гостеприимства они не выпили по стакану замороженного оранжада. Затем маркиз, несмотря на все протесты своего гостя, проводил его до ворот замка.

Несколько минут спустя дон Руфино вместе с доном Руисом в сопровождении шести хорошо вооруженных пеонов мчались на горячих конях в Ариспу. После целого дня утомительной, безостановочной езды они прибыли туда к вечеру. Путешествие их протекало без каких-либо происшествий, но их поражало полное безлюдье в степи. Поля точно вымерли. Очевидно, слухи о близком вторжении индейцев успели уже разнестись по всему пограничному краю. Ни стад, ни табунов не было и следа. Сиротливо выглядели покинутые дома с огромными зияющими отверстиями вместо оконных рам и дверей, унесенных их хозяевами. Бежавшие обитатели прерий ни-

чего не оставляли индейцам. Все, что нельзя было унести, предавалось огню и уничтожению. Затаенной печалью веяло от опустевших полей. Посевы были сняты еще зелеными или сожжены на корню. Словом, прежде чем индейцы успели приступить к разорению этого злосчастного края, он был полностью опустошен самими же его жителями.

Ворота Ариспы оказались запертыми, когда наши путешественники добрались туда. Город охранялся солдатами и отрядом гражданской милиции, содержавшейся на средства богачей для защиты города от банд грабителей и мародеров. Понадобились бесконечные переговоры, чтобы убедить, наконец, стражу открыть ворота и впустить наших путников в город. Все улицы Ариспы были перегорожены мощными баррикадами; город походил на обширный военный лагерь; солдаты, раскинув свои биваки на всех площадях, спали и грелись вокруг костров.

У дона Руфино был в городе великолепный дом, где он проживал, когда дела требовали его присутствия в Соноре. Путникам пришлось целый час пробираться туда в обход многочисленных встречных баррикад.

Ворота дома оказались раскрытыми настежь,

а на дворе и крыльце дома спокойно расположились человек двенадцать солдат. Дон Руфино нисколько не протестовал против этого вторжения в его дом; напротив, он был, казалось, весьма доволен этим.

Сенатор ни под каким видом не соглашался, чтобы дон Руис и его пеоны отправились искать себе ночлег в городе, и предложил им переночевать у него. А те не заставили долго упрашивать себя: и люди, и кони нуждались в отдыхе после столь продолжительной скачки под жгучими лучами субтропического солнца.

XXVII. Тяжелые известия

Почти одновременно с возвращением дона Руиса из Ариспы в асиенду туда прискакал курьер, — судя по его изнемогавшему от усталости коню, он примчался издалека. Маркиз тотчас же заперся с ним в своем кабинете. После долгой беседы с маркизом курьер, по-видимому очень торопившийся, вскочил на коня и умчался.

Таинственное появление этого человека вызвало среди остальных обитателей замка какую-то безотчетную тревогу.

Лицо маркиза, всегда носившее на себе отпе-

чаток печали и тихого примирения с судьбой, покрылось вдруг мертвенной бледностью; резко обозначились глубокие морщины на лбу и вокруг глаз, брови нахмурились — казалось, что они вот-вот сомкнутся.

Он долго прохаживался взад и вперед по саду, заложив руки за спину и свесив голову на грудь. По временам он круто останавливался и бормотал какие-то невнятные слова; потом снова начинал шагать — вероятнее всего, повинуясь властной потребности на мгновение забыться в физическом движении.

Донья Марианна, сидя у окна своего будуара, с грустным любопытством следила за отцом. Состояние, в котором находился маркиз, огорчало и в то же время пугало молодую девушку. Ее сердце томилось в мучительной тоске, словно она предчувствовала, что ей предстоит разделить с отцом обрушившуюся на него беду.

Наконец маркиз пришел в себя, остановился, огляделся вокруг и после минутного раздумья направился в свои апартаменты. Спустя немного времени слуга, вошедший в комнату доньи Марианны, доложил ей, что маркиз ожидает ее в Красной комнате. Тяжелые предчувствия с новой силой вспыхнули в душе молодой девушки; тем

не менее она поспешила исполнить волю отца.

Дон Фернандо ни разу не переступал порога этой комнаты с тех пор, как покойный маркиз де Могюер так безжалостно изгнал из семьи своего сына Родольфо. Ничто не изменилось за минувшие годы в этом холодном и мрачном покое. Но время, под воздействием которого еще сильнее потускнели вышивки и гобелены и мебель выглядела еще более потертой, наложило на всю комнату отпечаток неизъяснимой грусти, от которой у доньи Марианны, когда она вошла туда, пробежали мурашки по телу.

Отец уже ожидал ее. Он расхаживал взад и вперед по возвышению, вдоль старинных кресел. Увидев дочь, он не прерывая своей прогулки указал знаком на ее место.

Молодая девушка, замирая от волнения, опустилась, вернее, упала в кресло.

Вскоре пришел дон Руис, а вслед за ним и Паредес. Маркиз занял стоявшее в центре кресло с фамильным гербом на спинке, приказал уйравителю запереть дверь и, помолчав нежного, заговорил прерывающимся от волнения голосом:

— Я созвал вас на совет, дети мои, ибо нам предстоит обсудить весьма важные вещи. Я пригласил

также сюда Паредеса, верного и испытанного друга нашего семейства. Надеюсь, вы не станете упрекать меня в превышении моих прав! Молодые люди одобрительно кивнули головами.

— Дети мои, — продолжал маркиз, — уже много лет миновало с тех пор, как наш род начал приходить в упадок… До сегодняшнего дня, щадя вашу беззаботную юность, я переносил один втихомолку все беды и невзгоды, которые не переставали сыпаться на нас. «К чему, — думал я, — взваливать на их молодые плечи такую тяжесть! Несчастье ходит семимильными шагами, и рано или поздно оно настигнет каждого человека. Так зачем же преждевременно омрачать короткие дни светлой юности моих детей! Пусть досыта насладятся ею». Так рассуждал я, дети мои, и боролся один, тая от вас беды, осаждавшие меня, скрывая от вас горькие слезы, обжигавшие не раз мои глаза. Роль счастливого человека была, правда, мне не под силу, но мне удавалось по крайней мере принимать вид человека, довольного той мерой добра и зла, которая отпущена на его долю. И поверьте, что так продолжалось бы и впредь, если бы не страшная, непоправимая беда, которая обрушивается теперь на нас. Только она и вынуждает меня ознакомить вас с ужасным

положением наших дел.

Тут маркиз замолчал, подавленный волнением, от которого сжималось его горло.

— Отец, — сказал дон Руис, — вы всегда были для нас добрым и хорошим отцом. Верьте, отец, что мы давно уже ждем этого откровенного разговора. Напрасно из боязни причинить нам боль вы так долго откладывали его. Мы всегда горячо желали разделить с вами ваши горести и печали и тем самым влить в вас новое мужество для дальнейшей тяжелой борьбы с превратностями судьбы… Говорите же, отец мой, расскажите нам все без утайки!.. Сегодняшний курьер привез вам дурные вести, да?

— Да, сын мой, ты угадал. Вот уже несколько лет как ополчившаяся против нас судьба преследует меня с каким-то неизменным упорством. Все будто нарочно складывается против нас; наше состояние не перестает таять. Тщетно пытался я устоять против этого стремительного потока бедствий — все мои усилия ни к чему не привели. Правда, всего лишь несколько дней назад я надеялся если не восстановить все наше достояние, то по крайней мере спасти нашу фамилию от окончательного разорения. Но ужасные известия, полученные час назад, положительно разбили

все мои надежды. Только чудо может теперь спасти меня от разорения, а вас — от нищеты. Да, дети мои, мы лишились всего, даже этого фамильного замка, который через несколько дней, может быть даже завтра, попадет в руки наших кредиторов.

— Но как и почему все это случилось, отец? — воскликнул дон Руис.

— А вот как! Дела в этой стране, находившиеся давно уже в застое из-за злосчастной нерадивости правительства, пришли в полное расстройство при известии о восстании индейцев бравос и мансос. Торговыми, банковскими и промышленными кругами овладела паника. Все спешат вернуть свои деньги, вложенные в различные предприятия, и припрятать их подальше. Многие фирмы в Эрмосильо, Уресе, Ариспе, Соноре, Мехико объявили себя банкротами и прекратили платежи. А тут еще, как на беду, в Мехико произошло новое пронунсиаменто. Пограничные штаты еще только готовятся отразить нападение индейцев, а внутренние штаты уже охвачены огнем гражданской войны. И вот последствия такого положения дел: кредиторы требуют от своих должников немедленного возврата долгов, в то время как должники, пользуясь создавшейся

обстановкой, стараются не платить по своим обязательствам. Они либо объявляют себя банкротами, либо, ссылаясь на трудности, требуют отсрочки платежей на столь отдаленные сроки, что на эти деньги и вовсе не приходится рассчитывать. Письма, которые я получил сегодня, делятся на две именно такие категории: мои должники отказываются расплатиться со мной, а мои кредиторы получили уже в суде исполнительный лист против меня. Таким образом, если я не выплачу в недельный срок кругленькую сумму в триста восемьдесят тысяч пиастров, я буду объявлен банкротом, выселен из своих владений, а этот замок будет продан с аукциона за бесценок какому-нибудь бывшему нашему вассалу, обогатившемуся за наш же счет.

— Триста восемьдесят тысяч пиастров! — воскликнул дон Руис. — Но откуда же взять такую уйму денег!

— Одна только асиенда стоит в два раза больше этой суммы, — ответил маркиз. — В другое время ничего не стоило бы занять тысяч четыреста под залог поместья. Мало того, разные лица и фирмы должны мне триста тысяч пиастров. Как видишь, сын, в нормальное время я был бы в силах отвести от нас этот новый удар судьбы. Но

сегодня об этом и думать нечего. Нет, уж лучше сразу выйти из игры, предоставив кредиторам делиться остатками нашего достояния.

— Но куда мы тогда денемся, отец? — спросил дон Руис.

— Карай! — воскликнул Паредес. — Не так уж трудно ответить на этот вопрос. Вам ведь всем известно, что у меня имеется небольшое ранчо, которое, слава богу, не обременено никакими долгами. Возьмите его, ми амо, а для себя и для своей старой матери я всегда найду где-нибудь уголок. О, разумеется, я и не думаю сравнивать свой дом с вашим дворцом, но вам все же лучше поселиться у меня, чем искать приюта у чужих людей. Ну как, ваша светлость, решено?

— Благодарю вас, друг мой, — после минутного раздумья произнес маркиз. — Я принимаю ваше предложение. Я не стану, впрочем, долго обременять вас; но ваш дом понадобится мне на несколько дней, в течение которых я сделаю попытку спасти из этой катастрофы хотя бы самые жалкие крохи для моих детей.

— Не заботьтесь о нас, отец! — с жаром воскликнула донья Марианна. — Мы молоды и можем работать.

— Да вы не думайте, ми амо, — вмешался снова

дон Хосе, — мое ранчо не так уж плохо. Я надеюсь, что с божьей помощью вы недурно там устроитесь; у меня по крайней мере вам нечего будет опасаться посещения некой особы.

— Вы намекаете, конечно, Паредес, на дона Руфино Контрераса, — сказал маркиз. — Вы несправедливы к нему. Это один из лучших моих друзей, и я не могу нахвалиться его отношением ко мне.

— Гм! Все возможно, ми амо, всяко бывает... Тем не менее я позволю себе заметить, с вашего разрешения, что было бы благоразумнее повременить немного с окончательным суждением о сеньоре сенаторе.

— Что-нибудь слышали о нем?

— Ничего, ми амо, ничего! Это я просто так, сам с собой разговариваю.

— Да, чуть было не забыл! Отец, ведь у меня письмо к вам от дона Руфино! — воскликнул дон Руис, протягивая маркизу запечатанный конверт.

— А мне, к слову сказать, — пробурчал себе под нос управитель, — всегда были подозрительны люди, которые предпочитают бумагомарание живому слову.

Маркиз тем временем вскрыл конверт и пробе-

жал глазами письмо.

— Ну, по крайней мере, на этот раз, — воскликнул он, — вам не придется обвинять дона Руфино в недостатке искренности и ясности! Он уведомляет меня о мерах, принятых против меня моими кредиторами, и, указав мне затем на безвыюдность моего положения, предоставляет мне возможность, — правда, немного странную, — с честью выйти из него. Короче говоря, он просит у меня руки моей дочери и обещает внести в банк на ее имя, в виде приданого, капитал в полтора миллиона пиастров и расплатиться, кроме того, со всеми моими долгами.

Донья Марианна сидела не шелохнувшись, словно пришибленная этим известием.

— Вот до чего мы дошли, дети мои! — с горечью продолжал маркиз. — Мы, потомки доблестного рода, должны считать себя польщенными искательством человека, так мало подходящего в мужья моей дочери.

— И что же вы намерены ответить, отец, на это странное послание? — спросил дон Руис, задыхаясь от волнения.

— Сын мой, даже угроза самой ужасной нищеты не может заставить меня поступиться моей честью. Моя дочь свободна в своем выборе, она

вольна принять или отвергнуть это предложение. Я не желаю ни в коей мере влиять на ее решение. Она еще молода, и я не имею права приковать ее на всю жизнь к нелюбимому человеку… Подумай, дочь моя, и поступай согласно велению своего сердца. Заранее одобряю всякое твое решение.

— Благодарю, отец, — тихо произнесла молодая девушка, — благодарю тебя, но разреши мне ответить только через восемь дней. Я так поражена и так взволнована, что не смогу сейчас принять какое-либо решение.

— Хорошо, дочь моя, я подожду с ответом. А теперь, дети, прошу вас удалиться. Паредес, вы останьтесь здесь. Прежде чем окончательно покинуть асиенду, мне надо отдать вам некоторые распоряжения.

Брат и сестра, почтительно поклонившись отцу, молча вышли из злосчастной комнаты, в которую члены семьи де Могюер входили лишь в тех случаях, когда на них обрушивалось какое-нибудь несчастье.

XXVIII. Тигреро

Брат и сестра вышли из Красной комнаты, хра-

ня угрюмое молчание. Им было не до избитых взаимных утешений. Они даже не пытались поделиться друг с другом своими печальными мыслями.

Когда они дошли до вестибюля, от которого расходились лестницы в их личные апартаменты, дон Руис, шедший об руку с доньей Марианной,

остановился и, поцеловав сестру в лоб, ласково произнес:

— Прощай! И не падай духом, Марианна.

— Неужели ты собираешься покинуть меня? — упрекнула брата донья Марианна.

— Мне показалось, что ты направляешься к себе.

— Чем ты намерен заняться сейчас, Руис?

— Откровенно говоря, ничем. У меня одна только потребность — движение, одно только желание — бесцельно носиться взад и вперед, наглотаться воздуха, иначе я, кажется, заболею. Эх, оседлаю-ка я сейчас своего Яго и буду часа дваа три скакать по полям куда только глаза глядят!

— Тогда будь добр, Руис, оседлай заодно и мою Мадрину.

— Ты намерена куда-нибудь поехать?

— Да, к своей кормилице. Мы давно не видались с ней, и сегодня мне особенно отрадно побыть у нее.

— И ты поедешь туда одна?

— Да, если ты откажешься составить мне компанию.

— А ты этого хочешь, сестренка?

— И да и нет.

— Что за загадка?

— Я буду откровенна с тобой, Руис. Мне надо повидать кормилицу по делу; может быть, мне придется даже заночевать в ранчо. И мне будет неприятно, если ты станешь отговаривать меня.

— Ты забываешь, Марианна, что теперь в наших краях далеко не спокойно. В случае внезапного нападения это жалкое ранчо не сможет долго сопротивляться. Подумай, что ждет тебя тогда.

— Я обо всем подумала, Руис, я все взвесила. Но повторяю: мне надобно ехать в ранчо и, возможно, остаться там даже не на одну ночь, а на двое-трое суток.

— Я знаю, сестра, что ты не какая-нибудь глупышка, — после минутного раздумья произнес дон Руис. — Прежде чем действовать, ты все тщательно обдумаешь и взвесишь. Ты не открываешь мне цели своей поездки, но я не сомневаюсь в ее серьезности и поэтому не стану перечить тебе. Делай как знаешь, я буду во всем помогать тебе.

— Благодарю тебя, Руис! — с жаром воскликнула донья Марианна. — Другого ответа я и не ожидала от тебя.

— Итак, я иду седлать лошадей?

— Иди, я подожду тебя здесь, — сказала донья Марианна, спустившись вместе с братом во двор.

Ей недолго пришлось ждать: скоро показался дон Руис, ведя в поводу двух оседланных коней. Брат и сестра вскочили в седла и выехали из замка.

Было около четырех часов пополудни. Близился закат, спадал дневной жар, отовсюду неслось звонкое пение птиц, приятной прохладой веяло от вечернего ветерка, уносившего далеко на запад тучи мошкары, до этого времени положительно затемнявшие яркий солнечный свет.

Молодые люди молча ехали рядом. Занятые своими мыслями, они не замечали чудесного ландшафта, развертывавшегося во всем своем богатом разнообразии по мере их продвижения. Так, не обменявшись ни словом, и домчались они до ранчо.

Бухало, верный своей привязанности к донье Марианне, заблаговременно возвестил о ее приближении. Все обитатели ранчо, не исключая и слепого старика Санхеса, высыпали навстречу своей любимице.

С первого же взгляда донья Марианна успела убедиться в том, что ее молочный брат дома.

— Ах, боже мой, нинья! Каким благодатным ветром занесло вас так поздно сюда! — радостно воскликнула кормилица.

— Просто захотелось повидать вас, мадресита[79]. Я так давно не целовала вас, что мне положительно стало невтерпеж.

— Как жаль, что вы так поздно, ниньа! — сказал старик Санхес. — Мы едва успеем перебросить несколькими словами.

— Как знать! — ответила донья Марианна и, соскочив с коня, обняла старика. — А я вот возьму да и переночую у вас!

— Не может быть! Неужели вы в самом деле хотите так осчастливить нас, ниньа?

— Да, хочу. И в доказательство я попрошу моего брата оставить меня здесь, а самому вернуться в асиенду.

— Так!.. Значит, меня уже в отставку! — засмеялся дон Руис.

— Жаловаться теперь поздно: ведь я предупреждала тебя.

— Я не жалуюсь; скажи только, в котором часу мне приехать за тобой завтра.

— Об этом не беспокойся, Руис. Мариано сам проводит меня домой.

— И на этот раз, ниньа, я поступлю иначе. Убей меня бог, если я хоть на шаг отстану от вас! — вос-

---

[79] Примечания: 79
Мадресита — матушка. Примеч. авт.

кликнул тигреро.

— Неужели ты уже гонишь меня, жестокая? — шутливо произнес дон Руис.

— Нет, отчего же! Отдохнешь, закусишь немного… На все это тебе дается час времени. После чего… исчезни, испарись!

— И на том благодарю, сестренка! — засмеялся Руис.

Все вошли в ранчо.

Старуха Санхес успела уже, с проворством и радушием хозяйки мексиканского ранчо, поставить на стол разные прохладительные напитки: пульке, мескаль, каталонскую водку, оранжад и тамариновую настойку. Гости, измученные жаждой, не стали, конечно, отказываться и, к великому удовольствию гостеприимных хозяев, без всяких церемоний налегли на обильное угощение.

Дон Руис, ласково поддразнивая донью Марианну, в глубине души не сомневался, что решение сестры остаться в ранчо не было простой прихотью, а вызывалось серьезными соображениями. Развеселившись, дон Руис не скупился на остроумие. Заметим тут кстати, что образованные мексиканцы свободно общаются с простым людом, не опасаясь быть непонятыми, чего нельзя

сказать о французах, остроумие которых угасает, лишь только они садятся за один стол с простыми людьми.

Когда день стал клониться к вечеру, дон Руис попрощался с хозяевами, вскочил на коня и помчался обратно в асиенду.

Вечер в Мексике, как и во всех субтропических странах, — самое приятное время суток; неудивительно, что здешний народ предпочитает проводить его на открытом воздухе, а не взаперти. С наступлением темноты люди рассаживаются на лавочках у своих ранчо, беседуют, поют, пляшут и до трех часов ночи даже не помышляют о сне.

Донья Марианна любила проводить так вечера в гостях у кормилицы.

Однако на этот раз она тотчас же после отъезда дона Руиса стала зевать и вообще обнаруживать такие явные признаки усталости, что старики предложили ей отправиться на покой, да и сами вскоре последовали ее примеру.

Молодой тигреро предпочел открытый воздух комнатам, не остывшим еще от дневного жара. После обычного обхода ранчо он подвесил гамак у ворот и как был в одежде, так и повалился спать.

Спустя час, когда все в ранчо, в том числе и тиг-

реро, крепко спали, Мариано ощутил сквозь сон ласковое прикосновение чьей-то руки к своему плечу. Он раскрыл глаза: перед ним стояла донья Марианна.

— Что случилось? Что с вами, токайя?

— Тсс!.. Говорите тише, — шепнула она. — Ничего не случилось, все спокойно, Мариано, просто мне надо поговорить с вами.

— Слушаю вас, токайя! — шепнул тигреро, одним прыжком соскочив с гамака на землю.

— Мне так было жаль, Мариано, вспугнуть ваш сладкий сон. Я простояла около гамака с четверть часа, не решаясь разбудить вас.

— Ну, это вы напрасно, нинья! — засмеялся тигреро. — Наш брат, лесной бродяга, спит так крепко, что за один час славно высыпается. А я, если не ошибаюсь, залег часа два назад. Итак, говорите, нинья, я весь внимание.

С минуту донья Марианна собиралась с мыслями.

— Вы любите меня, Мариано? — неуверенно произнесла она наконец.

— Как родную сестру! Постыдились бы задавать такие вопросы!

— Это потому, Мариано, что я хочу просить вас оказать мне большую услугу.

— Говорите, нинья, не бойтесь: отказа не будет. Вы знаете, что я предан вам душой и телом.

— Берегитесь, Мариано! Не связывайте себя слишком твердыми обещаниями: есть вещи, перед которыми люди отступают, — с лукавой усмешкой произнесла она.

— Возможно, нинья, вполне возможно; но для меня ничего такого не существует, коль скоро речь идет о вас.

— Скажите, Мариано, вы дружны с охотником по прозванию Твердая Рука?

— Очень, очень дружен с ним!

— Он благородный человек? — спросила донья Марианна.

— Признаться, я не совсем понимаю ваш вопрос, нинья.

— Ну, можно ли на него положиться? Умеет он держать свое слово? Иначе говоря, хороший ли он человек?

— Сеньорита, — проникновенно начал Мариано, — однажды я находился в таком отчаянном положении, что мне оставалось только положиться на господа бога. Мне помог Твердая Рука, он спас мне жизнь. Да разве только мне! Я видел не раз, как этот человек совершал ради людей подвиги, невероятные по своей дерзости и отваге.

Он для меня больше, чем друг… даже больше, чем брат. В любую минуту я готов отдать за него жизнь. Вот что я думаю, нинья, об охотнике по прозванию Твердая Рука!

— И вы часто видитесь с ним?

— Всякий раз, когда у меня имеется надобность к нему, а у него — ко мне.

— Значит, он живет где-то поблизости?

— Не так давно он гостил несколько дней у нас.

— Неужели?! Может быть, он собирается вновь побывать у вас на этих днях?

— Не знаю.

— А что же он тут делал?

— Не знаю точно; думаю, что он охотился, хотя за все время его пребывания в ранчо он ни разу не приносил дичи.

— Вот как! — задумчиво протянула донья Марианна. После минутного размышления она снова заговорила: — А вы сумели бы, Мариано, найти этого охотника, если бы мне понадобилось повидать его?

— Надеюсь.

— Надеетесь? Значит, не совсем уверены?

— Простите, нинья, я не так выразился. Конечно, я найду его: есть такое место, где мы обычно

встречаемся.

— Но может случиться, что как раз в этот день его там не окажется.

— Что же тогда?

— Тогда я отправлюсь в другое место, где уж наверняка застану его.

— Что же это за место?

— Деревня, в которой он живет.

— Далеко отсюда?

— Всего в нескольких лье.

— И как называется эта деревня?

— Это папагосское селение, нинья.

— Папагосское?!

— Да, я забыл сказать вам, нинья, что хотя Твердая Рука по своему происхождению белый человек, он, по неизвестным мне причинам, сблизился с индейцами; одно могущественное индейское племя даже усыновило его.

— Как все это странно! — прошептала донья Марианна.

— Не правда ли? — подтвердил тигреро, сейчас меньше, чем когда-либо, понимавший, к чему клонися этот длинный разговор в такой поздний час, да еще под открытым небом.

— Мариано, — произнесла она наконец, энергично тряхнув при этом головой, — я уже сказала,

что намереваюсь просить вас оказать мне услугу.

— Да, и я обещал исполнить вашу просьбу.

— Так вот чего я жду от вас: мне надобно повидаться с Твердой Рукой.

— Очень хорошо. Когда?

— Сейчас же.

— Как вы сказали?

— Уже отказываетесь?

— Нисколько. Но…

— А!.. Есть одно «но»?

— Оно бывает при любых обстоятельствах.

— Так! Какое же у вас «но»?

— Сейчас еще ночь, токайя.

— Какое это имеет значение?

— Самое ничтожное…

— А именно?

— Немного далековато.

— У нас добрые кони!

— А если мы не застанем его в том месте?

— Мы поедем в ту деревню.

Тигреро снова пристально взглянул на нее.

— Вам так необходимо видеть его, нинья?

— Чрезвычайно…

— Гм… Видите ли, это гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Почему?

— Да потому, что не так просто проникнуть в эту индейскую деревню.

— Но ведь вы только что сказали, что вхожи туда.

— Я, но не вы, нинья.

— А я пройду за вами, только и всего.

— Да ведь индейцы находятся в состоянии войны с бледнолицыми мексиканцами.

— Что вам до этого? Ведь вы их друг!

Тигреро неодобрительно покачал головой.

— Это опасная игра! Слишком многим вы рискуете.

— Конечно, если проиграю. Но я выиграю!

— Послушайтесь меня, токайя: откажитесь от этого намерения.

— Сознайтесь лучше сразу, что вы отказываетесь от своего обещания.

— Вы несправедливы ко мне; я только пытаюсь отговорить вас, пока еще не поздно, от предприятия, в котором вы, может быть, глубоко раскаетесь впоследствии.

— Уж это мое дело! Повторяю вам, Мариано: это не прихоть, имеются серьезные соображения, в силу которых мне необходимо повидаться с охотником. Поймите же, самые серьезные! А если

и этого вам мало, то я прибавлю, что Твердая Рука сам просил меня при известных обстоятельствах обратиться к нему. Мало того, именно он сказал мне, что вы можете устроить эту встречу. И этого вам мало? Все еще сомневаетесь?

— Ну, если так, — воскликнул тигреро, — я готов повиноваться вам, нинья! Но только прошу вас не пенять на меня, если что случится.

— Что бы ни случилось, Мариано, все равно я буду вечно хранить в своей душе признательность к вам. Вы даже не представляете, что вы сделаете для меня, проводив к Твердой Руке!

— И вы по-прежнему хотите ехать сейчас же, нинья?

— Сколько туда пути?

— Десять-двенадцать лье.

— Сущий пустяк, Мариано.

— Да, если ехать по торной дороге. Но ведь нам придется следовать едва приметными звериными тропками.

— Ночь стоит светлая — не собьемся с пути. Едем!

— Воля ваша, едем! — сказал тигреро и направился в загон. Спустя несколько минут два всадника, выехав из ранчо, во весь опор помчались по прерии.

Было около часу пополуночи. Луна заливала землю своим сиянием. Было светло как днем.

XXIX. Путешествие

Энергия, твердая воля и пламенный темперамент — эти основные черты характера доньи Марианны созревали в суровой действительности пограничного края Мексики, где на каждом шагу человека подстерегает опасность. В будничной жизни такие характеры ничем себя не проявляют. Дремлющая в них энергия пробуждается только тогда, когда на них обрушивается несчастье. О, тогда они умеют постоять за себя, стойко выдерживают удар судьбы и смело вступают в бой с враждебными силами!

Еще там, в Красной комнате, где маркиз открылся, наконец, своим детям, в душе доньи Марианны, сначала ошеломленной сообщением отца, все вдруг взбунтовалось. В поисках выхода она вспомнила слова Твердой Руки. У нее зародилась смутная надежда, что он сможет указать путь к спасению от несчастья, нависшего над ее головой.

Она перебирала в своей памяти всю свою жизнь с того момента, когда покинула город Сан-Роса-

рио, вспомнила, как охотник не раз приходил ей на помощь, задумалась над недавним своим разговором с Твердой Рукой, и для нее стало очевидным, что этот человек, который лучше, чем она, а может быть, даже лучше, чем сам маркиз, разбирается в коварных махинациях недругов семьи де Могюер, сумеет помочь ей. И с решимостью, свойственной только сильным натурам, донья Марианна направилась прямо к своей цели.

Предприятие это, в сложной обстановке индейского восстания и гражданской войны, было далеко не легким и отнюдь не безопасным для молодой девушки.

Дочь маркиза де Могюера, скачущая ночью вдоль индейской границы, по дорогам, кишащим разбойниками, — в этом было нечто дерзновенное! Правда, ее сопровождал храбрый человек, но что мог бы сделать он один против целой банды?

От сознания, что она находится одна в чужом мире, донья Марианна не раз внутренне содрогалась. Но отважная и гордая девушка, воодушевленная благородной целью, ничем не выдавала своих чувств. Она держалась уверенно и непринужденно, беседовала вполголоса с тигреро о самых посторонних вещах, поддразнивала

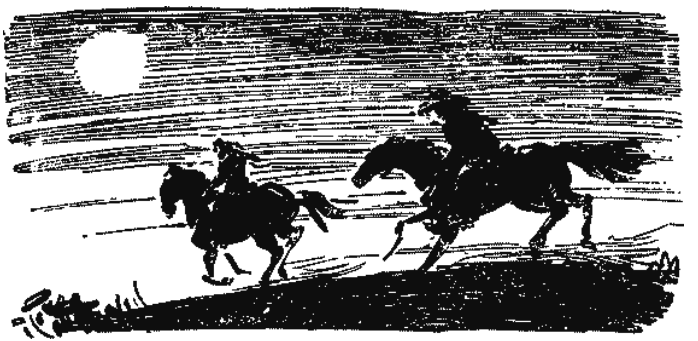
своего спутника, шутливо высмеивая его страхи и предостережения, и восхищалась прелестями прогулки по незнакомым местам в такую дивную ночь.

Что же касается Мариано, то он отказывался понимать что-нибудь в затее доньи Марианны. Он сразу решил, что все это не что иное, как прихоть немного взбалмошной девушки, и поэтому не доискивался более глубоких причин столь странной экспедиции. С детства он привык исполнять все желания своей токайи. И теперь, ни о чем не думая, он был в восторге от сознания, что доставляет ей какую-то радость. Впрочем, он и сам наслаждался неожиданно представившейся возможностью провести с ней наедине несколько часов.

Не следует, однако, ложно истолковывать чувства тигреро к донье Марианне. Он любил свою молочную сестру, любил ее всей душой, готов был в любую минуту отдать за нее свою жизнь, но в этом живом и горячем чувстве не было и тени личной заинтересованности. Это была чистая дружба, пламенная и самозабвенная, — самое возвышенное чувство, которое только может возникнуть в сердце мужчины.

Сознание огромной ответственности за жизнь

доньи Марианны ни на одну минуту не покидало тигреро. Он настороженно прислушивался к малейшему шуму, внимательно всматривался в лесные опушки. В любую минуту он готов был беззаветно биться за свою молочную сестру.



Они ехали по пересеченной, но, к счастью, малолесистой местности. Да и яркий лунный свет исключал возможность неожиданного нападения.

Донья Марианна с любопытством поглядывала по сторонам, изредка спрашивая тигреро, скоро

ли они доберутся до, места его встреч с Твердой Рукой.

Наконец Мариано, остановив коня, указал ей рукой на небольшую горку над рекой, на самой вершине которой мелькало, пробиваясь сквозь высокую траву, пламя угасающего костра.

— Вот туда мы и направимся, нинья.

— О, да нам осталось всего несколько минут ходу! — радостно воскликнула донья Марианна.

— Вы ошибаетесь, нинья. Во-первых, тропа, по которой мы следуем, очень извилиста; во-вторых, этот прибрежный холмик совсем не так близок, как вам кажется. В такую ясную ночь человек теряет способность ориентироваться и становится жертвой оптического обмана. На самом деле до этого берега около двух лье по птичьему полету, то есть напрямик. А если принять во внимание все обходы извилистой тропки, то наберется, пожалуй, и все четыре лье.

— Но отчего бы нам, в таком случае, не взять напрямик, по полям?

— Боже нас упаси, нинья! Мы попали бы в зыбучие пески, которые поглотили бы нас в несколько минут.

— Полагаюсь на вас, токайо! Впрочем, теперь, когда я уверена благодаря этому огоньку, что

Твердая Рука на месте, мне уже не к спеху.

— Простите, дорогая токайя, но я вовсе не говорил вам, что мы непременно застанем там Твердую Руку.

— А что же вы тогда сказали?

— Только то, что у нас имеются шансы застать его там, так как Твердая Рука разбивает обычно на том пригорке свой бивак, когда охотится в здешних местах.

— Но ведь это же пламя его костра? Или, может быть, вы станете утверждать, что это вовсе и ие костер?

— И не подумаю! Неизвестно только, кто развел этот костер. Ведь, кроме Твердой Руки, есть еще и другие охотники, и эта вышка, с которой легко наблюдать за всей окрестностью, давно уже облюбована ими для ночных стоянок.

— Значит, вы полагаете, что Твердой Руки там нет?

— Нет, и этого я не говорил, нинья! — ответил охотник.

— Так скажите же толком, что вы думаете! — воскликнула донья Марианна, сердито стукнув рукой по луке седла. — Право, вы бываете иногда несносным, токайо!

— Не волнуйтесь, токайя, ничего еще не поте-

ряно. Если мы застанем там другого охотника, мы сможем узнать у него, где находится сейчас Твердая Рука.

— А почем вы знаете? Может быть, там вовсе не охотники, а какой-нибудь индеец?

— Нет, индейцев там нет.

— Ну уж на этот раз, Мариано, я попрошу вас ответить: откуда вам это известно.

— Не надо быть волшебником, чтобы разгадать такую простую вещь.

— Вот как! Вы полагаете, что это очень просто?

— Конечно!

— Тогда потрудитесь объяснить мне; учиться, говорят, никогда не поздно.

— Вы все шутите, токайя, а между тем это так: никогда нельзя пренебрегать уроками прерии.

— Ладно, без нравоучений, токайо! Я жду вашего объяснения.

— Так слушайте же. Индейцы, из опасения быть тотчас же обнаруженными, никогда не разводят костра на мексиканской границе. В тех редких случаях, когда обстоятельства вынуждают их к этому, индейцы принимают всевозможные меры предосторожности. Они разводят костры только в глубоко вырытых ямах и употребляют для этого лишь самое сухое дерево, которое они берут с

собой в поход. Из глубокой ямы вырывается едва приметное пламя, а сухое дерево горит без дыма и не дает искр. Понятно?

— Но и этот костер едва приметен, мой друг.

— Но он все же виден издалека. И будь это индейцы, они дорого заплатили бы за такую неосторожность!

— Верно, приятель! Сразу виден бывалый человек, — раздался в нескольких шагах от них грубый, но не лишенный добродушия голос.

Путники невольно вздрогнули и, пугливо озираясь, увидели человека, стоящего на тропе. Он опирался обеими руками на ствол ружья. В эту критическую минуту Мариано не растерялся: молниеносным движением он вскинул свой карабин и навел его на незнакомца.

— Эй, дружок! — продолжал между тем тот, нисколько, по-видимому, не смущаясь враждебными намерениями тигреро. — Смотри, что делаешь! Этак недолго и убить старого приятеля.

— Гм!.. Голос как будто знакомый, — сказал тигреро, не опуская, однако, ружья.

— Еще бы! Тебе да не узнать его!

— Неужели Свистун?

— Наконец-то! Он самый и есть, — усмехнулся канадец.

— Это друг, — сказал тигреро и закинул ружье за спину.

— Кто он? — спросила донья Марианна.

— Траппер, канадский охотник, типичный сын своего народа.

— Вы в нем уверены?

— Как в самом себе; честнейший парень.

— Канадцы недаром слывут за порядочных людей! Спросите его, что он тут делает.

— Хо! Это уж мое дело, — ответил Свистун на вопрос Мариано. — Скажите лучше, куда вы мчитесь ночью в таком неподходящем обществе да еще в такое смутное время?

— А я, как видите, путешествую, — ответил ему в тон Мариано.

— Возможно. Но каждое путешествие предпринимается с какой-нибудь целью. А я, откровенно говоря, не возьму в толк, куда это вы так стремитесь по этой тропе?

— А туда, где мы надеемся встретить человека, которого ищем.

— Гм… Неохота мне что-то допрашивать вас как следует, хотя я, может быть, имею на это право; но вам лучше повернуть назад, чем двигаться вперед. Так я полагаю.

— А это не от меня зависит, Свистун, — отвечал

тигреро.

— Почему?

— Потому что не я командую этой экспедицией.

— Не вижу никого другого: ведь вас тут всего двое!

— Вы забываете, сеньор, — вмешалась в их разговор донья Марианна, — простую вещь: когда из двух одна — женщина…

— …то она и командует, — прервал ее Свистун. — Простите, сеньорита, мою забывчивость!

— Прощаю великодушно, — в том же шутливом тоне произнесла донья Марианна. — Но при условии, что вы ответите на некоторые мои вопросы.

— Я слушаю вас, сеньорита.

— Я хотела бы знать, что это за бивак там, вдали?

— Это стоянка охотников, сеньорита.

— Вы знаете этих людей?

— Еще бы, сеньорита! Я сам из их числа.

— Видите ли, сеньор, — после минутного колебания произнесла донья Марианна, — по некоторым важным соображениям мне необходимо немедленно повидаться с одним охотником. Может быть, он находится среди ваших товарищей.

— Вы знаете его лично, сеньорита?

— Да. Его зовут Твердая Рука.

Услышав это имя. Свистун быстро приблизился и пристально взглянул на девушку.

— Вы, кажется, сказали, что у вас важное дело к Твердой Руке?

— Очень важное, повторяю вам, сеньор.

— Тогда, значит, вы и есть донья Марианна де Могюер?

— Как вы узнали?

— Не удивляйтесь, сеньорита. Твердая Рука — мой друг. Он предупредил меня, что вы, быть может, будете разыскивать его здесь.

— Он знал? — пробормотала донья Марианна. — Но как он мог знать?

Загадочная осведомленность охотника обо всем, что касалось ее жизни, начинала пугать донью Марианну.

— Он не смел этому верить, сеньорита, он только надеялся, — сказал охотник, словно прочитав ее мысли. — И меня он предупредил о вашем возможном посещении, не вдаваясь ни в какие подробности, поверьте мне, сеньорита. Просто он не хотел затруднять вас излишними розысками и поручил мне оказать вам в этом содействие.

— В таком случае, сеньор, — с обычной своей решимостью произнесла донья Марианна, — про-

шу вас проводить нас к этому биваку.

— Охотно, сеньорита. Могу вас заверить, что вам окажут там радушный прием, несмотря на отсутствие вашего друга.

— Как?! — воскликнула пораженная донья Марианна. — Его там нет?

— Да вы не волнуйтесь, сеньорита, он скоро вернется.

— Боже мой! — простонала девушка.

— Разрешите мне отправиться вперед, сеньорита, чтобы подготовить все к вашей встрече.

— Да, но Твердая Рука…

— Скоро вернется, — успокаивал ее Свистун. — Я сам уведомлю его. К утру он будет на месте.

— Даете слово, сеньор?

— Честное слово охотника прерий!

— Тогда идите… С богом!

Свистун вежливо поклонился и, взяв наперевес свое ружье, пригнулся и нырнул в кустарник.

— Ну, токайя, теперь мы можем смело двинуться вперед. Я хорошо знаю Свистуна — это добрый и честный парень. Слово его верное.

— Только бы мне встретиться с Твердой Рукой!

— «Встретиться»! Сами видите, какие меры приняты на случай вашего появления в этих краях.

— Вот это-то и пугает меня. Но будь что будет!

Едем!

С этими словами она стегнула свою лошадь и помчалась вперед. За ней последовал тигреро, так же мало понимавший смысл этого восклицания, как не мог он раньше постичь желания доньи Марианны немедленно увидеться с охотником.

XXX. Лагерь охотников

До стоянки охотников было уже недалеко, и наши путешественники прибыли туда на полчаса позднее Свистуна.

Однако за это короткое время Свистун, бывалый человек, успел совместно с другими охотниками соорудить для доньи Марианны шалаш из древесных веток. В условиях прерий это был довольно сносный кров.

Стоянка охотников смахивала скорее на военный лагерь, чем на бивак. На подступах к нему высились засеки из цельных срубленных деревьев. У коновязей стояли разнузданные, но оседланные кони. Сторожевые огни, зажженные на одинаковом расстоянии друг от друга, освещали подступы к лагерю. Пять часовых, сидя на корточках с ружьями наизготовку, наблюдали с вышек бастионов за прерией; от их зорких глаз

не могло ускользнуть ни малейшее движение в кустарнике.

Человек тридцать охотников спали, растянувшись у костров. Это были люди с энергичными и суровыми лицами, в одежде трапперов; на них были меховые шапки, куртки из миткаля, кожаные штаны. Руки их покоились на ружьях; они готовы были открыть огонь при первой же тревоге.

Часовые, выполняя, очевидно, заранее полученный приказ Свистуна, молча пропустили наших путников через проход в одной засеке, немедленно закрывшийся за ними.

Канадец ожидал гостей перед шалашом.

— Добро пожаловать, сеньорита! — сказал он, помогая донье Марианне сойти с лошади. — Мы приготовили вам в этом шалаше постель из мха. Спите спокойно, никто, кроме вас, не посмеет переступить этого порога.

— Благодарю вас, сеньор, но я воспользуюсь вашим любезным вниманием только после того, как узнаю, предупрежден ли Твердая Рука о моем приезде.

— За ним посланы два гонца, сеньорита. Но снова повторяю вам: он прибудет сюда только к утру. Не хотите ли закусить с дороги?

— Благодарю вас, нет, — отвечала донья Марианна и, улыбнувшись Свистуну и пожав руку тигреро, скрылась в шалаше.

Как только завеса из одеяла, заменявшего дверь, опустилась за доньей Марианной, тигреро снял со своих плеч плащ и с невозмутимым спокойствием расстелил его перед входом в шалаш.

— Что вы делаете? — спросил удивленный Свистун.

— Как видите готовлю себе постель.

— Неужели собираетесь ночевать здесь?

— А почему бы и нет?

— Да просто потому, что вам здесь будет холодно.

— Ба! Ночь скоро кончится, ведь уже поздно.

— Вы что, не доверяете нам?

— Не в том дело, Свистун. Донья Марианна — моя молочная сестра, да к тому же еще и токайя. Значит, мне и надлежит охранять ее покой.

— Э, нет, сегодня эта обязанность лежит на мне! — возразил Свистун.

— Прекрасно! Двое часовых всегда лучше одного!.. Послушайте-ка, Свистун, я вполне и безоговорочно доверяю вам и все же никому никогда не уступлю охрану моей молочной сестры. Вы ведь хорошо знаете меня. Свистун: коли мне что

втемяшится в голову — я не уступлю; прав я или нет, все равно не уступлю.

— Как хотите! — рассмеялся Свистун, предоставив тигреро устраиваться как ему нравится.

А тигреро, хотя и знал лично — вернее, потому, что знал лично, — всех собравшихся здесь охотников, не хотел оставить донью Марианну на произвол этих, как ему казалось, необузданных людей, привыкших к свободным нравам прерий. Кто знает, не нарушат ли они под влиянием спиртного священных законов гостеприимства?

Надо, однако, заметить, что на этот раз тигреро, при всем своем знании нравов и жизни пустыни, жестоко ошибался.

У нас нет никакого намерения стать на защиту распущенных людей, которые, не имея ни малейшего желания приспособиться к нормам общественной жизни, удалились в прерии якобы для того, чтобы обрести там свободную жизнь, а в действительности лишь только для того, чтобы дать волю своим порокам. Однако нельзя не отметить, что с течением времени кочевой образ жизни сам по себе оказывает на них благотворное влияние, изменяет их характер, смягчает их нравы. Опасности, которым они постоянно подвергаются, лишения, которые им приходится

переносить, помогают им избавиться от своих дурных задатков и благоприятствуют развитию хороших начал человеческого характера. За суровыми и часто грубыми повадками таятся честность и добропорядочность — качества, от которых они некогда были весьма далеки.

Это можно бесспорно отнести по крайней мере к двум третям отважных пионеров, осваивающих обширные американские саванны. Но наряду с ними прерии притягивают к себе и низкие, неисправимые натуры. После нескольких лет жизни в этих пустынных и малолюдных краях из них вырабатываются отпетые бандиты. Они-то и пополняют собою те преступные банды степных пиратов, которые подстерегают путешественников, набрасываются на них, как стервятники на свою добычу, — короче говоря, живут разбоем и убийством.

Однако всем этим обитателям прерий, кто бы они ни были — дурные или хорошие, бледнолицые, метисы или индейцы, трапперы или разбойники, — всем им одинаково свойственно чувство гостеприимства, законы которого они свято чтут и, добавим, выполняют с необычайной щедростью и благожелательностью. Усталый путник, застигнутый ночной мглой или непогодой,

может без всякой опаски просить приюта около первого попавшегося на его пути костра или постучаться в двери любого шалаша встречной индейской деревушки. С этого момента путник становится священной особой для тех, к кому он обратился. Индейцы бравос, охотники или даже степные пираты, которые без зазрения совести свернули бы шею этому же самому путнику, попадись он им в руки где-нибудь в степной глуши, принимают гостя как родного брата и окружают его трогательным вниманием. Сколько бы ни оставался путник у них, они никогда ни одним словом, ни одним жестом не намекнут ему, что он слишком долго загостился, и радушие их останется неизменным. Более того, при расставании они неохотно будут отпускать его и распрощаются с ним с неподдельной грустью и сердечной теплотой. Бывает, правда, и так, что радушный хозяин, встретив дней через восемь своего гостя где-нибудь в лесу, не постесняется ограбить и прикончить его или же снять с него скальп; но такая опасность грозит путнику только в том случае, если он имеет дело с закоренелыми степными пиратами или с индейцами, да и то только некоторых племен Дальнего Запада. Что же касается трапперов, то для них особа путника,

разделившего с ним однажды пищу и ночлег, остается навсегда священной.

И охотники, на которых с опаской поглядывал тигреро, были простыми и грубоватыми, но порядочными людьми; у них даже в мыслях не было намерения оскорбить донью Марианну. Напротив, польщенные тем, что такая прелестная девушка доверилась им, они готовы были сами защитить ее от любого обидчика. Вот почему опасения тигреро вызвали насмешливую улыбку Свистуна.

Донья Марианна намеревалась было бодрствовать те немногие часы, которые оставались до рассвета. Но в лагере царило полное спокойствие, и девушка, одолеваемая усталостью, уснула глубоким сном. Как только забрезжил рассвет, Донья Марианна вскочила, привела в порядок свое измятое платье и вышла из своего шалаша.

Лагерь был еще погружен в ночную тишину. Кроме часовых, зорко всматривавшихся вдаль, все охотники спали, растянувшись там и сям на земле.

Заря чуть занималась, алыми облачками загораясь на небе; утренний холодный ветерок шевелил ветки лесных гигантов; бесчисленные цветы поднимались и, выпрямляя свои стебли,

тянулись открывавшимися венчиками навстречу первым солнечным лучам; степные ручейки, журча, пробивали себе путь сквозь густые заросли; прыгая с белого камня на серый и с серого на белый, они несли свои серебряные воды в дань Рио Браво-дель-Норте, капризные излучины которой издалека выдавали себя седыми клубами тумана, стелившимися над рекой.

То здесь, то там начинала звучать робкая прелюдия птичьего концерта, хотя большинство певцов еще прятались в листве. Ликующая земля, безоблачное небо, прозрачный воздух — все предвещало прекрасный и ясный день.

Ликующая земля, безоблачное небо, прозрачный воздух — все предвещало прекрасный и ясный день.

Донья Марианна, выспавшаяся и посвежевшая, с наслаждением вдыхала чудесные испарения утренних полей, терпкий аромат, присущий одним только американским прериям. Девушка решилась даже выйти из шалаша. Перед ней расстилались далекие поля. Это глубокое спокойствие пробуждавшейся природы, эта мощная симфония прерий наполняли сердце девушки тихой отрадой. Она невольно отдалась мечтам и мыслям, всегда возникающим в чистых сердцах

перед величавым зрелищем природы.

Солнце уже совсем взошло, ослепительные лучи дневного светила неутомимо преследовали последние уходящие тени, когда донья Марианна внезапно радостно вскрикнула: вдали показалась кавалькада всадников, направлявшаяся, по всей видимости, в лагерь. Тигреро, разбуженный ее криком, мгновенно вскочил и, с ружьем наизготовку, вопросительно уставился на нее.

— Доброе утро, токайо! — приветливо произнесла донья Марианна.

— Да хранит вас бог, нинья! — отвечал он, все еще тревожно оглядываясь. — Как спали?

— Превосходно, Мариано!

— Рад слышать. Но почему вы так вскрикнули?

— Я? Поверите ли, друг мой, сама не знаю почему. Ах да! Видите там кавалькаду, которая во весь опор мчится сюда?

— Карай! Как они скачут! Они будут здесь через какие-нибудь полчаса!

— Как думаете, токайо, Твердая Рука с ними?

— Полагаю, что да.

— А я в этом уверен, — произнес Свистун, приветливо раскланиваясь с доньей Марианной.

— Откуда такая уверенность, сеньор? — взвол-

нованно спросила донья Марианна.

— Да потому, что я узнал его. Ну как, сеньорита, умеет Свистун держать свое слово?

— Не знаю как и благодарить вас, сеньор!

— Ба! Я только простой исполнитель воли моего друга, сеньорита. К нему и адресуйтесь со своими благодарностями!

Лагерь между тем начинал пробуждаться.

Охотники, позевывая и потягиваясь, принимались за работу. Одни водили коней на водопой, другие кололи дрова и подбрасывали их в почти потухший уже костер, а трое, те, что были постарше, исполняя обязанности поваров, занялись приготовлением завтрака для всего отряда.

Изменился и облик лагеря. Он жил теперь той кипучей и деятельной жизнью, когда каждый выполняет свое задание с лихорадочной поспешностью человека, знающего цену времени.

Донья Марианна, пораженная сначала всем этим гамом, смехом и толчеей, быстро освоилась с непривычной для нее обстановкой и с интересом следила за работой охотников.

Вдруг отчетливо прозвучавший окрик часового «кто идет?» заставил ее оглянуться.

— Друг! — последовал ответ, и она узнала голос Твердой Руки.

И вот уже кавалькада во главе с охотником галопом въехала в лагерь.

Соскочив с коня, Твердая Рука обменялся несколькими словами со Свистуном и тотчас же направился к донье Марианне, с удивлением глядевшей на его спутников. Твердая Рука был не один: с ним прибыли Огненный Глаз, донья Эсперанса и несколько индейских слуг.

Приблизившись к донье Марианне, Твердая Рука низко поклонился и, повернувшись к двум сопровождавшим его особам, сказал:

— Разрешите, сеньорита, представить вам мою мать, донью Эсперансу, и моего отца. Оба они успели уже полюбить вас и пожелали поэтому приехать сюда вместе со мной. Молодая девушка вся зарделась от радости, которая уступила место смущению, когда донья Эсперанса и сашем обняли и расцеловали ее. Она положительно не понимала, почему ее так сердечно обласкали люди, внешность которых говорила об их высоком положении, и не знала, как отвечать на их ласки и знаки дружеского расположения.

Тем временем охотники с необычайным проворством успели раскинуть палатку из полосатого тика, в одном из отделений которой поспешили уединиться донья Марианна с доньей Эсперансой. Обе женщины, мгновенно проникшись взаимной симпатией, предоставили мужчинам заниматься своими делами, а сами завели дружескую и оживленную беседу.

Донья Марианна, очарованная своей собеседницей, к которой она почувствовала безотчетное и неудержимое влечение, решила без утайки открыться ей во всем. Каково же было удивление молодой девушки, когда она убедилась, что донья Эсперанса, только что познакомившаяся с ней, была осведомлена о тяжелом положении дел маркиза де Могюер. Донье Марианне не пришлось даже много распространяться насчет причин, побудивших ее приехать в этот лагерь. Донья Эсперанса, разбиравшаяся лучше ее в этих делах, пришла ей на помощь и, смеясь, рассказывала все за донью Марианну.

— Я могла бы добавить к этому многие еще более удивительные вещи, — закончила, улыбаясь, донья Эсперанса, — но я не хочу утомлять вас больше. Знайте только, что мы принимаем живое участие в судьбе вашей семьи, и у нас есть

возможность помочь вам избавиться от грозящей беды.

— О, как вы добры, сеньора! — с жаром воскликнула донья Марианна. — И чем только могла я заслужить такое внимание к себе!

Дружественная и откровенная беседа двух женщин была прервана появлением Твердой Руки, который пришел известить их, что завтрак готов и Огненный Глаз приглашает их к столу. Донья Марианна, хорошо знакомая с жизнью на индейской границе, где неприхотливые трапезы происходят прямо на траве, едва удержалась от смеха при этих словах Твердой Руки. Каково же было ее удивление, когда, войдя в другое отделение палатки, она увидела стол, уставленный массивным серебром и дорогим хрусталем. Такому столу позавидовали бы и в мексиканской столице. Здесь не было, правда, изысканной еды; кушанья состояли из разных сортов мяса и фруктов. Но все в этой палатке дышало величием; а ведь в нескольких шагах, за ее полотняными стенами, текла как ни в чем не бывало жизнь прерий во всей своей первобытной простоте.

Донья Марианна, конечно, и виду не подала, как была она одновременно и удивлена, и польщена этим торжественным завтраком, устроенным в

честь ее. Она весело болтала и с аппетитом ела, не переставая восхищаться радушием хозяев.

— Прежде чем перейти к серьезному разговору, — обратился к ней Твердая Рука, когда были поданы сласти, — разрешите, сеньорита, попросить донью Эсперансу рассказать нам одну из тех прелестных индейских легенд, которыми она обычно оживляет наши трапезы.

Донья Марианна была несколько озадачена этим неожиданным и, как ей сперва показалось, странным предложением; но, подумав, что за этими словами охотника, может быть, кроется какой-то тайный смысл и что под видом легенды ей преподнесут полезные советы, она поспешила ответить с самой милой улыбкой:

— Конечно, я с великой радостью выслушаю рассказ сеньоры. Моей кормилицей была индианка, в детстве она рассказывала мне на ночь множество индейских легенд. Они глубоко врезались в мою память, и я до сих пор с удовольствием вспоминаю о них.

XXXI. Легенда

Донья Эсперанса собралась с мыслями и, переглянувшись с Огненным Глазом, обратилась к

донье Марианне.

— Прежде чем приступить к моему рассказу, дитя мое, — начала она своим приятным и мелодичным голосом, — я Должна сообщить вам, что я дочь народа ацтеков и происхожу по прямой линии от прежних правителей этого народа. Рассказ, который вы сейчас услышите, отличается исторической достоверностью и был донесен до нас через века во всей первобытной неприкосновенности. Я уверена, что эта легенда заинтересует вас, — многозначительно добавила донья Эсперанса и, повернувшись к одному из слуг, неподвижно стоявших за стульями обедающих, коротко приказала: — Кипу![80] Слуга вышел и, скоро вернувшись, подал своей госпоже сумку из надушенной кожи тапира[81], а та, открыв ее, вынула несколько длинных шнурков, сплетенных из разноцветных прядей и сплошь усеянных узелками; в узелки были вплетены то мелкие

[80] Примечания: 80

Кипу — узелковое письмо древних перуанцев, состоявшее из разноцветных чшурков с узелками различной формы. Окраска ниток, форма и расположение узелков должны были передавать какое-либо число или факт. Смысловое значение кипу, дошедших до нас, еще не разгадано полностью современной наукой.

[81] Примечания: 81

Тапир — млекопитающее из рода непарнокопытных, покрытых шерстью; имеет маленький хобот. Американский тапир живет в лесах Южной Америки; напоминает свинью; отлично плавает и ныряет.

ракушки, то крупинки золота. Эти шнурки, так называемые кипу, заменяли древним индейцам письменность; с помощью кипу они вели свою летопись. Умение читать кипу требует особой науки; даже среди индейцев мало кто владеет этим искусством, не говоря уже о белых, от которых индейцы ревниво оберегают секрет этой письменности. Именно этим обстоятельством и объясняются почти непреодолимые трудности в изучении истории индейцев.

С минуту донья Эсперанса внимательно рассматривала кипу. Выбрав один шнурок и убрав остальные в сумку, она начала свой рассказ, перебирая руками шнурок примерно так, как монах, творя молитву, перебирает четки.

Из опасения исказить эту легенду, которую нам самим довелось слушать в одном папагосском атепетле, мы передаем ее во всей суровой простоте. Любая попытка украсить этот рассказ цветистой европейской фразеологией привела бы, на наш взгляд, к исчезновению прелестного ощущения его подлинности.

Некогда, еще задолго до появления белых на индейских землях, многочисленное кочевье племен чичимеков и толтеков, населявших раньше берега озер, в один засушливый год решило пере-

селиться на юго-восток, вслед за бизонами. И они осуществили это.

У Соленого озера они разделились. Часть их осела у берегов этого озера. Другие, более предприимчивые, приняв по неизвестным причинам новое название — «команчи», двинулись дальше. Они дошли до Рио Хила и заселили ее берега. Вскоре, однако, разделились и племена команчей. Одни из них осели здесь, другие собрались идти дальше. Уходившие назвали остающихся «большими ушами», но испанцы, встретившие эти племена ранее других, прозвали их «опатосами». Те племена, которые продолжали двигаться вперед все в том же направлении, дошли до Рио Браво-дель-Норте у самого устья Рио Пуэрко. Здесь они сами назвали себя «Neu-ta-che», что означает: «Те, что дошли до устья». В то время у них оставалось всего два вождя. У одного вождя был единственный сын, у другого — единственная дочь. Молодые люди полюбили друг друга. Это привело в бешенство отца молодой девушки; он призвал к оружию своих сородичей, и племя приготовилось к битве. Но отец юноши, желая избежать войны, перешел со своим племенем через Рио Хила и углубился с ним на территорию, которую впоследствии белые назвали сначала

Сенорой, а потом Сонорой. Здесь они вели мирное существование до тех пор, пока их землями не завладели после кровавых войн бледнолицые, которых привела сюда ненасытная жажда земель и золота.

В Соноре команчи построили много городов поблизости от открытых ими золотых россыпей и серебряных рудников и, по своему обыкновению, занялись их разработкой.

Во главе одного из самых населенных и богатых городов стоял вождь, прославившийся своей мудростью в совете и храбростью в бою. Этого вождя звали Кецалмалин[82], то есть Скрученное Перо. Он принадлежал к знатному роду и по праву считал себя прямым потомком Акамапихцина[83], первого правителя Мексико, иероглиф которого он, со свойственным нашим праотцам благоговейным уважением к своим предкам, сохранил на своем тотеме. Этот иероглиф, ставший гербом команчей, бережно пронесли через века потомки Кецалмалина. Герб представлял собой изображе-

---

[82] Примечания: 82

Это имя слагается из слов: кецал — перо и малина — скручивать.

[83] Примечания: 83

Имя Акамапихцин слагается из слов: акалт — тростник, маитл — рука, нпахоа — сжимать, то есть тот, кто сжимает в руке тростник. Примеч. авт.

ние руки, держащей пучок тростника. Эта ныне священная для команчей эмблема, по существу, является буквальным переводом имени благородного родоначальника племени команчей.

У Скрученного Пера была дочь, стройная восемнадцатилетняя красавица; звали ее Ова. Она была так легка и воздушна, что даже степные травы не сминались под ее ногами. Это была веселая и ласковая девушка, задумчивая и целомудренная, черные глаза которой не останавливались еще ни на одном из воинов своего племени, хотя молодежь вся поголовно была влюблена в нее.

Ова носила тунику бледно-зеленого цвета, перехваченную поясом из кожи пумы с большой золотой пряжкой. Когда она плясала для своего отца, морщины сбегали с лица старика, а глаза его сияли, как два солнца.

Самые знатные вожди племени мечтали взять ее в жены. Всем им грезились и во сне и наяву длинные косы Овы, с красной вплетенной в них лентой, ее запястья, словно закованные в браслеты из ракушек, испещренных крупинками золота, ее тонкая шея, щиколотки ее босых и крошечных ножек.

Отец неоднократно напоминал ей о том, что пора избрать мужа, но Ова со смехом только

покачивала головой: она и так чувствовала себя счастливой; крохотная птичка, дремлющая в сердце каждой девушки, еще не проснулась и не пропела ей сладкозвучной песни любви.

Но вот пришел и ее час. Молодая девушка, обычно шаловливая и веселая, перестала вдруг смеяться: она полюбила.

Ова пошла к отцу. Вождь восседал в «Хижине Врачевания», где происходил в это время под его началом великий совет народа. Молодая девушка подошла и преклонила перед ним колена.

— О чем ты просишь? — спросил вождь, любовно поглаживая косы дочери, шелковистые, как волокно алоэ.

— Отец, — отвечала она, — я люблю и любима.

— На кого же пал твой выбор, дочь моя? Кто этот счастливый вождь?

— Он не вождь, отец; он — самый простой, но и самый храбрый воин нашего племени.

Старый вождь нахмурился, в глазах его сверкнул гнев.

— Отец, — продолжала Ова, обнимая колени отца, — я умру, если не стану его супругой!

Старику не хотелось потерять свою дочь.

— Ты станешь супругой того, кого любишь, — сказал вождь.

— Поклянись на этом священном тотеме племени, отец!

— Клянусь на этом священном тотеме племени, что выполню свое обещание! Говори смело! Произнеси имя человека, которого ты полюбила.

— Его зовут Пернатый Змей, отец.

— Он очень беден, — прошептал старик, тяжело вздохнув.

— Моего богатства хватит на двоих, отец.

— Хорошо, дочь моя, ты станешь супругой Пернатого Змея. Ова поднялась, сияя от счастья и радости, и, низко поклонившись собранию, покинула Хижину Врачевания. Пернатый Змей был, действительно, беден, так беден, что вынужден был работать на золотых приисках. Но он был молод, был храбр и слыл самым красивым воином среди сверстников своего племени. Но до чего же не похожи были Ова и Пернатый Змей! Настоящий богатырь, рослый и мускулистый, он выглядел рядом с нежной и хрупкой Овой, как красавец бизон рядом с изящной антилопой. Может быть, из-за этого контраста и вспыхнула их любовь.

Как ни беден был Пернатый Змей, он умудрился все же преподнести своей невесте свадебные подарки: ароматные масла, приготовленные из

жира серого медведя, ожерелье из зубов аллигаторов и пояса из кожи пумы.

Молодые люди были счастливы. Наступил канун свадьбы. Пернатый Змей принес и положил у ног Овы золотые пряжки и два браслета из ракушек, испещренных крупинками золота.

Ова приняла с улыбкой эти подарки и, прощаясь со своим женихом, сказала:

— Прощай! Мы расстаемся сегодня, чтобы свидеться завтра, и свидимся завтра, чтобы никогда не расставаться. Но назавтра Пернатый Змей не пришел. Напрасно долгие месяцы ждала его Ова, напрасно по приказу вождя его разыскивали по всей стране; никто не видел его, никто не слыхал о нем. Пернатый Змей исчез навсегда; он жил только в сердце Овы.

Она не переставала оплакивать любимого. Чтобы утешить девушку, ей сказали, что он ушел на войну с бледнолицыми. Ова недоверчиво покачала головой и снова стерла с лица никогда не высыхающую слезу.

Сорок раз покрывались снегом горные вершины/а тайна исчезновения Пернатого Змея все еще не была разгадана.

Однажды рабочие золотых приисков, перешедших к Ове в наследство от отца, отрыв одну

старую, заброшенную штольню, наткнулись на тело человека, так же чудесно сохранившееся, как египетские мумии.

Воины сбегались толпой посмотреть на эту странную мумию никому не известного человека, одетого по старинной моде.

К тому времени Ова успела уже сильно постареть. Когда погасла последняя надежда на возвращение Пернатого Змея, она, уступая просьбам отца, стала супругой одного из мужественных вождей своего племени. И вот теперь она, вместе со своим супругом, отправилась к тому месту, где было выставлено напоказ тело, найденное в старой штольне.

Вдруг она вся содрогнулась, глаза ее наполнились слезами: она узнала Пернатого Змея. Он лежал такой же молодой и прекрасный, как в тот день, когда они расстались. А она, согбенная не столько под тяжестью времени, сколько под бременем своего горя, стояла перед ним старая и дряхлая.

Наконец она пришла в себя и приказала водворить тело человека, похищенного духом зла накануне свадьбы, на прежнее место, в штольне, в которой оно покоилось, а сам рудник, со всем его золотом, был по ее приказу заброшен и за-

мурован.

На камне, служившем могильной плитой ее жениху, она приказала высечь один иероглиф; вот его точный перевод: «Здесь могила без мертвеца и мертвец без могилы, а между тем это и могила, и мертвец».

— Вот, — закончила донья Эсперайса, отложив в сторону кипу, — и вся история прекрасной Овы, дочери великого вождя Скрученное Перо и жениха ее — Пернатого Змея, рудокопа. Такой она была, так она и занесена на кипу по завету самой Овы, на память грядущим поколениям.

Донья Эсперанса замолкла. В палатке воцарилась тишина.

— Ну как, сеньорита, — нарушил молчание Огненный Глаз, — понравилась вам эта легенда?

— Простая и трогательная история. Потому и трогательная, что простая, — отвечала донья Марианна. — Но в ней чувствуется какая-то недоговоренность и неясность, что значительно ослабляет интерес к ней.

По губам Огненного Глаза скользнула улыбка.

— Вы, вероятно, намекаете на отсутствие в ней географической и исторической точности? — сказал он. — Сонора — обширный край, да и намек на город, где главенствовал Скрученное

Перо, недостаточно ясен. Не так ли?

— Как вам сказать, сеньор… Сама эта легенда много теряет от отсутствия точных географических данных; впрочем, для меня лично это упущение представляет мало интереса.

— Гораздо больше, чем вы думаете, сеньорита, — заметил Огненный Глаз.

Огненный Глаз хотел еще что-то добавить, но донья Эсперанса прервала его:

— Вас, вероятно, интересует, дитя мое, что сталось с бедной Овой? Несчастная умерла через несколько дней после того, как было отрыто тело ее нареченного супруга. Перед своей смертью она выразила желание покоиться рядом с тем, с кем была разлучена при жизни. Ее последняя воля была исполнена, а штольню, в которой были похоронены влюбленные, снова замуровали, и никто с тех пор до наших дней ни разу не разрывал ее.

— Вероятно, это была очень бедная золотом штольня, если испанцы, завладевшие этой страной, пренебрегли ею, — заметила донья Марианна.

— Напротив, дитя мое, там очень жильная порода. Но тайна Овы так свято хранилась теми, кто знал ее, что испанцы и не подозревали ничего о

существовании этого богатства. Обе женщины были теперь одни в палатке, незаметно покинутой мужчинами.

— Как все это странно! — прошептала донья Марианна, отвечая скорее каким-то своим собственным мыслям, чем на слова доньи Эсперансы.

Ее удивляла и в то же время глубоко заинтересовала настойчивость, с какою донья Эсперанса возвращалась все время к этой легенде; неотступно преследовала мысль, что за поэтическим рассказом кроется скрытый намек, над разгадкой которого молодая девушка тщетно ломала себе голову.

— Я могу объяснить вам, — сказала донья Эсперанса, — как это случилось, что испанцам не пришлось узнать об этом руднике. Его замуровали много лет назад. При захвате города прежние жители были перебиты или изгнаны испанцами, а у немногих уцелевших не было никакого желания открывать своим угнетателям тайну заброшенной штольни. А потом испанцы сровняли тот город с землей и на пепелище его воздвигли асиенду.

— Простите за нескромный вопрос, сеньора, но как могла дойти до вас эта история, да еще во всех

ее подробностях?

— Очень просто, дитя мое: Ова была одной из моих прабабок; история этого рудника — наша семейная тайна. Может быть, одна только я на всем белом свете и знаю его точное местонахождение.

— Понимаю, — задумчиво произнесла донья Марианна.

— Понимаете, но не все еще, — добродушно возразила донья Эсперанса. — Вам, например, неясно, почему мой сын, вместо того чтобы поговорить с вами о важных делах, приведших вас сюда, заставил вас выслушать эту легенду. И почему, не считаясь с гнетущей вас тревогой, я согласилась поведать ее вам. И почему, наконец, даже теперь, когда рассказ мой окончен, я продолжаю донимать вас мельчайшими подробностями о нем.

— Вы угадали мои нехорошие мысли! Простите меня, сеньора! — воскликнула молодая девушка, пряча свое лицо на груди доньи Эсперансы и заливаясь слезами.

— За что же вас прощать? Ваша тревога так понятна и так естественна. Но послушайте, дорогая, вы ведь умная девушка и, наверно, успели уже, несмотря на наше кратковременное знакомство, убедиться в искренности моего участия в вашей

судьбе.

— О да, сеньора! Я верю вам; я не могу не верить вам.

— Так утешьтесь же, дитя мое, и перестаньте плакать, иначе я заплачу вместе с вами, а мне ведь надобно добавить еще несколько слов к этому бесконечному рассказу.

— Как вы добры, сеньора! — произнесла донья Марианна, улыбаясь сквозь слезы.

— И опять вы не угадали, дитя мое: все дело тут не в доброте, а в том, что я люблю вас и давно уже полюбила. Удивлены? Вполне понятно! Но довольно об этом, вернемся к нашему рассказу.

— Я слушаю вас, сеньора.

— Я хочу сказать вам теперь, где находился город моей прабабки Овы и как он назывался… Он назывался Сибола.

— Сибола! — воскликнула донья Марианна.

— Да, дитя мое, Сибола, на месте которой один из ваших прадедов, маркиз де Могюер, выстроил асиенду дель Торо. Теперь вы поняли меня?

Донья Марианна молча кинулась в объятия доньи Эсперансы, нежно прижавшей ее к своей груди.

XXXII. Кидд появляется вновь

Ярость душила Кидда, когда он покидал ателье; мысли о мести, одна ужаснее другой, роились в голове бандита. Не то чтобы в его гнилой душонке сохранилась еще какая-то чувствительная струна, способная зазвучать под влиянием благородного негодования. Какое значение имел для него тот факт, что он был публично унижен и изгнан, как последний негодяй? Никакого! Оскорбления, нанесенные Кидду, никогда не задевали его самолюбия. Нет, бандита бесило другое: выводила из себя мысль, что благодаря вмешательству Твердой Руки внезапно улетучился источник обогащения, который так заманчиво поблескивал перед его алчным взором после беседы с капитаном Маркосом де Ниса. Кидд ведь надеялся, что при помощи предательства и измены богатство, в виде золотых унций капитана, так и потечет в его карманы.

Теперь об этом нечего было и думать; скудные и случайные сведения, которые он сумеет еще собрать, не стоят, конечно, золота, обещанного комендантом Квитовака.

Да, было от чего прийти в отчаяние такому

человеку, как Кидд! На ком сорвать свою злобу?

В характере Кидда, в дополнение ко всем прочим «милым» его качествам, была одна черта, довольно странная для бандита такой закалки: Кидд был храбр… как волк. А волки, как известно, нападают только стаями, когда они уверены в своем численном превосходстве. Иначе говоря, когда надо было биться один на один, он праздновал труса. Впрочем, бандит и сам был не очень высокого мнения о своей храбрости; одна только мысль о поединке с Твердой Рукой бросала его в дрожь.

Итак, Кидд возвращался в городок золотоискателей в самом мрачном, прямо-таки отчаянном настроении; он еще не решил, следует ли ему заезжать в Квитовак или отправиться искать счастья в другом месте.

Внезапно его внимание было привлечено каким-то необычным и непрекращающимся колыханием высокой травы немного левее тропы, по которой он следовал. Поистине удивительно, каким инстинктом самосохранения обладают разбойники, какую изобретательность проявляют они, когда над ними нависает угроза! При первом же подозрительном шорохе, еще до появления признаков реальной опасности, эти люди,

ни в грош не ставящие чужую жизнь, спешат уже спасать свою шкуру.

Первым движением Кидда было соскочить с коня и притаиться вместе с ним за спасительными кустами алоэ. Почувствовав себя в относительной безопасности, бандит стал внимательно наблюдать за колыханием травянистых волн. Так продолжалось четверть часа; но вот из кустарника вынырнули верхами на мулах четверо всадников, одетых с ног до головы во все черное.

Бандиты и воры обладают каким-то особым чутьем, позволяющим им распознавать полицейских в любом наряде. Так и Кидд, завидев приближавшихся к нему всадников, немедленно и безошибочно признал в них представителей «благородной» корпорации полицейских крючков. Четвертый всадник был также одет во все черное, но по его угрюмому лицу, в чертах которого сквозили коварство и злоба, Кидду нетрудно было признать начальника. Это был старший альгвасил[84]; в других странах этот чиновник называется судебным исполнителем, что нисколько не меняет бездушной и бессердечной сущности этой особой породы двуногих хищников.

---

[84] Примечания: 84
Альгвасил — полицейский, судебный исполнитель.

Впереди кавалькады бежал ее проводник, индеец мансо, оборванец в разодранных штанах, босой, с обнаженной головой и голыми руками.

— Смотри, Хосе, — крикнул индейцу старый альгвасил, прибегая к общеупотребительному здесь прозвищу бедняков индейцев, — не сбейся с пути! Мы направляемся в Квитовак по важным делам, и, если не поспеем туда к вечеру, несдобровать твоей спине!

— Мы можем поспеть туда часа через два, если сеньоры решатся пришпорить своих мулов; ну, а если сеньоры будут и дальше так трусить, мы, пожалуй, и к ночи не доедем.

— Черт возьми! — гневно воскликнул алыва-сил. — Воображаю, как отнесется к этому сеньор дон Руфино де Контрерас! Сколько дней уж ждет он нас! Всякое терпение лопнет.

— Ба! Ба! Ваша милость успеет еще вдоволь потешиться, терзая честных людей, — вымолвил индеец.

— Как ты смеешь, негодяй! — воскликнул алы-васил, замахнувшись хлыстом.

Но индеец отпарировал удар своей дубиной и так дернул за узду мула, что тот мгновенно вздыбился, к великому ужасу его всадника.

— Берегитесь, сеньор, — сухо произнес индеец.

— Вы позволяете себе называть меня Хосе и обращаться со мной, как со скотом. Но мы находимся сейчас не в ваших цивилизованных городах, мы в дикой прерии; здесь, на родной земле, я твердо стою на ногах и не позволю оскорблять себя! Можете называть меня дуралеем или идиотом — меня мало трогает ругань человека, которого я глубоко презираю. Но при первой же вашей попытке ударить меня я всажу вам в самое сердце нож! Запомните это, ваша милость!

Тут перед глазами испуганного служителя правосудия блеснул нож, голубоватое лезвие которого зловеще сверкало.

— Вы с ума сошли, Хосе! — возразил алывасил, прикидываясь спокойным, хотя сердце его забилось от страха. — У меня не было и никогда не будет никакого намерения оскорбить вас. Отпустите же, бога ради, моего мула, и давайте мирно продолжать наше путешествие!

— Вот это хорошо сказано! — произнес индеец со смешком. — Так и надо разговаривать, если хотите, чтобы мы остались добрыми друзьями до конца нашего путешествия.

И, отпустив мула, индеец как ни в чем не бывало снова пошел вперед тем беглым шагом, секретом которого владеют одни индейцы. Они

могут шагать так в продолжение целого дня, поспевая за рысью коня и нимало при этом не уставая. Кидд отчетливо слышал весь разговор с того места, где он притаился.

— Какие дьявольские дела могут быть у этих филинов с доном Руфино? — ломал он себе голову.

Внезапно он встрепенулся: в его изобретательной голове созрело какое-то решение. Дав всадникам отъехать, но не так далеко, чтобы невозможно было догнать их, он вскочил на лошадь и помчался вдогонку за ними.

На повороте тропы он увидел их на небольшом расстоянии от себя. Всадники, услышав позади себя топот коня по высохшей и отвердевшей земле, тревожно оглядывались.

Как ни старался Кидд придать себе вид порядочного человека, он не мог ввести в заблуждение этих опытных полицейских ищеек. Они сразу признали в нем того, кем он был на самом деле, то есть бандита. Но в Мексике, так же как и во многих других так называемых цивилизованных странах, полицейские и бандиты умеют при случае прекрасно ладить друг с другом. И не находись они в столь глухом месте, дон Порфиадо Бурро (так звали старшего алывасила) не имел бы ничего против встречи с этим рыцарем боль-

шой дороги. А тот продолжал двигаться вперед, красуясь и хорохорясь. Лихо надвинув набекрень шапку, Кидд то разговаривал со своим конем, то ласково похлопывал его по шее.

— Добрый вечер, сеньоры! — приветствовал он их, сдерживая своего коня, чтобы приноровить его ход к шагу мулов. — Какому счастливому случаю обязан я этой встрече, да еще в столь поздний час?

— Счастливому для нас, кабальеро, — вежливо ответил дон Порфиадо. — По вине этого индейца — будь он проклят! — мы бродим тут наугад; боюсь даже, что вопреки его уверениям мы сбились или сбиваемся с пути.

— Гм, — пробурчал Кидд, — всякое бывает. Но, простите мой нескромный вопрос, куда путь держите? Впрочем, чтобы развязать вам язык, я готов первым удовлетворить ваше любопытство: я направляюсь в Квитовак.

— Ну вот и прекрасно! И мы тоже должны заехать туда, прежде чем продолжать дальнейшее путешествие… Но скажите, кабальеро, далеко еще до Квитовака?

— Всего несколько миль! Не более двух часов езды. Если хотите, я готов заменить этого индейца в качестве вашего проводника.

— Предложение ваше мне по душе, кабальеро, и я с радостью принимаю его, — сказал алывасил.

— Так, значит, решено! Я могу даже найти вам в городке прекрасную квартиру, где вы будете чувствовать себя как дома.

— Благодарю вас, кабальеро! Я старший альгвасил в Эрмосильо и еду впервые в Квитовак.

— Альгвасил! — воскликнул бандит. — Карай! У вас превосходная должность, сеньор!

— Готов служить вам, сеньор, в случае нужды, — самодовольно ответил полицейский.

— А что же вы думаете! Вполне возможно, что вы и мне понадобитесь… Когда ворочаешь большими делами, знакомство с таким высокопоставленным кабальеро может весьма пригодиться.

— Вы, право, смущаете меня…

— Но я нисколько не преувеличиваю, я действительно так думаю. Да вот… на днях только я говорил об этом дону Руфино де Контрерас. Он также очень богат и, следовательно, обременен многими судебными процессами.

— Как! Вы знакомы с доном Руфино де Контрерас? — с явной ноткой уважения к собеседнику воскликнул альгвасил.

— Вы имеете в виду знаменитого сенатора?

— Его самого! — ответил альгвасил.

— Да, это один из самых близких моих друзей. Так вы, значит, тоже знакомы с ним?

— А как же! Он поручил мне взыскать долги с некоторых его должников.

Лицо бродяги расплылось в притворном восторге.

— Vivo Dios! — воскликнул он. — Какое чудесное совпадение!

— Благороднейшая личность этот сенатор! — не преминул восхититься альгвасил.

— И честнейшая! — млея от восторга, поддакнул Кидд.

Оба проходимца отлично поняли друг друга: плут плута понимает с полуслова; между ними тотчас же установилось взаимное доверие.

Беседа продолжалась и дальше в том же дружественном тоне. Кидд искусно вызывал своего собеседника на откровенность, а тот, приняв Кидда за сообщника дона Руфино, знакомого не меньше его самого с грязными делишками сенатора, стал без тени смущения рассказывать Кидду о темных махинациях почтенного сенатора.

Вот что выведал Кидд. Дон Руфино де Контрерас скупил через третьи руки все долговые обязательства маркиза де Могюер. Заручившись ими, он начал от имени тех же третьих лиц судебный

процесс против маркиза. Он поставил себе задачу завладеть всем имуществом маркиза, особенно асиендой дель Торо. Сватовство к донье Марианне было пустой приманкой, предназначенной для усыпления бдительности маркиза. Сенатор всеми средствами домогался стать владельцем дель Торо. Но так как для успеха своего предприятия дону Руфино надо было сохранить обличие друга, которое до сих пор помогало ему обманывать маркиза, он поручил вести это дело своему доверенному человеку. При этом сенатор наказал ему, не входя ни в какие переговоры с маркизом, поступить с ним по всей строгости закона. Дон Порфиадо Бурро, которому было поручено привести в исполнение злодейский замысел сенатора, получил от последнего точные и неукоснительные инструкции и горел желанием исполнить, как он высокопарно выразился, свой долг.

При всей нашей горячей симпатии к Мексике, мы вынуждены признаться, что нельзя себе представить ничего более комического, шутовского и в то же время печального, чем правосудие в этой стране.

В судьи здесь идут обычно полнейшие невежды. Не получая фактически никакого содержания от государства, так как казначейство никогда

не выплачивает им жалованья, они стараются вознаградить себя за счет тяжущихся, обирая их без всякой жалости и без малейшего стеснения. Взяточничество так процветает в здешних судах, что никто не может быть заранее уверен в исходе процесса; все решают деньги.

Приведем один пример. Некий человек совершил убийство; его виновность не подлежала сомнению: убийство было совершено средь бела дня на улице, на глазах у доброй сотни людей.

Родственники убитого подают жалобу судье. Тот терпеливо и бесстрастно выслушал их подробное сообщение, ничем не выдавая своего одобрения или негодования. Когда истцы закончили свое объяснение, судья задал им невинный с виду вопрос:

— У вас имеются свидетели?

— А как же!

— Очень хорошо… И, вероятно, ценные свидетели? — продолжал допрашивать судья.

— Безусловно. Каждый стоит не менее тысячи пиастров.

— Гм… — протяжно произносит судья.

— А сколько их?

— Десять!

— Какое несчастье! — продолжал судья самым

добродушным тоном. — Представьте, у вашего противника, который, между нами будь сказано, кажется мне весьма почтенным кабальеро, столько же свидетелей; причем все они люди, заслуживающие самого высокого доверия, и каждый из них стоит не менее двух тысяч пиастров.

Торг закончен. Но как? А очень просто: если родственникам жертвы не под силу перебить цену убийцы, последний будет оправдан, признан невиновным и тем самым приобретает право за ту же цену убивать средь бела дня кого только вздумается.

Вот как выглядит правосудие в Мексике[85]. Теперь понятно, в каком выгодном положении находился трижды миллионер дон Руфино в своей игре против маркиза, лишенного возможности благодаря плачевному состоянию своих дел перетянуть на свою сторону судей.

Итак, Кидд внимательно прислушивался к откровениям альгвасила, язык которого был развязан желанием угодить дону Руфино.

Рассказ альгвасила навел Кидда, привыкшего ловить рыбу в мутной воде, на мысль закинуть сюда же и свою удочку. Городок не успел еще

---

[85] Примечания: 85

Читатель не должен забывать, что все это было написано сто лет назад.

показаться, как у проходимца созрел точный и подробный план действий.

Было уже темно, когда наши друзья добрались до Квитовака. Часовые, из той же компании рыцарей большой дороги, что и Кидд, несмотря на то, что хорошо знали бандита, а может быть и поэтому, отказывались пропустить его и его спутников в крепость. Понадобился специальный приказ дона Маркоса, чтобы после часа бесплодных переговоров перед ними открылись крепостные ворота.

Кидд, продолжая играть свою роль проводника, привел полицейских в одну таверну и, предоставив им располагаться на ночлег, отвел свою лошадь в кораль и заботливо укрыл ее плащом; а сам, надвинув шляпу на глаза, чтобы не быть узнанным, прошмыгнул незаметно к жилищу Маркоса де Ниса.

Двери этого дома, как мы уже сказали выше, были открыты для лазутчиков в любой час дня или ночи. Кидд вошел и застал капитана в том самом кабинете, в котором был уже однажды принят им.

— Ба, маэстро Кидд! — воскликнул капитан, не вставая со своего обычного места за письменным столом. — Давненько не видал вас! Ну что

же, добро пожаловать! Привезли что-нибудь новенькое?

— И весьма интересное, капитан! Особенно для вас.

— А для кого же еще, черт возьми! Или, кроме меня, имеется еще и другой комендант этой крепости?

— Так-то оно так, да ведь новости мои на этот раз не военного характера.

— Убирайся тогда к черту, мошенник! Ты, может быть воображаешь, что у меня только и дела, что слушать твои глупые басни?

— Я, ваша милость, ничего не выдумываю; просто мне посчастливилось сегодня докопаться до одной тайны, очень важной для вас. Только и всего.

— Гм!.. Да уж ладно, выкладывай!.. Посмотрим, что это такое.

— Это касается ваших дел.

— Моих дел! — расхохотался капитан. — К черту!.. Да разве я веду какие-нибудь дела?

— Но речь идет о делах вашего близкого родственника маркиза де Могюер.

Дон Маркос мгновенно преобразился: лицо стало серьезным, брови грозно нахмурились; даже Кидду, несмотря на всю его наглость, стало

не по себе.

— Говори, только не виляй! — сказал капитан и, достав из ящика письменного стола несколько золотых унций, швырнул их бандиту.

— Вы не пожалеете о своих деньгах, ваша милость, — произнес бандит, поймав на лету золото и с видимым удовольствием опуская его в свои карманы.

Надеюсь. Ну, получил свою плату, так говори, мошенник!

Кидд без дальних околичностей подробно рассказал капитану весь свой разговор с альгвасилом. Капитан слушал его с напряженным вниманием.

— Все? — спросил он, когда Кидд замолк.

— Да, ваша милость.

— Хорошо, можешь идти, но продолжай следить за полицейским и держи меня в курсе всего, что он предпримет.

Кидд поклонился и вышел.

Капитан призадумался на несколько минут, потом уселся писать. Когда письмо было закончено, он запечатал его и позвал своего ординарца.

— Исидро, — сказал ему капитан, — это письмо во что бы то ни стало должно быть вручено маркизу де Могюер. И не позже чем через шесть

часов. Ты понял меня: во что бы то ни стало!

— Будет исполнено, сеньор капитан!

— Это для тебя, — сказал капитан Маркос, протягивая ординарцу две золотые унции, — а вот и пропуск на выезд из города и въезд в него. Отправляйся немедленно! Солдат опустил письмо в карман своего мундира и молча вышел.

— Посмотрим, что станут они теперь делать! — усмехнулся про себя капитан.

XXXIII. Очередное предательство Кидда

Выйдя из кабинета капитана, Кидд задержался в прихожей не с какой-нибудь преднамеренной целью, а из простой привычки всех плутов никогда не покидать места, где можно поживиться чем-нибудь, раньше, чем их оттуда вышвырнут.

Он слышал, как капитан позвал своего ординарца. А тот, пробыв несколько минут в кабинете капитана, вышел оттуда заметно приосанившись. Его озабоченное лицо заставило призадуматься Кидда. «Хорошо бы узнать, — промелькнула мысль, — о чем говорил капитан со своим ординарцем?» Ординарец капитана, Исидро, индеец из племени опатосов был человеком испытанной

храбрости и верности. К несчастью, этот храбрый, но весьма ограниченный солдат питал слабость к спиртным напиткам; это пристрастие не раз уже причиняло ему серьезные неприятности.

Кидд был на короткой ноге с Исидро и хорошо знал эту его слабость. В одно мгновение в голове бандита созрела новая мысль.

— Прости, приятель, но мне надо покинуть тебя, — обратился он к индейцу. — В кабачке уважаемого Коспето у меня осталась початая бутылка мескаля, и мне, право, не терпится пойти прикончить ее. Не приглашаю тебя только потому, что ты сейчас при исполнении своих служебных обязанностей иначе с удовольствием распил бы ее с тобой.

— Да я кончил все свои дела! — живо возразил индеец. — А ночью мне предстоит сегодня далекая поездка.

— Далекая поездка! — воскликнул плут. — Какое совпадение, карай! И я собираюсь в дорогу. Но так как я не знаю лучшей защиты от ночного холода, чем мескаль, я решил перед отъездом осушить свою бутылку. Если и у тебя лежит к этому душа, мескаль к твоим услугам.

Надо отдать справедливость ординарцу — он колебался.

— Охотно допускаю, что и тебе придется ехать этой ночью, но не так далеко, как мне, — отвечал Исидро, отрицательно покачав головой.

— Как знать! Я лично убежден, что мой путь будет подлиннее твоего. Капитан посылает меня в Ариспу.

— Смотри, пожалуйста!.. Да нам с тобой по пути! — воскликнул опатос.

— Правда? Вот здорово! Так почему же нам не выпить вместе на дорогу?

— Что же, это меняет дело. Я, пожалуй, соглашусь!

— Тогда не к чему медлить, — торопил плут, опасавшийся, как бы капитан не застиг его с ординарцем.

Оба они вышли. У ворот Кидд покинул индейца, условившись встретиться с ординарцем через несколько минут возле кабачка Коспето. Они должны были привести туда же своих коней, чтобы прямо оттуда без задержки тронуться в путь.

Кидд прибег к этой уловке, потому что ему надо было повидать хозяина таверны, в которой он устроил на ночлег своих дорожных спутников. От имени коменданта он наказал трактирщику учредить строгий надзор за альгвасилом и докладывать капитану де Ниса обо всем, что пред-

примет судебный исполнитель. Хозяин таверны обещал в точности выполнить это распоряжение. Успокоившись на этот счет, хлопотливый плут вывел из кораля свою лошадь и поскакал на свидание с индейцем у кабачка Коспето.

Подъезжая по одной улице к этому заведению, Кидд, к своему великому удовольствию, увидел ординарца, выезжавшего из другой улицы. Индеец был в дорожном снаряжении, готовый к отъезду. Оба приятеля вошли в притон сеньора Коспето, описанный уже нами выше.

Плут честно сдержал свое слово. Кроме бутылки мескаля, он распорядился подать еще бутылку первосортной каталонской водки. Все благоразумие индейца испарилось при виде такого щедрого угощения. У него не было никаких оснований не доверять бандиту, в компании которого ему приходилось не раз уже знатно выпивать. Тем более что Кидд не задавал ему никаких вопросов. Он ограничивался пока тем, что подливал ординарцу стакан за стаканом, а сам пил очень мало. Когда обе бутылки были осушены, Кидд спросил еще одну бутылку и, уплатив по счету, поднялся и сказал:

— А это на дорогу.

— Чудесная мысль! — воскликнул ординарец,

глаза которого горели, как два граната; от изрядного количества выпитого вина у него немного помутилось в голове.

Приятели вышли и, сев на коней, двинулись в путь.

Выезд из города очень беспокоил Кидда: у него не было пропуска, а выехать из крепости было еще труднее, чем въехать в нее. К счастью, пропуск индейца находился в полном порядке; предъявляя его страже, Исидро сказал: «Этот со мной». Солдаты, привыкшие видеть в этом опатосе доверенное лицо коменданта, без малейшей помехи пропустили обоих всадников, пожелав им счастливого пути.

Когда оба они очутились в открытой степи, Кидд, облегченно вздохнув, окинул своего доверчивого спутника насмешливым взглядом.

— Теперь нам надобно избрать кратчайший путь, — сказал бандит.

— А разве есть и вторая дорога?

— Их по крайней мере десять! — не задумываясь выпалил бандит. — Одна из них проходит мимо асиенды дель Торо.

— Вот по этой-то дороге мы и поедем.

— Почему не по другой?

— По той простой причине, что я еду в аси-

енду.

— А!.. — отозвался плут. — Так выпьем по этому случаю еще разок — ив путь!

С этими словами Кидд откупорил бутылку, приложился к ней и передал ее своему спутнику, который с нескрываемым удовольствием последовал его примеру.

— Значит, ты едешь в асиенду? — начал Кидд, причмокнув при этом якобы от удовольствия, доставленного ему выпитым вином.

— А то куда же?

— А славный это дом: радушный и гостеприимный.

— Ты там бывал?

— Карай! Я думаю! Тамошний управитель — мой самый близкий друг. Как славно мы выпивали с этим добрейшим сеньором Паредесом!

— Но коль скоро нам по дороге, почему бы тебе не заехать туда вместе со мной? Ведь ты уверен, что тебя хорошо примут?

— А я и не отказываюсь... Ты, наверное, едешь туда за людьми — Квитоваку ведь нужны солдаты.

— Не думаю! Дон Фернандо уже предоставил в распоряжение капитана своих рудокопов, а пеоны нужны маркизу для защиты замка от воз-

можного нападения.

— Правильно. Впрочем, все это меня не касается, — заметил бандит. — Карай! До смерти не люблю выведывать чужие тайны!

— Ба! Не думаю, чтоб за этим скрывалась большая тайна, — возразил солдат. — Капитан — близкий родственник маркиза, они часто переписываются. Вернее всего, и то письмо, которое я везу теперь маркизу, касается только их частных семейный дел.

— Вполне возможно, я слышал, что дела маркиза очень плохи.

— Так говорят; но говорят также, что они должны скоро поправиться.

— Карай! Я от души желаю ему этого. Больно смотреть, как приходит в упадок одно из самых старинных семейств нашей страны. За здоровье маркиза! Идет?

— Охотно! Оба приятеля снова прильнули губами к бутылке. Даже индейцу опатосу, то есть Геркулесу с грудью колесом, могучей, как броня морской черепахи, нельзя безнаказанно поглощать такую дозу алкоголя, какую принял Исидро. Появились первые признаки опьянения. Великолепный наездник, Исидро стал покачиваться на седле; глаза то и дело смыкались, язык заплетал-

ся. Но чем труднее было говорить охмелевшему ординарцу, тем разговорчивее становился он. Кидд внимательно наблюдал за все усиливающимся процессом опьянения своего спутника, не показывая даже вида, что замечает плачевное состояние индейца.

— Да, приятель, так оно и есть, — разглагольствовал солдат. — Дела маркиза поправятся гораздо скорее, чем этого можно было бы ожидать.

— Разумеется, — подзадоривал его Кидд. — С таким именем, как у маркиза, нетрудно достать денег.

— Ба! Не в этом дело. Но… молчок, хотя мы и знаем кое-что!

— Понятно! Раз это тайна, я сам не стану допытываться.

— Разве я сказал, что это тайна?

— Нет, но я так полагаю.

— И совершенно напрасно. Да, в конце концов, ты мой друг, не так ли?

— Я думаю!

— Но если ты мой друг, у меня не должно быть от тебя секретов.

— Так-то оно так; но если тебе кажется, что так лучше, то помалкивай.

— Мне? Помалкивать?! Уж не хочешь ли ты сам заставить меня молчать?

— Я? Боже упаси! И вот доказательство: за твое здоровье! — воскликнул плут, прикладываясь к бутылке.

— Ну, уж против такого доказательства и вправду ничего не скажешь! — рассмеялся индеец и, припав губами к бутылке, запрокинул голову, словно собираясь сосчитать все звезды на небе.

На этой позиции он храбро держался до тех пор, пока все содержимое бутылки не перелилось в его горло.

— Хм! — произнес он с сожалением. — Вкусная была штука!

— То есть как это — «была»? — с деланным удивлением воскликнул Кидд. — Разве там ничего не осталось?

— Не думаю, — ответил индеец, рассматривая бутылку с серьезностью пьянчужки. — Обидно, что они такие маленькие, — добавил он, бросая бутылку в траву.

— Ах, не говори, эти кабатчики — чистые грабители!

— Да, — согласился индеец, у которого началась икота, — грабители… Ну ничего, скоро мы будем пить, сколько душа примет.

— Это было бы недурно. Но где?

— Где? Да в асиенде дель Торо!

— В этом доме, конечно, не откажут в чарке мескаля порядочному человеку.

— В чарке? Ты шутишь, приятель! Скажи лучше — в бурдюке, а то и в бочонке! Неужели ты думаешь, что маркиз что-нибудь пожалеет на свадьбе своей дочери?

— Как ты сказал? «На свадьбе дочери»?

— Ты что, с неба свалился? Да об этом только и говорят повсюду.

— Первый раз слышу.

— Тем лучше. Значит, я первый сообщил тебе эту новость! Знай же: донья Марианна выходит замуж за сенатора. Кидд навострил уши.

— «За сенатора»? — почти машинально повторил он.

— Тебя это удивляет? А почему бы этой красотке не выйти за секатора? Ты что, не веришь мне? Довольно странно ведешь себя, любезный!

— Нет, почему же, я тебе верю.

— Посмей только не поверить, скотина!

Опьянение опатоса, которого разобрало еще от быстрой верховой езды, достигло своего предела; раздражение, вызванное спиртом, подогревалось искусным поддразниванием Кидда; от гнева в го-

лове Исидро помутилось. Хмель индейцев часто выливается в ужасные формы: они разъяряются до безумия; в воспаленном мозгу возникают чудовищные галлюцинации; под влиянием спиртных напитков они способны на все, даже на убийство. Все эти особенности опьянения индейцев были хорошо известны Кидду и входили в его преступные расчеты. Он выведал у индейца все, что ему надо было; ординарец был для него своего рода лимоном, из которого он выэкал весь сок; теперь ему оставалось только уничтожить саму цедру.

Нет надобности напоминать, что в такой час ночи в этой глуши нельзя было встретить ни одного человека, и Кидду нечего было опасаться нескромных свидетелей.

Они ехали к тому же вдоль берега маленькой речки, притока Рио Браво-дель-Норте, прибрежный кустарник которой совершенно скрывал их.

Вдруг бандит, отскочив в сторону, выхватил свой мачете и, крикнув:

— Сам ты скотина, пьянчужка опатос! — нанес бедняге мощный удар, от которого тот, как сноп, повалился наземь. Тяжело раненный и оглушенный ударом, индеец, пошатываясь, поднялся на ноги и, отцепив свою саблю, с яростным криком кинулся на бандита.

Но Кидд был настороже; он внимательно следил за движениями противника и, направив своего коня прямо на индейца, сбил его с ног. Опрокинутый конем Исидро лежал на земле без движения.

Умер ли он? Бандит был почти уверен в этом. Но он был осторожным человеком: индейцы — лукавый народ; весьма возможно, что и этот опатос только прикидывается мертвым.

Кидд спокойно выжидал в нескольких шагах от своей жертвы; торопиться ему некуда было. Прошло четверть часа; индеец не шевельнулся. Бандит, обманутый его неподвижностью, решился наконец сойти с коня и подойти к убитому.

Внезапно опатос вскочил на ноги и прыжком тигра накинулся на бродягу; оба противника повалились на землю и с дикими криками старались прикончить друг друга.

Это была короткая, но страшная борьба; от ярости и чрезмерного алкогольного возбуждения у опатоса, несмотря на рану и увечье, появилась нечеловеческая сила, удесятеренная еще жаждой мщения за подлое нападение.

К несчастью, от усилий, которые ему приходилось делать в борьбе, растравлялись его раны; он истекал кровью, а вместе с кровью уходила и жизнь. Чувствуя приближение смерти, оа сделал

последнее усилие, чтобы подобраться к горлу подлого убийцы, но тому удалось ловким и хорошо рассчитанным движением вырваться из железных объятий индейца. Кидд мгновенно вскочил на ноги, и, пока Исидро поднимался, намереваясь снова ринуться на врага, бандит подобрал свой мачете и рассек несчастному череп.

— Умри, проклятый пес! — крикнул он, нанося свой предательский удар.

Индеец с минуту держался еще на ногах, пошатываясь то вправо, то влево; потом он с вытянутыми вперед руками сделал еще шаг и с предсмертным хрипом грохнулся ничком наземь. На этот раз он действительно был мертв.

— Гм… — бормотал Кидд, втыкая несколько раз подряд свой мачете в землю, чтобы стереть с него следы крови. — Нелегкая это была работа! Чтобы прикончить этих дьяволов индейцев, их надо убивать два раза кряду. Ну, что же теперь мне надо сделать?

После минутного размышления он подошел к неподвижному телу индейца, положил его навзничь, расстегнул его мундир, без особого труда нашел письмо капитана и переложил его из кармана ординарца в свой карман. Затем он раздел свою жертву — военная форма может при

случае пригодиться.

Два обстоятельства затрудняли его: лошадь убитого и его тело. Лошадь умчалась в лесную чащу, как только свалился наземь ее раненый хозяин; было бы безумием гнаться за ней в этой кромешной ночной мгле. Кидд не пытался этого сделать, хотя бегство животного сильно тревожило его. Тот, кто найдет коня, отведет его в город. А там возникнут подозрения, которые, конечно, падут в первую голову на Кидда. Правда, бандит был почти уверен, что его не узнал никто из часовых, когда он выезжал ночью из крепости. Но сам факт его отсутствия покажется подозрительным капитану. Дон Маркос, хорошо знавший Кидда, без колебаний обвинит его в этом убийстве.

Дело принимало дурной оборот.

Но проходимец был человеком находчивым. Другой на его месте привязал бы к шее убитого камень сбросил бы его тело в реку. Кидд и не подумал так поступить Он понимал, что это простое решение было чревато последствиями: вода — не такой уж надежный страж. Кто знает, не всплывет ли однажды тело на поверхность, и тогда сами раны утопленника расскажут, чья это была работа. Нет, Кидд нашел другое, верное и, как ему казалось, самое простое средство.

С отвратительным хладнокровием висельника он снял скальп с опатоса и, привязав затем скальп к большому камню, бросил в реку. Совершив это первое надругательство над телом своей жертвы, он крестообразно вскрыл грудь убитого и, вырвав оттуда сердце, также бросил его с размаху в реку. Потом все с тем же хладнокровием он скрутил из нескольких лиан бечевку и, обмотав один ее конец вокруг левой ноги Исидро, повесил его тело на ветку ближайшего дерева.

— Ну, вот и прекрасно, карай! — любовался он своей работой. — Я готов поспорить с кем угодно, поставив в заклад свое пребывание в раю, — а я твердо надеюсь попасть туда, — что даже самые опытные ищейки клюнут на эту удочку: индейцы уже выступили! И будь я проклят, если найдется хотя бы один человек, который усомнится в том, что этот пьянчужка пал жертвой апачей!

И в самом деле, такого рода надругательство над телом врага было в обычае у некоторых племен индейцев бравос.

Прежде чем покинуть место, где совершено было это подлое убийство, Кидд тщательно смыл все следы крови как со своей одежды, так и с военной формы Исидро. Окинув в последний раз пытливым взором всю местность и убедившись,

что нигде не осталось никаких следов преступления, Кидд привязал мундир опатоса позади седла, скрутил пахитоску, закурил и, вскочив на коня, пустился в путь, испытывая тихое удовлетворение человека, успешно закончившего важное и хлопотливое дело.

Во время своего пребывания в атепетле Кидду совершенно случайно удалось найти документ, при чтении которого его сердце радостно забилось. Эта находка давала ему власть над Доном Руфино.

Первым движением Кидда было разыскать сенатора. Мысленно бандит представлял себе разговор с сенатором. Ему казалось, что он уже видит, как бледнеет дон Руфино. Кидд да причмокнул от удовольствия, предвкушая всю эту сцену.

Вдруг его охватило сомнение: а что, если этот документ не имеет отношения к сенатору? Тогда дон Руфино воспользуется тем, что сам знает о Кидде, и… Нет, лучше не думать об этом!

Кидд решил отложить на время свой разговор с сенатором. Он исподволь стал расследовать это дело и узнал про некоторые факты, сопоставление которых подтверждало его первоначальную догадку. И все же он опасался еще вступить в

открытый бой с доном Руфино. Прежде чем решиться на это, надо было подготовить путь к отступлению; другими словами, Кидду хотелось иметь про запас средство смягчить гнев сенатора на случай провала задуманного шантажа.

Когда Кидд сказал индейцу, что он едет в Ариспу, он совсем не собирался туда. Он просто произнес наобум первое пришедшее ему в голову название города. Но, когда он узнал о существовании письма капитана, поездка в Ариспу приобрела определенный смысл. Связав в одно целое пьяный лепет несчастного ординарца, бандит сообразил, какое громадное значение может иметь для дона Руфино это письмо, раскрывающее — Кидд в этом не сомневался — все, что предпринимается капитаном против махинаций сенатора. Он понимал, что за такую услугу дон Руфино простит ему все, и поспешил в Ариспу, куда он прибыл с рассветом.

XXXIV. Два типа отъявленных негодяев

В Ариспе Кидда знали; в город ему удалось проникнуть без всяких затруднений. Было еще рано; сенатор в этот час, должно быть, еще спал. Кидд это знал и, вместо того чтобы поспешить к нему,

отправился в знакомую таверну. Это был довольно подозрительный притон, место сбора таких же плутов, как и сам Кидд, где за скромную плату можно было сравнительно сносно устроиться.

Хозяин таверны, весьма хмуро встретивший Кидда, весь расплылся в приветливой улыбке, когда в руке бандита зазвенели золотые монеты.

Поставив свою лошадь в кораль, бродяга вошел в дом и стал приводить в порядок свою одежду. Всегда довольно неряшливая, она теперь, после борьбы с ординарцем и длительного ночного путешествия, особенно нуждалась в уходе. Кое-как справившись с этим делом, он стал дожидаться часа, когда можно будет явиться к сенатору.

Хозяин таверны, хорошо знавший, что Кидд никогда даром ничего не предпринимает, так и вертелся вокруг него, стараясь выведать причины его неожиданного появления в Ариспе. Дело в том, что здешняя полиция довольно косо посматривала на Кидда, и поэтому он стал весьма редко посещать город. Вероятно, у полиции были на то свои основания, хотя, впрочем, полиция во всех городах неблагосклонно относится к людям такого рода. Но напрасно хозяин пускал в ход самые хитрые и искусные приемы: на все его вопросы Кидд отвечал неясными намеками, загадочными

улыбками или идиотским подмигиванием, так и не удовлетворив его любопытства. Содержатель таверны до глубины души был обижен подобным недоверием и дал себе слово при случае посчитаться с бандитом.

Когда на городских часах пробило девять, Кидд поднялся, величественно бросил хозяину пиастр и, завернувшись в плащ, вышел из дома.

«Кого это он отправил на тот свет, что так разбогател?» — подумал кабатчик, исподтишка наблюдая за бандитом.

Такого рода размышление красноречиво говорило о том, что достопочтенный хозяин прекрасно знал своего не менее достопочтенного постояльца.

Но Кидд, заметив, что за ним следят, и не подумал направиться прямо к дому сенатора, а с небрежным видом праздного гуляки зашагал вразвалку в противоположную сторону. Более получаса бродил он так по улицам города, тщательно при этом избегая многолюдных улиц и площадей, где его могли узнать; незаметно приблизившись наконец к дому дона Руфино и убедившись, что никто не следит за ним, он проворно прошмыгнул в дверь.

— Эй, вы! — раздался голос, заставивший его

вздрогнуть. — Куда вас черт несет? Кого вам здесь надо?

Бродяга увидел перед собой довольно пожилого человека, стоявшего на пороге передней. По ливрее в незнакомце не трудно было признать слугу.

— Кого мне надо? — переспросил Кидд, чтобы выиграв время и оправиться от смущения.

— Да, кого вам надо? Кажется, ясно сказано, так я полагаю.

— Карай! А кого же мне тут может быть надо, как не его превосходительство, сенатора дона Руфино?! Кажется, ясно сказано, так я полагаю.

— Очень хорошо! — насмешливо продолжал слуга. — И вы воображаете, что его превосходительство так, ни с того ни с сего, тотчас вас и примет?

— А почему бы и нет, скажите на милость, сеньор?

— Потому что рожей не вышли.

— Вы находите? — спросил бандит, задрав нос.

— Я думаю! Это бросается в глаза; вы больше похожи нет пройдоху, чем на кабальеро.

— Вы не очень вежливы, приятель. Если вы судите по внешности, ваше замечание, может быть, и верно, но в данном случае неуместно. За

поношенным платьем зачастую скрывается весьма почтенный кабальеро, и то обстоятельство, что судьба так немилостиво обошлась со мной, не дает вам право бросать мне в лицо подобные оскорбления.

— Ладно, ладно, хватит болтать! Убирайтесь!

— Я не сдвинусь с места, пока не повидаю сенатора. Слуга косо посмотрел на него, что не произвело ни малейшего впечатления на Кидда.

— Так! И вы думаете, что это вам удастся?

— Я в этом убежден, — спокойно ответил Кидд.

— В последний раз говорю вам: убирайтесь! — угрожающе произнес слуга.

— Полегче, любезный! Мне надо поговорить с сенатором. Он ждет меня!

— Ждет? Вас?!

— Да, меня! — важно ответил плут.

Слуга презрительно пожал плечами, но, поразмыслив спросил уже более мирным тоном:

— Ваша фамилия?

— Вам не к чему знать ее; доложите своему господину, что я прибыл из асиенды дель Торо.

— «Из асиенды дель Торо»?! Почему же вы это сразу не сказали?

— Вероятно, потому, что вы меня не спросили об этом. Ступайте же и доложите своему господи-

ну. Вы и так уж отняли у меня немало времени.

Слуга, не сказав ни слова, удалился, а Кидд, воспользовавшись его отсутствием, вошел в переднюю и уселся там. Соседство улицы никак не устраивало его; у него была тысяча причин не попадаться на глаза любопытным. Слуга быстро вернулся; на этот раз он заговорил по-другому.

— Кабальеро, — низко кланяясь, произнес он, — благоволите следовать за мной. Его превосходительство ожидает вас.

— Был нахалом, стал подхалимом! — сказал плут, обдав слугу презрительным взглядом. — Ступай вперед! И Кидд, посмеиваясь, последовал за слугой, побагровевшим от стыда, обиды и гнева.

В Мексике, за исключением лишь очень больших городов, возводят, как правило, одноэтажные или же, самое большее, полутораэтажные дома. Их строят обычно из самых легких материалов, чтобы противостоять частым в субтропических странах землетрясениям, которые в несколько минут превращают города в руины. Благодаря такой конструкции все помещения расположены на одном уровне, и людям не приходится ни подниматься, ни спускаться по лестницам, что, на наш взгляд, весьма приятно.

Кидд с удовлетворением заметил, что кабинет сенатора отделялся от прихожей длинным лабиринтом других комнат, жилых и парадных. Наконец слуга открыл одну дверь и, посторонившись, пропустил бандита.

Кидд вошел развязно и непринужденно, как человек, уверенный в том, что его хорошо примут.

— А! — воскликнул сенатор. — Это вы?

— Да, это я, — ответил Кидд, отвесив вычурный поклон.

— Можешь идти, — обратился сенатор к слуге. — Я никого не принимаю. И сам не входи, покуда не позову тебя. Слуга поклонился и вышел, закрыв за собой дверь. Точно сговорившись заранее, сенатор и Кидд, храня молчание, чутко прислушивались к шагам удалявшегося слуги. Когда шум их совсем заглох в отдалении, Кидд не говоря ни слова подошел к двери и распахнул настежь обе ее створки.

— Зачем вы делаете это? — удивился дон Руфино.

— Потому, что предстоит серьезный разговор, потому, что петатес, разостланные на полах ваших комнат, заглушают шаги, потому, наконец, что у вашего слуги типичная рожа шпиона. Сенатор, очевидно согласившийся с этим замечанием,

не возразил ни слова.

— Так, значит, это вы, бандит! — начал беседу дон Руфнно.

— А вы, если не ошибаюсь, не очень-то ожидали меня?

— Сознаюсь, что меньше всего на свете мне хотелось бы видеть вас.

— Гм! Вы не очень любезно встречаете своих друзей. Это очень огорчает меня... дон Руфино, — сокрушенно произнес бандит.

— Это еще что такое! Как смеешь ты так разговаривать со мной!

Кидд пожал плечами и, придвинув к себе кресло, с явным удовольствием опустился в него.

— Я должен вам заметить, — с невозмутимым хладнокровием произнес Кидд, — что вы забыли предложить мне сесть.

И, закинув ногу за ногу, он стал скручивать пахитоску. Казалось, он всецело поглощен был этим занятием. Сенатор хмуро следил за каждым его движением. Ему стало ясно, что Кидд не осмелился бы вести себя так без серьезных оснований: либо в его руки попало какое-нибудь веское оружие против сенатора, либо он принес какие-нибудь весьма важные для сенатора известия. И в том и в другом случае следовало быть

обходительнее с этим человеком.

Лицо сенатора внезапно смягчилось, а сам он протянул бандиту золотое огниво прекраснейшей работы.

— Закурите, любезный Кидд, — произнес он, приветливо улыбаясь.

Бродяга взял огниво в руки и стал разглядывать вещицу с видом знатока.

— Какая прекрасная безделушка! — воскликнул он. — Всю жизнь мечтал о такой штуке, но, увы, — тут он тяжело вздохнул, — подобные вещицы создаются не для таких бедняков, как я.

— Ну, если она вам так нравится, — с плохо скрытой гримасой сказал сенатор, — я рад преподнести ее вам.

— Вот это подарок так подарок! Поверьте, сеньор, он мне особенно дорог тем, что исходит от вас, — сказал Кидд и, закурив, без всякой церемонии сунул вещицу в свой карман.

— Вы пришли, вероятно, по делу? — помолчав, спросил сенатор.

— Я всегда прихожу по делу, сеньор, — ответил бандит, выпуская через рот и через нос густые клубы дыма. — Но сегодня мною руководило прежде всего желание повидать вас.

— Благодарю за любезность, но позвольте мне

усомниться в том, что любовь ко мне, а не к золоту заставила вас разыскать меня здесь.

— Довольно обидное, знаете ли, замечание! — с грустью произнес бандит, но, тут же изменив тон, заговорил на своем обычном грубом жаргоне:

— Вот что, дон Руфино, карты на стол! Пора покончить с этими бесконечными взаимными любезностями, в которые, к тому же, никто из нас не верит, иначе мы никогда не сдвинемся с места.

— По мне, ничего лучшего не придумаешь. Говорите же, а там хоть чума вас задави!

— Благодарю, такой разговор мне больше по душе, по крайней мере узнаю вас. Хорошо, сейчас я преподам вам урок откровенности. Я пришел не то чтобы по делу, а просто с намерением продать вам кое-какие сведения и одно очень важное для вас письмо. А каким образом я раздобыл его — это уже вас не касается.

— Отлично! Теперь посмотрим, сойдемся ли мы в цене.

— Да, но прежде позвольте мне в двух словах обрисовать вам позиции, которые мы теперь занимаем относительно друг друга. Должен вам сказать, что с недавних пор многое изменилось: раньше я боялся вас, а теперь вы станете бояться

меня.

— Я? Бояться? Вас?

— Да, сеньор, или, если вам так больше нравится, вы будете опасаться меня, как человека, который знает кое-что о вас. Только не думайте, что вам удастся сейчас, как в прошлый раз, испугать меня расправой.

— А почему бы нет, позвольте вас спросить?

— Потому, что мы здесь один на один, потому, что у вас нет оружия, а у меня оно имеется, потому, наконец, что при малейшем вашем движении я убью вас как собаку! Надеюсь, вы поняли меня, любезный сеньор! — закончил он, извлекая из-под плаща два пистолета. — Как вам нравятся, кстати, эти безделушки?

— Неплохие вещички, — спокойно ответил сенатор. — А что вы скажете относительно этих игрушек? — добавил он вытащив из-под вороха бумаг, покрывавших его письменный стол, два превосходных пистолета.

— Никуда не годная рухлядь!

— Почему?

— Потому что вы не посмеете воспользоваться ими.

Дон Руфино усмехнулся.

— Смейтесь сколько вам угодно, сенатор! Мне даже нравится, что вы так весело встречаете ожидающие вас неприятности, но повторяю: теперь уж не я в ваших руках, а вы в моих! Потому что в моей власти вручить капитану Маркосу Ниса кое-какие бумаги, которые могут немало повредить вам. Между ними имеется одна записка примерно следующего держания: «Я, нижеподписавшийся, обвиняю своего слугу Лупино Контрариаса в том, что он подло поразил меня насмерть и, отняв у меня все мое достояние, состоявшее из двух мулов, груженных золотым песком, и двух тысяч трехсот золотых унций в звонкой монете, бросил меня без помощи совершенно безлюдной пустыне. Не питая надежды остаться в живых и готовясь предстать перед богом, я обвиняю этого негодяя и прошу…» и т.д. и т.п. Подписано… Угодно вам узнать, кем?.. Но что с вами, сеньор? Вам дурно? Вы что-то побледнели, на вас лица нет, вы стали бледнее мертвеца!

Рассказ бандита произвел потрясающее впечат-

ление на сенатора; казалось, он сейчас лишится чувств.

— Просто удивительно, — жеманно продолжал между тем бандит, — как нельзя ни в чем быть уверенным в этом мире! Взять хотя бы этого злосчастного Лупино! Уж на что чудесную устроил он ловушку с предусмотрительностью, превосходящей всякое человеческое воображение! Как терпеливо выжидал он своего часа! Только тогда, когда они перешли индейскую границу и очутились в глуши, куда и в десять лет не заглянет ни одна живая человеческая душа, он разрядил в спину своего господина два револьвера, для пущей уверенности стреляя в упор. А сам ушел, утащив, разумеется, так добросовестно заработанное богатство. И что же вы думаете? Судьбе было угодно, чтобы человек, которого его слуга имел все основания считать мертвым, ожил и у него хватило едва сил достать свою записную книжку и написать это обвинение, хотя и карандашом, но по всем правилам. Затем та же чертова судьба, которая, раз впутавшись в какое-нибудь дело, ни за что не выпустит его из своих лап, приводит к тому же месту какого-то охотника, который и находит эту записку! Ну что ты скажешь? От таких дел у тебя может родиться мысль

стать честным человеком… И стал бы им, не будь у меня определенного мнения об этой породе людей, черт бы их побрал!

Пока длился этот монолог, сенатор успел оправиться от страшного удара; невероятным усилием воли ему удалось взять себя в руки, вернуть утраченное было хладнокровие и даже выдавить улыбку, весьма похожую на гримасу.

— Карай! — воскликнул он со смехом, напоминавшим зубовный скрежет. — Никогда еще не слышал столь чудесного и так мастерски состряпанного рассказа! Позвольте, любезный сеньор, поздравить вас: у вас настоящий талант сочинителя! Прелестно, честное слово, прелестно!.. Но кто, черт возьми, поверит вашему рассказу?

— Вы — первый, сеньор, потому что кому же лучше, как не вам, знать всю подоплеку этого происшествия?

— Честное слово, вы помешались, сеньор!

— Ну, не совсем, ведь в моих руках улики.

— Не спорю. Но допустим даже, что все это правда; так ведь это дело давно минувших дней, а сам Лупино Контрариас исчез… может быть, умер; наконец, и господин его никак не мог выжить: слишком хорошо были заряжены пистолеты. Ну, а кто же станет интересоваться умершим челове-

ком, особенно в нашей стране?

— А откуда вам известно, что пистолеты были хорошо заряжены?

— Я так предполагаю.

— Вот в подобных предположениях и вся беда в такого рода делах. Послушайте, между нами говоря, неужели вы думаете, что так трудно будет распознать Лупино Контрариаса в доне Руфино Контрерасе? Нет, не так ли?

Сенатор невольно покраснел.

— Сеньор, — сказал он, — подобного рода намеки…

— …ни в коем случае не должны вас оскорблять, — с невозмутимым спокойствием прервал его Кидд. — Предположение — и только! Теперь давайте продолжим наш разговор все в том же духе предположений и допустим на мгновение, что этот человек, в смерти которого так убежден его слуга, на самом деле жив и…

— Ну, это уж никак невозможно!

— Не прерывайте меня, сеньор! Итак, предположим, что он жив и, явившись однажды, положил бы руку на плечо своего бывшего слуги… ну вот примерно так, как я сейчас кладу свою на ваше плечо… приговаривая при этом: «Вот мой убийца!» Что вы ответите на это?

— Я? Я? — вскричал уже совершенно растерявшийся сенатор. — Я бы сказал, я бы ответил…

— И ничего бы вы не ответили, — прервал его лепет бандит и, взяв со стола пистолеты, которые дон Руфино в своем смятении выпустил из рук, преспокойно засунул их за свой кушак. — Да, дорогой друг, вы не выдержали бы очной ставки с вашей жертвой; неожиданное появление ее сокрушило бы вас, и вы были бы неизбежно осуждены.

Наступило молчание, страшное молчание, когда оба противника, мерившие взглядом друг друга, готовы были схватиться в смертельном поединке. Все это длилось не более секунды: такое сильное волнение быстро проходит. Сенатор вытер рукой холодный пот, выступивший на его лбу, и, поднявшись во весь свой рост, хриплым голосом произнес:

— Ну, а дальше? Чего вы, собственно, добиваетесь?

— Подождите; прежде чем предъявить вам свои условия, мне надо знать, признаете ли вы неоспоримость моих улик?

На несколько минут дон Руфино де Контрерас погрузился в глубокое раздумье. Кидд не спускал с него глаз, готовый пустить в ход оружие при

малейшем подозрительном движении сенатора. Но тот и не помышлял об этом: оглушенный потрясающим разоблачением Кидда, дон Руфино с блуждающим взором тщетно ломал себе голову в поисках выхода из ужасного тупика, в котором он очутился. Наконец он решился. Глядя прямо в глаза бандиту, он заговорил:

— Ну что же, все это правда. Да, я подло убил и ограбил человека, который протянул мне руку помощи, вывел из нищеты и видел во мне скорее друга, чем слугу. Да, мое богатство досталось мне преступным путем, но оно все же мое! С его помощью я достиг высокого положения в обществе. Пусть не без плутовства и лжи, но я пробил себе дорогу, у меня есть звание сенатора и имя, имя! И теперь одна только смерть может вырвать у меня отказ от благ, добытых таким страшным путем. Ну вот я и сказал вам правду, открыл свои карты. Теперь ваша очередь играть со мной в открытую. Назначайте ваши условия! Если они будут приемлемыми, я не стану возражать; если чрезмерными, отвергну, какими бы последствиями ни грозил мне этот отказ. Я не соглашусь стать игрушкой в руках такого плута, как вы. Не такой я человек! Я не примирюсь с подобной участью и предпочту сам на себя донести. Но берегитесь!

В своем падении я увлеку и вас за собой в бездну. Подумайте же хорошо, прежде чем ответить мне. Я предупреждаю вас со всей серьезностью: уговор, который будет заключен между нами, должен раз и навсегда исчерпать все отношения между нами. Даю вам десять минут на размышление!

Это ясное и решительное заявление привело Кидда в смущение: он понял, что имеет дело с одной из тех неукротимых натур, которые никогда не меняют раз принятого решения. Бандит ничего не выиграл бы, погубив дона Руфино, да это и не входило в его планы. Он хотел только напугать сенатора, и ему удалось это как нельзя лучше. Теперь этим людям, словно созданным для взаимного понимания, оставалось только разрешить вопрос о цене, а сделать это каждому хотелось как можно выгоднее для себя. Кидд готовился начать атаку.

XXXV. Полюбовная сделка

Дон Руфино сидел, прислонившись спиной к столу; склонив голову на правую руку и небрежно играя ножом из слоновой кости левой рукой, он терпеливо выжидал, когда заговорит его собеседник. Это подчеркнутое безразличие заставило

призадуматься бродягу. Люди такого склада, как Кидд, инстинктивно остерегаются всего, что им кажется неестественным; бандит был невольно смущен этим равнодушием дона Руфино, за которым ему мерещилась какая-то скрытая ловушка. Наконец он резко прервал молчание:

— Прежде всего, дон Руфино, я должен сообщить вам еще об одной причине моего появления у вас.

— Я не очень настаиваю на этом, — безучастно отозвался сенатор. — Но, если вы считаете это нужным, действуйте, не стесняйтесь, я вас слушаю.

— Я полагаю, вы измените свое мнение, когда выслушаете меня, сеньор, и поймете, какую важную услугу я собираюсь вам оказать.

— Боже мой, все возможно, я не спорю, любезный сеньор! — не без иронии отвечал сенатор. — Но вы так усердно вмешиваетесь в мои дела, что мне весьма трудно разобраться во всех комбинациях вашего изобретательного ума, понять, какие из них продиктованы добрыми намерениями, а какие — враждебными.

— Сейчас вы сами поймете.

— Тем лучше. Говорите, прошу вас.

— Я могу сообщить вам, что судебный исполни-

тель дон Порфиадо Бурро прибыл в Квитовак.

— Дальше! — сказал сенатор, пристально глядя на бандита.

— Не знаю, как это случилось, но не успел еще дон Порфиадо въехать в город, как, по какому-то странному капризу судьбы, это стало известно капитану де Ниса.

— Вот как! — насмешливо воскликнул сенатор. — Все та же судьба, о которой вы уже не раз упоминали. Очевидно, ей никак не надоест досаждать мне неприятностями. Несмотря на огромную дозу наглости, которой природа одарила бродягу, он невольно смутился.

— И так же очевидно, — осклабясь, продолжал дон Руфино, — что по воле той же злой судьбы капитану стало известно не только о приезде дона Порфиадо, но и о цели его появления в этих краях!

— Откуда вы это узнали? — с деланным удивлением воскликнул Кидд.

— Догадался, только и всего. Но продолжайте. Ваше сообщение начинает живо интересовать меня.

— Капитан, как вам известно, родственник маркиза де Могюер, — оправившись от смущения, продолжал Кидд.

— И даже очень близкий родственник.

— Неудивительно, что капитан недолго думая отправил в асиенду дель Торо курьера с письмом, в котором он, вероятно, извещал дона Фернандо о судебном исполнителе и его намерениях.

Маска напускного равнодушия мгновенно слетела с лица дона Руфино.

— О, это письмо! — воскликнул он, стукнув кулаком по столу. — Я бы не пожалел за него золота!

— А я дарю его вам, сеньор, — расплывшись в улыбке, произнес Кидд. — Теперь, надеюсь, вы поверите в мое искреннее расположение к вам.

С этими словами Кидд извлек из кармана письмо и протянул его сенатору. Кинувшись, словно тигр на добычу, дон Руфино выхватил пакет из рук бандита.

— Легче, легче, сенатор, — остановил его Кидд. — Обратите внимание — печать цела, письмо не вскрыто, а следовательно, и содержание его мне неизвестно.

— В самом деле! — прошептал сенатор, вертя письмо в своих руках. — Благодарю за такую деликатность.

— Помилуйте! — произнес Кидд, скромно опустив глаза.

— Но скажите, какими судьбами попало в ваши руки письмо, адресованное дону Фернандо?

— А очень просто, — развязно отвечал бандит. — Представьте себе такое совпадение: человек, с которым капитан отправил свое письмо, оказался моим приятелем. Ну, я и предложил ему сопровождать его: душа болела от мысли, что этот парень пустится один, да еще ночью, в дорогу, пользующуюся такой дурной славой; к тому же ведь я и сам собрался в Ариспу. Приятель принял, конечно, мое предложение. По дороге мы вдруг повздорили... Сам не понимаю, как и почему это случилось! Короче говоря, в разгаре спора я — клянусь, без всякого злого умысла! — так рубанул его по голове своим мачете, что ему не оставалось ничего другого, как умереть. Поверьте, я был весьма огорчен, но не в моих силах было уже помочь ему. Я опасался, как бы письмо не затерялось или не попало в руки плохого человека, и решил поэтому захватить его с собой.

— Действительно, очень просто, — сказал, усмехнувшись, сенатор и взломал печать.

Кидд скромно отошел в сторону и опустился в кресло, предоставляя сенатору полную свободу прочесть столь интересовавшее его письмо.

А дон Руфино, пробежав с величайшим внима-

нием письмо два раза кряду, ушел в свои мысли.

— Ну как? — прервал наконец молчание бродяга. — Плохие вести?

— Очень важные, сеньор. Но я вот все спрашиваю себя: с какой целью вы завладели этим письмом?

— С целью доставить вам удовольствие — так мне кажется, сеньор.

— Со стороны это выглядит очень мило, но при наших отношениях непонятно.

Бандит рассмеялся.

— Разве я не сказал, что собираюсь предложить вам одно дельце.

— Сказали, и я жду ваших предложений.

— Это не так просто, сеньор.

— Ладно, я помогу вам, подскажу, на каких условиях мы могли бы договориться.

— Отлично! Я вижу, вы начинаете понимать меня, и мы, пожалуй, сумеем успешно закончить все сегодня же.

— Вы человек небогатый, — прямо приступил к делу сенатор.

— Признаюсь, что не купаюсь в золоте, — сказал бродяга, окинув взглядом свой обветшалый костюм.

— Так вот, я могу озолотить вас.

— Что вы называете «озолотить»? — недоверчиво произнес бандит.

— Я мог бы предоставить в ваше распоряжение такую сумму денег, которая не только избавила бы вас навсегда от нужды, но и позволила бы вам жить в роскоши, не сходя при этом с колеи честной жизни.

— Честность — это добродетель, доступная лишь тем, кто может тратить деньги не считая их, — назидательно произнес бандит.

— Пусть так; я дам вам возможность стать честным человеком в вашем понимании этого слова.

— Ко это будет вам дорого стоить! — вызывающе продолжал Кидд. — У меня ведь большие запросы.

— Я так и полагал, но это неважно. Послушайте, в Калифорнии у меня имеется асиенда. Я готов подарить ее вам.

— Гм… — промычал Кидд, презрительно выпятив нижнюю губу. — Какая-нибудь захудалая асиенда, а?

— Напротив, огромная, с большими стадами рогатого скота, с отарами овец, с табунами диких лошадей; к тому же она расположена вблизи моря.

— Это уже кое-что, не спорю; но это все же еще

не богатство.

— Подождите!

— Жду.

— В придачу к асиенде я отсчитаю вам кругленькую сумму в сто тысяч пиастров золотом.

У бандита закружилась голова.

— Как! — вскричал он и, побледнев от радости, вскочил, словно кукла на пружине. — Как вы сказали — «сто тысяч пиастров»?

— Да, повторяю, сто тысяч пиастров, — подтвердил сенатор, внутренне удовлетворенный произведенным эффектом. — Как думаете, вам достаточно будет этих денег, чтобы стать порядочным человеком?

— Я думаю! Vivo Cristo!

— От вас зависит, чтобы все это претворилось в жизнь в ближайшие восемь дней.

— А, понимаю! Есть одно условие? Карай! Я откажусь от него лишь в том случае, если оно окажется невыполнимым.

— Вот это условие. Слушайте меня внимательно.

— Карай! Как не слушать! Асиенда и сто тысяч пиастров! Я еще не сошел ума, чтобы отказаться от такой милости судьбы.

— Прежде всего не мешать осуществлению

моих планов, дать мне жениться на донье Марианне и в день свадьбы вручить мне записку, которую нашли на том несчастном… убитым своим слугой.

— Прекрасно. И это все?

— Нет. Я требую, чтобы вместе с запиской вы дали мне неопровержимое доказательство, что на этот раз этого человека нет уже в живых.

— Карай! Это не так просто.

— А уж это меня не касается. Выкручивайтесь как знаете.

— Справедливое замечание. А срок какой?

— Восемь дней.

— Боже праведный! Восьми дней, пожалуй, будет маловато. Нелегко убить такого человека!

— Да, но, когда он станет мертвецом, вы станете богачом.

— Я знаю и принимаю в расчет это соображение; а все же это слишком трудное дело. Я рискую своей шкурой.

— Соглашайтесь или отказывайтесь; третьего выхода нет.

— Соглашаюсь, соглашаюсь! Никогда в жизни мне не представится больше такого случая стать честным человеком!

— Значит, решено?

— Решено!

— Отлично! Теперь о другом. Вы ведь можете еще пере думать и попытаться предать меня…

— Как вам не стыдно, сеньор!..

— Как знать, всякое бывает… Ну так вот, для пресечения возможной измены вы подпишете мне сейчас же документ, в котором будет подробно изложен весь наш уговор.

— Карай! Это очень опасно.

— Верно, но не только для вас, а и для меня; ведь там будут изложены и мои требования.

— Но если существование такого документа будет одинаковой уликой против нас обоих, зачем вообще его писать?

— А вот для чего. Если вам взбредет вдруг в голову мысль предать меня, вы не сможете этого сделать, не погубив и себя вместе со мной. Я надеюсь, что это обстоятельство несколько обуздает вас и заставит одуматься, если такая шальная мысль зародится в вашей голове.

— Вы не доверяете мне?

— А вы мне?

— Это другое дело, я ведь бедняк.

— Пора кончать: либо вы принимаете мои условия, либо отвергаете их, и тогда исключается всякая возможность сделки между нами.

— Напрасно вы разговариваете со мной в таком тоне, ведь я могу еще пустить в ход известную вам записку!

— Не посмеете!

— Я не посмею?! А почему же?

— Если бы вы могли воспользоваться этой запиской, вы бы сделали это давно. Не знаю что, но что-то вам мешает. Я слишком хорошо вас знаю, слишком высокого мнения о вашей сметливости, чтобы сомневаться в этом. Послушайте меня, Кидд: не пытайтесь больше пугать меня этой запиской, словно пистолетом, приставленным к горлу, — все равно из этого ничего не выйдет. Поторопитесь лучше принять те блестящие предложения, которые я сделал вам. Так будет лучше.

— А, будь по-вашему! Придется мне уступить, раз уж вы так настаиваете. Но вы должны согласиться, что ставите меня в тяжелое положение.

— Нисколько! Вы ошибаетесь, сеньор, просто я принимаю свои меры предосторожности, только и всего.

Бродяга думал об этом иначе, но сто тысяч пиастров сделали свое дело. Соблазн был велик, и Кидд, подавив вздох, не стал больше препираться и согласился на все.

Дон Руфино тотчас же стал набрасывать на

бумаге условия уговора между двумя сообщниками. Хотя сенатор и отдавал себе отчет в том, что это преступное соглашение, попади оно в руки правосудия, может погубить их обоих, дон Руфино все же надеялся, что с помощью этого своеобразного дамоклова меча он сумеет держать бандита в страхе и повиновении.

Сенатор писал, а бандит, стоя за его спиной, впивался глазами в каждое слово. Кидд опасался, как бы сенатор не надул его, а у самого уже копошились в голове мысли о том, как бы уклониться от этой страшной сделки… Только бы получить деньги, а там уж он придумает, как погубить того, кто навязал ее ему. Мы не решимся утверждать, что со своей стороны дон Руфино не думал о том же.

Наконец сенатор кончил писать этот странный документ о преступном сообществе двух людей, документ, приковавший их друг к другу крепче любой цепи.

— Может быть, у вас имеются какие-нибудь поправки? — спросил сенатор, прочитав договор вслух.

— К черту поправки! — сердито воскликнул бандит. — Вы все равно ничего не измените. Пусть уж все остается так, как оно есть!

— Я того же мнения. Итак, подписывайте, а я тем временем отсчитаю вам сто унций золотом… чтобы позолотить пилюлю!

— В добрый час! Люблю, когда говорят о золоте! — сказал Кидд.

Взяв перо из рук сенатора, он, не задумываясь больше, приложил свою руку к документу, на котором уже красовалась подпись дона Руфино. Обещание ста золотых унций заставило его позабыть о том, что этот росчерк пера может стоить ему жизни; впрочем, Кидд был фаталистом и очень рассчитывал на счастливый случай, который скоро избавит его от этого опасного соучастника.

Сенатор, взяв у Кидда документ, взглянул на подпись и обсыпав не высохшие еще чернила золотой пудрой, сложил его вчетверо и засунул за пазуху.

— Теперь, — сказал он, извлекая из сундука горсть золота, — получите обещанную сумму.

С этими словами сенатор расставил золотые монеты стопками по столу. Кидд радостно набросился на них, и золото быстро исчезло в его карманах.

— Теперь я готов повиноваться вам. Приказывайте! — обратился он к сенатору. — И для начала

возвращаю вам ваши пистолеты, они мне больше не нужны.

— Благодарю. Долго вы предполагаете пробыть еще в Ариспе?

— О нет! Я собираюсь немедленно покинуть этот город.

— Чудесное совпадение! Я как раз собирался просить вас передать письмецо дону Порфиадо.

— Как! Вы хотите послать меня в Квитовак?

— А вам не нравится этот город?

— Напротив, но мне неохота оставаться там… из-за того ночного дела.

— Ах да, убийство солдата! Смотрите, будьте осторожны.

— Я только выполню ваше поручение и сейчас же уберусь оттуда.

— Да, такая предосторожность не повредит вам. Впрочем, знаете, поразмыслив, я решил, что вам лучше совсем не заезжать в Квитовак. Я отправлю письмо с другим курьером.

— Да, так будет лучше. Что еще прикажете?

— Ничего. Располагайте собою как хотите. Но только помните, чего я жду от вас через восемь дней, и действуйте сообразно.

— Этого я, конечно, не забуду, сохрани бог!

— В таком случае, я вас больше не задерживаю.

Прощайте!

— До свиданья,сеньор!

Сенатор дернул шнурок колокольчика. Слуга появился почти мгновенно. Дон Руфино и Кидд исподлобья обменялись взглядами. Было ясно, что любопытный, как и все люди этой профессии, слуга подслушивал, стараясь узнать, о чем его господин мог так долго беседовать с подобным бродягой. Однако благодаря предосторожности, принятой Киддом, до слуги доносились только заглушенные голоса собеседников, и бедняга не выиграл ничего. Зато лицо его покрылось краской стыда, вспыхнувшей от сознания, что он изобличен в подслушивании.

— Проводите этого кабальеро, — приказал сенатор.

Сообщники раскланялись, словно они были самыми лучшими в мире друзьями, и наконец расстались.

— Негодяй! — воскликнул дон Руфико, оставшись один. — Только бы представился случай отплатить тебе за все, что ты заставил меня выстрадать сегодня! Уж я его не упущу!

В припадке злобы он разбил великолепную китайскую вазу, на беду подвернувшуюся ему под руку.

Но и мысли бродяги, когда он следовал за слугой по апартаментам сенаторского дома, не отличались благодушием: «Черт возьми, черт возьми, какое жаркое было дело! Кажется, следует остерегаться моего дружка… Трудно рассчитывать на сеньора сенатора, скорее жди от него всякой пакости… Я, кажется, напрасно подписал эту проклятую бумагу… А впрочем, чего же я, собственно, боюсь? Он слишком нуждается во мне, чтобы подстроить какую-нибудь ловушку… Надо все же быть начеку, это не повредит».

Очутившись в передней, бродяга надвинул на глаза поля своей поношенной шляпы, тщательно завернулся в плащ и вышел, провожаемый почтительным поклоном слуги. Перспектива попасться на глаза полицейским мало улыбалась Кидду, поэтому, возвращаясь в таверну, он принимал все те же меры предосторожности, к которым прибегнул, направляясь к сенатору.

Кидд еще издали заметил содержателя таверны, который, закинув руки за спину и расставив ноги, стоял на пороге и внимательно наблюдал за всем, что творилось вокруг его дома.

— А-а! — воскликнул хозяин, кланяясь Кидду. — Уже вернулись?

— Как видите, приятель. Приготовьте мне по-

скорее завтрак, я очень занят сегодня.

— Неужели собираетесь покинуть нас?

— Я еще не знаю. Ну же, поспешите с завтраком!

Кабатчик вынужден был молча прислуживать своему гостю. А Кидд, поев с аппетитом и щедро расплатившись с хозяином, чтобы как-нибудь вознаградить его за свое нелюбез ное обхождение, оседлал коня и уехал, так и не сказав, вернется он или нет.

Четверть часа спустя он уже мчался в поле, с бесконечным наслаждением вдыхая свежий и ароматный степной ветерок.

XXXVI. Асиенда дель Торо

Теперь, читатель, мы забежим на пятнадцать дней вперед и вернемся в асиенду дель Торо. Но прежде чем продолжать наш рассказ, мы дадим краткое изложение событий, которые произошли за эти пятнадцать дней. Без такого изложения читателю трудно будет понять, благодаря какому странному стечению обстоятельств судьба свела лицом к лицу всех действующих лиц нашего повествования и как от столкновения их друг с другом возникла неожиданная развязка.

Донья Марианна, очарованная доньей Эсперансой, а может быть, просто и безотчетно поддавшись тайному влечению сердца, согласилась пробыть в лагере охотников еще два дня. За эти дни, прошедшие в теплых и дружеских беседах, девушка сама того не сознавая выдала свою сокровенную сердечную тайну.

Донья Эсперанса счастливо улыбнулась, услышав это наивное признание. Она давно уже догадывалась о чувствах девушки и была готова всячески поощрить их.

Со своей стороны и Твердая Рука не противился магической власти над ним доньи Марианны; от сознания, что он любим, его холодная замкнутость растаяла и уступила место открытому восхищению. Увлеченный страстью, он приоткрыл душу, обнажив благородные и хорошие черты своего немного дикого характера. Но в этой дикости были прямота и сила, которые так прельщают женщин, внушая им тайное желание обуздать и покорить себе эти бунтарские натуры.

За все эти два дня между молодыми людьми не было произнесено ни слова о любви, но они отлично поняли друг друга и не сомневались в своих взаимных чувствах.

Пора было, однако, подумать о возвращении в асиенду. Было решено, что донья Марианна сообщит отцу обо всем, что она узнала от доньи Эсперансы; что она не откажет наотрез дону Руфино, а будет спокойно выжидать дальнейшего хода событий.

— Помните, — сказала донья Марианна, протягивая на прощанье руку охотнику, — вся моя надежда на вас. Если ваши планы не осуществятся, я останусь одна, некому будет защитить меня, и мне останется только умереть… Я не переживу крушения всех моих надежд!

— Надейтесь на меня, донья Марианна! Я поставил на карту свою жизнь и свое счастье и выиграю эту роковую партию, я в этом убежден!

Вот те несколько слов, которыми обменялись молодые люди при расставании. Эти слова стоили любых клятв в верности.

— Помните о легенде, — сказала донья Эсперанса, нежно обнимая на прощание девушку.

Донья Марианна ответила ей улыбкой. Тигреро держал поводья двух коней, а Твердая Рука с группой охотников собрались охранять путешественников, издали следуя за ними.

Двинулись в путь. Путешествие проходило в молчании. Донья Марианна была всецело погло-

щена своими мыслями после всего пережитого в лагере охотников, а Мариано был так ошеломлен приемом в лагере, его роскошью и комфортом, невиданными в прерии, что не мог прийти в себя от изумления.

По желанию доньи Марианны, торопившейся вернуться домой, тигреро избрал кратчайший путь, ведущий прямо в асиенду дель Торо, минуя ранчо. Когда путники достигли ворот замка, позади них раздался выстрел. Девушка оглянулась и увидела клубок белого дыма, расстилавшийся вдали над группой всадников. Донья Марианна догадалась, кто это стрелял, и помахала на прощание своим платочком. Новый выстрел дал ей понять, что ее сигнал принят; вслед за тем охотники повернули коней и скрылись в лесной чаще.

Первым человеком, которого встретила в асиенде донья Марианна, был Паредес.

— Боже милостивый, нинья, — воскликнул управитель, — где вы пропадали? Сеньор маркиз вне себя от беспокойства.

— Разве моему отцу неизвестно, что я поехала погостить к моей кормилице?

— Дон Руис говорил ему об этом. Но ваше отсутствие было столь продолжительным, что сеньор

маркиз стал опасаться не случилось ли с вами какой беды.

— Как видите, ничего плохого не произошло, мой добрый Паредес. Успокойтесь и успокойте моего отца. Я не замедлю сама засвидетельствовать ему свое уважение.

— Дон Фернандо вместе с доном Руисом проверяют сейчас состояние укреплений асиенды. Ведь с часу на час мы ожидаем нападения индейцев.

— И пусть себе проверяют. А я тем временем отдохну в голубой гостиной. Умираю от усталости! Вы доложите отцу о моем возвращении; когда он закончит свой осмотр, а до тех пор не надо беспокоить его.

— «Беспокоить»?! — воскликнул дон Хосе. — Простите, сеньорита, но я не могу согласиться с вами. Vivo Dios! Да маркиз никогда не простит мне, что я не доложил ему немедленно о вашем возвращении!

— Если так, делайте как знаете, мой добрый Паредес.

Дон Хосе, очевидно только того и ожидавший, бросился со всех ног искать маркиза.

— Мой дорогой Мариано, — обратилась между тем девушка к тигреро, — никому нет надобности знать, где мы с вами были и что делали в эти дни.

Пусть все думают, что я не покидала вашего ранчо. Я рассчитываю на ваше молчание. Настанет час, когда я сама расскажу все отцу.

— Слушаю, нинья, ваше слово для меня закон. Да мне вообще до этого нет никакого дела.

— А теперь я хочу поблагодарить вас, Мариано, за огромную услугу, оказанную мне.

— Вы знаете, как я предан вам, нинья. Я только исполнил свой долг, и не за что благодарить меня.

Девушка, улыбнувшись, протянула ему руку и вошла в дом, а тигреро повел двух коней в кораль мимо множества шалашей окрестных хуторян, укрывшихся по приказу маркиза в асиенде и заполнивших все ее дворы.

Дон Фернандо, услышав радостную весть, бросился к до чери, так и не закончив осмотра укреплений. По мере того как над головой маркиза сгущались грозные тучи, возрастала его любовь и нежность к детям; он словно искал в них опоры, чувствовал необходимость укрепить семейные связи перед дицом надвигавшегося несчастья.

— Жестокое дитя! — с ласковым упреком произнес он, обнимая дочь. — Можно ли так долго пропадать в такое тревожное время?!

— Прости, отец, и поверь, — сказала донья Марианна, ласкаясь к нему, — что мысль о тебе и о твоих делах ни на минуту не покидала меня в эти дни моего отсутствия.

— У тебя доброе сердце, дитя мое! Но, увы, — со вздохом произнес маркиз, — мое положение отчаянное, меня уже ничто не спасет.

— Как знать, отец!

— Не убаюкивай меня ложными надеждами: пробуждение будет еще более тяжким.

— Я и не собираюсь обольщать тебя несбыточными мечтами! — с достоинством произнесла она. — Я привезла тебе нечто положительное и веское.

— «Положительное и веское»? В устах молодой девушки эти слова звучат довольно странно. Где же думаешь ты, дитя, найти это «нечто»?

— За ним не придется далеко ходить, оно здесь, у нас под ногами. Тебе стоит только захотеть поднять его.

Дон Фернандо ничего не ответил, только безнадежно склонил голову на грудь.

— Послушаем Марианну, отец! — вмешался дон Руис. — Она всегда была ангелом-хранителем нашей семьи. Я верю ей, отец, она не сотворит себе забавы из нашего горя.

— Благодарю тебя, Руис! — сказала донья Марианна. — Да я лучше умру, чем огорчу нашего отца!

— Господи, я сам отлично это понимаю! Но вы еще молоды, лишены жизненного опыта и склонны принимать свои желания за действительность.

— Но почему же все-таки не выслушать ее? — возразил Дон Руис. — Может быть, Марианна и ошибается… может быть, слова ее не произведут на тебя должного впечатления, но, во всяком случае, ты услышишь в них любовь к тебе. Уже из-за одного этого мы оба — и ты и я — должны быть благодарны ей.

— Но к чему все это, дети?

— Бог мой, в нашем отчаянном положении нельзя ничем пренебрегать, отец! — сказал дон Руис. — Как знать? Иногда самые слабые существа приносят самую большую пользу Разве не сказано: «Устами младенцев глаголет истина»?

— Ладно. Если ты этого требуешь, сын мой, я выслушаю ее.

— Я не требую, я прошу, отец!.. Говори же, сестренка! Говори, не бойся.

Донья Марианна кротко улыбнулась, обхватила шею отца руками и, нежно склонясь головой к

нему на плечо, ласково шептала:

— Если бы ты только знал, отец, как я люблю тебя, как я желала бы видеть тебя счастливым! Но я не стану ничего тебе рассказывать, ты все равно не поверишь мне, — до того странно и невероятно то, что я должна сообщить тебе.

— Видишь, дитя, я был прав!

— Одну минутку, отец. Я не стану рассказывать, но у меня к тебе серьезная просьба, такая необычная, что я, право, не знаю, как ее выразить… Боюсь только, что ты не поймешь меня…

— О! О! Дитя мое, — улыбнулся маркиз, явно заинтересованный словами дочери, — что же это за просьба, которая нуждается в таком длинном предисловии? Страшная, должно быть, штука, если ты так долго не решаешься ее высказать.

— Нет, отец, ничего страшного нет, но, повторяю, это может показаться тебе сумасбродством.

— Ах, дитя мое, с некоторых пор я такого насмотрелся, что меня уже ничем не удивишь! Говори же, не бойся, я не стану упрекать тебя ни в чем.

— Сейчас, отец. Но прежде дай мне слово исполнить мою просьбу.

— Карамба! — шутливо воскликнул он. — Ты, однако, предусмотрительна! А я вот возьму да

я откажу!

— Тогда все будет кончено, отец, — с невыразимой печалью произнесла она.

— Успокойся, дорогая! Даю тебе слово. Довольна?

— О, благодарю, отец! Но это правда, да? Даешь честное слово исполнить мою просьбу?

— Да, милая упрямица, да, сто раз да! Даю слово исполнить все, что бы ты ни попросила.

Девушка радостно запрыгала, хлопая в ладоши, потом с жаром расцеловала отца.

— Честное слово, она помешалась, — произнес сияющий маркиз.

— Да, отец, помешалась от счастья, потому что берусь теперь доказать тебе, что твои дела никогда еще не были в таком блестящем состоянии.

— Ну вот, теперь она начинает бредить!

— Нет, отец, — сказал дон Руис, пристально следивший за сменой чувств на подвижном лице сестры, отражавшем все ее внутренние переживания. — Нет, отец, мне думается, что в этой головке возник сейчас какой-то проект, для осуществления которого ей нужна полная свобода действий.

— Ты угадал, Руис. Да, мне необходима полная свобода действий, я должна чувствовать себя

сегодня всемогущей хозяйкой — по крайней мере от восьми вечера до полуночи. Вручаешь мне эту власть, отец?

— Я поклялся, Марианна, — ответил, улыбаясь, дон Фернандо, — и сдержу свое слово. Итак, согласно твоему желанию, ты будешь полновластной хозяйкой асиенды с восьми часов вечера до полуночи. Никто, включая и меня, не посмеет возражать против твоих поступков и приказов. Прикажешь объявить об этом во всеуслышание нашим людям?

— Нет, не всем, а только двум из них.

— И кто же эти счастливцы?

— Мой молочный брат, тигреро Мариано, и наш управитель Паредес.

— Я вижу, ты умеешь разбираться в людях! Это самые преданные нам слуги. Такой выбор обнадеживает меня. Продолжай, дочь моя. Что еще тебе понадобится?

— Эти люди должны вооружиться кирками, мотыгами, лопатами и фонарями, — сказала донья Марианна.

— Гм! Придется, значит, копаться в земле?

— Возможно, — загадочно улыбнулась девушка.

— Все эти басни о зарытых кладах давно уже

отжили свой век, дочь моя! — произнес маркиз, покачивая головой. — Если когда-нибудь и существовали клады, то в этой стране они давно уже все вырыты.

— Я не могу ничего объяснить тебе, отец. Ты не знаешь моих планов и не можешь правильно судить о них. И потом, — добавила она с чудесной улыбкой, — ведь ты не имеешь права возражать мне, ты должен первым показать пример повиновения, а ты поднимаешь знамя восстания!

— Справедливое замечание, дорогая! Каюсь и приношу повинную. Приказывай дальше.

— Мне остается сказать только одно: ты, отец, и ты, Руис должны тоже вооружиться теми же орудиями, так как я намереваюсь заставить работать и вас обоих.

— Ну, это ты уж хватила! — рассмеялся дон Руис. — Что касается меня, то это куда ни шло, я еще молод. Но отец… Смилуйся, сестренка, нельзя впрягать отца в такую работу!

— А может быть, и мне самой придется взяться за лопату! Поверь мне, брат мой: это дело гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Я вижу, вы оба не верите мне, но я готова поклясться!

— Нет, я верю тебе, сестра.

— А мне кажется, Руис, что и ты начал сомне-

ваться, хотя из любви ко мне и не хочешь в этом сознаться. Так вот, я клянусь самым дорогим мне на свете, то есть вами обоими, что я действую не наугад и уверена в успехе!

Глаза девушки горели такой верой, она говорила с таким жаром, что двое мужчин, склонив головы, признали себя побежденными: ее вера поборола их неверие. Она убедила их.

— Все твои желания будут исполнены, — сказал дон Фернандо. — Выйдет у тебя что-нибудь или нет, я все равно буду благодарен тебе за твое рвение и заботу о моих делах. Дон Руис по приказанию отца отправился за доном Хосе и тигреро.

Тогда произошло то, что обычно случается при подобных обстоятельствах. В то время как донья Марианна спокойно ждала наступления назначенного ею часа, дона Фернандо и дона Руиса прямо трясло от возбуждения.

Время тянулось для них мучительно долго; подстрекаемые любопытством, они буквально не могли и минуты усидеть на одном месте.

Наконец пробило восемь часов.

— Пора! — сказала донья Марианна.

XXXVII. Парк

Все южные народы любят тень, цветы и птиц. Вынужденные из-за жары проводить большую часть суток на открытом воздухе, они довели практику садоводства до высоты, недоступной для северных стран.

Итальянцы и испанцы не перестают трудиться над тем, чтобы превратить свои сады в настоящие оазисы, где можно было бы дышать свежим воздухом, не подвергаясь преследованиям мошкары — этого безжалостного бича тропических и субтропических широт. Эти насекомые, неизвестные обитателям умеренного пояса, в полдень мириадами роятся здесь в каждом солнечном луче. На особенно большую, прямо-таки научную высоту поднята культура садоводства в испано-американских странах, где между полуднем и тремя часами земля, согреваемая с раннего утра раскаленными лучами южного солнца, пышет губительным жаром и до того изменяет структуру воздуха, что дышать становится почти невозможно.

Богатый и выразительный испанский язык имеет два слова для передачи понятия «сад»:

слово «хардин», под которым подразумевается исключительно цветник; здесь на открытом воздухе растут великолепные цветы, которые в странах умеренного климата выращивают только в оранжереях, да и то лишь чахлыми и блеклыми. Слово же «уэрта» означает более обширный сад; тут и огород, и плодовый сад, и длинные тенистые аллеи, водопады, фонтаны и пруды — одним словом, весь тот ансамбль, которому в Европе мы даем неточное название парка.

В асиенде дель Торо был такой парк, над благоустройством которого трудились все поколения маркизов де Могюер. Этот парк, территория которого в Европе, где человеческое жилье сведено к позорно малым размерам, сошла бы за огромную, в Мексике считался небольшим. Он занимал всего двенадцать гектаров. Правда, сравнительно небольшой размер парка дель Торо искупался замечательной планировкой местности и обилием тенистых аллей, чем он и славился в Соноре.

В восемь часов вечера в асиенде пробили сигнал «гасить огни». Пеоны и пастухи кончили работать и разошлись по своим шалашам. Паредес отправился расставлять ночных дозорных на стенах замка. С тех пор как стали опасаться

нападения индейцев, он это делал каждый вечер. Предосторожность не лишняя, особенно теперь, когда стояли безлунные ночи, излюбленные индейцами для набегов.

Удостоверившись, что часовые на своих постах, Паредес в сопровождении старших пастухов и пеонов обошел асиенду, проверяя, потушены ли все огни, и только тогда отправился вместе с тигреро в голубую гостиную, где уже собрались дон Фернандо, дон Руис и донья Марианна.

— Все в порядке, ми амо, — доложил управитель маркизу. — Все разошлись по своим шалашам, ворота заперты, часовые на своих постах.

— Вы проверили, Паредес, нет ли кого в корале или в парке? — спросил маркиз.

— Никого, я все решительно обошел и тщательно осмотрел.

— Отлично!.. Ну что ж, дочь моя, приказывай, мы готовы исполнять все твои распоряжения.

— Вы все приготовили, Паредес? — обратилась к управителю донья Марианна.

— А как же, нинья! Я припрятал у акаций, что у входа в большой цветник, шесть кирок, шесть лопат и шесть мотыг.

— Зачем так много? — невольно рассмеялась девушка.

— А на случай поломки. Если не будет запасных под рукой, работа задержится, а ведь срок для нее не так уж велик.

— И то верно… Сеньоры! Прошу следовать за мной.

— Зажечь фонари? — спросил дон Руис.

— Нет. Мы зажжем их, когда будем на месте. Ночь, правда, темная, но местность знакомая, мы и впотьмах прекрасно доберемся куда надо. Свет может быть замечен, и возникнут подозрения, которых нужно обязательно избежать.

— Правильно, — заметил маркиз.

И четверо мужчин отправились следом за доньей Марианной.

Они пошли внутренним ходом, чтобы миновать двор, где спало множество людей, и проникли в парк через большую двухстворчатую дверь, соединявшуюся с садом каменной лестницей.

По пути из голубой гостиной они по приказу доньи Марианны гасили все огни в комнатах; асиенда, погрузившаяся во мрак, казалась заснувшей. Стояла темная ночь; ни одной звездочки нигде; небо, словно свод гигантской усыпальницы, раскинулось над землей. Ветер глухо урчал меж деревьев; их колыхавшиеся ветви угрюмо шептались о чем-то друг с другом.

Было тихо. Лишь далекий вой волков в степи да раздававшиеся иногда зловещие крики совы смущали тишину, нависшую над землей.

Эта ночь как нельзя лучше подходила для таинственной экспедиции доньи Марианны.

После минутного раздумья девушка быстро и решительно спустилась по ступенькам лестницы и вошла в сад; мужчины следовали за ней, не в силах справиться с обуревающим их безотчетным волнением.

У акаций все остановились. Тигреро и Паредес захватили инструменты, а маркиз и дон Руис понесли фонари. Даже темень, сгустившаяся под сенью столетних деревьев, не заставила девушку замедлить свой шаг. Свободно, как днем, она шествовала среди многочисленных излучин аллей; песок едва поскрипывал под ее быстрыми маленькими ножками.

Любопытство маркиза и дона Руиса непрерывно возрастало. Радостное настроение и уверенность в себе доньи Марианны невольно возбуждали у них какие-то смутные надежды, заставлявшие усиленно биться их сердца.

Паредес и тигреро были также заинтересованы таинственностью этой экспедиции. Но их мысли были далеки от настоящей ее цели. Они думали,

что им предстоит какая-то секретная работа, и только. А донья Марианна все шагала. Иногда она останавливалась и, шепча что-то про себя, вспоминала указания, полученные в лагере. Уверенность ни на минуту не покидала ее; она не сбивалась с пути и, раз избрав определенное направление, не возвращалась уже назад.

Ночь, особенно темная ночь, накладывает на пейзаж какойто причудливый отпечаток, изменяя внешние очертания даже самых знакомых предметов. Ночью стираются бесчисленные цветные оттенки, которыми природа так щедро наделила каждое свое создание; ничто не выделяется, все сливается в одну сплошную массу. Место, самое веселое при свете солнца, в темноте выглядит угрюмым и зловещим.

Тем не менее донья Марианна уверенно продвигалась вперед. Наконец она остановилась.

— Зажгите фонари, — сказала она.

Это были первые слова, произнесенные с тех пор, как они вышли из голубой гостиной.

Приказ был исполнен мгновенно. Донья Марианна взяла один фонарь и, передав другой брату, сказала:

— Посвети мне.

Место, где они остановились, находилось в

центре сада. Это было нечто вроде лужайки, поросшей редкой и чахлой травой. Посреди лужайки возвышался не то курган, не то надгробный мавзолей, сложенный из беспорядочно наваленных друг на друга огромных каменных глыб. Хозяева асиенды, тронутые первобытной суровостью этого памятника, сохранили его в неприкосновенности. Старинное предание гласило, что в этом месте был похоронен один из древних царей Сиболы. Поэтому это место и называли «Могила касика». Первый маркиз де Могюер, человек благочестивый, как и все завоеватели Америки, как бы узаконил это предание, приказав своему священнику освятить этот курган. Он сделал это под тем весьма благовидным для той эпохи предлогом, что могила язычника служит приютом для демонов, а крещение изгоняет нечистую силу. Впрочем, место это не пользовалось дурной славой, но сюда редко кто заходил, потому что оно находилось довольно далеко от дома и потому что его окружал почти непроходимый кустарник; и наконец, потому, что эта лужайка была открыта солнечным лучам. Мало кто в асиенде подозревал о существовании этого кургана; о нем знали лишь завсегдатаи асиенды, то есть члены семейства де Могюер и

несколько самых старых слуг.

— А! Вот куда ты вела нас! — воскликнул маркиз. — На могилу касика!

— Да, отец, именно сюда.

— Я очень опасаюсь, дочка, что твое… не знаю, как это назвать… предвидение или предчувствие обмануло тебя.

— Но ты дал слово, отец, ни в чем не противоречить мне.

— Верно, поэтому я и умолкаю.

— Очень хорошо, отец! Поверь, что твое примерное послушание будет хорошо вознаграждено.

Донья Марианна смолкла и приступила к изучению местности. Она внимательно вглядывалась в каждый камень, стараясь выяснить его положение по отношению к какой-то точке на горизонте.

— В каком направлении находятся заросли столетних алоэ? — спросила она наконец.

— Вот уж о чем я понятия не имею! — воскликнул дон Руис.

— Сейчас, с вашего разрешения, я отвечу вам, — отозвался Паредес.

Несколько секунд он внимательно осматривал местность, потом, повернувшись, сказал:

— Заросли алоэ Сиболы находятся как раз про-

тив меня.

— Вы в этом уверены, Паредес?

— Да, нинья, уверен.

Девушка стала рядом с управителем и, нагнувшись над камнями, принялась старательно рассматривать их. Вдруг она радостно вскрикнула и, выпрямившись во весь рост, едва сдерживая волнение, произнесла:

— Отец, тебе по праву принадлежит честь нанести первый удар.

— Ладно, дитя мое. Куда надо бить?

— Сюда, — ответила она, указав пальцем на пространство между двумя камнями.

Дон Фернандо вонзил туда кирку и, сильно налегая на нее, вырвал из лунки камень, который покатился на траву.

— Прекрасно! — сказала девушка. — Теперь предоставим работать молодым. Позже, если это понадобится, ты снова возьмешься за кирку, отец... Руис, Мариано, Паредес, очередь за вами! За работу, друзья! Расширяйте эту дыру, превратите ее в яму, куда мы могли бы спуститься.

Трое мужчин, воодушевленные этим призывом, дружно взялись за работу, и скоро земля вокруг них была завалена камнем и песком. Никто из мужчин не знал толком, ради чего,

собственно, он трудится; тем не менее все они с неимоверным усердием вгрызались в землю. Грунт был мягкий, и камни, наброшенные вначалку, легко поддавались их усилиям. Работа кипела, яма расширялась и углублялась с минуты на минуту.

Время от времени землекопы останавливались, но после короткой передышки снова дружно брались за лопаты. Всем не терпелось узнать тайну гробницы.

Внезапно они остановились обескураженные: им открылся огромный обломок скалы площадью примерно в два квадратных метра. Хуже всего было то, что края ее нигде не выступали. А это заставляло предполагать, что размеры этой гранитной глыбы были еще больше, чем это казалось на первый взгляд.

— В чем дело, Руис? — встревожилась донья Марианна.

— Мы наткнулись на скалу; можно ломать сколько угодно мотыг — все равно не сдвинемся с места.

— Какая там еще скала! Не может этого быть! — воскликнула донья Марианна.

— Да, это скала, — сказал маркиз, нагнувшийся над ямой. — И было бы безумием пытаться

разбить ее.

— А я говорю вам, что там не может быть никакой скалы!

— Взгляни сама, сестра.

Донья Марианна взяла в руки фонарь, заглянула вниз и, не ответив брату, обратилась к Паредесу и тигреро:

— Вам, верным слугам нашего семейства, я могу приказывать, не боясь, что вы будете спорить со мной. Прошу вас: удалите как можно скорее все камни вокруг этой так называемой скалы. Когда это будет сделано, я надеюсь убедить и маловеров.

Паредес и тигреро не заставили просить себя вторично. Дон Руис, уязвленный замечанием сестры, присоединился к ним.

Камни были удалены; оставалась одна только так называемая скала.

— Ну что? — спросила донья Марианна.

— Готово, — ответил дон Руис.

— Отец, — обратилась девушка к маркизу. — Ты нанес первый удар киркой, тебе надлежит участвовать и в последнем усилии. Помоги им сбросить вниз эту каменную глыбу. Маркиз молча взял мотыгу и стал рядом с тремя землекопами. Все четверо запустили свои мотыги в рыхлую землю,

примыкавшую к глыбе. Отделив камень от земли, они стали сообща потихоньку поднимать его, пока он, внезапно покачнувшись, не скатился на дно ямы. И тут их взорам открылось зияющее отверстие подземного туннеля.

Крик изумления невольно вырвался из всех уст при виде этого зрелища.

— Пожгите немного хвороста: надо очистить воздух, — распорядилась донья Марианна.

Мужчины повиновались с той лихорадочной поспешностью, которая овладевает даже самыми медлительными людьми в решающие мгновения жизни.

— Теперь следуй за мной, отец, — сказала девушка и, схватив фонарь, стала решительно спускаться вниз.

Маркиз последовал за ней, а за ним и все остальные.

Спустившись шагов на сто по штреку, они наткнулись на грубо сколоченный помост, на котором покоилось мертвое тело. Мертвец так хорошо сохранился, что походил больше на крепко уснувшего человека, чем на труп. Рядом с телом валялись кости рассыпавшегося скелета другого человека.

— Должно быть, тело касика, погребенного под

мавзолеем, — сказал маркиз.

— Ошибаешься, отец, это тело одного рудокопа, а этот так называемый мавзолей — на самом деле золотоносный рудник. В течение веков он находился под охраной этого бесчувственного тела, а теперь открылся нам. Он возместит все твои потери, отец!.. Взгляни! — добавила она, высоко подняв свой фонарь.

Крик радостного изумления невольно вырвался из уст маркиза: всюду виднелись золотоносные жилы, выходящие прямо на поверхность.

Сомнений больше не было; у маркиза закружилась голова. Сильный в часы горя, он не выдержал радости и свалился без чувств на землю, которая принесла ему спасение.

XXXVIII. Штурм Квитовака

Одновременно с вышеописанными происшествиями в асиенде дель Торо крепость Квитовак стала ареной событий, несравненно более серьезных.

Едва расставшись с Киддом, сенатор после недолгих сборов отправился в Квитовак под охраной надежного конвоя. Дон Руфино прибыл в город на другой день в восемь часов утра и тотчас же поспешил посетить коменданта дона Маркоса де Ниса. Капитан принял его более чем холодно. Принужденность капитана в беседе с ним не ускользнула, конечно, от зоркого ока сенатора, но ничуть не смутила его.

— Дорогой капитан, — начал дон Руфино после первых же слов приветствия, — на мою долю выпала великая честь быть представителем мексиканского правительства перед военными властями штата Соноры. Я вдвойне счастлив, и это по двум причинам.

Капитан молча поклонился.

— Во-первых, потому, — продолжал сенатор со своей неизменной улыбкой, — что мне представилась возможность познакомиться с таким замечательным кабальеро, как вы; во-вторых, потому, что, желая начать наше сотрудничество с приятного почина, я исходатайствовал для вас чин полковника, чин, который, кстати сказать, вы давно уже заслужили. На мою долю выпало также счастье вручить вам приказ президента о вашем производстве.

С этими словами сенатор извлек из своего портфеля большой казенный конверт и передал его дону Маркосу, машинально протянувшему за ним руку.

Сенатор правильно рассчитал действие этой ловко подготовленной проделки. Капитан, ошеломленный этой запоздалой оценкой его заслуг, не нашелся что ответить сенатору, мгновенно завоевавшему симпатию вновь произведенного полковника. Теперь дон Руфино был уверен, что, не случись каких-нибудь непредвиденных обстоятельств, ему нечего больше опасаться дона Маркоса, которого он так ловко обязал, не ударив для этого палец о палец.

Дело в том, что губернатор Ариспы уже несколь-

ко дней назад получил приказ президента о производстве капитана. Сенатор, случайно проведавший об этом, вызвался сам свезти приказ в Квитовак. Естественно, что губернатор, не видя никаких препятствий к тому, доверил это дело дону Руфино, который и воспользовался этим с присущей ему изобретательностью.

— Теперь, дорогой полковник, — заговорил сенатор, словно желая предотвратить возможные выражения благодарности со стороны де Ниса, — позвольте поговорить с вами о деле, касающемся лично меня.

— Сделайте одолжение, кабальеро, — ответил полковник. — Чем могу служить?

— О, одним только советом! — прервал его дон Руфино. — В двух словах дело заключается в следующем: как вам, может быть, известно, я очень дружен с одним вашим родственником — маркизом де Могюер. Я недалек даже от того, чтобы породниться с ним.

Дон Маркос ответил утвердительным кивком головы.

— Но, — продолжал сенатор, — и это, вероятно, вам также известно, дела маркиза сильно пошатнулись, вернее говоря, — это, конечно, между нами, — он почти разорен. Уже несколько раз на

мою долю выпадало счастье приходить ему на помощь. Но вы понимаете, когда такое несчастье обрушивается на какое-нибудь семейство, самые благие намерения ни к чему положительному не приводят. В лучшем случае можно только немного отсрочить час катастрофы. Желая во что бы то ни стало спасти человека, с которым я надеюсь скоро быть связанным не только дружбой, но и узами самого близкого родства, я скупил все его векселя. Другими словами, я стал его единственным кредитором, а если сказать еще проще, — маркиз никому ничего больше не должен. Я назначил здесь свидание с лицом, которому я поручил скупить все векселя маркиза, и жду его прибытия с часу на час.

— Он уже несколько дней как здесь, — ответил полковник.

— Неужели?! — притворно удивился сенатор. — Видимо, он оказался более расторопным, чем я предполагал. Тем лучше! Тысячу раз лучше! Теперь мне остается только просить вас об одной услуге.

— Услуге? — с инстинктивным недоверием произнес полковник.

— Да, — нимало не смущаясь, продолжал сенатор. — Я, право, даже не знаю, как изложить

вам свою просьбу… Поймите, что, несмотря на самую тесную дружбу с человеком, как-то неловко прямо выпалить ему в глаза следующее: «Вы задолжали уйму денег, я выкупил ваши векселя. Вот они. Возьмите и сожгите их — вы никому ничего больше не должны!» Когда действуешь таким образом, то невольно выглядишь человеком, который сейчас же, вслед за этими словами, предъявит какие-то условия — короче говоря, предложит сделку. А мне, признаться, претит такое положение, и без помощи какого-нибудь общего друга я не найду выхода из этого тупика.

— Нет, — вскричал полковник, вне себя от восторга, — вы серьезно намерены поступить так?

— Ничего другого у меня и в мыслях не было, — скромно потупив взор, отвечал сенатор.

— Но это благородный и великодушный поступок!

— Да нет же! Напротив, все это вполне естественно. Дон Фернандо — мой друг, я собираюсь жениться на его дочери. Всякий на моем месте поступил бы так же.

— Ох, не говорите, никто не сделал бы этого! Увы! Человека с таким сердцем, как ваше, днем с огнем не сыщешь!

— Это плохо, это очень плохо… Я скорблю за

человечество, — произнес дон Руфино, воздев руки кверху.

— О какой же услуге хотели вы просить меня, сенатор?

— Весьма несложной. Дело в том, что я собираюсь сегодня же вручить вам эти злосчастные векселя и просить вас лично передать их маркизу. Вам будет легче, чем мне, убедить его в чистоте моих намерений. А кроме того, прошу вас уверить его в том, что я и не помышляю кичиться этим поступком и не желаю, чтобы он как-нибудь повлиял на ответ маркиза насчет моего сватовства.

Огорошив так полковника своим благородством, сенатор поднялся и удалился. Он спешил в таверну, где остановился дон Порфиадо. Дон Руфино принял из рук алывасила векселя и, щедро вознаградив его, расстался с ним только у самых ворот крепости.

К полковнику он возвращался не спеша, потирая руки и бормоча себе под нос: «Ну, теперь мы, кажется, можем не бояться ваших доносов, достопочтенный маэстро Кидд!.. Да, кстати, куда он запропастился? При следующей нашей встрече придется все же освободиться от него раз и навсегда».

Дон Руфино застал полковника де Ниса в окру-

жении офицеров, которым дон Маркос объявлял о своем производстве. Комендант воспользовался возвращением сенатора, чтобы представить его своим подчиненным. Полковник прибавил при этом, что они обязаны повиноваться сенатору, который прислан сюда правительством для наблюдения за ходом военных операций.

Офицеры почтительно поклонились сенатору, откланялись и удалились.

Дон Руфино и дон Маркос снова остались наедине. На этот раз холодок между ними уступил место теплым дружеским отношениям.

— Ну как? — спросил полковник.

— Готово, — отвечал сенатор, показывая векселя.

— Карамба! Вы проворны в делах.

— А добрые дела всегда делаются быстро. Ну вот они, уберите от меня эту пачкотню и делайте с ней что хотите. Уф! Как я рад отделаться от них!

С этими словами сенатор, великолепно разыгрывая радостное облегчение, швырнул кучу векселей на стол.

— Однако позвольте, кабальеро! — рассмеялся полковник. — Я возьму, конечно, эту, как вы ее называете, пачкотню, но я выдам вам расписку в получении.

— О нет! — воскликнул сенатор. — Вы испортите все дело!

— Но как же?

— Ни слова больше! Я не желаю, чтобы дон Фернандо чувствовал себя моим должником.

Возможно, полковник и продолжал бы настаивать, если бы в передней не поднялся шум; вслед за тем в комнату влетел до смерти испуганный человек и не своим голосом завопил:

— Индейцы! Индейцы! Индейцы!

Этим человеком был Кидд. Его лицо и руки были в крови, разодранная одежда была покрыта густым слоем пыли; по всему было видно, что он едва ушел от своих преследователей.

Все возрастающий гул голосов, доносившихся с улицы, подтверждал слова Кидда.

Полковник и сенатор вскочили со своих мест.

— Кидд?! — воскликнул полковник.

— Да, я… Но не теряйте времени, капитан, язычники следуют за мной по пятам! Я опередил их на какие-нибудь полчаса.

Ничего далее не слушая, дон Маркос поспешно вышел.

— Откуда ты? — обратился дон Руфино к бандиту, как только они остались наедине.

От взора дона Руфино не ускользнул жест до-

сады, невольно вырвавшийся у Кидда при виде сенатора, присутствие которого он сразу не заметил.

— А вам что до того? — сердито ответил Кидд.

— Мне надо знать.

— У каждого свои дела! — насмешливо произнес бандит.

— Опять задумал какое-нибудь предательство?

— Возможно! — с сардоническим смехом произнес бродяга.

— Может быть, против меня?

— Как знать!

— Ты будешь говорить?!

— Зачем говорить, раз вы сами догадались?

— Итак, ты затеваешь новую интригу против меня?

— Я принимаю меры предосторожности, только и всего.

— Негодяй! — крикнул сенатор.

— Не кричите, — презрительно пожал плечами Кидд. — Я не боюсь вас. Все равно вы не посмеете убить меня.

— А почему бы и нет?

— Хотя бы потому, что капитан не так уж расположен к вам, чтобы простить, если вы проделаете подобную штучку в его доме.

— В этом ты глубоко заблуждаешься, злодей. Сейчас я докажу тебе!

— Что вы сказали?! — произнес бродяга, тревожно озираясь и пятясь к выходу.

Но дон Руфино молниеносным движением уже схватил со стола один из пистолетов дона Маркоса, и, прежде чем Кидд успел выбежать из комнаты, раздался выстрел, и бандит упал на пол с простреленной грудью.

— Умри, разбойник! — крикнул сенатор, отшвырнув в сторону пистолет.

— Да, я умру, но буду отомщен, — прошептал бандит. — Хорошо сыграно, маэстро, но скоро наступит и ваш черед. Скорчившись в предсмертной судороге, бродяга испустил последний вздох. Но и мертвое, искаженное агонией лицо Кидда сохранило выражение дерзкого вызова, от которого невольно содрогнулся сенатор.

— Что случилось? — воскликнул полковник, поспешно входя в комнату.

— Ничего страшного, — равнодушно ответил дон Руфино. — В порыве гнева я прикончил этого негодяя.

— Vivo Dios! Вы прекрасно сделали; жаль только, что вы опередили меня: дело в том, что я получил сейчас доказательства его измены… Эй,

кто там! Убрать отсюда эту падаль и выбросить ее на улицу! — крикнул полковник.

Вбежавшие солдаты исполнили в точности это приказание.

— А что, индейцы, действительно, подходят? — поинтересовался сенатор.

— Видна уже пыль, поднятая их конницей. Нельзя терять ни минуты. Я могу рассчитывать на вас, сенатор?

— Вполне!

— В таком случае, идемте.

Они вышли.

Кидд, действительно, со свойственным ему макиавеллизмом[86], подготовил новое предательство, первой жертвой которого стал он сам.

В городе царило смятение. Улицы были запружены спешившими на свои посты солдатами, бегущими куда-то в панике стариками и женщинами с детьми, пеонами, примчавшимися в крепость с искаженными от страха лицами; повсюду носился ошалелый скот, брошенный на произвол судьбы погонщиками, которые были призваны занять свои посты на укреплениях. А

[86] Примечания: 86

Макиавеллизм — хитрая и умная политика, не стесняющаяся в средствах для достижения своей цели. Названа так по имени Макиавелли, итальянского государственного деятеля эпохи Возрождения.

вдали в облаках пыли показалась уже лавина индейской конницы, катившейся к стенам крепости со скоростью вихря.

— Их много! — шепнул сенатор на ухо полковнику.

— Их слишком много, — ответил полковник. — Но тише! Не подавайте вида!

Прошло двадцать минут — двадцать минут невыразимо тревожной тишины, в продолжение которой защитники Квитовака могли наблюдать за противником и представить себе грозную опасность, надвигавшуюся на них. Да, это не бьм один из обычных партизанских индейских набегов на границу; на этот раз, говоря словами одного очевидца, «казалось, что индейское море вышло из своих берегов».

Индейцы мчались во весь опор. Большинство их были вооружены огнестрельным оружием. Они неслись с диким воинственным гиканьем, припав к лукам своих седел и вызывающе потрясая в воздухе копьями, луками и ружьями.

Подскакав к стенам укреплений, всадники взвихрились, потом, внезапно приподнявшись на стременах, осыпали мексиканцев градом пуль и стрел. Солдаты, не дрогнув, послали ответный залп; десятки заметавшихся по степи коней без

седоков наглядно свидетельствовали о меткости их огня. К несчастью для мексиканцев, солнце уже садилось. Очевидно, индейцы, любители ночных атак, заранее приурочили свое появление к этому времени.

Полковник, предвидя, что ему придется, быть может, спасаться бегством, поставил в резерв отряд из полусотни самых смелых кавалеристов, приказав им ожидать его дальнейших распоряжений.

Между тем после первой отбитой атаки индейцы отступили за пределы ружейного выстрела и не возобновляли нападения. Только немногие из всадников, на самых горячих скакунах, носились врассыпную под стенами крепости, подбирая раненых и заарканивая коней. Полковник запретил стрелять по ним — не из чувства человеколюбия, конечно, а ради экономии боевых припасов, которыми гарнизон располагал в весьма ограниченном количестве.

Тем временем на землю спустилась темная, непроглядная ночь.

Индейцы не разжигали огней. Это обстоятельство крайне тревожило полковника. Прошло несколько часов, а индейцы все еще не начинали штурма.

Над городом и его окрестностями нависла гнетущая тишина. Казалось, что индейцы сгинули по мановению руки. Тщетно пытались мексиканцы разглядеть в потемках какие-нибудь движущиеся или ползущие тени: никого не было видно, ничего не было слышно.

Нет ничего мучительнее такого ожидания нависшей и близкой опасности.

Вдруг громадное зарево осветило окрестные поля; в причудливых отблесках пламени отовсюду повыскакивали черные силуэты, и могучий, дикий и нестройный боевой клич оглушил мексиканцев. В то же мгновение тучи зажженных стрел градом посыпались на осажденных, а на самом гребне крепостного вала появились головы индейцев.

И вот при фантастическом свете подожженного индейцами леса, который, как гигантский факел, освещал им путь, завязался рукопашный бой — ожесточенная и беспримерная схватка между мексиканцами и индейцами.

Место каждого поверженного индейца мгновенно занимал другой; несмотря на отчаянное мужество мексиканцев, невзирая на их решимость стоять насмерть, наступил час, когда мощная, все возрастающая волна индейцев, на-

хлынув со всех сторон на укрепления, затопила и поглотила защитников крепости своей численной громадой.

Квитовак был взят; дальнейшее сопротивление стало невозможно. Уже горело немало домов; еще несколько минут — и весь город превратится в пылающее горнило.

Полковник и сенатор храбро дрались, пока оставался хоть луч надежды отстоять город. Когда же и эта надежда погасла, они направили все свои усилия на спасение тех, кто каким-то чудом выскочил живым из этого страшного побоища. Собирая попутно вокруг себя всех уцелевших защитников, они кинулись на главную площадь, где все еще стоял в резерве кавалерийский эскадрон полковника де Ниса. Все вскочили в седла, и полковник отдал приказ к отступлению.

Маленький отряд понесся как ураган, опрокидывая и сметая все на своем пути. Потеряв треть своего состава, отряд прорвался сквозь линии индейцев и, оторвавшись от неприятеля, направился к асиенде дель Торо.

XXXIX. Убийца изобличен

Обморок маркиза продолжался недолго; ста-

раниями сына и дочери он скоро пришел в себя. Первые слова его были обращены к донье Марианне.

— Дорогая! — прошептал он, прижимая к своей груди дочь. — Спасительница наша!

Смущенная и счастливая девушка выскользнула из объятий отца.

— Значит, ты все-таки признаешь, отец, что я сдержала свое слово?

— Еще бы! Да тут в двадцать раз больше того, что я потерял, — сказал маркиз, обводя взором золотоносную жилу. Девушка от радости захлопала в ладоши.

— Как я рада! Как я рада! Я знала, что она не обманет меня. Эти слова, сорвавшиеся на радостях с языка дочери, поразили дона Фернандо:

— О ком, собственно, ты говоришь, дитя мое?

— О той, которая открыла мне тайну этих сокровищ.

Маркиз не стал более настаивать.

— Мариано, — обратился он к тигреро, — вы останетесь здесь на ночь сторожить. Не подпускайте никого близко к руднику.

— Будьте покойны, ми амо, — отвечал храбрый юноша. — Пока я жив, ни одна душа не приблизится к нему.

— Прощайте! На заре вас сменят, — сказал маркиз.

— А хотя бы и позже, ми амо! — ответил тигреро и, подобрав все орудия и фонари, устроился в яме, в нескольких шагах от мертвого тела.

А четверо остальных не спеша вернулись в замок, беседуя о чудесном открытии, которое спасло от нищеты фамилию маркизов де Могюер.

Все вошли в голубую гостиную. Несмотря на поздний час, никому не хотелось спать, все испытывали потребность поделиться своими впечатлениями о находке.

— Так, значит, ты не сама догадалась о существовании этого золотоносного рудника? — обратился маркиз к дочери. — Ты только что призналась в этом.

— Конечно! Одна особа дала мне подробные указания, как обнаружить эти сокровища.

— Но что это за особа и как может она лучше меня знать это поместье? Наше семейство владеет этим имением вот уже триста лет, и никто из его членов никогда и не подозревал о существовании этого рудника.

— Вероятно, потому, что тайна его бережно хранилась.

— Само собой разумеется. Но кем?

— Кем же как не теми, кто до нас еще владел этими землями!

— Полно шутить, дитя мое! Те злополучные индейцы давно уже исчезли с лица земли.

— Мне кажется, ты ошибаешься, отец, — вмешался в разговор дон Руис.

— И мне достоверно известно, — поддержал дона Руиса Паредес, — что племя, на которое вы намекнули, сеньор, еще существует; более того, это самый могущественный народ в союзе папагосов.

— А тебе известно, конечно, отец, — добавила донья Марианна, — как свято хранят индейцы доверенные им тайны.

— Это верно, но ведь один из них все же проговорился тебе!

— Одна! — поправила Марианна.

— Ладно, пусть будет одна. Вот мы кое-что и узнали; тайну этого рудника сообщила тебе женщина. Продолжай, дочь моя.

— К сожалению, отец, мне запрещено говорить об этом.

— Гм! Запрещено…

— Да, отец, запрещено. Впрочем, успокойся: этот рудник полностью принадлежит тебе. Это твоя законная собственность. Его владелец, точнее

— владелица, отказался от него в твою пользу.

— Милостыня? — пробормотал маркиз.

— Нет, подарок. И, клянусь, ты можешь принять его, отец! Впрочем, особа эта обещала мне в самом близком будущем открыться тебе…

На другой день поутру начались работы. Управитель по приказу маркиза отобрал для этих работ десять человек, пользовавшихся его доверием. Это были пеоны, переселившиеся в асиенду из страха перед индейцами.

Рудник был замурован некогда индейцами в том самом состоянии, в котором находились его разработки, когда было обнаружено тело рудокопа. Одна лишь вынутая уже, но оставленная в руднике порода составляла значительную массу золота. Через несколько дней работы было собрано столько драгоценного металла, что маркиз мог не только расплатиться со всеми долгами, но и отложить достаточно золота для успешного ведения своего хозяйства.

— Дочь моя, — обратился однажды вечером маркиз к донье Марианне, когда та собиралась уйти на покой в свою спальню, — ты не дала еще ответа на предложение дона Руфино Контрераса, а между тем твои восемь дней давно уже истекли. Завтра Паредес поедет по моим делам в город. Я

хотел бы воспользоваться этой оказией, чтобы написать ответ дону Руфино. Молодая девушка вздрогнула, но, овладев собой, ответила:

— Я, конечно, польщена предложением кабальеро, но не находишь ли ты, отец, несколько несвоевременным это сватовство, особенно в дни, когда над нами нависла грозная опасность войны?

— Как знаешь, дитя мое. Я не собираюсь торопить тебя. Я так и отвечу пока секатору. Да, но как быть, если он сам явится за ответом?

— Тогда и подумаем, что ему ответить, — улыбаясь, сказала донья Марианна.

— И это правда! Напрасно я так настаиваю. Спокойной ночи, дочка! А мы тут с твоим братом, возможно, всю ночь будем корпеть над письменным столом за делами.

Донья Марианна едва успела удалиться, как в комнату ворвался Паредес.

— Простите, что беспокою вас так поздно, сеньор маркиз, — сказал он, — но в асиенду прибыл тигреро Мариано со своей семьей! Он привез невероятные и ужасные вести. Хорошо бы вам самому расспросить его…

— Что же он рассказывает? — тревожно спросил вошедший в комнату дон Руис.

— Что индейцы восстали, захватили и сожгли Квитовак, перебив всех его жителей.

— Какой ужас! — воскликнул маркиз.

— Бедный дон Маркос! — вырвалось у дона Руиса.

— Да-да, ведь он комендант Квитовака! Какое несчастье! — вздохнул маркиз.

Вошел Мариано. Он рассказал подробности штурма Квитовака, не преминув, правда, несколько приукрасить события, о которых мы рассказали в предыдущей главе.

Каждодневная жизнь изобилует непонятными явлениями. Но самое необъяснимое из них — это та быстрота, с которой распространяются плохие вести. Как могло, например, в какие-нибудь три часа дойти до тигреро известие о взятии Квитовака, да еще в более или менее точных подробностях, тогда как тигреро находился на расстоянии десяти лье от места происшествия? Сам Мариано не мог ответить на этот вопрос. Кто-то ему сказал, но кто? Он сам этого не помнил.

Эти неутешительные вести заставили призадуматься маркиза. Теперь, когда дороги были наводнены мародерами и перехвачены индейцами, нечего было и думать о поездке Паредеса в Ариспу. Надо было прежде всего привести в

боевую готовность замок, нападения на который можно было ожидать с часу на час.

Несмотря на позднее время, все мгновенно пришло в движение в асиенде дель Торо. Сторожевые посты были усилены, в разных местах асиенды были сосредоточены резервы.

В этих хлопотах прошла вся ночь.

Часа два спустя после восхода солнца, когда маркиз, утомленный бессонной ночью, собирался пойти немного отдохнуть, часовые заметили многочисленный отряд конницы, карьером мчавшийся к асиенде.

Маркиз, вооруженный подзорной трубой, взобрался на башню и убедился, что это мексиканцы; однако за дальностью расстояния трудно было распознать, солдаты это или земледельцы. На всякий случай он приказал приготовиться к приему этих людей, явно спешивших укрыться от врагов в асиенде.

Прошло немало времени, прежде чем всадники достигли ворот асиенды. Теперь уже не оставалось сомнения: это были солдаты во главе с полковником де Ниса и доном Руфино. И кони, и люди едва держались на ногах; лица и разодранные мундиры всадников были черны от пыли и вымазаны в крови; по всему было видно, что эти

изнуренные люди, вырвавшись из горячего боя, искали спасения в стремительном бегстве.

Маркиз, ни о чем пока не расспрашивая новоприбывших, распорядился, чтобы им была оказана помощь и отведены помещения для отдыха.

Дон Маркос и дон Руфино едва сумели выговорить несколько слов в объяснение своего внезапного вторжения и, мертвые от усталости, свалились в бесчувственном состоянии, из которого их даже и не пытались вывести. Их так и снесли в отведенные комнаты.

Исполнив таким образом свой долг гостеприимства, маркиз удалился в свои апартаменты, поручив сыну наблюдать за охраной асиенды.

В три часа пополудни в поле был замечен новый довольно многочисленный конный отряд. Дон Руис, видя, что он состоит исключительно из белых охотников и трапперов, принял его за своих и приказал не открывать огня. Он решил, что этот отряд из сотни кавалеристов будет весьма желанным подкреплением для защитников асиенды.

Однако, когда дон Руис увидел, в каком стройном порядке и с какой уверенностью в себе поднимаются эти всадники по тропинке к аси-

енде, у него зародилось сомнение, и мысль об измене, словно молния, мелькнула в его голове. Он бросился к Паредесу с приказанием не отворять ворот. Но Паредес прервал его с первых же слов:

— Вы, вероятно, не разглядели их, ниньо.

— Напротив, я потому и приказываю, что слишком хорошо разглядел.

— Значит, плохо смотрели. Разве вы не узнали в человеке, который ведет этих людей, преданного нам друга?

— О ком вы говорите, не понимаю.

— Ну конечно, о Твердой Руке!

— Твердая Рука с ними?

— Точнее, он во главе колонны, ниньо.

— Ну, тогда отворяйте.

И охотникам даже не понадобилось вступать в переговоры: без единого выстрела они проникли в асиенду через открытые ворота. Дон Руис тотчас же узнал Твердую Руку в человеке, который, приблизившись, протянул ему руку.

— Прошу оказать мне услугу, дон Руис, — обратился к нему охотник.

— Я слушаю вас, — отозвался дон Руис.

— Мне надобно сказать вам два слова, но в присутствии вашей сестры… Да, вот еще что: меня

будет сопровождать одна особа. Кроме того, по причинам, основательность которых вы сами вскоре признаете, эта особа желает сохранить до поры до времени полное инкогнито[87]. Вы согласны?

Дон Руис колебался.

— Чего вы опасаетесь? — продолжал охотник. — Неужели не верите мне? Или вы принимаете меня за человека, способного злоупотребить вашим доверием?

— О нет! Даже и в мыслях этого не имею, даю вам слово.

— А я вам свое, дон Руис.

— Хорошо. Поступайте как хотите.

По знаку охотника один из всадников сошел с коня. Широкие поля его шляпы были низко опущены на глаза, а длинный плащ совершенно скрывал его фигуру. Подойдя поближе, человек этот молча поклонился доку Руису. Появление таинственного незнакомца разожгло любопытство дона Руиса, но он ни словом на выдал себя. Поручив прибывших заботам управителя, он повел охотника и «инкогнито» в голубую гостиную, где донья Марианна вышивала на пяльцах. На скрип

---

[87] Примечания: 87

Инкогнито — появляться скрытно, не называя своего настоящего имени, часто под вымышленным именем.

двери она машинально повернула голову.

— А!.. — радостно воскликнула она. — Твердая Рука!

— Как видите, сеньорита, — произнес охотник, низко кланяясь. — Я пришел за обещанным.

— И вы его получите.

— Благодарю вас.

— Руис, — обратилась тогда донья Марианна к брату, — впредь до нового распоряжения отец ничего не должен знать о приезде этих сеньоров.

— Ты задаешь мне трудную задачу, сестра! Подумай, какую огромную ответственность принимаю я на себя, поступая таким образом.

— Я понимаю, брат, но дело идет о моем счастье. Чего ты боишься? Разве ты не знаешь этого охотника?

— Его-то я знаю, но его спутник… Кто он?

— Я отвечаю за него, Руис.

— Ты его знаешь?

— Не спрашивай меня ни о чем, Руис, и делай так, как я прошу тебя.

— Хорошо, я буду молчать ради тебя, сестра.

— Благодарю тебя, брат, благодарю!

В эту минуту из смежной комнаты донеслись шаги.

— Что теперь делать?! — прошептала девушка.

Твердая Рука, дав ей знак молчать, увлек за портьеру своего спутника, закутанного в плотный плащ и походившего скорее на призрак, чем на человека. В то же мгновение на пороге другой двери появились полковник Маркос де Ниса и дон Руфино Контрерас. Они едва успели поздороваться с доном Руисом и с доньей Марианной, как в комнату вошел маркиз.

— Наконец-то вы на ногах! — весело произнес маркиз. — Vivo Dios! Когда я вспоминаю, в каком жалком состоянии вы прибыли… Но все хорошо, что хорошо кончается!

— Мы весьма благодарны, кузен, за ваше гостеприимство — ведь мы так нуждались в нем!

— Полноте!.. А я как раз собирался писать вам, дон Руфино.

— Но, дорогой мой сеньор… — начал было, поклонившись, сенатор.

— Разве вы не ждали моего ответа?

— Да, но я не смел надеяться…

Маркиз не дал ему договорить:

— Начнем с самого спешного дела. Случилось такое чудо, — ибо ничему другому я не могу приписать счастливую перемену в моих делах, — которое дает мне возможность рассчитаться с вами. Но будьте уверены, что это обстоятельство

не заставит меня позабыть о том, что вы вели себя как настоящий друг. Я никогда не забуду, как много сделали вы для меня!

Сенатор, застигнутый врасплох, заметно побледнел. Словно моля о помощи, он искоса взглянул на полковника.

— Он сделал для вас гораздо больше, чем вы думаете, кузен! — с жаром воскликнул полковник.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился маркиз.

— А вот что! Дон Руфино, не будучи осведомлен о счастливой перемене в ваших делах и желая вывести вас из тупика, в котором вы очутились, скупил все ваши векселя и вручил их мне, умоляя при этом уничтожить их. Вот смотрите! — добавил полковник, вытащив из кармана связку бумаг. — Тут они все. Слова эти были по-разному восприняты присутствующими. Брат и сестра обменялись взглядами, полными отчаяния, ибо им стало ясно, что маркиз не сможет теперь отказать сенатору в руке своей дочери.

— О, — вскричал маркиз, — я не могу принять такого великодушного дара!

— От постороннего, конечно, маркиз, но я питал надежды, что я не совсем чужой для вас человек, — сказал сенатор. Наступило молчание.

— Все это так странно и так неожиданно, — заговорил наконец маркиз, — что никак не может уложиться в моей голове. И я прошу вас, дон Руфино, отложить этот разговор до завтра. За это время я успею прийти в себя и сумею ответить вам согласно велению моего долга.

— Я вполне понимаю, дорогой сеньор, благородство ваших побуждений. Конечно, я буду ждать, сколько вам будет угодно, — отвечал дон Руфино, окинув при этом сладострастным взглядом бледную и трепещущую донью Марианну.

— Разумеется, серьезные дела надо отложить до завтра; мы испытали чересчур крепкую встряску, чтобы быть в состоянии обсуждать их сегодня, — вмешался полковник де Ниса.

— Да, что с вами случилось? Так это правда, что индейцы овладели Квитоваком?

— Увы, истинная правда. Индейцы взяли его штурмом, город сгорел и больше не существует. Нам удалось ценой большой крови пробиться сквозь ряды врагов. Да, немало трудов и невероятных страданий пришлось претерпеть нам, прежде чем мы добрались до асиенды!

— Благодарение богу, что вы все же вырвались из их рук. Особенно радует меня ваше спасение, дон Руфино; вы ведь не солдат.

— Нет, он убийца, — раздался вдруг гневный возглас, и чья-то рука тяжело опустилась на плечо сенатора.

Присутствующие обернулись.

Спутник Твердой Руки сбросил с себя плащ и шляпу и стоял теперь мрачный и грозный перед сенатором.

— О боже! — с невыразимым ужасом воскликнул сенатор. — Родольфо! Дон Родольфо!

— Неужели это ты, брат мой! После стольких лет! — радостно воскликнул маркиз.

— Огненный Глаз! — невольно вырвалось у доньи Марианны.

Сашем с неподражаемым презрением оттолкнул сенатора, а сам вошел в круг своих родственников.

— Да, брат, это я. Я вышел из этого дома изгнанником, а возвращаюсь его спасителем.

— Ах, брат мой, брат мой! — горестно воскликнул маркиз.

— Успокойся, Фернандо. Я не питаю к тебе никакой злобы и далек от мысли о возмездии. Напротив, я не переставал чувствовать к тебе братскую привязанность и, живя вдали, никогда не терял тебя из виду. Приди в мои объятия, брат, забудем прошлое и будем наслаждаться радостью

встречи!

Маркиз со слезами бросился в объятия брата; дон Руис и донья Марианна последовали его примеру. Несколько минут продолжался обмен приветствиями и поцелуями между вновь воссоединенными родственниками.

— Я не переставал расстраивать козни одного

злодея, — продолжал дон Родольфо. — Это благодаря моим стараниям Паредес благополучно вернулся с деньгами, которые ты должен был получить в Эрмосильо. Я же навел твою дочь на этот спасительный для тебя рудник. Но я прибыл сюда не только для того, чтобы обнять тебя и твоих близких, брат мой. Я пришел сюда, чтобы свершить правосудие над одним преступником. Этот человек, — продолжал дон Родольфо, указывая пальцем на сенатора, которого от бешенства и страха бросало в жар и в холод, — этот человек был моим слугой; он пытался подло убить меня, предательски выстрелив мне в спину. И такому человеку, успевшему опутать тебя своими темными плутнями, ты собирался отдать свою дочь!..

— О! — застонал от бешенства сенатор.

— Негодяй! — воскликнул маркиз. — Люди! Сюда скорей! Схватите этого злодея!

Несколько слуг стремительно вбежали в гостиную. Но прежде чем они успели схватить сенатора, он с ловкостью тигра одним прыжком подскочил к дону Родольфо и вонзил кинжал ему в грудь.

Сашем с глухим стоном повалился на руки брата и сына. А убийца, свершив свое страшное дело, отшвырнул от себя кинжал и, обведя сраженных

горем присутствующих исполненным ненависти и торжества взглядом, произнес:

— Я отомщен! Делайте теперь со мной что хотите!

XL. Похороны сашема

Прошло два дня с тех пор, как сенатор нанес свой предательский удар дону Родольфо.

Воспользовавшись смятением, охватившим всех мексиканцев после покушения на жизнь старшего отпрыска семейства де Могюер, папагосы без единого выстрела захватили асиенду дель Торо. Справедливость требует, однако, отметить, что индейцы — то ли потому, что получили заранее соответствующие инструкции, то ли потому, что были слишком ошеломлены и удручены тяжелым ранением великого сашема, — не чинили в асиенде суда и расправы.

Донья Марианна и донья Эсперанса, прибывшая в асиенду вместе с индейским войском, не отходили от изголовья больного.

Дон Фернандо не находил места от горя, а полковник не мог себе простить, что даже на один миг принял сенатора за порядочного человека. Вся асиенда была охвачена глубокой скорбью.

Один только дон Родольфо спокойно ждал приближения смертного часа.

Фрай Серапио, прибывший вместе с индейцами, наложил первую повязку на рану. Раненый провел довольно спокойную ночь. Когда поутру монах снова вошел в комнату больного, дон Родольфо знаком попросил удалиться жену и племянницу.

— Ну, теперь, падре, говорите правду! — сказал он, помогая монаху снять повязку.

Лицо монаха невольно помрачнело, когда он взглянул на рану.

— Я обречен? Правда? — произнес дон Родольфо, внимательно следивший за выражением лица монаха.

— Все во власти божьей, — нетвердым голосом произнес отец Серапио.

— Понимаю, — кротко улыбаясь, отозвался сашем. — Так сколько же еще часов осталось мне жить? Только прошу вас, падре, говорите правду и без утайки.

— К чему это, мой добрый сеньор… — начал было монах, но сашем не дал ему договорить.

— Послушайте, падре, я должен это знать. Мне надо успеть закончить свои земные дела, прежде чем начнутся небесные.

— Если не произойдет какого-нибудь чуда, — задыхаясь от волнения, отвечал монах, — с закатом солнца вы отдадите свою душу нашему Создателю.

— Благодарю вас, друг мой, — сказал сашем, на суровом лице которого не дрогнул ни один мускул. — Попросите сюда моего брата, мне надо поговорить с ним. А жену и племянницу постарайтесь задержать там до тех пор, пока я не позову их сам. Ступайте же, друг мой, мы еще увидимся до моей кончины.

Монах удалился, едва сдерживая рыдания.

Беседа братьев тянулась долго. Дон Фернандо каялся во всех своих интригах против брата, место которого он занял в семействе де Могюер. Но дон Родольфо, далекий от мысли упрекнуть в чем-нибудь брата, напротив, горячо благодарил дона Фернандо за то, что тот взвалил на свои плечи тяжелую ношу главы знатного рода, предоставив ему полную свободу жить согласно своим вкусам и взглядам. Умирающий старался утешить брата, вспоминая разные эпизоды их счастливого детства. Еще многое другое было сказано в этой беседе, после которой маркиз вышел из комнаты, побледнев от горя и обливаясь слезами. Только теперь открылась ему во всем своем величии

душа не понятого им дона Родольфо.

На смену маркизу в комнату вошли донья Эсперанса с доньей Марианной и фрай Серапио. А через несколько минут снова появился маркиз, на этот раз в сопровождении Твердой Руки.

Охотник, воспитанный в духе индейского мужества и стойкости, не в силах был сдержать свое горе и зарыдал, опустившись на колени у изголовья умирающего отца. Несколько минут отец и сын шепотом разговаривали друг с другом. О чем беседовали эти две сильные натуры? Неизвестно; это так и осталось тайной для всех.

— Подойди ко мне, племянница, — обратился наконец дон Родольфо к донье Марианне.

Девушка опустилась на колени рядом с Твердой Рукой; в глазах ее стояли слезы.

Несколько мгновений старик с умилением смотрел на побледневшие лица молодых людей, почтительно склонившихся перед ним. Затем, приподнявшись с помощью брата и доньи Эсперансы на постели, он произнес голосом, дрожащим от волнения:

— Дитя мое, отвечай мне по совести, как перед богом: любишь ли ты моего сына?

— Да, дядя, — отвечала сквозь слезы девушка. — Да, я люблю его.

— А ты, сын мой, Диего, любишь ли ты Марианну?

— Да, отец, я люблю ее.

Дон Родольфо взглянул на брата; а тот, поняв его без слов, сказал:

— Благослови, брат, наших детей! Отец Серапио согласно твоему желанию тут же повенчает их.

Раненый простер над головами молодых людей свои дрожащие руки и произнес твердым голосом, исполненным невыразимой нежности:

— Благословляю вас, дети, будьте счастливы! — И в изнеможении упал на подушку, лишившись чувств.

Когда стараниями обеих женщин дон Родольфо пришел в себя, он увидел алтарь, водруженный против его кровати. Отец Серапио, которому помогал служить Паредес, совершил обряд венчания.

— Теперь, друзья мои, — сказал дон Родольфо, — когда я исполнил свой долг мексиканца, мне остается только исполнить свой долг индейского вождя. Пусть войдут сюда воины-папагосы.

И через раскрывшиеся двери в комнату хлынула толпа воинов, печальных, угрюмых и сосредоточенных.

Сашем, поддерживаемый своим сыном, снова

приподнялся, чтобы достойно встретить их. Воины, среди которых находились Ястреб и Пекари, молча обступили ложе своего умирающего высокочтимого вождя.

Огненный Глаз обвел всех своим спокойным взглядом.

— Владыка жизни, — начал он недрогнувшим голосом, — неожиданно призывает меня к себе. Увы! Не на поле битвы, не славной смертью бойца умирает ваш сашем — он пал от руки подлого убийцы. Мне жаль покидать свой народ, не завершив дела, которое я начертал себе для его блага. Но найдется, конечно, среди вас другой человек, который довершит то, что не успел сделать я. Пусть братья мои продолжают войну, так счастливо и так славно начатую ими. Я ухожу, но мысль моя живет с моими воинами. Да не забудут они никогда, что владыка жизни создал их свободными людьми, и свободными должны они жить и умереть! Папагосы — храбрые люди и непобедимые воины; рабство — не их удел. Покидая эту землю, я прошу вождей помнить, что окружающие меня бледнолицые — члены моей семьи. Если братья мои сохранят после моей смерти добрую память обо мне, они не причинят зла этим бледнолицым, которые мне очень доро-

ги. Мне остается сказать всего несколько слов: я желаю умереть не здесь, а среди своего народа, под сенью шатра из бизоньих шкур, как подобает воину. Я желаю, кроме того, быть похороненным согласно обычному церемониалу, принятому для погребения вождей.

При этих словах индейские воины невольно вздрогнули от радости; до этого момента они втайне опасались, как бы их сашем не завещал похоронить себя по обычаю бледнолицых. От имени всех воинов ответил Пекари:

— Желание отца нашего, Огненного Глаза, для нас закон; пока существует могущественный союз папагосов, никогда не будет причинено никакого зла бледнолицым, которые дороги ему. Отец наш может умереть спокойно: все его желания будут исполнены его детьми — папагосами.

В глазах сашема сверкнула радость: он знал, как свято соблюдают индейцы свое слово.

Но вот снова заговорил Пекари:

— Вожди папагосов скорбят, сердца их обливаются слезами при мысли о потери их отца. Они опасаются, как бы его смерть, наступившая в час, когда военные действия едва только начались, не внесла смятения и распри в наш союз.

— Моя жизнь до самого последнего вздоха при-

надлежит моим сыновьям. Чем могу я помочь им?

— О, наш отец еще многое может! — ответил вождь.

— Мои уши слушают, пусть сын мой скажет свое слово.

— Вожди и храбрейшие наши воины, — продолжал Пекари, — собрались на рассвете вокруг костра совета. Они желают, чтобы отец наш. Огненный Глаз, во избежание всяких раздоров между ними, сам назначил себе преемника. Вожди убеждены, что выбор отца нашего падет на храброго и мудрого воина, достойного повелевать народом папагосов.

Сашем с минуту собирался с мыслями.

— Да будет так. Совет принял мудрое решение, я одобряю его. Ястреб займет мое место, когда меня призовет к себе владыка жизни. Не вижу никого более достойного стать великим сашемом.

Ястреб вышел вперед и, склонившись перед умирающим, произнес:

— Благодарю отца моего за великую честь, которою он удостоил меня! Но я еще слишком молод, чтобы командовать вождями и прославленными воинами. Я боюсь, что ноша, назначенная мне моим отцом, будет мне не по силам. Наш отец

оставляет после себя своего сына. Твердая Рука — храбрейший воин нашего народа, он славится своей мудростью.

— Мой сын — бледнолицый; ему не так известны, как Ястребу, нужды папагосов. Повелевать будет Ястреб.

— Повинуюсь ясно выраженной воле моего отца, но Твердая Рука навсегда останется одним из великих вождей моего народа.

Шепот одобрения пронесся по рядам индейцев.

— Я благодарю моего сына Ястреба от имени Твердой Руки. Скромность украшает такого великого вождя, как мой сын Ястреб. Великий дух вдохновит его на большие дела. Я сказал. Согласны ли со мной вожди?

— Мы не сделали бы лучшего выбора, — ответил Пекари. — Вожди благодарят нашего отца, постигшего самые сокровенные наши желания.

Эта величественная в своей простоте сцена до слез растрогала всех присутствующих.

Но вот снова заговорил Огненный Глаз:

— Мои силы быстро тают, жизнь покидает меня. Пусть же дети мои перенесут меня в один из шатров моего народа: я хочу, чтобы последний мой вздох покинул меня среди моих воинов.

Твердая Рука, маркиз, Пекари и Ястреб осторож-

но подняли на плечи кровать с умирающим и понесли ее на передний двор; за ними в глубоком молчании двинулись все остальные. Палатка из бизоньих шкур, натянутых на четырех столбах, уже ожидала сашема. Шкуры были разрисованы изображениями зверей и домашних животных.

Сюда осторожно внесли кровать; ее установили так, чтобы лучи заходящего солнца падали в глаза раненого вождя.

Воины и их жены, поспешившие в асиенду, лишь только гонцы принесли им весть о тяжком ранении сашема, обступили со всех сторон шатер. С индейцами на этот раз братски смешались толпы мексиканцев. Шесть тысяч человек замерли в глубоком и благоговейном молчании. Взоры всех были обращены на сашема. Он тихо умирал, окруженный своими родными и воинами папагосами.

Время от временя старик произносил несколько слов, обращенных то к монаху, то к своему брату, то к индейским воинам.

Когда солнце начало спускаться за горизонт, дыхание раненого стало затрудненным, он задыхался, его глаза постепенно потухали. Но он все еще молча сжимал в своей правой руке руки сына, жены и брата, а в левой — руку Ястреба. Вне-

запно нервная дрожь пробежала по всему телу умирающего; на щеках вспыхнул яркий румянец, его полузакрытые глаза широко раскрылись; без всякой посторонней помощи он приподнялся и сел на постели.

— Прощайте, папагосы! — произнес сашем так громко, что все его услышали. — Эсперанса, Эсперанса, до свидания! Его глаза закрылись; мертвенная бледность покрыла лицо, он весь вытянулся, упал навзничь и, глубоко вздохнув, скончался.

Он умер, и последняя мысль его была обращена к любимой жене.

В толпе раздались сдерживаемые до сих пор рыдания.

— Отец наш умер! — громовым голосом воскликнул Ястреб.

— Мщение! — ответили индейцы.

Несколько воинов отправились за убийцей. Бледнолицые, не желая присутствовать при ужасной казни, почти все удалились. На месте остались лишь Твердая Рука, полковник, Паредес и Мариано.

Тело умершего сашема было тотчас же окружено индейскими женщинами; они разрисовали его ослепительно яркими красками, нарядили

его в мантию из бизоньих шкур и, в знак высокого достоинства, приподняв волосы, связали их в виде развевающегося на голове султана. После всех этих приготовяений тело покойного было выставлено для обозрения на открытых высоких подмостках.

Тогда привели убийцу. Он был бледен, но держался стойко. Ястреб стал у изголовья покойника и произнес длинную надгробную речь, часто прерывавшуюся громкими рыданиями толпы. Под конец он, протянув руку по направлению к убийце, неподвижно стоявшему среди индейской стражи, повелительно произнес:

— Приступите к казни!

Преступника тотчас же раздели донага и привязали к столбу, специально установленному для этой цели. Мы не станем описывать страшных пыток, через которые прошел сенатор. Ему пришлось провести три часа в неописуемых мучениях, прежде чем он испустил последний вздох.

Тем временем на землю спустилась глубокая ночь. Когда покончили наконец с подлым убийцей, храбрейшие воины племени подняли на плечи тело сашема и при свете факелов отнесли его в парк, к тому месту, где длинный выступ

асиенды повис над бездонной пропастью.

Сюда же привели любимого коня умершего сашема. Тело сашема, с тотемом в одной руке и с ружьем — в другой, крепко привязали к спине благородного животного ремнями из оленьей кожи. Шею покойника украсили стеклянными ожерельями, а руки — медными запястьями, к луке седла привязали скальпы его врагов.

Затем, под плач и стенания женщин, коня с телом сашема отвели на выступ и поставили в центр дуги, образованной папагосскими воинами, в полном вооружении выстроившихся здесь на своих конях. Оба конца этой живой дуги подводили прямо к бездне.

И вот тогда-то и разыгралась здесь сцена, которую по своему первобытному величию можно сравнить с тем, как хоронили готских и германских королей в эпоху великого переселения народов.

При свете факелов, красноватый пламень которых, раздуваясь на ветру, придавал какой-то фантастический вид этому дикому и суровому уголку парка, всадники, потрясая оружием, с неистовым воодушевлением запели погребальный гимн.

Испуганный конь помчался по выступу к без-

дне. При каждом скачке животного тело сашема ритмично покачивалось взад и вперед; со стороны казалось, что покойник ожил.

На краю пропасти конь в ужасе отпрянул; раз-

дувая ноздри, он повернул и помчался назад, тщетно пытаясь прорвать живую преграду из всадников, все теснее обступавших его и теснивших к бездне.

Несколько раз конь возобновлял свои попытки, проделывая один и тот же путь — взад и вперед. И наконец, доведенный до предельного отчаяния страхом, преследуемый гиканьем индейцев, весь исколотый их длинными копьями, конь вдруг вздыбился и, пронзительно заржав, кинулся со своей ношей в пропасть.

В то же мгновенье погасли все факелы, словно по сигналу смолкли все шумы, наступила мертвая тишина, и воины разбрелись в угрюмом молчании.

Наутро, с восходом солнца, индейцы покинули асиенду, у стен которой они ни разу не появлялись в течение всей этой войны, длившейся три долгих года.

Может быть, нам представится еще когда-нибудь случай рассказать читателю, чем окончилось это всеобщее восстание индейцев, которое чуть было не стоило Мексиканской республике потери ее лучших и богатейших провинций.

Конец

Гамбусино

ГАМБУСИНО

I. Мексика с птичьего полета

Когда испанцы впервые высадились на американском континенте, почти все его пространство занимали два могущественных государства: Перу и Мексика. Государственный строй их — феодальный — свидетельствовал о цивилизации, стоявшей по меньшей мере на уровне европейской, хотя и сложившейся при совершенно других условиях.

Первое из этих государств было расположено в Южной Америке, второе — в Северной.

В середине VII века толтеки, воинственный народ, чьи загадочные переселения окутаны непроницаемой тайной, расположились в той части Северной Америки, которая суживается между двумя океанами, и основали могущественное государство ацтеков, получившее впоследствии от испанцев название Новой Испании. Только небольшая часть ее входит теперь[88] в Мексиканский Союз.

До ацтеков на этих землях жили чичимеки. Ацтеки на каждом шагу находили оставленные чичимеками несокрушимые памятники, которые, подобно вехам на дороге, свидетельствовали о существовании высокой и давней цивилиза-

---

[88] Примечания: 88
Роман издан в 1866 году.

ции. Искусство чичимеков, их законы и религия являли черты, наблюдавшиеся в эту эпоху и у народов Старого Света.

Воспользовавшись ошибками чичимеков, ацтеки захватили нагорья Анахуак и Мичоакан, подчинили себе их обитателей и, переняв нравы и обычаи побежденного народа, стали безжалостно истреблять его. Они действовали в этом направлении так успешно, что ныне воспоминание о чичимеках почти исчезло на той необъятной территории, которую они первые завоевали и вывели из состояния варварства.

Древняя Мексика, или государство Монтесумы,не занимала того пространства, которое ей стали приписывать позднее; на востоке она граничила с реками Гуасакуалько и Тулпан, а на западе — с равниной Соконуско и портом Сакатула. Таким образом, она занимала большую часть теперешнего Мексиканского Союза, протяженностью в 80 тысяч квадратных километров.

Республики Тласкала и Чолула и королевства Тескоко и Мичоакан также входили в нагорье Анахуак, которое тогда занимало все пространство между 14 и 21° северной широты. В центре его находился город Мехико, столица государства ацтеков Монтесумы.

Испанское вице-королевство Мексика простиралось от Панамского перешейка до Луизианы и Орегона. В него входили два больших самостоятельных губернаторства: генерал-капитанство Гватемала (которое в настоящее время составляет республики Центральной Америки, недавно потрясенные смелой экспедицией флибустьера Уокера[89]) и вице-королевство собственно Новой Испании, или Мексики, включавшее в себя Новую Калифорнию,Техас, Новую Мексику, аннексированные теперь Соединенными Штатами, и все то, что составляет конфедерацию Соединенных Штатов Мексики.

Мексиканская республика, столь обширная и сейчас, несмотря на последовательные сокращения ее пространств, расположена между 15 и 42° северной широты и 89 и 127° западной долготы; на востоке она граничит с Мексиканским заливом, в который вдается южная часть полуострова Юкатан. Здесь в 1518 году высадил-

[89] Примечания: 89

Уокер— американский авантюрист, пытавшийся завоевать в 1853 году мексиканский штат Сонора, в 1857 году— Никарагуа, мечтавший стать диктатором и ввести рабовладение.

ся Грихальва[90], давший этой земле название Новой Испании. Этот полуостров сжат двумя большими бухтами: Гондурас и Кампече. На юге Мексика граничит с республикой Гватемала, на западе — с Тихим океаном, в который всего сильнее вдаются мысы Мендосино и Корриентес. Наконец, на севере Мексику ограничивают земли, большей частью невозделанные, принадлежащие Соединенным Штатам, а также ее бывшая провинция Техас, отделяющая Мексику от Луизианы. Вся страна представляет собой сплошные, безграничные саванны, называемые льяносами, сейчас так же малоисследованные, как и в эпоху их открытия, и не имеющие даже точно установленных границ. Здесь бродят во всех направлениях многочисленные племена индейцев бравос, или непокоренных. Оттесненные в глубь этих непроходимых пустынь, они с упорством отчаяния борются против той волны цивилизации, которая, непрерывно поднимаясь, охватывает их со всех сторон и в недалеком будущем поглотит их навсегда.

---

[90] Примечания: 90

Хуан де Грихальва - руководитель второй испанской экспедиции в Мексику. Экспедиция была признана испанским правительством неудачной; через год, то есть в 1519 году, была послана третья экспедиция для завоевания Мексики во главе с Кортесом.

Общая поверхность Мексики исчисляется примерно в 75 тысяч квадратных миль. Внутри страны возвышается громадное плато, поднимающееся над уровнем моря от 2100 до 3000 метров. Это плато, в своей южной части, представляет собой как бы завершение мексиканских Кордильер. Соединяясь на юге с горной цепью Анд, Кордильеры подступают на севере к Скалистым горам и, таким образом, являются звеном, связующим два громадных горных хребта, заканчивающихся у границ обеих Америк.

Это плато перерезано горами,по большей части вулканического происхождения. Некоторые из них поднимают свои вершины, покрытые вечным снегом, на высоту почти 8 тысяч метров. Постепенно снижаясь по краям, это плато значительно расширяется в северной части, где его высота заметно уменьшается.

Из наиболее высоких и значительных вулканов Мексики следует назвать в первую очередь: Истаксиуатль («Белая женщина») высотой в 4790 метров, Попокатепетль («Огнедышащая гора») — в 5400 метров, Ситлалтепетль, он же Пик Орисаба,— в 5300 метров, Невада де Толука и Науканпотепетль, или Коффр де Пероте, достигающие 4090 метров.

Эти вулканы как бы покоятся на огромном подножии нагорья Анахуак между городом Мехико и небольшими городами Халапа и Кордова и составляют пять вершин, соперничающих с наиболее высокими горами Нового Света.

Как из Мехико, так и из Пуэблы видны первые два из этих вулканов; их величественные силуэты и вершины,покрытые сверкающим снегом, ярко выделяются на фоне голубого неба. Мексиканские Кордильеры получили довольно меткое название Сиерра Мадре[91], вероятно потому, что они расположены в центре горной цепи. В северо-западной части Кордильеры направляются к городам Гуанахуато и Сен-Мигель. Севернее этих городов горы разделяются на три ветви: восточная теряется в старинном королевстве Леон; западная ветвь, заняв часть территории Гвадалахары и Соноры, заканчивается на берегу реки Хилы; центральная ветвь занимает все пространство штата Сакатекас, где высшие точки ее служат водоразделом для целого ряда рек, впадающих в оба моря.

Наиболее выдающейся геологической точкой этих гор является порфировая скала, возвышаю-

---

[91] Примечания: 91
Сиерра-Мадре - гора-мать.

щаяся над главными горными цепями.

В горных цепях, расположенных ближе к Атлантике,обнаруживается гранит; порт Акапулько вырублен в гранитной скале; тот же гранит является основанием гор Сакатека и Мистека в штате Оахака. Большое центральное нагорье Анахуак представляет собой не что иное, как громадную насыпь порфировых скал. Они отличаются от таких же скал в Европе отсутствием в них кварца и наличием амфибола[92].

Своим романтическим видом окрестности Гуанахуато обязаны гигантским порфировым скалам Сиерра де-Санта-Роза,напоминающим издали развалины бастионов и крепостных стен. Порфировые колонны можно увидеть и в горах Хакаль и Ойямель. В этих горах добывалось и вулканическое стекло; в древности мексиканцы делали из него режущие инструменты.

Нагорье Анахуак изобилует также базальтом, миндальным камнем, гипсом и известняком с большим содержанием золота и серебра. Медь и олово находят в центральных провинциях штатов Вальядолид и Гуанахуато; Гвадалахара и Сакатекас богаты железом, Сен-Луис-Потоси

---

[92] Примечания: 92
Амфибол- минерал,так называемая розовая обманка.

— каменной солью; почти везде встречаются цинк, ртуть, мышьяк. Что касается угля, то до сих пор он обнаружен только в Новой Мексике.

Несмотря на наличие многих вулканов с открытыми кратерами, вулканические извержения и землетрясения, столь частые на берегах Тихого океана, гораздо реже происходят внутри Мексики.

С 1759 года, когда вулкан Хорульо возник внезапно из земли в окружении множества маленьких курящихся конусов, такие катастрофы более не повторялись. Но тем не менее подземный гул, слышимый в различных местах, казалось бы, доказывает, что весь район, заключенный между 18 и 22° северной широты, содержит действующий под землей огонь, пробивающий время от времени земную кору на большом расстоянии от морских берегов.

Мексика делится на три явственно и резко различные между собой области: область знойной земли (тьерра калиенте),область умеренного климата (тьерра темплада) и, наконец, область холодного климата (тьерра фриа). Заметим, что температура этого последнего пояса приблизительно та же, что в центральной Италии.По этому легко судить, что представляет собой температу-

ра жарких земель и тех экваториальных стран, где существует только два времени года: период дождей и период засухи. Для этих стран слово «зима» непонятно, и, следовательно, как мы это вскоре докажем, пребывание в них является почти всегда смертельным для непривычных к жаре людей, родившихся в нашей суровой Европе.

У подножия мексиканских возвышенностей расстилается пояс равнин, узких на юге и постепенно расширяющихся к северу.Два склона плато,о котором мы говорили выше, имеют неодинаковую отлогость. Так, склоны между Вера-Крус и Мехико гораздо более круто спускаются к Атлантическому океану, чем склоны между Мехико и Акапулько— к Великому.

Именно здесь легче всего понять и представить себе резкие контрасты в климате и растительном царстве этой необыкновенной страны.

Растительность располагается поясами; по мере восхождения все преображается: цвет неба, облик страны растения— все, вплоть до сортов различных культур и нравов жителей.

В Мексике собрана флора всех стран, от самых жарких до самых холодных: Индии, Италии, Франции, даже Швеции и России; фрукты Азии,

цветы Востока; нопал,или индейская смоква,на которой водится кошениль[93]; агава, доставляющая индейцу его любимый опьяняющий напиток— пульке, или водку; ялапа — слабительный корень; мексиканский шалфей; душистая ваниль, растущая в тени амариллисов и бальзамических деревьев; покрытые шипами деревца, дающие копайский бальзам; длинно-стручковый перец; гвоздичный перец; индиго, какаовое дерево, сахарный тростник, рис, маис, или индейский хлеб; хлопчатник, табак; за этим следуют громадные леса бальзамических деревьев, елей, дубов, красного дерева,кампешевого дерева с прожилками и т.д.,и т.д.; и, наконец, прелестные цветы: далия, гелиантус, сальвия, метселия и другие, те, что перенесены во Францию и, прижившись, украшают наши сады.

К несчастью, знойные земли, где всего чаще встречается эта роскошная растительность, поражены страшной болезнью вомито негро[94]. Она создает как бы непроходимое кольцо вокруг всей Мексики,отпугивая иностранцев больше, чем сделали бы это самые искусные армии, и от-

---

[93] Примечания: 93

Кошениль - насекомое coccus (исп.), дающее краску червец.

[94] Примечания: 94

Вомито негро - желтая лихорадка.

ражая их вторжения и притязания. Вместе с тем это кольцо, не допуская в Мексику европейцев, задерживает рост цивилизации в этой стране.

Желтая лихорадка свирепствует почти на всех берегах обоих океанов, но главным образом в штате Вера-Крус, на полуострове Юкатан, на берегах Оахака, в приморских провинциях прежнего Сантандера, во всем бывшем королевстве Леон, на берегах Калифорнии, в западной части Соноры, Синалоа и Новой Испании, в южной части штатов Мехико, Мичоакана и Пуэблы, в порту Акапулько, долинах Папагалло и Перегрино, то есть в странах с наиболее жарким и потому вредным климатом.

На склонах Кордильер,на высоте 1200 метров,температура меняется, становится умеренной; царящая здесь вечная весна изгоняет эту страшную болезнь. Тут не знают ни испепеляющей жары, ни резкого холода; температура воздуха никогда не поднимается выше 18 или 20 градусов. И, наконец, следуют плато, находящиеся более чем на 2 тысячи метров над уровнем моря и называющиеся холодными землями.

В основном, средняя температура громадного нагорья, часть которого занимают долины Мехико и Актопана, 17 градусов, в то время как в

областях, лежащих выше 2 тысяч метров, средняя температура воздуха не превышает 7 или 8 градусов тепла.

При наличии в Мексике трех столь различных климатических зон, европейцы,— если только им удается перенести первые приступы желтой лихорадки и привыкнуть к жаркому климату,— лучше всего чувствуют себя в жарком поясе. Тело их закаляется, никакие болезни им не страшны, они становятся крепкими — факт непонятный, но доказанный множеством жизненных примеров.

При всех бесчисленных достоинствах, о которых мы уже говорили, Мексика терпит нужду в воде и не обладает ни одной судоходной рекой.

Можно назвать только два более или менее значительных водных потока:Рио Колорадодель-Норте и Рио Хила. Все остальные реки экваториальной зоны, хотя и обладают устьями значительной ширины, сами по себе очень малы. Здесь совершенно нет таких великолепных рек, какими так счастливо наделены Соединенные Штаты. На Кордильерах берут свое начало не реки, а бурные потоки. Дожди, очень частые в стране, а еще более того высота нагорья, ускоряющая испарения, вызывают внезапные паводки, которые являются причиной страшных

наводнений. Наводнения прекращаются так же стремительно, как и начинаются, и вода уходит в немедленно отвердевающую землю.

Мексика изобилует озерами, среди которых известны огромное озеро Чапала, Пацкуара, Метциллан, Паррас, а также озера, находящиеся в долине Мехико. Но это, по-видимому, лишь остатки тех обширных водных бассейнов, которые существовали некогда на высоких плоскогорьях Кордильер. Большинство из них усыхает из года в год, и Мексика уже не имеет теперь того цветущего вида, который некогда так восхитил испанских завоевателей, давших в порыве энтузиазма этой земле название Новой Испании в память о своей родине.

Почти повсюду берега недоступны для подхода кораблей, здесь нигде нет безопасных бухт, нет хороших портов. Восточное побережье — низкое, нездоровое, болотистое, выжженное знойным солнцем,— мало обитаемо; население его, болезненное и рахитичное, убывает с каждым днем. Реки его и даже главные порты загромождены грудами песка. Так, высота воды в Тампико и Сото ла Марина не превышает 10 футов.

Что касается западной части, более возвышенной и потому более благоприятной для здоровья,

то она представляет собой лишь широкий вал из крутых и пустынных скал. Однако там есть два удобных порта: Акапулько и Самблас. Последний с недавних пор приобрел некоторое значение, которое, вероятно, еще возрастет благодаря удачному расположению и безопасности его рейда. Все же нужно отметить, что в береговой полосе Мексики часты ураганы, стремительные ветры, неистово дующие в течение нескольких месяцев в году с северо-востока, с северо-запада и с юго-запада; во множестве встречаются песчаные мели. Все это парализует попытки кораблей пристать к берегу и делает эти попытки опасными и почти невозможными.

Такова в кратких чертах топография Мексики, этой плодородной земли, покрытой могучей растительностью, соединяющей в себе все изобилие земного шара. Тем не менее Мексика кажется обреченной на постепенное вырождение. Скоро может наступить момент, когда ее народ окончательно лишится своей недавно завоеванной свободы, и страна будет поглощена Соединенными Штатами.

Испанцы,может быть бессознательно,следовали системе,принятой толтеками, когда последние, победив чичимеков, основали Мек-

сиканское государство. Европейские завоеватели пытались, по мере возможности, уничтожить ацтекский народ. Для этого они навязывали индейцам чуждые им религию, нравы и даже язык. Они изгоняли и истребляли побежденных, как диких зверей. В то же время они пытались заставить мексиканскую аристократию слиться с победителями путем навязанных браков.

Эта политика принесла свои плоды: испанский король считался в Америке божеством, которому невозможно сопротивляться; с флагом Испании транспорт золота и серебра мог пройти безнаказанно, без всякой охраны, через все пространство Новой Испании. Эта вера во всемогущество короля была еще усилена запрещением, по которому ни один иностранец не смел, под угрозой смерти, проникать в испанские владения. Погруженные в глубокое невежество, погрязшие в животном отупении, мексиканцы жили без надежды разорвать связывающие их тягчайшие оковы; бессмысленные суеверия заменяли им религию. Томясь под тяжким игом надменной испанской аристократии, индейская раса, составлявшая не менее двух третей населения страны, была ввергнута в порабощение, в тысячу раз худшее, чем самое позорное рабство.

Народное восстание в Аранхуесе[95] в 1808 году и отречение короля нанесли первый удар королевскому авторитету в Новой Испании. Абсолютный монарх, вынужденный склонить голову перед мятежниками,— такое положение неизбежно должно было ослабить монархические чувства у жителей испанских колоний. Когда же спустя некоторое время Наполеон вторгся на Пиренейский полуостров, оккупировал Испанию, взял в плен короля и свергнул старую династию, последний престиж Испании рухнул в умах мексиканцев. До этого момента они еще верили в то, что величайшее государство XVI века, над которым никогда не заходит солнце, существует, наводя ужас на весь мир и вызывая везде почтительный страх. Теперь страх этот сменился презрением, и потеря колоний стала для Испании неизбежной: ведь ее сила держалась моральным угнетением жителей колоний, а не теми немногочисленными войсками, которые были разбросаны на этой огромной территории, на большом расстоянии друг от друга. Теперь Испания, утратившая былое могущество, рассматривалась мексиканцами, как одна из

---

[95] Примечания: 95

Аранхуес - резиденция испанских королей.

провинций Франции, этой еретической страны, населенной демонами. По основному принципу испанской юриспруденции, колонии принадлежат королю, а не государству. Но, поскольку король отрекся от престола, жители колоний сочли себя свободными от всяких обязательств в отношении его, и последние узы, сдерживающие мексиканцев, оказались разорванными. Напрасно центральная хунта, а позднее регентство всемерно старались отогнать грозу, провозгласив равноправие между метрополией и Америкой и декретом от 5 июня 1809 года объявив колонии неотделимыми частями монархии,— ничто не могло уже предотвратить взрыв. Восьмого июля 1808 года приплывший корвет доставил французские газеты, принесшие весть о низложении испанских Бурбонов и о восшествии на престол Жозефа Бонапарта. Вице-король, не получивший никаких инструкций, совершил ошибку — правда, тут же им исправленную,—распространив эти известия публично. Он выпустил воззвание, в котором уверял население в своей преданности королю Фердинанду и требовал от мексиканцев поддержки. Фраза была туманная, но колонистам, привыкшим к тому, что с ними не считаются вовсе, польстило оказанное им до-

верие. Воззвание было встречено с энтузиазмом, толпа кричала: «Смерть французам!», «Смерть всем гринго!» (еретикам).

Но это искреннее движение народа было немедленно нейтрализовано целым рядом ошибок, вызванных надменностью испанцев. И ненависть к поработителям вспыхнула с новой силой.

Наглость государственных чиновников дошла до того, что один из наиболее пылких членов суда не побоялся заявить на заседании, что до тех пор, пока в Кастилии останется хоть один сапожник, а в Ламанче хоть один погонщик мулов, за ними сохранится право повелевать колониями.

Схватка была неизбежна, враждующие стороны одинаково готовились к ней. Испанцы были сооружены до зубов; мексиканцы, подстрекаемые и распаляемые агитаторами из Европы и Соединенных Штатов, объединялись в тайные общества. В воздухе носился заговор против Испании. Первая попытка провалилась, многие были арестованы. Прибывший в это время вице-король Ванегас[96] вместо того чтобы внести успокоение, еще усилил смуту, раздавая без разбора чины и награды сторонникам Испании.

---

[96] Примечания: 96
Ванегас был послан из Испании в Мексику в 1810 году.

События назрели. Великая революция должна была начаться. Как это ни странно, первым выступил служитель церкви, а за ним последовали другие священники, и все они стали жертвами своего патриотизма. Идальго[97], священник маленького селения Долорес, подал сигнал и смело ринулся на ослабевшие испанские отряды. Став во главе необученной толпы индейцев, вооруженных только пращами, луками, дубинами и палками, он увлек их за собой; недостаток воинского умения восполнялся у них диким натиском и презрением к опасности; это позволяло им совершать великие подвиги и делало их грозными во все периоды войны, начавшейся в 1810 году и окончившейся только в 1821 году, хотя один испанский гарнизон оставался хозяином крепости Сан-Хуан де-Улоа до 1825 года.

Закончив это длинное вступление (кстати, необходимое для понимания дальнейшего рассказа), мы должны откровенно сказать читателю, что вообще не имеем обыкновения писать пре-

---

[97] Примечания: 97

Идальго возглавил революционное движение мексиканского народа, которое было первым этапом войны за независимость Мексики (1810—1816). Роль этого движения велика — оно расшатало устои испанского колониального господства в Мексике. После расстрела Идальго его ученик и последователь, священник Морелос стал во главе восставшего народа.

дисловия к нашим книгам. Но в данном случае многие люди просили дать им сведения об этой столь отдаленной и малоизвестной стране.

А теперь приступим к рассказу.

II. Студент-богослов

Благодаря системе управления, примененной испанцами, завоевавшими Мексику, — системе, которой упорно придерживалось правительство метрополии до самого дня освобождения Мексики, — бывшие испанские колонии Нового Света еще и теперь, после сорока лет свободы, остаются погруженными в состояние варварства, невежества и одичания, из которого им, возможно, никогда не удастся выбраться.

Для любого христианина, путешествующего по Мексике, остается совершенно непонятной религия, исповедуемая в этой стране, — если можно назвать религией ту сложную смесь католицизма и язычества, в которой никто не может разобраться, и меньше всего миссионеры, проповедующие ее в отдаленных провинциях.

Впрочем, индейцы, которые составляют две трети мексиканского населения, сохранили в неприкосновенности верования своих отцов и

восприняли христианство лишь чисто внешним образом.

Какой умный и могучий народ мексиканцы! Если бы ими хорошо управляли, они могли бы очень быстро стать великим народом, потому что им присуще в высшей степени чувство добра и красоты. Лучшим доказательством этого является героическая борьба мексиканцев против Испании, которая выявила так много благородных людей в рядах инсургентов[98].

Но оставим на время настоящее этого бедного народа, достойного снисхождения и сострадания; бросим взгляд в прошлое и расскажем об одном из наименее известных эпизодов героической эпопеи, называемой борьбой за независимость Мексики. Этот эпизод, может быть намеренно и пренебрежительно забытый историей, тем не менее имел в свое время огромное значение, так как он нанес последний удар испанскому влиянию и доставил победу благородным борцам за свободу.

---

[98] Примечания: 98

Инсургент — мятежник, участник вооруженного восстания против правительства.

* * *

В одну из сред первой половины декабря 18.. года, между двумя и тремя часами пополудни, молодой человек лет двадцати пяти — двадцати шести, одетый в темное платье студента-богослова, — на нем была длинная сутана, белые брыжжи[99] и широкополая шляпа. — ехал верхом на муле вдоль правого берега Рио Гранде-дель-Норте, одной из крупнейших рек Мексики, отделяющей ныне эту страну от Техаса.

Сельская местность, через которую шла дорога путешественника, была чрезвычайно живописна, но молодой человек, казалось, не обращал никакого внимания на красоты природы: он ехал, низко надвинув шляпу на глаза и опустив голову на грудь; либо он знал эти места уже давно и потому не находил в них ничего любопытного, либо — что более вероятно — его ум был целиком поглощен мыслями о войне, уже давно опустошавшей эту несчастную страну. Погруженный в тягостные размышления, путник оставался равнодушным ко всему, что происходило вокруг него, и не любовался великолепными пейзажа-

---

[99] Примечания: 99

Брыжжи — нагрудник, спускающийся из-под воротника.

ми, развертывающимися перед ним непрерывно, как в калейдоскопе.

Он все время подгонял своего мула, чтобы как можно скорей добраться до маленького городка, или, вернее, селения, Пасо-дель-Норте, приветливые домики которого стали уже показываться на том берегу реки, наполовину скрываясь в чаще разнообразных деревьев.

Пасо-дель-Норте — старинная крепость, построенная некогда испанцами на границе штата Чиуауа для отражения набегов индейцев бравос.

Благодаря своей отдаленности крепость избежала страшных последствий гражданской войны, уже столько лет разорявшей Мексику. Жители крепости — правда, немногочисленные: их было не более полутора тысяч человек — жили спокойно и счастливо, равнодушно относясь к тому, что творилось вокруг.

По мере приближения к крепости студент перестал подгонять мула; наоборот, он начал его сдерживать и оглядывать окрестности с возрастающим беспокойством.

Полная тишина и глубокое молчание царили вокруг; так далеко, как только охватывал глаз, не было вино ни одной живой души.

Это необычайное безлюдье, странное в окрестностях важного пункта, окруженного многочисленными ранчо, поразило путешественника.

— Что же здесь происходит? Не понимаю, отчего у меня предчувствие беды? Почти страх! — пробормотал студент и, пришпорив мула, ударил его так сильно, чикоте[100], что благородное живот-

[100] Примечания: 100
Чикоте (исп.) — хлыст.

ное, несмотря на усталость, понеслось галопом.

Вскоре путешественник доехал до заставы крепости.

Обычно ее ворота были открыты; теперь же они были на запоре; испанский солдат с ружьем на плече ходил взад и вперед за барьером.

Молодой человек принужден был остановиться.

— Ого! — сказал он. — Это становится серьезным!

Заметив в нескольких шагах от себя неподвижного всадника, часовой повернулся к нему, опустил ружье к ноге и, насмешливо осмотрев приезжего, спросил хриплым голосом:

— Кто идет?

— Друг, — ответил молодой человек.

— Так! Друг? — посмеиваясь, спросил солдат. — Друг кого, друг чего, а?

— Друг мира, — спокойно ответил молодой человек.

— Друг мира! Гм!.. — насмешливо сказал солдат.

— Посмотрите на мою одежду, сеньор солдат.

— Одежда ничего не значит, приятель, вы это знаете так же хорошо, как и я, — ответил солдат, все более издевательски оглядывая студента с

ног до головы.

Тот закусил губу от злости, но счел более благоразумным скрыть это чувство.

— Кто вы такой и зачем вы сюда приехали? — спросил часовой после короткого молчания. — Говорите правду, если не хотите, чтоб я вам всадил пулю в голову!

— Я — студент-богослов из Гвадалахары, где сдал последние экзамены на звание священника; приехал сюда провести несколько дней у одного родственника перед поступлением на службу.

— Гм… — проворчал солдат, пожав плечами. — Все это не очень понятно… Является какой-то повеса с наружностью тореодора… вместо того чтобы служить королю, как все честные подданные.

— Служа богу, я служу королю, — смиренно сказал молодой человек.

— А! В конце концов, это не мое дело! Назовите имя вашего так называемого родственника, у которого вы собираетесь остановиться!

— Я не собираюсь, сеньор солдат, а действительно остановлюсь у моего родственника, — спокойно ответил студент. — Он не более не менее, как алькальд этой крепости, сеньор дон Рамон Очоа.

Солдат нахмурился.

— Неважная рекомендация, приятель! — сказал он. — Сеньора Очоа сильно подозревают в тайном сочувствии бунтовщикам.

— Это подлая клевета! — воскликнул студент. — Сеньор Очоа — почтенный человек, который не занимается политикой.

— Весьма возможно, но это уж дело нашего начальства. С этими словами он открыл ворота.

Студент уже готов был въехать в крепость, но часовой взял мула за повод:

— Послушайте! Не знаю почему, но вы мне понравились, даю слово Руиса Ортега! — а это мое имя. Прежде чем мы расстанемся, я бы хотел дать вам добрый совет.

— Раз он исходит от вас, я приму его с радостью, — ответил молодой человек, наклоняясь с лукавым видом к шее мула.

— По-моему, вы славный малый, и мне было бы досадно, если бы вы попали в беду. Вы молоды, сильны, здоровы… Поверьте мне, бросьте в огонь эту ужасную рясу — в ней только ворон пугать — и наденьте мундир. Это будет для вас выгоднее во всех отношениях.

— Благодарю вас, сеньор солдат, — с тонкой усмешкой сказал студент. — Никто не может предвидеть будущего. Быть может, я последую

вашему совету гораздо скорее, чем вы думаете.

— И умно сделаете. Ведь это единственно возможное ремесло, к тому же доходное, особенно в наше время.

— Прощайте, сеньор солдат!

— До свидания, сеньор студент!

Часовой закрыл ворота и снова зашагал, очень довольный тем, что это происшествие нарушило монотонную скуку дежурства; а молодой человек поехал мелкой рысью по боковой улице селения.

В Мексике в разгар дня жара настолько нестерпима, что улицы городов и деревень совершенно пустеют. Жители прячутся в домах, ищя прохлады; однако в этих жилищах, как бы плотно они не были закрыты, ощущается биение жизни: пение, смех, аккорды гитары вырываются из-за занавесок и решетчатых ставен; чувствуется, что город не умер, он только спит, — и стоит лишь подуть вечернему ветру, как разом откроются все двери и окна и временно остановившаяся жизнь отовсюду вырвется наружу и опять войдет в свое русло.

В этот день, несмотря на то, что самая сильная жара уже прошла, все дома оставались закрытыми, улицы пустынными, и только цокот копыт мула по острым булыжникам нарушал мертвую

тишину, царившую в крепости.

Проехав несколько улиц, путешественник услышал неясный, усиливающийся с каждым мгновением шум, похожий на звуки празднества или гул мятежа. Крик, смех, рыдания, мольбы, веселые песни сопровождались резкими звуками гитар, выстрелами, военными командами, топотом лошадей…

— А! Кажется, я наконец пойму, в чем дело! — глухо сказал молодой человек.

И, решительно повернув в узкую улицу, он почти тотчас же выехал на Главную площадь.

Там его глазам представилось зрелище — и неожиданное и необычайное.

В центре этой площади отряд, состоящий примерно из двухсот пятидесяти испанских всадников, — которых мексиканцы в насмешку называли тамариндос[101] из-за желтого цвета их мундиров, — разбил временный лагерь.

Эти солдаты наводили ужас на несчастных обитателей покоренных городов и деревень; грабежи, пожары и насилия были еще самыми незначительными их грехами, — они оставляли после себя развалины и трупы.

---

[101] Примечания: 101
Тамариндо — тропическое дерево с желтыми цветами.

Костры, в которые солдаты бросали обломки мебели, стропила и балки разрушенных домов, окрашивали стены зданий на площади красноватым отблеском.

Солдаты, удобно развалившись в креслах, заставляли индейцев прислуживать себе, награждая их сильными ударами чикоте по плечам и спинам для того, как, смеясь, говорили испанцы, чтобы разбудить их.

Лошади, стоя по брюхо в соломе, жадно поедали маис и альфальфу[102], отнятые солдатами у асиендадо[103].

Командир отряда, сидевший у входа в церковь в компании офицеров с лицами висельников в изодранных мундирах, судил испуганных и дрожащих жителей, которых солдаты непрерывно сгоняли на площадь.

Этих несчастных, чья вина была выдуманной и именно поэтому еще более достоверной в глазах случайных судей, чаще всего приговаривали к громадному штрафу, который они обязаны были внести немедленно, под угрозой повешения.

В том, что угроза эта была вполне реальной,

---

[102] Примечания: 102
Альфальфа (исп.) — испанский клевер, люцерна.

[103] Примечания: 103
Асиендадо — владелец асиенды. крупного поместья.

можно было убедиться, переведя взгляд на балконы домов, где уже висело множество трупов.

В ту минуту, когда студент-богослов остановился на углу площади, перед грозным трибуналом предстали два человека, приведенные полупьяными солдатами.

Эти новые обвиняемые были: алькальд селения дон Рамон Очоа и священник местной церкви дон Хосе Антонио Линарес.

Оба они держались твердо и с достоинством, но не вызывающе.

Студент-богослов увидел их. Мгновенно приняв решение, он спешился и, ведя мула на поводу, смело пошел вперед; там, отогнав ударами чикоте нескольких лошадей, он привязал своего мула около самой большой кучи альфальфы и маиса, после чего спокойно направился в сторону церкви.

Молодой человек проделал все это так непринужденно, что никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Благодаря своей одежде он без труда проскользнул между группами пьющих и пляшущих людей и остановился за спиной священника; последний не заметил его, озабоченный тем критическим положением, в которое он попал.

Начался допрос обвиняемых.

— Вы — алькальд, а вы — священник этой деревни? — спросил командир, обращаясь по очереди к обоим.

— Да, сеньор капитан, — ответили они с поклоном.

— Я получил сведения о вас, — сказал офицер, гневно теребя ус. — Они исходят от преданных слуг короля, а потому заслуживают доверия. Вас называют проклятыми бунтовщиками, карай!

— Это ложный донос! — твердо сказал алькальд. — Мы — верные слуги. Да и вообще здесь никто не занимается политикой.

— Когда в стране восстание, честные люди не смеют оставаться нейтральными! — громовым голосом сказал офицер. — Кто не за короля — тот против него!

— Это нелогичный вывод, — пожав плечами, ответил алькальд.

— Что? — сказал капитан, метнув на него косой взгляд. — Этот чудак, кажется, позволяет себе рассуждать?

— Зато вы… не рассуждаете, вы просто убиваете.

— В чем нас обвиняют? — спросил священник, поняв, что алькальд своими ответами осложняет их и без того опасное положение.

— А-а! Сеньор падре! — со злой насмешкой продолжал офицер. — Вы хотите знать, какие вам предъявляются обвинения? Не так ли?

— Признаюсь, сеньор капитан, — спокойно ответил священник, — я был бы счастлив узнать

это, чтобы иметь возможность ответить и доказать ложность этих обвинений.

— Ну хорошо. Слушайте. Вы обвиняетесь в сношениях с инсургентами.

— Это очень неопределенно, — возразил священник.

— Есть и еще кое-что.

— Что же?

— Вас обвиняют, кроме того, в том, что вы неоднократно укрывали у себя предводителей восстания. Утверждают, что многие из них и сейчас скрываются в этой деревне. Но если мне даже придется разнести все ваши хижины, — клянусь телом Христовым! — я найду этих проклятых бунтовщиков, хотя бы они были спрятаны в чреве земли!

— Известны ли имена предводителей восстания, которых мы будто бы скрываем здесь?

— Называют двоих из гнусных мятежников, карай!

— И это?..

— Хосе Морено и Энкарнасион Ортис, два атамана разбойничьей шайки, которая принимала

участие в восстании изменника Мина[104]. Что вы можете ответить на это?

— Ничего, кроме того, что это обвинение просто бессмысленно! — уверенно сказал алькальд.

— Дьяволы! — заорал капитан, — Так отвечать мне, дону Горацио Нуньес де Бальбоа? Вы поплатитесь за это, жестоко поплатитесь! И немедленно же!

В эту секунду студент-богослов осторожно протиснулся между алькальдом и священником и, отвесив почтительный поклон капитану, вкрадчиво произнес:

— Прошу прощения, сеньор капитан, вы хотели бы захватить дона Хосе Морено и дона Энкарнасиона Ортиса?

Взглянув на молодого человека и услышав его голос, алькальд и священник невольно вздрогнули.

— А этот пройдоха откуда взялся? Ему что здесь нужно? — удивленно вскричал капитан.

— Я не пройдоха, сеньор капитан, а бедный студент-богослов, — смиренно сказал молодой человек. — Я только что приехал в крепость,

---

[104] Примечания: 104

Франсиско Хавьер Мина — испанский либерал; возглавлял борьбу против деспотизма в Новом Свете, оказал помощь мексиканцам в их борьбе за независимость. Был расстрелян испанцами в 1817 году.

чтобы провести несколько дней у моего дяди, почтенного дона Рамона Очоа.

— О! Вы поспели в самый раз, сеньор студент! Вы сможете сейчас полюбоваться, как вашего дядю вздернут на виселицу! — сказал офицер. — Но скажите, пожалуйста, какая связь между вашими словами и тем делом, которое мы здесь разбираем?

— Если вы пожелаете, сеньор капитан, я могу дать кое-какие сведения по этому вопросу.

— Вот как! Ну-ка, послушаем!

— Мне кажется, я встретил всего за несколько лье отсюда тех двух людей, которых вы ищете.

— Морено и Ортиса? — мгновенно заинтересовавшись, вскричал капитан.

— Скажем прямо, сеньор капитан: что касается дона Энкарнасиона Ортиса, я вполне уверен. Но дон Морено… тут дело обстоит иначе.

— Как так?

— Вы должны хорошо знать — ведь вы работали тигреро на их асиенде, — сказал студент с легкой насмешкой, — что и отец и сын носят одно и то же имя. О котором из них вы говорите?

Офицеры сдержанно засмеялись при этом неприятном для капитана напоминании, сделанном лукавым и робким студентом с таким

наивным видом, что он мог привести в отчаяние даже святого.

Капитан прикусил губу и бешеным взглядом заставил замолчать этих весельчаков.

— Кажется, этот плут издевается надо мной! — В голосе его послышалась угроза.

— Ни в коем случае, сеньор капитан, я лишь стараюсь дать вам те сведения, которые вы желаете получить.

— Гм!.. Значит, ты знаешь этих людей?

— Почти так же хорошо, как вы, хотя я и не был у них на службе.

— Опять! — вскричал капитан. — Берегись, мошенник! У тебя слишком длинный язык! Он не доведет тебя до добра!

— Если вы приказываете, я замолчу.

— Говори. Но ограничивайся только ответами, без комментариев. Кто из них, отец или сын, был с Энкарнасионом Ортисом?

— Сын.

— Ты уверен в этом?

— Вполне.

— Женщины с ними не было?

— Не было.

— Куда они направлялись?

— В асиенду де ла Каха.

— Так близко отсюда?

— Да, не более двух лье. Они, вероятно, не знают, **что** вы здесь, иначе побоялись бы приблизиться сюда.

— Конечно. Много ли народу было с ними?

— Сотня ранчерос[105] — не больше.

— Женщин не было?

Молодой человек, казалось, смутился.

— По-моему, нет, — сказал он.

— Гм… Ты в этом не уверен. Выслушай меня внимательно. Все то, что ты сказал, может быть, и правда. Я бы не выполнил своего долга, если бы не принял этого во внимание. Но это может быть и ложью, так как, по-моему, ты очень хитрый плут: в этом случае ты заслуживаешь наказания. Поэтому я хочу иметь тебя под рукой, чтобы я мог или наградить тебя, или наказать, смотря по обстоятельствам. Ты поведешь нас.

— Не желаю ничего лучшего, сеньор капитан, тем более, что я не люблю этих двух людей и был бы рад сыграть с ними злую шутку.

— Хорошо. Тебя предупредят, когда наступит время. До тех пор не покидай дома алькальда, если дорожишь своей головой.

---

[105] Примечания: 105
Ранчеро — мелкий фермер.

— Повинуюсь.

— А к вам, сеньоры, — сказал капитан алькальду и священнику, — я проявлю снисходительность в ожидании более полных донесений. Возвращайтесь к себе и следите главным образом за тем, чтобы мои солдаты были обеспечены едой и питьем. Ступайте!

Затем, обернувшись к солдатам, стоявшим вокруг него, он резко приказал:

— Следующих!

III. Энкарнасион Ортис

Алькальд дон Рамон Очоа и священник Линарес, счастливые, что так дешево отделались, поспешили затеряться в толпе.

Студент-богослов тихо следовал за ними, ведя на поводу своего мула.

Путь от Главной площади до дома священника они прошли в молчании. Спутники словно боялись обмениваться мыслями.

У священника был чудесный домик. Он стоял в глубине сада, скрытый густой массой цветов и листвы.

Студент поручил своего мула пеону и, не дожидаясь приглашения, последовал за алькальдом

и священником в низкий зал. Здесь все напоминало о недавнем посещении испанских солдат: мебель была в полном беспорядке, соломенные циновки сорваны и разбросаны по комнате.

Когда студент, войдя в комнату, притворил за собой дверь, сеньор дон Рамон задвинул засов, положил ключ от двери в карман и, подойдя вплотную к студенту, резко спросил:

— Теперь, кабальеро, надеюсь, вы скажете нам, кто вы такой?

— Кто я? — смеясь, ответил молодой человек. — Боже мой! Ваш почтительнейший племянник, дорогой дядюшка!

— У меня нет племянника, сеньор, и вы это знаете, может быть, лучше, чем кто-либо другой. Прекратите свои шутки! Сейчас, по-моему, не время веселиться!

— Скажите прямо, кто вы такой? — сказал священник.

— Хорошо. Но прежде я должен быть уверен в своей безопасности.

— Что вы хотите этим сказать?

— А-а! Вот видите, сеньоры, спрашивать легче, чем отвечать! — шутливо сказал студент, непринужденно развалившись в кресле.

— Я вас не понимаю, — сказал священник.

— Я тоже, — добавил алькальд.

— Скажу яснее. За кого вы?

— Что такое? — переспросил священник.

— Что вы сказали?! — воскликнул алькальд.

— Одним словом, вы за короля или за народ?

— О, черт! — ответил алькальд. — Вопрос серьезный!

— Трудный вопрос, — сказал священник.

— Очень сожалею, но не могу сказать вам более подробно о себе, сеньоры, пока не получу от вас откровенный и точный ответ.

Наступило короткое молчание. По-видимому, алькальд и священник раздумывали. Студент наблюдал за ними искоса, делая вид, что очень занят раскуриванием своей сигареты.

— А если вы окажетесь предателем? — спросил дон Рамон прямо.

— Не говорите глупостей, сеньор алькальд, — ответил молодой человек.

— Ну, знаете… Вы предложили испанскому офицеру помочь ему захватить дона Хосе Морено и дона Энкарнасиона Ортиса. Признаюсь, это не вызывает во мне доверия, которого вы требуете.

Молодой человек разразился хохотом без всякого уважения к своим почтенным хозяевам.

— Ну что ж! — сказал он. — Я вижу, мне придет-

ся показать пример откровенности.

— Посмотрим! — ответил алькальд, делая незаметный знак священнику.

— Смотрите! — С этими словами молодой человек сбросил одновременно шляпу и парик, доходивший ему почти до глаз.

Лицо молодого человека мгновенно изменилось. Это было настоящее театральное превращение.

— Энкарнасион Ортис! — В крике алькальда и священника удивление смешивалось с ужасом.

— Я самый, сеньоры! — ответил молодой человек, продолжая смеяться. — Но, пожалуйста, говорите тише. Положение мое сейчас небезопасно.

— Несчастный! — вскричал священник, горестно всплеснув руками. — Бог мой, какая неосторожность! Что, если вас узнают?

— Меня повесят! — беспечно ответил Ортис. — Но дело не в этом. Что ж, вы и теперь откажетесь мне отвечать?

— Конечно, нет. Мы будем так же откровенны, как вы, — ответил алькальд. — Я за народ.

— А я за бога и мою страну, — сказал священник.

— Я это знал, сеньоры, — сказал молодой чело-

век, снова надевая парик и шляпу. — Вот почему я и не побоялся прийти к вам. Но прежде всего, дорогой дон Рамон, дайте приказ, чтобы все спиртные напитки, какие только можно найти в деревне, были отправлены на Главную площадь! Раздайте тамариндос и мескаль, и рефиньо. Я объясню вам потом, для чего это нужно.

— Согласен. Я займусь этим немедленно, дорогой дон Энкарнасион. Мое доверие к вам так велико, что я даже не пытаюсь угадать ваши намерения.

— Вы можете быть спокойны: я борюсь за справедливое дело. Возвращайтесь поскорее — времени мало, а нам надо принять важные решения. Когда вы вернетесь, я открою вам мой план. Я надеюсь, сеньоры, что вы его одобрите.

— Мне нужно четверть часа — это не много?

— Нет, ступайте, я жду вас здесь. Во время вашего отсутствия мы побеседуем с падре.

Алькальд торопливо ушел — ему хотелось поскорей вернуться.

— Сейчас мы одни, — сказал молодой человек, пристально глядя на священника. — Вы ведь знаете, что, кроме интересов родины, которые привели меня сюда, есть еще одна причина, заставившая меня пробраться в эту крепость.

— Я понимаю, о чем вы говорите, дон Энкарнасион. Свое обещание я честно выполнил.

— Значит, донья Линда и ее отец…

— Находятся в безопасности. С момента появления испанцев я и дон Рамон укрыли их в верном месте. Оно было приготовлено заранее и о нем знаем только мы.

— Можете ли вы поклясться, что они не рискуют быть обнаруженными в этом месте?

— Клянусь вам моим вечным спасением, сеньор! — ответил священник твердым голосом.

— Я вам верю, так как знаю, что вы преданы им. Вам известно, что этот капитан Бальбоа и его шайка — вовсе не испанские солдаты, а просто бандиты последнего сорта?

— Я так и думал, видя, что они творят в нашей несчастной деревне! Но что делать?

— Терпение. Я знаю, что привело сюда этого Бальбоа.

— Страсть к грабежу?

— Да, но и страсть к донье Линде!

— Он небо! Возможно ли это? — с ужасом вскричал священник.

— Успокойтесь. Если бог привел меня сюда, значит, он не хочет, чтобы замыслы этого бандита осуществились. Могу я увидеть дона Хосе Морено

и его очаровательную дочь?

— Это было бы неосторожно, сеньор дон Энкарнасион. Поймите, этот негодяй Бальбоа будет неустанно следить за вами. Если случай откроет ему ваше имя, все будет кончено и для них и для вас.

— Что мне смерть! — с горечью воскликнул молодой человек.

— Да, сеньор дон Энкарнасион Ортис, — ответил священник с такой торжественностью, которая подействовала отрезвляюще на пылкого молодого человека, —да, смерть — ничто, когда она приходит в свой час, когда дело, которому человек посвятил свою жизнь, выполнено и он может без страха предстать перед судом господним!

— Вы правы, я подожду, раз это нужно, — ответил молодой человек, внезапно успокоенный суровой отповедью. — Но тотчас же, как только наше дело будет закончено, клянусь богом!..

— Тогда вы поступите так, как вам будет угодно. Я даю вам слово, что не буду удерживать вас, а, наоборот, буду помогать вам во всех ваших делах по мере возможности.

— Я рассчитываю на ваше слово, сеньор падре.

— Я всегда буду готов выполнить его.

— Спасибо! Теперь будем думать только о нашем святом деле.

— Увы… — печально сказал священник. Дверь открылась, вошел алькальд.

— Уже вернулись! — радостно вскричал молодой человек.

— Вы видите, я не терял времени, дон Энкарнасион.

— Нет, напротив, вы проявили удивительную быстроту. Но скажите мне: достойные тамариндос получили достаточное количество вина?

— Я велел отправить на Главную площадь столько водки, что можно допьяна напоить целый полк тамариндос!

— Отлично, дон Рамон! Чем больше они выпьют, тем лучше.

— Я не совсем вас понимаю, сеньор Ортис.

— Пусть это вас не беспокоит. Вскоре вы меня поймете, я вам это обещаю. А что, солдаты очень пьяны?

— О да! Они были достаточно пьяны уже до моего прихода, как вы сами убедились в этом. Думаю, что водка, посланная мною сейчас, окончательно свалит их с ног.

— Прекрасно! Теперь выслушайте меня оба и запомните мои слова, так как время идет и я

не успею их повторить. Я решил этой же ночью уничтожить эскадрон капитана Бальбоа. Слишком уж долго этот проклятый гачупин разоряет и грабит провинцию! Пора положить этому конец! Я получил приказ конгресса покончить с ним немедля. Отступление невозможно, нужно действовать любым способом.

— Это очень трудно.

— Не так трудно, как вы полагаете. Мною приняты все меры, но для выполнения моего плана я нуждаюсь в вашей помощи.

— Она вам обеспечена безоговорочно, но что нужно делать? — ответил с некоторым сомнением алькальд.

— Почти ничего. Сегодня вечером все тамариндос, очевидно, будут пьяны. Что может быть легче, чем захватить их лошадей и оружие?

— Я не согласен с вами. Да, многие будут пьяны, это верно, но найдутся среди них и другие солдаты — вооруженные и хорошо дисциплинированные, и они, под командой офицеров, легко возьмут верх над нашими бедными индейцами.

— Вот об этом я и хотел поговорить, дон Рамон. Скажите, все ли заставы в деревне закрыты?

— Все. Более того, они охраняются сильными отрядами испанцев.

— Однако мне помнится, что существует ров, через который можно проникнуть в деревню, не будучи замеченным.

— Это верно.

— И он не охраняется?

— Конечно! Испанцы не знают о нем.

— В таком случае поставьте в этом месте верного человека, и ровно в десять часов вечера отряд из ста пятидесяти всадников, во главе которого будем я и дон Педро Морено, проникнет через этот ров и окажет вам помощь.

— Значит, ваша квадрилья действительно находится в окрестностях деревни?

— Конечно. Лучшая дипломатия — это правда. Поэтому я сказал капитану Бальбоа именно правду. Только не он захватит врасплох нас, а мы его!

— Ах! Хвала богу! — вскричал алькальд. — Это будет великолепно!

— Не правда ли? И хорошо придумано!

— Безусловно, но я вижу серьезное препятствие к выполнению этого замысла.

— Какое?

— Ведь именно вы должны служить проводником тамариндос в их экспедиции.

— О! Не беспокойтесь! Это я беру на себя. А теперь, когда мы обо всем договорились, до сви-

данья, сеньоры!

— Как? Разве вы с нами не пообедаете?

— Может быть, и пообедаю, — смеясь, ответил дон Энкарнасион, — но я предпочитаю, чтобы меня пригласил испанский начальник.

И он стремительно вышел, приведя в ужас своих соучастников смелостью, веселостью и непоколебимой уверенностью в успехе такого рискованного дела.

Едва студент сделал несколько шагов от дома, как совершенно неожиданно очутился лицом к лицу с командиром отряда, шедшим в сопровождении своих офицеров.

— А-а! Сеньор студент! — сказал капитан, останавливая его. — Куда вы направляетесь?

— Если говорить правду, сеньор командир, — ответил Энкарнасион Ортис, лукаво смеясь, — я в поисках обеда.

— Обеда? А ваш дядя, этот достойный алькальд, разве он…

— Мой дядя, — прервал его, улыбаясь, молодой человек, — выставил меня за дверь, предложив мне попросить обед у моих добрых друзей испанцев, — я вам повторяю его собственные слова, не изменяя в них ничего.

— А-а! — Командир нахмурил брови. — Он так

сказал, этот почтенный алькальд? Хорошо, пусть так и будет — ваши добрые друзья испанцы приглашают вас пообедать. Только обед состоится у вашего дяди, и — клянусь богом! — он обойдется ему не дешево!

— Браво, это очаровательно! — воскликнули, смеясь, офицеры.

— Вы оказываете мне много чести, сеньор командир, — ответил молодой человек с притворным смущением, — но, право, я не знаю, могу ли я принять ваше любезное приглашение…

— Почему, сеньор студент?

— Мне не хочется окончательно поссориться с дядей. Он богат, я — его единственный наследник… А после того, что между нами сейчас произошло, скажу вам правду, я боюсь…

— Та, та, та! — весело перебил офицер. — Вы чудесный малый, вы мне нравитесь, и я помирю вас с дядей, будьте спокойны.

— Если так, то я следую за вами, капитан!

— Идем! Вы увидите, что он примет нас хорошо. Пять минут спустя капитан дон Горацио де Бальбоа вошел в дом алькальда в сопровождении своих офицеров и Энкарнасиона Ортиса; последний, смеясь в душе, продолжал притворяться очень смущенным.

Дон Рамон Очоа был неприятно поражен этим новым вторжением. Он не мог себе объяснить присутствие Энкарнасиона Ортиса; но, обменявшись с ним коротким взглядом, он несколько успокоился и принял злополучных гостей с самой изысканной вежливостью, хотя внутренне проклинал их от всего сердца.

— Сеньор алькальд, — сказал капитан в ту минуту, когда дон Рамон готов был спросить у него о причине их прихода, — не более часа назад вы уверяли меня в вашей преданности королю, и я хочу публично доказать, что доволен вами. Поэтому я пришел к вам обедать и привел с собой моих офицеров и вашего племянника, которого вы, по-видимому, плохо приняли. Прошу вас помириться с ним, если хотите доставить мне удовольствие!

— Уверяю вас, дорогой дядя, — почтительно сказал молодой человек, — я сожалею о моих ошибках и смиренно прошу вас простить меня.

— Ну, вот и все! — сказал испанец. — А теперь прикажите подавать обед.

— Я могу вам предложить лишь очень скромный обед, сеньор.

— Мы им удовольствуемся, если он предложен от чистого сердца.

— Хочу думать, что в этом вы не сомневаетесь. Офицеры уселись, и два пеона по приказу хозяина принялись поспешно накрывать на стол.

В ожидании обеда алькальд приказал подать прохладительные напитки.

Под предлогом помощи своему дяде в хозяйственных хлопотах молодой человек успел, не возбуждая подозрения, шепнуть ему несколько слов, которые полностью успокоили дона Рамона и вернули ему присутствие духа и хорошее настроение.

Наконец обед был подан. Испанские офицеры весело заняли места за столом, ломившимся от яств.

В начале обеда офицеры вели себя пристойно. Студент-богослов пил мало, но зато усердно подливал другим. Вскоре гости основательно опьянели. Они начали зло высмеивать мятежников, издевались над алькальдом и бросали по его адресу едва скрытые угрозы.

Но этим дело не ограничилось. Офицеры, возбужденные выпитым вином, нашли себе забаву: они стали бить тарелки, бутылки и стаканы, швыряя их об стену; за посудой полетела мебель и картины. Начался разгром дома.

Дон Горацио де Бальбоа не только не подавлял

беспорядка, но, наоборот, подавал всем дурной пример. Один из офицеров, более пьяный, чем остальные, не зная, какое еще зло причинить несчастному хозяину, предложил поджечь дом.

Боясь выдать свое негодование, алькальд решил уйти и предоставить хищникам свободное поле деятельности.

Никто даже не заметил его отсутствия. Разгром продолжался, смех и веселые крики становились все громче.

Внезапно, в разгар оргии, офицеры услышали церковный звон.

— Что это там? — спросил удивленно капитан.

— Пустяки! — сказал Энкарнасион. — Это священник, конечно, благодарит бога за ваше прибытие в деревню.

— Ну и черт с ним! — ответил дон Горацио. — Но где же наш хозяин? — добавил он, заметив отсутствие алькальда.

— Он сейчас вернется.

— Молодой человек, — продолжал с пьяной важностью капитан, — нельзя бросать своих гостей! Ступайте за своим дядей и приведите его сюда!

— Иду! — ответил студент, быстро вставая из-за стола.

— И если он откажется идти, принесите его! А пока — выпьем!

— Выпьем! — повторили хором офицеры.

Дон Энкарнасион поспешил воспользоваться полученным разрешением и быстро вышел.

Попойка, на момент прерванная, возобновилась с новой силой. Офицеры пели и кричали, перебивая друг друга. В зале стоял дикий шум.

Все это так не вязалось с обычно тихим домом алькальда!

IV. Донья Линда

Дон Энкарнасион Ортис быстро нашел алькальда; тот с озабоченным видом шагал взад и вперед перед домом.

— Ну что там? — спросил он.

— Пьянство в самом разгаре. Если ничто не помешает, они будут сидеть там сутки! Я сказал, что иду за вами.

— Я должен вернуться?

— Боже сохрани! Наоборот, оставим этих пьяниц и воспользуемся передышкой, которую они нам дают.

— Что же нужно делать?

— Прежде всего отвести меня к дону Хосе Море-

но и его дочери.

— За нами не следят?

— Нет. Во всяком случае — сейчас… Поспешим!

Алькальд, никак не ожидавший такой настойчивости, пристально поглядел на молодого человека.

— Вы уже просили об этом падре Линареса, — нерешительно сказал он.

— Да, но как вы об этом узнали?

— Он сам мне сказал.

— А-а! Лучше бы он помолчал.

— Почему?

— Я знаю, что говорю… Но дело не в этом. Я должен их увидеть во что бы то ни стало!

— Вы хотите сказать им что-то очень важное?

— Чрезвычайно важное, поверьте мне, друг мой!

— О боже! Что же делать? — пробормотал алькальд.

— Повторяю: немедленно отвести меня к ним!

— А вы не боитесь, что офицеры…

— Я же сказал вам — они ничего не соображают! Проводите меня скорей к нашим друзьям, мне необходимо увидеть их и говорить с ними.

— Хорошо, идемте, раз вы этого требуете. Но если случится беда….

— За все отвечаю я. Будьте спокойны. Это далеко отсюда?

— В двух шагах.

Разговаривая, они вышли на узкую улицу, ведущую к реке, и остановились перед низким темным строением.

— Здесь, — сказал алькальд.

— В этой лачуге?! — воскликнул пораженный молодой человек.

— А вы считаете, что дворец был бы для них более надежным убежищем? — иронически спросил дон Рамон.

— Вы правы. Войдем.

Алькальд осмотрелся, убедился, что за ними никто не следит, приблизился к двери дома, трижды постучал палкой и тихо сказал:

— По ночам шакалы бродят вокруг жилищ.

— Не нужно выходить по ночам, — тотчас ответил голос из-за двери.

— Или нужно быть вооруженным, — возразил алькальд.

— Но где взять оружие? — послышался вопрос.

— У друзей, — сказал алькальд.

Алькальд и Ортис услышали, как в домике отодвигается засов, поворачивается ключ в замке; дверь приотворилась, но лишь на несколько дюй-

мов. В Мексике, где так часты ночные нападения, привыкли держать двери на короткой цепочке, прикрепленной изнутри двумя крючками.

В щель боязливо просунулась голова старого негра; его лицо все еще выражало тревогу. Увидев на улице двух мужчин, он отшатнулся; чтобы его успокоить, дон Рамон поспешил заговорить с ним.

— Эй, дядя Канучо, — сказал он, поставив ногу между дверью и наличником, мешая негру запереть дверь, — ты меня не узнаешь?

— А-а! Сеньор алькальд! — ответил старый негр. — Но мне кажется, вы не один? — нерешительно добавил он.

— Я не один, со мной друг… Но впускай же нас скорей, глупый старик, у нас есть дело к твоему хозяину! Да и не сто́ит в наше время разговаривать на улице.

Старый негр, ворча про себя, снял цепь и посторонился. Мужчины наконец вошли; дверь немедленно закрылась за ними.

Они пересекли не только сагуан[106], но и патио[107] и вошли в кораль, даже не приблизив-

---

[106] Примечания: 106
Сагуан (исп.) — сени.

[107] Примечания: 107
Патио (исп.) — внутренний дворик.

шись к дому.

— Куда мы идем? — тихо спросил дон Энкарнасион, беспокойно озираясь.

— Терпение, терпение! — так же тихо ответил дон Рамон.

Старый негр ввел их в полуразрушенный сарай, тщательно запер за ними изгородь, заменявшую дверь, потом взял метлу и отбросил в сторону кучу маисовой соломы.

Между двух камней в полу показался едва заметный гвоздь.

Негр наклонился, с силой выдернул гвоздь, и тотчас же часть стены опустилась примерно на десять футов и исчезла в незаметном углублении, открыв первые ступени винтовой лестницы, стиснутой двумя близко стоящими стенами.

— Что за дьявольщина? — пробормотал Энкарнасион.

— Идем, — сказал алькальд и первый стал подниматься по ступенькам.

Энкарнасион немедленно последовал за ним.

Старый негр передал им фонарь и, убедившись, что они находятся на лестнице, снова поднял стену; она закрылась; негр остался снаружи.

— Так! Вот мы и заперты! — не удержавшись, сказал дон Энкарнасион.

— Успокойтесь, ненадолго.

— Чего я могу бояться, если вы со мной, друг мой? Но мне грустно видеть все эти предосторожности — они так ясно доказывают ужасное положение нашей несчастной родины.

Пройдя двадцать пять ступеней, они очутились перед крепкой железной решеткой, которую алькальд открыл, нажав потайную пружину, и попали в просторный коридор; в конце его они увидели и вторую решетку; алькальд открыл ее так же, как и первую.

Затем они резко повернули влево, но не успели пройти и десяти шагов, как перед ними возникла глухая стена. На этот раз препятствие казалось непреодолимым.

— Остановимся на минуту, — сказал алькальд.

— Тем более что ничего другого мы сделать не может! — шутливо заметил дон Энкарнасион.

— Не волнуйтесь, — улыбаясь, ответил дон Рамон. — Те, к кому мы идем, знают о нашем приходе с того момента, когда мы стали на лестницу. Они не заставят нас долго ждать.

— Ах, так! Но где же мы, дон Рамон? Должен сознаться, что я даже не подозревал о существовании этого таинственного убежища, хотя, как вы знаете, мое детство прошло в этом селении

или, по меньшей мере, вблизи от него.

— У этого убежища, как вы его называете, мой друг, очень древнее происхождение, уверяю вас, — оно существовало в самом начале завоевания Мексики.

— Неужели это одно из тех таинственных мест, где индейцы прятали свои богатства?

— Не совсем так, хотя вы ближе к истине, чем думаете. Вы знаете, что индейцы только считаются христианами, на самом же деле они — язычники, и многие из них еще выполняют обряды своей старой религии.

— Да, но должен признаться: я мало занимался этими вопросами.

— Индейцы твердо верят в то, что их несчастный император Монтесума, погибший во время бунта против испанцев, был вознесен на небо. Они ждут того дня, когда он возвратится на землю, чтобы освободить свой народ от иностранного ига и вернуть империи инков ее былое величие.

— Об этом веровании я часто слышал.

— Если хотите, я расскажу вам эту легенду. У нас есть несколько свободных минут.

— С удовольствием. Ведь нам действительно больше ничего не остается делать.

— Монтесума, что означает на языке индейцев

«Суровый Властитель», был слабохарактерным и чрезвычайно суеверным человеком. Внезапное появление испанцев привело его в ужас из-за старинного пророчества, гласившего, что с северо-запада на больших крылатых домах появятся белые бородатые люди и разрушат мексиканскую империю. Всеми возможными способами Монтесума пытался избавиться от этих иностранцев. Но, к несчастью для императора, испанцев возглавлял авантюрист Кортес, которого фанатическое упорство и жажда золота сделали великим полководцем и гениальным дипломатом. Не буду посвящать вас во все детали этой баснословной героической эпопеи, называемой завоеванием Мексики. Кортес вошел в столицу империи, как друг, но вскоре сделался ее властелином. Опасаясь восстания, он добился того, что слабый монарх сам сдался ему в руки и превратился фактически в пленника, хотя ему и оказывали внешние почести.

— Вы мне читаете полный курс истории, — смеясь, сказал дон Энкарнасион, — но раз у нас есть время…

— Послушайте дальше, — продолжал алькальд. — Как-то император был особенно задумчив и лишь односложно отвечал окружавшим

его вельможам. Потом он резко поднял голову и движением руки потребовал внимания. «Друзья мои, — произнес он, — сегодня ночью мой отец Солнце явился мне и сказал, что время моего пребывания на земле истекло и я должен вскоре вернуться к нему. Как произойдет это событие, не знаю, но предчувствую, что оно близко». При этих словах, произнесенных с горькой печалью, окружавшие его касики заплакали. Он ласково улыбнулся и, успокаивая их, сказал: «Друзья! Я — сын Солнца. Значит, я не умру, а возвращусь к моему отцу! Осушите слезы и возрадуйтесь, что я скоро освобожусь от ига бородатых людей. Мой отец меня призывает — так велит судьба. Никто не может противостоять этим неуязвимым людям, самовольно распоряжающимся небесным огнем. Но их могущество будет недолгим! Запомните хорошо эти слова и в точности исполняйте мои последние заветы, ибо от вашего повиновения зависит спасение нашей дорогой родины. Из всех сокровищ, которыми я обладал, осталось одно — священный огонь, некогда зажженный самим Солнцем; на него белые не посмели поднять кощунственную руку. Этот огонь — вот он! — горит в золотой курильнице; возьмите его и пронесите под вашими плащами, чтобы тираны

не смогли его обнаружить. Пусть каждый из вас сохранит, как святыню, частицу этого огня. В тот день, когда время испытаний окончится, я вновь появлюсь рядом с моим отцом на лазоревых облаках. И вы возрадуетесь, ибо я освобожу вас от ваших угнетателей!» Мексиканские вельможи повиновались императору и удалились, унося священный огонь. Когда через несколько дней император умирал от случайного удара камнем, его последние слова были: «Мексиканцы! Огонь! Помните, помните об огне!» Напрасно испанцы, напуганные словом «огонь», опасаясь измены, старались открыть, что обозначает это мистическое указание, — тайна была благоговейно сохранена, и испанцам не удалось разрешить эту загадку. Но так как инквизиция преследовала с неумолимой жестокостью все, что напоминало идолопоклонство, — хранители священного огня прятали его в надежных убежищах. Сейчас мы находимся с вами в одном из этих тайников, сооруженном предком дона Хосе Морено.

— Но ведь это было давно! Священный огонь, наверно, погас?

— Вы ошибаетесь. Он горит и сейчас: дон Хосе Морено ведь происходит от королей Тескуко, родственных семье последнего императора.

— Это правда, я забыл об этом. Так вы думаете…

— Я в этом уверен! Я сам индеец, и дон Хосе давно посвятил меня в эту тайну. — Но — тише! Идут! Ни одного слова о том, что я вам сказал.

— Я вам это обещаю.

Действительно, в этот момент легкий шум послышался позади стены, часть которой отделилась цельной глыбой и открыла широкий проход.

— Пойдемте, — сказал алькальд.

Их ждал слуга с факелом; он повел их различными переходами и через несколько минут остановился перед дверью, в которую и постучал.

— Войдите, мы вам рады, — послышался голос из-за двери.

Дон Рамон открыл двери и в сопровождении дона Энкарнасиона вошел в комнату, где находились старик и молодая девушка.

Старик был высокого роста, примерно лет семидесяти; благородные черты его лица, помрачневшего от горя, выражали доброту и внушали уважение; волосы, белые, как снега Чимбо-

расо[108], падали в беспорядке на его плечи.

Молодая девушка, лет семнадцати, была стройна и грациозна; в ее больших голубых глазах как будто отражалась небесная синева. Когда она смеялась, то казалось, что между розовыми губами сверкает жемчуг; пепельные шелковистые волосы вились вокруг очаровательного лица; на ней было белое платье, стянутое в талии широкой голубой лентой, и кружева, небрежно наброшенные на плечи; ее ножки, маленькие, как у ребенка, были обуты в легкие туфельки.

Это были донья Линда, имя которой означало по-кастильски «прекрасная», и ее отец, дон Хосе Морено.

Увидев алькальда, дон Хосе протянул ему руку.

— Еще раз приветствую вас, друг мой! — сказал он. — Очень жалею, что подагра приковала меня к постели и не дает мне возможности пойти к вам навстречу… Но кого вы привели к нам? — продолжал он веселым тоном. — Я вижу — друга!

— Энкарнасион! — вскричала донья Линда, радостно устремляясь навстречу молодому человеку.

— Довольно, милая, довольно! — сказал, смеясь,

---

[108] Примечания: 108

Чимборасо — одна из величайших вершин южно-американских Кордильер; верхняя часть Чимборасо покрыта вечным снегом.

старик. — Успокойтесь, пожалуйста! Разве можно так бросаться в объятия красивого юноши, даже если он — ваш жених?

Молодая девушка остановилась, сконфуженная и покрасневшая.

— Благословите солдата, — сказал Энкарнасион, почтительно преклонив колено перед стариком.

— К сердцу, к сердцу, дорогой мой! — вскричал дон Хосе, с нежностью прижимая его к груди.

— Неужели вы не простите Линду, кузен? Я так ее люблю!

Старик улыбнулся, услышав такое оригинальное извинение, и обнял с нежностью обоих молодых людей.

— Итак, — весело сказал алькальд, усаживаясь в кресло, — я вижу, что не совершил неловкости, приведя сюда Энкарнасиона! А у меня было это опасение.

— Вы добрый и достойный друг, Рамон, вы мне доставили самый приятный сюрприз, и я благодарю вас от всего сердца.

— Значит, все прекрасно. Должен признаться, монсеньор, что я долго колебался, прежде чем согласился исполнить просьбу вашего родственника.

— Я знаю вашу осторожность.

— В данных обстоятельствах всякая предосторожность обязательна. Эти проклятые гачупины разыскивают патриотов глазами рыси, их шпионы повсюду.

— Будем надеяться, что хотя бы на этот раз вы их сбили со следа, — сказал дон Хосе.

— Дай бог, монсеньор, — произнес алькальд, — иначе я был бы безутешен.

— Что нового, Энкарнасион? — спросила донья Линда.

— Увы, Линда, наше дело освобождения более чем когда-либо в опасности, — со вздохом сказал дон Энкарнасион.

— Неужели вы начали сомневаться?! — вскричала она, гордо взглянув на него.

— О нет! — возразил он. — Но, простите меня, в моем распоряжении лишь несколько минут и…

— Как! Вы уже покидаете нас? — воскликнули

и отец и дочь.

— Поверьте, я делаю это против моего желания. Я только хотел лично убедиться в вашей безопасности. Теперь я успокоился. Меня призывает мой долг, хотя мне очень хотелось бы побыть еще с вами!

— Вы уходите? — печально сказала молодая девушка.

— Увы! Это необходимо. Я должен сегодня же ночью сделать попытку внезапного нападения. Если это удастся, мы освободимся от проклятых испанцев.

— Знаете вы их начальника, Энкарнасион?

— Немного, кузен. Это некий Горацио де Бальбоа — так он себя пышно именует, — один из ваших прежних тигреро, не так ли?

— Да, мой друг, это так. Остерегайтесь этого человека, он — дьявол! Он вторгся в эту деревню только затем, чтобы захватить мою дочь и меня, я убежден в этом.

— О-о! — воскликнул молодой человек, угрожающе сдвинув брови. — Благодарю вас, кузен, за сведения. Этот человек и раньше был мне отвратителен, но теперь, клянусь богом, пусть он не ждет пощады!

— Энкарнасион, этот человек осмеливается

поднять глаза на мою дочь, вашу невесту, и больше того, — добавил тихо старик, наклонившись к его уху: — он знает или, по крайней мере, подозревает о нашей тайне.

Энкарнасион побледнел.

— Положитесь на мою честь, кузен. Если этот человек знает нашу тайну, он умрет, — сказал он глухим голосом.

— Вы нас спасете, не правда ли, Энкарнасион? — вскричала молодая девушка.

— Клянусь вам, Линда, я сделаю это сегодня же ночью! Время не ждет, и я не хочу оставлять вас под угрозой оскорблений этого бандита. Я пришел к вам не только из-за моего беспокойства за вас, но и чтобы договориться по этому поводу… В состоянии ли вы сесть на лошадь, дон Хосе?

— Если нужно, заставлю себя. Разве я не старый солдат?

— Так будьте готовы отправиться по первому сигналу. Через два часа вы обо мне услышите.

— Да хранит вас бог, Энкарнасион, в тех опасностях, которые вам грозят!

— И путь он вам поможет, Энкарнасион! — сказала молодая девушка, подставляя ему лоб для поцелуя.

— Это дает мне силы! — весело сказал Энкарна-

сион, целуя ее.

— Еще одно слово, мой милый!

— Говорите, кузен.

— Вы мне ничего не сказали о моем сыне.

— Правда! — смеясь ответил он. — Меня так обрадовала встреча с вами, что я забыл о своем друге!

— С ним ничего не случилось?

— Вы увидите его сегодня же ночью.

— Значит, он близко от нас?

— Он меня ждет.

— Время отправляться, — напомнил алькальд.

— Еще мгновение, Энкарнасион!

— Опоздание может все погубить.

— Тогда уходите, и до скорой встречи!

— До скорой встречи! — вскричал Энкарнасион и поспешно вышел вслед за доном Рамоном.

V. Экспедиция

Следуя за доном Рамоном, Энкарнасион вскоре оказался на улице. Через четверть часа, расставшись с алькальдом, он вернулся в дом; к этому времени там все окончательно перепились.

Молодой человек бесшумно вошел в зал, очень ловко втерся в группу гостей — ни один из них

даже не взглянул на него — и уселся за стол рядом с офицерами. Никто не заметил, что он отсутствовал больше часа. Испанцы дошли до той степени опьянения, когда люди уже ни на что не обращают внимания.

Мгновенно оценив окружающую обстановку, Энкарнасион решил, что наступил момент действовать. Подойдя к капитану, он тихо сказал ему:

— Разрешите, командир? Одно слово!..

— Говорите, друг мой, — ответил тот, откидываясь в кресле.

— Позвольте вам заметить, что вы как будто совершенно потеряли память.

— Что? Что вы хотите этим сказать?

— Ведь этой ночью нам предстоит экспедиция!

— Вы правы, черт меня возьми! — вскочив, закричал капитан.

— Успокойтесь, — сказал Энкарнасион, осторожно водворяя его на место. — Время еще не наступило. Если вы мне доверяете, я предлагаю подождать. Пусть те, кого мы хотим захватить, уснут покрепче.

— Да-да! Мы двинемся через час.

— А не лучше ли, капитан, прежде всего проверить расположение противника?

— Гм!.. Хорошая мысль, — произнес дон Горацио с важностью пьяного человека. — Но кто приведет ее в исполнение? Я не вижу здесь ни одного человека, который…

— А я? Ведь я здесь!

— Ну, конечно, ведь вы здесь!.. Действительно, почему бы вам не заняться этим?

Энкарнасион с трудом удержался от радостного восклицания.

— Я счастлив служить вам, капитан, — сказал он.

— Молодой человек, вы служите не мне, а королю!

— Моя жизнь принадлежит ему!

— Хорошо сказано! Я вижу, что сделаю из вас человека!

— Я надеюсь на это, — иронически улыбаясь, ответил Энкарнасион.

— Итак, решено: вы отправитесь в разведку и привезете известия сюда.

— А вы, командир, не трогайтесь с места до моего возвращения!

— Здесь еще много полных бутылок! — величественно произнес капитан.

Энкарнасион, как уж, скользнул между офицерами и вышел из зала. Он дважды повернул ключ

в замке, положил его в карман и, уверенный, что испанские офицеры не выйдут из дома, побежал по направлению к Главной площади.

Там, среди беспорядка и разгрома, спали пьяные солдаты. Энкарнасион бросил на них презрительный взгляд и продолжал свой бег.

Улицы крепости были пусты, закрытые окна не пропускали ни одного луча света через решетчатые ставни. Повсюду царили тьма и молчание.

Пройдя несколько улиц, Энкарнасион дошел наконец до рва. Здесь была назначена встреча с доном Рамоном Очоа.

Почтенный алькальд, а с ним еще несколько человек давно ожидали его.

Дон Рамон уже начал беспокоиться, что Энкарнасион запаздывает. Поэтому, увидев его, очень обрадовался.

— Ну?.. — воскликнул он.

— Все идет прекрасно, — ответил Энкарнасион.

— Вы сильно опоздали!

— Да, из-за этих пьяниц! Я просто не знал, как избавиться от них...

Вдруг у Энкарнасиона вырвалось восклицание досады.

— Что с вами? — спросил дон Рамон.

— Да вот… мой мул остался в корале патера! — сказал Энкарнасион. — А мне надо ехать!

— Ну, если только это… — улыбаясь, ответил алькальд. — Идите за мной.

Алькальд открыл ворота соседнего дома и показал Энкарнасиону стоявшего под навесом великолепного оседланного мустанга.

— О, превосходно! — вскричал Энкарнасион. — Сеньор Рамон, вы бесценный человек!

Одним прыжком он вскочил в седло и, схватив повод, сказал:

— Ждите меня, я скоро вернусь!

— Одну минуту! — воскликнул алькальд, взяв мустанга под уздцы.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Энкарнасион.

— В ваших приказаниях, мой дорогой начальник, черт побери!.. Что я должен делать в ваше отсутствие?

— Да, верно. Я об этом не подумал. Ах, где же была моя голова!

— Ну, беда невелика. Говорите.

— Ваша роль очень проста. Вы должны все подготовить для вооруженного восстания. Пусть каждый, спрятавшись в своем доме, будет готов выйти из него по первому сигналу. Надо обру-

шиться всей массой на испанцев, чтобы ни один из этих негодяев не ушел от нас!

— И не уйдут. Они пьяны, их взять легко.

— Может быть… Но, во всяком случае, будем наготове: ведь тот, кто не совсем пьян, будет защищаться, как лев! Берегите себя…

— Я знаю, что мне делать! — зловеще ответил алькальд. — Поезжайте спокойно. Когда вы вернетесь, все будет готово. Я свое дело сделаю.

— В таком случае, до свидания! Только торопитесь, я вернусь скоро, и вернусь не один!

— Все ясно! — ответил алькальд и отпустил мустанга. Энкарнасион пришпорил лошадь и одним прыжком перескочил через ров. Потом, выпустив из рук поводья и наклонившись к шее лошади, он поскакал сломя голову и вскоре исчез во тьме.

Однако после бешеной скачки, продолжавшейся не меньше двадцати минут, Энкарнасион начал постепенно сдерживать лошадь. Наконец, он достиг перекрестка, где сходились четыре тропинки. В центре на каменном пьедестале возвышался железный крест; на нем раскачивалось распятие.

Энкарнасион остановился, вынул из-за пояса пистолет, прочистил его шомполом, подсыпал

свежего пороха и, подняв пистолет на уровень головы, выстрелил.

Почти тотчас же сильный свет прорезал темноту дороги, по которой ехал Энкарнасион.

— Это они, — пробормотал он. — Давно пора! Он тихонько свистнул своему коню.

Благородное животное тряхнуло головой и помчалось в ту сторону, где показался свет.

Вскоре послышался шум шагов и бряцания оружием.

Энкарнасион смело стал поперек дороги и, взведя курок пистолета, крикнул:

— Кто идет?

— Мексика и независимость, — ответил голос из тьмы.

— Что за люди?

— Ранчерос дона Педро Морено.

— Хвала богу! — радостно вскричал Энкарнасион. — Я вас жду! Это вы, дон Педро?

— Да, дорогой друг, это я, — раздался мелодичный голос.

— Ах, как хорошо! — сказал Энкарнасион. — Я хочу обнять вас, дружище!

Он помчался галопом к подъезжавшему отряду и через мгновение очутился среди своих друзей.

— Клянусь богом, дорогой мой! — вскричал он,

нежно обняв дона Педро. — Какой счастливый случай привел вас сюда?

— Ах, милый друг, — смеясь, ответил дон Педро, — дело обстоит очень просто. Сегодня около трех часов пополудни я вернулся в свою квадрилью, остававшуюся на несколько дней под начальством моего лейтенанта. Он-то мне и рассказал о решительном ударе, который вы хотите нанести врагу. Естественно, я решил принять участие в таком деле. Но нужно быть предусмотрительным! Поэтому я с тремя сотнями людей помчался к вам навстречу, а мой лейтенант с двумя сотнями ранчерос остался в одном лье отсюда. В случае необходимости он немедленно явится на помощь!

— Великолепно обдумано! Теперь я понимаю, почему его здесь нет.

— Он стоит в резерве… Да, но что мы должны делать? Я ведь не знаю вашего плана.

— Сейчас все объясню. Но прежде всего нам надо продолжать путь. Только пошлите сейчас же верного человека к вашему лейтенанту с приказом двинуться на Эль-Пасо. Кроме того, выделите нескольких разведчиков — выяснить, что делается на флангах отряда. А вперед мы можем ехать без боязни.

Эти два приказа были немедленно исполнены, и отряд крупной рысью двинулся в путь.

Когда отряд приблизился к крепости на расстояние пистолетного выстрела, все ранчерос по приказу дона Педро остановились. Энкарнасион Ортис тихо обменялся со своим другом несколькими словами и, отпустив поводья, продолжал свой путь галопом по направлению к деревне.

Через несколько минут он очутился у рва. Не останавливаясь, он заставил лошадь перескочить на другую сторону рва. В то же мгновение какой-то человек удержал мустанга за повод.

— Это вы, дорогой алькальд? — шепотом спросил Энкарнасион.

— Я, конечно. Жду вас.

— А ваши спутники?

— Они в двух шагах отсюда. Когда нужно будет, они появятся моментально.

— Значит, у вас все налажено. Остальное я беру на себя.

— Поступайте по своему плану. Я вам больше не нужен?

— Нет, благодарю вас, сеньор алькальд. Но я поручаю вам некоторых людей, — вы знаете, о ком я говорю.

— Лишнее напоминание! — ответил дон Ра-

мон. — К тому же, — добавил он с усмешкой, — у меня есть мысль…

И он тотчас ушел. Не из-за страха, а потому, что у него был свой план и ему не терпелось привести его в исполнение.

Ранчерос пробирались в деревню, прыгая один за другим через ров.

Дон Педро распорядился обвязать копыта лошадей кожаными мешочками, наполненными песком. Таким образом, всадники ехали по улицам деревни, не производя ни малейшего шума.

Первой заботой инсургентов было окружить Главную площадь, занять входы всех улиц, ведущих на нее.

Испанские солдаты, совершенно пьяные, спали глубоким сном. Им и в голову не могло прийти, какое ужасное пробуждение готовят им инсургенты.

Убедившись, что ранчерос стоят на своих постах, Энкарнасион Ортис спешился, направился к церкви и постучал в дверь.

VI. Как заряжается мина

Население Мексики, как уже говорилось, составляет 7 400 000 жителей, из которых при-

близительно две трети — индейцы, а одна треть — белые. Белые большей частью являются потомками испанцев, так как во времена испанского владычества границы колоний были наглухо закрыты не только для переселенцев из других европейских стран, но и для купцов. Каждому иностранцу, обнаруженному на мексиканской земле, грозила смерть.

Индейцы делятся на четыре группы или категории: индейцы бравос — «непокоренные» — живут в пустынях свободно, не признавая никаких законов, кроме своих прихотей и произвола. Их свирепые племена бесконечно воюют друг с другом, опустошая несчастные деревни, расположенные на границах их саванн. Индейцы мансос, или «покоренные», перенявшие некоторые обычаи белых, живут в деревнях, возделывают землю, пасут скот, а иногда нанимаются на работу в города. Третья категория — метисы, в большинстве — потомки знатных индейских семейств; для сохранения своих богатств метисы соглашались в эпоху заведения смешивать свою кровь с кровью победителей. Метисы втайне исповедуют свою прежнюю религию и тешат себя надеждой дожить до того дня, когда все белые будут изгнаны из Мексики. Наконец, следуют

несчастные пеоны, свободные только на словах, на самом же деле — жалкие рабы, перебивающиеся со дня на день, закосневшие в глубочайшем невежестве, во власти ужасной нищеты.

Дон Рамон Очоа, чье родовое имя было Ксиломансин, происходил по прямой линии от древних вождей, или касиков, Ателолько, один из предков которых был убит по приказу императора Несауалпилсинтли при восстании в начале года Чикоме-Калли, то есть по нашему летоисчислению — 1463 года.

Эта могущественная в то время семья сохранила неугасимую ненависть к властителям Мексики и уже много лет с терпением, характерным для индейцев, ждала часа мщения.

И этот час пробил, когда Кортес высадился в Мексике для своей невероятной экспедиции.

Первые касики, перешедшие на сторону испанцев, были из семьи Ксиломансин. Это они пополнили войска Кортеса, влив в них более 20 тысяч человек своих близких и подданных.

Эта непредвиденная помощь удвоила смелость авантюристов и, быть может, решила успех дерзкой экспедиции.

Вопреки обычаю завоевателей, Кортес не проявил неблагодарности после победы. Семья

Ксиломансин сохранила все свои богатства — правда, при одном условии: принятия христианства.

Много молодых девушек из этой старинной фамилии были выданы замуж за испанских офицеров, превратившихся после победы из простых искателей приключений в знатных сеньоров.

Однако со временем блеск рода Ксиломансин мало-помалу потускнел, богатства значительно уменьшились, и дон Рамон Очоа, последний представитель старшей его ветви, обладал лишь весьма скромным состоянием, что, впрочем, не мешало ему вести широкий образ жизни.

В доне Рамоне совмещались все добродетели и все пороки его народа. Благородный, щедрый, ослеплявший роскошью, если этого требовали обстоятельства, смелый, как лев, и хитрый, как лисица, — он был кумиром индейцев, видевших в нем потомка одного из самых любимых своих предводителей.

Всем своим сердцем дон Рамон ненавидел испанцев. Он считал и, быть может, не без основания, что именно они — испанцы — виноваты в упадке его рода и в его собственном стесненном положении. Он стал алькальдом только для того, чтобы легче было обманывать испанцев;

как только началось восстание, дон Рамон, действуя очень скрытно, причинил огромный вред тем, кого считал беспощадными врагами своей родины. Но все это он совершал так ловко, так искусно плел нити заговора, что хотя испанские власти и были в душе уверены в его измене, они никогда не могли поймать его с поличным. У них не было уверенности, которая позволила бы им подвергнуть его суровой каре.

Положение алькальда и его громадный авторитет среди подчиненных не позволяли произвести даже малейшую попытку схватить его без точных доказательств. Дон Рамон это знал и, удвоив осторожность, с еще большим жаром продолжал тайную борьбу.

Впрочем, он предчувствовал, что долгожданный час последней схватки наступает и близится время, когда определится судьба его страны.

Дон Энкарнасион Ортис знал этого человека давно. Он улыбнулся, услышав слова дона Рамона, что у него «есть мысль». Он улыбнулся, так как всегда ждал от дона Рамона решительных поступков, и не ошибся в этом.

Дон Рамон был бесконечно предан дому Хосе Морено; последний, в свою очередь, всецело ему доверял.

Дон Хосе, как и алькальд, был индейцем и ненавидел испанцев. Но у него было двое детей, которых он обожал, и он был слишком стар для того, чтобы принять активное участие в гражданской войне. К тому же болезнь вынуждала дона Хосе оставаться только зрителем гигантской борьбы, которую вот уже десять лет с героической отвагой вели его единоплеменники против угнетателей. Но, конечно, все его сочувствие, несмотря на невольное бездействие, было на стороне тех, кто хотел освободить его родину. Дон Хосе обладал огромным богатством. Алькальд, имевший, к сожалению, лишь самое необходимое, не колеблясь, сообщил ему свои планы. С первого же слова эти два человека сговорились. Дон Хосе был счастлив, что может если не сам лично, то хотя бы своими деньгами помочь священному делу независимости. Не колеблясь, передал он дону Рамону нужные деньги, в израсходовании которых алькальд дал ему полный отчет.

Тогда дон Рамон поручил своим сообщникам, на преданность которых он вполне рассчитывал, скупать все оружие и боевые припасы, какие только можно было достать, не привлекая к этому внимания. Ему помогло то обстоятельство, что война сосредоточилась в провинциях централь-

ной Мексики. Поэтому пограничные города, где жизнь протекала внешне спокойно, имели возможность действовать по своему усмотрению, не вызывая подозрений.

Все взоры были устремлены на театр военных действий, куда непрерывно стягивались испанские силы. Отдаленные пограничные области оставались в стороне от движения и продолжали жить мирной жизнью, не беспокоимые пока ни той, ни другой стороной.

Набег капитана дона Горацио де Бальбоа на Пасо-Дель-Норте был совершенно особым и случайным фактом.

Капитан решился на это дерзкое нападение исключительно в личных целях.

Отряды, которыми он командовал, не входили в постоянную испанскую армию; это были шайки бандитов, навербованных отовсюду, их увлекала единственная цель — ловить рыбу в мутной воде. У них не было политических убеждений, и они меняли кокарду без всякого угрызения совести, если за это платили звонкой монетой.

Однако, как это часто бывает, незначительные обстоятельства приводят к большим последствиям. Так произошло и в данном случае. Разбойничий набег банды Бальбоа на малоизвестную

пограничную деревню зажег страшный пожар, который должен был погаснуть лишь в крови последнего испанца, принеся навсегда победу делу независимости.

Оружие и боевые припасы, купленные доном Рамоном, постепенно доставлялись в Пасо-дель-Норте и укрывались там в деревенской церкви — единственном месте, бывшем вне подозрений. Об этом не было известно даже самому падре Линаресу; несмотря на свои патриотические чувства, он не потерпел бы того, чтобы храм божий превратили в арсенал.

Дону Рамону помогал в этом деле церковный пономарь, бедный индеец, который был всем обязан алькальду и повиновался ему без колебаний.

После того, как дон Рамон покинул свой дом для того, чтобы исполнить приказание Энкарнасиона Ортиса и раздать большое количество водки солдатам, расположившимся на Главной площади, он пошел в церковь, куда проник с черного хода.

Церковь была темна и пустынна, только один человек, печальный и задумчивый, сидел на ступенях алтаря; это был пономарь.

Погруженный в свои мысли, он не заметил прихода алькальда. Подойдя, алькальд тронул его за

плечо. Индеец вздрогнул при этом неожиданном прикосновении, но, мгновенно узнав человека, стоявшего перед ним и смотревшего на него с каким-то странным выражением лица, он поднялся, радостно улыбаясь и ожидая приказаний.

— Я тебя ищу, дядя Пичо, — сказал алькальд. — Почему ты здесь, а не у себя на ранчо?

— Я на посту, сеньор, — ответил индеец. — Разве мое место не здесь?

— Да, правда. Но если бы этим разбойникам, — сказал алькальд, указывая в сторону площади, — вздумалось ограбить церковь, ты ведь не мог бы защитить ее?

— Нет. Но они переступили бы порог только через мой труп.

Эти слова, произнесенные просто и убежденно, тронули алькальда. Он обрадовался: этот человек оказался именно таким, каким он хотел его видеть, на него можно было положиться.

— Ты мне нужен, — сказал алькальд.

— Я готов. Что я должен делать? — решительно спросил индеец.

— Прежде всего выслушай меня.

— Говорите.

— Помнишь ли ты нашу первую встречу?

— Помню ли я, сеньор! — в волнении вскричал

индеец. — Это было три года назад. Я возвращался из Охо-Люсеро от своего больного родственника. От усталости я еле шел, но я хотел вернуться в деревню до наступления темноты. Приблизительно в двух лье от Эль Пасо — а было уже около трех часов пополудни — послышался треск ветвей в лесной чаще, мимо которой я прошел несколько минут назад. Невольно повернув голову, я задрожал от ужаса; в десяти шагах от меня стоял ягуар; глаза его сверкали, как горящие угли. Я понял, что погиб. Я был один, без оружия. Смерть была неизбежна, и мне оставалось одно: молиться богу. Внезапно, в тот момент, когда ягуар уже приготовился к прыжку, какой-то человек бесстрашно бросился навстречу свирепому зверю, прицелился и убил его наповал выстрелом в левый глаз. Это были вы, сеньор! Вы спасли мою жизнь, рискуя своей. Я бросился к вашим ногам и сказал: «Сеньор, вы спасли бедного индейца, у которого есть только жизнь! Она принадлежит вам! В какой бы день, в какой бы час вы у меня ее ни потребовали, я отдам ее вам без колебаний, без сожалений, потому что этой жизнью я обязан вам!»

— У тебя хорошая память, дядя Пичо. Прекрасно! Я думал, что ты уже забыл эту встречу. Это

было так давно!

— Это память моего сердца, сеньор. Разве не вам я обязан всем? Мало того, что вы меня спасли от ягуара, вы спасли меня и от нищеты. Ведь только благодаря вам я получил службу пономаря!

— Так вот, дядя Пичо, настал момент, когда ты можешь не только расквитаться со мной, но и сделать меня твоим должником.

— Приказывайте, сеньор!

— Предупреждаю тебя: выполняя мои приказания, ты рискуешь быть убитым.

— Я повторяю: моя жизнь принадлежит вам. Располагайте ею, как вам угодно, сеньор.

— Через несколько минут я пришлю двух верных людей. Они помогут поднять из подземелья оружие, которое я тебе доверил.

— Значит, мы его скоро пустим в ход? — радостно потирая руки, сказал индеец. — Тем лучше, сеньор!

— Надеюсь, это случится сегодня ночью, дядя Пичо! Как только вы его достанете, спрячь все в исповедальне или где захочешь. По моему приказу ты будешь раздавать оружие, порох и пули. Ты меня понял?

— В точности, сеньор. Это все?

— Нет.

— Я так и думал. Но мне пока непонятно, какой же опасности подвергаюсь я?

— Погоди... В котором часу обычно звонят к вечерней службе?

— Первый удар колокола — в семь часов. Последний — в половине девятого.

— Очень хорошо.

— Простите, сеньор, но вы, по-видимому, не заметили, что вот уже три дня церковь стоит закрытой и колокол не звонит ни днем, ни вечером. Это началось с того дня, как проклятые гачупины завладели городом.

— Я в самом деле не заметил этого. А почему прекратили богослужение?

— Я получил приказ.

— Не от испанцев ли?

— Не от испанцев, сеньор.

— От кого же?

— От сеньора священника.

— От падре Линареса? — удивленно вскричал алькальд.

— Именно от него.

— Странно!..

— Он мне сказал, что лучше совсем не молиться богу, чем молиться за врагов народа.

— Я не ждал этого от него! — задумчиво сказал

алькальд. — Послушай, — продолжал он после паузы, — сегодня в обычный час ты начнешь звонить к вечерне, как будто ничего не произошло.

— Несмотря на приказ, который я получил?

— Да. Я сговорюсь по этому поводу с падре Линаресом.

— О, это мне безразлично, сеньор! Раз вы мне приказываете, мне не нужно ничего больше, я исполню ваш приказ.

— Отлично. Только помни: что бы ни случилось, кто бы ни останавливал тебя, — колокол должен звонить!

— Он будет звонить, сеньор, я вам клянусь моим вечным спасением! Если даже испанцы будут грозить мне смертью, я знаю, как держать их на расстоянии.

— А может быть, они и не придут в церковь. Во всяком случае, я полагаюсь на тебя.

— Будьте спокойны, сеньор, — я обещал — я исполню.

— Итак, желаю успеха, дядя Пичо. До свиданья!

— Ступайте с богом, ваша милость!

По дороге из церкви алькальд останавливался и, тихо переговариваясь с поджидавшими его людьми, направлял их к Главной площади.

Как опытный заговорщик, дон Рамон предви-

дел все: так, он поймал одну из своих лошадей, оседлал ее и привязал во дворе, поблизости от рва; охрану рва алькальд поручил двум верным людям. Потом он обошел всю деревню, стуча во все двери, шепча на ухо несколько слов выходившим на его зов индейцам. Все это он проделал так быстро, что примерно через час больше четырехсот человек были готовы следовать за ним и ждали только сигнала, чтобы действовать.

После всего этого он направился в условленное место — это был ров — и стал ожидать возвращения Энкарнасиона Ортиса, настороженно следя, чтобы какое-нибудь непредвиденное предательство не сорвало план, так хорошо задуманный и так тщательно разработанный.

Лицо алькальда было бесстрастно и холодно, как будто не произошло ничего особенного; даже его испытанные друзья и те поверили этому спокойствию.

А между тем буря бушевала в сердце смелого заговорщика. В висках у него стучало, его нервы напрягались при малейшем подозрительном шуме. Ведь на этот раз он сжег корабли и рисковал головой!

Когда Энкарнасион Ортис во главе своей кавалькады прибыл в деревню, дон Рамон, собрав

друзей, велел им следовать за собой на расстоянии, чтобы не привлекать внимания.

— Друзья, — сказал он глубоким голосом, — мина заряжена, патрон вложен, осталось только поднести огонь! В случае поражения, мы, по крайней мере, устроим себе пышные похороны!.. Вперед! За родину!

— За родину! — тихо повторили заговорщики и цепочкой двинулись за доном Рамоном в церковь.

Глядя на них, можно было подумать, что они совершают спокойную и безобидную прогулку.

На своем пути алькальд увидел несколько отрядов ранчерос, стоявших на улицах селения и распределенных так, чтобы полностью отрезать отступление испанцам.

Почтенный алькальд потирал руки с такой силой, что чуть не содрал с них кожу, а это было у него признаком величайшей радости.

— Хвала богу! — бормотал он, торопливо продолжая свой путь к церкви. — Кажется, на этот раз я держу в руках проклятых гачупинов! Но что скажет падре Линарес? Ба! — прибавил он, смеясь. — Если мы выиграем, успех избавит меня от всех объяснений! А этот славный Пичо — он честно сдержал свое слово! Только бы с ним ни-

чего не случилось…

Церковная дверь, через которую алькальд вышел несколько часов перед тем, была только приоткрыта. По привычке к осторожности алькальд оглянулся и только после этого, перекрестившись, уверенно переступил порог. Его решение было принято — и отныне бесповоротно.

Друзья алькальда, или, вернее, заговорщики, вошли по одному вслед за ним. Последний из них закрыл дверь на внутреннюю задвижку.

Патер Линарес служил вечернюю, пономарь Пичо помогал ему. Церковь была переполнена людьми.

Алькальд воспользовался этим, незаметно проскользнул между тесными рядами верующих и остановился у подножия кафедры. Скрестив руки на груди и спокойно оглядев присутствующих, алькальд, молчаливый и уверенный, стал ждать момента, когда можно будет начать действовать.

VII. Проповедь в Пасо-дель-Норте

У падре Линареса была не совсем обычная судьба. Он рано остался сиротой, рано узнал бедность и потому рано лишился поддержки в

жизни. Только благодаря протекции дальнего родственника его матери, тяготившегося опекой над Линаресом и желавшего избавиться от нее, перед Линаресом открылись двери одного из монастырей Гвадалахары.

Став взрослым, Линарес обдумал свое положение. Он был одинок и беден. Он решил избрать духовную карьеру. Монастырская жизнь развила в нем возвышенные стремления и благородное мышление. Все свое время он посвящал серьезным занятиям, желая пополнить образование. Умный, упорный, энергичный, он старался вырваться из жалкого подчиненного положения, на которое, казалось, был обречен. Его влекло не честолюбие, а любовь к людям, желание быть полезным тем, от кого он так мало видел хорошего.

В то время, когда бедный священник в Пасодель-Норте в качестве миссионера разъяснял невежественным индейцам божественное учение, события в стране развивались с невероятной быстротой.

Первый призыв к борьбе за независимость Мексики раздался в неизвестной, затерянной в горах деревушке. Этот призыв разнесся с такой молниеносной быстротой и прозвучал с такой силой, что сто тысяч индейцев восстали и во главе с

простым священником этой деревушки прошли в несколько дней сотни лье, таща на руках свои пушки по непроходимым дорогам. Восставшие дошли почти до самой столицы Новой Испании. Здесь они остановились и гордо потребовали у испанцев свободы. Испанцы пришли в ужас от смелости и силы воли, проявленной существами, которых они едва признавали за людей.

Обстоятельство удивительное и не встречающееся в истории народов: первые герои войны за независимость Мексики были почти все или священники, или юноши, которые готовились к священству и получили низшие церковные звания.

Блеск, освещавший имена двух священников — Идальго и Морелос, самых благородных вождей мексиканской революции[109], яркая роль, которую они играли в продолжение нескольких лет, их трагическая гибель от рук испанцев — все это указало бедному священнику селения Пасо-дель-Норте цель, к которой он должен стремиться, чтобы прожить свою жизнь не бесплодно и оставить по себе память в сердцах своих сограждан.

Он понял, что и для него пришло время сыграть

---

[109] Примечания: 109
Имеется в виду революция 1810—1821 годов.

значительную роль в революции, не в смысле замены собою двух погибших героев — его спокойный, тихий нрав не подходил для этого, — нет, он хотел участвовать в борьбе за независимость, вдохновляя сражающихся, помогая раненым и утешая умирающих. Миссия более скромная, но не менее благородная. Он считал, что сан священника обязывает его к этому, каковы бы ни оказались последствия в будущем.

Поэтому-то он с удовлетворением выслушал признания Энкарнасиона Ортиса, не отказывая ему, но и ничего не обещая. Он решился выступить в последний момент в качестве посредника между двумя сторонами и предотвратить или хотя бы остановить кровопролитие в случае, если дело дойдет до открытого столкновения.

Невольный свидетель ужасного вторжения драгун в деревню, падре Линарес в отчаянии скрылся в уединенной молельне, чтобы не присутствовать при оргии в доме алькальда. С требником в руках он горячо молился, стараясь не слушать доходившего до него шума разгула, как вдруг его слух поразили первые удары колокола.

Священник поднял голову; сначала он подумал, что ошибся, — ведь только он, падре Линарес, один мог приказать звонить в колокол. Со дня

прихода испанцев пономарю было приказано закрыть церковь. Служба в ней прекратилась. Кто же посягнул на его права и созвал верующих в церковь? Что обозначал этот звон? Сигнал? Призыв к восстанию?

А колокол все звонил! Каждый удар его мрачно отдавался в ушах священника. Им овладела смутная непонятная тревога. Откуда она появилась, этого он не мог объяснить. Но он хотел узнать, что случилось, и, выбежав из дому, поспешно направился к церкви.

Жители селения Пасо-дель-Норте, которых после захода солнца страх загнал в жилища, затрепетали, неожиданно услышав знакомый колокольный звон. Встревоженные, испуганные, они вначале подумали, что это — набат, возвещающий полный разгром деревни. Но при первых же ударах колокола на улицах стали появляться люди, до этого скрывавшиеся за дверьми своих жилищ. Они начали ходить из дома в дом, шептать на ухо испуганным и изумленным жителям несколько тихих слов, действовавших успокоительно даже на самых трусливых.

На улицах царила глубокая тишина.

Пьяные солдаты спали вповалку на Главной площади.

В некоторых домах робко приоткрылись двери, и сначала показалось несколько растерянных лиц. Потом наиболее смелые решились переступить порог своих домов; другие последовали за ними; даже самые нерешительные и те осмелели. И через четверть часа не только все мужское население деревни, но и большинство женщин (в решающие моменты женщины часто оказываются смелее мужчин) с детьми на руках направились к открытой настежь церкви.

В несколько минут церковь была заполнена. Пономарь уже собирался закрыть двери за последней группой, как вдруг среди вошедших появился падре Линарес. Пономарь еле удержался от выражения удивления, но тут же смиренно приветствовал священника.

— Почему, несмотря на мое запрещение, вы звонили к вечерне? — раздраженно спросил священник.

— Как, отец мой, «несмотря на ваше запрещение»? — притворяясь удивленным, сказал пономарь. — Наоборот, я именно исполнил ваше приказание.

— Вы смеетесь надо мной, Пичо, или хотите меня обмануть?

— Как вы можете это думать, отец мой!

— Я же вам ясно сказал, что запрещаю открывать церковь!

— Да, отец мой.

— Так почему же, в таком случае, вы не только открыли церковь, но еще осмелились звонить к вечерне?

— Час назад мне передали ваше приказание — звонить в колокол, как обычно.

— Мое приказание?

— Конечно, отец мой.

— Кто же передал вам это?

— Сеньор алькальд.

— Дон Рамон Очоа?

— Да, отец мой. Он явился в церковь, подошел ко мне и сказал, что послан вами. Как же я мог не исполнить вашего приказания?

Падре Линарес, поняв, что больше ничего он от пономаря не узнает, стал раздумывать: что делать? Пономарь явно в заговоре с доном Рамоном, но какой же замысел у того? Какую цель преследует он?..

— Так… — тихо пробормотал священник. — Будем настороже. — Потом, обратившись к пономарю, смиренно склонившемуся перед ним, сказал: — Ну что же, раз верующие собрались, они должны услышать божественное слово, особенно

в такой скорбный момент. Я буду служить как всегда. Закройте двери.

Пономарь почтительно поклонился и, счастливый, что отделался так легко, поспешил выполнить приказание.

Церковь эта — строгой архитектуры, как все испанские религиозные памятники, — была темной, низкой и сводчатой; едва озаренная кое-где восковыми свечами, слабый и мерцающий свет которых скорее подчеркивал мрак, чем рассеивал его, переполненная печальной, угрюмой и безмолвной толпой, она представляла собой необыкновенное и захватывающее зрелище, от которого холодело сердце.

Священник опустился на колени перед главным алтарем, смиренно склонил голову и тихо произнес:

— Господи, ты видишь мое сердце! Поддержи мое мужество, помоги мне наставить на путь разума этих заблуждающихся людей! И прими мою жизнь, если это нужно для их блага…

Спустя несколько минут он поднял голову. На его изможденном лице сияло выражение восторга. Он казался преображенным — жертва была принесена в его сердце, и он был готов принять мученическую кончину. Печальным взором

священник оглядел все вокруг, добрая улыбка тронула уголки его бледных от скорби губ.

В этот момент пономарь позвонил в колокольчик, возвещая начало службы.

Медленно и торжественно падре Линарес поднялся по ступенькам алтаря, повернулся к толпе, благословил ее и сел со скрещенными на груди руками.

Началась молитва, произносимая — стих за стихом — сначала священником, а потом вслух всеми молящимися.

Когда она окончилась, падре Линарес поднялся, взял молитвенник и медленным шагом направился к кафедре — ежевечерне после службы он произносил проповедь.

У ступеней кафедры стоял алькальд, спокойный, сумрачный и решительный; он смотрел на священника горящим взглядом и, казалось, чего-то ждал.

Толпа, собравшаяся у кафедры, с беспокойством следила за этой немой сценой; индейцы одинаково уважали обоих людей.

Между тем священник, внешне спокойный, подошел к алькальду, надеясь хладнокровием заставить своего противника (каким он считал его) отказаться от борьбы.

Но он ошибся. В тот момент, когда они очутились лицом к лицу, алькальд сделал шаг вперед.

— Отойдите, — холодно сказал он священнику и протянул руку, как бы желая помешать ему пройти. — Сегодня буду говорить я.

— Вы… вы, дон Рамон?! — вскричал священник, отступая перед своим другом: сердце его сжалось от тяжелого предчувствия. — Несчастный, что вы хотите делать?

— Я хочу выполнить мой долг, — решительно ответил алькальд. — Прошло то время, когда мы трусливо склоняли головы перед нашими безжалостными мучителями! Пробил час мести!

— Это кощунство! — горестно сказал священник. — Вы забыли, что находитесь в доме господнем и что господь сказал: «Мстить могу один я!»

— Молчите, падре Линарес! Молчите! Вы, пастырь этого селения, осмеливаетесь так говорить? Значит, вы изменили священной борьбе за независимость Мексики? Вы заодно с нашими палачами, если говорите такие слова!

Потрясенный этой суровой отповедью, священник опустил голову и, как бы покоряясь высшей силе, отступил, весь дрожа.

Крики, проклятия послышались со всех сторон. Алькальд бросился к кафедре; священник тщетно старался тоже пробраться туда, но толпа его оттирала.

— Братья! — вскричал дон Рамон, обращаясь к индейцам, которые боялись пропустить хотя бы слово. — Неужели вы так малодушны, что

решили покорно переносить все притеснения, которым вас подвергают гачупины? Вы изнемогаете под бременем самых страшных бедствий, ваша земля истоптана свирепым и безжалостным врагом! Ваши братья, ваши друзья расстреляны без суда! Ваши жены, ваши дочери попадут в руки победителей, а вы трусливо склоняете голову?! Вы улыбаетесь своим палачам!..

Ропот гнева пробежал по толпе.

— Не слушайте его! — надтреснутым голосом вскричал падре Линарес. — Не слушайте его, братья мои! Этот человек вас обманывает. Увы, он и себя обманывает, призывая вас к бессмысленному восстанию! Знайте — он не к победе ведет вас, а к смерти!..

Грозные крики прервали речь священника. Рыдая, он опустился на плиты. Он чувствовал себя побежденным и отказывался продолжать борьбу.

Алькальд улыбнулся и поднял руку.

Словно по волшебству, мгновенно восстановилось молчание.

— Неужели, — продолжал дон Рамон, — среди вас, таких сильных и смелых людей, не найдется ни одного, способного принести себя в жертву ради блага своих братьев? Горе стране, где муж-

чины не могут отомстить за оскорбление! Эта страна погибнет, ибо она недостойна свободы, она не хочет жертвовать всем для победы! Она погибнет, потому что бог отвел от нее свою всемогущую руку! Братья мои, я провел десять лет с вами, жил вашей жизнью, печалился вашими печалями, радовался вашим радостям. Я думал, что выполняю свой долг. Никогда я не жаловался! Наоборот, был счастлив тем, что мог делать для вас — пусть даже незначительное — добро. Но теперь ноша стала слишком тяжелой для моих плеч! С приходом этих гнусных гачупинов я почувствовал, что сердце мое разрывается в груди! Рыдая в отчаянии, я видел, как грабили ваши дома, как зверски убивали наших братьев! И — увы! — я не мог помешать, потому что мне самому, вашему алькальду, угрожала смерть! А раз я бессилен вас защитить, я предпочитаю удалиться. Это лучше, чем быть свидетелем ужасающих злодеяний! Прощайте, я расстаюсь с вами. Простимся — я сейчас ухожу, чтобы присоединиться к независимым. Там, по крайней мере, я смогу послужить вам с оружием в руках. Я надеюсь, что бог, в своей неизреченной доброте, окажет мне милость — позволит мне умереть за моих братьев и пасть жертвой за святое дело свободы!

Невозможно описать действие этой искусной речи на простых людей!

Едва прозвучало последнее слово над взволнованной толпой, как в церкви раздались душераздирающие крики, рыдания, богохульства и угрозы.

Все говорили разом; мужчины грозили кулаками небу, женщины рыдали, поднимая своих детей над головами; толпа пришла в исступление.

Алькальд стоял на кафедре, подняв руки, словно для проклятия, откинув голову назад. Со сверкающим взглядом и сжатыми губами он был похож на злого духа, призывающего к ненависти, ярости и мести.

— Прощайте! — Его громовой голос перекрыл общий шум. — Час нашей разлуки настал!

— Нет, нет! Оставайтесь! Оставайтесь с нами! Что будет с нами без нашего алькальда?! — закричали индейцы, теснясь вокруг кафедры.

— Бог вам поможет, братья!

— Нет, нет! Говорите! Говорите, дон Рамон!.. Мы будем слушаться вас!.. Приказывайте нам!.. Что нужно делать?.. Мы ваши дети, не покидайте нас… — повторяли они с мольбой.

Алькальд грустно покачал головой.

— Нет, нет, — твердо сказал он. — Я не могу согласиться на вашу просьбу. Кто может мне поручиться, что завтра, когда вы успокоитесь, малодушие и страх не появятся в ваших душах? Кто может мне поручиться, что вы не забудете ваших обещаний, что вы трусливо не предадите меня врагам за горсточку золота? Повторяю вам, братья мои: не задерживайте, отпустите меня, пока еще есть время, пока спят гачупины и я могу избежать их ярости!

— Нет, нет! — закричали индейцы. — Останьтесь с нами! Вы наш вождь, мы умрем за вас! Мы не предадим вас! Ведь вы одной с нами крови, у нас общая цель! Мы будем повиноваться каждому вашему слову, каждому вашему движению, что бы вы ни приказали!

Алькальд молчал. Он давно уже принял решение и отлично знал, как поступит, но стоял неподвижный и молчаливый, бледный и сумрачный, как будто в его сердце происходила борьба.

Толпа, минуту назад такая возбужденная и шумная, замерла, устремив на него горящие глаза, со страхом ожидая решения, которое он произнесет.

В церкви наступило такое глубокое молчание, что можно было услышать биение сердец в груди

этих людей.

Наконец дон Рамон поднял голову и взором, полным невыразимой печали, оглядел толпу, окружившую кафе.

— Вы говорите, что будете послушны? — с сомнением сказал алькальд.

— Да, да, приказывайте нам! Дайте нам оружие! Оружие!

— А-а! — торжествующе произнес дон Рамон. — Наконец-то вы заговорили по-настоящему!

Последним усилием падре Линарет вырвался из державших его рук и ринулся к кафедре:

— Братья мои! Заклинаю вас во имя бога, чей образ перед вами, выслушайте меня! Я ваш пастырь, ваш духовный отец. Я тоже люблю мою страну, я тоже хочу для нее свободы, но она не может быть завоевана ни убийством, ни коварством! Вы — мирные жители, а не солдаты. Предоставьте другим защищать вас, вернитесь в свои жилища, чтобы оберегать своих жен и детей! Если вы их покинете, гачупины безжалостно убьют их! Во имя этих невинных созданий — умоляю вас, одумайтесь!..

Яростный рев толпы прервал речь священника.

Его бессильный голос потонул в шуме. Священ-

ника стащили с кафедры, повлекли к ризнице и, не причинив ему никакого вреда, втолкнули туда. Несколько индейцев стали перед дверью, чтобы преградить ему выход.

Дон Рамон холодно и бесстрастно наблюдал за этой сценой. На губах его была презрительная усмешка.

Своим упорным сопротивлением и неуместным противодействием общему порыву падре Динаре не только не помешал торжеству алькальда, а, наоборот, сыграл ему на руку. Когда священник исчез и люди немного успокоились, алькальд движением руки потребовал тишины. Все замолчали.

— Итак, — сказал дон Рамон, — вы готовы мне повиноваться?

— Да, да! — закричали индейцы.

— Поклянитесь! — вскричал алькальд громовым голосом, протягивая руки к образу Христа, возвышавшемуся над алтарем.

Все присутствующие мгновенно повернулись к алтарю, но не для того, чтобы поднять правую руку, как это делается в старой Европе при клятве: они опустились на колени, подняли головы и скрестили большие пальцы обеих рук — по индейскому обычаю, который перешел к ним

от древних инков. Эта клятва священна и нерушима. Дон Рамон, сам индеец, знал это. Улыбка торжества появилась на его губах.

— Вы клянетесь подчиняться мне во всем? — спросил он. Глаза его горели, он тяжело дышал.

— Клянемся! — вскричали все. — Мы клянемся жить и умереть с вами, чтобы завоевать независимость нашей страны!

— Хорошо, — сказал алькальд, — бог принял вашу клятву. Теперь она не может быть нарушена!

— Оружие! Оружие! — кричали индейцы.

— Оружие? Вы его получите! — сказал алькальд. — Дядя Пичо… — прибавил он, обращаясь к пономарю, который стоял неподвижно у кафедры, — раздайте оружие и боевые припасы, которые я вам доверил!

Пономарь повиновался. Тотчас же началась раздача. Пичо и его помощники вкладывали столько горячности и рвения в выполнение задания, что менее чем в десять минут все оружие — сабли, пики, луки, стрелы, ружья — перешло в руки индейцев, потрясавших им с дикой яростью.

Дон Рамон понимал, как важно немедля воспользоваться возбуждением толпы; поэтому, как только раздача оружия была закончена,

он схватил мачете и, потрясая им над головой, вскричал:

— Теперь, друзья, будем думать только о мести! Смерть гачупинам!

— Да, да, месть! Смерть гачупинам! — повторяла наэлектризованная толпа.

В этот момент снаружи послышался цокот копыт и бряцание оружия, а затем два сильных удара в дверь церкви.

— Спокойствие! — сказал алькальд. — Открывать пойду я.

Он сошел с кафедры и, пройдя сквозь тесные ряды индейцев, почтительно расступавшихся перед ним, твердым шагом направился к двери.

VIII. Неожиданное нападение

Алькальд сделал одно только движение, и в церкви водворилась полная тишина.

— Кто там? — спросил он через дверь.

— Отечество! — послышалось в ответ.

— Дети мои! — вскричал дон Рамон, обращаясь к окружающим. — Бог внял нашим молитвам, он посылает нам помощь! Я узнаю голос прославленного дона Энкарнасиона Ортиса. Вперед! Вперед!

— Смерть испанцам! — вскричали, яростно

потрясая оружием, индейцы.

Алькальд открыл двери.

На пороге стоял Энкарнасион Ортис с непокрытой головой и саблей в руке; войдя в церковь, он перекрестился, склонившись перед алтарем. Потом, пожав руку дону Рамону, он сказал индейцам, пронизывая их взглядом:

— Кто вы? Мужчины, рабы или трусливые старые бабы? Если мужчины, — докажите мне это! Почему вы не боретесь за независимость? Я пришел со своей квадрильей, чтобы помочь вам завоевать свободу! Можно ли положиться на вас?

— Да! Да! Да здравствует Энкарнасион Ортис! — в исступлении закричали индейцы.

— Тогда вперед, братья! — пламенно воскликнул Ортис. — Следуйте за мной! Бог и свобода!

— Бог и свобода! — повторили индейцы, бросаясь за ним.

Церковь мгновенно опустела.

Падре Линарес вышел из ризницы с трудом дотащился до алтаря и распростерся перед ним. Он горячо молился за этих людей, отдающих свою жизнь за святое дело освобождения.

Между тем на Главной площади началось неслыханное сражение, или, вернее, резня. Дон

Рамон присоединился к ранчерос, которые бесстрастно стояли у выходов на улицы и ударами сабель толкали обратно на площадь несчастных, пытавшихся бежать.

Вслед за резней начались пожары. Индейцы в пылу неукротимого бешенства метались с факелами в руках, поджигая свои собственные жилища и издавая крики и вопли. Одним из первых был подожжен дом алькальда. Полузадохшиеся испанские офицеры бросались к дверям, чтобы спастись от пламени, но индейцы тут же безжалостно убивали их.

Один лишь капитан дон Горацио де Бальбоа, тяжело раненный, прорвался сквозь строй преследовавших его индейцев. Он вскочил на лошадь и, бешено вращая саблей, подскакал к группе офицеров.

— А-а! А-а! — злобно смеясь, кричал он. — Я вам это припомню, сеньоры! Если бог поможет мне спастись, я отыграюсь! Я отомщу за эту западню!

— Огонь по негодяю! — вскричал Энкарнасион Ортис.

— Остановитесь! — закричал дон Педро. — Ему осталось жить, может быть лишь несколько минут, чего стоят его бессильные угрозы! Пусть бежит!

— Как вам угодно, сеньор! — насмешливо воскликнул испанец. — Но если кто-нибудь из вас попадется в мои руки, как я сейчас попал в ваши, — пусть не ждет пощады!

— Уезжайте, кабальеро! Прекратите это глупое хвастовство!

— Да, я еду. Прощайте, дон Педро Морено! Вы виноваты меньше других. Прощайте, дон Рамон Очоа, достойный алькальд! Очень сожалею, что не расстрелял вас. Прощайте и вы, дон Энкарнасион Ортис, честный студент-богослов! Клянусь жизнью, я навсегда запомню ваши имена! Будьте вы прокляты!

Он пришпорил лошадь и с поднятой саблей врезался в толпу индейцев, крича диким голосом:

— Дорогу! Дорогу!

Как метеор, промчался он между ранчерос и индейцами, со страху осенявшими себя крестным знаменем, и исчез за углом площади.

— Напрасно вы дали ему ускакать! — с упреком сказал Энкарнасион.

— Быть может… Но он — храбрый солдат, — ответил дон Педро Морено. — Мне хотелось дать ему хоть маленький шанс спастись.

— Он отомстит!

— Во всяком случае, попытается! Ну что же!

Люди, которым угрожают, живут долго.

Дон Педро Морено попытался остановить избиение испанцев; но, увидев, что это не в его силах, собрал свой отряд, приказав ему не вмешиваться в бойню.

Падре Линарес, выйдя из церкви и очутившись на площади, ломал себе руки в отчаянии: во всех этих убийствах он обвинял себя.

— Это не люди! — гневно восклицал он. — Это дикие звери! Зачем же их еще подстрекать к мести! Как бы ни были жестоки испанцы, ничто не может оправдать такую низость, как расправа с беззащитным врагом. Эти презренные люди позорят само понятие святой свободы, во имя которой они якобы сражаются! Сеньоры, хотя бы ценой нашей гибели, надо положить конец этой ужасной бойне!

— Да, да! Идемте, друзья мои! — вскричал и дон Педро. — Это зрелище мне тоже и страшно и отвратительно!

Обнажив сабли и взяв в руки пистолеты, дон Рамон и дон Энкарнасион, в сопровождении падре Линареса, встали во главе отряда.

Энкарнасион Ортис хотел уже двинуться вперед, как вдруг послышались громкие восклицания, крики радости, насколько можно было

судить в этом шуме. Большая толпа индейцев с силой потока, прорывающего плотину, вторглась на площадь. В центре площади индейцы остановились, опустив на землю паланкины, в которых они несли дона Хосе Морена и донью Линду.

Увидев молодую девушку, улыбающуюся, тихую и спокойную в этой рычащей, черной от пороха и красной от крови толпе, Энкарнасион Ортис бросился к ней.

— О боже, Линда, зачем вы здесь? — спросил он ее с ужасом. — Неужели дон Рамон не сдержал своего слова?

— Дон Рамон Очоа — человек чести! — сказал с волнением дон Хосе Морено. — Это я потребовал, чтобы меня доставили сюда!

— В такой момент! Какая неосторожность! — вскрича*1* Энкарнасион.

— Мы ничего не боимся, мой друг, — сказала девушка. — Ведь нас окружают старые и верные слуги.

— Дорогой Энкарнасион, я уйду из деревни только вместе с вами, — добавил дон Хосе Морено.

— В таком случае, ваше желание исполнится очень скоро. Я собираюсь уйти немедленно.

— А вы, падре Линарес? Что вы думаете делать?

Остаетесь ли вы в деревне или идете с нами?

— Ни то, ни другое, сеньоры. После того, что произошло, я не могу оставаться здесь. Мой долг велит мне быть около тех, кто страдает. Завтра я уеду, присоединюсь к армии независимых и надеюсь найти там и вас.

— Возможно, — уклончиво ответил Энкарнасион. — Да хранит вас бог, отец мой!

— Я надеюсь, что бог даст мне силы выполнить трудную задачу, которую я сам возложил на себя.

Во время этого разговора дон Хосе Морено и его дочь сошли с паланкина и сели на поданных им лошадей.

Человек двадцать индейцев, вооруженных ружьями и ножами, тотчас же окружили их.

— А ваша подагра? — спросил Энкарнасион дона Хосе. — Позволит ли она вам ехать верхом?

— Да, друг мой, тем более что перегон будет коротким.

— Тогда в путь!

Квадрилья построилась в боевом порядке, и по команде «Вперед!» всадники перешли на крупную рысь. В центре отряда ехали дон Хосе, его дочь и их слуги.

Второй отряд, примерно в тысячу двести че-

ловек, вооруженный хуже, чем первый, — в сопровождении женщин и детей, — выехал почти одновременно с первым, но с другого конца деревни.

Этот отряд, под командой самого алькальда, состоял из всего работоспособного населения Пасо-дель-Норте; это была настоящая эмиграция.

Оставленная деревня пылала. Оттуда доносились последние вопли испанцев, брошенных без помощи в горящих развалинах.

Ранчерос скакали три часа, направляясь в Охо Люсеро.

Перед восходом солнца, около четырех часов утра, по приказу Энкарнасиона Ортиса, взявшего на себя командование, отряд остановился на берегу маленькой речушки, впадающей в Рио Гранде-Браво-дель-Норте; всадники получили приказ спешиться и накормить лошадей.

Было пройдено шестнадцать или семнадцать лье.

Приблизительно на расстоянии двух ружейных выстрелов от отряда, по левую руку, на небольшой возвышенности, сплошь поросшей лесом, показалась асиенда, выстроенная из тесаных камней. Она была окружена зубчатой стеной, что свидетельствовало о богатстве и знатности

ее владельца.

— Вот именно сюда я хотел вас привести, сеньоры, — сказал дон Хосе.

— А! Вот как! Но где же мы? Начиная от Эль Пасо, мы ехали вслепую, — заметил Энкарнасион Ортис.

— Вы действительно не узнаете местности? — с легким упреком спросил дон Хосе.

— Честное слово, к моему стыду, должен признаться, я не могу вспомнить, бывал ли я в этих краях.

— В таком случае, мой друг, у вас короткая память! Вы не узнаете асиенду де ла Вега?

— Как! — вскричал обрадованный Энкарнасион. — Мы, значит, находимся в де ла Вега?

— Боже мой, конечно! Если сомневаетесь, посмотрите на этих двух всадников, несущихся к нам во весь опор.

— Дон Рамон и дон Педро!

— Это в самом деле они.

— А-ах! — вспомнил Энкарнасион, ударяя себя по лбу. — Я был здесь, правда, но это было так давно!

Дон Хосе улыбнулся и, сопровождаемый Энкарнасионом, двинулся вперед навстречу всадникам.

Дон Педро и дон Рамон, отправившиеся более коротким путем и прибывшие поэтому на час раньше, предупредили управителя асиенды, чтобы он позаботился о еде и напитках для гостей, которых дон Хосе привезет с собой.

Узнав об этом от сына, дон Хосе Морено приветливо обратился к офицерам-инсургентам:

— Кабальеросе и друзья, я надеюсь, вы не нанесете мне оскорбления, проехав мимо этой асиенды, не отдохнув в ней хотя бы несколько минут. Вы так устали сегодня ночью, что должны с открытой душой принять мое приглашение. В моем скромном доме для вас приготовлены и закуски и вино.

— Кузен, — ответил дон Энкарнасион, — от имени всех сердечно вас благодарю за милое гостеприимство, которое вы нам предлагаете. Мы его принимаем тем охотнее, что, говоря откровенно, буквально падаем от голода и усталости.

— В таком случае, кабальеросе, — улыбаясь, ответил дон Хосе, — следуйте за мной, не задерживаясь, чтобы поскорей утолить ваш голод.

Офицеры поклонились в знак признательности.

Расположившуюся лагерем на берегу реки квадрилью оставили под командованием надеж-

ных унтер-офицеров. А командиры направились в асиенду и прибыли туда менее чем через четверть часа.

Во дворе асиенды всадники спешились. Поручив своих лошадей подскочившим пеонам, они по приглашению дона Хосе вошли в громадную столовую. Там заботливым управителем был приготовлен великолепно накрытый стол.

По знаку хозяина все заняли свои места за столом.

Предложенный офицерам обед был вполне достоин такого богатого и гостеприимного человека, каким являлся дон Хосе Морено. К тому же хозяйкой за столом была прелестная донья Линда.

Когда после обеда появились на столе сладости, вина и ликеры (в Мексике во время еды пьют только ледяную воду), дон Хосе жестом удалил из комнаты слуг-пеонов и, подняв наполненный до краев бокал шампанского — вина, почти неизвестного в то время в Центральной Америке, — сказал своим гостям:

— Кабальерос! Предлагаю выпить за мучеников, павших за наше святое дело, и за победу независимости!

Все присутствующие с энтузиазмом чокнулись

и повторили это бриндизи (слова «тост» тогда еще не употребляли).

— А теперь, кабальерос, — продолжал дон Хосе, — позвольте мне поздравить вас с успехом ночной экспедиции! Она была проведена поразительно умно и решительно. Я должен воздать честь за смелое нападение нашему другу Энкарнасиону Ортису…

— Позвольте, кузен! — с горячностью перебил его Энкарнасион. — Наш успех в этом деле вовсе не является результатом только моей ловкости или решительности! Все дело в необычайной храбрости, распорядительности и безграничной самоотверженности дона Рамона Очоа! Это он все сделал!

— Только благодаря вашему мужественному содействию, дон Энкарнасион! — ответил алькальд, поклонившись. — Без вас мои намерения не могли бы быть осуществлены.

— В общем, вы оба, кабальерос, оказали важную услугу родине. Вы даже не можете себе представить, какую значительную роль в борьбе за свободу играет взятие Пасо-дель-Норте! Любой ценой необходимо помешать испанцам вновь занять этот пункт!

— Но, я думаю, вряд ли у них появится эта

мысль, — сказал дон Рамон. — Ведь капитан Бальбоа — просто-напросто бандит, а вовсе не солдат. По-моему, его вторжение в деревню носило не политический характер, а только грабительский. Это было видно с самого начала.

— Вполне возможно. И все же от этого положение Пасо-дель-Норте не становится для нас менее важным. Ведь именно по Рио Браво-дель-Норте доставляют необходимые оружие и боевые припасы, которые американские купцы везут нам через пустыню.

— Вы правы. Впрочем, нет ничего проще, чем занять деревню сильным отрядом и отбить у испанцев всякое желание вернуться туда, — сказал дон Рамон. — Я лично займусь этим.

— Прекрасно! А теперь, кабальерос, выпьем последний бокал на прощание — ведь мы расстаемся!

— Как, вы не хотите ехать с нами, сеньор Хосе? — воскликнули офицеры.

— Нет, кабальерос, это невозможно. Дон Энкарнасион Ортис знает причину моего решения. Но я надеюсь, что в самом скором времени мы соединимся, и тогда уже надолго!

— Вы хотите остаться один на этой асиенде, ваша милость? — спросил его дон Рамон.

— Ни в коем случае! Карамба! Наоборот, я еду одновременно с вами, но, по всей вероятности, наши пути разойдутся, если, как я предполагаю, вы остаетесь в этой области.

— Вы угадали, ваша милость. Как раз несколько дней назад я получил приказ главнокомандующего сформировать партизанскую квадрилью и остаться в штате Чиуауа для охраны его безопасности.

— А я направляюсь в штат Керетаро. Вам, конечно, известно, кабальерос, что там собирается Национальный конгресс?

— Будьте осторожны, дон Хосе! Дорога от Чиуауа до Керетаро длинная, — сказал дон Рамон. — Вы рискуете не добраться до цели вашего путешествия. Ведь вам придется пересекать враждебные штаты, куда стянуты все испанские войска.

— Знаю. К несчастью, какие бы опасности ни грозили мне в пути, я вынужден ехать. Эту поездку нельзя отменить. Я хочу сделать нашему правительству некоторые предложения, и только один конгресс может либо принять, либо отклонить их.

— Ну, раз это так и ничто не может вас разубедить, разрешите мне, кузен, передать в ваше распоряжение двести всадников. Они будут охра-

нять вас во время вашего путешествия, — сказал Энкарнасион Ортис.

— Вы просто угадали мои желания, мой добрый друг! Не потому, что я хотел бы путешествовать в такой многочисленной компании, отнюдь нет. Но Линда будет ожидать меня здесь, в асиенде де ла Вега, и я счастлив воспользоваться вашим любезным предложением, чтобы оградить асиенду от возможного нападения. Оставьте мне сто человек, и пусть они, под наблюдением моего сына, дона Педро, послужат охраной доньи Линды. Энкарнасион нахмурился.

— Вы совершаете ошибку, дон Хосе, — сказал он. — Как бы ни была укреплена эта асиенда, все равно в случае нападения она будет легко взята.

— Мое путешествие должно быть проделано в очень короткий срок — Линда не может вынести трудности такой дороги. Жестокий урок, который испанцы получили этой ночью, сделает их менее дерзкими, — так я надеюсь. К тому же, не считая ваших ранчерос, здесь находится около шестидесяти преданных и хорошо вооруженных пеонов. И если даже враг осмелится подойти к нашим воротам, то здесь хватит сил для того, чтобы дать ему отпор.

— Я не вполне разделяю ваше мнение, сеньор,

но не могу себе позволить больше спорить с вами. Ведь вы гораздо лучше меня знаете, как нужно действовать в таких обстоятельствах.

Вскоре все встали из-за стола. Часом позже дон Рамон распрощался с гостями, обнял Энкарнасиона и дона Педро, сердечно пожал руку дону Хосе, вскочил на лошадь и покинул асиенду, чтобы вернуться к своей квадрилье.

Квадрилья быстро выстроилась, без промедления двинулась в путь и вскоре исчезла вдали.

Дон Энкарнасион был грустен.

— Что с вами? — спросил его дон Хосе. Сначала Энкарнасион уклонился от прямого ответа.

— Ничего особенного, — сказал он.

Но какая-то тайная мысль его мучила, и он решился признаться:

— Я не могу вам в точности сказать, почему, но меня гнетет мысль, что происшествия сегодняшенй ночи — только пролог к событиям, гораздо более страшным. Какое было бы для меня счастье, если бы со мной был человек, которого я люблю как брата и от которого у меня никогда не было тайн!

— Вы говорите о доне Луисе Морене, не правда ли? Я сам быд удивлен, не увидя его около вас. Где он?

— В секретной экспедиции. И все же я уверен, что вы его скоро увидите. Если мои предчувствия сбудутся, я пошлю за ним гонца.

IX. Квадрилья

Оставим на время окрестности Пасо-дель-Норте (хотя нам придется туда вскоре вернуться) и представим нашему читателю новое лицо, которому суждено играть одну из первых ролей в этой истории.

Около восьми часов вечера, то есть когда тьма уже поглотила последний сумеречный свет и почти мгновенно озарилась бледным сиянием звезд, многочисленный отряд прекрасно вооруженных всадников, мчавшихся на сильных лошадях меж двух высоких гор, выскочил галопом из ущелья и очутился на восточном берегу Рио Гранде-дель-Норте.

Всадник, несшийся впереди отряда, проскакал до самого берега и остановился только тогда, когда желтоватая вода Рио Гранде покрыла копыта его лошади. Лошадь фыркнула и резко попятилась.

Наездник беспокойно посмотрел на окружающую его сильно пересеченную местность. Все

сгущавшаяся темнота мешала ему что-либо увидеть, и он, отказавшись от этого, погрузился в глубокие и печальные размышления.

Вскоре вслед за ним подъехали остальные всадники и выстроились, безмолвные и неподвижные, вблизи своего командира.

Молчаливый, мрачный, он, казалось, не заметил их появления.

Но такое положение не могло долго продолжаться: люди и лошади, измученные долгим переходом через пустыню, нуждались в отдыхе.

Один из всадников, по-видимому младший офицер, отделился от своих спутников, приблизился к командиру и, почтительно поклонившись, сказал:

— Кабальеро, имею честь заметить вашей милости, что квадрилья ждет приказаний о ночевке.

Выведенный из своей задумчивости этими словами, хотя и облеченными в изысканно-вежливую форму, всадник, вздрогнув, резким движением поднял голову и хмуро спросил:

— Что вам угодно, дон Кристобаль?

Дон Кристобаль, как бы не заметив его резкого тона, снова поклонился, еще ниже, чем в первый раз, и бесстрастно повторил свою фразу.

— А! Верно, — ответил всадник. — Я не подумал об этом. Прошу извинить меня. Кстати, скажите мне, в котором часу всходит луна в это время года?

Несколько удивленный дон Кристобаль не сразу нашелся что ответить. Но так как он, видимо, привык к эксцентричной манере своего собеседника, то быстро обрел свое хладнокровие и ответил:

— В одиннадцать часов, ваша милость.

Всадник вынул из-за пояса великолепные часы, но темнота мешала ему разглядеть циферблат, поэтому он заставил их звонить.

— Девять часов. У нас есть время. Это хорошо.

Дон Кристобаль одобрительно поклонился, хотя и ничего не понял из слов всадника.

— Кстати, — небрежно сказал тот, пряча часы, — вы спрашивали моего распоряжения о стоянке, дорогой дон Кристобаль?

— Да, ваша милость.

— Это проще всего. Вы знаете страну лучше, чем я, поэтому позаботьтесь о стоянке сами, действуйте по вашему усмотрению.

Дон Кристобаль удовлетворенно улыбнулся и присоединился к ожидавшим его всадникам, по-прежнему стоявшим неподвижно подобно

статуям.

Он занял место во главе отряда и приказал ему двигаться по берегу реки.

Некоторое время спустя он вывел отряд на покрытую густой зарослью узкую полоску земли, которая глубоко вдавалась в русло реки.

Это место было превосходно выбрано для ночной стоянки, так как оно ограждало и от нападения диких зверей, и от возможного набега краснокожих.

По приказу дона Кристобаля всадники спешились и в одно мгновение, с ловкостью людей, привыкших к жизни в пустыне, разбили лагерь, зажгли костры, дали лошадям маис на разостланных серапе и приготовили ужин, в котором они основательно нуждались.

Эти люди (их было приблизительно триста пятьдесят человек), атлетически сложенные, с выразительными лицами и воинственными привычками, были одеты в живописные костюмы ранчерос: закругленная снизу куртка, обшитые золотым галуном бархатные штаны, обтягивающие ноги гамаши из оленьей кожи, башмаки с медными шпорами, инкрустированными серебром и украшенными колесиками, диаметр которых достигал шести дюймов. Особенностью,

по которой сразу можно было узнать, что это — независимые, или мексиканские инсургенты, были их широкополые шляпы с серебряным галуном, украшенные иконками с аляповатым изображением Гваделупской божьей матери. Мексиканские инсургенты с наивной и трогательной верой, составлявшей сущность их характера, считали ее своей покровительницей.

В момент, когда они кончили ужин и закурили сигареты — обязательный десерт после каждой еды у мексиканцев, — всадник, которого мы оставили на берегу реки, появился в лагере. Он передал ранчеро своего коня, сделал знак дону Кристобалю следовать за ним и сел вдали на обломке скалы, где специально для него зажгли костер.

Примечательно, что офицер, занимавший такое высокое положение, был очень молод — ему едва минул двадцатый год. Правда, он выглядел старше своих лет. Он был красив, взгляд его блестящих голубых глаз под изогнутыми густыми бровями был тверд и прям; кончики тонких белокурых усов, приподнимаясь, открывали линию волевого рта; густые светлые волосы, выбивавшиеся из-под полей шляпы, падали шелковистыми прядями на его плечи.

История этого юноши была проста и печальна, мы расскажем ее в нескольких словах.

Жан Луис Пьер Морен, которого обычно звали Луис Морен или дон Луис, родился в 1795 году в большом городе одной из южных провинций Франции, в семье, принадлежавшей к кругу высокопоставленной буржуазии; многие члены этой семьи прославились впоследствии в самых различных должностях.

Получив отличное образование, он благодаря высокому положению своей семьи уже шестнадцати лет был назначен казначеем Монетного двора — место, которое он занимал в 1815 году. Во время реставрации Бурбонов он лишился своей службы после недостойного и ложного доноса на него.

Пылкий Луис Морен был потрясен несправедливостью, жертвой которой он стал. Он твердо решил бежать и как можно скорей из страны, где его не признали и где поэтому его ничто больше не удерживало. Он сел на корабль, идущий в Соединенные Штаты.

В чужой стране, без друзей, без знакомств, почти без средств, он попал в тяжелое положение. Тщетно в течение нескольких месяцев он искал службы, которая могла бы его прокормить. Тут

случай привел его в Новый Орлеан, где находился Хавьер Мина, племянник знаменитого Мина[110]. При первой же встрече эти два выдающихся человека мгновенно поняли и оценили друг друга.

Мина покинул Испанию, где мирная жизнь не давала выхода его клокочущей энергии. Он приехал в Соединенные Штаты с целью организовать военную экспедицию и помочь мексиканским инсургентам. Уже в Норфолке и Балтиморе Мина завербовал много сторонников. Приготовления к задуманной смелой попытке привели его в Новый Орлеан.

Луис Морен с радостью согласился участвовать в экспедиции и вместе с Мина высадился в Сото ла Марина. Услуги, оказанные молодым французом делу независимости в течение короткого (шестимесячного) блестящего похода, так несчастливо закончившегося неожиданным нападением на ранчо дель Венадито, были оценены по достоинству революционным конгрессом: несмотря на свою молодость, Луис получил звание полковника.

Молодой офицер, рискуя жизнью, тщетно пы-

[110] Примечания: 110

Франсиско Эспос— и— Мина — испанский генерал (1782— 1836). Отважно сражался всю жизнь на стороне испанских либералов против короля Фердинанда VII, стремившегося к восстановлению абсолютизма.

тался спасти своего начальника; его усилия не привели ни к чему, и несчастный Мина был расстрелян испанцами.

От катастрофы до того момента, когда мы познакомились с полковником доном Луисом Мореном, остановившимся со своим отрядом в триста пятьдесят человек на восточном берегу Рио Гранде-дель-Норте, прошло два месяца…

После паузы, которую мексиканец не решался нарушить, полковник поднял голову, повернулся к своему подчиненному и положил ему руку на плечо.

— Мне показалось, дон Кристобаль, — улыбаясь, сказал он, — что наши ранчерос устали. Может быть, они раздумали следовать за мной?

— Они? Ваша милость! — вскричал пораженный Кристобаль. — Они так преданы вам! Что заставило вас предположить это?

— Право, только ваша необычная настойчивость и замешательство в разговоре со мной — там, на берегу.

— Нет, нет, ваша милость, вы ошибаетесь! И я и храбрые ранчерос готовы для вас на все! — горячо воскликнул дон Кристобаль; он действительно боготворил своего начальника. — Если я позволил себе прервать ваши размышления, то только

потому, что становилось поздно, люди были голодны, а лошади не могли больше двигаться.

— И это все, мой дорогой дон Кристобаль? — спросил дон Луис, пытливо глядя на него.

— Да, клянусь честью, полковник!

— Я вам верю, мой друг. Оставим это и поговорим о наших делах. Вы уверены, что эти пять дней ведете нас верной дорогой?

— Ваша милость, — с тонкой улыбкой ответил дон Кристобаль, — разрешите мне напомнить вам, что я был охотником и гамбусино, прежде чем стал инсургентом. Это значит, что я знаю пустыню в совершенстве и могу днем и ночью пересечь ее, не боясь заблудиться.

— Меня успокаивает ваша уверенность, дорогой друг. А сейчас, пожалуйста, объясните мне: скоро ли мы доедем до Нориас де Охо-Люсеро? Вы, конечно, знаете, что это и есть конечная цель нашего путешествия.

— Ваша милость, мы могли уже давно быть там, если бы вы не выразили желания дождаться в дороге каких-то известий.

— Это верно. Я забыл об этом, дорогой Кристобаль. Но теперь это уже безразлично. Какое расстояние сейчас нас разделяет?

— Семнадцать лье, ваша милость.

— Прекрасно! Это дело одного перехода, не больше.

— Да, но хорошего перехода! Хотя, если мы выедем в полночь, при луне, мы можем доехать до наступления сильной жары.

— Эти нориас[111] находятся на индейской территории, не правда ли?

— Извините меня, ваша милость, — наоборот, они находятся в центре христианских владений. Простите меня за смелость, но каким образом вы должны получить ожидаемые сведения?

— Очень просто: через гонца-индейца. Меня уверили, что этот человек предан делу независимости.

Несмотря на глубокое уважение, которое дон Кристобаль питал к своему начальнику, он с сомнением покачал головой:

— Поверьте мне, ваша милость, я знаю индейцев лучше, чем вы, — они преданы только самим себе и вину.

— За этого индейца мне поручились.

— Дай бог, чтобы вы не ошиблись, ваша милость. Для меня, сына страны, индеец всегда предатель.

---

[111] Примечания: 111
Нориас (исп.) — колодцы.

В это мгновение в двух шагах от собеседников ветки кустарника, не производя ни малейшего шума, резко раздвинулись, и какой-то человек, прыгнув как ягуар, очутился перед ними.

При этом внезапном появлении офицеры вскочили с места, выхватив сабли.

Незнакомец бесстрастно вытянул во всю длину правую руку с открытой кистью, ладонью вверх — по индейскому обычаю, и произнес гортанным голосом:

— Амиго де ла индепенденсиа[112].

[112] Примечания: 112

Амиго де ла индепенденсиа (исп.) — друг независимости.

После этого он скрестил руки на груди и гордо поднял голову, застыв в позе ожидания, как бы не замечая враждебных действий офицеров.

Полковник пристально посмотрел на индейца и сказал офицеру:

— Думаю, что это и есть гонец, которого я жду.

— Возможно, — сдержанно ответил дон Кристобаль. — Ваша милость может его расспросить — ведь это ни к чему не обязывает.

— Это я и намерен сделать.

X. Гонец

Стоит, несомненно, отметить следующий интересный факт: полное и резкое различие, существующее между людьми одной расы — цивилизованными индейцами, так называемыми мансос, и непокоренными, или бравос.

Первые, подпав под сильное влияние отцов-иезуитов, бывших миссионерами в Америке, со временем невольно подчинились требованиям и дисциплине цивилизации, абсолютно противоречащей их природным инстинктам и желаниям. Они, конечно, не были способны понять ее, но, не одобряя в душе, внешне ее приняли. Кончилось это тем, что мансос, потеряв свой истинный

характер, приобрели новый, являвшийся как бы тонким слоем лака, наведенным на их природное невежество и стиравшимся мгновенно при первом соприкосновении с жизнью в пустыне.

Так и случилось, когда впоследствии в Мексике были уничтожены миссии. Едва привыкнув к спокойной оседлой жизни — а к ней так долго их старались приучить, — индейцы, вырвавшись из-под тяжелого гнета, все без исключения вернулись к прежнему образу жизни, забыв в несколько месяцев то, чему их учили столько лет!

В противоположность индейцам мансос — непокоренные, или бравос, сохранили свою свободу с первых же дней появления в стране испанцев. Презирая цивилизацию, которую они считали синонимом коварного ограбления, рабства и мучений, бравос сохраняли быт, существовавший до открытия Америки. Фанатики свободы, смелые и гордые, они возненавидели белых, чувствуя в них беспощадных врагов мексиканской расы.

***

Неизвестный, так неожиданно возникший перед двумя офицерами, был индеец браво. Он

заслуживает особого описания.

Молодой человек, пожалуй не достигший еще середины жизни (хотя возраст индейца очень трудно определить), высокий, почти гигант, он обладал, по-видимому, сверхъестественной силой, подвижностью и необычайной гибкостью. Он мог бы служить образцом индейской красоты: у него был высокий, широкий лоб, густые брови, черные, глубокие, как ночь, глаза, довольно большой рот с ослепительно белыми зубами. Лицо его выражало одновременно гордость, мужество, ум и хитрость. Это был законченный тип мексиканской расы.

Одеяние его было более чем просто: длинная рубаха из голубого коленкора, стянутая на бедрах поясом из недубленой оленьей кожи; штаны из той же материи, что и рубаха, спускавшиеся немного ниже колен; мокасины, украшенные стеклянными бусами и иглами дикобраза, предохранявшие при ходьбе ступни и часть ног. Голова индейца была не покрыта; иссиня-черные волосы, разделенные на пробор и стянутые на лбу куском змеиной кожи, падали в беспорядке на плечи. Сумка из пергамента, так называемая медицинская, со съестными припасами была переброшена подобно перевязи с правого плеча

на левый бок. В руках он держал толстую суковатую палку. Кроме ножа, на нем не было никакого оружия — по крайней мере, не было видно.

Полковник, впервые встретивший такой великолепный образец племени краснокожих, разглядывал индейца со смешанным чувством удивления и восхищения. Потом он знаком велел дону Кристобалю приступить к допросу. Совсем не так легко, как это кажется, заставить краснокожего говорить. Полковнику это было известно, и он даже не делал попыток в этом направлении. Он решил вступить в разговор позже, если будет необходимость.

— Мы рады видеть тебя, Хосе[113], — сказал дон Кристобаль. — Но почему ты бродишь так поздно? Солнце уже село, ты давно должен был бы спать. Откуда ты явился?

Индеец вместо ответа пожал плечами.

— Ты что, не слышишь меня, плут? — спросил дон Кристобаль.

— Вождь команчей, слышал дрозда-пересмешника, который повторяет слова, не понимая их! — сказал презрительно индеец своим гортанным голосом. — Вождь не называет себя Хосе.

---

[113] Примечания: 113

Обычно в Мексике этим именем называют индейцев мансос.

Так называют его гачупины, которых вождь обманывает. Краснокожие братья называют вождя Мос-хо-ке. А бледнолицые, если они друзья вождя, называют его Великий Бобр.

Медленно, высокомерно процедив эти слова, индеец вскинул голову и устремил на офицера огненный взгляд.

Тон и поведение дона Кристобаля мгновенно изменились. Он быстро поднялся и сердечно приветствовал индейца.

— Пусть мой брат простит меня! — сказал он. — Я не ожидал такой чести. Я не знал, что говорю с вождем — таким мудрым, с воином — таким знаменитым! Ведь я встречаюсь с ним в первый раз! Пусть брат мой займет место рядом со мной и выкурит трубку мира.

Индеец с улыбкой выслушал слова мексиканца, но легким движением головы отклонил его предложение.

— Великий Бобр, — сказал он высокопарно, — шел много дней, чтобы соединиться с молодым вождем, рожденным по другую сторону большого соленого озера. Он дал слово не отдыхать, пока не встретит его. Великий Бобр — вождь, он исполнит свое обещание.

— О каком молодом вожде вы говорите, во-

ин? — спросил дон Луис, вмешиваясь наконец в разговор.

— Я говорю о том вожде, который был при бледнолицем начальнике, убитом гачупинами и носившем имя Мина.

— Если это так, вождь, — сказал полковник, приблизившись к индейцу, — ваше путешествие закончено. Человек, которого вы ищете, — перед вами.

— Пусть мой брат докажет это.

— Я это сделаю очень легко, если вы именно тот человек, которого я ожидаю, — сказал полковник, вопросительно поглядев на индейца.

Краснокожий молча отступил на шаг, поднял руки к груди, раскрыл рубаху и снял с шеи кожаный мешочек, висевший на нитке, сплетенной из волокон алоэ. Потом ножом срезал эту нитку, открыл мешочек, вынул из него вчетверо сложенную бумагу, развернул и подал полковнику. Тот при свете костра рассмотрел ее самым тщательным образом. Это было грубо раскрашенное изображение Гваделупской божьей матери. Один угол бумаги был неровно надорван, и как будто случайно венец и лицо богоматери были проколоты иглой в семи местах. Но, видимо, именно эти причудливо разбросанные уколы послужили

для молодого человека ясным подтверждением сказанного. С удовлетворенным видом он достал из своей сумки точно такую же бумагу и протянул ее индейцу вместе с первой.

Вождю команчей потребовался один молниеносный взгляд, для того чтобы увериться в полном тождестве изображений. Его лицо, до этого холодное и суровое, мгновенно просияло. Он почтительно склонился перед полковником и, передав ему свою палку, вкрадчиво сказал:

— О! Я вижу, что брат мой — действительно тот молодой человек, которого я ищу. Мое путешествие закончилось счастливо. Пусть брат мой возьмет эту палку! Отныне она мне не нужна.

Дон Луис, плохо знакомый с нравами краснокожих, взял палку, не придавая никакого значения словам индейца.

— С какого же времени брат мой Великий Бобр идет по моим следам? — спросил он.

— Луне было два дня, когда белые вожди призвали Великого Бобра и поручили ему пойти на розыски Пламенного Глаза, — сказал вождь команчей. Со свойственной индейцам поэтичностью, он тут же дал это прозвище голубоглазому французу.

— Ах, так! Значит, брат мой шел семь дней!

Индеец улыбнулся.

— Луна, которая нас освещает, уже гаснет, — ответил он. — Пусть молодой вождь прибавит к этой луне и прошедшую — тогда он узнает точное число дней, которые прошел Великий Бобр, не отдохнув ни разу до этой минуты, хотя силы его истощены.

— Как? Мой брат шел, не останавливаясь, тридцать пять дней?! — изумленно вскричал молодой человек.

— У Великого Бобра было очень много дел.

— Но Великий Бобр их выполнил, конечно?

— Выполнил все, — поклонившись, сказал индеец.

— А что теперь будет делать Великий Бобр?

— Он останется с Пламенным Глазом и будет исполнять его приказания. Так пожелало Собрание мудрейших бледнолицых.

— У вас, значит, ко мне есть поручение от них?

— Пусть брат мой Пламенный Глаз бросит взгляд на ожерелье — тогда станет известно все, что он хочет знать, — сказал индеец, слегка улыбаясь.

— Что он хочет сказать этим словом «ожерелье»? — спросил заинтригованный полковник у дона Кристобаля.

— Ну да, ведь вы еще не знаете индейских выражений! — смеясь, ответил тот. — У них это обозначает «письма». Дело в том, что индейцы пользуются в качестве писем нанизанными на нитку разноцветными бусами.

— Прекрасно! Но я не получал никаких писем, я только жду их.

— Вы слышите, вождь, что говорит полковник? — спросил дон Кристобаль у индейца.

— Уши Великого Бобра открыты, он слышит, — ответил индеец.

— Что же вы нам ответите, вождь? Отвечайте ясно, как подобает вождю, — положение очень серьезно.

— Множество гачупинов на дороге войны, — сказал индеец. Он стоял, положив руку на сердце, с неописуемым выражением торжества на лице. — Тамариндос еще больше… Великий Бобр много раз был схвачен ими и подвергался обыску. Но Великий Бобр — мудрый вождь, все в племени знают его. Тамариндос не удалось найти ожерелья, как они ни старались!

— Значит, оно у вас? — быстро вскричал полковник.

— Оно у меня было несколько минут назад. Но сейчас оно в руках Пламенного Глаза.

— У меня? Но вы мне ничего не передавали, воин! — раздраженно сказал полковник. — Вы просто хотите пошутить!

— Военный вождь не может лгать. Команчи — мужчины! У Великого Бобра язык не раздвоенный. Если он говорит, то только правду! — напыщенно произнес краснокожий.

— Всемогущий боже! — нетерпеливо вскричал молодой человек. — Я повторяю: вы ошибаетесь, вы ничего мне не передавали! Дон Кристобаль это может подтвердить…

— Прошу прощения, ваша милость, — прервал его дон Кристобаль. — Вы незнакомы с нравами индейцев. Вы сами сказали, что это первый индеец, встреченный вами. У них бывают иногда совершенно необъяснимые поступки. Позвольте, я разберусь в этом. Этот краснокожий — безусловно человек известный, он не будет лгать. Тут явное недоразумение. Надо это выяснить.

Полковник засмеялся:

— Ну, знаете, дорогой мой, если вам удастся убедить меня, что он передал мне эти письма, я скажу, что вы чрезвычайно ловки!

— Посмотрим. Может быть, мне это удастся гораздо легче, чем вы думаете. Вы разрешите, ваша милость?

— Я даю вам неограниченные полномочия, дорогой дон Кристобаль. Попытайтесь!

Краснокожий бесстрастно смотрел на огонек своей трубки и не обращал ни малейшего внимания на разговор офицеров.

После короткой паузы дон Кристобаль сказал:

— Индейцы не похожи на всех людей, сеньор, они ничего не делают и не говорят без значения. Каждое их слово, каждое малейшее движение имеет определенный смысл… Что у вас в руках?

— Да вы же видите — это его палка.

— Эту палку он вам дал?

— Да, но…

— Подождите! — живо сказал дон Кристобаль. — Ведь, передавая ее, индеец вам сказал, что эта палка больше ему не нужна, так как путешествие его кончилось.

— Да, он сказал это. Но все равно — какая же связь между этой палкой и письмами, которые…

— Ну, вот что: или я ошибаюсь, или эта палка содержит то, что вы ищете. Сломайте ее, сеньор! Вы увидите, прав ли я.

Полковник не заставил себя просить дважды: он взял палку обеими руками и разломал ее ударом по колену на две части. Палка была выдолблена во всю длину, и в ней были скрыты

тщательно свернутые бумаги. Свертки эти тут же выпали на траву.

— Ну, что вы скажете? Я был прав! — торжествующе вскричал дон Кристобаль.

Индеец вытащил из своей сумки кусок окоте[114], зажег его и воткнул в землю.

— Вот вам факел, читайте, — сказал он полковнику.

Дон Кристобаль, по предложению полковника, присоединился к своим товарищам и, укрывшись плащом, уснул крепким сном.

Во всем лагере бодрствовали только три человека: караульный, обязанный стоять на часах, индеец, сидевший на корточках перед костром с трубкой во рту, положив локти на колени и подперев голову руками, и полковник, внимательно читавший депеши.

Прочитав, он тщательно сложил их в свой бумажник, провел рукой по лбу, как бы желая стереть тяжелые мысли, потом резко обернулся к индейцу и пристально посмотрел на него.

— Пламенный Глаз хочет мне что-то сказать? — спросил краснокожий, настороженно оглядевшись вокруг. — Пусть он раньше выслушает

---

[114] Примечания: 114
Окоте (исп.) — мексиканская сосна.

вождя. Сейчас, когда все уши закрыты, Великий Бобр должен передать ему слова одного друга.

— Говорите, вождь, я слушаю вас с большим вниманием, — сказал молодой человек.

Индеец поднялся, сделал круг, как бы проверяя, что никто не сможет подслушать, затем, успокоенный своими наблюдениями, опять занял место перед огнем.

— Вот что сказал друг Пламенного Глаза, — прошептал он: — «Я потерял половину моей души, любимая девушка исчезла, неужели мой друг покинет меня в горе?»

— Кто велел вам передать мне эти слова, вождь? — возбужденно сказал дон Луис.

— Брат мой пылок, он любит своего друга, это хорошо, — все так же бесстрастно сказал индеец. — Великий Бобр тоже любит Энкарнасиона Ортиса. Это храбрый воин, гачупины его очень боятся. Великий Бобр поможет Пламенному Глазу выручить из беды Энкарнасиона Ортиса.

— Вы говорили об Энкарнасионе Ортисе?! Во имя неба, вождь, не скрывайте от меня ничего! С ним случилось несчастье?

— Пусть он сам все расскажет бледнолицему вождю. Великий Бобр — всего-навсего невежественный краснокожий, у него во рту нет языка

белых, и он не умеет говорить и объяснять, как белые.

Предыдущий разговор очень ясно показал, что расспрашивать индейца, когда он не хочет отвечать, бесполезно. Поэтому полковник, несмотря на тревогу и волнение, решил не продолжать разговора, — по крайней мере, явно. Он предпочел отвлечь внимание индейца и потом незаметно вернуться к этому вопросу.

Он принял самый безразличный вид, на который только был способен, и спросил:

— Итак, Собрание направило вождя команчей, с тем чтобы он меня проводил до места соединения?

— Великий Бобр согласился это сделать, и он сделает.

— Благодарю вас, вождь. Я рассчитываю на то, что вы хорошо знаете страну и поведете нас самым коротким путем.

— Птицы летят прямо — так же ходит Великий Бобр, когда он на тропе войны.

— Скажите мне, вождь, среди белых воинов, которых мы встретим, будет и Энкарнасион Ортис?

— Энкарнасион Ортис придет туда. Пламенный Глаз его увидит.

— Отдохнули ли вы настолько, вождь, чтобы

сейчас же пуститься в дорогу?

Вождь команчей презрительно усмехнулся и, затянув свой пояс, который, садясь, он немного распустил, сказал:

— Великий Бобр не знает усталости. Если этого требует долг, ничто не может его остановить.

— Если так, мы сейчас же идем. Время уже за полночь, лошади и люди отдохнули, нас здесь ничто больше не задерживает.

— Я готов. Пусть Пламенный Глаз приказывает, он — начальник Великого Бобра.

Полковник сразу встал, разбудил дона Кристобаля и приказал ему приготовиться к отъезду и поднять ранчерос.

Бедняги не чувствовали ног от усталости, когда приехали на стоянку, поэтому они ей очень обрадовались.

Тем не менее сейчас, когда им пришлось встать и седлать лошадей, они не позволили себе выразить даже тени неудовольствия: они понимали, что только очень важный повод принудил их начальника внезапно пуститься снова в путь и именно тогда, когда они так великолепно уснули.

Спустя полчаса ранчерос, следуя за Великим Бобром, покинули свою стоянку и тихо спусти-

лись с крутого откоса, держа под уздцы лошадей. Попав на равнину, они вскочили в седла и поскакали галопом.

В ночной тьме они напоминали фантастических черных всадников, немых и страшных, которые, по преданию скандинавской легенды, блуждают холодными и туманными зимними ночами в вековых лесах Норвегии.

XI. Столкновение

Ночь была темной, духота невыносимой; по небу медленно двигались тучи; в воздухе с нестерпимым жужжанием кружились мириады москитов; беспричинно трещали ветви деревьев; в тишине возникали таинственные шорохи; по временам с унылым шумом на листья падали крупные капли дождя, — все в природе предвещало приближающуюся грозу.

Всадники угрюмо продвигались вперед, с трудом управляя усталыми лошадьми, на каждом шагу спотыкавшимися о придорожные камни.

И только Великий Бобр шел непринужденно и уверенно, как будто дорога была освещена солнцем; он ни разу не остановился, ни разу не заколебался; иногда только касался ладонью коры

деревьев, — ему было достаточно этого легкого прикосновения, чтобы в полной тьме убедиться в правильности выбранного пути.

Бывало, что отряду преграждали дорогу ручьи, но каждый раз проводник с удивительной точностью останавливался как раз возле брода, и ранчерос легко переходили через водные потоки.

Собиравшаяся ночью гроза так и не разразилась; к утру небо прояснилось, поднялся ветер; он освежил раскаленный воздух. К ранчерос вернулась уверенность, они выпрямились в седлах и, забыв о былой усталости, тихо обменивались веселыми словечками.

Дон Луис и дон Кристобаль ехали бок о бок с проводником; последний невольно поддался обаянию дона Луиса. Он постепенно сбросил с себя надменность, свойственную индейцам, и начал разговаривать и смеяться, как будто находился среди старых друзей.

Таким образом, в полном согласии ранчерос продолжали свой поход; и хотя дон Луис, конечно, ждал с большим нетерпением встречи со своими друзьями, все же примерно в девять часов утра он решил сделать привал на несколько часов.

Надо было переждать наиболее жаркое время

дня, дать всадникам отдых, восстановить их силы, израсходованные в течение нескольких дней тяжелого перехода.

По приказу дона Кристобаля отряд разбил лагерь на берегу Рио Браво-дель-Норте у брода, найденного проводником.

Этот брод находился немного выше Пасо-дель-Норте. Полковник, не зная о событиях, происшедших в последнее время, собирался привести свой отряд именно туда или, по крайней мере, в окрестности деревни, рассчитывая встретить там своих друзей.

Для привала на несколько часов место было выбрано прекрасно.

Высокие ветви деревьев давали благодатную тень; зеленая густая трава как бы предлагала мягкую постель для сна. Ранчерос расседлали своих лошадей, дали им маису и, выполнив этот долг, подумали о себе. Каждый устроился с возможными удобствами — разложили на траве съестные припасы и весело позавтракали.

Дон Луис, дон Кристобаль и Великий Бобр расположились для завтрака в некотором отдалении от всего отряда. Великий Бобр был очень польщен приглашением полковника, он считал это большой честью для себя.

Скромный завтрак состоял из маисовых лепешек, куска жареной дичи, ягод, собранных дорогой, и стакана каталонского вина. Но эта еда была приправлена острейшей из всех приправ — хорошим аппетитом. В этом случае самые безвкусные блюда кажутся превосходными.

После обеда и неизменной сигареты каждый устроился поудобнее, желая выспаться; только проводник поднялся и затянул пояс, как бы готовясь удалиться. Полковник его задержал.

— Вы разве не собираетесь отдохнуть, вождь? — спросил он.

— Нет, — ответил индеец, — Великий Бобр будет бодрствовать. Он обещал другу Пламенного Глаза доставить молодого начальника живым и невредимым.

— Брагодарю вас, вождь, за вашу самоотверженность, но, по-моему, она излишня в данный момент. Достаточно наших часовых, чтобы охранять нас.

— Великий Бобр отправится на охоту — раздобыть ужин — и в то же время просмотрит дорогу. Это его долг.

— Как вам угодно, вождь. Что касается меня, то мои глаза слипаются. Я очень хочу спать!

— Хорошо! Пусть сон восстановит силы мое-

го брата. Мос-хо-ке возвратится, когда солнце удлинит тень больших деревьев до линии воды в реке.

— Хорошо, вождь. Однако не удаляйтесь на большое расстояние.

Гонец молча улыбнулся и направился к броду. Ранчерос наблюдали, как он переходил реку, — вода доходила ему до пояса.

Полковник распорядился дать индейцу лошадь, но он предпочел отказаться он нее, считая, видимо, что так лучше пойти по следу, если он встретится на его пути.

За исключением кое-где расставленных часовых, все ранчерос беззаботно спали.

Около трех часов пополудни полковник почувствовал легкое прикосновение руки к его плечу. Этого было достаточно, чтобы молодой человек моментально открыл глаза и вскочил на ноги.

Мос-хо-ке стоял неподвижно перед ним; у ног его лежали пекари — трофеи охоты.

— А-а! Это вы, вождь! — зевая, сказал полковник. — Вы считаете, что уже пора отправляться?

Не говоря ни слова, индеец показал на солнце, которое медленно опускалось на горизонте.

— Это верно, вы точны. Спасибо! Я распоряжусь, чтобы дали сигнал седлать лошадей.

Проводник остановил его.

— Нет, — сказал он, — в лесу слишком много открытых ушей.

— Вы чего-то опасаетесь, вождь?

— Опасность приходит всегда, когда ее не ждут. На дорогах войны осторожность необходима. Великий Бобр предупреждает, чтобы ружья бледнолицых друзей были заряжены.

— Они всегда заряжены.

— Хорошо. Они понадобятся, вероятно, до захода солнца. Пусть воины приготовятся — уже время отправляться дальше.

Двусмысленные слова проводника заставили полковника призадуматься. И все же он решил, что будет благоразумнее последовать совету вождя. Он был убежден, что, в случае реальной опасности, проводник скажет обо всем яснее.

По совету индейца ранчерос разбудили без сигнала. Это повлекло за собой некоторое опоздание. Было уже больше четырех часов, когда кавалерийский отряд приготовился к походу.

Без особых препятствий они переправились на другой берег и вскоре очутились на мексиканской земле. В эту эпоху покинутый ранчерос берег входил клином в испанские владения, составляя часть вице-королевства Новой Испании, хотя он

и был захвачен независимыми индейцами.

После переправы по приказу полковника отряд остановился на несколько минут, чтобы восстановить ряды, а затем уже отправился дальше галопом — привычным аллюром мексиканских лошадей.

В этот момент Мос-хо-ке наклонился к уху полковника и сказал, указывая пальцем на лесок, к которому подъезжал отряд:

— Белый начальник должен обратить внимание на это место.

— Что вы хотите сказать, вождь? — спросил полковник.

— Великий Бобр напал на след.

— След?

— Не более чем в четырех лье отсюда.

— Я ничего не понимаю… — сказал полковник, обратившись к дону Кристобалю.

— Он хочет сказать, что видел следы перехода каких-то людей.

— А-а! Очень хорошо… А какой след? — спросил полковник, поворачиваясь к индейцу.

— Этот след войны. Лошади подкованы, они принадлежат бледнолицым.

— Наверно, это независимые ранчерос. Их много здесь, их отряды занимают всю провинцию.

Индеец покачал головой.

— Нет, — сказал он, — это гачупины.

— Испанцы?

— Да.

— В каком направлении они следуют?

— В противоположном нашему.

— Значит, они идут сюда?

— Через час они будут перед нами.

— Кто эти люди?

— Великий Бобр знает.

— Вы их видели?

— Да.

— Кто же они?

— Воины человека, которого белые называют дон Горацио де Бальбоа.

— Это невозможно, вождь, вы ошибаетесь.

— Великий Бобр не ошибается.

— В письмах, принесенных вами, мне сообщили, что дон Горацио де Бальбоа был внезапно захвачен Энкарнасионом Ортисом в Пасо-дель-Норте и разбит наголову, а его шайка рассеялась.

— Это правда. Койоты были выкурены ягуарами, но койоты потом вновь объединились. Великий Бобр знает об этом. Он видел их два раза: до встречи с Пламенным Глазом и сегодня. Мой брат должен быть осторожен, — их много.

— Да что мне эти негодяи! Они ничего не стоят по сравнению с моими храбрыми солдатами!

— И все же лучше избежать встречи с ними. Это легко сделать.

— Нет, ни за что! Я уничтожу их!

— Пламенный Глаз — начальник.

— Я считаю позорным свернуть с пути из-за этих презренных людей!

— Если Пламенный Глаз принял такое решение, он должен немедленно позаботиться о мерах предосторожности. Этого требует благоразумие.

— Вы правы, вождь… Дон Кристобаль, составьте авангард из сорока человек, пошлите разведчиков на фланги колонны, распорядитесь, чтобы полная тишина царила в рядах, чтобы каждый воин был готов к битве. Враг перед нами.

Дон Кристобаль выполнил приказание своего начальника с такой быстротой, что через пять минут отряд вошел в лес в полном порядке и готовый к любой неожиданности.

Ранчерос в ожидании предстоящей битвы забыли об усталости, к ним вернулось их обычное беззаботное веселье.

— Теперь, — сказал проводник, слезая с лошади и передавая ее ближайшему солдату, — Великий Бобр пойдет вперед на разведку. Он должен

выяснить дорогу для своих белых друзей. Он предупредит их о приближении врага. Он трижды прокричит как ястреб-перепелятник.

— Благодарю вас! Идите! — сказал полковник. Индеец проскользнул между деревьями и исчез. Отряд продолжал двигаться медленно и осторожно.

— Должен сказать, что в характере индейцев много хорошего и они люди надежные, — обращаясь к своему лейтенанту, заметил полковник.

— Да, для тех, кого они любят, — улыбаясь, ответил дон Кристобаль.

— Это само собой разумеется, — в тон ему сказал полковник.

Чапарраль — это низкий лес, очень похожий на чащу Корсики. Переплетения деревьев с вьющимися растениями образуют непроходимую стену. Ранчерос стоило громадных усилий сохранять при этом трудном передвижении свой боевой порядок и не дать лошадям ни споткнуться, ни свалиться.

Опасность угрожала на каждом шагу. И все-таки этому отряду, состоявшему из отборных всадников, удалось пересечь громадную часть леса без особых происшествий.

Всадники увидели мелькнувшее между дере-

вьями начало саванны.

Солнце, похожее на медный красный шар, стояло на самом горизонте; оно уже не грело. Нужно было спешить выбраться из леса до наступления ночи, в одно мгновение сменяющей день в тропических странах.

Отряд дошел до опушки леса и вступил на равнину; на ней, несмотря на отсутствие малейшего ветерка, колыхались высокие травы. В этот момент внезапно послышался крик ястреба-перепелятника, почти немедленно вслед за ним — ружейный выстрел и ужасный крик; ранчерос остановились, охваченные сильнейшим беспокойством.

Что произошло на равнине? Она ведь кажется такой пустынной!..

Кто выстрелил?

Быть может, проводник захвачен врагами и убит?

Что можно предпринять?

Продолжать двигаться вперед или отступать?

Все были объяты крайней тревогой.

И тут совсем близко от них прозвучал пронзительный торжествующий крик. Раздвинулись травы, и появился Великий Бобр. Он держал в одной руке ружье, в другой окровавленный

скальп.

— Хвала создателю! — увидя индейца, вскричал полковник. — Мос-хо-ке невредим!

— Гачупины там! — сказал индеец, вытягивая руку. — Великий Бобр принес скальп одного из разведчиков.

Нельзя было терять времени на размышление, нужно было немедленно принять решение. Полковник без колебания построил ранчерос в боевом порядке на опушке леса. Резерв в сто человек во главе с доном Кристобалем должен был скрыться в лесу и ждать приказа полковника. По первому же сигналу они должны были примчаться на помощь.

В течение получаса ранчерос стояли — неподвижные, спокойные и молчаливые.

Солдаты, готовясь к битве, знают, что на войне нет милосердия.

Непокоренные, так же как и испанцы, были беспощадны в этой братоубийственной войне. Горе побежденным! Только одно имело значение: победить или умереть!

Чтобы предупредить о приближении врага, двадцать разведчиков выехали на пятьдесят шагов вперед от фронта.

Вскоре послышалась ружейная перестрелка;

разведчики, за которыми погнались испанцы, укрылись позади своих рядов, а преследователей встретил такой огонь, что они бросились назад, оставив нескольких солдат на земле.

Обстановка стала ясной — схватка обещала быть жаркой.

Полковник, недовольный создавшимся положением — неподвижностью отряда в ожидании столкновения (позиция, всегда невыгодная для кавалерийского боя), построил свой отряд в колонну, велел трубить атаку и, оставив резерв в засаде под прикрытием, поскакал навстречу врагам с криком:

— Мексика и независимость!

Ранчерос, повторяя стократно этот клич, ринулись за ним.

Мос-хо-ке не ошибся: отряд, с которым решил сразиться дон Луис, был именно тот, которым командовал капитан дон Горацио де Бальбоа. Как сумел этот человек, только недавно разбитый наголову в Пасо-дель-Норте отрядом Энкарнасиона Ортиса, человек, наполовину обгоревший, еле вырвавшийся из пылающей деревни, — как сумел он снова и через такое короткое время стать во главе многочисленного отряда? Это тайна, разгадать ее невозможно, во всяком случае

сейчас. Но факт существовал, и обсуждать его было бесполезно.

Но что еще поразило и заинтересовало полковника — это сам путь, по которому следовал испанец: он направлялся в пустыню…

Казалось бы, для такого человека, как дон Горацио, война сводилась к разбою, и он, естественно, должен был бы стремиться в центр Мексики, где были ранчо и асиенды, в маленькие беззащитные города, которые можно было бы легко грабить, — ведь именно они и представляли громадный интерес для испанцев. Но чем привлекала дон Горацио пустыня? Единственные хозяева саванн — команчи, сиу, апачи и многие другие индейцы-кочевники и непокоренные, бродячие владельцы этих громадных пространств, — разве они дали бы ему те богатства, которых он так домогался и для которых готов был на все, на любое преступление?

Этот второй вопрос был так же трудно разрешим, как и первый. Одно ясно: принимая это направление, капитан дон Горацио преследовал темную цель; порочный до мозга костей, этот человек не мог иметь никаких других намерений. Но что это были за намерения?..

Как ни странно, полковник, мчась во главе

своего отряда, не мог отделаться от этих мыслей; вместе с тем он не мог дать себе отчета, почему они так живо занимали его.

Почему?

У него не было на это ответа.

Полковник никогда не встречался с капитаном, и, казалось, поступки капитана должны были быть безразличными для него.

Однако, повторяем, полковник был очень встревожен, и какая-то непонятная тоска сжимала его сердце. Было ли это предчувствием?

Но почему предчувствие в отношении незнакомого человека? Вот что он напрасно старался понять.

Бальбоа принимал доклад своих разведчиков, когда услышал шум, похожий на раскаты грома. Это ранчерос пошли в атаку.

Настоящий бандит по своим поступкам, дон Горацио в то же время был опытным офицером и храбрым человеком.

Раздосадованный тем, что не он предпринял атаку, капитан прибег к хитрости: большую часть солдат он перевел в засаду в придорожные кустарники, а на дороге оставил только заслон из всадников, расставленных таким образом, чтобы ввести в заблуждение противника.

Его отряд, состоявший из четырехсот сорока человек, численно превосходил отряд непокоренных; но капитан дон Горацио вез с собой закрытый паланкин, который, видимо, скрывал что-то очень ценное. На охрану паланкина было выделено шестьдесят всадников, получивших приказ не удаляться от него, что бы ни случилось.

Этот паланкин и его конвой были спрятаны в чаще леса и все время находились под наблюдением капитана.

Едва Бальбоа принял все эти меры, как с быстротой бурного потока, опрокидывающего и уничтожающего в своем бешеном стремлении все встречающиеся на пути препятствия, появились ранчерос.

Дон Луис с безошибочностью, характерной для настоящих командиров, угадал расположение противника и тут же изменил свой план атаки.

Отряд ранчерос, обрушившись лавиной на испанцев, разделился на три части: центр продолжал атаковать в глубину, а фланги отклонились вправо и влево. С саблями в руках ранчерос стремительно бросились на спрятавшихся всадников, уверенных в том, что они ввели в заблуждение своих врагов, и потому не ожидавших этой

неистовой атаки и растерявшихся от нее.

Схватка была ужасной. Обе стороны показывали чудеса храбрости. Ожесточение, вызванное расовой ненавистью, дошло до предела.

Испанцы, в первые мгновения застигнутые врасплох бешеной атакой, сплотили свои ряды и дрались с энергией отчаяния.

Нельзя было предвидеть, на чьей стороне будет перевес. Великий Бобр подошел к полковнику и, указывая на паланкин, неподвижно стоявший под прикрытием и охраняемый конвоем, лаконично сказал:

— Там!

Дон Луис бросил быстрый взгляд в направлении, указанном индейцем, и, не понимая причины, почувствовал важность, которую дон Горацио придает этому таинственному, тщательно оберегаемому паланкину.

Дон Луис знаком подозвал офицера, тихо сказал ему несколько слов и, собрав двадцать ранчерос, внезапно напал на конвой, до этого момента не принимавший участия в сражении.

Вскоре вокруг паланкина сосредоточилось все сражение: ранчерос стремились овладеть им, а испанцы удвоили усилия, чтобы его защитить.

Дон Горацио показывал чудеса храбрости, по-

рывы мужества, достойные более благородной цели, чем та, которую он преследовал.

Капитан ловким приемом окружил ранчерос, и они очутились одновременно в роли атакующих и атакуемых.

Такой бой не мог долго продолжаться… Испанцы начали одерживать верх, как вдруг с силой прозвучал крик:

— Мексика! Мексика! Независимость!

И свежий отряд, охваченный гневом и энтузиазмом, бросился с непреодолимой силой в самую гущу сражающихся.

Это дон Кристобаль, извещенный проводником, выскочил со своим отрядом из засады на помощь полковнику.

В этот момент занавески паланкина раздвинулись, и показалась очаровательная головка молодой девушки.

— Ко мне! Ко мне! — с отчаянием закричала девушка. — Ранчерос! На помощь! Я — мексиканка! Я — дочь…

Голос девушки показался дону Луису знакомым. Но больше он ничего не услышал, потому что дон Горацио поспешил к паланкину и, резко оттолкнув девушку, закрыл занавески.

— Вперед! — вскричал полковник. — Друзья

мои, спасем эту девушку!

— Вперед! Вперед! — повторяли ранчерос, бросаясь вслед за ним.

Но их усилия были бесполезны. Дон Горацио молниеносно собрал своих солдат и, как загнанный тигр, который не хочет признать поражения, начал отступать шаг за шагом, все время лицом к врагу, углубляясь в лабиринт леса.

Было бы просто безумием преследовать его: глубокая тьма наступившей ночи камнем пала на землю.

Ранчерос вынуждены были остановиться и разбить лагерь на поле битвы, усеянном трупами испанцев.

Воздадим должное храбрым ранчерос: они мужественно выполнили свой долг. Они изнемогали от усталости, и несколько часов отдыха были для них необходимы.

Полковник послал разведчиков удостовериться, что враг действительно отступил, и только после этого отдал распоряжение о ночном привале.

XII. Охо-Люсеро

Дону Луису было грустно: одержанная победа

для него была равносильна поражению, так как, несмотря на все усилия, он не освободил молодую девушку, трогательно взывавшую о помощи.

Кто же была эта девушка? Он видел ее всего лишь несколько секунд во время сражения, но лицо ее показалось ему знакомым. Где, когда он ее прежде встречал?

В течение долгих часов он напрягал свою память, но все было напрасно.

Была уже полночь, когда проводник возвратился и увидел, что полковник, погруженный в свои мысли, сидит перед костром.

Великий Бобр сел на корточки рядом с доном Луисом.

Полковник поднял голову.

— А, это вы, вождь! Вы возвратились очень поздно.

— Мос-хо-ке долго шел по следам гачупинов, — ответил индеец, спокойно набивая свою трубку и зажигая ее с помощью священной палочки.

— Вы их видели?

— Много часов Мос-хо-ке шел по их следам.

— Что они делают теперь?

— Они бегут, как лани, вспугнутые охотниками.

— Значит, они не намерены перейти в наступ-

ление?

— Нет, они спешат очутиться там, куда они идут.

— Куда же они направляются?

— В пустыню.

— Что они будут там делать?

— Мос-хо-ке узнает это в свое время. У индейца глаз орла: он видит все в саванне.

— Они увели с собой молодую девушку?

— Да.

— Вождь знает ее?

— Возможно.

— Кто она? — быстро спросил дон Луис.

Индеец остановил на мгновение свой взгляд на нем.

— Наступила полночь, — сказал он, — через несколько часов надо опять идти в путь. Мос-хо-ке нуждается в отдыхе, он идет спать.

И, завернувшись в свой плащ, он лег у костра, закрыл глаза и уснул или, быть может, притворился спящим.

Дон Луис был подавлен.

— Ах, мучитель!.. Он что-то скрывает, я уверен в этом, — печально пробормотал он. — Но почему он так упорно молчит? Что за смысл ему скрывать правду?..

С восходом солнца отряд двинулся в путь.

Еще накануне вечером убитых в бою похоронили и положили на могилы тяжелые камни, чтобы помешать диким животным осквернить трупы воинов.

Погода стояла великолепная. Утро было свежее, напоенное терпким благоуханием саванны. Веселое щебетание птиц в зелени звучало, как гимн этому радостному дню. Казалось, в природе все

торжествует.

В это чудесное утро наши путешественники продвигались вперед очень легко и без всяких приключений.

Около одиннадцати часов, как всегда, сделали привал, чтобы переждать самое жаркое время дня.

Полковник затаил недовольство против проводника-индейца. Он всерьез рассердился на него за упрямые недомолвки накануне вечером и дал себе слово так или иначе, но заставить его разговориться. Дон Луис хотел скорее узнать все о молодой девушке. Всевозможными способами, искусными уловками старался он навести разговор на эту тему. Но поймать такого хитреца, каким был этот краснокожий, ему не удалось. Неизвестно почему, но Великий Бобр проявлял большую осторожность: о чем бы ни спрашивал дон Луис, индеец с присущей ему ловкостью уклоняться от объяснений. Он даже делал вид, будто полковник разговаривает с ним просто из любезности. В конце концов дон Луис, выбившись из сил и убедившись, что ему ничего не удастся выжать из индейца, решил к этому вопросу больше не возвращаться.

— Мы скоро приедем, вождь? Мне просто не

терпится скорей попасть в Охо-Люсеро, — сказал полковник как-то вечером проводнику на привале.

— О-о! Брат мой Пламенный Глаз потерял терпение! — сказал, улыбаясь, индеец. — Он спешит увидеть своих друзей.

— Ну конечно, вождь!

— Хорошо. Пусть молодой вождь подождет еще немного — скоро он будет с ними.

— Вы говорите правду?

— У Мос-хо-ке не раздвоенный язык, он всегда говорит правду. Солнце второго дня не успеет еще скрыться, когда брат мой достигнет большого дома из камней, где живут его бледнолицые друзья.

— Я верю вашему обещанию.

— Мой брат убедится сам.

На следующее утро опять тронулись в путь.

Прошло уже три дня с того момента, когда отряд ранчерос перешел Рио Браво-дель-Норте, вступил на мексиканскую землю и ознаменовал свое появление блестящим сражением с бандой Бальбоа.

Всадники, снявшись с привала, еще сонные, ехали как бы ощупью; это было незадолго до восхода солнца.

По традиции, введенной им с первого же дня, Великий Бобр для разведывания дороги находился шагах в трехстах впереди отряда. Вдруг он остановился, внимательно осмотрелся и, вместо того чтобы ехать вперед, спешно повернул назад к полковнику.

— Что случилось? — спросил дон Луис.

— Пусть Пламенный Глаз посмотрит, — ответил индеец, указывая правой рукой на что-то вдали.

Полковник посмотрел.

— Я ничего не вижу, — сказал он.

— Глаза бледнолицых не видят ничего! — и краснокожий презрительно улыбнулся. — Там деревня Охо-Люсеро.

Дон Луис почувствовал укол в этих словах, посмотрел снова, но с тем же успехом, что и в первый раз.

— Ничего не вижу, — повторил он.

— Ну что ж!.. — сказал индеец. — Пусть брат мой спрячет своих воинов под прикрытие, а Мосхо-ке выйдет из леса и пойдет в деревню.

— Вы хотите нас покинуть, вождь? — быстро спросил дон Луис.

— Мой брат меня не понял, — с улыбкой сказал проводник. — Великий Бобр — воин, известный у костра согласия своего народа. Он очень хитрый.

Он войдет в деревню бледнолицых, как путешественник, который возвращается в деревню к своему племени. Йорри[115] не заподозрят человека безоружного и идущего в одиночестве. Индейский воин поглядит всюду и, как только обнаружит гачупинов, вернется, чтобы предупредить брата.

— Хвала создателю! — вскричал дон Луис. — Ваша мысль превосходна, вождь! Идите в разведку, мы вас будем ждать здесь.

— Хорошо. Теперь мой брат понял. Пусть он не показывается. Великий Бобр уходит и скоро вернется.

Проводник быстро повернулся и вскоре исчез в глубине леса.

Полковник решил последовать его совету.

Всадники спешились, лошадей привязали к колышкам и, во избежание неприятных сюрпризов, расставили часовых. А солдаты постарались устроиться возможно удобнее, чтобы незаметно сократить время ожидания.

Понемногу сумерки начали рассеиваться. Солнце, поднявшись над горизонтом, как бы дало сигнал к пробуждению природы. Пейзаж, погру-

---

[115] Примечания: 115

Йорри (исп.) — непереводимая презрительная кличка, данная испанцам индейцами.

женный до этого в густой туман, разом осветился. Трава и листва, омытые обильной утренней росой, казались особенно ярко-зелеными и словно покрытыми жемчужной пылью. Птицы, разбуженные жаркими лучами дневного светила, начали свой веселый утренний концерт. Вдалеке завывали дикие буйволы, высунув головы из кустарников.

При свете солнца дон Луис разглядел наконец деревню Охо-Люсеро, ранчо которой белели в густых зарослях самых разнообразных деревьев. Деревня находилась в полу-лье от стоянки лагеря. Дорога из леса в деревню, широкая, извилистая, была совершенно безлюдной.

Дон Луис взял подзорную трубу и стал тщательно изучать окрестности.

Асиенда Охо-Люсеро (в переводе на язык страны — Сверкающий Родник) находилась на склоне довольно высокого холма, поднимающегося на дороге из Чиууа в Пасо-дель-Норте. У подножия холма лежала деревня; в жалких домишках ее жили индейцы и пеоны, работающие на серебряных рудниках.

В описываемое нами время разработка этих богатых рудников приостановилась. Причинами были: с одной стороны, гражданская война,

с другой — стремительное бегство владельца рудников, обвиненного в слишком большой преданности Испании.

Едва освободившись от ненавистного хозяина, пеоны и вакерос[116] в яростном приступе гнева разграбили и подожгли асиенду. Позже, года через два или три, там поселились непокоренные и вновь укрепили главный корпус здания.

Охо-Люсеро по своему местоположению представляло собой для мексиканцев очень важный стратегический пункт, поэтому они поместили там многочисленный гарнизон; он должен был обеспечивать связь с пустыней.

Дорога, ведущая в деревню, все еще оставалась безлюдной. Дон Луис начал уже чувствовать безотчетную тревогу, как вдруг кто-то тихо коснулся его плеча. Полковник быстро обернулся и увидел проводника, такого же спокойного, такого же бесстрастного, как всегда.

— Как! — удивленно воскликнул дон Луис. — Это вы, вождь?

— Великий Бобр вернулся, — ответил, насмешливо улыбаясь, индеец.

— Позвольте… — возразил изумленно молодой

---

[116] Примечания: 116
Вакеро (исп.) — пастух.

человек. — Но я ведь целый час не свожу глаз с дороги, а вас не заметил! Каким же путем вы пришли?

— Для бледнолицых нужна точно обозначенная дорога, — ответил индеец, — а путь Мос-хо-ке — это путь птицы, он может пройти всюду.

— Хорошо, пусть будет так, — ответил дон Луис. — Но для чего такие предосторожности? Разве мои друзья в трудном положении?

— Пусть Пламенный Глаз возьмет свои волшебные глаза, — сказал индеец, показывая на подзорную трубу, которую полковник держал в руках, — он сразу увидит своих друзей. Они радостно спешат к нему.

Молодой человек направил трубу на дорогу и не мог сдержать крика радости при виде группы всадников, мчавшихся во весь опор.

Спустя несколько минут всадники подъехали к опушке леса. Дон Луис тотчас же разглядел среди них своего друга Энкарнасиона Ортиса и дона Хосе Морено. Он поехал к ним навстречу и невольно остановился при виде их грустных лиц.

Поспешно обменявшись любезным приветствием с остальными офицерами, он с волнением приблизился к Энкарнасиону и Хосе Морено.

— Ради бога, что случилось?! — вскричал он,

пожимая их руки.

— Скоро вы это узнаете, друг мой, — печально ответил Энкарнасион.

— Немного позже, — прибавил дон Хосе. — Сначала надо заняться общественными делами, а потом уже частными.

Молодой человек поклонился, понимая, что настаивать в данный момент бестактно.

— Я к вашим услугам, сеньоры! — сказал он, повернувшись к офицерам и низко им поклонившись.

— Наоборот, полковник, мы к вашим услугам! — ответил один из офицеров. — Ведь вы безусловно лучше знаете, почему мы приглашены сюда.

— На этот вопрос, кабальерос, отвечу я, — сказал дон Хосе, выступив вперед.

— Мы вас слушаем, сеньор.

Дон Хосе Морено вынул спрятанный на груди большой запечатанный конверт с гербом конгресса и передал дону Луису.

— Прошу вас прочитать, сеньор полковник, — сказал он. — Это приказ главнокомандующего армией независимых, подписанный президентом Национального конгресса. Он дает мне право отобрать из вашего отряда тех людей, которые

мне понадобятся для выполнения одной важной задачи. Тайна ее известна мне одному.

— Все это именно так, дон Хосе Морено, — ответил дон Луис, прочитав бумагу, находящуюся у него в руках. — И даже более того: я получил твердое указание быть в вашем распоряжении и слушаться вас во всем, не спрашивая объяснений.

— Мы получили точно такие же инструкции, — сказал капитан, вступавший уже прежде в разговор.

— Согласны ли вы, сеньоры, повиноваться этому приказу?

— Конечно, — ответили офицеры.

— Что бы я ни потребовал от вас?

— Приказывайте! — сказал полковник.

— Кабальерос, — сказал дон Хосе, — извините меня за такую поспешность, но, повторяю вам, поручение, возложенное на меня, чрезвычайно серьезно, мы не должны терять ни одной минуты! Капитан Фриас, не получили ли вы какого-либо особого приказа?

— Так точно, кабальеро, — ответил капитан. — Вчера, на заходе солнца гонец-индеец доставил мне депеши.

— И в этих депешах вам дается приказ…

— …поместить гарнизон в крепость Пасо-дель-Норте, некоторое время назад захваченную доном Энкарнасионом Ортисом. Быть может, по забывчивости этого не сделали раньше.

— Очень хорошо. Дон Луис передаст вам командование отрядом, и это повзолит удвоить силы дель-Пасо, не ослабляя гарнизона Охо-Люсеро.

— Слушаю, сеньор!

— А еще какого-нибудь другого распоряжения не было в этих депешах?

— Прошу прощенья, сеньор, было. Мне приказано как можно быстрее составить отряд охотников или гамбусинос человек в шестьдесят или восемьдесят для особой задачи.

— Вот об этом я и спрашивал.

— Разрешите мне сказать, ваша милость. К моему величайшему сожалению, я не успел приступить к этому заданию до сих пор, так как получил эти депеши только вчера вечером.

— В моем распоряжении уже около сорока гамбусинос, ожидающих меня больше двух месяцев в условленном месте. Так что ваша задача облегчается — вам нужно найти только половину необходимых мне охотников.

— Точно так, сеньор. И все же, несмотря ни на что, я могу обещать вам найти этих людей не

раньше пяти шести дней.

— Мы их найдем в течение десяти минут, — улыбаясь, сказал дон Хосе. — Мой дорогой дон Луис, — прибавил он, обернувшись к французу, — ведь в вашей квадрилье найдется сорок волонтеров, не так ли?

— По первому нашему слову.

— Мне помнится, что дон Кристобаль Нава до войны был охотником на бизонов. Он мог бы принять командование над отрядом гамбусинос — под вашим начальством.

— Благодарю вас, дон Хосе, вы угадали мое желание.

— Значит, все к лучшему! Мне не нужно говорить, что все должно держаться в величайшей тайне. А теперь, кабальерос, вы свободны. Мне остается только поблагодарить вас за вашу искреннюю готовность служить конгрессу.

— Не окажете ли вы нам честь — поехать с нами в Охо-Люсеро, сеньор Луис? — с изысканной вежливостью спросил капитан Фриас. — Там все приготовлено для достойной встречи.

— Принять ваше очаровательное приглашение или нет, зависит не от меня, сеньор капитан, — так же любезно ответил ему полковник.

— В таком случае, я за вас отвечу согласием,

мой дорогой дон Луис! — живо сказал дон Хосе Морено. — Мы воспользуемся предложением капитана, чтобы закончить последние приготовления… Сеньор Фриас, у вас есть мулы?

— Да, несколько мулов есть.

— Вы можете достать штук пятьдесят или шестьдесят?

— Легко.

— В течение какого времени?

— Самое большее, в течение двух часов.

— Прекрасно! А лошади?

— У нас здесь водятся только мустанги.

— Вот именно о них-то я и говорю, мой дорогой капитан!

— Это легче всего. Сегодня же я велю поймать полтораста или даже двести мустангов, и мы их поместим в корале асиенды.

— О, мне столько не нужно, капитан, мне совершенно достаточно сотни!

— Прекрасно! Значит, сотня. А упряжь вам нужна?

— Нет, благодарю вас, дорогой капитан, не нужна. Я хочу иметь этих лошадей в резерве.

— Слушаю, сеньор. Сегодня же вечером они будут доставлены в асиенду.

Разговор на этом окончился.

Дон Хосе дал приказание отряду сняться с места, и все всадники галопом поскакали в направлении Охо-Люсеро, куда прибыли через час.

Только что дон Луис собирался переступить порог асиенды, как Великий Бобр, приблизившись, шепнул ему на ухо:

— Что я должен сказать тем, кто послал меня к Пламенному Глазу?

— Как, вы хотите уйти от нас, вождь? Но почему? — спросил его полковник.

— Разве Мос-хо-ке не выполнил честно возложенное на него поручение?

— О, безусловно, вождь! Не только умно и быстро выполнили, но и проявили настоящую преданность.

— Мои бледнолицые братья будут довольны мной, а сердцу Мос-хо-ке радостны их похвалы. Мос-хо-ке хочет вернуться к ним.

— Подождите немного, вождь, — сказал дон Луис. — Может быть, вам придется отвезти им письмо.

— Хорошо. Раз Пламенный Глаз приказывает, Мос-хо-ке до захода солнца останется в деревне бледнолицых.

— Нет, — вмешался дон Хосе Морено, до сих пор бывший молчаливым свидетелем этого разгово-

ра. — Нет! Мос-хо-ке — умный и опытный вождь. Белые друзья просят его войти в их дом и занять место у огня совета. Быть может, бледнолицым начальникам понадобится, чтобы мудрый вождь сказал им свое мнение.

Индеец горделиво усмехнулся, получив это неожиданное и лестное приглашение, и последовал за мексиканскими офицерами в асиенду.

Отряд расположился в первом дворе — патио, где по распоряжению дона Хосе Морено пеоны стали усердно угощать солдат освежающими напитками и закусками.

XIII. Мос-хо-ке

Дон Луис Морен очень хорошо знал, как сильно привязаны к нему ранчерос, вот почему он не мог просить кого-либо другого переговорить с ними. Он должен был сам сообщить им результаты разговора с доном Хосе. Поэтому он ушел из асиенды и направился к отряду. По его приказанию квадрилья сейчас же последовала за ним. Когда отряд собрался в патио асиенды, дон Луис с заметным волнением прочел полученный им приказ.

Сначала ранчерос слушали его в мертвом молчании, но по окончании чтения они все как один

разразились градом упреков и жалоб. Дону Луису пришлось долго уговаривать их и убеждать, пока они не то чтобы утешились, но хотя бы без особого ропота примирились с тем, что у них будет новый командир. Во-первых, полковник пообещал им скоро вернуться, а во-вторых, — и это действительно вернуло им хорошее расположение духа, — он приказал дону Кристобалю Нава отобрать среди них сорок волонтеров, которые должны были идти с ним.

Но тут возникло новое неожиданное затруднение: абсолютно все хотели идти за своим начальником. Полковник предложил бросить жребий, чтобы определить, кто же из них будет выбран.

Наконец все закончилось к общему удовлетворению. Полковник, сердечно распрощавшись со своим отрядом, поспешил в комнаты асиенды. Там его уже ждали дон Хосе Морено и остальные офицеры, чтобы сесть за стол.

Короткий обед прошел в молчании.

Когда приглашенные к столу офицеры встали и удалились для окончательных приготовлений к отъезду, дон Луис Морен, Энкарнасион Ортис, дон Хосе Морено и вождь — индеец Мос-хо-ке остались одни в зале; расположившись в креслах,

они молча курили.

Дон Луис, поглощенный своими обязанностями командира, с утра не мог найти свободной минуты для откровенного разговора с друзьями. Огорченный их грустью, он, конечно, испытывал громадное желание понять ее причину. Поэтому он тут же воспользовался представившимся случаем.

Дон Хосе ответил на его сердечные расспросы глубоким вздохом; Энкарнасион Ортис поднялся и, положив руку на плечо дона Луиса, сказал ему с невыразимой печалью:

— Увы, друг мой, в ваше отсутствие на нас обрушилось ужасное горе!

— Во имя неба, скажите, что случилось?! Не оставляйте меня в этой смертельной тревоге, умоляю вас, друзья мои!

— Зачем растравлять эту жгучую рану? — сказал дон Хосе. — Ведь несчастье непоправимо!

— Непоправимо?! — с силой воскликнул француз. — Не надо впадать в такое уныние, сеньор дон Хосе. Все поправимо, кроме смерти!

— А если речь идет именно о смерти?

— О смерти! — вскричал француз. — Кто умер? Ради бога, говорите!

— У меня нет сил сказать это, — сжав голову

руками, ответил Энкарнасион.

— Тогда скажу я, — вздохнув, сказал дон Хосе. — Раз это нужно, я скажу. Я найду в себе силы, тем более, что это только несколько слов.

— После взятия Пасо-дель-Норте, — начал старик, — я был вызван конгрессом и, уезжая, оставил в асиенде дочь под охраной моего сына Педро и дона Рамона Очоа. Я не прислушался к советам друзей, а они как бы предчувствовали беду. Асиенда была надежно укреплена, в ней были большие запасы провизии; ее охранял довольно многочисленный и преданный нам гарнизон. Да и испанцы, подавленные своим поражением, исчезли из наших мест. Мне казалось, что бояться нечего, и я уехал вместе с Энкарнасионом и несколькими пеонами. Наше путешествие продолжалось двенадцать дней. Что произошло в асиенде во время моего отсутствия, не знаю! И никто не мог сказать мне что-нибудь определенное. Мои дети вскоре после моего отъезда возобновили свои обычные утренние прогулки верхом в окрестностях асиенды. Видимость наступившего спокойствия в нашей стране их ободрила, и они ездили в сопровождении только одного или двух слуг. Вначале они старались не уезжать далеко от дома, но постепенно осмелели, прогулки их

стали продолжительнее, и наконец они решили поехать на охоту в ближайший лес.

— Какое безрассудство! — пробормотал дон Луис.

— Молодость доверчива и слепа! — горько вздохнув, сказал дон Хосе Морено. — Как-то, около восьми часов утра, сын и дочь выехали на охоту на антилоп. Их сопровождали только управитель и один преданный слуга-пеон. В назначенный для возвращения час они не вернулись. Дон Рамон встревожился и послал людей в разные стороны на поиски. Но все пеоны вернулись, не обнаружив даже следов охотников. Тогда Дон Рамон в отчаянии принял решение ехать самому на розыски, несмотря на то что уже наступила ночь. Дон Рамон выехал из асиенды во главе отряда, состоявшего из сорока хорошо вооруженных и смелых всадников. В окрестностях было все так же спокойно и безлюдно. Дон Рамон направился в тот лес, куда утром, как он видел, поехали охотники; отряд обыскал весь лес и ничего не обнаружил. Пройдя через лес, отряд вышел на большую равнину, а оттуда попал в густые заросли. Там дон Рамон приказал всадникам разъехаться во все стороны для поисков пропавших. У него было тайное предчувствие,

что в этой чаще, пользовавшейся дурной славой и дававшей всегда приют бандитам, он наконец нападет на следы пропавших. Увы! Предчувствие не обмануло дона Рамона, ему пришлось в этом убедиться самым ужасным образом. Не успела облава начаться, как послышался крик одного пеона, звавшего к себе. Дон Рамон подскакал к нему. То, что предстало его глазам, было чудовищно…

— Крепитесь, — тихо сказал дон Луис, ласково сжимая руку старика.

— На земле лежали три трупа, страшно обезображенные. Это были мой сын, управитель и пеон, сопровождавший их на охоту. Оружие, которое еще не выпало из их рук, земля, утоптанная на большом пространстве, мертвые лошади — все доказывало, что люди были убиты после долгого и ожесточенного сопротивления…

— А донья Линда? — вскричал дон Луис.

— Исчезла.

— Нет никакого сомнения, — сказал дон Луис, — что они были захвачены врасплох какой-нибудь испанской разбойничьей бандой.

— Нет, — ответил печально дон Хосе. — С трупов были сняты скальпы… у несчастных были раны на груди и вырезаны сердца… а тела пронзены

длинными коричневыми стрелами, похожими на стрелы апачей.

— Апачи — так далеко от границы! — изумленно вскричал дон Луис.

— Увы! Ведь вы же знаете друг мой, что с началом войны исчезли границы!.. Дон Рамон провел всю ночь в чапарреле в тщетных поисках следов доньи Линды. Он не нашел ничего. С наступлением утра он вернулся в асиенду, привезя туда убитых, чтобы предать их тела погребению по христианскому обычаю.

— Но на этом, я надеюсь, не закончились его розыски?

— О нет, конечно. Он продолжал их неустанно в течение многих дней, но, увы, безуспешно.

— Я не верю тому, что они убили донью Линду! — воскликнул дон Луис. — Как бы кровожадны ни были индейцы, но женщин они не убивают. Донья Линда жива.

— Это правда?! Друг мой, ведь правда, донья Линда жива? — возбужденно воскликнул Энкарнасион.

— Я в этом убежден. Они увезли ее, надеясь получить с вас богатый выкуп.

Дон Хосе недоверчиво покачал головой.

— Если у них было такое намерение, — сказал

он, — почему же они после моего возвращения в асиенду не прислали людей для разговоров со мной о выкупе?

— Я просто теряюсь… — задумчиво сказал дон Луис, — и если бы вы не были так уверены, что это дело рук краснокожих…

— К сожалению, нет никакого сомнения в этом.

— Но кто бы ни были эти люди, по их следам шли и дальше?

— Да, примерно на расстояние десяти лье от асиенды.

— Простите мою настойчивость, дорогой дон Хосе, но мне надо знать, в какую сторону вели следы?

— В сторону границы.

Дон Луис опустил голову.

— Вы все еще сомневаетесь?

— Должен вам признаться, я не верю, что это преступление совершено индейцами.

— У вас, очевидно, есть основание для этого?

— Разумеется. Выслушайте меня. Несколько дней назад я встретился с испанским отрядом.

— Но какая связь…

— Простите. Эти испанцы несли с собой паланкин, в котором находилась женщина…

— Женщина?! — вскрикнули ошеломленные Энкарнасион и дон Хосе.

— Да. Мексиканка — так она сказала. Несчастная со слезами звала нас на помощь. Несмотря на все усилия, нам не удалось ее освободить. Испанцы обратились в бегство. А знаете ли, кто командовал этим отрядом? Дон Горацио Бальбоа, потерпевший поражение в Пасо-дель-Норте.

— Дон Горацио?

— Он самый! И если один из присутствующих здесь, — прибавил он, бросив быстрый взгляд на индейца, — захотел бы говорить, может быть, вы узнали бы все, что так волнует вас.

— Но ведь только у апачей или команчей есть обыкновение страшно калечить трупы…

— Может быть, дон Хосе, вы и правы. Но, повторяю, я убежден в том, что индейцы совершенно не виноваты в преступлении, которое вы им приписываете.

— Это, действительно, все очень странно, — глухо сказал Энкарнасион Ортис.

В это мгновение индеец поднялся с места, засунул свою трубку за пояс и, сделав шаг вперед, сказал:

— Мос-хо-ке хочет говорить.

Трое мужчин быстро повернулись к нему.

— Вождь берет слово, — продолжал индеец, — Слушают ли его бледнолицые братья?

— Мы слушаем вождя, — ответил за всех дон Луис.

— Пусть бледнолицые откроют шире уши, — сказал индеец, — у Мос-хо-ке не раздвоенный язык. Белая девушка с глазами голубыми, как небо, не умерла. Мос-хо-ке это утверждает, а бог Ваконда знает, что Мос-хо-ке никогда не солгал.

— Во имя неба, продолжайте! — вскричал дон Хосе.

— Откуда вы знаете, что она жива?! — закричал и Энкарнасион Ортис, бросаясь к индейцу.

— Мос-хо-ке — не болтливая старуха! — высокомерно сказал индеец. — То, что он сказал, — правда. Он видел схватку своими глазами. Он был там.

— Как! — с упреком воскликнул дон Луис. — Вождь, вы были там и не попробовали спасти несчастную девушку?

Индеец презрительно усмехнулся:

— Разве у Мос-хо-ке двадцать рук, чтобы бороться против тридцати врагов? Разве мог он победить, если четыреста всадников не победили? — сказал он. — Нет, вождь отважен, но не безумен.

— Но скажите же нам, вождь, — сказал дон Луис, жестом призвав друзей к спокойствию, — каким образом вы очутились там?

— Какая малость удивляет бледнолицых! Мос-хо-ке был послан белыми начальниками к Пламенному Глазу. Хотя он и вышел из каменной деревни бледнолицых в одно время с Седой Головой, он оставил далеко позади Старого Начальника.

— Совершенно верно, — сказал дон Хосе. — Великий Бобр покинул город одновременно со мной, я это вспоминаю сейчас.

— Кто может сравниться с Мос-хо-ке в ходьбе! — гордо сказал индеец. — Его шаг, как полет орла, не оставляет никаких следов и не сбивается с прямой дороги. Когда вождь вошел в лес, солнце уже пронизало сумрак деревьев, земля была раскалена. Мос-хо-ке укрылся в тени деревьев и стал ждать, чтобы прошел дневной жар. Он вынул из своей сумки кусок высушенного оленьего мяса и начал есть. Вдруг он услышал легкий шум. Он поднял голову, осмотрелся и увидел много людей, не меньше тридцати. Они крались и прятались между деревьями, как прячется буйвол в чаще. Индеец очень осторожен. Он понял, что эти люди идут дорогой войны. Он спрятался в кустарни-

ке, чтобы его не обнаружили, так как эти люди, увидев его, убили бы. Прошел один час без всякого движения. Рядом в чаще послышался топот нескольких лошадей. До ушей вождя донеслись веселые голоса. Он осторожно поднял голову и увидел приехавших. Их было четверо: трое мужчин и одна женщина. Женщина была светлая, с глазами, как небо. Вдруг спрятавшиеся люди выскочили все разом из засады и с громким криком бросились на приезжих. Те четверо даже не могли попытаться убежать — враги окружили их со всех сторон, — но они стали храбро сражаться. Не меньше десяти воинов упали под их ударами. Но что они могли сделать? Убив часть своих врагов, они сами были убиты противниками. Молодая девушка осталась одна, без защиты. На нее набросили серапе, связали ей руки и ноги и положили на землю. Тогда вождь этого отряда подошел к убитым врагам, чтобы убедиться в их смерти, а потом сказал своим солдатам по-испански: «Мы снимем с них скальпы и вонзим стрелы в их тела. Пусть тот, кто найдет их, думает, что они убиты индейцами».

— Значит, это не были апачи? — вскричал дон Хосе Морено.

— Это были испанцы, — холодно ответил инде-

ец. — пламенный Глаз сказал это моему отцу и не ошибся. Потом, — продолжал индеец, — вождь испанцев велел погрузить на лошадь тела убитых солдат, а сам поднял молодую девушку, и они ускакали галопом и исчезли в глубине леса.

— О боже!.. Этот человек!.. Этот негодяй!.. Я отдам все мое состояние, только бы мне помогли найти его! — подавленно сказал дон Хосе Морено.

— Я отдам за это мою жизнь! — воскликнул Энкарнасион Ортис.

— Если мои бледнолицые братья желают, Мос-хо-ке его найдет, — спокойно сказал индеец.

— Вы, вождь?! О, да услышит вас бог! Но как узнать, где он скрывается? Ведь прошло столько времени со дня похищения! Нет-нет, это невозможно, это выше ваших сил!

Индеец иронически улыбнулся.

— Когда Мос-хо-ке остался один, — продолжал он свой рассказ, — бог Ваконда внушил ему мысль снять с земли отпечатки ноги начальника отряда и одного из его спутников. Этого достаточно для Мос-хо-ке. Если он видел начало следа, он всегда дойдет до конца его.

— Имейте в виду, вождь, что ваши слова подают мне надежду! — вскричал дон Хосе Морено.

Индеец с улыбкой поклонился.

— Пусть отец мой Седая Голова надеется, — ответил он. — Но индейский вождь еще не все сказал. Хотят ли мои братья еще слушать?

— Говорите! Говорите, умоляем вас!

— Мос-хо-ке присоединился к Пламенному Глазу и выполнил поручение, данное ему бледнолицыми. Потом все поехали в Охо-Люсеро. Как всегда, Мос-хо-ке проверял. Однажды, когда белые легли спать, Мос-хо-ке, вместо того чтобы отдыхать вместе с ними, пошел на охоту и вернулся к своим друзьям лишь тогда, когда он обнаружил след. Лагерь белых находился именно там, где был след, и среди многих следов на земле вождь разглядел отпечатки тех, какие он взял раньше, в чаще леса. Он нашел следы и похитителей и жертвы. То, что сказал пламенный Глаз, — правда. Белую девушку похитил дон Горацио. Он — и никто более. Вождь в этом убежден.

— Тогда почему же, вождь, вы отказывались отвечать на мои бесчисленные расспросы?

— Мос-хо-ке отказывался отвечать потому, что, если бы он сказал, Пламенный Глаз стал бы немедленно преследовать гачупинов. А долг призывал его сюда. Кроме того, Мос-хо-ке сам пошел по следу гачупинов и теперь, когда потребуется,

может найти их, так как выследил их на далеком расстоянии. Если бы даже они зарылись в землю, им не удалось бы в пустыне избежать взгляда вождя команчей, когда он хочет найти их! Вождь найдет белую девушку!

— О вождь! Если вы вернете мне дочь…

— Мос-хо-ке дал слово, — прервал его индеец, — он сдержит его! Пусть отец мой успокоится.

Дон Хосе, измученный волнениями, упал в кресло, потеряв сознание.

Два его молодых друга бросились к нему на помощь.

— Бледнолицые слабы, как женщины, — пробормотал индеец, с невыразимым презрением глядя на них. — Они не умеют сдерживать ни радости, ни горя.

Обморочное состояние дона Хосе продолжалось очень долго и стало внушать опасение его друзьям. Но потом благодаря их заботливому уходу он мало-помалу пришел в себя.

— О, этот дон Горацио! — шептал он ежеминутно с выражением нестерпимой боли.

— Поверьте, он получит возмездие! — успокаивали его молодые друзья.

— Простите мне мою слабость! Удар был слишком страшен, а я стар и так страдаю!.. Спасибо

вам за ваши заботы, — добавил он, обращаясь к молодым людям. — Сейчас я чувствую себя хорошо. Пора заняться приготовлениями к отъезду.

— Все готово. Мы можем ехать, как только вы дадите распоряжение, — сказал дон Луис.

— В таком случае — завтра. Я хочу выполнить свой священный долг, а дело не терпит отсрочки.

— Так… Значит, завтра на рассвете мы выступаем.

— А вы, вождь? Что вы намерены делать? — спросил дон Хосе Морено у индейца, стоявшего неподвижно около него.

— Пусть отец мой Седая Голова не беспокоится о вожде, — тихо ответил краснокожий. — Когда мой отец будет нуждаться в Мос-хо-ке, он найдет его около себя. Мос-хо-ке направляется в пустыню — у него тоже есть священный долг, который он обязан выполнить.

— Идите, вождь! Я знаю, что вы человек мужественный, преданный своим друзьям. Я доверяю вам. Поступайте так, как вы найдете нужным. Вы свободны!

— Мой отец хорошо сказал, вождь благодарит его. На четвертое солнце после этого Седая Голова увидит опять Мос-хо-ке. Пусть он будет бодр до

этой встречи — вождь принесет ему хорошие вести.

Произнеся эти слова со свойственной индейцам высокопарностью, индеец важно поклонился трем мужчинам и медленно вышел из комнаты.

— Вы действительно доверяете этому человеку? — спросил дон Луис у дона Хосе.

— Вы не знаете краснокожих, мой друг! — ответил старик. — Они либо любят, либо ненавидят. Они так же цельны в своих чувствах, как и природа, среди которой они живут. Когда они бывают преданы, то это от всей души и без всякой задней мысли.

— Дай-то бог… — прошептал дон Луис.

XIV. Лагерь

В нескольких милях от крепости Пасо-дель-Норте прозрачные воды Рио Кончос вливаются в тинистые, желтые воды Рио Гранде; высокие крутые горы образуют как бы стены крепостного вала,и для реки остается лишь узкий проход между ними. Множество водопадов Рио Гранде низвергается в долину.

Линия горизонта кажется стиснутой цепями гор, принимающих подчас самые странные очер-

тания— башен, пиков, колоколен, бойниц; все это придает пейзажу какого-то неизъяснимое очарование.

Через двое суток после событий,описанных в предыдущей главе, на правом берегу Рио Гранде, в пустыне, в центре той самой местности, о которой мы говорили выше, был разбит довольно большой лагерь.

Этот лагерь,оборудованный по индейскому образцу, раскинулся на большом пространстве; тут и там пылали огни костров,вокруг них лежали или сидели на корточках фантастически освещенные пламенем люди. Несколько в стороне стреноженные лошади, привязанные к колышкам,с жадностью поглощали альфальфу или жевали маис. В середине лагеря возвышался шатер, покрытый сшитыми между собой разноцветными шкурами бизонов.

Было около восьми часов вечера;звезды усыпали темно-синее небо; почти полная луна, казалось, плыла в эфире и освещала землю мягким белым светом.

Неожиданно из узкого ущелья показался несшийся во весь опор всадник.Он промчался прямо в лагерь.Часовые пропускали его, молча отдавая честь. Подъехав к кострам, всадник спешился

и, поручив своего коня солдату, схватившему повод его лошади, быстрыми шагами направился к шатру.

Он отодвинул входную занавеску и на мгновение замер… Произошло ли это от почтительности или, быть может, зрелище, внезапно представившееся взгляду, наполнило его чувством восхищения…

Шатер внутри был просторен и обставлен с роскошью,отвечавшей требованиям самого изысканного вкуса.

С первого взгляда было ясно,что это прелестное гнездышко служило убежищем молодой девушке.

Пол покрывала циновка,повсюду в беспорядке были расставлены дорогие кресла; золотой шнур, спускаясь с верхушки шатра, поддерживал серебряную люстру тончайшего плетения. В гамаке, свитом из нитей алоэ, небрежно покачивалась хорошенькая девушка; молодая индианка обмахивала ее веером из длинных перьев; другая мелодичным голосом напевала грустную песенку, аккомпанируя себе на харабе[117].

Эта молодая девушка, полулежавшая в гамаке

---

[117] Примечания: 117

Харабе - род мандолины; инструмент, очень распространенный в Мексике.

и утопавшая в волне кружев, была донья Линда Морено.

При неожиданном появлении капитана певица мгновенно умолкла, а донья Линда перестала покачиваться в гамаке.

— Неужели я так несчастен, сеньорита,— почтительно сказал капитан, — что мое появление мешает вашим невинным развлечениям?

Еле обернувшись к нему, донья Линда пренебрежительно посмотрела на него и ответила:

— Не все ли мне равно,сеньор Горацио де Бальбоа, здесь вы или нет?

— Вы жестоки со мной, сеньорита!

— Это верно, — насмешливо ответила девушка. — Вы внушаете мне отвращение,и я не скрываю этого. Не правда ли, я злоупотребляю своей слабостью? Но что прикажете делать? Я не могу повиноваться человеку, который был слугой в моем доме.

— О, сеньорита!

— Я говорю неправду? Разве вы забыли, что в течение долгого времени были на службе у моего

отца в качестве пеона или тигреро, не помню точно?

— Я ничего не забыл,сеньорита. Уважение, которое я оказываю вам,служит доказательством этому.

Молодая девушка горько улыбнулась и с жестом досады спросила:

— Вы собираетесь здесь долго стоять?

— Это зависит только от вас, сеньорита.

— О! В таком случае, вы свободны. Вы можете уйти сейчас же, сеньор, я не задерживаю вас.

— Простите, сеньорита, вы не поняли меня. Мне нужно поговорить с вами.

— Зачем нам возвращаться к этому вопросу? Я говорила вам уже двадцать раз: мое решение непоколебимо, и ответ мой будет всегда один и тот же.

— Я надеялся, что вы соблаговолите подумать о моих предложениях.

— Я все обдумала,сеньор,в тот момент, когда попала в ваши руки. Я знаю, что сила на вашей стороне.Вы можете, пользуясь вашим положением, держать меня в плену, но никогда — запомните это! — никогда вы не заставите меня совершить недостойный поступок!

— Итак, вас ничто не может умилостивить,

сеньорита?

— Ничто, сеньор. Я твердо верю в то, что бог, по своей доброте и справедливости, поможет мне.

Дон Горацио не успел ответить. Занавеска шатра раздвинулась, появился солдат. Он почтительно поклонился начальнику и сказал:

— Один индеец, из непокоренных, насколько мне удалось рассмотреть, находится у входа в лагерь. Он говорит, что вы назначили ему встречу на сегодняшний вечер.

— Это верно,— сказал капитан,явно обрадовавшись известию.— Я не ожидал его так скоро, но я рад ему!

Затем, склонившись перед доньей Линдой с ироническим почтением, капитан сказал со злобной улыбкой:

— Примите мои извинения, сеньорита! Я не хочу больше злоупотреблять вашим драгоценным временем. Пусть бог храпит ваш сон! Я ухожу. Завтра,с наступлением дня, мы продолжим наше путешествие.

Едва за капитаном опустилась занавеска, как в противоположном углу шатра шкура бизона раздвинулась от удара кинжалом, и и образовавшуюся дыру просунулась рука, а затем к гамаку молодой девушки тихо подкатился камень.

Обе служанки вскрикнули от ужаса, но донья Линда, быстро вскочив, одним жестом заставила их умолкнуть.Трепеща от радости, она схватила камень — к нему была привязана записка.

— Ах,— прошептала она,— мое предчувствие не обмануло меня! Час моего освобождения приближается! — воскликнула она. — Это почерк моего отца!

И она прочитала:

«Мужайся, моя дорогая девочка, твои друзья помнят о тебе, скоро ты их увидишь. Твой несчастный отец Хосе Морено».

После чего было прибавлено: «Сожги записку».

Исполнив это, донья Линда опустилась на колени и стала молиться; обе молодые индианки последовали ее примеру…

— Где же индеец?— спросил дон Горацио у солдата, ожидавшего его у шатра.

— Здесь, капитан, у костра. Я велел нашим людям присмотреть за ним.

— Хорошо,— ответил испанец, направляясь быстрым шагом к костру.— Уведите людей и оставьте меня с ним наедине; только не уходите далеко.

Индеец со скрещенными на груди руками, завернувшись в серапе, сидел на корточках у

костра.

По знаку капитана люди, наблюдавшие за индейцем, удалились.

Дон Горацио внимательно смотрел на индейца несколько секунд, потом сел напротив него на череп буйвола; после неудачных попыток привлечь к себе внимание индейца ему пришлось начать разговор.

— Вы желанный гость в моем лагере,вождь,— сказал он. — Я счастлив, что вижу вас; я — ваш друг.

Индеец поднял голову и устремил сверкающий взгляд на испанца.

— Разве у белых есть такой обычай: когда к ним приходят друзья, ставить около них охрану? Ставить людей,вооруженных ружьями?— гортанным голосом произнес он.

— Конечно, нет. Но мы— в пустыне,вождь; мы окружены врагами,они только и ждут удобного случая напасть на нас. Мы должны быть осторожны… Мой брат может пожаловаться, что его оскорбили с того момента, как он вошел в лагерь?

— Мос-хо-ке— могущественный вождь и грозный воин! Человек,который посмеет его оскорбить, умрет! — жестко ответил индеец.

— Хорошо! Мой брат неустрашим в битве, я это знаю, но он так же мудр у костра совета. Выкурит он трубку мира со своим бледнолицым братом?

— Мос-хо-ке будет курить,— лаконично ответил индеец.

Он вынул из-за пояса свою трубку, набил ее табаком,зажег и стал медленно вдыхать дым,не предлагая трубки капитану. Последний сделал вид, что не заметил нарушения самого священного обычая пустыни, и, вынув из портсигара дорогую сигару, стал, не говоря ни слова, курить, подражая молчаливости вождя.

И все-таки дону Горацио пришлось самому возобновить беседу.

— Мой брат, наверно, скоро отправит своих молодых людей в западные прерии охотиться на бизона?—спросил он.

— Уже прошла одна луна с тех пор, как молодые люди Мос-хо-ке вышли на охоту!— важно ответил индеец.- Женщины возвратились на зиму в индейские деревни. Вождь тоже должен был уехать.Но бледнолицый попросил у него встречи.

— Благодарю вас, вождь, за ваш приход. Надеюсь, мы сможем договориться.

— Возможно. Чего хочет бледнолицый?

— Только одного.

— Чего именно?

— Располагает ли вождь несколькими днями?

— Вождь свободен.

— Хорошо. Тогда я объясню.

— Уши вождя открыты.

— Не согласится ли мой брат с несколькими своими воинами сопровождать меня и мой отряд в прерии до озера Лагарто?

— Почему бы Мос-хо-ке этого не сделать? Озеро Лагарто находится по соседству с деревней его племени.

— Итак, вы хорошо знаете эту местность, вождь?— сказал капитан с плохо скрытой радостью.

Индеец утвердительно наклонил голову.

— Что даст мой брат за это? —спросил он.

— Я дам десять ружей с пятьюдесятью зарядами пороха для каждого ружья, двадцать мешков пуль, двести локтей[118] материи для одежды вашим женщинам и три дюжины ножей для скальпирования, изготовленных благородными людьми Востока. Что скажет мой брат о такой плате?

---

[118] Примечания: 118

Локоть— мера длины, равная 84 сантиметрам.

— Вождь говорит: это хорошо.

— Итак, он согласен?

— Да, но есть еще одно условие.

— Какое?

— Молодая девушка,которую бледнолицый начальник держит в плену, будет передана в руки вождя через три дня после прихода белых к озеру дель Лагарто.

— Как?! — вскричал пораженный офицер.— Что вы хотите этим сказать, вождь?

— Вигвам Мос-хо-ке пуст: ему нужна жена, чтобы разделывать оленя, чтобы готовить еду. Он требует пленницу.

Наступило долгое молчание. Дон Горацио раздумывал. Потом злобная усмешка промелькнула на его губах.

Он поднял голову.

— Я отдам ее вам, начальник,— сказал он,— если вы согласны быть моим проводником.

— Вождь дал слово. Когда же бледнолицый отдаст подарки?

— По приходе к озеру.

— Бледнолицые — недоверчивые собаки! — задрожав от гнева, сказал индеец. — Мос-хо-ке не будет договариваться с ними!

— Чего же хочет вождь?— побледнев, сказал

испанец.

— Ничего, раз бледнолицый не доверяет слову вождя.

— Вы ошибаетесь. Я сделаю все, что вам угодно.

— Этого не будет,— сказал после небольшой паузы индеец.— Но Мос-хо-ке докажет бледнолицему, что он умеет мстить за оскорбление! Знаменитый вождь моего племени Антилопа приведет завтра в лагерь десять моих людей— они доведут бледнолицых до озера.

— А вы, вождь, не пойдете с нами?

— Мос-хо-ке придет, когда будет нужно.Бледнолицые увидят его у озера. Бледнолицый начальник не должен делать ни одного подарка моим людям, так хочет Мос-хо-ке. Бледнолицый принимает эти условия?

— Да, я принимаю их, вождь. Но я очень сожалею, что вы ошиблись и не поняли моих намерений. Они честны, и, повторяю, я готов сейчас же дать вам все, чего бы вы ни пожелали.

— Мос-хо-ке сказал!— торжественно произнес, поднявшись, индеец.— Он не болтливая старуха. То, что он сказал, то и сделает.

И, величественно поклонившись, он удалился медленными шагами из лагеря, и никто не по-

смел его остановить.

— Проклятье! — вскричал дон Горацио, провожая взглядом индейца. — Этих чертовых язычников никогда не поймешь, никогда не угадаешь их мыслей! Будем надеяться, что этот хоть не продаст! Я должен положиться на него, потому что только он один может точно привести к месту золотых россыпей.

Закутавшись в свой плащ, капитан лег подле костра и заснул.

На следующий день, еще до восхода солнца, десять воинов-команчей под предводительством начальника появились в лагере.

Эти воины были те самые проводники, которых Мос-хо-ке обещал дать дону Горацио де Бальбоа.

Через несколько минут капитан поднял отряд и во главе его смело углубился в пустыню.

XV. Команчи

Вопреки обыкновению мексиканского начальства, ухитрявшегося тянуть до бесконечности самое простое дело, капитан Фриас, которому к тому же очень хотелось доказать свою преданность делу, действовал с поразительной быстротой. В назначенный день, и даже почти

час, в Охо-Люсеро были закончены все необходимые приготовления к намеченной большой экспедиции в прерии.

Отряд, под непосредственным командованием дона Хосе Морено, дона Луиса Морена, дона Энкарнасиона Ортиса и дона Кристобаля Нава, состоял из девяноста человек, отобранных очень обдуманно, то есть из людей смелых, испытанных и отлично знавших все сложности и все особенности жизни в пустыне.

Караван, двинувшийся в путь по направлению к Рио Гранде, представлял собой чрезвычайно живописное и захватывающее зрелище. При взгляде на него вспоминались средневековые дикие орды, вышедшие с Меотийского моря, для того чтобы обрушиться на Запад.

И люди и лошади внешне необычайно изменились. По специальному распоряжению дона Хосе Морено все были одеты в костюмы лесных охотников; на каждом были спускающиеся до лодыжек широкие кожаные штаны, пояс змеиной кожи; на поясе висели длинный нож, топор, рог буйвола, наполненный порохом, и мешок с пулями. Верхнюю часть тела покрывала коленкоровая рубаха; на голове была касторовая шляпа. Кроме того, у всех были сумки из пергамента для

продуктов, американский карабин и мачете — нож без ножен и футляра, с прямым и широким лезвием, пропущенный через железное кольцо, припаянное к поясу.

Еще более поражала нарядность верховых лошадей: сбруя, украшенная бусами и перьями, хвосты и гривы, переплетенные лентами самых ярких цветов, большие пятна кричащих цветов, разбросанные там и сям на телах лошадей, — все это имело необыкновенный вид. Рядом с кожаным бурдюком и альфорхой[119] висела длинная плетенка — реата — из кожаных ремешков.

И, наконец, в хвосте каравана, под наблюдением нескольких пастухов, находились неоседланные лошади и мулы, впереди которых шла кобыла с колокольчиками на шее. Лошади предназначались для подмены выбившихся из сил, а мулы использовались для перевозки багажа. Всех этих животных было приблизительно около трехсот голов.

Караван покинул Охо-Люсеро вскоре после восхода солнца и в боевом порядке направился в Рио Гранде-Браво-дель-Норте.

Несмотря на ранний час, отъезд сопровождался

---

[119] Примечания: 119

Альфорха (исп.) — род полотняной сумки с двойным карманом, в котором держат воду и продукты.

большой помпой: почти все жители деревни — мужчины, женщины, дети — заполнили узкие улицы деревни и радостными криками провожали смельчаков, желая им удачи и счастливого возвращения.

Ранчерос квадрильи дона Луиса Морена считали долгом как можно дальше проводить своего командира. Они согласились повернуть лошадей и возвратиться в лагерь лишь после того, как начальник заверил их своим честным словом, что не пройдет и месяца, как он вернется и вновь станет во главе отряда.

Храбрецы наконец остановились, в последний раз прокричали «ура», разом выстрелили в воздух из своих карабинов и, отпустив поводья, во весь дух помчались по направлению к деревне; через несколько секунд они исчезли в облаках пыли.

Под вечер на берегу реки отряд сделал привал. Зажгли бивуачные огни, расседлали лошадей и привязали их к колышкам; люди устроились на ночлег.

Вокруг одного из костров сидели четверо мужчин: дон Хосе Морено, дон Энкарнасион Ортис, дон Луис Морен и дон Кристобаль Нава. Поужинав, они закурили сигареты. И тут дон Хосе Морено, за весь день обменявшийся со своими

товарищами только несколькими словами, приступил к разговору.

— Кабальерос, — сказал он, — завтра на рассвете мы пересечем реку и войдем в прерии. Это значит, что мы покинем цивилизованные земли и будем в течение, быть может, долгого времени топтать варварскую землю. Поэтому разрешите мне высказать несколько замечаний.

— Мы слушаем вас, — ответили, поклонившись, офицеры.

— Итак, кабальерос, — продолжал дон Хосе, — мы должны ввести в отряде строжайшую дисциплину, заботливо следить, чтобы охрана была сильной, наблюдать внимательно за переменными лошадьми, тщательно изучать — на пространстве нескольких миль в окружности — места, выбираемые нами для стоянок. От вас я не могу скрыть, что экспедиция, на которую мы решились, чрезвычайно трудна. Я бы даже сказал, что она почти невыполнима. Лишь громадное мужество и настойчивость могут помочь нам в этом деле. Я рассчитываю на вашу преданность и самоотверженность.

— Сеньор дон Хосе Морено, — ответил дон Луис от имени своих друзей и от своего имени, — наше содействие вам обеспечено без всяких ограни-

чений. Вы можете располагать нами по своему желанию.

— Благодарю вас, кабальерос! Я был убежден, что вы мне так ответите. Но я считал своим долгом сказать вам все откровенно. С другой стороны, не нужно предполагать только худшее и видеть будущее более черным, чем оно может быть на самом деле. Я надеюсь, я даже рассчитываю установить хорошие отношения с индейцами. А если это произойдет, мы спасены. Я не боюсь утверждать, что при этом условии успех нашей экспедиции обеспечен. Но именно по этому поводу мне необходимо сделать вам последнее и очень важное сообщение. Когда мы встретимся с индейцами — а это, по всей вероятности, будет скоро, — вы увидите меня в новой роли, которая покажется, без сомнения, странной вам, именно вам — людям цивилизованным, не знающим истории моего рода, вернее, знающим только то, что знают все, следовательно, очень мало. Так вот, что бы ни произошло, что бы я ни делал, что бы я ни говорил, — не выказывайте даже тени удивления! Скоро вы получите объяснение моего поведения, и оно перестанет вам казаться необыкновенным.

— Мы испытываем к вам настолько глубокое

уважение, дорогой дон Хосе, — сказал Энкарнасион Ортис, — что никогда не позволим себе контролировать ваши действия или делать хотя бы самые легкие замечания по этому поводу.

— Я очень рассчитываю в нашем деле на преданность человека, которого вы все знаете. Я говорю о Великом Бобре.

— Этот человек — мужественный и умный вождь! — сказал горячо дон Луис. — Я очень уважаю его.

— Я имел возможность в самых различных обстоятельствах подвергать его испытанию, — сказал дон Хосе, — и каждый раз оставался им доволен. Надеюсь, что и на этот раз будет так же.

— Я отвечаю за него головой! — воскликнул Энкарнасион.

— Подождем еще судить о нем. Завтра все станет ясным. Итак, кабальерос, это все, что я хотел вам сказать. Благодарю вас за ваше любезное внимание. Уже поздно… А мы все нуждаемся в отдыхе. Да пошлет вам бог добрые сны!

Подбросив в костер несколько охапок дров, дон Хосе, дон Луис и дон Энкарнасион завернулись в свои плащи и улеглись прямо на земле.

А дон Кристобаль пошел на проверку постов — он хотел своими глазами убедиться в том, что

в лагере все обстоит благополучно.

На следующий день, на рассвете, как и было решено, караван, найдя брод, перешел на другой берег и, к большой радости дона Хосе и его спутников, встретил там поджидавших их воинов-команчей.

Оба отряда моментально построились в боевом порядке друг против друга. Некоторое время они стояли неподвижно. Потом раздался военный сигнал, засвистели в длинные рожки, выдолбленные из человеческой берцовой кости, и индейцы, сломав свои ряды, ринулись навстречу мексиканцам. Кружась вокруг них, почти касаясь их, они выполняли с необыкновенной ловкостью такую трудную и опасную вольтижировку, какую только может представить себе пылкая фантазия.

По второму сигналу они вновь быстро построились; один из всадников на великолепной черной лошади, одетый в парадный военный костюм, выехал вперед и остановился между двумя отрядами. В одной руке у него развевалась шкура белого бизона, он размахивал ею в знак мирных переговоров; в другой руке он держал тотем племени; это был шест длиной почти в двадцать футов, украшенный сплошь перьями и стеклянными бусами и заканчивавшийся вым-

пелом из лосиной кожи. На вымпеле был грубо намалеван гриф, сидящий на кактусе, — герб древних властителей Мексики; он тщательно сохранялся племенем, считавшим себя, не без оснований, происходящим от древних инков.

Индейский воин со шкурой бизона и тотемом в руках был Мос-хо-ке.

Дон Хосе Морено приблизился к нему и, по обычаю индейцев, протянул правую руку со сложенными пальцами в сторону воинов-команчей ладонью вверх.

Индейский вождь казался преображенным; в нем было столько благородства и величия, что мексиканцы с трудом узнали его. Это действительно был вождь воинственного и неукротимого племени.

Оба всадника встретились точно в середине пространства, остававшегося свободным между двумя отрядами. Они остановились одновременно, приветствовали друг друга по индейскому обычаю, положив свою правую руку на левое плечо и склонив голову на грудь.

— Потомок сыновей Солнца — желанный гость для своих детей, — почтительно сказал индеец. — Сердце Грифов Прерий радуется при виде его.

— Я счастлив приемом, оказанным мне моими

детьми! — с достоинством ответил дон Хосе. — Если мое тело было далеко от них, сердцем я всегда был с ними, среди доблестного народа.

После первого обмена любезностями, обязательными по индейскому церемониалу, всадники спешились.

— Вот моя лошадь и мое оружие, — сказал Москхо-ке. — Пусть мой отец Седая Голова примет их, как свидетельство радости, которую доставило моему племени его появление среди нас.

Самый драгоценный подарок, который может предложить индеец, — это его лошадь и его оружие.

— Я приму эти дары из рук моего сына, — ответил дон Хосе, — при условии, что в обмен он возьмет мою лошадь и мое оружие.

— Вождь должен послушаться своего отца, — поклонившись, сказал индеец и в знак того, что лошадь дона Хосе теперь принадлежит ему, взял в руку поводья; потом, сделав шаг вперед, он опустился на одно колено и протянул старику тотем.

— Только потомок сыновей Солнца теперь имеет право, — сказал он, — держать священный тотем Грифов Прерий! Пусть он соблаговолит принять его из рук своего сына.

Дон Хосе принял тотем и, два раза подряд наклонив его перед солнцем, сказал:

— Мос-хо-ке — умный и мужественный воин, поэтому священный и почитаемый знак должен оставаться в его руках! Он больше всех достоин его защищать.

В первый раз с начала разговора бесстрастное лицо вождя команчей выразило глубокое волнение.

— Мой отец добр. Он велик. Он справедлив. Он действительно потомок Солнца. Пусть он приказывает — его сыновья будут повиноваться, — с уважением склонясь перед стариком, сказал Мос-хо-ке.

И, потрясая переданным ему тотемом, Мос-хо-ке издал воинственный клич индейцев; воины-команчи с энтузиазмом повторили это клич; церемониал встречи был закончен.

— Мой отец выкурит большую священную трубку с моими молодыми воинами? — спросил вождь.

— Лагерь моих сыновей будет моим! — ответил

дон Хосе Морено с достоинством. — Я выкурю большую трубку Совета.

— Да будет так, — ответил вождь.

Мос-хо-ке приложил к губам свой военный свисток. Раздались резкие протяжные звуки. По этому сигналу оба отряда соединились и помчались по направлению к горам, склоны которых, поросшие лесом, виднелись на горизонте, приблизительно в четырех — пяти лье от места встречи.

Не прошло и трех четвертей часа, как всадники достигли леса. Они пронеслись через него подобно урагану и остановились в лагере команчей.

Лагерь, большой и хорошо устроенный, был расположен в прекрасном месте, защищенном от внезапного нападения или набега.

Многие писатели и путешественники, описывая индейцев Северной Америки, почти всегда представляют их в виде диких людей — пьяниц, грязных, ленивых, погруженных в варварское состояние, из которого их невозможно извлечь никакими усилиями.

Этим авторам и путешественникам, по-видимому, попадались на глаза только какие-то выродки индейских племен, несчастные, спившиеся люди, ведущие нищенскую, паразитическую жизнь в

окрестностях некоторых городов.

Но племена сиу, команчи, апачи, пауни и многие другие, которые мы могли бы перечислить, представляют собой могущественные племена, живущие на пространствах Западных прерий. Они никоим образом не походят на те жалкие существа, которых описывают путешественники. У них действительно другая цивилизация, не похожая на нашу, но тем не менее она существует.

Обычно они отличаются мягким нравом, развитым умом, а главное — пылкой любовью к свободе и независимости. Многие среди них, в особенности среди племени команчей и пауни, не притрагиваются к спиртным напиткам. Одиннадцать лет, проведенных мною среди команчей, заставляют меня воздать им должную справедливость…

Войдя в лагерь, охотники расположились там на отведенных им местах. В центре лагеря были возведены два шалаша, сплетенные из ветвей, — специально для дона Хосе Морено и его друзей.

Мос-хо-ке послал глашатая просить мексиканских офицеров прийти к Костру Совета. Начальники команчей уже ожидали их там.

Дон Хосе и его три друга поспешили откликнуться на это приглашение.

Вожди-команчи встали при появлении офицеров, в знак уважения к своим гостям. Тут же была зажжена большая трубка, и ее стали передавать один другому. Все участники Совета брали ее и курили в абсолютном молчании.

Последняя частица табаку испарилась вместе с дымом, и тогда Мос-хо-ке прервал молчание.

— Пусть Великий Дух, существующий равно для краснокожих и для бледнолицых, — сказал он, — обратит на нас свой добрый взор. Бог Ваконда читает в наших сердцах. Он знает, что мы собрались вместе для того, чтобы защитить справедливость и наказать зло. Мы сразу же отозвались на первый зов нашего отца — Седой Головы, и мы готовы ему служить. Пусть он, самый мудрый вождь среди нас, теперь скажет нам, что мы должны делать.

Вождь уселся на свое место среди общего молчания. Все взгляды, в которых любопытство смешалось с большим вниманием, обратились на дона Хосе Морено.

Несколько мгновений старик оставался в задумчивости; потом, подняв голову, он стал говорить очень твердо, подчеркивая каждое слово.

— Вожди команчей! — сказал он на индейском языке, который знал в совершенстве. — Мои горя-

чо любимые дети! Ведь в наших жилах течет одна кровь. Я не хочу напоминать вам о тех услугах, которые моя семья и я сам оказывали несчастным членам вашего племени, так как каждый раз, когда мы шли на помощь вашим братьям, мы лишь выполняла священный долг, долг по влечению сердца! Я пришел к Костру Совета как друг и как проситель, но также и как отец, который заранее уверен в том, что может рассчитывать на безграничную преданность своих детей.

Вожди молча поклонились, хлопнув в ладоши в знак их удовлетворения.

Дон Хосе Морено продолжал:

— Я должен вам объяснить, почему я взываю в настоящий момент к вашей преданности. Выслушайте же меня терпеливо. Несмотря на то что по прямой линии я являюсь потомком древних властителей Мексики, кровь нашего народа несколько раз смешивалась с кровью наших притеснителей. Это делалось с целью сохранить громадные богатства нашего народа, а также то значение, которым он пользовался среди коренных обитателей нашей страны. После завоевания Мексики Фернандом Кортесом, этим авантюристом-изменником, разрушившим могущественную и прославленную мексиканскую

народность, большая часть сокровищ, принадлежавших властителям-инкам, исчезла. Исчезла так бесследно, что испанцы, несмотря на все розыски, не могли обнаружить эти сокровища. Никакие мучения, никакие самые жестокие пытки не помогли вырвать эту тайну у благородных мексиканцев. Устав от бесплодных усилий, испанцы должны были признать себя побежденными и отказаться от поисков золота, решив, что оно действительно погибло безвозвратно.

— Это правда, — сказал Мос-хо-ке, — то же говорят и наши предания.

— Мой предок Истак-Паласин, родственник короля Тескоко и племянник императора Гуайтимосина, последнего властителя Мексики, был единственным вельможей, оставшимся верным до конца этому несчастному монарху. Вы знаете, что испанцы пытали Гуайтимосина, положив его на раскаленные угли, а вслед за тем почти месяц волокли его, как пленника, за испанской армией, пока, наконец, несчастный не был повешен на дереве.

— О да, — глухо прошептали индейцы, — вожди знают про эту страшную смерть.

— Однако за два дня до смерти, — продолжал дон Хосе Морено, — Гуайтимосин, воспользо-

вавшись моментом, когда ушла охрана, успел сообщить моему предку, давшему ему несокрушимую клятву молчания, точное место, где он спрятал сокровища империи. «Вы одной со мной крови, — сказал он. — Стерегите эти сокровища так, как нежная мать стережет свое дитя. Великий Дух озарил мой ум, и я сквозь эти облака вижу будущее. Придет день, когда дети нашей родины завоюют независимость. Борьба будет долгая и ожесточенная. Сокровище, которое я вам доверяю, поможет мексиканцам одержать победу. Сохраняйте его с величайшей заботливостью! Когда час придет, используйте золото для того, чтобы купить преданность человека, которому вы будете обязаны своим освобождением. Этот человек будет принадлежать к хищной испанской нации. Он продаст себя без всякого зазрения совести, если цена, которую вы ему предложите, удовлетворит его жадность и тщеславие». Два дня спустя последний владыка империи инков умер, вернее — его безжалостно убили. Тайна сокровища, доверенная моему предку, была священно сохранена нашей семьей. Но предсказанное время настало. Час свободы пробил. Человек, которого мы должны купить, готов продать себя. Поэтому я обращаюсь к вам с просьбой помочь

мне отвоевать сокровища властителей инков.

— Пусть мой отец приказывает, мы будем повиноваться, — сказал Мос-хо-ке.

— Простите, сеньор, — сказал дон Луис Морен, которому дон Энкарнасион переводил слово за словом речь старика, — не рано ли вы хотите вынести на свет эти богатства? У многих людей может проснуться жадность. Вы так уверены в нашей победе?

— Увы, — с печальной улыбкой сказал старик. — Меня вынуждают к этому обстоятельства. Ведь вы знаете, что в последнее время мою семью преследуют несчастья.

— Простите меня, сеньор дон Хосе, что я растравил ваши раны.

— Я должен вам объяснить, полковник, причину моего решения. Знайте, что убийство моего сына и похищение Линды являются той главной причиной, которая меня заставляет, не теряя ни одной минуты, увериться в существовании сокровища; иначе другой опередит меня и завладеет им.

— Что вы хотите этим сказать, сеньор?

— А вот что: когда-то из чувства милосердия я приютил и воспитал в своей асиенде Вега одинокого ребенка, сына одного испанца, убитого при

столкновении с пастухом; этот мальчик — Горацио де Бальбоа…

— Испанский офицер, капитан! — вскричал потрясенный дон Луис.

— Именно он, — ответил дон Хосе. — Этот мальчик мне обязан всем, я доверял ему вполне; сначала он был у меня в асиенде тигреро, потом управителем. Одаренный несомненным умом, честолюбивый, но недобросовестный, он каким-то образом узнал о существовании сокровища; к счастью, ему неизвестна тайна захоронения клада. В нем вспыхнула жадность, и он окружил нашу семью шпионской сетью. Ему удалось узнать, что богатства нашей семьи находятся где-то на золотых приисках в саванне, под названием лагуны дель Лагарто. Он знает эту лагуну, так как мы были с ним там раз или два. В конце концов он сбросил маску и дошел в своей дерзости до того, что стал угрожать мне, требуя, чтобы я открыл тайну. Вместо того чтобы сурово наказать, я малодушно простил его и удовольствовался тем, что велел ему уехать. Он перешел к испанцам. Вы знаете уже, с какой жестокостью он теперь преследует меня! Набег на Пасо-дель-Норте, похищение моей дочери — все это входит в план его мести. Теперь, когда несчастная девушка в

его руках, он надеется запугать ее и заставить открыть ему тайну сокровища…

— Боже, это не человек, это чудовище! — вскричал полковник.

— Да, это чудовище! Но я верю — бог не допустит, чтобы свершилось такое преступление.

— Белая девушка с голубыми глазами предупреждена.

Ожерелье ее отца уже передано ей. Воины Мосхо-ке стерегут ее, — сказал индеец.

— Благодарю вас, вождь, вы возвращаете мне мужество.

— Если отец мой желает, то через три дня он может уже быть на золотом прииске. Что сделает отец мой Седая Голова: нападет ли на изменника Йорри или направится раньше к лагуне?

— Сейчас я не могу дать ответа. Это решат обстоятельства, вождь.

— Мой отец сказал хорошо, он очень мудр. Когда он отправится в путь?

— На восходе солнца, если это возможно. Испанец ушел далеко вперед?

— Если мы захотим, мы его быстро догоним.

— Тогда поспешим, вождь, дорога каждая минута!

— Хорошо! Мос-хо-ке поведет своего отца до-

рогой орлов!

Совет был закончен, и мексиканцы вернулись в свои шалаши. Туда по приказанию Мос-хо-ке были доставлены в изобилии еда и прохладительные напитки.

XVI. Пленница

Дон Хосе Морено, бывший хозяин и покровитель дона Горацио де Бальбоа, очень верно охарактеризовал своего приемыша. Взятый, по доброте дона Хосе, на воспитание, имевший в лице дона Хосе постоянного покровителя и защитника, поставленный им в положение почетное, исключавшее всякий намек на положение слуги, — Горацио ответил на все эти благодеяния черной неблагодарностью.

Нельзя сказать, что этот человек был злее, чем кто-либо другой в подобных обстоятельствах; наоборот, он вел себя, может быть, даже лучше других; нередко он доказывал свое усердие и даже преданность приютившей его семье. Но у него наряду с этими хорошими качествами, скрытыми подобно жемчужинам в непостижимых глубинах его сердца, были и три порока, из которых самого меньшего было бы достаточно,

чтобы погубить обладателя его, как бы умен и закален тот ни был.

Горацио де Бальбоа был тщеславен, жаден и завистлив.

Дон Хосе Морено сделал большую ошибку, поставив его выше, чем Горацио мог рассчитывать, и открыв перед ним горизонт, совершенно ослепивший и сбивший его с толку.

В душе Горацио родилась зависть, безумное стремление достигнуть невозможного. Вместо того чтобы смотреть на стоящих ниже его и чувствовать себя счастливым, сравнивая свое неожиданное возвышение с их положением, он мучился вопросом, почему он не стоит наравне с теми, кого только случайность, по его мнению, вознесла так высоко. Разве, по существу, он не был таким же, как и они? Много таких размышлений, неверных и сумасбродных, приходило ему в голову.

Восстание в Мексике укрепило его надежды завоевать себе то место в жизни, которого он добивался. Но, вместо того чтобы стать на сторону слабых и угнетенных, как не преминул бы сделать человек с благородной душой, Горацио присоединился к угнетателям; у них он надеялся найти нужную поддержку, чтобы силой взобрать-

ся на те скользкие ступени, которые привели бы его к исполнению мечты.

Почти независимое положение в асиенде давало ему возможность встречаться и сговариваться со всевозможными авантюристами с целью объединить их. Вскоре он исчез из асиенды и стал во главе разбойничьей шайки. Собственной властью он дал себе чин капитана, поднял испанское знамя и начал воевать, то есть воровать, грабить и уничтожать друзей и врагов под предлогом преданности испанским интересам.

Правда, испанцы не больше, чем мексиканцы, были склонны отвечать за поступки подобного союзника, деятельность которого скорей уменьшала их популярность, чем привлекала к ним сторонников. Разгадав его сомнительный патриотизм, разрушавший их влияние в стране, они пытались несколько раз уничтожить его отряд и отделаться от него самого.

Но эти попытки ни в какой мере не затрагивали дона Горацио де Бальбоа; его великолепно организованный отряд, состоявший из пятисот отъявленных бандитов, мог бы свободно противостоять и более значительным силам, чем те, которые посылались против него.

Дон Горацио стремился избежать конфликта,

могущего скомпрометировать его репутацию сторонника испанцев; поэтому, как только он узнавал, что испанский отряд, посланный против него, должен был его настигнуть, он тотчас же отступал; и поскольку он прекрасно знал страну, ему это легко удавалось.

Однако капитан не скрывал от себя, что его положение чрезвычайно ненадежно, что любая случайность может свергнуть его с пьедестала, на котором он очутился благодаря политической обстановке.

Он считал, что единственное средство упрочить свое положение и навсегда укрыться от капризов неблагодарной судьбы — это приобрести богатство, достаточное, чтобы купить доброе отношение даже самых злейших своих врагов.

И вот это богатство, о котором он так давно мечтал, сверкало перед его глазами, как обманчивый мираж; надежда овладеть им заставляла его трепетать и сделалась единственной целью жизни.

Это богатство существовало — громадное, неисчислимое, погребенное в тайнике, неизвестном никому, кроме семьи его покровителя. Однажды дон Хосе Морено в присутствии Горацио допустил ужасную неосторожность, разговорившись со своей дочерью об этих поразительных залежах

золота.

Дон Горацио де Бальбоа, бывший тогда управителем в асиенде Вега, чуть не потерял сознание, услышав о таком кладе, которым его хозяева, как казалось, пренебрегали; он тут же дал себе клятву, что любой ценой эта груда золота будет принадлежать ему.

Еще два или три раза отец и дочь обсуждали при нем этот вопрос; но, хотя у них не было никаких сомнений в преданности дона Горацио де Бальбоа, обыкновенная осторожность заставляла их говорить таким образом, что сведения, извлекаемые им из этих разговоров, были ничтожно малы.

Однако и этих неясных намеков было достаточно для Горацио; да, кроме того, события заставляли его торопиться: положение становилось серьезным. Молодой человек не мог больше колебаться, его решение было принято и именно так, как мы уже говорили: однажды он покинул асиенду.

Прошло довольно много времени, пока до его покровителей дошел слух о нем. Дон Хосе Морено был слишком честен, чтобы подозревать в предательстве человека, которого он в течение долгого времени осыпал благодеяниями. Он пред-

положил, что испанское происхождение увлекло Горацио на эту роковую дорогу, и он искренне жалел его.

На самом же деле дон Горацио с неустанной энергией шел к намеченной цели, не брезгуя для этого никакими средствами и действиями. Но все его попытки обнаружить сокровище потерпели крушение именно из-за отсутствия сведений о точном местонахождении клада. А то, что этот клад действительно существовал, не представляло для него никаких сомнений: он слишком хорошо знал дона Хосе Морено.

И вот, испробовав все средства, выбитый со всех позиций, он решил похитить донью Линду.

Эта мысль много раз приходила ему в голову, и всегда он ее с ужасом отгонял. Несмотря на свое моральное падение, он невольно испытывал глубокое уважение к этой прекрасной и невинной девушке, от которой он навеки был отделен непроходимой пропастью. Одна только мысль похитить Линду у ее отца заставляла его содрогаться. Однако наступил тот страшный час, когда жадность впилась ему в сердце так тяжко, что убила в нем все хорошие чувства. Золотой мираж, вечно сверкавший перед его глазами и манивший своими кровавыми отблесками, довел его

до такого помрачения ума, что — побежденный в этой последней битве, как и во всех предыдущих, — он заставил свою совесть замолчать.

Тогда-то Горацио и его квадрилья, как стая хищников ринулись на Пасо-дель-Норте.

Но и на этот раз он снова проиграл: энергичное вмешательство Энкарнасиона Ортиса и дона Рамона Очоа вынудило его бежать. В бою он потерял храбрейших из своих солдат.

Новая неудача, вместо того чтобы заставить задуматься и отказаться от своего ужасного замысла, наоборот, вызвала в нем яростное желание возмездия; он решил отомстить своим врагам, выказавшим необычайное благородство и давшим ему возможность бежать и спастись просто чудом.

Первой его заботой было собрать и пополнить почти уничтоженный, разбитый в Пасо-дель-Норте отряд.

Потом с чисто кошачьим терпением, присущим некоторым злодеям, которые набили себе руки в осуществлении темных дел, Горацио стал ожидать случая, который помог бы ему привести свой план в исполнение.

И случай представился — тем легче, что в данное время те, кого он хотел захватить врасплох,

считали его бессильным, и у них не было даже мысли, что они могут попасть в ловушку.

Когда в результате ужасной схватки, стоившей жизни брату Линды, она попала в руки Горацио де Бальбоа, в душе его произошел непонятный для него самого переворот.

Глядя на свою жертву, заплаканную, дрожащую от страха перед ним, капитан испытал не то чтобы нежность, — нет: что значило для него трогательное отчаяние несчастного ребенка! — он почувствовал, что его взволновала сверкающая красота Линды. Безотчетное, тайное волнение овладело им. Было ли это только радостью от сознания, что он наконец получил власть над Линдой — ведь она знала место скрытого сокровища, о котором он так жадно и так долго мечтал, — или это было чувство гораздо более нежное, о возможности которого до сих пор он не подозревал и которое заставило его сердце биться так сильно?.. Горацио не мог бы ответить на это.

Когда во время схватки его отряда с квадрильей дона Луиса Морена ему показалось, что молодая девушка может ускользнуть от него, им овладело бурное отчаяние при одной только мысли потерять донью Линду. На какое-то мгновение его оставила даже мысль о сокровищах,

составлявших цель его жизни. С полнейшим хладнокровием он решил умереть, но не выпустить из рук своей пленницы. Он не остановился ни перед чем, чтобы ее защитить, и рисковал своей жизнью с полнейшей самоотверженностью. И когда ему удалось отвоевать паланкин, в котором находилась донья Линда, он ощутил невыразимое счастье, убедившись, что ее не смогли вырвать из его рук и она осталась в его власти.

Что было в его сердце? Любовь? Жадность? Никто не мог бы объяснить.

Надо отдать справедливость дону Горацио — он относился к своей пленнице с глубоким уважением и величайшей заботливостью. Для него было законом удовлетворять ее малейшие прихоти и исполнять любые приказания. Он никогда не возмущался тем, что молодая девушка обращается с ним высокомерно и, не скрывая, высказывает ему свое презрение.

На следующий день после появления в испанском лагере индейского вождя, на рассвете, отряд поднялся и отправился в путь.

Вопреки обыкновению, дон Горацио в продолжение всего утра подчеркнуто не приближался к паланкину, в котором находилась задумчивая и равнодушная донья Линда, а ехал далеко впереди

своих всадников.

Мы говорим, что донья Линда была равнодушна и рассеянна. На самом же деле ее наполняла смутная надежда тут же, сейчас встретить помощь, о которой говорилось в письме, полученном ею накануне таким необычным образом.

Но ничего не происходило. Наоборот, прерия становилась все более и более пустынной. По мере того как караван подвигался вперед, пейзаж становился все более диким, мрачным и безнадежным.

Песок заменил собою зелень. Голые, чернеющие на фоне неба утесы вырезывались тут и там своими темными силуэтами. Деревья встречались все реже и реже. Лишь несколько чахлых кустов хлопчатника окаймляли берега Рио Хила, по которым в это время проходил отряд. Сильный поток нес в своих илистых желтоватых водах вырванные с корнем деревья, замедлявшие порой течение реки.

Да, это была настоящая пустыня в своем угрюмом и гнетущем величии.

В десять часов утра по приказу начальника отряд остановился у рощи драгоценного дерева, которому краснокожие дали выразительное название: «Хозяин Вод».

Широкие ветви создавали убежище, защищавшее от солнечных лучей, таких палящих, что они стали мучительными для людей и животных.

В несколько минут был разбит лагерь, и донья Линда ушла в приготовленную для нее палатку.

Едва она закончила скудный завтрак, приготовленный ее служанками, как занавеска палатки поднялась и вошел дон Горацио.

Несколько мгновений капитан оставался неподвижным, сняв шляпу и склонившись перед доньей Линдой.

По всей вероятности, он ожидал, что молодая девушка заговорит с ним.

Но донья Линда, не изменяя принятой ею линии поведения, сделала вид, что не заметила присутствия своего похитителя, и продолжала тихо разговаривать со своими служанками, сидевшими на корточках у ее ног.

Капитану пришлось сдержать досаду; он сделал несколько шагов вперед, чтобы обратить на себя внимание молодой девушки.

— Простите, сеньорита… — Он старался, чтобы голос его звучал спокойно. — Я уже несколько минут стою перед вами и жду, что вы удостоите заметить мое присутствие.

— А! — Линда со скучающим видом обернулась

к нему и сказала, подавляя зевок: — Это опять вы, сеньор?

— Да, сеньорита, это опять я, — подчеркивая слова, ответил капитан.

Донья Линда пожала чуть-чуть плечами, отвернулась от него и стала опять разговаривать со служанками. Прошли две или три минуты.

— Простите, что я настаиваю, сеньорита, — сказал капитан, — но…

— Как, — презрительно перебила она его, — вы все еще здесь, сеньор?

Лицо капитана сделалось свинцово-серым от этого оскорбления. Он нахмурился, выпрямился и, скрестив руки на груди, сказал хрипло:

— Берегитесь, сеньорита!

— Чего мне беречься? — сказала она, пристально глядя на него.

Капитан отступил на два шага; теперь его лицо залила краска.

— Сеньорита… — смущенно пробормотал он, склонив голову.

— А! Вы осмеливаетесь мне угрожать, Горацио де Бальбоа, жалкий приемыш, слуга моего отца! Клянусь святой Марией, это слишком смело! Неужели рабы теперь сделались хозяевами? Вы говорите, чтобы я остерегалась? Да, я вас пони-

маю. Вам ничего не стоит добавить еще одно преступление к тем, которые вы совершили! Вы хотите, конечно, убить меня, как вы убили моего брата, не так ли? Ну что ж, убейте! Ведь я слабая, беззащитная девушка — и только! Делайте и эту последнюю низость!

— Сеньорита! Эти оскорбления…

— …заслужены вами! Ах, молчите, сеньор! — воскликнула она с еще большей силой. — Мы должны объясниться раз навсегда! Вы думаете, что, захватив меня в ужасную западню, вы сможете распоряжаться моей судьбой по своему усмотрению? Вы сошли с ума, сеньор! Неужели вы думаете, что моя семья, мои родные покинули меня? Они идут за вами следом, они преследуют вас!.. Быть может, в этот момент, когда я говорю, всего несколько лье отделяют их от меня! Это вы… вы должны дрожать, потому что возмездие близко, и оно будет ужасно!

— Возможно, сеньорита, — ответил он с исказившимся от гнева лицом, — но прежде чем эти родные, эти друзья, которых вы ждете, дойдут до вас…

— Вы ничего не сделаете, сеньор, потому что ваша алчность сильнее вашей низости и жестокости! Да и что мне смерть, которой вы мне

грозите? Я не боюсь смерти! И даже если предположить, — хотя этого не может быть, потому что бог не оставит меня в моей беде, — но повторяю, если предположить, что моим друзьям не удастся спасти меня, я вырвусь от вас! Я сама предам себя смерти, которой вы напрасно пытаетесь меня пугать! Наоборот, она для меня последняя и лучшая надежда…

— О! — с иронией ответил он. — Я постараюсь помешать вам умереть.

— Попытайтесь, сеньор! Я понимаю, что — по крайней мере, сейчас — вы хотите сохранить мою жизнь, потому что вы надеетесь узнать от меня — угрозами или другим способом — тайну этого сокровища! О, вы на него покушаетесь давно! Я говорю вам прямо: я владею этой тайной, но вы никогда ее не узнаете!

— Возможно, что от вас, сеньорита, я не узнаю, — горько улыбаясь, ответил он, — но есть один человек, который обещал мне если не открыть тайну, то, во всяком случае, проводить к лагуне дель Лагарто.

— А-а! — слегка бледнея, ответила она. — А что вы будете делать, когда достигнете лагуны?

— Я буду искать запрятанное сокровище.

— Но вы не найдете его, сеньор! А впрочем,

попытайтесь, мне это безразлично.

— Я доверяю этому человеку, сеньорита. Я знаю, что он выполнит данное мне обещание.

— Тем лучше для вас, сеньор. Но если это так, зачем же вы утомляете меня своим присутствием и продолжаете этот затянувшийся и бессмысленный разговор?

— А вы не хотите знать, сеньорита, кто этот человек? — саркастически возразил он.

— Повторяю вам, сеньор, меня это не интересует. Этот человек безусловно предатель или подлец. Не сомневаюсь, что вам легко было сговориться с ним.

— Этот человек — индейский вождь, известный столько же своей храбростью, сколько и своей мудростью. Он согласился быть моим проводником, потому что я обещал ему великолепную награду.

— Я не знаю никакого индейского вождя, сеньор.

— Если я скажу вам имя этого…

— Предпочитаю не знать.

— Его зовут Мос-хо-ке, — сказал он, устремив проницательный взгляд на молодую девушку.

Невероятным напряжением воли донье Линде удалось скрыть волнение, вызванное этим

неожиданным разоблачением.

— А! Мос-хо-ке… — сказала она, героически сохраняя внешнее безразличие. — Мне кажется, я слышала уже это имя.

— Да-да, сеньорита, и даже очень часто.

— Возможно! Что же дальше? — холодно спросила она.

— А знаете ли вы, какую награду я обещал ему?

— Великолепную награду, — иронически повторила Линда слова капитана.

— Да, сеньорита, согласитесь сами… Я поклялся ему отдать вас…

— Вы?..

— Я!

Молодая девушка приблизилась к капитану и, надменным жестом руки указав ему на дверь, сказала глухо:

— Уходите!

— Я ухожу, но помните, что у вас осталось только одно средство избежать ужасной судьбы, которая вам угрожает, сеньорита! Откройте мне тайну, которую вы упрямо…

— Уходите! — властно повторила она.

Невольно подчиняясь тону молодой девушки, капитан отступил и ушел из палатки, не

прибавив больше ни слова. Донья Линда, наклонившись, жадно прислушивалась к шуму удалявшихся шагов капитана; когда наступила полная тишина, она опустилась на колени, сложила руки, подняв к небу полные слез глаза.

— Да будет благословен бог, — горячо воскликнула она, — пути его неисповедимы! Этот человек думал причинить мне смертельное горе, а на самом деле принес мне счастливую весть! Я скоро освобожусь! Я могу надеяться на это! О, теперь я буду сильна и мужественна! Я готова перенести любые страдания...

И, полная неизъяснимой веры, молодая девушка улыбнулась сквозь слезы.

XVII. Переход в прерии

У европейских туристов и путешественников прочно установился обычай покидать ежегодно месяца на три, на четыре свой дом для того, чтобы разъезжать по свету. Цель — забыть деловую суету и хотя бы временно подышать свежим воздухом, предметом столь редким в прекрасных, но очень экономно построенных городах нашей старой, отсталой Европы.

Туристы берут с собой в дорогу несколько тысяч

франков, запасаются целой кучей рекомендательных писем ко всем выдающимся людям страны, которую они собираются посетить, покупают себе дорожные сумки для платья, пледы, для того чтобы держать ноги в тепле, и наконец усаживаются в скорый поезд любого направления. И вот, расположившись уютно в уголке купе, они уже мчатся на всех парах, разговаривая, дремля или читая, но, так или иначе, поглощая пространство с бешеной скоростью.

Они пересекают долины, потоки, реки, горы, города и селения, не видя их и даже не думая о них. Они останавливаются только в тех городах, слава которых прочно установлена с давних пор. Там они живут в лучших отелях и прогуливаются по улицам с сигарой в руке, без всякого стеснения зевая на глазах у туземных жителей. После более или менее длительного времени, истраченного для такого интересного путешествия за границей, они возвращаются, обыкновенно очень утомленные, в лоно своей семьи. И долгие, долгие годы живут воспоминаниями, рассказывая близким свои впечатления о поездке. При этом привирают с легкостью, делающей большую честь их изобретательности.

Так в девяносто девяти случаях из ста происхо-

дит дело в Европе.

Каждый слушатель превосходно знает, как нужно относиться к разукрашенным приключениями рассказам этих так называемых путешественников. Но поскольку все в таких случаях мастера прихвастнуть, вымыслы проходят благополучно, не встречая недоверия.

Кто решится бросить в рассказчика первый камень!

В Америке дело обстоит не так. Там путешествие — даже если говорить о путешествии для туземных жителей, людей суровых и сильных, — всегда составляет вопрос очень важный и требующий большого обсуждения. Речь идет, разумеется, о путешествиях в глубь страны, то есть, на еще не обследованные земли и на земли у индейской границы.

Здесь нет, как в Европе, железных дорог, пароходов, даже простого экипажа для удобства туристов.

Нужно ехать верхом, чаще всего в одиночестве, на свой страх и риск; пересекать местности, где нет дорог и даже тропинок; с наступлением вечера останавливаться в первом попавшемся месте, спать на земле; подвергать себя холоду, ветру, дождю, граду или снегу и оставаться чаще всего

без ужина; бодрствовать, хотя вы окоченели и ноги у вас отнялись от неудобного положения, в страхе быть захваченным врасплох либо дикими зверями, либо независимыми индейцами, либо вообще бандитами всех рас и всех цветов кожи, опустошающими своими разбойничьими набегами эти благословенные земли, — бандитами, в тысячу раз более жестокими, чем все дикие животные и индейцы, вместе взятые.

Вам посчастливится, если вы не утонете в потоке, если вас не поглотит лавина снега, если вас не застанет в пути ураган или, что хуже всего, если вы не заблудитесь в девственном лесу!

Проделывать такой путь, далеко не устланный розами, — как можно судить по нашему короткому описанию, — часто приходится в продолжение несколько месяцев.

Как не похожи эти странствия на путешествия наших доблестных туристов!

Нам приходилось видеть людей необычайной силы, отваги и беспечности, людей, испытанных в опасности, — и тем не менее поседевших после трехмесячного путешествия в глубь пустыни.

Что бы ни говорили некоторые романисты, нелегкое дело — сражаться в одиночку, бороться один на один с почти непреодолимыми препят-

ствиями дикой природы, как будто прячущей свои тайны и запрещающей дерзким авантюристам проникать на ее девственную почву. Поэтому в необъятных прериях и в высоких саваннах даже самый неопытный взор может легко заметить путь, проходимый караванами. Это — длинная белая линия зловещего вида, образовавшаяся из неосязаемой на ощупь пыли миллионов развеянных скелетов людей и животных. Эта линия, подобная змее в высоких травах саванны, так глубоко врезана в землю, что ничто не может ее стереть.

Вот именно по такой дороге с необычайными трудностями продвигался вперед отряд дерзкого капитана Горацио де Бальбоа через день после его разговора с доньей Линдой, описанного нами выше.

Исчезли деревья и травы, уступив место чернова-тому песку, простиравшемуся далеко во всех направлениях — пока видит глаз.

Небо цвета раскаленного железа, без единого облачка, излучало удушающий жар на истомленную землю. В воздухе не было ни малейшего движения ветерка. Свинцовая тишина висела над пустыней. Лошади, казавшиеся призраками, бесшумно скользили по устланной трупами зем-

ле, поднимаясь на дыбы и храпя от ужаса.

Напоенная горькими, отвратительными запахами, тончайшая пыль проникала всадникам в глаза, ноздри и горло, вызывая жгучую боль, подобную боли от ожога.

Только накануне на рассвете отряд вошел в пустыню, и уже сегодня, через несколько часов, все изнемогали от ужасных страданий.

Несколько лошадей пали от усталости. Брошенные своими хозяевами, еще трепещущие, они стали добычей целой стаи гнусных хищных птиц — урубу[120], которые с резким клекотом кружили над ними и затем бросались на их трупы.

Трое или четверо солдат, шатавшиеся в своих седлах, смотрели вокруг мутными, невидящими глазами; это были первые симптомы сильнейшего прилива крови к голове от палящих лучей солнца — симптомы, указывающие на верную смерть к концу дня, если только не произойдет чуда.

Мрачные, безмолвные, с опущенными головами и дикими взорами, всадники машинально ехали вперед, не очень ясно отдавая себе отчет в окружающем.

---

[120] Примечания: 120
Урубу (исп.) — южноамериканский ястреб.

Один только Горацио де Бальбоа с гордо поднятой головой, прямо, уверенно державшийся в седле, казалось, вызывал на бой неукротимую пустыню. Он, как разведчик, ехал на сто шагов впереди всего отряда, а вслед за ним ехали воины-команчи, которых Мос-хо-ке прислал ему в качестве проводников.

Команчи, бесстрастные и холодные, нечувствительные к раскаленным солнечным лучам, смертельно опасным для сопровождаемых ими белых, внимательно следили за приближающимся отрядом индейских всадников, маневрировавших примерно на расстоянии одного лье от отряда Бальбоа.

— Что это значит? — гневно вскричал дон Горацио. — Эти черти собираются атаковать нас?

— Весьма вероятно, — лаконично ответил всадник, ехавший рядом с капитаном.

— Антилопа — умный воин, — вкрадчиво сказал дон Горацио. — Он, наверно, знает этих всадников?

— Почему Антилопа должен их знать? — холодно ответил индеец. — Прерии принадлежат всем краснокожим, кто бы они ни были — команчи, сиу, апачи или пауни.

— Но это воины-команчи?

— Бледнолицый ошибается. Пусть он посмотрит на их щиты, бичи и опахала. Это — апачи Колорадо.

— Но если это правда, начальник, то ведь они наши непримиримые враги?

— В прериях все люди — враги, — саркастически заметил индеец. — Впрочем, чего же боится мой бледнолицый брат? Апачей не более ста человек, а у моего брата в отряде людей в четыре раза больше.

— Это так, — раздраженно пробормотал Горацио, — но они изнурены палящей жарой, падают от усталости и не способны воевать.

Антилопа услышал или, вернее, догадался об ответе Горацио; насмешливая улыбка тронула его губы, но он хранил молчание.

— Что делать? — повторил дон Горацио озадаченно. Апачи тем временем продолжали свое наступление на фланги каравана, потрясая оружием и испуская крики, заставлявшие дрожать от страха испанцев. Испанцы понимали, что схватка с этими страшными врагами становится неизбежной. Тем более, что апачи, производя свои воинственные маневры, все ближе подъезжали к белым и вскоре должны были приблизиться на расстояние ружейного выстрела.

Угроза надвигавшейся опасности заставила солдат выйти из состояния угрюмой апатии, в которую они были погружены. Они гордо выпрямились в седлах, взялись за свое оружие и с живостью и энергией, на которую капитан никак не мог рассчитывать, приготовились храбро выполнить свой воинский долг и дорого продать свою жизнь.

Еще несколько минут — и схватка должна была начаться.

Уже множество длинных коричневых стрел, брошенных апачами, упало почти под ноги лошадей испанцев.

Дон Горацио не выдержал.

— Клянусь богом, — закричал он, — эти проклятые язычники думают преградить нам дорогу! Чего ждать? Вперед, друзья!

Антилопа хладнокровно остановил капитана, положив ему руку на плечо.

— Что вы хотите, вождь? — спросил дон Горацио.

— Что думает делать бледнолицый? — спросил, в свою очередь, индеец.

— Атаковать этих мерзавцев, черт побери! — гневно вскричал Горацио.

Индеец отрицательно покачал головой.

— Мой брат не сделает этого, — сказал он.

— Я сделаю это, видит бог!

— Апачи не будут атаковать белых. Пусть мой брат перестанет обращать на них внимание!

— Вы же видите, что они несутся на нас!

— Я это вижу, но повторяю моему брату: они не будут атаковать.

Капитан хотел его перебить, но индеец сделал такой величественный жест, приказывая ему молчать, что Горацио, помимо своей воли, смолк.

Тогда индеец сказал значительно:

— Антилопа — известный в своем племени вождь, у него не раздвоенный язык, и слова, выходящие из его груди, всегда правдивы. Пусть бледнолицый слушает: то, что он должен слышать, чрезвычайно важно для него.

— Говорите, но коротко, прошу вас, вождь! — сказал дон Горацио.

— Мой брат поверит словам Антилопы?

— Да, я знаю, вы — честный человек. Говорите же откровенно и прямо!

— Хорошо. Громадная опасность угрожает сейчас бледнолицым. Против нее нет средств спасения, так как она исходит от Ваконды. Время торопиться! Не пройдет и часа… быть может,

меньше, и эта страшная и неизбежная опасность обрушится на прерии. Пусть бледнолицые обретут быстрые ноги ягуаров и бегут, не оглядываясь. Антилопа их проводит до места, где они будут в безопасности, если, конечно, Ваконда позволит достигнуть этого убежища.

— Что это за опасность, вождь?

— Антилопа сказал. Желает бледнолицый умереть вместе со своими воинами?

— Нет! Конечно, нет, если этого можно избегнуть!

— Пусть, в таком случае, мой брат поторопится. Он и так потерял уже много времени.

Вождь команчей произнес эти слова с такой силой убеждения, с такой печалью, что капитан невольно взволновался, хотя и не понимал еще всей силы опасности, на которую намекал индеец. Его сердце сжалось от предчувствия, и, не колеблясь больше, он мгновенно решил последовать совету человека, для которого пустыня не была тайной.

В то же мгновение, в подтверждение предсказаний Антилопы, как бы для придания большего веса его словам, апачи, бывшие уже совсем близко от квадрильи, быстро повернули назад, издав ужасающий вопль, на этот раз бывший уже не

воинственным кличем, а скорее рычанием, выражавшим страх, и унеслись прочь во весь опор.

Испанские солдаты были потрясены: они не могли понять, что обозначает это паническое бегство.

— Мой брат убедился? — сказал холодно индеец.

— Да, — ответил пораженный дон Горацио. — Едем, вождь.

Он подскакал к паланкину, который конвоировали несколько команчей.

Отдадим справедливость дону Горацио — первая его мысль была о донье Линде. Он решил спасти ее любой ценой.

— Сеньорита, — сказал он, задыхаясь, — нам угрожает неотвратимая опасность! Скорее выходите из паланкина и садитесь ко мне на лошадь! Быть может, с божьей помощью мне удастся спасти вас от верной смерти!

Донья Линда бросила на него взгляд уничтожающего презрения.

— Нет, — ответила она сухо, — я не хочу быть обязанной спасением вам, сеньор. Я предпочитаю смерть такому позору.

Капитан подавил в себе гнев и отчаяние.

— Во имя тех, кого вы любите, я умоляю вас,

сеньорита, примите мое предложение! Всякое колебание грозит смертью вам!

— Повторяю вам: я предпочитаю умереть, — холодно ответила она, надменно отвернувшись.

— Проклятье! — в ярости закричал капитан и так вонзил шпоры, что лошадь его взвилась на дыбы от боли. — Клянусь богом, если вы так безрассудны, я употреблю силу, чтобы заставить вас слушаться!

Антилопа, бывший до сих пор немым и безучастным зрителем этой сцены, внезапно вмешался.

— Пусть бледнолицый поручит белую девушку вождю, — сказал он. — Антилопа отвечает за нее.

Капитан пристально посмотрел на индейца, но ничего не мог прочесть на этом неподвижном и холодном лице.

— Вам?.. — пробормотал капитан.

— Да. Пусть бледнолицый поспешит собрать своих воинов. Каждая утерянная секунда — это час похищенной у себя жизни. Антилопа догонит бледнолицых не позже чем через десять минут.

Дон Горацио, подумав секунду, решился. Не сводя глаз с индейца, он сказал ему:

— Хорошо, я доверяю вам эту девушку. Но вы мне ответите за нее жизнью! Поклянитесь,

вождь!

— Антилопа обещал, — ответил гордо индеец.

Бросив последний сумрачный взгляд на молодую девушку, сидевшую уверенно и равнодушно в паланкине, капитан пустил лошадь галопом и умчался.

Подъехав к отряду, он сказал несколько внушительных слов солдатам, взволнованным мрачными предсказаниями Антилопы, после чего квадрилья понеслась во весь дух в обратном направлении.

Тогда вождь команчей быстро приблизился к паланкину и поклонился донье Линде со свойственной краснокожим врожденной вежливостью.

— Согласна ли девушка с голубыми глазами слушать слова вождя? — спросил он спокойным и убеждающим голосом.

— Говорите, вождь, — улыбаясь, ответила Линда. — У меня нет никакого повода быть вашим врагом.

— Прекрасно, моя сестра верно поняла меня. Антилопа — друг Мос-хо-ке.

— Это правда, вождь? — взволнованно воскликнула Линда.

— У Антилопы не раздвоенный язык. Мос-хо-ке

— главный вождь племени. Уже давно он оберегает бледную девушку. Он поручил охрану девушки с голубыми глазами Антилопе и его воинам. Антилопа приехал защищать ее от злых происков вождя бледнолицых.

— Кто докажет мне правильность ваших слов, вождь? — спросила она, почти убежденная, но еще колеблясь.

— Пусть девушка с голубыми глазами вспомнит: однажды Мос-хо-ке вошел в лагерь белых и бросил камень в шатер, где помещалась бледнолицая девушка. Это было ожерелье, написанное Седой Головой. На рассвете следующего дня Мос-хо-ке ушел из лагеря, но уже через час туда вошел Антилопа. Его послал Мос-хо-ке. Откуда же вождь мог узнать все эти подробности, если бы Мос-хо-ке не рассказал ему все?

— Теперь я вижу, вождь, что вы действительно друг мне. Говорите, что надо делать. Я согласна повиноваться вам.

— Очень хорошо. Моя сестра хорошо сказала. Пусть она сядет на лошадь Антилопы — и она будет спасена.

Молодая девушка тотчас же вышла из паланкина. Но вдруг она остановилась…

— Что случилось с моей сестрой? — спросил

Антилопа.

— Я не одна, вождь, со мной две несчастные молодые девушки, я их не могу оставить.

— У моей сестры доброе сердце. Но пусть она успокоится: Антилопа спасет и этих девушек.

Антилопа сказал шепотом несколько слов сопровождавшим его воинам. Двое из них спешились и подошли к молодым девушкам, которые ни живы ни мертвы стояли, не понимая, что происходит вокруг них.

Индейцы мгновенно посадили их на своих лошадей.

Успокоившись, донья Линда взяла руку Антилопы и одним прыжком вскочила на его лошадь.

— Теперь, — сказал Антилопа, убедившись, что молодая девушка крепко держится за его пояс, — да спасет нас Ваконда! Мы потеряли очень много времени!

Краснокожие засвистели, и лошади, услышав свист, понеслись с головокружительной быстротой.

Не прошло и десяти минут, как эти современные кентавры догнали квадрилью и даже немного опередили ее.

— Пришпоривайте лошадей! Пришпоривайте лошадей! — крикнул Антилопа, проносясь мимо

дона Горацио. — И что бы ни случилось, не уменьшайте скорости! Не теряйте Антилопу из виду!

Небо стало медно-желтым, жара была удушающей, птицы кружились в воздухе, испуская резкие, нестройные крики. Внезапно небо потемнело, издалека послышался удар грома. И почти в ту же секунду вдали показался громадный песчаный смерч, приближавшийся с невероятной скоростью.

— Тревога! — пронзительно закричал Антилопа. — Все вслед за вождем, если дорожите жизнью!

И, сделав резкий крюк, он понесся в направлении, противоположном смерчу.

Слова индейца вернули воинам энергию, и они как завороженные бросились за ним, поручив свою жизнь богу.

Теперь они поняли, какая угроза нависла над их головами. Даже лошади инстинктивно почувствовали, что им угрожает смертельная опасность, и помчались так быстро, что, казалось, у них выросли крылья за спиной.

Нет страшнее бедствия в пустынях Дальнего Запада, чем ураган. С ним нельзя сравнивать даже ужасы африканского самума.

Песок, поднятый бурей, приняв форму огром-

ного столба, мчится во всех направлениях по прерии, уничтожая, сметая все и всех на своем пути, будь то деревья, люди или животные.

Этот невиданный по величине песчаный столб, доходящий почти до облаков, закрывает солнечный свет, вырывает, кружась, целые почвенные слои, притягивает и всасывает в себя любые тяжелые предметы — и за несколько часов меняет внешний вид прерии.

Дон Горацио и его солдаты закрыли себе лица до глаз мокрыми платками: предосторожность, которой их научили индейцы и без которой они неизбежно бы задохнулись.

Два часа неослабевающего, неистового бегства протекли в мучительной тревоге.

Изредка, на какой-то миг, тьму прорезали свинцовые отблески света и тут же исчезали. И тогда наступившая непроницаемая мгла казалась еще страшнее.

Донья Линда почти не понимала, что происходит вокруг: уцепившись инстинктивно с отчаянной силой за пояс индейца, почти теряя сознание, она думала, что все это — кошмарный сон.

Бегство продолжалось. Иногда слышался крик, потом проклятие. Это означало, что один из всад-

ников упал. А другие неслись, перескакивая через него, через его лошадь, даже не замечая этого.

Наконец стало светлеть, наступила тишина.

Антилопа испустил пронзительный крик и остановился.

Да и время было: если бы такая бешеная скачка продолжалась еще хоть четверть часа, белые погибли бы от усталости и ужаса.

Квадрилья была уже вне пределов прерии.

Примерно в полулье от них громадный девственный лес обещал тенистое убежище, так необходимое им в данный момент.

Дон Горацио поглядел на свой отряд, и вздох отчаяния невольно вырвался из его груди.

Больше половины его всадников было поглощено песками.

Только чудо спасло остальных.

— Благодарю вас, вождь! — горячо сказал он индейцу. — Мы вам обязаны жизнью. Если бы не ваша великодушная преданность, мы все остались бы в этой ужасной пустыне.

— Антилопа исполнил свой долг, — ответил индеец, спокойный, холодный и бесстрастный, как будто ничего необычайного не произошло. — Ведь Мос-хо-ке поручил ему быть проводником бледнолицых.

Он спрыгнул с лошади, осторожно взял на руки Линду и тихо положил ее на траву.

— Ах, зачем вы спасли меня, вождь! — сказала ему донья Линда с глубокой печалью.

— Затем, что отец девушки с голубыми глазами умер бы от горя, если бы команчи не вернули ему дочери! — шепотом сказал Антилопа, наклонившись к уху молодой девушки. — Пусть моя сестра не теряет мужества — ее друзья близко.

И, поклонившись низко молодой девушке, прелестное лицо которой осветилось лучом надежды, вождь удалился, оставив ее на попечение служанок, которые едва оправились от перенесенного страха.

XVIII. Развалины на Рио Хила

Нам придется на время расстаться с доном Горацио де Бальбоа и вернуться к другим, тоже очень важным персонажам этой повести. Мы их очень давно не вспоминали.

Просим читателя последовать за нами в одно из самых живописных мест западных прерий, которым скваттеры[121] и лесные охотники дали название Дальнего Запада. Это характерное название двумя словами определяет легендар-

---

[121] Примечания: 121
Скваттеры — колонисты, поселившиеся в Америке.

ную страну, истоптанную почти исключительно одними легкими мокасинами непокоренных индейцев — ожесточенных врагов белой расы…

Прошло десять дней после отъезда каравана, которым командовал дон Хосе Морено.

По тропинке, еле отмеченной следами диких животных, ехали трое вооруженных до зубов всадников в костюмах лесных охотников.

Было около трех часов пополудни; жара, нестерпимо палящая в первой половине дня, начинала понемногу спадать.

Не обращая внимания на жару, всадники ехали, не прибавляя шагу.

Наверно, для этого у них были серьезные причины, так как они не могли пожаловаться ни на усталость, ни на слабость своих лошадей.

Спутники достигли вершины пологого холма; вид с него расстилался на довольно далекое расстояние; на этом холме всадники остановились.

Один из них обратился к своим товарищам:

— Ну, друзья мои, — весело сказал он, — я должен сказать: мне чертовски везет! Мы на правильном пути, причем я могу объяснить это только чудом. Как это случилось, что мы не свернули с дороги, не понимаю!

— Право, дорогой Энкарнасион, — ответил

второй всадник, который был не кем иным, как доном Луисом Мореном, — мне судить трудно, признаюсь вам честно… Прошу, дон Кристобаль, взгляните вы и скажете ваше мнение!

— Гм… сказать правду, кабальерос, я тоже не больше вас могу судить об этой местности, — ответил дон Кристобаль.

— Да вы смеетесь, сеньоры! — сказал Энкарнасион Ортис. — Поглядите вперед! Эти кусты хлопчатника указывают на присутствие воды, не так ли? А эта вода — ведь не что иное, как Рио Салинас, а немного направо, впереди, Сиерра Бланка, еще дальше — Сиерра Могойон и прямо перед нами, не далее, чем в двух лье отсюда, те самые развалины, которые составляют в данное время цель нашего путешествия. Мы доедем до них, если вам будет угодно, через полчаса, даже раньше!

Дон Луис и дон Кристобаль внимательно проверяли взглядом все сведения и объяснения дона Энкарнасиона Ортиса и очень обрадовались, убедившись, что он совершенно прав, о чем они ему и сообщили с большой готовностью.

— Ну, дорогой Энкарнасион, вам действительно везет! — смеясь, сказал дон Луис. — Ведь, по-моему, вы знаете эту страну не лучше, чем мы.

— Мос-хо-ке так точно описал дорогу, что заблудиться было трудно.

— Хорошо. Но что же нам делать теперь, кабальерос?

— Сейчас больше четырех часов, не так ли?

— Да, приблизительно так, — ответил дон Кристобаль, поглядев на солнце, стоявшее почти на уровне деревьев.

— Так вот: я считаю, что мы должны, не останавливаясь, ехать дальше, к развалинам, и прибыть туда, когда наступит назначенный для встречи час.

— Прекрасно! Тогда — вперед! — ответили остальные и, пришпорив лошадей, помчались во весь дух вслед за Энкарнасионом.

Бешеная скачка продолжалась около пятнадцати минут. Выехав из леса, довольно густо поросшего хлопчатником, всадники очутились не более чем в ста шагах от развалин.

Бывают писатели, которые, не выходя, по-видимому, из своего кабинета, серьезно утверждают, что в Америке не осталось почти следов вымерших рас. Отсюда они выводят заключение, что Новый Свет до его завоевания не имел никакой истории.

Но, к сожалению для авторов такой теории,

действительность доказывает ошибочность этих рассуждений и, наоборот, утверждает существование очень передовой цивилизации еще задолго до завоевания. Не говоря уже о великолепных руинах Паленке на Юкатане, Теокалис в Чолула и о гигантских развалинах, обнаруженных недавно в центре Скалистых гор, имеются опубликованные работы, утверждающие, что при великом переселении чичимеков последние, во время многократных остановок в пути, обычно основывали величественные города, и их сохранившиеся следы восхищают тех редких исследователей, которым посчастливилось увидеть эти руины.

В доказательство мы опишем развалины, расположенные между Сиерра Могойон и де Лос Пахарос, на берегу Рио Хила или Салинас, поскольку события нашего рассказа привели нас именно к этим местам.

Эти развалины известны в стране под названием «Большой Дом Рио Хила» или под еще более характерным именем — «Большой Дом Монтесумы».

Это — равнина. Развалины зданий, составлявших когда-то город, тянутся более чем на пять километров на восток. В других направлениях

земля усеяна черепками глиняной посуды, отделка которой поражает совершенством.

Упомянутый Большой Дом образует длинный четырехугольник, открытый ветрам со всех четырех сторон. Вокруг всего дома возвышаются стены — следы вала, окружавшего и этот дом и другие здания; некоторые из этих зданий были похожи на средневековые башни.

На юго-западе виднеются бесформенные остатки каких-то построек, среди которых сохранилось лишь одноэтажное здание, разделенное на несколько частей.

Внутренняя стена этого дома имеет двести семь метров с севера на юг и сто пятьдесят восемь метров — с востока на запад.

Дом состоит из пяти больших помещений, из которых три, одинакового размера, расположены посередине, а два, большего размера, — по сторонам. Три центральных зала имеют девять метров с севера на юг и три метра — с востока на запад; два боковых зала имеют четыре метра с севера на юг и тринадцать метров с востока на запад. Все они имеют четыре метра в вышину. Все двери между залами одинаковы — два метра на девяносто сантиметров. Четыре входные двери примерно в два раза шире.

Снаружи дом имеет с севера на юг двадцать три метра и с востока на запад — семнадцать метров. Стены дома снаружи спускаются отлого.

Перед дверью, выходящей на восток и отделенной от дома, находится еще одна комната.

В ней, если не считать толщины стен, — девять метров с севера на юг и шесть метров — с востока на запад. По всей вероятности, комната была срублена из сосны и мескита, так как в окружности примерно на двадцать километров имеется только сосновый лес.

Все здание построено из глины, смешанной с резаной соломой, — способ строительства, сохранившийся и сейчас в Мексике.

По каналу, в настоящее время высохшему, притекала сюда вода.

В здании было три этажа, или, если считать превосходно сохранившееся подвальное помещение, — четыре.

Свет в комнаты проникал только через двери и через круглые стенные отверстия, выходящие на восток и запад.

Именно сквозь эти отверстия, говорят индейцы, Монтесума, прозванный «hombre amargo», что значит «сумрачный» или «неприятный человек», приветствовал солнце при восходе и закате его.

Не осталось никаких следов от лестниц и потолков — возможно, что апачи их разрушили, употребив на топливо во время своих частых набегов.

Франсиско Васкес Коронадо в 1542 году, во время своей экспедиции в фантастическую страну Сибола, видел эти развалины и оставил описание, приближающееся к нашему.

Единственное различие в том, что в его время существовали еще полы в верхних этажах. Сейчас их нет. Именно с его описанием в руках мы осматривали эти развалины и не нашли никаких следов деревянных частей.

— Итак, наши всадники, как мы уже говорили, подъехали к развалинам. Они были поражены, увидев, что эти развалины вовсе не безлюдны, как они предполагали, а, наоборот, заполнены людьми и что в них полным ходом идут какие-то исследования.

На песчаной равнине возвышались тут и там шалаши из зелени.

Люди рыли в песке глубокие ямы; лошади и мулы вращали наскоро сделанные шестерни; тяжелые вагонетки перевозили на берег реки песок; сидевшие на корточках люди тщательно промывали его в реке и просеивали.

К счастью, всадники могли хорошо укрыться за несколькими мескитовыми кустами, разбросанными кое-где на равнине. А работа возле развалин шла с такой энергией и усердием, что люди ничего не видели и не слышали. Таким образом, всадники остались незамеченными.

Но все же дон Энкарнасион и его спутники, из боязни быть обнаруженными, сочли лучшим не оставаться здесь и повернули назад, чтобы укрыться в лесу.

Найдя невдалеке открытую лужайку, они остановились. При умелом использовании просветов между деревьями им было удобно наблюдать за движением своих таинственных соседей. Спешившись, они уселись на землю, закурили сигары и сигареты и устроили, по обычаю прерий, индейский совет.

Положение было очень серьезным. Присутствие незнакомцев в том месте, куда они должны были проникнуть, заставило их очень задуматься.

— Что это может обозначать? — спросил дон Луис у своих товарищей. — Что могут делать здесь эти люди?

— Это легко угадать, — ответил дон Кристобаль. — Очевидно, в эти развалины, необитаемые

с давних пор, вторглись гамбусинос. Кто-то из них открыл, или, вернее, думает, что открыл, здесь золотые залежи и предложил заняться этим делом сообща. Их привела сюда жажда золота.

— Да, но почему эти чертовы мошенники выбрали именно это место для своих раскопок? — вскричал Энкарнасион. — Вот чего я не могу понять!

— Тем более, — прибавил дон Кристобаль, — что с незапамятных времен каждый знает, что это — развалины старого города чичимеков и, следовательно, здесь не может быть залежей золота.

— Ну конечно! Если здесь когда-нибудь и были золотые россыпи, то уже давно должны были бы иссякнуть.

— Даже признака золота нет — ни здесь, ни в окрестностях, — живо сказал дон Кристобаль. — По-моему, Здесь совсем другое дело! Мне кажется, что здесь производится какая-то таинственная работа…

— Но какая? — нетерпеливо перебил его дон Луис.

— К несчастью, я знаю не больше вас. И все же стоило мне бросить только взгляд на этих злополучных рабочих, как мне пришло в голову,

что они имеют какое-то отношение к Бальбоа. Я готов держать пари, что это так!

— О черт! Если вы правы, дон Кристобаль, это очень сильно меняет данные нам инструкции. Даже не понимаю, что нам тогда делать?

— Быть может, благоразумнее повернуть назад? — сказал Энкарнасион Ортис.

— Я не согласен с вами, дорогой мой, — ответил дон Луис. — Вот что я предлагаю: один из нас вернется к каравану и сообщит дону Хосе Морено о нашем открытии. Второй останется спрятанным в этом лесу. А третий спокойно направится к развалинам и представится этим искателям золота как авантюрист, бродящий в поисках счастья.

— Хорошо, но что будет потом? — заметил дон Кристобаль.

— Как — потом? — воскликнул дон Луис.

— Но поймите! Предположим, он пойдет и представится как авантюрист. Допускаю. Но к чему это приведет? Какую выгоду мы извлечем из этого для нашей экспедиции?

— Колоссальную!.. Этот человек не возбудит никаких подозрений; он сможет свободно ходить повсюду, наблюдая за всем. Одним словом, у него будет полная возможность разгадать загадку, которая так нас смущает. А когда ему станет ясной

причина их пребывания в этих местах, когда он узнает, кто они и что им нужно здесь, он уйдет и расскажет нам все свои наблюдения. Тогда мы и поступим соответственно. Мне кажется, все это очень легко сделать. Риску нет никакого, а выгода от этого может быть громадной! Если вы согласны со мной, то именно я попытаюсь это сделать.

— Но ведь по вашему акценту они моментально догадаются, что вы европеец?

— Я надеюсь, именно этот акцент уничтожит все подозрения и даст мне возможность очень естественно играть роль авантюриста. Что вы думаете о моем предложении?

— Что касается меня, то, подумав, я нахожу его приемлемым. По-моему, у вас много шансов на успех и, может быть, именно из-за дерзости этого плана… А ваше мнение, дон Кристобаль?

— Я вполне разделяю точку зрения дона Луиса Морена, кабальерос. Если кто-нибудь действительно может выполнить это задание, то только дон Луис, и никто больше. Он — иностранец, поэтому неизвестен им. В то время как вы, дон Энкарнасион, и я — в случае, если этот лагерь разбит доном Горацио де Бальбоа — мы будет разоблачены в первое же мгновение. Не будем скрывать: этот достойный кабальеро знает нас

отлично.

— И к тому — с давних пор, — улыбаясь, прибавил дон Луис.

Трое всадников весело засмеялись этой шутке товарища.

— Даю слово, прекрасный план! Я принимаю его с закрытыми глазами, — сказал дон Энкарнасион. — Но теперь надо решить, кто из нас останется в засаде.

— Вы, если ничего не имеете против, — сказал дон Кристобаль. — Я лучше вас знаю страну и смогу скорей найти дона Хосе Морено, чтобы рассказать ему обо всем, что произошло.

— Хорошо. Решения приняты. Теперь, сеньоры, нам осталось только привести их в исполнение.

Совет был окончен, и молодые заговорщики тут же вскочили на своих лошадей, так как нельзя было терять времени.

Они обменялись последними словами, сердечно пожали друг другу руки на прощание: дон Луис и дон Кристобаль разъехались в разные стороны, а Энкарнасион остался на страже в лесу.

XIX. Гостеприимство

Было около пяти часов вечера. Красноватые

лучи заходящего солнца окрасили равнину в теплые тона и придали ей характер необыкновенного величия

Дон Луис Морен, еще не привыкший к грандиозным видам американской природы, невольно поддался очарованию великолепного пейзажа, расстилавшегося перед его глазами. Но его мечтательное настроение вскоре было нарушено: навстречу ему во весь опор мчался какой-то всадник.

Приблизившись к дону Луису, всадник угрожающе спросил:

— Эй, сеньор, вы глухой или заснули на вашей лошади?

— Я не глухой и не заснул, кабальеро, — ответил дон Луис, выпрямляясь в седле. — Я просто очень устал.

— Вот как! — сказал незнакомец, украдкой бросив подозрительный взгляд на лошадь дона Луиса. — А между тем ваше животное, по-моему, в прекрасном состоянии и может, если понадобится, проделать длинное путешествие.

— Возможно, кабальеро, — сухо ответил француз. — Но если моя лошадь чувствует себя хорошо, я, наоборот, чувствую себя плохо.

— Ну-ну… — насмешливо ответил незнако-

мец. — Если вы прибыли сюда с целью лечиться, у вас на это мало шансов! Должен вас предупредить — врачей здесь нет.

— Слава бога, я болен не серьезно. Мне кажется, что вы поймете: я умираю с голоду.

— С голоду?

— Увы, да.

— Вот как?! — вскричал удивленный незнакомец. — Клянусь, вы — живая загадка! Страна кишит самой разнообразной дичью, человек вооружен до зубов и жалуется на голод! Но если только эта болезнь вас мучает, ваши муки кончатся: я займусь вашим излечением! Следуйте за мной и примите мое гостеприимство.

— Благодарю вас от всего сердца, кабальеро! — улыбаясь, ответил дон Луис.

— Ба! Не стоит! Гостеприимство в пустыне — долг, от которого никто не может уклониться.

— Не будет ли нескромно, кабальеро, спросить, я кем я имею честь говорить? — спросил француз, кланяясь своему собеседнику.

— Пожалуйста, сеньор! — ответил тот с изысканной вежливостью. — Я — дон Горацио Нуньес де Бальбоа, к вашим услугам, капитан на службе его величества короля Испании и Индии. А могу ли я, кабальеро, в свою очередь, спросить, кого

имею честь принимать в качестве гостя?

Слушая имена и титулы, перечисленные капитаном, француз вздрогнул: предположения дона Кристобаля оказались верными. Но его волнение промелькнуло, как молния, и прошло незамеченным для собеседника.

— Я — иностранец, кабальеро, — сказал дон Луис, — недавно прибыл в Америку. Мое имя вам ничего не скажет… Но если…

— О, это все равно, сеньор! — прервал его дон Горацио. — Мы находимся в стране, где каждый свободен поступать по своему желанию и сохранять, если ему нравится, самое строгое инкогнито. Такая сдержанность здесь никого не удивляет. Я спрашиваю ваше имя только для того, чтобы знать, как обратиться к вам, когда представится случай.

— Меня зовут дон Луис, сеньор, к вашим услугам.

— Вполне достаточно! — живо сказал капитан. — Теперь, сеньор дон Луис, поскольку мы уже немного знакомы с вами, я буду иметь честь проводить вас в мое бедное жилище. Прошу вас с этого момента смотреть на него, как на свое.

— Тысяча благодарностей, сеньор! — кланяясь, ответил француз.

И оба всадника галопом помчались к Большому Дому Монтесумы.

Как и предвидел дон Кристобаль, таинственные обитатели руин оказались гамбусинос, занимавшимися разработкой золотых россыпей. Но что это за россыпи, которые роют по приказанию дона Горацио де Бальбоа, — вот что дон Луис очень хотел бы знать.

Среди хакаль[122], покрытых листвой, копошилась куча оборванцев, худых, болезненных, с мрачными, свирепыми лицами, с отталкивающей и грубой внешностью.

Это была шайка разбойников, отбросы цивилизации, люди, проклятые обществом, оттолкнувшим их навек. Этот сброд, одержимый, без сомнения, ужасной болезнью, которую американцы метко назвали золотой лихорадкой, собрался здесь, в неведомом для него пристанище, чтобы вновь неизбежно потерпеть крушение.

Все люди, мимо которых проезжали дон Горацио и дон Луис, бросали на них, шепчась между собой, подозрительные, подчас угрожающие взгляды. Однако все они, или почти все, приветствовали дона Горацио с особой почти-

---

[122] Примечания: 122

Хакаль (исп.) — хижина, крытая пальмовыми листьями.

тельностью.

Тут и там перед наскоро сколоченными пулькериа[123] дрались пьяницы и текла кровь.

Толпа, жадная до крови и зрелищ, образовывала круг, но не для того, чтобы помешать или остановить драку, а для того, чтобы обсуждать удары, заключать пари и приветствовать победителя.

Повсюду были видны следы громадных и очень глубоких ям. Следы эти перекрещивались и перепутывались между собой во всех направлениях. Но дон Луис заметил, что нет даже признаков золота.

Однако почему же эти необыкновенные гамбусинос без устали и без отказа занимались рытьем огромных траншей? Какую таинственную работу выполняли они?

Такие вопросы задавал себе мысленно дон Луис. Эта непонятная работа интересовала и беспокоила его все больше и больше, что не мешало ему, однако, с совершенно равнодушным видом следовать за доном Горацио по извилистым путям лагеря.

Меньше чем за двадцать минут всадники очу-

---

[123] Примечания: 123

Пулькериа (исп.) — кабачок, где продается пульке, алкогольный напиток из сока агавы.

тились у руин и остановились у входа в дом.

Капитан свистнул. Появился пеон.

— Вот мы и прибыли, кабальеро! — сказал испанский офицер дону Луису. — Бросьте поводья этому плуту, он позаботится о лошади, а также отнесет ваш плащ в комнату. Прошу вас за мной!

Молодой человек выполнил все это с видом крайней усталости. Он, конечно, не ощущал никакого утомления, но приходилось играть взятую на себя роль. Дон Луис уже готов был войти в дом, как вдруг дон Горацио положил ему руку на плечо, наклонился к его уху и сказал с некоторым замешательством:

— Одну минуту, кабальеро! Мне нужно сказать вам несколько слов. У каждого в этом мире бывают дела, которые касаются только его одного. Вы это знаете так же хорошо, как и я, поскольку вы сами хотите остаться неизвестным. Что бы вы ни увидели и ни услышали у меня, обещайте не вмешиваться.

Дон Луис отступил.

— Позвольте, капитан! — сказал он. — В таком случае, я должен поставить вам условие.

— Условие? — удивленно произнес испанец. — Ну хорошо. Какое? Говорите!

— Я ничего не увижу и не услышу, если только

не будет затронута моя честь.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что говорю. Ничего другого. Прошу вас, не придавайте моим словам смысла, который я не придаю сам.

Капитан очень серьезно и внимательно посмотрел на своего гостя — лицо молодого человека было холодно и бесстрастно.

Тогда испанец, пожав плечами, пренебрежительно улыбнулся и, приняв прежний тон, сказал:

— Войдите и действуйте по своему усмотрению. Вы — мой гость и, следовательно, полностью свободны. Кроме того, мне все безразлично.

Они вошли.

Если внешний вид развалин оставался неизменным, то внутри стены, побеленные известью и украшенные картинами кричащих тонов, пол, покрытый узкими циновками и очищенный от веками скопившегося ссора, разрозненная мебель в виде гамака, открытого буфета, стола, шкафиков, — все это свидетельствовало об усиленных попытках хотя немного придать комнате жилой вид.

На дворе была ночь.

Дымящиеся светильники на столе и несколько

факелов, прикрепленных к стене железными кольцами, освещали эту большую комнату неверным, дрожащим светом.

Скромное угощение состояло из нескольких блюд с овощами и дичью, расставленных со строгой симметрией, так любимой испанцами. Кроме блюд с яствами, на столе стояли глиняные кувшины с водой и неполная бутылка водки.

— Прошу вас, будьте гостем! — любезно сказал капитан, указывая молодому человеку на кресло. — Раз уж вас мучает такой зверский голод, садитесь и принимайтесь скорей за еду.

Они сели друг против друга. Но в тот момент, когда капитан протянул руку к блюду с мясом, желая радушно предложить его своему голодному гостю, дверь открылась, и в комнату вошла молодая метиска.

— Сеньора донья Линда Морено! — доложила она и отошла в сторону, давая дорогу хозяйке.

Вошла донья Линда; у нее был очень серьезный и даже величественный вид.

Мужчины встали.

Дон Луис вежливо поклонился молодой девушке, подал ей руку и проводил к столу.

Что же касается капитана, то неожиданное появление доньи Линды и смутило его, и вызвало

досаду, очень заметную, несмотря на усилия ее скрыть.

Донья Линда была бледна; ее глаза, покрасневшие от слез, свидетельствовали о глубоких, но мужественно переносимых страданиях.

Она поблагодарила молодого человека легким кивком головы и села к столу.

— Вы так редко доставляете мне радость своим присутствием, сеньорита, — сказал капитан, — что я не смел надеяться на счастье увидеть вас сегодня за обедом.

Молодая девушка ничего не ответила на эту вычурную любезность; она сделала вид, что ничего не слышала, и обратилась к дону Луису:

— Какой несчастный случай, кабальеро, привел вас в этот притон бандитов?

— Я благословляю этот случай, доставивший мне честь встретиться с вами и предложить вам мои услуги, сеньорита! — вежливо поклонившись, ответил дон Луис.

— Поскольку донья Линда нашла уместным украсить наш обед своим присутствием, — с холодной иронией сказал капитан, — мне следует представить вас сеньорите, мой дорогой гость.

— Мне вовсе не нужно, чтобы вас представляли, сеньор!

— горячо сказала молодая девушка. — Хотя я не знаю вашего имени, но у вас вид настоящего кабальеро и честного человека, поэтому я убеждена, что могу совершенно спокойно довериться вам.

— Я имел честь сказать вам, сеньорита, что я полностью в вашем распоряжении. Я сделаю все, что вам угодно будет приказать мне.

— Однако! — со сдержанной яростью сказал капитан. — Мне кажется, мой дорогой гость, что вы ведете себя слишком непринужденно и, как ни странно, спешите предлагать свои услуги незнакомой особе, с которой вы в первый раз встречаетесь у меня!

— Я делаю то, что диктует мне честь, кабальеро, — спокойно ответил дон Луис. Я — француз, а в моей стране ни один благородный человек не откажет в помощи даме, когда она об этом просит.

— Я запомню ваши слова, сеньор! — живо ответила молодая девушка.

— Простите, сеньорита, — прервал ее капитан, вскочив со своего места, — я считаю, что шутка зашла слишком далеко.

— Напротив, — холодно ответил дон Луис, — я считаю все это очень серьезным и прошу вас, кабальеро, не мешать сеньорите объясниться.

Эти слова были произнесены так решительно и

с таким достоинством, что дон Горацио, привыкший к увертками мексиканского лицемерия и не ожидавший в своем госте такого честного противодействия, несколько секунд был в оцепенении и не находил слов для ответа; но очень быстро его свирепая натура взяла верх, и он, ударив в гневе кулаком по столу, вскричал:

— Зачем вы вмешиваетесь?

— Вспомните о словах, сказанных мною, когда я переступил порог этого дома, сеньор. Моя честь поставлена сейчас на карту, и даю вам честное слово: что бы ни случилось, ни одно пятно не замарает ее, — так же спокойно ответил дон Луис.

— Благодарю вас, кабальеро! —взволнованно воскликнула молодая девушка. — Благодарю вас за то, что вы готовы защитить меня, совершенно незнакомую вам девушку, от этого человека! Будьте благословенны за вашу героическую самоотверженность!

— Хвала богу! — воскликнул, нервно расхохотавшись, капитан. — Вот уж не думал, что буду присутствовать при такой забавной сценке, хотя и сам ее подготовил!

— Что вы хотите сказать этим, кабальеро? — надменно спросил француз.

— Я хочу сказать, сеньор, — ответил капитан,

усаживаясь и небрежно откидываясь на спинку кресла, — что вы замечательно попали в ловушку, которую я вам подстроил, клянусь богом!

— Ловушку?

— Да-да! — с деланным добродушием ответил капитан. — Вы знаете индейскую поговорку: «Деревья имеют глаза, а листья — уши?» Карай! Вот уже давно я иду по вашим следам, а также по следам дона Энкарнасиона и еще одного бездельника из его друзей. Не случайно, как вы, вероятно, догадываетесь, мы встретились с вами в саванне! И тем более не случай привел вас сюда! Но разрешите мне сказать, сударь мой, что, притворяясь столь щепетильным в вопросах чести, вы прибегли к такому предательству, какому вас не мог бы научить самый ловкий бандит!

— Сеньор, эти слова…

— Черт побери! Хотел бы я знать, как иначе назвать ваше сегодняшнее поведение, сеньор капитан дон Луис Морен? Вы видите, что я вас знаю, не правда ли?

— Довольно оскорблений, сеньор! — возмущенно вскричал молодой человек, хотя про себя он должен был признать, что слова капитана не лишены основания.

— Я вас не оскорбляю, я говорю только то, что

есть. Никто не имеет права обсуждать мое поведение. Это касается только меня и моей совести. Я похитил молодую девушку? Но разве вас это касается? Вы ее родственник или жених? Нет! К тому же, если бы я был бандитом, как считает сеньорита, ничто не помешало бы мне жестоко отомстить вам!

— Что вас останавливает? — спокойно сказал дон Луис. — Неужели вы полагаете, что, отправляясь сюда, я не знал, какой опасности я подвергаюсь! Я поклялся пожертвовать жизнью, чтобы возвратить донью Линду ее отцу!

— Вы сошли с ума! — сказал капитан голосом, придушенным от гнева. — Вы сошли с ума, осмеливаясь обратиться с подобными речами ко мне, в моем лагере! Ко мне, окруженному людьми преданными и готовыми повиноваться моему малейшему знаку! Мне достаточно произнести одно слова, сделать один жест — и вы умрете! А вы один, и помочь вам никто не может!

— Это верно, — сказал француз, — но со мной бог, бог, который нас видит, нас судит и который не оставит меня, зная, что у меня нет человеческой помощи.

— Зовите же его, — ответил, усмехаясь, капитан, — потому что, черт возьми, наступило время,

когда он должен вам помочь!

— Кабальеро! — вскрикнула донья Линда дрожащим от волнения голосом. — Забудьте, умоляю вас, все, что я вам сказала! Отчаяние меня ослепило! Предоставьте меня моей печальной судьбе и не вступайте, заклинаю вас, в борьбу, из которой вы не выйдете победителем! Не прибавляйте к моему горю вечных угрызений совести, что я стала причиной вашей гибели!

— Сеньорита, — сдержанно сказал француз, обнажая шпагу и вытаскивая пистолет из-за пояса, — благодарю вас за сочувствие, которым вы удостоили меня, но, простите меня, я не подчинюсь вашим приказаниям. Никогда не представится мне лучший случай защищать благородную цель! Я сам себе поклялся спасти вас или умереть за вас. Я вас спасу или умру!

И он нежным и благородным жестом отстранил молодую девушку. Донья Линда испытывала невыразимое отчаяние, но понимала, что не имеет больше права вмешиваться в происходящее.

— Пусть будет так, как вы хотите! — вскричал капитан, оскаливаясь, как хищный зверь.

Уже готова была начаться страшная, беспощадная битва, уже дон Горацио высоко занес шпагу над своим противником, а тот, со своей стороны,

приготовился к отпору, как вдруг дверь бесшумно открылась и кто-то вошел.

Это был Мос-хо-ке, великий вождь команчей.

Он был в своем военном костюме; важным, медленным шагом приблизился он к молодым людям и пристально посмотрел на них; потом

опустил их шпаги жестом, полным невыразимого величия.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Неужели бледнолицый начальник поссорился с человеком, которому он предложил гостеприимство?

После этих слов в комнате воцарилось мрачное молчание.

XX. Вождь

Итак, дон Энкарнасион Ортис остался в лесу, граничившем с деревней, или, вернее, с лагерем гамбусинос.

Выбрав удобное убежище, он сошел с лошади, сел у подножия какого-то дерева и, опустив голову, задумался.

Это были невеселые мысли. Дон Энкарнасион понимал, что находится в данный момент в очень опасном положении: без дружеской помощи, один, в засаде. Если бы обитателям лагеря пришла мысль (а это было весьма вероятно) устроить в лесу облаву для поисков шпионов, они, конечно, обнаружили бы его и убили.

И все же не это предположение, как бы мало приятно оно ни было, тревожило молодого че-

ловека; другие мысли мучили его и заставляли проклинать свое вынужденное бездействие.

Сейчас, оставшись в одиночестве и трезво взвесив все происшедшее, он горько пожалел, что согласился отпустить своего друга к гамбусинос. Ведь дону Луису, храброму и умному человеку, были почти неизвестны мексиканские нравы. Сумеет ли он обмануть врагов? Сможет ли достаточно убедительно сыграть свою роль? И была еще одна мысль, терзавшая его больше всего. Как мог он, жених доньи Линды, он, которого она любила и считала своим защитником, — как мог он уступить свое место другому! Другому — хотя бы это был такой верный друг, как дон Луис! Не пренебрег ли он своим долгом, не нарушил ли клятву, передав другому право отомстить за оскорбление своей невесты?..

И много других столь же мучительных мыслей вскоре так разбередили молодого человека, что его охватила бешеная ярость.

Он вскочил, решив любой ценой проникнуть в лагерь гамбусинос, не думая о последствиях этого смелого, но необдуманного поступка.

В тот момент, когда дон Энкарнасион вложил уже ногу в стремя, в кустах послышался легкий шум. Не успел он инстинктивно повернуть голо-

ву, как несколько человек с быстротой молнии бросились на него, схватили и лишили возможности защищаться.

Дон Энкарнасион понял, что борьба бессмысленна, поэтому решил хладнокровно принять свое поражение.

— Чего вы хотите от меня? Почему вы бросились на меня, как взбесившиеся волки? — высокомерно спросил он.

— Э! — послышался насмешливый голос. — Кажется, мы ошиблись и, охотясь за лисицей, поймали случайно льва?

— Кто вы и что вам от меня нужно?

— Сейчас вы это узнаете, сударь мой! Зажгите факелы, друзья!.. Нам надо посмотреть друг на друга.

Этот приказ был немедленно выполнен.

Молодой человек воспользовался несколькими секундами свободы и выхватил свой мачете. Он решил дорого продать свою жизнь.

— А! — вскричал он. — Если мне суждено умереть, я все же оставлю кое-кому из вас свои метки! Чего же вы ждете, приятели?

В этот момент лужайка осветилась факелами.

Дон Энкарнасион бросил взгляд вокруг себя — его окружало не меньше сотни человек. Кроме

того, за деревьями были видны чьи-то черные силуэты.

«Ого! — прошептал про себя Энкарнасион. — Их много! Тем лучше! Если суждено умереть, умру с честью!»

— Вот так так! — послышался тот же насмешливый голос. — Долой оружие! Я же говорил вам, что мы ошиблись! Мы имеем дело с другом!

— Где, черт возьми, я слышал этот голос?.. — пробормотал дон Энкарнасион.

Ряды незнакомых людей раздвинулись, и на середину лужайки быстро вышли два человека.

Дон Энкарнасион издал крик удивления и радости и, кинув на землю свой нож, бросился к ним навстречу.

Один из этих мужчин был дон Рамон Очоа, другой — Великий Бобр, вождь команчей.

— Ах! Вот это встреча! Будь благословен бог за случай, который вас привел! — возбужденно сказал молодой человек.

— Это не случай, мой мужественный друг! — смеясь, возразил бывший алькальд. — Наоборот, я явился сюда по приглашению Мос-хо-ке, чтобы присоединить мою квадрилью к отряду дона Хосе Морено.

— Клянусь честью, вождь, вы действительно

неоценимый человек! — весело произнес Энкарнасион, сердечно пожимая руку Мос-хо-ке. — Дон Хосе Морено знает о подкреплении, которое вы ему так кстати привели?

— Два дня назад Мос-хо-ке оставил бледнолицего начальника. Мос-хо-ке не говорил ему о своих планах. Белые говорят, а краснокожие действуют. Мой отец Седая Голова будет доволен, когда увидит, что число его воинов удвоилось, и узнает, что это сделал его сын-команч.

— Послушайте-ка, мой друг, а что же вы делали тут, с одной ногой в стремени, а другой — на земле? — спросил дон Рамон.

— В тот момент, когда вы так неожиданно напали на меня, — ответил дон Энкарнасион, — я садился на лошадь, чтобы на свой страх и риск ехать в лагерь этих бандитов.

— У белый людей нет разума, — серьезно сказал Мос-хо-ке. — Что стоит один человек против ста?

— Вы правы — ничего! Но я хотел спасти донью Линду даже ценою своей жизни!

— Пусть так! — сказал индеец. — Спасти ее нужно. Но и жить нужно.

— Это, конечно, лучше всего! — ответил молодой человек, невольно улыбнувшись, несмотря на свою печаль. — Но как это сделать?

— Пусть мой бледнолицый брат подождет. Сейчас глубокая ночь; ничто не заставляет нас спешить. Завтра надо начать действовать.

— Как — ничто не заставляет спешить?.. Ах да, ведь вы ничего еще не знаете, вождь!

— Что случилось? — спросил дон Рамон.

— Пусть мой брат говорит, — добавил индеец, — уши вождя открыты.

По знаку Мос-хо-ке факелы были потушены сразу же после того, как в пленнике узнали дона Энкарнасиона Ортиса. Мос-хо-ке опасался, что гамбусинос могут обнаружить в лесу отряд. Ранчерос, уставшие от длительной езды, растянулись на траве, не выпуская из рук поводьев, готовые вскочить на лошадей при первом же сигнале.

Дон Энкарнасион в нескольких словах рассказал о том, что произошло с ним и с его друзьями: как дон Кристобаль Нава повернул обратно, чтобы поторопить прибытие каравана дона Хосе Морено; как дон Луис Морен отправился вперед, надеясь разузнать что-либо о донье Линде; как, наконец, он сам, измученный тревогой, решил ехать в лагерь и разыскать своего друга, а в этот момент ранчерос внезапно набросились на него.

— О! — сказал вождь. — Бледнолицый брат говорит, как мудрый человек, а действует как

ребенок. Но пусть он не приходит в отчаяние, Ваконда велик, он ему поможет. Бледнолицей девушке с голубыми глазами не угрожает никакая опасность. Вождь точно знает, что белый начальник — гачупин относится к ней с уважением. Сейчас не надо опасаться за нее. Пламенный Глаз не нуждается в помощи, ему ничего не угрожает. Мос-хо-ке пойдет в деревню бледнолицых.

— Вождь пойдет один?

— Мос-хо-ке — могучий воин. Гачупины боятся его.

— Хорошо, пусть будет так, — решительно сказал молодой человек. — Но при одном условии: я пойду с моим братом.

Индеец окинул его проницательным взглядом, подумал мгновение, потом ответил:

— Мой брат пойдет.

— Едем же! — вскричал дон Энкарнасион.

— Молодость нетерпелива, — нравоучительно произнес индеец. — Воины моего отца Седой Головы в сопровождении двух воинов моего народа прибудут сюда, прежде чем луна успеет пробежать половину своего пути в небе. Белый начальник со своим отрядом должен ожидать здесь своих братьев и не уходить отсюда в деревню, пока Мос-хо-ке не вернется. А молодой

бледнолицый брат мой пусть приготовится следовать за краснокожими воинами, которые пойдут в лагерь гачупинов.

При этом вождь два раза подряд громко крикнул, как кричат собаки прерий.

Немедленно двадцать пять воинов-команчей появились на лужайке и выстроились позади своего вождя.

Дон Энкарнасион был уже на лошади и с нетерпением ждал сигнала к отъезду.

Но вождь, холодный и бесстрастный, как все люди его расы, нисколько не спешил. Он внимательно оглядывал воинов-команчей, желая убедиться, что их оружие в порядке. Потом, вложив ногу в стремя, вскочил на лошадь и сказал, обращаясь к дону Рамону:

— Мой брат хорошо меня понял, не правда ли? Прежде чем покинуть этот лагерь, он должен ждать возвращения Великого Бобра столько времени, сколько продлится его отсутствие. А главное, ни один из воинов бледнолицего начальника не должен показываться на равнине.

— Поезжайте спокойно, вождь, — сказал дон Рамон Очоа и добавил, сердечно пожимая руку дону Энкарнасиону: — Да поможет вам бог, мой друг!

— Спасибо! — ответил Энкарнасион, горячо

пожав ему руку.

— Вперед! — скомандовал вождь.

И воины-команчи, пришпорив коней, галопом помчались по равнине.

Деревня гамбусинос была темна, улицы пустынны; только иногда тьму прорезал красный свет и слышались нестройные крики. Это были ночные кабачки. Какие-то подозрительные тени быстро и бесшумно скользили во тьме.

Команчи пересекли деревню и появились у развалин, не привлекая ничьего внимания. Гамбусинос знали, что часть племени расположилась лагерем на равнине, поэтому они предполагали, что проезжая группа была отрядом воинов, вернувшихся в деревню с охоты.

Прибыв к Большому Дому Монтесумы, вождь дал приказ остановиться, а сам спешился; то же сделал и Энкарнасион; краснокожие остались в седлах, с ружьями в руках, готовые каждую минуту к бою.

Мы уже сказали, что появление команчей не привлекло внимания; однако Великий Бобр, осторожный, как все краснокожие, принял на всякий случай меры предосторожности.

По его распоряжению два воина отправились в находившийся за несколько сот шагов от деревни

лагерь краснокожих, с приказом немедленно всем вооружиться и прибыть к Большому Дому.

Шесть воинов окружили развалины. Им было точно приказано загородить проход всякому, кто попытается войти в дом или выйти из него.

Как только приказания были отданы и выполнены, вождь подошел к дону Энкарнасиону и сказал ему на ухо:

— Мой брат видит, что я делаю для него? Он доволен?

— Да, вождь, — тихо ответил молодой человек.

— Хорошо. Мой брат не произнесет ни одного слова, не сделает ни одного жеста без разрешения Великого Бобра. Пусть он поклянется Вакондой!

— Я вам клянусь честным словом, вождь! Но и вы поклянитесь мне, что вы спасете моего друга, дона Луиса!

— Великий Бобр его спасет, или мы все погибнем! — ответил индеец.

Приблизившись к самой двери дома, они стали слушать.

В доме горячо спорили; гневные, судя по интонациям, фразы сталкивались с такой быстротой, что их невозможно было понять.

Дон Энкарнасион, несмотря на свое обещание, чувствовал, что в груди у него клокочет буря;

если бы вождь не удерживал его железной рукой, он бы бросился в дом. При последнем донесшемся слове, произнесенном капитаном, индеец был вынужден резко оттолкнуть Энкарнасиона от двери.

— Брат мой хочет погубить себя и своего друга? — сказал он.

— Что же делать? — воскликнул дон Энкарнасион.

— Держать свое слово, ждать и предоставить действовать вождю. Пусть мой брат помнит, что при малейшей неосторожности перебьют всех индейских воинов. Брат мой отвечает за них вождю, а вождь отвечает за его друга. Пусть мой брат ждет. Вождь войдет.

И Великий Бобр открыл дверь и вошел в комнату.

Мы уже рассказали в конце предыдущей главы, как присутствующих поразило непредвиденное появление вождя команчей. Великий Бобр почтительно поклонился молодой девушке и обратился к капитану:

— Великий Бобр долго был в пути и устал; он голоден и хочет пить; не может ли его брат, бледнолицый начальник, предложить ему прохладительные напитки? Или он предпочитает

сначала закончить дело, которое привело сюда вождя?

— О каком деле хочет говорить вождь? — хмуря брови, спросил дон Горацио. — Я не знаю, чего может требовать от меня Мос-хо-ке. Нас всегда соединяют дружеские отношения.

— У моего брата короткая память. Он забыл, что земля, которую здесь роют по его приказанию, принадлежит воинам индейского племени. Он забыл, что по приказанию Великого Бобра эти воины служили начальнику проводниками и привели сюда. Он забыл, что Великий Бобр разрешил ему разбить лагерь при одном условии…

— И вы пришли требовать выполнения этого условия? — побледнев, вскричал капитан.

— Да, Великий Бобр пришел сюда для этого, — ответил индеец. — Разве бледнолицый начальник не ждал его?

Молния, упавшая к ногам капитана, не могла бы более ужаснуть его, чем эти спокойно произнесенные слова, подчеркнутые насмешливой улыбкой.

Индеец продолжал:

— Уже прошло три дня, как бледнолицый начальник завладел развалинами и Домом Монтесумы. Доверяя начальнику, вождь позволил

ему разбить лагерь на этой равнине. Бледнолицый начальник помнит, какие условия поставил ему вождь?

— Я обязался, — холодно ответил капитан, положив незаметно руку на саблю, — передать донью Линду в ваши руки, если вы мне дадите право в течение трех дней производить работы по моему усмотрению.

— Вождь выполнил эти условия?

— Да.

— Вождь ждет пленницу, которую бледнолицый ему продал, — она принадлежит вождю.

— Боже!.. — в бешенстве закричал капитан. Индеец жестом прервал его и, рванув дверь, сказал:

— Пусть бледнолицый одумается. Пленницу требует не только вождь, но и все племя вождя!

Капитан оцепенел от ужаса. Он понял, что побежден.

Через открытую дверь, при бледном свете луны, он увидел индейских воинов, мрачных и угрожающих, тесными рядами окруживших дом.

— Пусть она уезжает! — произнес он задыхающимся от гнева голосом. — Она свободна.

Потом, через мгновение, добавил угрожающе:

— Хорошо сыграно, вождь, но я возьму реванш! Индеец, не отвечая, подошел к молодой девушке

и взял ее за руку.

— Мы еще увидимся, сеньор француз! — Со сдержанным бешенством сказал капитан уходившему дону Луису.

— Надеюсь, кабальеро, — просто ответил тот.

— Да, мы увидимся, несчастный, и, клянусь богом, скоро! — вскричал дон Энкарнасион, стремительно ворвавшись в комнату.

Но взгляд вождя удержал его. Зачем начинать ссору теперь, когда донья Линда спасена!

— А-а! Это заговор! — прошептал дон Горацио, взбешенный от сознания своего поражения, но вынужденный склониться перед явной силой.

Молодые люди презрительно пожали плечами и, даже не удостоив его словом, вышли из комнаты.

А через несколько мгновений отряд уже мчался во весь опор прочь из лагеря.

XXI. Рекогносцировка

Капитан дон Горацио де Бальбоа бесспорно был мужественным человеком; в его натуре были и пороки, и очень крупные — например, омерзительная жадность и отсутствие порядочности в поступках; но бывали в его жизни моменты,

когда он проявлял безрассудную отвагу и смело рисковал своей жизнью; этим он заслужил среди своих людей репутацию отличного солдата.

Если на этот раз он сравнительно легко уступил требованиям Мос-хо-ке, то произошло это в силу очень серьезных причин: во-первых, его захватили врасплох; во-вторых, его окружили враги; он был один, их — много. Поняв, что борьба безрассудна, он, подобно лисице, преследуемой охотниками, схитрил, сделал вид, что уступает добровольно, но в душе поклялся, что возьмет у них, так или иначе, блестящий реванш.

Горацио де Бальбоа не скрывал от себя, что понесенное им поражение весьма серьезно и что отъезд, или, вернее, освобождение доньи Линды лишает его последнего шанса на успех в задуманном деле.

Дон Горацио похитил донью Линду с целью добиться от нее, добровольно или силой, разоблачения тайны императоров инков. Он не побоялся ей в этом признаться с грубой, почти циничной откровенностью.

Теперь, когда молодая девушка была возвращена отцу, всякая надежда когда-нибудь завладеть сокровищем ускользнула от капитана. Совершенный им бесчестный поступок не принес ему

никакой пользы. А хуже всего было то, что его, как ребенка, обвел вокруг пальца индеец, которого он почти не считал человеком.

Но дон Горацио был наделен незаурядной энергией и железной волей.

Такие люди, к сожалению, часто встречаются в жизни: они одинаково расположены к добру и злу, и, если вступают на какую-нибудь дорогу — будь она хороша или плоха, не колеблются, никогда не возвращаются назад, а продолжают упорно свой путь, фатально ведущий в пропасть.

Капитан недолго находился в угнетенном состоянии; наступила реакция, и он поднялся со своего места — еще более уверенный и решительный, чем всегда.

Камеристка доньи Линды, забытая всеми участниками предыдущей сцены, испуганная и дрожащая, сидела, съежившись в углу комнаты.

Когда капитан поднялся, его первый взгляд случайно упал на нее; дьявольская мысль прорезала его мозг и злая улыбка искривила губы.

— Что вы там делаете? — с иронической вежливостью спросил он. — Вы забыли, что можете понадобиться вашей госпоже? Убирайтесь отсюда, да поживей!

Бедная молодая девушка смотрела на него ис-

пуганными глазами.

— Что я должна делать, сеньор? — еле слышно прошептала она.

— Догоняйте ее, черт возьми!..

— Одна, ночью в темноте… не зная даже, в каком направлении ее искать… ваша милость?..

— Не желаете ли, принцесса, чтобы я предоставил вам конвой?

Молодая девушка залилась слезами.

Наступило молчание.

Вдруг капитан ударил себя по лбу.

— Хвала богу! — прошептал он. — Это идея! Кто бы ни послал мне ее, небо или ад, — безразлично!

И он быстро обратился к молодой девушке:

— Осушите ваши слезы, красавица, и приготовьтесь следовать за мной.

— Следовать за вами, ваша милость? — спросила она. — Куда же, бог мой?

— К вашей госпоже, — усмехнувшись, сказал дон Горацио.

И, оставив бедную девушку в полном смятении, он вышел из дому и направился в кораль.

В корале, расположенном позади дома, за деревянной изгородью помещалось около двухсот пятидесяти лошадей, принадлежавших гамбу-

синос.

Дон Горацио накинул лассо на ближайшую к двери лошадь, оседлал ее, обмотал копыта бараньими шкурками, чтобы заглушить шум ее шагов, вывел из кораля и привел к дому.

— Вы готовы, мое милое дитя? — спросил он, открывая дверь.

Молодая девушка отшатнулась, вся дрожа.

— Чего вы боитесь? Подойдите, говорю же я вам! Не бойтесь, я хочу проводить вас к вашей госпоже, черт возьми! — с усмешкой добавил он. — Ведь я обязан оказать любезность этой благородной сеньорите.

Молодая девушка поняла: сопротивление бесполезно, она должна повиноваться. Завернувшись в плащ, она вышла из дома, мысленно моля бога о помощи, — она была уверена, что идет на смерть.

Капитан вскочил на лошадь.

— Поставьте вашу ногу на мой сапог. Дайте мне руку… Садитесь позади меня… Вот так. Теперь зацепитесь за мой пояс и крепко держитесь, потому что — клянусь богом! — это будет такая прогулка, которую вы, моя милая, запомните на всю жизнь!

Молодая девушка все выполнила с послуша-

нием ребенка, даже не пытаясь понять, чего от нее требуют.

— Хорошо, — сказал он. — Вы готовы?

— Да, — еле слышно прошептала она.

— Тогда в путь! — воскликнул дон Горацио и вонзил шпоры так сильно, что лошадь поднялась на дыбы от боли, а затем помчалась, как стрела.

Ночь была темна, в небе не мерцало ни одной звезды. Быстро плывущие облака беспрестанно закрывали собою луну, бледный, непостоянный свет которой только подчеркивал тьму.

Отчаянный ветер мрачно завывал, он поднимал в воздухе вихри пыли, ослеплявшие лошадь и ее всадника.

Издали, на востоке, слышалось хриплое мяуканье ягуаров и пантер, на которое, как зловещее эхо, отвечал прерывистый лай койотов и красных волков.

В деревне прекратился шум, все огни погасли; гамбусинос, большей частью пьяные, спали крепким сном.

Был слышен лишь вой бродячих собак, попадавшихся на пути дона Горацио.

Через несколько минут капитан оставил далеко позади себя хижины искателей золота и очутился на равнине.

Тут он на несколько секунд остановился. Ему нужно было собраться с мыслями. В пустыне, где нет проложенных дорог, легко заблудиться. Капитан хотел сразу же найти верную дорогу. Только мгновение длилось его колебание. С проницательностью людей, привычных к жизни в прериях, он быстро уяснил положение и решительно направился к лесу, где действительно был разбит лагерь ранчерос.

Мы не станем уверять читателя, что в душе дона Горацио пробудилось чувство человечности, когда он решил отвезти молодую девушку к ее госпоже, — нет, дон Горацио в своем роде был человек необыкновенный, он не мог руководствоваться такими мелкими соображениями. Ему просто хотелось узнать, где находятся его враги и сколько их. Если же он увез с собой молодую девушку, то лишь потому, что надеялся сделать ее своей невольной сообщницей в предпринятой рекогносцировке.

В течение следующих десяти минут капитан продвигался очень осторожно, шагом; он почти достиг границы лагеря. Наклонившись вперед, прислушиваясь к каждому звуку, который доносился к нему мимолетным ветерком, он настороженно вглядывался в темноту.

И наконец сквозь густой кустарник, немного вправо от него, мелькнул красноватый свет, сверкнувший, как падающая звезда.

Капитан продвинулся еще немного вперед, с еще большей осторожностью; огонь усилился, и вскоре стало очевидно, что это горит костер.

— Я знал, что выслежу их, — прошептал испанец. Доехав до песчаного холмика, он остановился, сошел с лошади и сказал девушке:

— Мы приехали, сойдите с лошади. Молодая девушка покорно повиновалась.

— Слушайте меня хорошо, дитя, — продолжал дон Горацио, крепко схватив ее за руку. — Не вздумайте забыть то, что я вам сейчас скажу! Речь идет о вашей жизни!

— Приказывайте, я все исполню, — придушенным от ужаса голосом ответила несчастная девушка.

— Хорошо. Видите вы этот свет? Там, перед вами, в лесу?.

— Вижу.

— Это лагерный костер. В лагере укрылись ваши друзья. Там же находится и ваша госпожа. Не более ста шагов отделяют вас от нее. Без страха идите вперед и смело отвечайте тем, кто вас будет спрашивать.

— Что я должна ответить?

— Правду. Скажите, что я сам проводил вас к лагерю. Вы меня хорошо понимаете, не правда ли? Помните: никаких уловок!

— Хорошо, я скажу.

— Слушайте дальше: поднимайте шум, кричите, зовите на помощь! Я вам разрешаю это. Пусть часовые вас заметят и поднимут тревогу… Мне нужно еще раз повторить или нет? Подумайте, прежде чем ответите. Поняли вы меня?

— Да, сеньор.

— Хорошо. Я честно выполнил обещание. Теперь идите, и да поможет вам бог или дьявол! Что касается меня, я не намерен больше здесь оставаться. Мое дело сделано, я возвращаюсь в деревню.

Молодая девушка боязливо и нерешительно пошла по направлению к лагерю.

Следивший за ней капитан мгновенно бросился к ней.

— Вы пойдете быстрее, лентяйка?! Или хотите, чтобы я вам пустил пулю в голову?! — угрожающе закричал дон Горацио, поднимая пистолет.

Бедная девушка, крича от ужаса, бросилась бежать.

— Так-то лучше! Теперь они ее услышат, если

не оглохли! — смеясь, произнес капитан.

Спрятав револьвер за пояс, он вскочил на лошадь и укрылся за песчаным холмиком.

Его хитрость увенчалась успехом.

Лагерь был окружен тройной цепью часовых; при первом же крике молодой девушки, как из-под земли, появились два человека; подскочив к бегущей девушке, они остановили ее.

Почти обезумев от страха, бедняжка упала на колени, прося пощады.

В тот же миг сбежались люди, зажглись факелы, и эта часть равнины, такая пустынная и темная еще мгновение назад, оказалась освещенной, как днем, и заполненной людьми.

Молодую девушку подняли и повели в лес; огни исчезли, снова наступили мрак и безмолвие.

— Черт возьми! — усмехаясь, произнес капитан. — Моя хитрость удалась: эти глупцы показались мне, как на параде. Теперь нельзя терять ни минуты! Я хочу устроить им достойный прием, они такого, пожалуй, и не ожидают. Хвала богу, я еще не побежден!

И, пригнувшись в седле, он поскакал во весь опор. Сзади раздались ружейные выстрелы и послышался свист пуль.

— Опоздали, господа! Теряете напрасно порох

— птичка улетела! — насмешливо вскричал испанец.

Через двадцать минут он был уже в своем лагере и соскочил с лошади у Дома Монтесумы.

Поставив лошадь в кораль, не теряя ни одной минуты, он поспешно разбудил двенадцать преданных ему гамбусинос, живших в нескольких шагах от его дома.

Когда они собрались в той комнате, где еще недавно был сервирован обед, он обратился к ним без вступления:

— Друзья! Время дорого! Выслушайте меня: нас предали. Нам казалось, что тайной клада владеем только мы. Кому-то она стала известна. Кто эти люди, не знаю, но уверен, что они намерены на нас напасть и воспользоваться нашими трудами. А между тем успех, который должен увенчать наши усилия, так близок!

Гневный ропот пробежал по рядам гамбусинос.

Капитан продолжал:

— Вы знаете, мои друзья, что мы ищем здесь. Вам я без колебаний доверил мою тайну. Я был уверен, что могу положиться на вас. Ответьте же мне: отдадите ли вы без борьбы это сокровище, которое, быть может, завтра будет в наших руках,

или вы станете защищать его, как настоящие мужчины?

— Прежде всего, капитан, мы хотим знать, существует ли вообще это сокровище? — заметил старик гамбусино. — Подумайте, вот уже три дня мы роем землю, как кроты, но вы сами видите, что до сих пор, несмотря на все наши усилия, нет никакого признака, что мы на верном пути.

— Сокровище существует! — горячо воскликнул капитан. — Я в этом уверен. Оно огромно, неисчислимо! Я жду вашего решения. Колебание невозможно, отвечайте!

— Сокровище принадлежит тому, кто открыл его, это закон пустыни, — сказал тот же самый гамбусино. — Во имя бога, оно будет нашим, потому что мы первые начали его искать.

— Значит, друзья, вы решили защищаться, если посмеют напасть на вас? — радостно вскричал капитан.

— Конечно, — ответили они, — и, черт возьми, мы будем биться насмерть!

— Хорошо, друзья! Благодарю вас! Я вижу, что не ошибался в вас, и вы мне преданы.

— О! Разрешите, сеньор дон Горацио де Бальбоа, — снова поднял голос тот же старый гамбусино. — Здесь дело не в преданности. Давайте

договоримся, чтобы избежать всякого недоразумения в будущем. Речь идет только о том, чтобы мы должны найти то огромное богатство, которое было потеряно для мира в течение ряда веков.

— Да, — насмешливо улыбнувшись, сказал испанец, — найти то богатство, которое всех вас обогатит при дележе. Старый гамбусино презрительно пожал плечами.

— Полноте, капитан! — сказал он. — Видно, вы совершенно не знаете искателей золота, настоящих гамбусинос! Научитесь нас понимать и прежде всего знайте, что бог создал нас, именно нас, чтобы открывать богатства, зарытые в недрах земли, и заставлять их блестеть на солнце! Золото проходит через наши руки, но не остается в них. Настоящий гамбусино должен жить и умереть бедным. Его назначение — обогащать мир, ничего не сохраняя для себя.

Капитан был поражен, услышав такое необыкновенное заявление. А между тем это была совершенная правда. Гамбусинос действительно таковы. Всю свою жизнь они с лихорадочной горячностью ищут золото, но стоит им обнаружить его, как тотчас оно теряет всякую ценность в их глазах, и они равнодушно покидают открытый ими тайник, чтобы приняться за поиски следу-

ющего.

Этот факт наблюдался тысячи раз.

После небольшой паузы капитан заговорил:

— Мне безразлично, почему вы решили драться. Мне важно одно: вы будете бороться?

— Да, насмерть!

— Вот и все, что мне нужно. Идите разбудите скорей товарищей и приступайте к делу. Мы должны с восходом солнца быть готовыми отразить атаку врагов.

— Будет так! — ответили они. — Рассчитывайте на нас, капитан.

И они вышли.

— Черт возьми! — воскликнул капитан, со скверной улыбкой потирая руки. — Если эти безумцы так презирают богатство, тем лучше! В таком случае, сокровище целиком достанется мне одному. Черт возьми, мне это нравится!

После этого дон Горацио де Бальбоа наспех поел — обед оставался нетронутым на столе — и быстро покинул дом. Он хотел поторопить людей и убедиться в том, что все отданные им приказания исполнены.

Капитан испытал уже на себе решительность и смелость своих врагов и не хотел быть вторично захваченным врасплох, особенно сейчас, когда

благодаря занятой им выгодной позиции у него были все шансы на успех.

Через час чрезвычайное оживление царило в лагере гамбусинос.

Воодушевленные общим интересом, обитатели деревни работали с большим подъемом. Они хотели так укрепить лагерь, чтобы он стал неприступным даже в случае нападения на него еще более значительных сил, чем те, которые им угрожали в данный момент.

XXII. Совет

Никакими словами нельзя передать радость дона Энкарнасиона Ортиса, когда он наконец опять увидел свою невесту.

И донья Линда, еще недавно такая несчастная, а теперь свободная и окруженная друзьями, боялась поверить в эту внезапную и счастливую перемену. Из ее глаз катились слезы радости. Она не находила слов, чтобы поблагодарить своих спасителей и сказать им, что она испытывает, находясь под их защитой.

Даже дон Луис Морен, удивленный неожиданным исходом своего отважного поступка, смотрел на всех вопросительно, как бы не понимая, что

произошло.

Только вождь команчей сохранял полное спокойствие духа и ясность ума. Он понимал, что далеко еще не все кончено. Достаточно было одного слова дона Горацио, чтобы сбежались послушные ему бандиты, а в этом случае счастливый результат смелой попытки ставился под угрозу.

Не теряя ни одной минуты, Мос-хо-ке отдал приказ, и весь отряд с невероятной быстротой пронесся через деревню и бешено помчался к лесу, служившему ранчерос убежищем.

Там дон Рамон со слезами на глазах обнял молодую девушку. Он усадил ее рядом с собой около костра и заставил рассказать до мельчайших подробностей все, что произошло с момента похищения ее капитаном Горацио де Бальбоа.

Дон Энкарнасион, слушая рассказ Линды о перенесенных ею жестоких страданиях, не мог удержаться от яростных клятв отомстить дону Горацио.

Сидевшие у костра вдруг услышали резкие крики со стороны равнины.

В первую минуту все подумали, что это атака бандитов.

Но при появлении служанки, приведенной,

или, вернее, принесенной в полуобморочном состоянии, все разъяснилось.

Когда бедная девушка, благодаря умелым заботам доньи Линды пришла в себя, она стала отвечать на все обращенные к ней вопросы.

Сейчас было уже поздно преследовать капитана. Удивляясь дерзости капитана де Бальбоа, все понимали в то же время, что против такого противника необходимо удвоить меры предосторожности, а не надеяться на счастливый случай.

Что касается доньи Линды, еле стоявшей на ногах от усталости и пережитых волнений, она удалилась со своей служанкой в приготовленный для нее шалаш.

Когда девушки скрылись, дон Энкарнасион и дон Луис, не сговариваясь, молча поднялись и легли у входа в шалаш, завернувшись в свои плащи.

Дон Рамон Очоа и вождь команчей остались одни у костра.

Вскоре лагерь затих; индейцы и ранчерос погрузились в глубокий сон.

Только двое мужчин, не смыкая глаз, как бдительные часовые, охраняли этот спящий лагерь.

Прошло несколько часов; дон Рамон и Мос-хоке не обменялись ни одним словом.

Наступил рассвет.

Горизонт стал окрашиваться в опаловый цвет.

Медленно поднялся густой туман и сгустился над Рио Хила в сероватые облака.

Вдруг, как бы из-под земли, в двух шагах от Мосхо-ке появился воин и молча стал перед ним.

Вождь поднял голову и, устремив свой орлиный взгляд на индейца, сказал:

— Хорошо! Мой сын Антилопа возвратился! Где находятся белые, которых вождь поручил ему охранять?

— Бледнолицые слепы ночью. У них медленный шаг, — ответил воин. —Антилопа их обогнал, чтобы предупредить вождя. Они прибудут сюда немного позднее восхода солнца.

— Начальник Седая Голова с ними?

— Да. Один бледнолицый воин, который присоединился к отряду до захода солнца, сообщил ему, без сомнения, важные новости, потому что начальник Седая Голова немедленно ускорил движение вперед.

— Лошадь моего сына устала?

— Нет. Если мой отец хочет, она еще может сделать большой путь.

— Мой сын осмотрел лагерь; он должен вернуться и рассказать Седой Голове о том, что он

видел.

Воин молча поклонился и тотчас исчез. Мос-хо-ке легко коснулся руки дона Рамона, от усталости заснувшего на несколько минут.

— Что случилось? — спросил дон Рамон, открывая глаза.

— Ничего, — спокойно ответил вождь, — в лагере все в порядке. Один из воинов Мос-хо-ке известил его, что начальник Седая Голова скоро прибудет. Нет ли каких-нибудь распоряжений у моего брата по этому поводу?

— Никаких. Мне неизвестны намерения дона Хосе, поэтому я ничего не могу брать на себя. Ведь он один имеет право давать приказания, нам лучше послать разведчика к развалинам — пусть он разузнает, каковы намерения капитана Бальбоа и какие предосторожности принял он в ожидании атаки.

— Мой брат дал мудрый совет. Этим разведчиком будет Мос-хо-ке.

— Вы, вождь? Мне кажется, что для этой разведки было бы достаточно одного из ваших воинов.

— Мой брат понимает, что в серьезных обстоятельствах вождь должен все видеть своими глазами. Мос-хо-ке пойдет сам.

— Хорошо. Так, конечно, будет лучше. Вчераш-

няя ночная разведка меня беспокоит. Капитан Бальбоа — храбрый солдат и находчивый человек, этого отрицать нельзя. Он готовит нам в этот момент какую-нибудь штуку в его духе! Тем более что он знает — пощады от нас ему не ждать!

— Хорошо. Пусть мой брат будет спокоен — вождь увидит все.

Мрак к этому времени рассеялся. На горизонте горела утренняя заря. Несколько раз подряд раздалось грустное уханье совы.

Не прибавив больше ни слова, вождь поднялся, стянул на себе покрепче пояс, дружески попрощался с доном Рамоном, подошел к лошади, вскочил на нее и галопом помчался с лужайки.

Этот звук разбудил молодых людей. Подбежав к дону Рамону, они стали расспрашивать его о причине внезапного отъезда индейца.

Дон Рамон в нескольких словах рассказал им о том, что произошло. И только начал говорить о скором прибытии дона Хосе Морено, как вдруг послышался стук копыт, и на лужайке показался сам дон Хосе, сопровождаемый многочисленным отрядом всадников.

Друзья радостно бросились к нему навстречу.

— Где же моя дочь, сеньоры?! — дрожащим голосом воскликнул дон Хосе.

— Я здесь, отец! — раздался голос доньи Линды, и она выбежала из шалаша.

— Ты снова со мной, дитя мое! Моя дорогая дочь! — вскричал дон Хосе, соскочив с лошади и горячо обнимая Линду.

На какое-то мгновение дон Хосе забыл все свои горести.

— О! Это ты! — повторял он с неизъяснимым восторгом. — Это ты! Наконец ты со мной!

— Да, отец, благодаря этим преданным друзьям! — Она ласково указала на молодых людей, смотревших на нее с нежной улыбкой.

— Да вознаградит их бог! — воскликнул старик, не в силах удержать слез. — Увы! Только с его помощью я смогу отблагодарить их за то, что они для меня сделали!.. Простите, сеньоры! — сказал он, обращаясь к растроганным свидетелям этой сцены. — Простите мне мою слабость, но мое дорогое дитя, мою дочь похитили, а теперь я вновь нашел ее! Ведь я думал, что она потеряна для меня навсегда! Дайте мне выплакаться, я должен излить свои чувства. Сейчас я только отец, и я прошу у вас несколько минут. Потом, клянусь вам, я снова стану воином!

Офицеры молча поклонились и ушли, чтобы отец и дочь могли свободно отдаться своей ра-

дости.

Между тем наступил день. Пылающее солнце поднялось на горизонте.

Ранчерос и индейские воины занялись чисткой лошадей и приготовлением завтрака; в лагере царило крайнее оживление: все понимали, что с минуты на минуту должны произойти важные события.

Во время этих приготовлений на лужайке появился вождь команчей; индеец был так же спокоен и холоден, как и до своего отъезда. Между тем его костюм был забрызган пятнами крови и два еще дымящихся скальпа висели у его пояса.

— О! — воскликнул Энкарнасион. — Мне кажется, вождь, что вам удалось близко видеть наших врагов!

— Испанцы — псы, они не умеют беречься! — холодно ответил индеец. — Мос-хо-ке захватил врасплох двух испанских часовых.

Индеец соскочил с лошади и, отстранив рукой собравшихся вокруг него индейцев и ранчерос, отошел в сторону с двумя молодыми офицерами и доном Рамоном.

— У вас есть новости, вождь? — спросил бывший алькальд.

— Да, — лаконично ответил индеец.

— Важные?

— Да… Однако начальник Седая Голова уже давно должен быть здесь. Очень странно, что его нет.

— Он прибыл более получаса назад.

— Тогда почему его нет на собрании начальников?

— Потому… — ответил дон Хосе, подходя к ним, — потому, что я — отец, и счастье вновь найти свою дочь заставило меня на несколько минут обо всем забыть. Теперь я готов вас слушать и действовать как воин.

— Начальник мудр, — сказал индеец. И все они сели вокруг костра.

Мос-хо-ке вытащил из-за пояса трубку, набил табаком и, взяв уголек из костра, зажег ее; затем в течение нескольких минут он молча курил.

Потом Мос-хо-ке вынул трубку изо рта и предложил ее дону Рамону. От дона Рамона трубка перешла по очереди ко всем другим. Все курили, не произнося ни одного слова, пока весь табак не был сожжен. Тогда вождь вытряхнул пепел в огонь, спрятал трубку за пояс и, сложив руки на груди, стал ждать, чтобы к нему обратились.

Дон Хосе Морено, индеец по происхождению, уважал все обычаи краснокожих. Взглядом он дал

понять своим друзьям, что нельзя выказывать никакого удивления, — наоборот, надо отнестись к этой церемонии очень просто.

Дон Хосе в течение нескольких минут тоже не нарушал молчания; казалось, он задумался. Затем он поднял голову и торжественно обратился к индейцу:

— Теперь, вождь, скажите, какие новости вы принесли нам об испанском капитане?

— Эти новости и хороши и плохи, смотря по тому, как посмотрит мой отец, — поклонившись, ответил индеец. — Воины испанца рыли всю ночь рвы и окопы вокруг лагеря, в середине которого стоит Большой Дом. Человек двадцать лучших стрелков — в засаде; они спрятались на крыше за связками прутьев и за корзинами с землей. Около сорока всадников готовы к вылазке. Кроме того, у испанца есть по крайней мере месячный запас провианта и боевых припасов. Он не только не боится нашей атаки, он ее ждет. Он уверен, что сможет легко разбить ваш отряд.

— Значит, у него целая армия, — насмешливо заметил дон Хосе, — если он задумал такие смелые планы!

— Испанец потерял больше половины своих солдат во время урагана в пустыне. Но теперь у

него гамбусинос — сто двадцать пять человек. Испанский капитан случайно встретил их здесь при поисках клада. Значит, у гачупинов сейчас триста воинов. Они вооружены огнестрельным оружием и умеют с ним обращаться. Испанец заключил союз с племенем ягуаров. Это воинственное и могущественное племя грозного народа апачей. Ягуары стоят лагерем в горах, в двух часах отсюда. Они прибудут в Большой Дом до захода солнца.

— Гм! Все это очень серьезно! — сказал дон Рамон.

— Очень серьезно, — холодно подтвердил дон Хосе. — Итак, это все силы, которыми располагает капитан? — спросил он у вождя.

— Да, все, — ответил тот. Наступило молчание.

Четыре человека выжидающе смотрели на старика. Наконец он заговорил.

— Приготовьтесь внимательно слушать то, что я вам скажу, — торжественно сказал он, — потому что от исполнения моих приказаний зависит успех нашей экспедиции!

— Говорите.

— Капитан дон Горацио де Бальбоа стоит во главе двухсот пятидесяти бандитов, гамбусинос и испанцев. Если присоединить сюда три сотни

воинов из племени ягуаров, это составит пятьсот пятьдесят человек. Нас — и белых и краснокожих — только двести двадцать человек. Но зато мы все полны решимости и самоотверженности. Капитан же может довериться только небольшому количеству воинов. Большая часть их убежит, когда увидит, что дело становится опасным. Я понимаю, что человек восемьдесят или сто из этих висельников храбры, но только тогда, когда они надеются на богатую добычу. Сражаться во имя славы они не любят. С этими вы легко справитесь. Остаются воины-апачи. Прежде всего неизвестно, придут ли они. Если они и придут, то в последний момент, как хищники, чтобы схватить часть добычи и прикончить побежденного, кто бы он ни был. Итак, по-моему, вот что нужно делать: вы, дон Рамон Очоа, во главе шестидесяти воинов нападете на окопы с фронта. Вы завяжете с гамбусинос ружейную перестрелку и довольно длительную, чтобы они поверили в серьезность атаки. Вы, дон Луис Морен, и вы, дон Энкарнасион Ортис, каждый с двадцатью воинами, будете производить такие же ложные атаки с флангов, но не продвигаясь, однако, настолько, чтобы ввязаться в бой. Вождь оставит здесь десять своих воинов, чтобы охранять и защищать мою дочь.

Сорок индейцев под водительством Антилопы будут следить за движением апачей. Шестьдесят воинов под командой дона Кристобаля Нава образуют резерв, который сможет броситься туда, где только будет в этом нужда. Но помните: прежде чем вы все не увидите на крыше Большого Дома знамени независимости Мексики, не идите в наступление! А, увидев знамя, бросайтесь вперед, — и победа будет за нами!

— Но вы, дон Хосе… каковы ваши намерения? — спросил дон Энкарнасион Ортис.

— Пусть это не беспокоит вас, мой друг, — уклончиво ответил старик. — Я буду на развалинах прежде всех вас.

— А Мос-хо-ке? — спросил индеец. — Разве моему отцу Седой Голове нечего приказать своему сыну?

— Вы останетесь со мной, вождь, — ответил дон Хосе, сердечно протягивая ему руку.

— Мос-хо-ке благодарит своего отца! — с радостной улыбкой ответил индеец.

— Я сохранил для вас и для себя, вождь, наиболее трудную и опасную задачу.

— Мой отец добр. Мос-хо-ке его благодарит, — повторил вождь.

— Теперь, сеньоры, — добавил дон Хосе, обра-

щаясь к молодым людям, — за дело! Да поможет нам бог!

Три офицера немедленно поднялись, чтобы стать во главе назначенных им отрядов.

Дон Хосе Морено и вождь команчей остались одни.

Через несколько минут краснокожие и ранчерос под командой своих начальников покинули лужайку и галопом поскакали в прерию.

И только десять воинов-команчей в полном вооружении и военной одежде стояли неподвижно, подобно бронзовым статуям, ожидая повелений дона Хосе Морено и вождя Мос-хо-ке.

XXIII. Развязка

Когда лужайка опустела, дон Хосе Морено, оглянувшись вокруг, убедился, что все ранчерос уже далеко. Тогда он наклонился к уху вождя и сказал голосом слабым, как дуновение ветерка, несколько слов; потом поднялся, медленно направился к шатру и скрылся за серапе, заменявшим дверь.

Мос-хо-ке знаком подозвал одного из команчей, который тотчас же приблизился и почтительно остановился перед ним.

— Пусть мои воины оставят здесь, под охраной

часового, своих лошадей! — приказал Мос-хоке. — Они им не понадобятся.

Индеец передал этот приказ своим товарищам; все быстро спешились и привязали лошадей к стволам деревьев. Один воин с ружьем в руке остался сторожить лошадей.

Из шатра вышел дон Хосе.

Глаза старика были влажны, лицо бледно. Он только что простился со своей дочерью. Донья Линда, не выдержав, выбежала вслед за ним из шатра и, зарыдав, бросилась опять в его объятия.

Дон Хосе Морено, поддавшись чувству отцовской любви, прижал дочь к груди; но через мгновение ласково отстранил ее и сказал задрожавшим от волнения голосом:

— Мужайтесь, дитя мое! Бог видит мои мысли! Молитесь обо мне, он услышит вашу молитву!

В этот момент воздух огласился ружейными выстрелами.

Битва между ранчерос и гамбусинос началась.

Дон Хосе быстро подошел к вождю команчей и тихо сказал ему:

— Вождь, наступил наконец час, когда я должен вам все сказать. Выслушайте меня: я удержал вас подле себя, потому что люблю вас, хочу доказать мое доверие и вознаградить вас за искреннюю

преданность моей семье. Я посвящу вас в тайну, известную лишь мне одному.

Мос-хо-ке не сказал ни слова; на его лице, всегда спокойном, отразилось необычайное волнение; нервная дрожь потрясла его, две слезы медленно скатились по щекам.

— Во имя неба, что с вами, вождь? — вскричал дон Хосе Морено. Он был удивлен и даже испуган, увидев Мос-хо-ке, всегда спокойного и хладнокровного, в таком взволнованном состоянии.

— Мос-хо-ке видит… — ответил индеец задыхающимся голосом, преклонив колено и целуя руку старика, — Мос-хо-ке видит, что его отец Седая Голова — настоящий потомок сыновей Солнца! Слова, которые он произнес, для Мос-хо-ке — самая больная награда за его преданность! А теперь пусть отец мой выслушает одно признание.

— Говорите, вождь. Что вы хотели сказать?

— Тайну, которую отец мой считает никому не известной, знает еще один человек.

— Это правда? — побледнев, вскричал старик. — А вы знаете этого человека?

— Да, вождь его знает, отец мой! Этот человек — Мос-хо-ке!

— Вы! — с нескрываемой радостью вскричал дон Хосе.

— Эта тайна сохранена в вампуме[124], и вожди племени владели ею поочередно. Но пусть мой отец успокоится: он найдет сокровище неприкосновенным. Команчи знают, что оно не принадлежит им, что оно только доверено им. Они бережно охраняли его.

— Вождь, вы мудрый человек и верный друг! Вот вам моя рука! Вы не только мой друг, вы мой брат! — А теперь пойдем, мы не можем терять ни одной минуты.

— Куда хочет направиться мой отец?

— К озеру дель Лагарто, в подземелье, которое так давно таит сокровище императоров инков.

— Мос-хо-ке идет вслед за отцом.

И они быстро удалились в сопровождении девяти воинов-команчей.

С равнины непрерывно доносилась ружейная пальба; время от времени к ней примешивались крики страдания и гнева.

— Вождь, — сказал дон Хосе, — я предоставляю вам честь быть нашим проводником.

Довольная улыбка промелькнула на строгом лице вождя; вместо ответа он стал во главе группы.

---

[124] Примечания: 124

Вампум (инд.) — ожерелья, пояса и различные украшения из раковин и бус. Индейцы пользуются ими в качестве писем.

Оставив за собой лужайку, они пошли по индейскому способу, то есть гуськом, и, став спиной к саванне, повернули направо. Они углубились в часть леса, такую густую, что могли продвигаться, и то с большими трудностями, только при помощи топоров и ножей.

Внезапно перед ними возникла громадная расщелина — два километра в длину и триста метров в ширину; в глубине ее была видна гниющая зеленая вода, на поверхности которой, греясь на солнце, плавали безобразные кайманы, похожие на высохшие стволы деревьев.

Это и было озеро дель Лагарто, или Кайман.

Индейцы довольно долго шли по берегу озера вслед за вождем. Уверенность и быстрота, с какой подвигался вперед Мос-хо-ке, показывали, что эти пустынные края ему хорошо знакомы.

Все индейцы и даже дон Хосе Морено были вооружены длинными гибкими прутьями. Ими они обшаривали кусты вокруг себя и убивали злобно шипящих змей, поминутно выскакивающих из чащи, служившей им пристанищем.

Приблизительно через полчаса они дошли до пригорка, покрытого густой травой, с несколькими мощными деревьями.

— Вот и теокали[125], — сказал дон Хосе.

— Да, — подтвердил вождь.

Мос-хо-ке наклонился и быстро нашел почти невидимую пружину, нажал ее — огромный камень бесшумно повернулся кругом и раскрыл вход в подземелье.

По знаку вождя индейцы без колебания вошли в зияющее отверстие; потом вождь привел в действие внутреннюю пружину, и камень стал на свое место.

Подземелье шло слегка отлого вглубь на громадное расстояние под землей; оно было настолько широко, что шесть человек могли шагать в ряд, и настолько высоко, что везде можно было стоять во весь рост; искусно расположенные отверстия давали возможность воздуху и свету проникать в подземелье.

Снова впереди стали Мос-хо-ке и дон Хосе, и все пошли тем ускоренным шагом, каким обычно ходят краснокожие и с которым трудно соперничать идущей рысью лошади.

Через пятнадцать минут этого быстрого хода они вошли в большую круглую комнату, вдоль стен которой стояло шестнадцать сундуков. Они

---

[125] Примечания: 125

Теокали — постройки древних месиканцев.

были из красного дерева; это род дерева, которое даже время, этот великий разрушитель всего существующего, оставляет нетленным.

Вождь остановился и стал поднимать одну за другой крышки сундуков. Дон Хосе Морено увидел, что каждый из них доверху наполнен бледно-желтой пылью, тусклой и землистой, напоминающей высохшую размельченную смолу гуммигутового дерева.

Это было золото.

Его было не менее чем на шестьдесят миллионов пиастров, то есть приблизительно на триста миллионов франков.

Дон Хосе и индейцы равнодушно смотрели на этот металл, хотя он обладает гибельным могуществом сводить с ума даже очень мудрых людей.

Несколько минут дон Хосе Морено стоял, скрестив на груди руки и пристально глядя на лежащие перед ним огромные богатства, слабо блестевшие в сумерках подземелья. Потом он снял шляпу и низко поклонился воинам-команчам.

— Благодарю вас, братья мои! — сказал он. — Благодарю за непоколебимую верность, с которой в течение столетий ваши отцы хранили сокровище императоров инков! Настал наконец тот день, о котором говорил последний из сынов Солнца! Эта масса золота, лежавшая во тьме, даст свободу расе, так долго бывшей под игом победителей. Господство наших тиранов окончено! Благодаря вашей преданности родине тираны будут навсегда изгнаны с этой земли, на которой в течение трех веков проливалась, как вода, кровь наших отцов! Слава вам, вождь Мос-хо-ке и воины-команчи! Когда все рушилось вокруг вас, когда наша национальность не существовала более, когда

наша раса была под угрозой полного уничтожения, вы верили в предсказания ваших отцов и не теряли надежду возродить нашу родину!

— Ваша милость, — с достоинством ответил вождь, — команчи — потомки инков, они сыновья Кактуса и Грифа. Разве они могут отречься от своего происхождения?

— Это верно. Команчи — благородный и великий народ! Им одним будет принадлежать честь освобождения нашей родины.

Дон Хосе взял на ладонь несколько зерен золота, посмотрел на них с выражением горькой печали и выпустил их. Они проскользнули между пальцами и упали в сундук.

— Пути господни неисповедимы! — со слезами в голосе прошептал он. — Ведь именно для того, чтобы завладеть этим металлом, тираны давили нас своим неумолимым игом, избивали, как диких зверей. И этот же самый металл, которого они так хищно добивались, каждая частица которого запятнана кровью, будет единственной причиной их гибели!

— Так хотел Ваконда — он справедлив, — глухо ответил вождь. — Это страшный закон возмездия.

На несколько минут воцарилось молчание;

наконец дон Хосе поднял голову и решительно сказал неподвижно стоявшему подле него Мос-хо-ке:

— Мы должны идти. Нас призывает другая забота. Вождь небрежно опустил крышку сундука, и смелые исследователи вышли из круглой комнаты.

Подземелье, которое до сих пор опускалось отлого по бесконечным извилинам и поворотам, вдруг приняло другое направление и стало подниматься к поверхности земли.

Галереи скрещивались, переплетались; однако вождь нигде не останавливался и не замедлял шага. Можно было подумать, что невидимая нить ведет его через лабиринт, безвыходный для любого другого.

Шум сражения отчетливо доносился до слуха индейцев и дона Хосе Морено. Над головой у них раздавался страшный грохот мчавшихся галопом лошадей, крики и ружейные выстрелы.

Внезапно Мос-хо-ке остановился. Дону Хосе показалось, что они подошли к концу подземелья и выхода из него нет. Но индеец наклонился, соскреб своим ножом землю с выступавшего в виде бугорка камня и сильно надавил на него каблуком; стена над камнем, сделав полный поворот,

открыла широкий проход; теперь все они очутились в небольшом, низком и сыром подвале.

Мос-хо-ке открыл источенную червями дверь. Вся группа, неожиданно для нее, вошла в ту комнату, где происходила сцена, рассказанная нами в одной из предыдущих глав.

В комнате царил страшный беспорядок, и она была пуста.

Дон Хосе Морено и Мос-хо-ке, тихо обменявшись несколькими словами, расстались.

Мос-хо-ке, взяв с собой двух воинов, спрятался в засаду позади двери, ведущей в соседнюю комнату.

Дон Хосе Морено, в сопровождении остальных индейцев, пройдя через всю комнату, взобрался по приставленной лестнице и неожиданно появился на асотее[126], где человек двенадцать гамбусинос, стоя на коленях за бруствером, яростно стреляли в ранчерос.

Ударом ноги дон Хосе Морено отбросил лестницу в комнату и, став во главе индейцев, с боевым криком бросился на гамбусинос.

Внезапно атакованные с тыла, впавшие в ужас при виде чудом появившихся новых врагов, гам-

---

[126] Примечания: 126
Асотея (исп.) — плоская крыша.

бусинос сдались почти без сопротивления.

Дон Хосе Морено, став на краю крыши, развернул хранившееся у него за поясом мексиканское знамя, привязал его к своему ружью и поднял вверх.

При виде флага ранчерос и команчи, нетерпеливо ожидавшие этого сигнала, в могучем порыве бросились на укрепления, желая ворваться со всех сторон одновременно. Тогда началась настоящая битва.

Дон Горацио де Бальбоа с момента атаки все время находился рядом со своими солдатами, подавая им пример мужества. Внезапно он заметил, что ружейный огонь с крыши прекратился. Заподозрив измену, он побежал в дом. Но не успел он переступить порог двери, как три человека разом набросились на него.

Капитан обладал богатырской силой, поэтому, даже захваченный врасплох, он стал отчаянно защищаться. Было мгновение, когда ему показалось, что он может считать себя победителем.

Ударом шпаги убив одного индейца, почти задушив второго, он набросился на Мос-хо-ке. В борьбе они оба упали на землю. И тут капитан внезапно почувствовал, что кто-то отрывает его от Мос-хо-ке и валит на пол.

Это был второй индеец, почти удушенный капитаном; придя немного в себя, он яростно бросился на дона Горацио.

Мос-хо-ке поднялся и поспешил на помощь индейцу. После долгой борьбы им удалось вдвоем преодолеть отчаянное сопротивление испанца и связать ему ноги и руки.

Наконец тигр был укрощен.

Мос-хо-ке с помощью воина поднял по приставной лестнице пленника на асотею.

В это время ранчерос и краснокожие воины, на помощь которым пришел резерв дона Кристобаля Нава, энергично штурмовали укрепления. В нескольких местах им даже удалось вскарабкаться на стены и вторгнуться внутрь дома. К тому же непонятное отсутствие капитана в момент самой ожесточенной битвы нанесло роковой удар защищавшимся гамбусинос.

Увидев развевающееся мексиканское знамя, гамбусинос — мексиканцы по происхождению и патриоты в душе — почувствовали, что их мужество ослабевает. Соединившись вместе и единодушно подняв свое оружие, с криками: «Да здравствует родина!» — они примкнули к ранчерос, став против своих прежних соратников — солдат капитана.

Испанские солдаты, в большинстве своем бандиты, отверженные людьми, понимали, что они не могут надеяться на милость своих противников. Поэтому они стали драться с еще большей силой не для того, чтобы победить, — они знали, что сражение уже проиграно, — но чтобы продать свою жизнь за дорогую цену.

Национальная ненависть еще яростнее разжигала гнев сражающихся, делала битву ужасной, обращала ее в бойню, в резню…

Упавший человек не успевал подняться — его тут же безжалостно добивали.

Воины-апачи показались на опушке саванны, но, как и предвидел дон Хосе Морено, они сразу поняли, что вторжение для них невыгодно; промчавшись во весь дух по равнине, они исчезли в лесу, даже не попытавшись принести помощь своим союзникам.

В это же время сражавшиеся солдаты дона Горацио увидели на асотее своего начальника, взятого в плен мексиканцами, связанного по рукам и ногам.

Оружие выпало из их рук, они стали умолять о пощаде своих противников.

Последние, упоенные битвой, оставались глухи к их мольбам и перебили всех до одного. Больше

сражаться было не с кем, живым остался только один капитан.

По окончании битвы дон Хосе Морено разрешил гамбусинос уйти. Они искупили свою вину, отделившись от испанцев и помогая ранчерос победить. Отпущенные на свободу, гамбусинос исчезли в направлении Рио Браво.

Тогда, согласно страшному закону возмездия, существующему в пустыне, в Большом Доме Монтесумы собрался совет для суда над доном Горацио де Бальбоа.

В совете участвовали: дон Хосе Морено как председатель совета, дон Энкарнасион Ортис, дон Луис Морен, дон Рамон Очоа, дон Кристобаль Нава, вождь Мос-хо-ке и вождь Антилопа.

С капитана сняли веревки. Под охраной двух ранчерос он подошел к судьям.

В тот момент, когда дон Хосе Морено хотел начать допрос, дверь открылась и появилась донья Линда.

Ее приход изумил всех присутствующих.

Молодая девушка приблизилась к трибуналу и, дрожа от волнения, обратилась к отцу:

— Отец мой, я пришла просить вас об этом человеке! Вы не можете быть судьей в деле, которое так близко касается вас. Я верю, что ваше серд-

це слишком великодушно, чтобы вы решились мстить за личную обиду. Перед вами офицер короля. Он в ваших руках, вы его победили. Прошу вас, смотрите на него не как на преступника, а как на несчастного противника! Предоставьте богу наказать его!

— Дочь моя… — сурово начал дон Хосе. Но капитан жестом прервал его.

С той секунды, когда дон Горацио осознал себя пленником, он почувствовал, что в нем происходит нечто совершенно новое для него. Нельзя сказать, чтобы он стал менее мужественным или что он ощутил страх смерти. Нет, наоборот! Но испытанное им поражение, гибель всех надежд и мечтаний, с которыми он так сжился, сломили энергию этого могучего организма. Он понял ужас совершенных им преступлений для достижения цели, ускользнувшей от него навсегда. Понял свою чудовищную неблагодарность по отношению к человеку, которому был всем обязан. Он признал справедливость обрушившихся на него ужасных ударов! Сейчас смерть ему казалась искуплением, он хотел умереть.

— Сеньоры, — с достоинством сказал он, — я благодарю вас за то, что вы не откладываете суда надо мной! Каков бы ни был ваш приговор, я

признаю его заранее справедливым, потому что вы являетесь орудием божьей мести. Это не вы меня караете, а бог!

Обернувшись к донье Линде, он почтительно поклонился ей и сказал:

— Сеньорита, ваши слова — мой смертный приговор. Человек, который виновен в таком преступлении, какое я совершил против вас, недостоин жить! Простите меня! Да благословит вас бог!

И прежде чем могли угадать его намерение и помешать ему, он быстрым движением выхватил кинжал у ранчеро, вонзил себе в грудь и мертвый упал к ногам доньи Линды.

Он сам себе вынес смертный приговор.

***

Через два месяца после этих событий шестьдесят миллионов пиастров золоте были внесены доном Хосе Морено в кассу мексиканского конгресса. Через восемь дней полковник Итурбиде[127], до этих пор один из самых ожесточенных противников мексиканской революции, поднял против Испании знамя независимости и утвердил окончательную победу мексиканцев по Игуальскому договору.

Сбылось предсмертное предсказание императора инков: благодаря его сокровищам испанцы были изгнаны из страны, которую они так тяжко угнетали в продолжение трех столетий.

В тот день, когда генерал Итурбиде вступал в Мехико, будущую столицу республики, праздновали свадьбу доньи Линды и дона Энкарнасиона Ортиса.

Дон Луис Морен, дон Рамон и дон Кристобаль Нава были свидетелями при заключении брач-

---

[127] Примечания: 127

Августин де Итурбиде (1783—1824) из корыстных и честолюбивых целей помог борцам за независимость Мексики (1819), добился провозглашения его императором (1821). Когда конгресс убедился в реакционных намерениях Итурбиде, последний был расстрелян в 1824 году.

ного договора.

Мос-хо-ке присутствовал при свадебной церемонии рядом с доном Хосе Морено, который в один и тот же день отпраздновал победу родины и счастье дочери.

Выйдя из церкви, дон Луис стал прощаться с друзьями.

Напрасно они пытались его удержать подле себя: все их уговоры терпели неудачу.

— Но что же вы хотите делать, наконец? — спросил Энкарнасион. — Куда вы уезжаете?

— Мой дорогой Энкарнасион, — с обаятельной улыбкой ответил дон Луис, — Мексика свободна, вы счастливы, не правда ли?

— Конечно! — воскликнул Энкарнасион.

— А я — нет, признаюсь в этом. С тех пор как я увидел пустыню, вдохнул в себя запах саванн, жизнь в городе давит меня, а цивилизация утомляет.

— Вы безумец!

— Нет, я мудр. По крайней мере, я так считаю.

— Итак, вы хотите…

— Я хочу, — перебил дон Луис, — пожить теперь для себя, после того как я столько времени жил для других. Мина умер, вы женаты, я остался один. Наш друг Мос-хо-ке сегодня же вечером

возвращается в прерии. Я предложил сопровождать его. Мы отправимся вместе. Мы будем говорить о вас, мой друг. Кроме того, я оставляю вам мое сердце, вы для меня — все, что я люблю. Если когда-нибудь я вам понадоблюсь, вы меня немедленно увидите подле себя. Не старайтесь меня удерживать — это бесполезно: мое решение принято окончательно.

В тот же день дон Луис Морен покинул Мексику и отправился в прерии с Мос-хо-ке, великим вождем команчей.

Быть может, когда-нибудь мы его снова встретим в пустыне!..

Конец

История Мексики и романы Г. Эмара

История Мексики драматична, как история всякой страны, угнетенной завоевателями и веками боровшейся за независимость.

Большая, плодородная, высокоразвитая страна в конце XVI века подверглась разбойничьему нападению конкистадоров Кортеса, которые кровью и железом подчинили ее Испании. Памятники древней культуры племен майя и ацтеков были разграблены или бессмысленно уничтожены. Высокая цивилизация ацтеков была растоптана сапогами колонизаторов. Испанцы превратили мексиканских индейцев в рабов, добывавших под плетью надсмотрщиков золото и серебро, которыми богата Мексика. Не прекращавшиеся в течение трех столетий восстания и отчаянные попытки свергнуть испанское иго были безуспешны. Испания цепко держалась за свою богатейшую колонию.

Но в начале XIX века, в период формирования новых буржуазных отношений, в период крушения некогда могущественных феодальных государств, всю Южную Америку охватило пламя войны за освобождение от ига Испании (1810—

1826).

В Мексике в этот период поднялось массовое крестьянское движение.

В истории Мексики навсегда запечатлелось солнечное утро 16 сентября 1810 года, когда соборный колокол в селе Долорес зазвонил, призывая к восстанию против «гачупинов» (испанцев).

Звонил в этот колокол престарелый священник Мигель Идальго.

Впервые в Латинской Америке восстали против испанских притеснителей не помещики и офицеры — креолы, а коренное население страны: крестьяне — индейцы и метисы.

Отовсюду к Идальго стекались тысячи вооруженных ножами, пращами и пиками земледельцев. Индейская армия шла вперед, через равнину, окружающую город Гуанахуато, уничтожая чиновников, помещиков и испанские гарнизоны. По сути дела это была индейская революция — восстание веками угнетенного народа против свирепых завоевателей, преемников Кортеса и его хищных рыцарей. Рабочие серебряных рудников, находившиеся в полурабском состоянии, сломали машины на рудниках и бросились на город Гуанахуато. Через несколько часов город пал. Другие города и форты сдавались повстанцам

без боя. Идальго шел прямо на столицу страны — Мехико.

Звук колокола из Долорес разнесся по всей стране. Организовывались партизанские отряды под руководством крестьян, деревенских священников, погонщиков мулов, бывших солдат и даже монахов. Против испанского правительства возмутился весь север Мексики. Идальго отменил взимавшуюся с индейцев дань, вернул индейским общинам давно отобранные у них земли, освободил негров-рабов.

Судьба столицы висела на волоске. Но Идальго сделал ошибку: он побоялся занять город Мехико и вернулся в Гуанахуато. Реакция получила передышку. Креолы — потомки испанцев — перебежали на сторону «гачупинов». Все эти люди — большей частью буржуазия, помещики и офицеры — были напуганы размахом народного движения. Испанский вице-король перешел в наступление, пушки грянули (у повстанцев не было артиллерии), и крестьянская армия стала таять. В конце 1810 года Идальго вынужден был бежать на север. Он надеялся пробраться в Техас с остатками своей армии, но по дороге был предан офицером-креолом и казнен.

Дело Идальго, однако, не погибло. Его продол-

жал Морелос.

Идальго и сам был по происхождению креол. Морелос же был сыном индейца-пастуха и негритянки. В юности он был батраком и погонщиком мулов. Случай помог ему попасть в церковное училище, и он сделался, как Идальго, деревенским священником. Услышав «клич из Долорес», Морелос немедленно примкнул к восстанию. Но, в отличие от Идальго, он был гораздо более одаренным военачальником и организатором. Он продолжал войну с «гачупинами» к югу и западу от Мехико и освободил громадный район.

После взятия большого порта и крепости Акапулько Морелос сделал крупнейший шаг, на который не мог решиться и Идальго: он провозгласил республику, равенство рас, раздел помещичьих и церковных земель, конфискацию имущества богачей и отмену привилегий духовенства и офицеров. Был созван конгресс, который выработал конституцию. По существу, идеи Морелоса были программой мексиканских реформаторов в течение всего XIX века.

Но восстание шло на убыль. Креолы предательски поддерживали испанцев. Армия революции таяла и все больше лишалась источников снабжения и боеприпасов. Войска карателей, во главе

которых стоял офицер-креол Итурбиде, наносили Морелосу удар за ударом. Республиканский конгресс переезжал из одного города в другой. Итурбиде свирепствовал. Он казнил пленных и вырезал целые деревни. В конце 1815 года Морелос вместе с членами конгресса попал в окружение и, чтобы спасти конгресс, навлек на себя врагов. Он был взят в плен и доставлен в Мехико.

Популярность этого народного вождя была так велика, что испанцы не сразу решились его казнить. Тюремщик предлагал ему бежать, но это должно было стоить жизни тюремной страже — и Морелос отказался. Его тайно расстреляли за городом.

Вместе с Морелосом сражались революционеры более молодого поколения, которым суждено было сыграть большую роль в истории страны: Матаморос, братья Галеано, Гвадалупе Виктория и Висенте Герреро. Гвадалупе Виктория впоследствии стал первым президентом Мексиканской республики.

Восстание масс было жестоко подавлено. Против революционеров объединились и испанские завоеватели и местные, мексиканские, помещики-сепаратисты, которые согласны были терпеть

испанцев, лишь бы не отдать землю крестьянам. Несмотря на неудачу восстания Идальго-Морелоса, корни испанского владычества были серьезно подорваны, и в 1821 году мексиканские плантаторы и помещики свергли испанского вице-короля и изгнали испанцев из Мексики. На этот раз во главе мексиканской освободительной армии стоял полковник Итурбиде.

В 1822 году Итурбиде провозгласил себя императором Мексики, но вскоре был свергнут, и Мексика была объявлена федеративной республикой. Именно этот период мексиканской истории и описывает Густав Эмар в серии романов, посвященных истории Мексики.

Густав Эмар (1818—1883) прожил бурную, полную приключений жизнь. Еще в юные годы, увлекаемый страстью к путешествиям, он нанялся юнгой на торговый корабль и на много лет покинул родную Францию. В странствиях по Южной и Северной Америке, Африке, Кавказу писатель приобрел большой жизненный опыт, богатый запас наблюдений.

Но больше всего Эмара привлекала Мексика, бурные события, связанные с борьбой народа за освобождение от испанских колонизаторов. В Мексике Эмар жил долго, изучая быт и нравы

индейских племен. Вместе с ними он совершал опасные путешествия в тропические леса и пустынные прерии, переносил трудности и опасности кочевой жизни.

По возвращении во Францию Эмар принял активное участие в революционных событиях 1848 года, а после политического переворота Наполеона III опять уехал в Южную Америку, где совершил ряд опасных экспедиций в малоисследованные области страны.

Уже на склоне лет, в 1870 году, во время франко-прусской войны, Эмар организовал добровольческий отряд «вольных стрелков» (фран-тиреров) из французских писателей и самоотверженно дрался с прусскими войсками, вторгшимися во Францию.

Литературную деятельность Густав Эмар начал в 50-х годах XIX века. Плодовитый писатель выпускал в свет один за другим приключенческие романы, в которых главным образом рассказывал о наиболее интересных наблюдениях и фактах своей бродячей жизни.

Он написал более пятидесяти романов, некоторые из них были очень популярны и переведены на многие языки. Так, на русском языке в 80—90-х годах появилось все лучшее, что было написано

Эмаром. Любители такого рода литературы сравнивали Эмара не только с таким популярным писателем, как Майн Рид, но даже с Фенимором Купером.

Чем же объясняется интерес французского писателя к Мексике, к ее быту, нравам, истории? Был ли этот интерес только литературным? Привела ли Эмара в Мексику только страсть к путешествиям или поиски необычного, экзотического литературного материала?

Ответ на этот вопрос дает сам Густав Эмар в первой главе романа «Гамбусино». Он пишет: «Мы не имеем обыкновения писать предисловия к нашим книгам. Но в данном случае многие люди просят дать им сведения об этой столь отдаленной и малоизвестной стране».

Это была эпоха пресловутой «мексиканской экспедиции» Наполеона III — франко-англо-испанской интервенции, пытавшейся пресечь развивавшееся в Мексике революционное движение и вновь превратить ее в европейскую колонию путем создания марионеточного государства во главе с австрийским принцем Максимилианом Габсбургом, которого Наполеон III провозгласил императором Мексики. История неудавшейся мексиканской экспедиции была только звеном

в цепи колониальных экспедиций Наполеона «маленького».

И естественно, что французский читатель был живо заинтересован в сведениях о стране, куда французские колонизаторы посылали умирать его соотечественников. Романы Эмара отвечали на этот вопрос, хотя и не прямо, потому что в основном рассказывали о событиях предшествующей исторической эпохи. Писатель и сам принимал некоторое участие в мексиканской экспедиции французской армии.

Казалось бы, можно трактовать его романы как звено агитационной подготовки французской интервенции в Мексике, как призыв колонизовать эту страну. Однако это было бы несправедливо и неверно.

Конечно, как творчество, так и мировоззрение Эмара противоречивы и непоследовательны. Конечно, в его книгах наличествуют и некоторые колонизаторские тенденции, но вместе с тем у него сильны симпатии к освободительному движению 1810—1821 годов, которому и посвящены лучшие его романы. Эмар осуждает испанских колонизаторов, прямо говорит о грабительской роли Кортеса в истории Мексики, отмечает высокий уровень древней мексиканской цивили-

зации, с любовью повествует об обычаях и нравах свободолюбивых индейцев — коренных хозяев страны, возмущается тем, что проникновение испанской цивилизации привело индейские племена к гибели и деградации. Но вместе с тем он не в силах разобраться в сложном узле исторических противоречий, которые привели к тому, что помещики — асиендадос, — боровшиеся вместе с крестьянами против испанского владычества, тотчас же после изгнания испанцев жестоко расправились со своими вчерашними союзниками. Отношения между землевладельцами и золотопромышленниками с одной стороны и эксплуатируемым ими народом — с другой Эмар рисует в патриархальных, идиллических тонах. Помещики, крестьяне и кочевые индейские племена в романах Эмара не разделены какими бы то ни было противоречиями — они не только союзники, но и друзья. Здесь Эмар идет против исторической правды.

Но это не значит, что Эмар не испытывает глубокого уважения к древней культуре мексиканских племен. Он возмущается тем, что колонизаторы клевещут, изображая мексиканских индейцев людьми низшей, выродившейся расы, он подчеркивает честность, благородство и

свободолюбие индейских племен.

В своих романах он создает идеальные образы честных и свободолюбивых индейцев. Здесь он следует за Купером, подражателем которого Эмар несомненно является.

Только в начале XIX века, когда появились исторические романы Вальтера Скотта, а вслед за ними романы Купера, возник интерес к подлинной истории, этнографии, быту и нравам малоизвестных и неизученных племен. Поэтому «Последний из Могикан» Купера и был первым романом, посвященным подлинной Америке, впервые рассказавшим о племенах, ее населяющих, рассказавшим достоверно и интересно.

С Купером сближает Эмара этнографический интерес, страсть к точным описаниям природы, географии и психологии индейцев. От Купера заимствует Эмар способы изображения своих индейских героев, стиль и манеру рассказа.

Купер был зачинателем такого рода романа, сочетавшим приключения с этнографическими и географическими сведениями. Творчество Эмара несет на себе следы и других влияний. В его романах эти влияния очень сильны, и этим его произведения отличаются от всегда точного и пренебрегающего романтическими эффектами

Купера.

Эмар находился под влиянием французского романа-фельетона, печатавшегося в газетах из номера в номер. Мастерами такого романа, тяготеющего к бульварной мелодраме, были отчасти Дюма и главным образом Эжень Сю, Феваль, Монтепен. Об их чуждых историзму, изобилующих ложной романтикой и дешевыми положениями романах замечательно писал М. Горький в своих воспоминаниях.

Их современник Эмар зачастую находился под сильным влиянием подобной литературы. Сюжеты его романов не всегда правдоподобны, большей частью искусственны. Из-за этого подчас подлинные исторические факты отходят на второй план, уступая место эффектам «романтического» вымысла.

Так, в романе «Твердая Рука», время действия которого относится к периоду североамериканской интервенции в Мексике, к эпохе, когда североамериканцы грабительски захватили большую часть территории Мексики, обойдены эти исторические факты. Правда, Эмар не может не отметить начало зарождения капиталистических отношений в некогда патриархальной и феодальной стране. Не случайно злодеем и граби-

телем в романе является крупный землевладелец и банкир сенатор Контрерас, источником состояния которого были грабежи и убийства. Таков же и его подручный, очевидно американец (судя по имени), Кидд, готовый ради денег на любое убийство и предательство. Стоит сравнить эти персонажи с героями романа «Гамбусино», где золотоискатели говорят, что они добывают золото не для того, чтобы пользоваться благами его обладания, чтобы стала ясна разница отношений в стране в 1821 и в 1847 годах (время действия «Твердой Руки»). Это свидетельствует о том, что Эмар нередко чутко и верно подмечает подлинные черты времени.

Но вместе с тем сюжеты его романов зачастую условны. Он не мастер психологии, герои его романов порою однообразны, а их приключения иногда заимствованы из арсенала бульварной литературы. Таков, например, в «Твердой Руке» мотив вражды двух братьев, один из которых предает другого, а потом мучается раскаянием; таково раскаяние злодея дона Бальбоа в «Гамбусино», не мотивированное предыдущими поступками этого героя. Характерно, что во многих романах повторяется один и тот же мотив: чудесный клад древних ацтеков и их император

Монтесума. В «Твердой Руке» — это тайна золотых приисков, а в «Гамбусино» — спрятанные сокровища. Героев Эмара иногда окружает таинственность. Таков таинственный персонаж, несущий в себе загадку своего происхождения, — сам «Твердая Рука» в одноименном романе, таков в «Гамбусино» дон Луис Морен, выходец из Франции, прибывший в Мексику только для того, чтобы отдать себя борьбе за ее свободу. Можно предположить, что в этом образе, кстати переходящем из романа в роман, Эмар хотел изобразить себя в романтически приукрашенном виде.

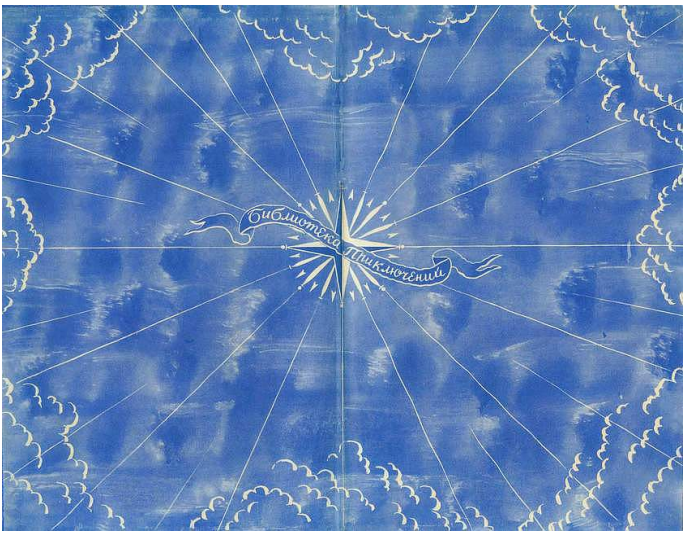
Но, несмотря на некоторые наивности и несовершенства, на неясность и противоречивость политической позиции, романы Эмара имеют свои достоинства. И если учесть, что уже целое столетие этот писатель является одним из любимых рассказчиков для юношества во всем мире, если учесть несомненно искреннее свободолюбие Эмара и его уважение к борьбе и жизни коренного населения Мексики, если учесть, наконец, что его романы типичны для литературы приключений, знакомство с его творчеством советского молодого читателя представляется желательным.

Романы Г. Эмара дают нашей молодежи воз-

можность ознакомиться не только с творчеством одного из наиболее известных представителей «приключенческого жанра», но и узнать многое о замечательной эпопее борьбы свободолюбивого мексиканского народа с угнетателями.

В этом смысле произведения Густава Эмара имеют не только развлекательное, но и познавательное значение. Нет сомнения, что, прочитав романы Г. Эмара, наши читатели заинтересуются Мексикой, ее древней культурой, ее вековой героической борьбой за свободу.

В. Вайншток


Библиотека Приключений